3 1761 08106704 3

3
25634

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1892.

МАЙ.

2.Эк.

Москва.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. СТАРЫЕ СЧЕТЫ. Повѣсть. Конецъ первой части. Гл. VI—VIII. **Н. Д. Ахшарумова** 5

II. ВЪ ТУРКМЕНІИ. (Путевые очерки.) Гл. IV—VII. **Е. Л. Маркова**..... 47

III. ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ. Гл. VII — IX. **М. П. Соловьева.** 110

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Z**... 149

V. ОТОЛЬЮТСЯ ВОЛКУ ОВЕЧЬИ СЛЕЗКИ. (Посвящается графинѣ Аннѣ Христофоровнѣ Деляновой.) **Графиня Лидія Андреевна Ростопчина**... 150

VI. ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО. Соч. **Рене Базена.** (Переводъ съ французскаго.) ....

VII. ЗАРАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ ВЪ МОСКВѢ. Гл. II. **А. Г. Петровскаго**..... 234

VIII. НАШИ ИЛЛЮСТРАТОРЫ. Гл. I—VII. **С. Васильева**... 252

IX. КЪ ИСТОРІИ ОКРАИННО-РУССКАГО БЫТА И КОЛОНИЗАЦІИ XVII—XVIII ВѢКА. **И. И. Дубасова**..... 269

X. РОЗА ЦЕТИНЬИ. Романъ **Е. Вальдъ-Зедвица.** (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. IV—V..... 292

XI. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ И УПРАВЛЯЕМЫЕ АЭРОСТАТЫ. **Кн. Д. Н. Цертелева**..... 323

XII. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо V. **Г. Вельшингера**..... 336

XIII. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Н. Д. Кашкина**..... 348

XIV. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Золотая свадьба короля Христіана и королевы Луизы.—Анархисты и отношеніе къ нимъ печати.—Прусскіе аэростаты. — По поводу отчета гр. Бобринскаго.—Генералъ Грессеръ.—Толки о виталинѣ. 354

XV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Л. Н. Воронова**..... 377

XVI. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) I. *Русскій Художественный Архивъ.* 1892, годъ первый, выпуски 1 и 2. II. *Голодному на хлѣбъ.* Альбомъ автографовъ писателей, художниковъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей. Изданіе газеты *Русская Жизнь* въ пользу голодающихъ. С.-Петербургъ, 1892. **С. Васильева**..... 399

2) Учебники зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній, изданные въ Россіи. **Н. Ю. Зографа**..... 414

3) I. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.* Т. 78—81. Спб. 1892. II. *Журналы Комитета Министровъ.* Т. I. и II. Спб. 1891. **П. В. Безобразова.** 43

4) *Неурожай и народное бѣдствіе.* С.-Петербургъ. 1892. Цѣна 2 рубля. **Л. Н. Воронова**..... 444

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

LIBRARY
DEC 10 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

AP
50
R86
v.3
no.8

СТАРЫЕ СЧЕТЫ.

Повѣсть.

VI.

Надежды честолюбивой издательницы сбылись. „*Починъ*“ по богатству и свѣжести содержанія, далъ значительно больше того, чѣмъ заурядъ довольствуется читатель, и несмотря на завпсть своихъ старѣйшихъ братьевъ, преслѣдовавшихъ его язвительными насмѣшками, сразу занялъ въ ряду ихъ почетное мѣсто. Съ финансовой стороны онъ, конечно, не совершилъ чудесъ, то-есть какъ домъ, или имѣніе, не воротилъ основной затраты, но по четвертому году подписка превысила годовой бюджетъ, оставивъ въ рукахъ у Варпавиныхъ чистый приходъ въ размѣрѣ почти 7% на вложенный капиталъ. Успѣхъ пришелъ вовремя, чтобъ избавить ихъ отъ долговъ, ибо въ рукахъ у нихъ, къ этому времени, оставался уже весьма небольшой резервъ. Наслѣдство Степана, если и не совсѣмъ улетучилось, то потеряло свой прежній, благонадежный смыслъ бумаги, гарантированной всѣмъ государственнымъ достояніемъ, и какъ корабль, покинувшій мирную пристань, стало предметомъ несчетныхъ тревогъ для своихъ обладателей. Въ немъ появились: приливъ и отливъ;—покупка цѣннаго беллетристическаго товара и ежемѣсячные разсчеты въ теченіе года опустошали кассу, а съ ноября по мартъ ея содержаніе снова расло, но все это было неустойчиво и подвержено колебаніямъ. Случалось: подписка, безъ всякихъ замѣтныхъ причинъ, шла туго, а иногда политическая погода хмурилась и

барометръ предсказывалъ штормъ. Тогда убирали верхніе паруса, а въ нижнихъ брались, что называется, „рифы“, то-есть (переводя на журнальный языкъ) снимали съ набора все, что̀ могло причинить неудовольствіе, а въ сомнительныхъ случаяхъ вычеркивали или смягчали. Случались и междоусобицы. Какое-нибудь оскорбленное самолюбіе, или тупая, партійная нетерпѣливость выскакивали изъ-подъ воротъ и поднимали лай. Къ нимъ приставала другая, третья, и если имъ удавалось вызвать отвѣтъ, то начиналась свалка. Варнавинъ, смолоду выдрессированный и отъ природы сильно вооруженный, меньше всего опасался подобныхъ дракъ, но именно тутъ, какъ мы увидимъ, и сдѣланы были имъ роковыя ошибки. Таланты и недостатки этого человѣка, его положительныя и отрицательныя черты почти въ одинаковой степени были виной, что онъ не примкнулъ ни къ какому лагерю и въ минуты, когда ему больше всего необходимы были союзники, оставался совсѣмъ одинъ. Схватки съ могущественными противниками, въ которыхъ онъ показалъ себя, если и не глубокимъ мыслителемъ, то во всякомъ случаѣ ѣдкимъ зоиломъ и маститымъ діалектикомъ, внушали ему самоувѣренность, доходившую до того, что онъ иногда безотчетно впадалъ въ догматическій топъ, а между тѣмъ, какъ скептикъ, Варнавинъ въ принципѣ былъ врагъ догматическихъ проповѣдей и жестоко осмѣивалъ ихъ у своихъ враговъ. Какъ всѣ публицисты шестидесятыхъ годовъ, безъ различія партій и направленій, Варнавинъ не выносилъ противорѣчія, не замѣчая, что самъ почти ежедневно противорѣчитъ себѣ. Практически чуткій ко всѣмъ перемѣнамъ погоды и вынужденный въ добавокъ, кредитомъ ему оказаннымъ, лавировать, онъ былъ однако же безпощаденъ къ подобнаго рода уступкамъ въ другихъ... Таковъ былъ Варнавинъ какъ публицистъ: надменный, самоувѣренный, недопускающій ни малѣйшаго возраженія, ни во что̀ и ни въ кого невѣрующій, весь сшитый изъ противорѣчій и самъ ежеминутно себѣ измѣняющій человѣкъ, онъ разумѣется не имѣлъ и не могъ имѣть ни одного независимаго союзника. Кто ненавидѣлъ его, а кто опасался и избѣгалъ; другіе отмалчивались и уступали, никто не вѣрилъ ему ни на грошъ. Консерваторы подозрѣвали въ немъ скрытаго анархиста, сторонники ни надъ чѣмъ не задумывающагося прогресса—замаскированнаго реакціонера. Всякому онъ когда-нибудь насолилъ и большинство выжидало только удобнаго случая, чтобы свести съ нимъ счеты. Въ такомъ одинокомъ и

неустойчивомъ положеніи благоразуміе требовало вести себя сдержанно, что̀ онъ и дѣлалъ на первыхъ порахъ; но по четвертому году, когда журналъ уже выдержалъ свой искусъ и надежды, что онъ провалится, не сбылись, противъ Варнавина началась безпощадная травля. Озлобленный до-бѣла, онъ пересталъ разбирать оружіе и минутами забывая противъ чего онъ поднималъ руку, видѣлъ только врага, котораго надо во что̀ бы ни стало разбить. Слабыя стороны атакующихъ были ему хорошо извѣстны, ибо не далѣе какъ вчера онъ говорилъ то же самое, но чтобъ ими воспользоваться, ему приходилось мѣнять ежедневно свой фронтъ, бросая одну позицію за другою, съ тѣмъ чтобы тотчасъ послѣ побѣды вернуться къ покинутой и показать, что онъ вовсе не думалъ ей измѣнять, а хотѣлъ только убѣдить противника, что онъ самъ не знаетъ, что̀ говоритъ. Но день ото дня этотъ маневръ становился труднѣе и шагъ за шагомъ Варнавинъ въ глазахъ своихъ бывшихъ друзей терялъ уваженіе. На него начинали смотрѣть какъ на хлёсткаго адвоката, которому все ни по чемъ, лишь бы выиграть дѣло, въ данный моментъ лежащее у него на рукахъ.—„Оппортюнистъ!“ презрительно отзывались о немъ одни.—„Зарвался!“ съ злорадною усмѣшкой намекали другіе... Два, три сотрудника изъ интранзигентовъ бросили его безо всякаго объясненія... Однако, побѣда, какою цѣной ни купленная, оставалась такъ часто за нимъ, и удары, которые онъ наносилъ, попадали такъ мѣтко въ цѣль, что громадное большинство читателей, для котораго сила имѣетъ неодолимое притяженіе, было рѣшительно на его сторонѣ. Варнавинъ торжествовалъ. Журналъ его былъ вездѣ, и ему сочувствовали, его одобряли даже въ высокочиновныхъ сферахъ, какъ органъ впервые имѣвшій смѣлость провозгласить открыто вещи, которымъ многіе въ тайнѣ души сочувствовали, но которыхъ никто до него не рѣшался сказать. Нужды нѣтъ, что онѣ испорчены были непріятными оговорками и останавливались какъ разъ тамъ, гдѣ желали бы услышать рѣшительный выводъ. Его понимали не такъ какъ онъ самъ бы желалъ, а такъ, какъ въ своихъ интересахъ считали удобнѣе понимать.

Успѣхъ журнала былъ обезпеченъ, а съ нимъ и мелкая экономія брошена. Лѣтомъ Варнавины занимали въ Павловскѣ щегольскую дачу, зимой имѣли ложу втораго яруса въ оперѣ и держали открытый столъ... Оклады въ редакціи выросли и въ ней заведена была новая, постоянная должность секретаря.

Послѣднюю занимала съ успѣхомъ бойкая и способная молодая дѣвушка, Варвара Ѳедоровна Клеванская,—живой портретъ Наташи, какою она была лѣтъ восемь тому назадъ. Это былъ тотъ же типъ, съ сильно выраженнымъ во всей наружности сангвиническимъ темпераментомъ; только чуть-чуть пониже ростомъ, и въ цвѣтѣ волосъ, въ зрачкахъ просвѣчивалъ золотой оттѣнокъ. Отецъ неохотно ее отпустилъ, жалуясь, что въ семействѣ уже и такъ слишкомъ много литературы, и что сестрѣ его, Марьѣ Лаврентьевнѣ, замѣнившей въ домѣ его покойницу, въ сорокъ пять лѣтъ не подъ силу за всѣмъ присмотрѣть одной, но въ тайнѣ души опасаясь, чтобы дѣвушкѣ, и безъ того уже ставшей въ открытую оппозицію съ отцовскимъ авторитетомъ, совсѣмъ не свертѣли голову. Экономическія соображенія и рѣшительное желаніе дочери, завѣтною мечтой которой съ дѣтства была общественная дѣятельность, однако, заставили его уступить. Варюшѣ было всего двадцать лѣтъ, но она успѣла уже, окончивъ курсъ гимназіи и пользуясь дружбой своей сестры съ профессорами, прослушать массу университетскихъ лекцій, по самымъ разнообразнымъ предметамъ;—присутствовала на всѣхъ редакціонныхъ совѣтахъ, съ жадностью слушая все, что при ней обсуждалось, и помня потомъ, отъ слова до слова, сказанное. Зависть и соревнованіе къ старшимъ у этой дѣвушки были безмѣрныя,—критика, которую она позволяла себѣ глазъ на глазъ между Наташею и Варнавинымъ, удивляла ихъ своею горячностью и незрѣлою, но страстною остротой. Варнавинъ часто надъ нею подсмѣивался, но реплики, которыя онъ получалъ, заставляли его подъ-часъ краснѣть своею мѣткостью. „Крайняя лѣвая“, какъ онъ прозвалъ ее, была дѣйствительно необузданная особа, и языческъ у нея порою рѣзалъ какъ бритва, но не взирая на то, въ редакціи и въ семьѣ всѣ любили ее за ея неподдѣльную живость и прямоту.

Совсѣмъ ребенокъ еще въ ту пору, когда Степанъ посѣщалъ ихъ въ Подъяческой, Варюша, однако, живо помнила его смуглую, привлекательную фигуру, а ласковое его вниманіе къ ней и пѣсни, которыя онъ пѣвалъ, глубоко запали ей въ душу. Позже, когда она подросла и въ состояніи была понимать кос-что изъ того, о чемъ говорили между собой старшіе, легенда, сложившаяся о немъ въ семействѣ, и дѣло, испортившее его судьбу, глубокое горе старшей сестры и романическіе разсказы о Новомъ Свѣтѣ, куда онъ уѣхалъ, и о великой войнѣ, въ которой при-

нялъ сторону угнетенныхъ,—все сдѣлало этого человѣка героемъ первыхъ ея дѣвичьихъ думъ. Скоро потомъ, когда ей было уже 16 лѣтъ, сестра сообщила ей и трагическую развязку. Съ тѣхъ поръ Почаевъ сталъ для нея предметомъ тайнаго культа и грезился ей въ сіяніи мученическаго вѣнца. Тайна оставленнаго имъ состоянія и годоваго дня, въ который Наташа съ мужемъ служили по немъ панихиду, были послѣднимъ изъ сдѣланныхъ ею открытій. Оно составило эпилогъ ея поэмы, послѣ котораго нечего было уже далѣе отъ нея скрывать, и ее начали брать съ собой на панихиды.

Глазъ-на-глазъ съ меньшою сестрой Наташа любила припоминать эпизоды изъ своего романа, но ихъ бесѣды не ограничивались одними воспоминаніями, и сестры, давая волю воображенію, повѣряли другъ другу свои мечты о томъ, какъ могла бы сложиться ихъ жизнь, еслибы Степанъ былъ живъ и вернулся раньше.

Какъ-то однажды, когда разговоръ принималъ подобное направленіе, Варюша вдругъ перебила сестру.

— Постой! сказала она со значительною миной,— я давно уже собираюсь тебѣ разсказать одну странную вещь... Это случилось въ театрѣ, помнишь, когда мы слушали *Гугенотовъ?*.. Опера уже кончилась и мы въ шубахъ шли внизъ. Вы съ Пьеромъ ушли впередъ, а меня задержала на поворотѣ густая толпа изъ верхнихъ ярусовъ, спускавшаяся на ту же площадку съ другой стороны, такъ что я васъ потеряла изъ виду и, осматриваясь, замедлила шагъ. Въ эту минуту сзади кто-то вполголоса произнесъ его имя!.. Я оглянулась, но продолженія не было и въ тѣснотѣ нельзя было разобрать кто говорилъ. Я слышала только два слова: „Степана Почаева“, но по какому поводу и въ какой связи, я и теперь не могу себѣ объяснить.

— Какой-нибудь старый товарищъ вспомнилъ, сказала Наташа, соображая вслухъ.— *Онъ* очень любилъ эту оперу... Она замолчала, стараясь скрыть свое впечатлѣніе, но Варюша прочла его цѣликомъ у нея на лицѣ.

— Отчего ты мнѣ не сказала объ этомъ раньше?

— Боялась напрасно встревожить тебя... Ты и теперь встревожена.

Наташа не знала что̀ отвѣчать.

— Признаться, мнѣ часто приходитъ въ голову, что онъ можетъ-быть еще живъ, продолжала Варя.—Списокъ убитыхъ, который вы видѣли, ничего не доказываетъ. Онъ составленъ былъ

по догадкамъ и не былъ, и не могъ быть провѣренъ ни до, ни послѣ конца войны, потому что мертвые не могли сказать именъ своихъ непріятелю, у котораго они остались въ рукахъ и который ихъ хоронилъ. Офицеръ не вернулся послѣ несчастнаго дѣла, значитъ убитъ. Конечно, это весьма вѣроятно, но это еще не очевидность. Полная очевидность была бы только тогда, если-бы кто-нибудь, хорошо знакомый, видѣлъ его между убитыми и узналъ.

Старшая слушала ее съ ужасомъ.

— Варя, мой другъ, это пытка! шептала она,—и что всего хуже—напрасная... Мало ли что и мнѣ приходило въ голову, прежде, четыре года тому назадъ, когда еще былъ какой-нибудь шансъ получить о немъ, или отъ него, извѣстіе. Но ихъ не было, а между тѣмъ, еслибъ онъ остался живъ, что помѣшало бы ему написать хоть нѣсколько строкъ?

Но Варя не унималась.

— На вашемъ мѣстѣ, сказала она,—я все-таки не оставила бы этого такъ, потому что... какъ знать?.. Послѣ такой продолжительной и жестокой войны мирный порядокъ не могъ возстановиться сразу. Трудно себѣ и представить все, что могло съ нимъ случиться... Онъ могъ быть раненъ и могъ быть въ плѣну... могъ быть забытъ при размѣнѣ плѣнныхъ... Могъ и писать, да письма могли не дойти... На вашемъ мѣстѣ я не оставила бы въ покоѣ ни консула, ни посольство, покуда тамъ, на мѣстѣ, не сдѣлали бы самаго тщательнаго разслѣдованія.

— Варя, ты обижаешь меня и мужа! Какъ ты могла допустить, чтобы мы оставили это такъ? Мы обращались въ военное министерство союза и въ банкъ, гдѣ онъ держалъ на счету свои деньги. Обѣщано было 2.000 долларовъ вознагражденія всякому, кто доставитъ о немъ какія-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія.

— Когда?

— Въ первое время послѣ войны... Но мы ждали напрасно... За десять мѣсяцевъ ни у его банкира въ Нью-Іоркѣ, ни въ министерство никто не явился и не было вообще никакихъ извѣстій.

— А позже?

— Позже? переспросила Наташа, вытаращивъ глаза.—Ну, позже, ты понимаешь, что у меня не осталось и тѣни чего-нибудь похожаго на надежду.

— Да вѣдь это было пять лѣтъ тому назадъ. Неужели же съ тѣхъ поръ вы не дѣлали больше ни шагу?

Сестра заплакала.

— Нѣтъ, отвѣчала она.—Не мучь меня долѣе, Варя!.. Мнѣ больно, невыносимо больно видѣть, что ты не вѣришь ни мнѣ, ни Петру. Точно какъ будто бы мы обрадовались, что сбыли, наконецъ, это дѣло съ рукъ!.. Неужели же ты думаешь, что еслибъ у меня оставалось какое-нибудь сомнѣніе, я бы бросила розыски?

— Деньги, стало-быть, не были переведены туда?

— Какія деньги?

— Да это вознагражденіе?

— Нѣтъ; въ консульствѣ полученъ былъ на этотъ счетъ отвѣтъ банкира. Онъ объяснялъ, что денежный счетъ Степана остался почти не тронутъ и что его за глаза достаточно, чтобъ уплатить и не такую премію, было бы только за что̀... „Еслибы, паче чаянья, пропавшій нашелся, писалъ онъ,—его друзья могутъ быть совершенно спокойны на счетъ его положенія здѣсь. Не только издержки его на мѣстѣ, но и возвратъ, еслибы потребовалось, на родину—обезпечены.“

— И послѣ того никакихъ извѣстій?

— Ни строчки!.. Но если тебя смущаетъ имя, слышанное въ толпѣ, то Пьеръ охотно напишетъ туда еще... Только теперь, ради Бога, кончи... Ты видишь сама, что я не въ силахъ объ этомъ долѣе говорить.

* * *

Мужу ея весьма не понравилось это вмѣшательство бойкой дѣвчонки въ дѣло, которое до нея не касается, но не желая, чтобъ его заподозрили въ равнодушіи и, опасаясь рѣзкаго языка этой особы, онъ заставилъ себя написать еще разъ въ Нью-Іоркъ, совершенно увѣренный, что изъ этого ничего не выйдетъ.

Однако,—и не такая увѣренность иногда ошибается! Отвѣтъ пришелъ раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, и вмѣсто нѣсколькихъ строкъ, занималъ четыре страницы кругомъ. Это одно уже нѣсколько удивило его. „Что̀ это значитъ? Неужели есть какія-нибудь извѣстія?“ думалъ Варнавинъ, развертывая письмо; но едва онъ успѣлъ заглянуть въ него, какъ что-то стукнуло ему въ голову и оттуда передалось на сердце. Онъ вздрогнулъ и блѣдный, какъ полотно, опустился на спинку креселъ; въ глазахъ у него зарябило: шкапы, потолокъ и стѣны, все колыхнулось и поплыло.

Письмо начиналось прямо съ „радостнаго“ извѣстія, что противъ всякаго ожиданія пропавшій безъ вѣсти наконецъ найденъ.

Мучительное предчувствіе какой-то неотвратимой бѣды сдавило Варнавину грудь и не дало дальше читать. Еслибы въ эту минуту портьера въ дверяхъ кабинета его распахнулась и вставшій изъ мертвыхъ Степанъ вошелъ, это едва ли могло бы усилить его смущеніе, къ которому, слѣдомъ за тѣмъ, примѣшалось еще и что-то въ родѣ укора совѣсти. „Что-жь это съ нимъ? Вмѣсто того, чтобъ обрадовать, какъ такое извѣстіе несомнѣнно обрадовало бы его лѣтъ пять назадъ, его стукнуло какъ полѣномъ въ лобъ!.. Можетъ ли быть, чтобъ это наслѣдство, доставшееся ему черезъ жену, въ пять лѣтъ успѣло такъ искалѣчить его, что онъ не находитъ больше въ себѣ самыхъ простыхъ и естественныхъ чувствъ?“... Но мысли его не въ силахъ были остановиться на этомъ вопросѣ и тотчасъ перескочили къ другому. „Въ правѣ или не въ правѣ былъ онъ считать это наслѣдство своею собственностью?“ Варнавинъ былъ не юристъ, но есть вещи и безъ спеціальныхъ знаній ясныя всякому, у кого есть въ головѣ хоть искра здраваго смысла. „Да, былъ бы въ правѣ, еслибы дѣйствительно это было „наслѣдство“; но отъ живыхъ людей не наслѣдуютъ... Даже еслибы компетентный судъ призналъ Наташу законною собственницей капитала ввѣреннаго ей на сохраненіе, разъ ошибка удостовѣрена, этотъ же судъ отмѣнилъ бы свое рѣшеніе и заставилъ его возвратить. Но никакого наслѣдства не признано было за ней. Оно было скрыто и такъ хорошо, что никто на свѣтѣ, кромѣ его съ женой, не зналъ о немъ ничего!“

Варнавина бросило въ жаръ. Предъ испуганною совѣстью его стоялъ неотразимый фактъ:—утайка и, слѣдомъ затѣмъ, растрата денегъ, принятыхъ отъ Степана на сохраненіе!.. Конечно, у нихъ есть консульское удостовѣреніе въ смерти вѣрителя и есть его подлинное письмо, въ которомъ ясно выражена его послѣдняя воля; но первое ничего не значитъ теперь, какъ бумага свидѣтельствующая о томъ, чего не было, а второе могло бы имѣть какой-нибудь смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ дѣйствительно былъ убитъ... Выходитъ чортъ знаетъ что!.. Выходитъ какъ будто бы смерть Степана была нужна ему и женѣ, чтобы завладѣть его состояніемъ!.. Недостаетъ бездѣлицы;—недостаетъ, чтобъ ихъ обвинили въ утайкѣ и присвоеніи денегъ, завѣдомо принадлежащихъ живому лицу!.. Ужасъ Варнавина, когда онъ дошелъ до подобныхъ соображеній, былъ безпредѣленъ. Онъ смутно напоминалъ чувство вора, которому только-что

снился успокоительный сонъ; снилось какъ-будто бы обокраденный имъ пріятель умеръ, не зная рѣшительно ничего объ его поступкѣ и передъ смертію завѣщалъ ему все свое состояніе... И вдругъ подобное пробужденіе!... Степанъ, на деньги котораго они основали журналъ, воскресъ, словно онъ только того и ждалъ, чтобъ они растратили его состояніе!... Но гдѣ же онъ прятался все это время? И какимъ чудомъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ живъ, о немъ не слыхать было ничего пять лѣтъ?"

Раздумывая объ этомъ, Варнавинъ поднялъ письмо, въ минуту перваго впечатлѣнія выпавшее изъ рукъ и прочиталъ его очень внимательно.

„Едва мы здѣсь получили ваше письмо, писалъ банкиръ,—какъ сдѣланы были новыя публикаціи, признаюсь, безъ малѣйшей надежды на положительный результатъ. Тѣмъ болѣе мы были удивлены, когда дня черезъ три, въ контору явился какой-то бѣдно-одѣтый субъектъ, съ измятымъ нумеромъ *New-York Herald* въ рукахъ.—Вы обѣщали вознагражденіе тому, кто доставитъ вамъ вѣрныя свѣдѣнія о пропавшемъ безъ вѣсти лейтенантѣ Союзной арміи,— имя рёкъ?—Мы.—Ну, я могу сообщить вамъ о немъ кое-что. Онъ живъ и находится въ Z***, [1] въ домѣ умалишенныхъ. — Спрашиваемъ: откуда онъ это знаетъ, клянется, что видѣлъ его тамъ собственными глазами и слышалъ имя его отъ него самого.—Вы значитъ оттуда?—Да, говоритъ, оттуда.—А ваше имя? Оказывается какой-то Джонъ-Мерригольдъ... Служилъ въ больницѣ сторожемъ; но назадъ тому десять дней подрался со старшимъ надсмотрщикомъ, котораго ранилъ ножомъ и, опасаясь послѣдствій, бѣжалъ.. Далѣе слѣдовали однако разсказы такого рода, что я, успокоивъ его на счетъ результата, записалъ адресъ и далъ немедленно знать въ сыскную полицію. Въ тотъ же день вечеромъ названный человѣкъ задержанъ и съ него снято подробное показаніе. Когда ему объяснили, что драка его съ надсмотрщикомъ, каковъ бы ни былъ ея результатъ, здѣсь никого не интересуетъ,—онъ показалъ, что въ больницѣ умалишенныхъ, гдѣ онъ служилъ, съ конца войны, существовало и существуетъ до сей поры секретное отдѣленіе для политическихъ арестантовъ. Кто и съ какою цѣлью засадилъ туда лейтенанта, объ этомъ, какъ субалтернъ, онъ, разумѣется,

[1] Въ подлинныхъ письмахъ, служившихъ намъ источниками, имя города названо, но мы считаемъ себя не въ правѣ его публиковать.

ничего не зналъ; но по дѣлу идетъ уже слѣдствіе и на мѣсто, изъ Уашингтона, отправленъ благонадежный агентъ, со всѣми необходимыми полномочіями."

Далѣе шли объясненія. Банкиръ сообщалъ тревожные слухи о тайномъ обществѣ, возникшемъ три года тому назадъ въ Сѣверной Каролинѣ и оттуда быстро распространившемся почти по всей территоріи бывшей конфедераціи, обществѣ, наводящемъ страхъ не только на чернокожее населеніе Юга, но и на всѣхъ сторонниковъ Сѣвера въ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ. Члены его содержатъ въ глубокой тайнѣ свою организацію, а принятыя на сходкахъ рѣшенія исполняютъ вооруженною рукой. Сильныя конныя шайки замаскированныхъ лицъ являются тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ожидаютъ и дѣйствуютъ съ безпощадною рѣшимостью. Газеты полны извѣстій о совершаемыхъ ими кровавыхъ насиліяхъ, но всѣ мѣры, принятыя Союзнымъ правительствомъ, до сихъ поръ не въ состояніи подавить это зло, доходящее до того, что губернаторы требовали не разъ отъ президента присылки военной силы.

„Въ такихъ обстоятельствахъ, заключалъ банкиръ,—вы поймете какого рода соображенія вынуждаютъ центральную власть по мѣрѣ возможности избѣгать огласки; а вмѣстѣ поймете и то, что я сообщаю вамъ эти слухи не съ цѣлію васъ напугать, а только чтобъ оправдать неизбѣжную медленность въ дѣлѣ освобожденія заключеннаго, и такъ далѣе... Будьте однако увѣрены, что всѣ надлежащія мѣры приняты, и что я не оставлю увѣдомить васъ объ ихъ результатѣ тотчасъ, какъ только узнаю что-нибудь положительное.

„Авраамъ Даусонъ."

VII.

„Стóитъ ли поднимать тревогу изъ-за разсказовъ бродяги, который быть-можетъ и имя-то только узналъ изъ газетъ?" думалъ Варнавинъ, робѣя въ предчувствіи бури, какую навѣрно подниметъ это письмо, если его показать Наташѣ. Но страхъ другаго рода, страхъ, что Степанъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ живъ и не знаетъ совсѣмъ ничего о томъ, что случилось въ его отсутствіе, можетъ найти переписку напрасною потерей времени и свалиться имъ на голову врасплохъ, понемногу бралъ пере-

вѣсъ. Къ вечеру онъ уже увѣрялъ себя, что единственный его шансъ отсрочить, если не отвратить, грозу, это немедленно сообщить воскресшему и теперь вѣроятно уже освобожденному все. Если онъ не сошелъ съ ума, то онъ долженъ понять, что вернуться, не предупредивъ ихъ, или не выяснивъ, по крайней мѣрѣ, хоть въ общихъ чертахъ, чего онъ можетъ отъ нихъ ожидать,—было бы дико.

Съ такими мыслями въ головѣ онъ сѣлъ писать, но сколько ни бился, не могъ попасть въ тонъ. Письмо выходило натянуто и не искренно. Промучившись съ нимъ часа два, онъ пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что ему не справиться съ этою задачей. Тутъ нужно что-то, чего у него очевидно нѣтъ:—нужна естественная, непринужденная ложь, притворство, которое стало второю натурой человѣка, и исходя отъ сердца, лилось бы порывисто, горячо;—а на это не всякій способенъ... Жена, можетъ-быть, и сумѣла бы написать, еслибы знала, что онъ не прочтетъ?

Въ безсонную ночь рѣшеніе его было принято, и утромъ онъ показалъ Наташѣ письмо. Сцену, которая между ними произошла, не легко разсказать, потому что добрая половина ея похожа была на горячечный бредъ. Бурная вспышка радости вдругъ смѣнилась унынiемъ, которое непосредственно перешло въ отчаяніе, а отчаяніе въ истерику. Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда женщина, внѣ себя отъ боли, теряетъ всякую власть надъ собой и готова высказать въ полчаса все, что̀ годами таилось у ней на душѣ; но при этомъ она не въ силахъ уже отличить своихъ иллюзій отъ трезвой дѣйствительности и все одинаково кажется ей реально. Наташа, въ своей экзальтаціи, обвиняла мужа будто бы онъ сначала и до конца устроилъ все такъ, чтобы разлучить ее со Степаномъ. Онъ впуталъ его въ нелѣпыя политическія дѣла, отъ которыхъ самъ сторонился, и, напугавъ арестомъ, спровадилъ изъ Петербурга. Онъ отговорилъ ее ѣхать въ Лондонъ, чтобы не упустить своей добычи изъ рукъ. Онъ разсчитывалъ и надѣялся, что Степана убьютъ, а потомъ увѣрилъ ее, что онъ убитъ. Извѣстія, которыя ей сообщили у консула, были фальшивыя, журналъ былъ ловушка, чтобы выманить деньги, ввѣренныя ей на сохраненіе. Все сводилось къ тому, чтобы сѣсть на мѣсто отсутствующаго и завладѣть не только его невѣстой, но и его состояніемъ!

Варнавинъ не возражалъ. Разъ убѣдясь, что женщина внѣ

себя и что его вмѣшательство подливаетъ лишь масло въ огонь, онъ далъ ей выкипѣть и только когда, совершенно измученная, Наташа притихла, спросилъ: что она намѣрена дѣлать?

Отвѣта не было, но ея усталый и нерѣшительный взглядъ свидѣтельствовалъ, что буря прошла. Тогда онъ сталъ говорить, не спѣша и повидимому спокойно.

— Прошлаго не вернешь, сказалъ онъ:—но будущее зависитъ въ значительной степени отъ тебя. Если извѣстіе это не вздоръ и Степанъ дѣйствительно живъ, то я не желаю стоять между вами помѣхой. Похеримъ старые счеты и разойдемся. Дѣтей у насъ къ счастію нѣтъ;—разводъ я беру на себя, а на счетъ его состоянія ты весьма ошибаешься, упрекая меня, что оно растрачено. Деньги Степана отлично помѣщены и даютъ значительно болѣе, чѣмъ какая-нибудь банковая бумага, если ее не ставить на карту. Самый журналъ— твоя затѣя, и право его изданія принадлежитъ тебѣ. Съ чего ты взяла, что я имъ завладѣлъ?

Наташа была обезоружена.

— Голубчикъ, прости меня, сказала она. – Я и сама не знаю, какъ это сорвалось у меня съ языка.

— Ну, лишнее слово не въ счетъ, произнесъ онъ, махнувъ рукой.—Ты знаешь пословицу: „снявши голову, по волосамъ не плачутъ“. Подумай объ этомъ, Наташа, и согласись, что тебѣ по крайней мѣрѣ, если ты любишь его попрежнему, нѣтъ никакихъ причинъ приходить въ отчаяніе... Похеримъ старые счеты и разойдемся.

Что-то похожее на тревогу мелькнуло у ней на лицѣ, и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, симптомы эти росли.

— Должно-быть я очень тебѣ надоѣла, —если ты такъ спѣшишь отъ меня отдѣлаться? сказала она съ укоромъ.

— Мнѣ надоѣла ложь, отвѣчалъ Варнавинъ.—Но, слава Богу, теперь тебѣ не зачѣмъ долѣе лгать!.. Садись и пиши ему. Это необходимо сдѣлать немедленно, чтобъ избавить насъ всѣхъ отъ комедіи, которую намъ пришлось бы ломать, еслибъ онъ вернулся сюда, не зная, что ты уже замужемъ.

— А если ты ошибаешься? Если онъ и не думаетъ возвращаться?.. Ты забываешь, что къ этому существуютъ препятствія, которыхъ никто изъ насъ не въ состояніи устранить.

— Нѣтъ, но я думаю, что о немъ, да и о дѣлѣ его, давно успѣли забыть. Дѣло совсѣмъ пустое, по крайней мѣрѣ,

насколько оно касается лично Степана... Я справлялся о немъ изъ-подъ руки. Кромѣ Иверскаго, который собственноручно писалъ проектъ, никто за него не сосланъ. Еслибы даже Степана и притянули къ отвѣту, зачѣмъ онъ удралъ за границу безъ паспорта, то правительству въ Уашингтонѣ стóитъ только удостовѣрить, что онъ служилъ лейтенантомъ въ Союзной арміи и отсидѣлъ за это пять лѣтъ въ плѣну, чтобъ ему отпустили всѣ его старыя прегрѣшенія. Люди, прошедшіе съ честью такую школу, внѣ подозрѣнія и ими вездѣ дорожатъ.

Наташа слушала однимъ ухомъ, но мысли ея блуждали въ другомъ направленіи.

— Навѣрное онъ теперь и не думаетъ обо мнѣ, сказала она.

— Наташа, избавь меня ради Бога отъ этой игры на нервахъ! Я жертвую всѣмъ, чтобы выйти изъ ложнаго положенія; а тебя, какъ кажется, оно-то и интригуетъ. Борьба между долгомъ и страстью, въ которой долгъ, какъ водится, уступаетъ, заплаканные глаза подъ вынужденною усмѣшкой, косвенныя признанія и затаенные вздохи,—трогательный видъ жертвы!.. И все это только роль, подъ которою въ сердцѣ шевелится самый обыденный, прозаическій женскій обманъ!

— Петръ Осиповичъ, ты оскорбляешь меня!

— Развѣ?... Ну извини. Я охотно беру назадъ, что̀ сказано, если ты обѣщаешь долѣе не играть со мной въ прятки. Пиши, что̀ хочешь; я не намѣренъ читать твоего письма, даже еслибы ты и сама предлагала. Передай то, что̀ ты слышала отъ меня и зови въ Петербургъ или обѣщай пріѣхать въ Америку, только чтобы между нами, если судьба приведетъ насъ свидѣться, не было глупыхъ, фальшиво чувствительныхъ сценъ, которыя мнѣ отвратительны.

— Ну, а если я напишу, что я надоѣла тебѣ, и что тебѣ не терпится сбыть меня съ рукъ?

— Ты только солжешь на обѣ стороны... Но я не вѣрю, чтобы ты это сдѣлала; потому что для этого надо было бы забыть сперва всякій стыдъ.

— Однако, Петръ Осиповичъ, вѣдь и съ другой стороны оно выходитъ тоже не очень скромно... Что̀ онъ подумаетъ обо мнѣ, если я скажу, что ты надоѣлъ мнѣ?

Варнавинъ не отвѣчалъ, предоставляя женѣ любоваться отвагой, съ которою онъ, влюбленный въ нее, какъ котъ, ставитъ на карту все. И дѣйствительно, оно выходило красиво. Учитель,

какъ подобаетъ учителю, оказался и въ собственномъ дѣлѣ вѣренъ тому, что онъ внушалъ своей ученицѣ. Но еслибъ она заглянула глубже въ его игру, она увидала бы за его щегольскою отвагой тонкій разсчетъ. Прежде всего, его предложеніе разойтись обезоруживало ее. Вмѣсто романа съ запутанною интригой и неизвѣстною, но завлекательною развязкой, ей открывалась дорога скатертью, съ неограниченною свободой—слѣдовать голосу сердца; только, конечно, съ этою свободой связана была и отвѣтственность за послѣдствія. Мужъ не сказалъ ей этого прямо; однако, въ голосѣ и во взглядѣ его было нѣчто, что говорило:—„Дѣлай какъ хочешь, но помни, что если ты надѣлаешь глупостей, тебѣ некого будетъ въ нихъ упрекать кромѣ себя. Сама заварила, сама и расхлебывай.“

Сбитая окончательно съ толку, она убѣжала въ редакцію къ Варѣ, сидѣвшей тамъ за какими-то счетами.

— Читай! сказала она, торжественно подавая сестрѣ развернутое письмо.

Та заглянула, ахнула, покраснѣла, и съ возгласомъ:—„Живъ!“ откинулась отъ стола, потомъ вскочила и подбѣжала, сама не зная зачѣмъ, къ окну. Письмо проглочено было, какъ въ жару глотаютъ стаканъ холодной воды, не отрываясь, не переводя дыханія.... Наташа едва успѣла къ ней подойти, какъ она подняла сіяющіе радостію глаза, и, увидѣвъ сестру надъ собой, горячо ее обняла.

— Не даромъ я слышала имя его! шептала Варюша. — Слышала не замѣтивъ кто произнесъ, словно оно долетало съ другаго конца земли и отыскало меня въ толпѣ!.. Сама судьба напомнила намъ о немъ!

Наташа не отвѣчала. Она измучена была предыдущею бурей до такой степени, что когда ей надо было сказать что-нибудь, ея губы и подбородокъ кривило, но, не взирая на то, усѣлась возлѣ сестры и разсказала ей все.

Дѣвушка слушала въ сильномъ волненіи. Многое было для нея совсѣмъ неожиданно и составляло открытіе, о которомъ она обѣщала себѣ подумать наединѣ;—другаго она и совсѣмъ не могла понять... Вопросъ о правѣ собственности казался ей, между прочимъ, неразрѣшимою загадкой. Наташа хотя и хвастала ей, что Пьеръ отказывается отъ всякихъ претензій, но на вопросъ: отъ какихъ? не знала что отвѣчать.

— Какъ же съ журналомъ? спросила Варя, когда, окончивъ разсказъ, сестра заплакала.

— Не знаю... Это зависитъ теперь отъ Степана Никитича. Если онъ возвратится сюда и захочетъ его издавать, то надо будетъ еще подумать, какъ это устроить. ...Въ противномъ случаѣ намъ придется его продать, чтобы по возможности расплатиться.

Варюша широко открыла глаза.

— Вы, стало-быть, еще ничего не рѣшили? спросила она, дивясь.

— Да развѣ можно рѣшить что-нибудь безъ него?.. Петръ Осиповичъ проситъ меня написать, но я не могу и представить себѣ, что̀ я напишу!.. Подумай только: шесть лѣтъ какъ мы отъ него не имѣли ни строчки! Почемъ я знаю, значу ли я еще что-нибудь для него, и что̀ онъ подумаетъ обо мнѣ, когда узнаетъ, что я уже замужемъ? Надо имѣть мѣдный лобъ, чтобы спрашивать о такихъ вещахъ у человѣка, который самъ возвратилъ мнѣ свободу.

— Нѣтъ ничего невозможнаго, если и онъ говоритъ себѣ то же самое, разсуждала Варюша вслухъ.—Его недоумѣніе можетъ быть даже и посерьезнѣе, такъ какъ ты замужемъ. Съ чего ему думать, что ты еще любишь его, если онъ не найдетъ и намека на это въ твоемъ письмѣ?.. Я вижу тебя каждый день, но даже и я не знаю почти ничего о настоящихъ чувствахъ твоихъ къ нему.

— Диво, еслибы ты знала объ этомъ больше чѣмъ я, сказала Наташа съ горькою усмѣшкой.—Минутами мнѣ сдается, что все еще обстоитъ по-старому; но, положа руку на сердце, я не ручаюсь, что это дѣйствительно такъ. Какъ ни мило намъ прошлое, и какъ бы мы ни жалѣли о немъ, а воротить его врядъ ли возможно. Въ самомъ счастливомъ случаѣ будетъ уже не то, потому что мы сами не тѣ!... Она моргала, моргала и понемногу опять заплакала.—Кто-жь его знаетъ... Какой онъ теперь... и что̀ у него на душѣ?.. А тутъ тебѣ говорятъ:—„Пиши!..“ Цѣлое море новаго протекло надъ твоею головой, а ты дѣлай видъ какъ ни въ чемъ не бывало!.. Жалко вѣдь и Петра!.. Чѣмъ онъ виноватъ, что обстоятельства такъ сложились?

— Хочешь, я тебѣ помогу?

— Какимъ образомъ?

— Просто я буду писать за тебя, а ты смотри, чтобъ я не написала глупостей, и если найдешь что-нибудь неладное, поправляй... Я вѣдь твой секретарь и мнѣ не первый разъ за тебя писать.

Наташа еще колебалась, какъ та уже начала. Перо у нея въ рукахъ такъ и бѣгало... Меньше чѣмъ въ десять минутъ почтовый листокъ былъ исписанъ кругомъ.

— Вотъ сорванецъ! ворчала сестра.—Погоди!.. Да погоди же!.. Прочти, или дай сюда, я прочту... И вырвавъ нетерпѣливою рукой листокъ, она пробѣжала его. — Удивительно какъ эта дѣвчонка попала въ тонъ!.. Ни слова лишняго и какъ разъ что̀ нужно! Просто, тепло, естественно и, что̀ главное, безъ малѣйшаго колебанія!

Въ первыхъ строкахъ звучала невинная радость ребенка, вдругъ увидавшаго что-нибудь милое, что̀ онъ считалъ невозвратно потеряннымъ, и покраснѣвшаго до ушей... Далѣе шли воспоминанія.— „Дивная сила, писала Варя,—вернула меня къ тому золотому прошлому, когда мы еще всѣ были вмѣстѣ... Милое время, когда жилось безъ оглядки назадъ и безъ заботы о будущемъ!.. Помните ваши родныя пѣсни?.. Вы пѣли; а я сидѣла за вами, какъ очарованная и таяла. Сдавалось, что голосъ не возлѣ меня, а во мнѣ,— что я въ раю и что это сердце мое поетъ!“

— Откуда ты это взяла? спросила Наташа.

— А что̀?

— Да вѣдь это какъ разъ, что̀ я чувствовала лѣтъ восемь тому назадъ; но ты въ ту пору была еще совершенный ребенокъ и я не могла тебѣ этого разсказать.

— Не знаю, сказала дѣвушка, яснымъ взоромъ смотря ей въ глаза.—Только я это не выдумала. Я тоже слушала и мнѣ помнится, что это было дѣйствительно такъ.

„Куда это все ушло? И откуда взялося новое, читала Наташа.— Голубчикъ, Степанъ Никитичъ! Вотъ уже скоро пять лѣтъ, какъ я замужемъ за человѣкомъ, который мнѣ милъ, потому что одинъ изо всѣхъ онъ былъ близокъ къ вамъ и любилъ васъ искренно;—любитъ и до сихъ поръ... Десять мѣсяцевъ мы дожидались извѣстій отъ васъ и вмѣстѣ читали газеты, вмѣстѣ справлялись у консула“...

Далѣе шелъ простой и правдивый разсказъ о томъ, какъ всѣ надежды были потеряны, какъ, не зная что̀ дѣлать съ деньгами, оставшимися у ней въ рукахъ, Наташа пришла къ рѣшенію, въ память убитаго, для котораго общее дѣло было всегда дороже личнаго,—издавать журналъ, и какъ это изданіе связало ее еще тѣснѣе съ Варнавинымъ.

„Мы видѣлись каждый день, писалъ секретарь Наташи, —

работали, хлопотали вмѣстѣ; мало-по-малу само собою пришло къ тому, что я почти жила у него. Что было далѣе, трудно разсказывается; но я надѣюсь, что вы не поставите намъ въ вину развязки. Она была такъ натуральна, что не могла уже болѣе удивить никого. Петръ Осиповичъ любилъ меня еще до выхода изъ гимназіи и послѣ васъ у меня не осталось болѣе вѣрнаго друга. Молодость наша была на исходѣ: о новыхъ привязанностяхъ уже и думать поздно, а старая не пугала его, потому что она родилась на его глазахъ и онъ зналъ, что подобныя вещи не повторяются."

Листокъ оканчивался на этомъ и, дочитавъ его до конца, Наташа закрыла руками лицо... Скромнѣе и проще того, что разсказывала сестра, нельзя было и представить себѣ;—но правда ли это? Лѣтъ пять назадъ она, не задумываясь, сказала бы *да*. Почему же теперь она не въ правѣ сказать?.. Это не ложь;— это она сама на порогѣ своей замужней жизни, встревоженная на счетъ того, что ждетъ ее впереди и ребячески успокоивающая себя. Не ложь, но и не полная правда. Еслибъ она могла окончить на этомъ письмо, она, не кривя душой, едва ли нашла бы прибавить что-нибудь къ тому, что вылилось у сестры само собой, не выисканное, не сочиненное. Это была она, Наташа, еще не думавшая о дорогомъ пріобрѣтеніи, которое такъ соблазняло ее потомъ и о цѣнѣ, какую ей предстоитъ за него заплатить. Какимъ волшебствомъ сестра угадала такъ вѣрно ея дѣвичье сердце, еще не проданное, не загрязненное тѣмъ, что невольно испытывается въ объятіяхъ страстно влюбленнаго, но увы! не милаго человѣка, и не отравленное воспоминаніями о потерянной чистотѣ?.. Да, дорого ей обошелся ея первоклассный редакторъ! О-охъ какъ дорого!

— Ты уже пишешь? спросила она, поднимая глаза на сестру.

— Да, не мѣшай... сейчасъ допишу.

Но вотъ и второй листокъ въ рукахъ у Наташи. Между двумя частями письма былъ пробѣлъ и во второй—уже ни слова о томъ какъ перейденъ былъ порогъ между старымъ и новымъ періодомъ жизни. Листокъ начинался съ разсказа, какъ имъ удалось добыть разрѣшеніе на журналъ и какую борьбу они выдержали, прежде чѣмъ одержать рѣшительную побѣду. О цвѣтѣ и направленіи упоминалось глухо, но персоналъ и личный характеръ редакціи очерчены въ бойкихъ штрихахъ и должная

дань воздана Варнавину за настойчивую отвагу и тактъ, съ которыми онъ одолѣлъ всѣ препятствія.

„Журналъ, заключала Варюша, — твердо стоитъ на ногахъ, и за очисткою годовыхъ издержекъ даетъ доходъ, значительно превышающій обыкновенные банковые проценты на капиталъ, который вы ввѣрили мнѣ на сохраненіе. Если онъ васъ интересуетъ, то пріѣзжайте и принимайте его въ ваше распоряженіе, если же нѣтъ, то напишите какъ вы желаете, чтобы мы поступили съ нимъ. Но прежде всего не забудьте, что мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ извѣстій о похожденіяхъ вашихъ въ плѣну и о томъ, какъ вы вынесли это тяжкое испытаніе."

Наташа взяла съ собою эту импровизацію и долго сидѣла за нею наединѣ, пытаясь сказать что-нибудь другое,—свое. Горько было ей убѣждаться, что за пять лѣтъ она потеряла способность быть искреннею съ человѣкомъ, который,—какъ ей казалось,—и до сихъ поръ для нея милѣе всего на свѣтѣ; но, просидѣвъ весь вечеръ съ перомъ въ рукахъ и изорвавъ не мало почтовой бумаги, она должна была наконецъ убѣдиться, что лучше набросаннаго ея сестрой, и болѣе въ тонѣ старыхъ ея дѣвичьихъ чувствъ къ Степану, она не въ состояніи написать.— „Нѣтъ словъ, чтобъ выразить правду!" думала она про себя, утирая заплаканные глаза, и наконецъ, усталая до того, что въ головѣ у ней начало путаться, просто переписала готовое.

* * *

Письмо отправлено было на другой день, утромъ; а съ оборотомъ почты пришелъ на него и отвѣтъ. Это былъ толстый пакетъ, доставленный прямо въ руки ея отъ консула. Онъ содержалъ вступленіе, помѣченное *Нью-Іоркъ* 30 (18) марта и восемь большихъ почтовыхъ листовъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ. Первое было тепло и просто. Степанъ писалъ, что онъ глубоко опечаленъ извѣстіями, которыя только что получилъ; но что, числясь шесть лѣтъ между убитыми, онъ не въ правѣ былъ и надѣяться на другую развязку, а потому покоренъ своей судьбѣ и одобряетъ безъ задней мысли все совершившееся въ его отсутствіе. Онъ не посмѣлъ бы и возвратиться на родину, если-бы думалъ, что какъ нежданный гость разстроитъ существеннымъ образомъ планы своихъ друзей, или испортитъ ихъ мате-

ріальное положеніе. Уголъ гдѣ-нибудь возлѣ милыхъ людей и право считать себя не чужимъ въ ихъ семьѣ,—вотъ все, что онъ считаетъ еще своимъ.

Далѣе слѣдовалъ длинный разсказъ.

VIII.

— Вы спрашиваете о личныхъ моихъ похожденіяхъ, писалъ Степанъ,—но они блѣдны въ сравненіи съ перипетіями великой народной драмы, которой я былъ свидѣтелемъ. Я видѣлъ войну во всемъ ея ужасѣ, хотя и не видѣлъ ея конца.

Лѣтомъ 1864 мы уже хозяйничали въ Георгіи, систематически разоряя этотъ цвѣтущій край. Запасы, пути сообщенія, фабрики, все, что намъ попадало подъ руку, переставало существовать; но твердыня штата, Атланта, какъ кладъ не давалась Шерману. Между нимъ и городомъ, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ, стоялъ энергическій Гудъ, ночью и днемъ готовый воспользоваться малѣйшею ошибкой противника и наносившій ему не разъ неожиданные удары.

Въ концѣ іюля, послѣ трехъ неудачныхъ приступовъ, теряя надежду взять крѣпость открытою силой, нашъ предпріимчивый командиръ оставилъ часть арміи противъ Гуда, а съ остальною двинулся отъ Атланты на югъ, въ обходъ непріятеля, выславъ впередъ, по направленію на Маконъ, свою лучшую конницу... Мы выступили 27-го числа двумя колоннами, подъ командою Стонемана и Макъ-Кука, разсчитывая соединиться на станціи Лаведжой; но Стонеманъ почему-то перемѣнилъ направленіе и задержка, которая черезъ это произошла, погубила обѣ колонны; 28-го, ночью, мы ждали его на мѣстѣ назначенной встрѣчи, а 29-го перешли обратно на линію Атланта-Уэстъ-Пойнтъ, но у станціи Ньюманъ наткнулись на сильнаго непріятеля, и послѣ горячаго дѣла были разбиты въ пухъ...

... Изо всей колонны Макъ-Кука, силой около 4.000 коней, наша часть (какъ я позже узналъ) пробилась одна, оставивъ на мѣстѣ массу убитыхъ, въ спискѣ которыхъ попалъ и я. Смятый въ отчаянной свалкѣ, собственнымъ, опрокинувшимся конемъ и оглушенный ударомъ подковы въ високъ, я очнулся, когда уже все было кончено. Отправивъ плѣнныхъ и раненыхъ на Маконъ, непріятель исчезъ;—небольшая команда, которую онъ

оставилъ на станціи, хоронила убитыхъ, бездѣлицы не хватило, чтобъ и я раздѣлилъ ихъ участь, такъ какъ меня нашли между грудой тѣлъ, безъ признаковъ жизни, и вся голова была у меня въ крови. Однако ошибка была замѣчена и вмѣсто могилы я ночевалъ на станціи. Дня черезъ два меня отправили вслѣдъ за товарищами, но я не засталъ уже ихъ въ Маконѣ, и такимъ образомъ избѣжалъ ужаснаго Андерсонвилля, гдѣ наши военноплѣнные гибли отъ лихорадокъ и голода тысячами. Тяжелая рана дѣлала меня совершенно безпомощнымъ: но судьба послала мнѣ неожиданную спасительницу, въ лицѣ одной изъ старшихъ сестёръ милосердія, при походномъ госпиталѣ, женщины уже лѣтъ сорока, — всѣми любимой и уважаемой. Только благодаря ея состраданію, я не брошенъ былъ по пути, какъ издыхающая собака и не достался въ руки мѣстнаго населенія, озлобленнаго повальнымъ опустошеніемъ, которое наши войска производили вездѣ; походные лазареты были полны и своимъ отдавали естественно предпочтеніе.

Мѣсяцъ спустя, Атланта, брошенная своими защитниками, наконецъ досталась Шерману; но непріятель держался еще въ Георгіи и сосѣдней съ нею Алабамѣ. Не раньше какъ въ ноябрѣ, когда Шерманъ со всею арміей двинулся на Саванну, конфедерація, чувствуя близость развязки, начала стягивать свои разсѣянныя дотолѣ силы, и лазаретъ, въ которомъ я находился, слѣдуя въ арріергардѣ за Уилеромъ, перемѣстился въ Аугусту, потомъ изъ Аугусты въ Колумбію, а изъ Колумбіи въ Z***. Всѣ эти мѣста переполнены были ранеными и на меня, отнимавшаго мѣсто, стали посматривать косо. Тогда, опасаясь, чтобы меня не бросили, такъ какъ я былъ еще очень слабъ, моя спасительница, у которой были вездѣ пріятели, выхлопотала мнѣ временное убѣжище въ Z***, въ домѣ умалишенныхъ... Убійственные жары Георгіи и мучительныя для раненаго перекочевки кончились;—кончилась для меня и опасность быть брошеннымъ гдѣнибудь на желѣзнодорожной станціи и пристрѣленнымъ первою проходящею партизанскою шайкой. Городъ пользовался здоровымъ климатомъ; — врачебному персоналу больницы было извѣстно, что я не сумашедшій; а что касается до политики, то въ качествѣ Русскаго на меня смотрѣли безъ ненависти, какъ на заѣзжаго чудака, изъ любопытства вмѣшавшагося въ войну. Все вмѣстѣ дѣлало мое странное положеніе въ домѣ умалишенныхъ довольно сноснымъ, тѣмъ болѣе, что война приходила къ

концу и я могъ разсчитывать въ недалекомъ будущемъ на свободу. Въ добавокъ, къ Новому году, и рана моя закрылась, я былъ на ногахъ и заботами моей избавительницы—принятъ въ семействѣ прикомандированнаго къ больницѣ военнаго медика. Веди я себя осторожно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что моя Одиссея окончилась бы черезъ полгода. Къ несчастью мы, Русскіе, не унаслѣдовали отъ предковъ того *себѣ на умѣ*, которое выработано у болѣе взрослыхъ народовъ тысячелѣтнимъ опытомъ и сказывается особенно сильно у гражданъ Соединенныхъ Штатовъ Америки. Мы, какъ дѣти, довѣрчивы и безпечны;—стóитъ намъ гдѣ-нибудь освоиться, чтобы мы, не зная почти ничего о людяхъ, съ которыми насъ свела судьба, почувствовали себя среди нихъ какъ въ своей семьѣ и бросили всякую осмотрительность.

Семейство, которое я посѣщалъ, держало себя со мной непринужденно. Отца, занятаго по службѣ, я мало видалъ, но двѣ молодыя дѣвушки и ихъ мать выказывали ко мнѣ большое участіе. Онѣ нерѣдко по цѣлымъ часамъ разспрашивали меня о моей далекой родинѣ, или бесѣдовали о бѣдствіяхъ нескончаемой междуусобной войны, разорившей ихъ такъ недавно еще цвѣтущій край. Отнюдь не скрывая своихъ симпатій къ дѣлу конфедераціи, онѣ были твердо убѣждены и старались меня убѣдить въ его правотѣ. Старшая изъ дѣвицъ, черноглазая, худенькая и блѣдная Мери, особенно горячо принимала къ сердцу этотъ неблагодарный трудъ; но онъ удавался ей плохо.

Какъ-то однажды, когда она катехизировала меня въ саду, къ намъ подошелъ пожилой, почтенной наружности человѣкъ,—духовный пастырь больницы, и вслушавшись въ разговоръ, принялъ въ немъ дѣятельное участіе.

— Меня не удивляютъ ваши понятія, обратился онъ кротко ко мнѣ;—потому что, къ несчастію, они слишкомъ широко распространены; но позвольте мнѣ васъ увѣрить, что еслибы вы пожили у насъ тутъ и видѣли вещи собственными глазами, вы бы скоро перемѣнили вашъ взглядъ. Что̀ вы знаете о положеніи негровъ у насъ, кромѣ того, что̀ вы вычитали изъ тенденціозныхъ романовъ, или слыхали съ каѳедры отъ проповѣдниковъ лицемѣрной морали? Люди далеко не такъ равны, чтобы ихъ можно было подвести подъ общую мѣрку. Есть племена, стоящія на такой первобытной ступени, что въ отношеніи къ нимъ наши понятія о свободномъ трудѣ и гражданскихъ пра-

вахъ совершенно не приложимы. Прочтите, что пишутъ о нихъ просвѣщенные путешественники и миссіонеры, и если вы оставите ваши старосвѣтскіе предразсудки, вы сами скажете, что на этой дикой почвѣ не могутъ расти свободныя учрежденія. Это дѣти, которыя развѣ черезъ пять тысячъ лѣтъ станутъ взрослыми. Или оставьте ихъ жить по своему, или, если вы ихъ переселили и приняли на свое попеченіе, не покидайте, потому что въ борьбѣ за существованіе съ высшими расами они пропадутъ. Жалкіе опыты, сдѣланные съ Либеріей и у насъ въ Америкѣ съ краснокожими, свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ случаемъ, а съ закономъ исторіи, который не допускаетъ скачковъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня, но видя, что я на тысячу верстъ отъ убѣжденія, продолжалъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Богъ справедливъ, но и милостивъ.—Онъ ниспослалъ намъ, за наши грѣхи и жестокое испытаніе, но, Онъ видитъ жертвы, которыя мы принесли за правое дѣло и не допуститъ насъ до конечной гибели. , Да, сударь, ужаснѣе всякой войны было бы, еслибы намъ пришлось покинуть на собственный произволъ этихъ бѣдныхъ дѣтей, которыхъ Промыселъ ввѣрилъ нашему попеченію!

— Ахъ, мистеръ Виллертъ, вмѣшалась дѣвушка:—не говорите ему о божественномъ Промыслѣ, потому что свѣтъ еще не коснулся его ослѣпленныхъ очей... Онъ невѣрующій!

Святой отецъ вздрогнулъ, какъ человѣкъ, наступившій, въ сумеркахъ на опасную гадину;—но не видя грубаго издѣвательства у меня на лицѣ, былъ скоро обезоруженъ.

— Это большое несчастіе, произнесъ онъ, смотря на меня съ состраданіемъ;—но вы молоды. Можно надѣяться, что пути спасенія еще не закрыты для васъ... И помолчавъ:—Скажите, что побудило васъ броспть ваше отечество и предпринять такое далекое путешествіе?

Я объяснилъ ему, что искалъ себѣ дѣло по́ сердцу, и не найдя его въ Старомъ Свѣтѣ, рѣшился принять участіе въ этой войнѣ.

Виллертъ задумался.

— Больно видѣть, сказалъ онъ, вздохнувъ:—что въ Старомъ Свѣтѣ никто не посмѣлъ открыто взять нашу сторону; но въ вашемъ случаѣ это понятно. Вы просто шли куда всѣ идутъ. Что удивляетъ меня, это странное стеченіе обстоятельствъ, которое привело врага конфедераціи въ самое сердце ея и сблизило здѣсь

съ людьми діаметрально-противоположнаго убѣжденія, какъ бы нарочно, чтобы показать вамъ воочію какъ худо вы ихъ еще знаете... Осмѣлюсь спросить: что̀ вы дѣлали съ Шерманомъ у Атланты?

— Сказать по правдѣ, мало хорошаго. Мы жгли заводы, захватывали или уничтожали запасы народнаго продовольствія и подвижной составъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, взрывали мосты, разоряли окрестное населеніе реквизіями. Но мы это дѣлали съ цѣлью ослабить противника, который платилъ намъ тою же монетой, если еще не хуже. Десятки тысячъ нашихъ военнопленныхъ гибли отъ голода и жестокаго обращенія въ вашихъ военныхъ тюрьмахъ; летучія партизанскія шайки вѣшали и разстрѣливали, не разбирая, всякаго, кто имъ доставался въ руки... Въ итогѣ, воюющіе не оставались одинъ у другаго въ долгу.

— Однако, вы цѣлы и раны ваши залѣчены. Васъ не бросили, когда лазареты были полны своихъ искалѣченныхъ, и вы не терпѣли ни голода, ни недостатка въ уходѣ и попеченіи. Не странно ли что изъ столькихъ тысячъ, до́рого поплатившихся за вторженіе, вамъ одному достался такой счастливый жребій?.. Словно незримая сила вела васъ невѣдомыми для васъ путями къ намѣченной цѣли и привела сюда, гдѣ кажется вы не въ правѣ сказать, что съ вами обходятся, какъ со врагомъ... Со стороны миссъ Мери, по крайней мѣрѣ, вамъ нечего опасаться жестокаго обращенія.

— О! мистеръ Вплллертъ!

Онъ улыбнулся отеческою усмѣшкой, и обратился опять ко мнѣ.

— Подумайте сами, мой дорогой м-ръ Стефенъ, возможно ли объяснить подобное совпаденіе обстоятельствъ игрой слѣпаго случая? Да и есть ли въ природѣ что-нибудь оправдывающее подобное объясненіе?.. Кто могъ когда-нибудь уловить на дѣлѣ этого идіота, которому люди невѣрующіе приписываютъ все непонятное, что̀ происходитъ съ ними или вокругъ?.. Не есть ли это скорѣе олицетвореніе собственной ихъ слѣпоты и невѣрія?.. Нѣтъ, не безсмысленный случай, а Божій Промыселъ выбралъ васъ изъ десятковъ тысячъ и сохранилъ для собственной, Ему одному извѣстной, цѣли!

— Такое вниманіе, отвѣчалъ я, съ подавленною усмѣшкой,— было бы очень лестно, еслибъ оно не напоминало мнѣ одной древней легенды. Какой-то индійскій царь шелъ впереди несмѣтной арміи, но замѣтивъ ползающаго на землѣ муравья, сжалился и повелѣлъ ей свернуть съ доро́ги, чтобы не задавить невин-

ное и безпомощное созданіе. Трогательно съ древне-индійской точки зрѣнія, но непослѣдовательно на нашъ современный взглядъ. Невольно думается, что у царя хватало жалости только на одного муравья, а близкая гибель множества собственныхъ его воиновъ, которыхъ онъ велъ на убой, казалась ему пустяками, не стоящими вниманія. Спрашивается: чѣмъ это лучше слѣпаго случая? Верховный Промыселъ, по вашему объясненію, дѣйствуетъ совершенно, какъ этотъ индійскій царь. Онъ оставляетъ правое, по вашему убѣжденію, дѣло и сотни тысячъ его защитниковъ гибнутъ, а избавляетъ какого-то чужеземнаго муравья, случайно замѣшаннаго въ войну.

— Пути Господни неисповѣдимы! произнесъ Виллертъ и, поклонившись мнѣ сухо, ушелъ.

* * *

Разсказываю вамъ эту бесѣду, какъ образецъ отношеній къ здоровому населенію дома умалишенныхъ, въ которомъ конечно не я одинъ о ту пору былъ сверхкомплектнымъ жильцомъ. Городъ, какъ политическій и судебный центръ, имѣлъ много казенныхъ зданій, но всѣ они за послѣдніе мѣсяцы междоусобной войны, когда конфедераты, отовсюду тѣснимые превосходными силами, стягивались по направленію къ Ричмонду, служили, кромѣ спеціальнаго ихъ назначенія, неотложнымъ нуждамъ военнаго времени. Тутъ помѣщался штабъ проходящаго корпуса, тамъ интендантская часть или лазаретъ. Раненые, свои и непріятельскіе, или просто военноплѣнные, усиливали еще и безъ того уже пестрый характеръ этого пришлаго элемента, численностью далеко превосходившаго осѣдлое населеніе города.

Въ домѣ умалишенныхъ тоже была тѣснота. Отдѣльный корпусъ для безпокойныхъ пришлось очистить, и общая половина его обращена была въ лазаретъ, а одиночныя камеры заняты арестантами, характеръ которыхъ и имена составляли тайну. Ихъ привозили ночью, подъ сильнымъ конвоемъ, Богъ знаетъ откуда; и увозили, тѣмъ же порядкомъ, Богъ знаетъ куда. Больничные сторожа не имѣли къ нимъ доступа, а знакомые мнѣ врачи и Виллертъ, когда я ихъ спрашивалъ, что̀ это за несчастные? отвѣчали уклончиво, что врачебное управленіе дома, разъ уступивъ этотъ флигель въ распоряженіе мѣстнаго квартирмейстера, не вмѣшивается въ его употребленіе. Въ семействѣ,

гдѣ я былъ принятъ, знали однако нѣсколько болѣе, чѣмъ считали удобнымъ мнѣ объяснить, судя потому, что мнѣ довелось услышать отъ младшей дочери.—„Чего ихъ жалѣть? Вѣдь это измѣнники!“ сказала она презрительно, но замѣтивъ мое недоумѣніе, добавила, что конечно это не болѣе, какъ ея догадки.

* * *

Z*** вплоть до конца былъ занятъ конфедератами, но какъ ни скрывало правительство настоящее положеніе дѣлъ, а такіе люди, какъ Ли и Джонстонъ, должны уже были знать, что развязка близка. И дѣйствительно положеніе отдѣлившихся штатовъ было критическое. Всѣ укрѣпленныя гавани находились въ рукахъ непріятеля. Съ сѣвера превосходныя силы его тѣснили главную армію Ли. Съ запада безчисленная федеральная кавалерія отрѣзывала его сообщенія а съ юга наступалъ Шерманъ. Въ двадцатыхъ числахъ его авангардъ, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, достигъ уже линіи Файетвилль-Гольборо́ и вступилъ въ сообщеніе съ подходящими корпусами, которые дали ему значительный перевѣсъ надъ Джонстономъ и Гарди. Онъ шелъ на Z***, гдѣ каждый день ожидали большаго сраженія. Въ городѣ царствовала тревога и изъ него высылали все, что вслучаѣ неудачи могло затруднить отступленіе, начиная съ раненыхъ и кончая военнопленными. Длинные поѣзда увозили ихъ ежедневно тысячами. Мнѣ предстояло на выборъ одно изъ двухъ: или быть высланнымъ съ массой товарищей по оружію и раздѣлить невѣрную ихъ судьбу, или быть помѣщеннымъ въ секретное отдѣленіе, какъ политическій арестантъ, pro forma, какъ увѣрялъ меня Виллертъ. Онъ и семейство его друзей горячо уговаривали меня остаться, пугая въ противномъ случаѣ всѣми случайностями военнаго времени, между которыми не послѣднюю роль играла тюрьма съ ея отвратительною тѣснотой и ужасною смертностью. Я предпочелъ остаться, сильно разсчитывая, что не сегодня—завтра городъ будетъ въ рукахъ у Шермана и для меня придетъ, наконецъ, минута освобожденія. Тѣмъ временемъ наступилъ апрѣль и Шерману не было болѣе надобности брать съ бою городъ, занятый сильнымъ противникомъ, такъ какъ война была въ сущности кончена: 3-го Ричмондъ палъ, а черезъ нѣсколько дней и армія Ли положила оружіе. 17 апрѣля Джонстонъ вступилъ въ переговоры со старымъ своимъ противникомъ и въ концѣ апрѣля сдался на самыхъ почетныхъ усло-

віяхъ. Но нашему городу не было надобности сдаваться, такъ какъ никто уже долѣе и не думалъ о немъ. Z*** со всѣми его правительственными и городскими учрежденіями остался въ рукахъ у мѣстной администраціи, которая, если и знала о политическихъ арестантахъ въ домѣ умалишенныхъ, то не желала вмѣшиваться, предоставляя внутреннее хозяйство больницы врачебному управленію. Но и это послѣднее не дерзало коснуться секретнаго отдѣленія. За спиной у всѣхъ стоялъ незримый хозяинъ его, съ которымъ никто не осмѣливался войти въ столкновеніе, такъ какъ расправа его была коротка.

Издавна, еще со временъ Канзасскихъ смутъ, когда уже стало ясно, что Сѣверъ, съ его милліонами вольныхъ фермеровъ, начинаетъ брать перевѣсъ, въ рабовладѣльческихъ штатахъ возникли тайныя общества, эти первые признаки упадка и разложенія господствующаго порядка вещей. Ихъ было нѣсколько и они носили разныя имена (*„Одинокой Звѣзды“*, *„Рыцарей Золотаго Круга“* и проч.); но рука ихъ, хотя и незримая, чувствовалась вездѣ. Вооруженныя шайки, съ непостижимою дерзостью, обличавшею силу центральной организаціи, опираясь на существующія конвенціи, вторгались въ сосѣдніе штаты и выслѣживали съ собаками бѣглыхъ невольниковъ, а при малѣйшемъ сопротивленіи вѣшали или разстрѣливали ихъ безъ суда. Но и бѣлые ихъ сограждане, если за ними существовали какіе-нибудь грѣхи, не могли считать себя въ безопасности. Достаточно было прослыть тайнымъ сторонникомъ Сѣвера, чтобы быть схваченнымъ въ собственномъ домѣ, ночью, замаскированными людьми и пропасть безслѣдно. Война съ ея несбывшимися надеждами на время дала широкій исходъ этимъ темнымъ силамъ, а дорого купленная побѣда Сѣвера загнала ихъ снова внутрь. Въ Виргиніи, въ двухъ Каролинахъ, въ Георгіи, Алабамѣ и Теннесси случались вещи, которыя наводили ужасъ даже на самыхъ преданныхъ партизановъ рабства; но смирные люди молчали, дѣлая видъ, что это ихъ не касается. А между тѣмъ, не далѣе какъ два года спустя послѣ развязки междоусобной войны, стало извѣстно имя новаго тайнаго общества, противъ котораго даже правительство въ Вашингтонѣ оказывалось безсильно. Оно возникло въ Сѣверной Каролинѣ, но охватило скоро своими сѣтями всю территорію бывшей конфедераціи.

Изъ разговора съ моимъ ньюйоркскимъ корреспондентомъ, я заключаю, что вамъ извѣстно уже кое-что объ этомъ, а потому

мнѣ остается вамъ разсказать только то, что̀ касается лично меня. Я былъ помѣщенъ въ секретное отдѣленіе, какъ экстернъ, и долго, почти три года, благодаря заступничеству друзей, пользовался еще относительною свободой.

Меня содержали сносно, но за ворота дома не выпускали. Красивый маленькій городокъ, съ его величественнымъ Капитоліемъ, старымъ дубовымъ паркомъ и резиденціей губернатора,— за исключеніемъ главныхъ улицъ и живописной рѣчки, его орошающей, такъ и остался мнѣ незнакомъ. Почтенный нашъ Виллертъ заботился обо мнѣ, какъ добрый пастырь, старающійся вернуть въ овчарню потерянную овцу. Мы съ нимъ гуляли въ больничномъ саду или сидѣли вмѣстѣ у Питерсовъ. Дамы не уставали меня увѣрять, что я буду скоро освобожденъ; но мѣсяцъ за мѣсяцемъ уходили, не измѣняя ни на волосъ моего положенія, словно какъ будто бы обо мнѣ совершенно забыли... Время тянулось до-нельзя однообразно... Попрежнему Виллертъ меня навѣщалъ въ моей одинокой кельѣ, носившей еще слѣды первоначальнаго ея назначенія, въ видѣ обитыхъ толстымъ войлокомъ стѣнъ и блиндированнаго желѣзною рѣшеткой маленькаго оконца; но мы оставались въ ней очень недолго. Обыкновенно онъ предлагалъ мнѣ партію въ шахматы и уводилъ къ себѣ, гдѣ я и просиживалъ цѣлые вечера. Послѣ игры, онъ углублялся въ свои религіозныя темы или разсказывалъ мнѣ о семействѣ Питерсовъ, восхваляя ихъ набожность, скромность, семейныя добродѣтели, причемъ на первомъ планѣ была его фаворитка Мери. — „Еслибы вы знали, какъ огорчаетъ ихъ всѣхъ непостижимая медленность вашего освобожденія!“ повторялъ онъ на всѣ лады.—„Бѣдная Мери, часто послѣ того, какъ вы уходите, отираетъ украдкой глаза“, и прочее въ этомъ родѣ. Мнѣ это нравилось и не нравилось. Нравилось потому, что я, какъ зачумленный, оторванъ былъ отъ людей, за исключеніемъ этого одного семейства, и мнѣ хотѣлось вѣрить въ искреннее его расположеніе; а не нравилось потому, что усердіе Виллерта казалось мнѣ не по разуму и наводило меня невольно на подозрѣнія, которыя вы, какъ женщина, сами поймете.

* * *

Первая годовщина мира давно прошла, а нормальный порядокъ вещей въ рабовладѣльческихъ штатахъ не былъ еще нигдѣ возстановленъ. Юридически они числились на правахъ не

принятыхъ въ полноправные члены союза, простыхъ „территорій“, а фактически продолжали хозяйничать у себя по-старому. Въ конгрессѣ у нихъ была „рука“: сѣвшій на мѣсто убитаго Линкольна, бывшій его товарищъ Джонсонъ (тотъ самый, который потомъ угодилъ подъ судъ), и покуда не кончился срокъ его полномочій, мѣстные губернаторы были не болѣе, какъ союзные генералы, стоящіе во главѣ оккупаціи. Не ранѣе, какъ два года спустя (въ 68-мъ), когда состоялись новые выборы, и на мѣсто Джонсона избранъ былъ Грантъ, начались попытки новой организаціи, въ результатѣ которыхъ рабство на всемъ пространствѣ Союза было легально отмѣнено, и негры пріобрѣли избирательныя права. Но къ этому времени въ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ свирѣпствовало уже то тайное общество, о которомъ я ранѣе говорилъ, и ужасъ, который оно наводило, долго еще парализовалъ усплія новаго президента.

Секретное арестантское отдѣленіе процвѣтало. Попрежнему въ него привозили и изъ него увозили ночью людей, дальнѣйшая участь которыхъ покрыта была непроницаемою тайной. Одинъ только я, какъ экстернъ, оставался безсмѣннымъ его жильцомъ. Считая себя забытымъ, я пробовалъ черезъ Виллерта вывѣдать что-нибудь о причинахъ задерживающихъ мое освобожденіе. Онъ взялся неохотно за это дѣло и черезъ нѣсколько дней сообщилъ мнѣ короткій отвѣтъ, что обо мнѣ писали, но до сихъ поръ еще не имѣютъ инструкцій.

— Куда писали?

Онъ мялся.

— Развѣ я знаю?.. Поймите, мой другъ, что я тутъ не причемъ... Дѣла политическихъ арестантовъ хранятся у насъ въ непроницаемой тайнѣ.

Мнѣ стало стыдно за Новый Свѣтъ вообще и за Виллерта въ частности.

— Да развѣ же я политическій арестантъ? перебилъ я, теряя терпѣніе,—я просто военнoплѣнный.

— Знаете что̀, отвѣчалъ онъ въ смущеніи:—поговорите ужь лучше сами со смотрителемъ. Вамъ онъ не можетъ сказать, какъ онъ прямо сказалъ мнѣ, что это васъ не касается.

Совѣтъ его убѣдилъ меня, что мнѣ не на кого разсчитывать кромѣ себя. Поэтому я и исполнилъ его безотлагательно.

* * *

Смотритель нашъ, Иссаакъ Старръ, былъ мужчина лѣтъ сорока, съ непріятнымъ лицомъ и взглядомъ сыщика, скупой на слова и сдержанный въ обращеніи. Онъ ходилъ по корридорамъ беззвучнымъ шагомъ, какъ котъ, отдавалъ приказанія коротко и рѣдко имѣлъ съ кѣмъ-нибудь разговоры не дѣловаго характера. Черты и фигура его слегка напоминали извѣстнаго кавалерійскаго генерала Форреста, лубочный портретъ котораго можно и до сихъ поръ найти въ любомъ буфетѣ южной желѣзно-дорожной станціи, рядомъ съ портретами—Ли, Борегара и Джонстона.

Встрѣтивъ его безъ свидѣтелей, я повторилъ ему тотъ же вопросъ... Ни одинъ мускулъ не шевельнулся въ его лицѣ.

— Васъ удивляютъ совсѣмъ простыя вещи, отвѣчалъ онъ.— Васъ бы давно освободили, еслибы вы вели себя соотвѣтственно вашему положенію; но кто жь виноватъ, что вы не хотѣли сидѣть спокойно?.. Сношенія между заключенными въ одиночныхъ камерахъ безусловно запрещены; а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что вы ведете, или, по крайней мѣрѣ, вели—переговоры съ вашими непосредственными сосѣдями, а черезъ нихъ и съ другими. Даже система стуковъ у васъ та же самая, что̀ на телеграфѣ...

Я былъ пораженъ.

— Неужели изъ такихъ пустяковъ я сижу тутъ 14 мѣсяцевъ? спросилъ я.

— Только изъ-за того.

— Но мы разговаривали отъ скуки, и если бы вы не полѣнились узнать о чемъ, вы бы легко удостовѣрились, что въ нашихъ бесѣдахъ нѣтъ никакой политической цѣли.

— Можетъ-быть. Только, вопервыхъ, мнѣ некогда васъ подслушивать, а вовторыхъ, мнѣ и дѣла нѣтъ до содержанія вашихъ бесѣдъ. У меня есть обязанности, которыя мнѣ не предоставлено толковать по своему усмотрѣнію, и я ихъ исполняю буквально.

— Что̀ же мнѣ дѣлать, чтобъ исправить мою ошибку? спросилъ я въ смущеніи.

— Ничего болѣе, какъ вести себя смирно и ждать. Когда здѣсь не останется болѣе никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ вы вели переговоры, тогда, я полагаю, и васъ отпустятъ.

— Другими словами: когда вы закроете ваше секретное отдѣленіе?

— Да.

* * *

Въ тотъ же день вечеромъ я имѣлъ курьезное объясненіе съ Виллертомъ.

— Старръ жаловался вамъ на меня? спросилъ я.

— Сказать вамъ по правдѣ, жаловался.

— Какъ же вамъ не совѣстно? Отчего вы не предупредили меня?

— Не гнѣвайтесь, мой дорогой мистеръ Стефенъ. Я думалъ, что это секретъ.

— Чей?..

— Виллертъ обидѣлся.

— Разумѣется вашъ, отвѣчалъ онъ.—Еслибы вы были съ нами чистосердечны, мы бы конечно остерегли васъ.

Онъ лгалъ, и оборотная сторона его оправданія какъ-то сама собою выглядывала изъ-за лицевой, но самая интересная ея часть была для меня загадкой. Таинственные хозяева отдѣленія опасались просто, что я о немъ донесу; но чего опасались Виллертъ и Питерсы, это не такъ легко объяснить. Вѣрили ли они, что Провидѣніе выбрало ихъ орудіями моего возвращенія на путь истинный и не желали разстаться со мною ранѣе, чѣмъ они исполнятъ эту задачу, или просто боялись попасть за меня въ отвѣтъ?.. И то и другое было легко возможно, тѣмъ болѣе, что эти, повидимому, столь разногласныя вѣроятія, въ дѣйствительности не исключали другъ друга.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ и о главѣ семейства, мнимо-военномъ медикѣ Питерсѣ. Дѣйствительное его назначеніе выяснилось только тогда, когда армія Джонстона положила оружіе и помѣщенный у насъ лазаретъ ея былъ упраздненъ. Въ немъ числилось нѣсколько лѣкарей, но изъ нихъ остался одинъ только Питерсъ, и только когда я спросилъ у Виллерта почему? онъ объяснилъ мнѣ, что Питерсъ отецъ давно состоитъ врачемъ секретнаго отдѣленія.

Открытіе шло за открытіемъ. Общая половина этого корпуса („безпокойныхъ“), за упраздненіемъ временно помѣщеннаго въ ней лазарета, осталась почти пуста. Ее немного почистили и по второму году въ нее перебралось семейство моихъ друзей. Пользуясь близкимъ сосѣдствомъ, Старръ, посѣщавшій ихъ прежде изрѣдка, сталъ теперь частымъ гостемъ, и мы встрѣчались съ нимъ иногда на этой нейтральной почвѣ. Обоимъ было неловко, но я скрывалъ свое отвращеніе, а онъ дѣлалъ видъ какъ будто не замѣчаетъ меня. Мало-по-малу, однако, мнѣ сталъ понятенъ источникъ смягчающаго вліянія, благодаря которому глупость

моя обошлась мнѣ, сравнительно говоря, такъ дешево. Это была меньшая дочь Питерса, дѣвушка лѣтъ 24-хъ, веселая и развязная Роза. Она сумѣла плѣнить моего тюремщика и съ теченіемъ времени обратилась въ счастливую мистриссъ Старръ. ....Будь я не Русскій, а Янки, я, можетъ-быть лучше, сумѣлъ бы воспользоваться этимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но повторяю еще, у меня не хватило на это американской смѣтки.

* * *

Что вамъ сказать о Мери, что не звучало бы для нея незаслуженною обидой?.. Это была худощавая, но эффектно-сложенная, гибкая какъ тросникъ, смуглянка, съ тѣмъ мало знакомымъ у насъ отпечаткомъ знойнаго юга, который встрѣчается только у бѣлыхъ женщинъ Америки, унаслѣдовавшихъ въ ряду поколѣній Богъ знаетъ когда и какъ попавшую въ нихъ, но всегда замѣтную примѣсь чужой, африканской крови. Бронзовые отливы лица и шеи, даже ногтей, низкій лобъ и курчавые волосы на вискахъ, полныя губы въ противорѣчіи съ общею худобой, но больше всего выраженіе затаенной истомы въ глазахъ, свидѣтельствующее о безотчетной борьбѣ двухъ совершенно разныхъ природъ,—все придавало Мери какой-то страдальческій видъ. Сказать, чтобъ она была привлекательна въ обыкновенномъ смыслѣ, я не могу; но Мери, въ моихъ глазахъ являлась загадкой, полною своеобразнаго, часто даже зловѣщаго интереса. ....Въ другихъ отношеніяхъ это была простая, добрая дѣвушка, не мудрствуя усвоившая себѣ понятія той среды, въ которой она родилась, и винить ее за ея несбывшіяся надежды съ моей стороны было бы черною неблагодарностью.

Въ часы, когда больные обѣдали или ложились спать, я часто гулялъ съ нею въ саду, который тоже имѣлъ свою особую привлекательность. Въ немъ росъ густой волжскій орѣшникъ и высились старые въ три обхвата дубы, которыми славится Z***, но въ воздухѣ этого уголка пахло безуміемъ и неволей. Съ сѣверной стороны къ нему примыкало секретное отдѣленіе, задній, глухой фасадъ котораго, снизу замаскированный бѣлою акаціей и гигантскою клещевиной, сверху глядѣлъ на меня какъ тюремный сторожъ. Одной уже этой голой кирпичной стѣны достаточно было чтобъ отравить мнѣ все удовольствіе нашихъ прогулокъ;—отсюда, быть-можетъ, и тѣсная связь ея въ моей памяти съ

худенькою, смуглою фигуркой Мери. Естественно приходило на умъ что, подобно тюремной стѣнѣ, она для меня имѣетъ двоякій смыслъ: защита снаружи, неволя внутри! Въ итогѣ, мои отношенія къ этой дѣвушкѣ были неискренны. Встрѣчая ея привѣтливый взоръ, я невольно думалъ: — „А, какъ бы ты на меня посмотрѣла, еслибъ имѣла даръ читать у меня въ душѣ? Легко можетъ быть отвернулась бы съ гордымъ негодованіемъ, а черезъ мѣсяцъ, узнавъ что меня уже увезли, поплакала бы, да и махнула рукой“... Что жь дѣлать, если я не сумѣлъ оцѣнить заботы ея о моемъ спасеніи?

Съ такими мыслями я уходилъ въ свою одинокую камеру и мнѣ снились безумные сны. Снилось что я купилъ дорогою цѣной свободу; но что меня тѣмъ не менѣе не рѣшаются отпустить, опасаясь что, разъ на волѣ, я брошу жену и болѣе не вернусь. Тогда на меня нападаетъ отчаяніе, которое переходитъ въ бѣшенство. Я кого-то убилъ, и руки мои въ крови... Меня связываютъ и запираютъ уже не въ секретное отдѣленіе, а съ настоящими бѣшеными!...

* * *

Время шло медленно, но, тѣмъ не менѣе, все-таки шло и приносило съ собою новыя неожиданности. По четвертому году мое положеніе, и безъ того уже скверное, вдругъ сильно ухудшилось, благодаря тому, что въ сердце Старра забрался бѣсъ ревности. Съ чего онъ вообразилъ себѣ, что я влюбленъ въ меньшую сестру, не знаю; но поводомъ послужило то, что Роза, которой хотѣлось вывѣдать чувства мои къ сестрѣ, настойчиво звала меня къ себѣ; а я, не желая встрѣчаться съ мужемъ ея, имѣлъ дурачество выбирать для своихъ посѣщеній часы, когда послѣдняго не было дома. Скоро я сталъ замѣчать, что онъ глядитъ на меня какъ-то странно и спрашивалъ у его жены, что это значитъ; но Роза, не чувствуя за собою грѣха, обращала мои вопросы въ шутку... Гроза разразилась вдругъ.

Это случилось почти два года тому назадъ, въ іюнѣ. Передъ обѣдомъ, окончивъ газеты, которыя наканунѣ принесъ мнѣ Виллертъ, я собирался въ садъ, когда ко мнѣ постучались, и въ камеру вошелъ Старръ. Онъ имѣлъ негодующій видъ, но въ глазахъ у него свѣтилась дьявольская рѣшимость.

— Вы, кажется, собирались идти? спросилъ онъ.

— Да, я собираюсь въ садъ.

— Оставьте ваше намѣреніе. Я къ вамъ нарочно, чтобы предупредить васъ. Вы не пойдете болѣе въ садъ.

— Почему?

— А вотъ почему... И онъ бросилъ на столъ распечатанное письмо, которое я сейчасъ призналъ за свое, адресованное въ Нью-Іоркъ, къ извѣстному вамъ банкиру.

— Это не первое, продолжалъ онъ.—Кромѣ этого было еще одно, по тому же адресу, два въ Россію,—одно въ Уашингтонъ, въ военный секретаріатъ, и одно въ Бальтиморъ, съ передачей какому-то Уайту. Вы можете быть спокойны насчетъ ихъ судьбы; всѣ у меня; но мнѣ это надоѣло, потому что вы портите у меня людей... Сколько вы заплатили Трумпу, чтобы бросить это въ почтовый ящикъ?.. Пять долларовъ? Вотъ они; и вы можете ихъ возвратить тому, у кого вы ихъ заняли, потому что они вамъ болѣе не понадобятся. Вы арестованы и не выйдете больше изъ этого флигеля никуда.

Сердце у меня сжалось отъ неожиданнаго удара, но возражать было нечего. Старръ посмотрѣлъ на меня съ минуту и, не сказавъ ни слова больше, ушелъ.

Два дня послѣ этого я не видалъ человѣческаго лица, кромѣ сторожа, приносившаго мнѣ бѣлье, газеты, обѣдъ и прочее. По третьему, вечеромъ, пришелъ Виллертъ и разсказалъ мнѣ, какъ всѣ друзья мои были огорчены постигшимъ меня несчастіемъ. Обѣ сестры въ слезахъ умоляли Старра, если не взять назадъ, то, по крайней мѣрѣ, смягчить жестокій его приговоръ, но не добились рѣшительно ничего,—а Розѣ, если не ошибаюсь, даже досталось...

— Скажите, что у васъ было съ нимъ, кромѣ письма, которое врядъ ли могло его такъ раздражить, если принять во вниманіе, что оно не первое, и что врядъ ли хотя одно попало въ почтовый ящикъ?

— Рѣшительно ничего.

— Однако, вы говорили Розѣ, что онъ уже съ мѣсяцъ поглядываетъ на васъ косо?

— Ревнуетъ! отвѣчалъ я, съ трудомъ подавляя усмѣшку.— Но это не болѣе какъ мои догадки, которыя, кстати сказать, разсмѣшили его жену.

— Какое дурачество! Обѣ сестры идеалъ чистоты и невинности!.. Старръ животное!.. Онъ не стóитъ такой жены!.. И

помолчавъ:—Бѣдная Мери совсѣмъ въ отчаяніи... Вчера цѣлый день проплакала, а сегодня сама на себя не похожа.—„Еслибы, говоритъ, я знала, какъ мнѣ его спасти, то никакія соображенія, даже дѣвичій стыдъ, не могли бы меня остановить. Но я боюсь своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ только ухудшить его и такъ уже тяжкое положеніе!“

Слезы стояли въ глазахъ у Виллерта, когда онъ это говорилъ. Я былъ тронутъ и не старался этого скрыть.

— Миссъ Питерсъ очень великодушна! сказалъ я. — Думаю каждый день: чѣмъ я могу доказать ей мою признательность, и не могу придумать... Что можетъ сдѣлать бѣдный солдатъ, въ моемъ положеніи, кромѣ того, что разбить себѣ лобъ о рѣшетчатое окно, или повѣситься? Это единственный выходъ мой изъ тюрьмы, въ которой иначе я сгнію.

— Не говорите этого, другъ мой, перебилъ Виллертъ съ ужасомъ.—Это хула на Бога, который одинъ знаетъ будущее... А что касается ангела утѣшителя, котораго Онъ вамъ послалъ, то вы еще ее плохо знаете. Мери была бы счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, еслибъ ей удалось освободить васъ не изъ ничтожной, созданной человѣческими руками тюрьмы, которая, если Богу угодно, завтра отворитъ вамъ двери, а отъ плѣна духовнаго, и т. д.

Онъ говорилъ на эту тему долго и горячо, стараясь прежде всего меня убѣдить, что для его фаворитки не существуетъ тѣхъ грубыхъ приманокъ, которымъ свѣтскія дѣвушки жертвуютъ всѣмъ.

— Сердце ея создано для подвиговъ. Это алтарь и сокровища, которыя въ немъ хранятся, нетлѣнны... Вотъ нѣсколько строкъ и книги, которыя она поручила вамъ передать. Когда вы прочтете... книги, она васъ проситъ чистосердечно ей сообщить ваши впечатлѣнія.

Письмо содержало нѣсколько теплыхъ строкъ участія и молитву, чтобы Богъ помогъ мнѣ мужественно перенести мое тяжкое испытаніе; а книги были духовнаго содержанія. На первыхъ порахъ я думалъ, что никогда ихъ не одолѣю; но мысль, что я долженъ буду потомъ разсказывать на бумагѣ свои впечатлѣнія, заставила меня быть внимательнѣе, и отмѣчать иныя мѣста; а досада на Мери и Виллерта, такъ безжалостно навязавшихъ мнѣ этотъ трудъ, раздражила жилку противорѣчія. Вдобавокъ мое самолюбіе было задѣто, и мнѣ нетерпѣлось имъ доказать, что они напрасно считаютъ меня такимъ вандаломъ.

Я говорю во множественномъ, такъ какъ, конечно, они были въ заговорѣ и дѣйствовали противъ меня соединенными силами. Мери одна не справилась бы со мною; но за спиной у Мери стоялъ испытанный въ контроверсѣ, знакомый со всѣми уловками миссіонерской практики, американскій попъ, который видимо вдохновлялъ свою ученицу. Съ первыхъ же схватокъ я былъ разбитъ самымъ постыднымъ образомъ. Тогда я оставилъ высокомѣрно-насмѣшливый тонъ и взялся серьезно за критику присылаемыхъ книгъ. Васъ удивляетъ видѣть меня въ такой несвойственной моему характеру роли; но вы поймете меня, если я вамъ скажу, что два года занятіе это спасало меня отъ безумія. Представьте себѣ человѣка, запертаго какъ звѣрь въ желѣзную клѣтку, въ минуты, когда онъ даетъ себѣ ясный отчетъ, что всѣ надежды, которыми онъ ласкалъ себя до сихъ поръ,— обманъ. Отчаяніе стоитъ за нимъ въ темномъ углу и смотритъ снаружи въ рѣшетчатое окно. Все, что онъ видитъ вокругъ себя, давно для него отвратительно. Онъ самъ опротивѣлъ себѣ до того, что еслибъ имѣлъ медвѣжьи когти вырвалъ бы сердце свое изъ груди...

Но вотъ онъ случайно взглянулъ на столъ и увидѣлъ на немъ распечатанное письмо. Мгновенно мысли его поворотили въ другую сторону и онъ уже не одинъ... Предъ нимъ молодая дѣвушка, которая кротко смотритъ ему въ глаза и на устахъ у нея печальный вопросъ:—„Отчего ты не вѣришь мнѣ, когда я тебѣ говорю, что у тебя есть выходъ?.. Я знаю, что я тебѣ не мила, но я и не жду отъ тебя земнаго счастья. Не я стучусь въ твое сердце;—моими руками стучится Тотъ, кто можетъ и хочетъ тебя спасти. Повѣрь Ему, и ты никогда не будешь больше одинъ,—никогда не будешь оставленъ безъ помощи“.

„Что если это правда?“... Надежда теплится слабымъ лучомъ среди глубокаго мрака;—мнѣ хочется вѣрить, любить, не терпится выяснить множество темныхъ вопросовъ меня смущающихъ. Я зажигаю свѣчу, сажусь писать, и за работой забываю свою тюрьму.

Въ длинные зимніе вечера ея учитель меня навѣщалъ и у насъ завязывались горячіе споры... А время шло и весна была уже на дворѣ, но мнѣ и во снѣ не снилось, что это послѣдняя въ Z***.

Какъ мнѣ хотѣлось на воздухъ, въ садъ, гдѣ пахнетъ развертывающимися дубовыми почками и цвѣтетъ акація!.. Бывали

минуты когда при мысли, что я не увижу болѣе голубаго неба и свѣжей зелени, слезы текли у меня по щекамъ... За лѣто я исхудалъ и сонъ мой началъ мнѣ измѣнять.

Должно-быть мои друзья стали побаиваться, что я не вынесу третьяго года; потому что въ началѣ его со мною заговорили уже иначе.

* * *

Разъ ко мнѣ пришелъ Виллертъ, видимо озабоченный, и вмѣсто обыкновенныхъ вопросовъ: какъ я себя чувствую, etc, заговорилъ о Мери.

— Я очень боюсь за нее, сказалъ онъ.—Съ ней происходитъ что-то, чего она не умѣетъ или не хочетъ мнѣ объяснить; а между тѣмъ перемѣна день ото дня замѣтнѣе... И понижая голосъ до шепота:—Она не писала вамъ ничего особеннаго?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я дивясь.

— Дайте мнѣ слово, что если будетъ что-нибудь, вы не скроете отъ меня.

— Охотно; но я желалъ бы знать что̀ собственно васъ тревожитъ.

— Боюсь, продолжалъ онъ, оглядываясь на дверь:—чтобъ она не затѣяла какого-нибудь безумства. Вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ она жалуется на жизнь, которую она тутъ ведетъ и говоритъ, что она не въ силахъ долѣе ее выносить. — „Я, говоритъ,—задохнусь, если я тутъ проживу еще нѣсколько мѣсяцевъ“. Странно, не правда ли?

... У Мери вообще странный характеръ, обыкновенно довѣрчивая и откровенная, какъ ребенокъ, она становится иногда скрытна до того, что никто отъ нея не добьется правды... Тогда, такъ и жди какой-нибудь выходки. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ самый разгаръ войны, когда мистрисъ Питерсъ стала похварывать и здѣшніе доктора не знали, что̀ съ ней,—Мери носилась, какъ и теперь, съ какимъ-то замысломъ, котораго мы не могли разгадать, а въ одно прекрасное утро вдругъ исчезла, оставивъ нѣсколько строкъ, чтобъ о ней не тревожились, ибо она уѣзжаетъ на самый короткій срокъ къ женатому брату, здоровье котораго ее безпокоитъ и будетъ дня черезъ три назадъ. Потомъ оказалось, что братъ ея и не думалъ хворать, и что она, несмотря на тревоги военнаго времени, ѣздила въ Ричмондъ, чтобы посовѣтоваться о матери съ какою-то медицинскою знаменитостью.

— Да, сказалъ я:—это рѣшительно, но я не вижу тутъ ничего безумнаго.

Онъ замолчалъ и долго глядѣлъ на меня, не спуская глазъ, какъ бы желая, но не рѣшаясь открыть мнѣ что-нибудь очень серьезное.

— Безумство, мой другъ,— безсознательно. Люди нерѣдко идутъ на вѣрную гибель, твердо увѣренные, что поступаютъ очень практично и что ихъ ждетъ успѣхъ... Бываетъ и хуже. Я видѣлъ своими глазами мать, испуганную пальнымъ конемъ, вбѣжавшимъ на дворъ, гдѣ ея ребенокъ игралъ съ другими дѣтьми. Она стояла на галлереѣ втораго этажа и ее едва могли удержать въ минуту, когда она вскочила уже на парапетъ, чтобы спрыгнуть. Потомъ, она увѣряла, что въ ту минуту она ни о чемъ не думала, кромѣ того, что ребенокъ ея въ опасности и что ей надо мгновенно, мгновенно быть возлѣ него...

Я слушалъ, не понимая къ чему это клонится, а онъ не рѣшался меня вразумить и скоро потомъ ушелъ, оставивъ меня въ глубокомъ недоумѣніи. Какой замыселъ его фаворитка можетъ скрывать отъ всѣхъ, и въ какомъ отношеніи это можетъ касаться меня?... Письма ея, помимо ихъ религіознаго содержанія, были полны безутѣшной тоски, но въ нихъ не было ничего похожаго на практическую рѣшимость. „Будущее мое темно“, писала она.—„Ни искры надежды, которая освѣтила бы путь“... Съ чего же онъ взялъ, что этотъ путь, хотя бы и мнимый, найденъ? Во всякомъ случаѣ, такъ не пишутъ люди, задумавшіе какой-нибудь рѣшительный шагъ...

„— Вы счастливѣе меня, писалъ я.—У васъ, по крайней мѣрѣ, есть будущее, хотя бы и неизвѣстное, а у меня только четыре стѣны, да окно съ рѣшеткой. На что мнѣ свѣтъ, если нечего освѣщать?“

Мери, конечно, жаловалась, что я не понимаю ея. Будущее, о которомъ она имѣла глупость упомянуть, не болѣе, какъ ея земная судьба и она хотѣла только сказать, что она никому не нужна. Но вѣра ея въ загробную жизнь тверда и путь, который ведетъ ее къ Богу, свѣтелъ. Мало того, она надѣется, что и я въ эту сторону уже не далекъ отъ истины и т. д.

Въ концѣ февраля однако Виллертъ мнѣ сообщилъ одну вещь, которая сильно поколебала мой взглядъ на Мери. Онъ былъ взволнованъ и долго молчалъ, не рѣшаясь начать.

— Догадки мои не обманывали меня, сказалъ онъ.—Несчастная

ѣдетъ въ Уашингтонъ съ твердою рѣшимостью хлопотать о вашемъ освобожденіи.

Извѣстіе это было такъ неожиданно, что я чуть не вскрикнулъ, но ужасъ съ которымъ онъ оглянулся на дверь и жесты, которые дѣлалъ, чтобы зажать мнѣ ротъ, заставили меня призадуматься.

— Тсстъ! Тсстъ! шепталъ онъ.—Вы забываете, что стѣны и потолки тутъ имѣютъ уши! Чего вы спѣшите радоваться?... Я васъ предупреждалъ и повторяю еще разъ, сто разъ готовъ повторить, что это безумство... Это гораздо хуже, чѣмъ соскочить съ трехъ саженей высоты на мостовую!... Поймите въ чемъ дѣло. Поймите, что разъ она уѣдетъ отсюда съ доносомъ, ей нѣтъ возврата назадъ. Она не только сама пропадетъ, а погубитъ отца, сестру, легко можетъ статься, даже и васъ. Вы здѣсь не въ Россіи, гдѣ нѣсколькихъ словъ по телеграфу достаточно, чтобы мгновенно остановить занесенную руку. Здѣсь надо прислать бригаду съ орудіями, чтобы распоряженіе губернатора не осталось мертвою буквой, да и то еще десять противъ одного, что все будетъ кончено прежде, чѣмъ въ Уашингтонѣ придутъ къ какому-нибудь рѣшенію... Вы думаете, что мы сильны были Ричмондомъ?... Нѣтъ, здѣсь всякій городъ черезъ три дня готовъ обратиться въ Ричмондъ... Взвѣсьте мои слова, мой дорогой мистеръ Стефенъ, и если судьба этой великодушной дѣвушки стóитъ въ вашихъ глазахъ чего-нибудь, помогите мнѣ образумить ее.

Мы говорили долго и порѣшили на томъ, что онъ поѣдетъ вмѣсто нея.

— Не ручаюсь вамъ за успѣхъ, говорилъ онъ,—но сдѣлаю все возможное, чтобы васъ высвободить отсюда, не поднимая шуму. У меня есть друзья въ Уашингтонѣ, способные дать хорошій совѣтъ. Но прежде надо ее убѣдить, что это единственный путь, которымъ можно достигнуть чего-нибудь и я разсчитываю на ваше содѣйствіе. Напишите ей, что вы знаете отъ меня объ ея затѣѣ, но положительно несогласны принять отъ нея такую жертву. Подробности я ей объясню на словахъ, а вы стойте просто и коротко на томъ, что вы, какъ главное заинтересованное лицо, не желаете ставить на карту ея и вашу судьбу, ввѣривъ успѣхъ предпріятія въ ея неумѣлыя руки... Садитесь, пишите; мы не должны терять ни минуты времени.

Письмо, которое я набросалъ вчернѣ, звучало весьма убѣди-

тельно и горячо, насколько я могъ позволить себѣ, не возбуждая надеждъ, по многимъ причинамъ несбыточныхъ. Но Виллертъ, кажется, ожидалъ чего-нибудь болѣе выразительнаго, судя потому, что, пробѣжавъ мою черновую, онъ тяжело вздохнулъ.

— Только-то? вырвалось у него; но видя мое недоумѣніе и спѣша исправить произведенное на меня впечатлѣніе:—Я удивляюсь, какъ вамъ удалось сказать въ такихъ короткихъ словахъ такъ много, прибавилъ онъ сухо.—Ну, я не хочу васъ стѣснять... Быть-можетъ, подумавъ, вы и прибавите что-нибудь... Завтра я къ вамъ зайду за готовымъ письмомъ и не буду вторично его читать.

По многимъ причинамъ, которыя частію были мнѣ прямо объяснены, а частью угаданы, дѣло замедлилось. Первымъ препятствіемъ былъ недостатокъ наличныхъ средствъ: ни у Виллерта, ни у Мери не было нужной суммы, а обо мнѣ и говорить нечего. Я былъ давно у него въ долгу, и хотя надѣялся, что резервы мои въ Нью-Іоркѣ еще не улетучились, но не могъ ручаться, что деньги высланы будутъ оттуда на третье лицо, по заочному требованію отъ человѣка, пять лѣтъ незаявлявшаго о своемъ существованіи. Благоразуміе требовало сперва списаться, а это, хотя бы даже и черезъ посредство Виллерта, было весьма рискованно.

* * *

Такъ обстояли дѣла, когда въ домѣ у насъ случилось извѣстное вамъ приключеніе. Два сторожа подрались и младшій, уложивъ замертво старшаго, ночью бѣжалъ. Дѣло произошло такъ тихо, что въ домѣ о немъ хватились лишь въ шесть часовъ поутру, когда на мѣстѣ найденъ былъ только охолодѣвшій трупъ. Розыски привели къ несомнѣнной увѣренности, что виноватый бѣжалъ съ пассажирскимъ поѣздомъ, отходившимъ въ три часа ночи, въ Ричмондъ. Полиція на него махнула рукой и дѣло, въ Америкѣ очень обыкновенное, было забыто. Но Старру оно обошлось дорого. Два раза его вызывали куда-то для объясненія. По первому разу онъ воротился; а послѣ втораго я болѣе его не видалъ и до сихъ поръ не знаю рѣшительно ничего объ его судьбѣ, такъ какъ въ его отсутствіе наше секретное отдѣленіе потерпѣло никѣмъ непредвидѣнный крахъ.

Глухою ночью пріѣхалъ какой-то джентльменъ съ предписаніемъ отъ шерифа и съ небольшою командой въ пять человѣкъ,

свидѣлся съ главнымъ врачомъ и съ Питерсомъ, потребовалъ къ себѣ сторожей арестантскаго корпуса, объявилъ имъ, что служба ихъ кончена и разсчиталъ. Потомъ освободилъ четырехъ политическихъ арестантовъ, считая въ этомъ числѣ и меня, но объяснилъ, что не можетъ насъ отпустить немедленно, такъ какъ шерифъ желаетъ сперва удостовѣриться въ нашей личности. Я просилъ, чтобы мнѣ дозволено было проститься съ друзьями, которыхъ я покидаю, но онъ отвѣчалъ мнѣ строго:—„Послѣ успѣете, а теперь я даю вамъ небольше пяти минутъ, чтобы захватить съ собою частную вашу собственность“, что̀ я и сдѣлалъ, какъ могъ. Прощаться, еслибы мнѣ и дали на это время, за исключеніемъ Питерса, было не съ кѣмъ, такъ какъ была глубокая ночь, и не велѣно было будить никого безъ приказанія. Я написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ и просилъ передать ихъ Виллерту.

„Меня увозятъ къ шерифу, писалъ я,—и больше чѣмъ вѣроятно, что я не увижу васъ предъ разлукой, дорогіе друзья. Это несчастіе, противъ котораго я безсиленъ; но чувства, съ которыми я покидаю васъ, не могутъ быть выражены въ короткихъ словахъ... Даю вамъ слово, что вы получите отъ меня еще не разъ извѣстіе, какъ, надѣюсь, и я отъ васъ.

„Сердечно любящій васъ и горячо благодарный.

„С. П.“

Я не лгалъ, но вы поймете, что я не могъ сказать имъ всей правды;—не могъ между прочимъ сказать, какъ я счастливъ, что я наконецъ покидаю Z***. Подумавъ потомъ на досугѣ, я горячо благодарю Провидѣніе, что дѣло окончилось такъ, ибо не скрою отъ васъ, что оно могло окончиться иначе и гораздо печальнѣе.

* * *

Насъ усадили въ закрытые экипажи, команда разсѣлась: двое на козлахъ, а остальные въ открытомъ кабріолетѣ сзади. Товарищей моихъ по заключенію помѣстили въ передней каретѣ, а меня съ полицейскимъ чиновникомъ въ задней. Это былъ джентльменъ лѣтъ тридцати, съ рѣшительною миной и быстрымъ взглядомъ, въ партикулярномъ платьѣ, но съ полицейскимъ значкомъ и съ револьверомъ въ кабурѣ.

Едва экипажи тронулись, какъ онъ обратился ко мнѣ на этотъ разъ очень вѣжливо, называя меня: господинъ лейтенантъ и въ

коротскихъ словахъ изъявилъ сожалѣніе, что онъ вынужденъ былъ обойтись со мною такъ грубо, въ виду опасности, которою угрожало малѣйшее промедленіе.—„Тюремщика вашего, пояснилъ онъ,—хотя и не было налицо, но онъ могъ вернуться ежеминутно, и въ такомъ случаѣ дѣло не обошлось бы такъ мирно. Не удивляйтесь, если я вамъ скажу, что мы ѣдемъ совсѣмъ не къ шерифу, а прямо на дебаркадеръ желѣзнодорожной линіи Ричмондъ-Данвиль и будемъ тамъ, какъ разъ къ отходу поѣзда. Иначе я не могъ поступить, такъ какъ я въ глаза не видалъ шерифа и предписаніе, которое я предъявилъ отъ него,—подложное. Я офицеръ сыскной полиціи въ Вашингтонѣ, присланъ сюда съ деликатною задачей окончить дѣло безъ шума, что̀, слава Богу, и удалось.“

Не помню, что̀ дальше было говорено, потому что къ этому времени я опьянѣлъ отъ радости.

Свѣтало. Мы ѣхали скоро, такъ скоро, какъ только возможно, не возбуждая тревоги въ случайныхъ прохожихъ, которые попадались намъ на пути, но, какъ потомъ оказалось, все-таки не довольно скоро. Прошло, какъ мнѣ показалось, съ четверть часа и впереди мелькали уже огни дебаркадера, когда позади насъ, въ кабріолетѣ, послышался рѣзкій свистъ и три экипажа помчались во весь опоръ.

— Что̀ тамъ такое, Больтонъ? спросилъ агентъ, высовываясь до половины.

— Какіе-то всадники сзади, сэръ. Въ потемкахъ не разглядѣть.

— Гонп! и обращаясь ко мнѣ:—Вы видите теперь сами, что я имѣлъ достаточныя причины спѣшить. Но будьте спокойны; они опоздали.

Онъ говорилъ еще, когда сзади раздались два выстрѣла, пущенные, какъ слѣдуетъ полагать, съ досады на неудавшуюся погоню, ибо мы были уже у станціи, на подъѣздѣ которой насъ ожидало заботливо обезпеченное прикрытіе изъ пятнадцати молодцовъ въ знакомыхъ мнѣ хорошо мундирахъ Кентукскихъ стрѣлковъ. Когда я выскочилъ, въ ста саженяхъ позади, сквозь облако пыли, видна была удаляющаяся въ карьеръ погоня.

* * *

Я ѣхалъ съ освобожденными, и дорогой узналъ отъ нихъ всю исторію нашего арестантскаго отдѣленія, которую разскажу вамъ когда-нибудь самъ, а теперь прибавлю, что мы достигли благо-

получно Вашингтона, гдѣ и разстались. Ихъ увезли въ управленіе внутреннихъ дѣлъ, чтобы снять показаніе, а меня въ военный секретаріатъ.

Въ качествѣ раненаго на службѣ и содержавшагося въ плѣну мнѣ уплатили полное содержаніе за пять лѣтъ, а въ качествѣ добровольца, выразившаго желаніе воротиться на родину, выдали паспортъ на имя такого-то (Stephen Potshive) лейтенанта кавалерійской службы, нынѣ уволеннаго на половинное содержаніе.

На другой день я былъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ получилъ отъ общаго нашего корреспондента остатокъ по счету и дорогое ваше письмо.

На дняхъ уѣзжаю „домой“, но очень боюсь, что вы меня не узнаете. Нравственно и физически я теперь другой человѣкъ.

Н. Ахшарумовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВЪ ТУРКМЕНІИ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.)

IV.

Асхабадъ.

Послѣ песковъ пустыни и глиняныхъ Текинскихъ ауловъ, Асхабадъ произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Это бѣленькій, чистенькій, новенькій городокъ, радостно сверкающій своими зелеными садиками, своими веселыми домиками. Городокъ, однако, ежечасно превращающійся въ большой городъ. Ростъ его видится просто глазами. Говорятъ, лѣтомъ онъ душенъ, но теперь, въ развалъ весны, онъ еще дышетъ самою свѣжею молодостью. Вездѣ вода, вездѣ фонтаны, и въ маленькихъ садикахъ частныхъ домовъ, и въ городскомъ саду, и на городскихъ площадяхъ. Вода проведена изъ горныхъ ключей, верстъ за 12, съ помощью самаго несложнаго и недорогаго водопровода. Всѣ улицы подметены, политы, обсажены деревьями, вездѣ строгій военный порядокъ. Домики Асхабада скромные, небольшіе, всѣ похожіе другъ на друга, какъ и подобаетъ военному городу, за то ютятся въ просторныхъ, щедро отмѣренныхъ усадьбахъ, среди садиковъ, за сквозными оградами. Когда эти юные садики разростутся, тѣни и свѣжести будетъ очень много. Домики каменные, низенькіе, плоскокрышіе и крыши залиты кировъ, такъ что выходитъ своего рода несгараемый городъ. Улица-бульваръ, которая ведетъ прямо отъ вокзала, называется Анненковскою, въ

честь строителя Закаспійской желѣзной дороги, генерала Анненкова. На ней находится и домъ Анненкова. Съ Анненковской мы повернули подъ прямымъ угломъ на одну изъ самыхъ лучшихъ и, главное, самыхъ тѣнистыхъ здѣшнихъ улицъ—Офицерскую, которая ведетъ къ Скобелевской площади. Мнѣ очень нравится этотъ обычай молодыхъ азіятскихъ городовъ нашихъ, къ сожалѣнію, мало свойственный нашимъ старымъ русскимъ городамъ, — называть улицы и площади именами людей, заслуживающихъ того, чтобъ имена ихъ были переданы потомству.

На Скобелевской площади строится новый каменный соборъ, который долженъ быть готовъ уже этимъ лѣтомъ, а пока стоитъ скромная деревянная церковь, не помѣщающая и сотой части войскъ, расположенныхъ въ Асхабадѣ. Тутъ же и спартанскискромные нумера Семенова, въ которыхъ мы помѣстились и которые считаются лучшими, за отсутствіемъ въ городѣ настоящихъ гостиницъ для пріѣзжающихъ.

Асхабадъ не даромъ производитъ впечатлѣніе не русскаго, а скорѣе итальянскаго городка. Если много воздуха и солнца на его улицахъ, то за то въ его гостиницахъ — ни малѣйшей уютности, и зимой, надо думать, ихъ тѣнистые и сырые „нумера“ обращаются въ пещеры Борея. Достаточно уже того, что всѣ эти „нумера“, они же и спальни, открываются прямо на крытое крыльцо, или, если хотите, балконъ, безъ малѣйшаго слѣда какой-нибудь прихожей. На счетъ внѣшней обстановки, прислуги и самыхъ необходимыхъ житейскихъ удобствъ—отложите, разумѣется, всякое попеченіе. Но я говорю это мимоходомъ, болѣе для другихъ, чѣмъ для себя, потому что самъ я безъ малѣйшаго труда мирюсь съ этимъ спартанствомъ нашихъ азіятскихъ заѣзжихъ домовъ и никогда не ставлю ихъ на счетъ любопытнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ мнѣ удается побывать, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать болѣе требовательные туристы.

Заказавъ себѣ что̀ можно было къ обѣду, мы отправились, чтобы не терять времени, осматривать городъ. Извощики въ азіятской Россіи, какъ вообще и у насъ на окраинахъ, гораздо приличнѣе и удобнѣе, чѣмъ извощики въ нашихъ старыхъ губернскихъ городахъ, раболѣпно подражающихъ въ этомъ неопрятной старухѣ Москвѣ. Вмѣсто узенькихъ грязныхъ пролетокъ, на худыхъ клячахъ, тутъ почти вездѣ такъ-называемые фаэтоны, просторные и покойные, на довольно горячихъ лошадяхъ.

Центромъ Асхабада служитъ домъ генералъ-губернатора,

низенькій и скромный, какъ всѣ дома юга, окруженный за то большимъ садомъ. На площади противъ него памятникъ генералу Петрусевичу, энергичному помощнику Скобелева въ Ахалъ-Текинскомъ походѣ, и другимъ героямъ Геокъ-Тепе. Другой памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ въ бою съ Текинцами, воздвигнутъ около строящагося собора, на Скобелевской площади. Оба памятника скромны на видъ и говорятъ не столько глазу туриста, сколько чувству русскаго человѣка. Черезъ площадь, противъ дома генералъ-губернатора, старая текинская крѣпость на холмѣ. Глиняныя стѣны, глиняныя башни, рвы и валы, обложенные дерномъ. Хотя на валахъ еще хмурятся черныя жерла пушекъ и ходятъ часовые, но крѣпость въ сущности обращена въ простой пороховой магазинъ и складъ оружія. Только развѣ въ случаѣ какого-нибудь волненія туземцевъ она можетъ сыграть роль цитадели. Казармы въ крѣпостцѣ, и казармы на всякой почти улицѣ. Кромѣ военныхъ учрежденій да лавокъ, тутъ мало что̀ увидите. Асхабадъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ сохранилъ характеръ военной штабъ-квартиры своего рода. Во всемъ городѣ одна только двухклассная школа, хотя городъ и считается столицей цѣлаго Закаспійскаго генералъ-губернаторства. Это, конечно, мало похоже на Америку, но въ Азіи, да еще въ Туркменской, довольно понятно. Базары Текинскій, Персидскій, Бухарскій, армянскія и русскія лавки,—все это сосредоточено главнымъ образомъ въ старой части города. Тутъ множество ковровъ всякаго рода, текинскихъ и хорасанскихъ, шелковыхъ матерій, пестрыхъ бумажныхъ тканей, всего того, чѣмъ обыкновенно бываютъ богаты азіятскіе базары, но спеціально интереснаго нѣтъ ничего. Новыя части города распредѣляются съ военною правильностію, свободно и широко. Кварталы выростаютъ за кварталами, словно сами собою. На пустыряхъ, раздаваемыхъ почти даромъ, разбиваются сады, устраиваются ограды для будущихъ усадьбъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ города, гражданская жизнь волей-неволей начнетъ все больше врываться въ этотъ пока исключительно военный бытъ. Впрочемъ, уже и теперь существуетъ здѣсь общественное собраніе помимо военнаго. Есть и публичный городской садъ съ фонтаномъ, гротомъ и высокою горкой, съ которой отлично можно обозрѣть весь Асхабадъ. Бѣлыя акаціи, павловніи, елеагнусы, чинары,—вообще флора Крымскаго полуострова,—составляютъ главную массу деревьевъ этого сада. Несмотря на первую половину апрѣля, акаціи уже отцвѣли,

и садъ вообще оказался не особенно богатъ цвѣтами. Здѣсь раза два въ недѣлю играетъ полковая музыка, и Текинцы толпами приходятъ ее слушать. Аулъ ихъ какъ разъ противъ публичнаго сада, черезъ Анненковскую улицу. Мы проѣхали его во всѣхъ направленіяхъ. Былъ рамазанъ, и они праздновали его. Глиняныя стѣны идутъ вдоль и поперекъ, окружая ихъ дворы, поля, огороды. Узенькіе переулочки, съ трудомъ пропускавшіе нашъ фаэтонъ, вьются и ныряютъ между этими нескончаемыми глиняными оградами. На дворахъ кибитки, мазанки, верблюды и арбы. Домовитости никакой: настоящее хозяйство кочевника. Пустырей въ оградахъ больше, чѣмъ жилищъ. Таковъ былъ весь Асхабадъ, когда мы забрали его. Теперешній „русскій Асхабадъ“ производитъ на Текинца впечатлѣніе какого-то непостижимаго волшебства. Онъ еще не пришелъ въ себя отъ изумленія, откуда и какъ появились среди ихъ грязнаго глинянаго аула всѣ эти чудеса, эта кипучая жизнь, эта роскошь, это веселье, этотъ стройный порядокъ и полная безопасность. Магазины, фонтаны, монументы, поѣзда желѣзной дороги, хоры музыки, — тамъ, гдѣ на ихъ глазахъ такъ недавно еще паслись верблюды среди бурьяновъ пустыни.

Извощикъ нашъ съ чувствомъ зависти разсказывалъ о довольствѣ Текинцевъ.

— Чего имъ теперь еще! говорилъ онъ въ отвѣтъ на мои вопросы.—Какъ жили на волѣ, такъ и теперь живутъ. Царь нашъ все имъ оставилъ. Земля есть, сады есть, скотина есть, податей съ нихъ сходитъ самая малость, меньше, чѣмъ съ нашего брата, и никто его теперь трогать не смѣетъ. Что ни базаръ, онъ все что-нибудь продавать волочетъ, потому хлѣбъ сѣетъ, и траву, и табакъ, и виноградъ; опять же шерсть у него, ковры бабы ихъ ткутъ, на что лучше; нашимъ до нихъ куда-жь! По полсотнѣ и по сотнѣ рублей за одинъ коверъ берутъ. Даже съ Москвы купцы покупаютъ. А тратить ему куда? Ѣстъ онъ что овца, пьетъ воду одну. Одёжу ему опять-таки баба его справляетъ. Ему по дому никакого расхода нѣтъ... По ихъ жизни безпремѣнно у нихъ большія деньги должны быть...

— А не разбойничаютъ они тутъ по ночамъ? Смирно живутъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, что жь, клепать на нихъ нечего. Бываетъ за полночь въ одиночку ѣдешь мимо аула ихъ, и ночь темная, ни-ни! пальцемъ никто не тронетъ. Нѣтъ, баловства отъ нихъ никакого

не примѣтно: смирно живутъ и не воруютъ. Нашъ братъ на это хуже. Начальства, конечно, боятся, потому съ ними дюже строго поступаютъ, коли что̀ такое...

Генерала Куропаткина не было въ Асхабадѣ; онъ объѣзжалъ свою область; поэтому я не могъ воспользоваться письмомъ, которое имѣлъ къ нему. Однако, я все-таки сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ въ мѣстномъ военномъ мірѣ. Между прочимъ, я познакомился съ полковникомъ А., занимавшимся экономическими изслѣдованіями многихъ мѣстностей Закавказскаго края. Онъ человѣкъ наблюдающій и думающій и не даромъ объѣздилъ глухіе уголки этого глухаго края. Мы разговорились съ нимъ о Тедженскомъ уѣздѣ, который онъ недавно посѣтилъ.

— Нужно пожить въ этомъ краѣ, чтобы понять истинное значеніе орошенія, говорилъ А. — Это не только важнѣйшій здѣсь экономическій факторъ, но и основа всѣхъ общественныхъ и племенныхъ связей. Возьмите, напримѣръ, рѣку Тедженъ. Она раздѣлена Текинцами на четыре части; первый годъ, напримѣръ, орошаются земли нижней части бассейна, для среднихъ и верхнихъ земель вода тогда запирается. На слѣдующій годъ вода пускается въ среднія земли, а запираются остальныя; потомъ въ верхнія, и такъ по очереди. Въ каждой части опять очередь: сначала вода дѣлится между родами; столько дней подержитъ воду одинъ родъ, столько-то другой; въ родахъ кидается жребій между аулами, въ аулѣ между отдѣльными семьями, и т. д. Словомъ, вода создастъ естественную зависимость другъ отъ друга всѣхъ частей племени, живущаго на одной рѣкѣ, волей-неволей объединяетъ ихъ въ одинъ общественный союзъ, подчиняетъ ихъ однимъ порядкамъ.

— Что̀ же дѣлается съ землями, которымъ не очередь орошаться? Вѣдь онѣ должны лежать все это время пустыремъ? спросилъ я.—Это огромное неудобство.

— Ежегодно орошать здѣшнія земли нельзя, объяснилъ мнѣ А. — Отъ поливки появляется такое множество сорныхъ травъ, что онѣ задавили бы всякій посѣвъ, еслибъ ихъ не уничтожали періодически повторяющеюся засухой.

Мнѣ хотѣлось узнать, чѣмъ вызывается раздѣленіе Текинцевъ на пастуховъ и осѣдлыхъ, чомуръ и чорва, и есть ли между ними племенное различіе.

— О, нѣтъ, различія нѣтъ никакого, сообщилъ мнѣ А. —

Одинъ и тотъ же Текинецъ очень часто нынче чорва, а завтра чомуръ, и наоборотъ. Случается, что одинъ родной братъ чорва, а другой — чомуръ. Кибитка высылаетъ однихъ членовъ своихъ пасти скотъ, другихъ орошать поля и сѣять хлѣбъ. То же самое видѣлъ я и въ Ферганѣ у Киргизовъ. Тамъ встрѣчаются поучительные переходы отъ дикаго кочевничества къ полной осѣдлости. И это дѣлается совсѣмъ незамѣтно. На одной и той же рѣкѣ мнѣ приходилось видѣть всѣ постепенные фазисы этого перехода. Понемножку прибавляется къ кибиткамъ одна, двѣ мазанки, потомъ глиняная ограда, потомъ арыкъ и нѣсколько деревьевъ, а тамъ цѣлое поле и цѣлый аулъ, гдѣ ужь кибитокъ почти вовсе не видно—пастухъ тутъ совсѣмъ обратился въ пахаря и садовника.

Заинтересовалъ меня и одинъ молодой офицеръ генеральнаго штаба, полный энергіи и по горло преданный своему дѣлу. Всѣ стѣны его холостой квартиры въ планахъ кампаній, картахъ и чертежахъ. Я его засталъ среди груды разныхъ книгъ и записокъ. Онъ готовился сегодня же вечеромъ читать въ военномъ клубѣ свое сообщеніе о способахъ веденія войны въ Центральной Азіи. Мнѣ, конечно, любопытно было слышать взгляды образованныхъ мѣстныхъ дѣятелей на наши задачи и на наше положеніе въ Азіи.

— Мы здѣсь не только воины, но прежде всего цивилизаторы! развивалъ мнѣ свои мысли краснорѣчивый капитанъ.— Солдатъ нашъ цивилизовалъ этотъ край; онъ создалъ его пути сообщенія, его порядокъ, его безопасность. Онъ садилъ и строилъ здѣсь все, что вы видите. Изъ этого нашего двойнаго характера вытекаютъ и наши обязанности. Мы должны быть, съ одной стороны, могучи и грозны, потому что на Востокѣ не уважается ничего, кромѣ силы, но съ другой стороны, мы каждымъ шагомъ своимъ должны убѣждать Азіятца, что у насъ дѣйствительно лучше, чѣмъ у нихъ, что мы дѣйствительно вносимъ въ ихъ жизнь то, чего они никогда не имѣли и не могутъ имѣть безъ насъ. И вѣдь мы достигли своего, это можно признать безъ хвастовства, и у насъ имъ живется гораздо безопаснѣе, выгоднѣе, веселѣе, справедливѣе. Къ намъ поэтому всѣ теперь просятся: Сарыковъ и Салоровъ уже взяли, теперь лѣзутъ къ намъ Джемшиды, Персы... И этимъ приходится отказывать изъ политической осторожности. Да, по правдѣ сказать, и нужды въ нихъ нѣтъ. Персы прескверный народъ и съ ними трудно ладить. Пока они

боятся насъ; пока чувствуютъ огромную разницу между своимъ собственнымъ корыстнымъ, лѣнивымъ, притѣснительнымъ начальствомъ и русскими законными порядками, — они унижаются и просятся къ намъ. Но разъ онъ утвердился среди насъ, увѣрился, что его права обезпечены, что онъ можетъ безнаказанно судиться со всякимъ и на всякаго жаловаться, — онъ уже съ азіятскою чванностью заявляетъ: я Персъ, а не Русскій, меня не смѣйте тронуть!...

— Однако, мы все больше и больше набираемъ такихъ нежеланныхъ народовъ. Гдѣ жь, наконецъ, остановимся мы? замѣтилъ я.

— Что вы хотите! Насъ гонитъ впередъ какой-то рокъ, отвѣчалъ капитанъ.—Мы самою природой вынуждаемся захватывать все дальше и дальше, чего даже и не думали никогда захватывать. По условіямъ азіятской жизни, по великой роли, которую играетъ орошеніе въ здѣшнемъ хозяйствѣ, — у кого во власти находятся истоки воды, тотъ дѣлается невольнымъ господиномъ всего теченія. Вотъ, напримѣръ, Гератъ: верховья такихъ рѣкъ, какъ Герирудъ или Мургабъ мы не можемъ позволить Персамъ или Афганцамъ имѣть въ своихъ рукахъ; значитъ, хотимъ мы, не хотимъ, а ужь непремѣнно должны забрать Гератъ. Это только вопросъ времени. Такъ всѣ смотрятъ здѣсь на него: и мы сами, и наши враги.

— Теорія очень опасная, улыбнулся я; — такимъ образомъ, придется идти чуть не до конца свѣта, какъ это хотѣлъ сдѣлать когда-то Александръ Македонскій.

— Да, но во всякомъ случаѣ мы пока еще идемъ и не останавливаемся. Оттого-то намъ необходимо зорко слѣдить за собою и строго относиться къ себѣ. Тутъ всякій пустякъ имѣетъ огромное значеніе. На насъ обращено здѣсь слишкомъ много взоровъ. Вѣрите ли, что каждое солдатское ученіе наше—это своего рода школа для туземцевъ. Текинцы толпами собираются глазѣть на насъ. Ихъ поражаетъ изумленіемъ, что воля одного до такой степени воплощается въ массу, одушевляетъ ее и двигаетъ, какъ одну могучую машину, что, по мановенію начальника, тысячи людей, не раздумывая и не медля, исполняютъ въ данное мгновеніе все, что приказывается. Для дикаго кочевника это самая наглядная школа дисциплины, и, пожалуй, она многое подготовитъ намъ въ будущемъ! Оттого-то, повторяю, здѣсь, въ Азіи, нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, высоко держать русское знамя...

Вечеръ пришлось провести въ военномъ собраніи, гдѣ мой новый знакомецъ долженъ былъ читать свою лекцію. Собраніе военное исключительно: офицеры, полковники, генералы, и никого больше. Я былъ, кажется, единственнымъ чернымъ пятномъ въ этой толпѣ красныхъ воротниковъ, блестящихъ пуговицъ, золотыхъ погоновъ и эполетъ. Даже мебель тутъ — и та военная: угловые канделябры очень остроумно устроены на треножникахъ изъ ружей, а посреднѣ залы — люстра, весьма искусно связанная изъ штыковъ.

Домъ военнаго собранія, окруженный большимъ тѣнистымъ садомъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и красивыхъ домовъ Асхабада; помѣщеніе въ немъ офицерскаго клуба во всѣхъ отношеніяхъ удобное: прекрасная танцовальная зала, читальня, билліардная, буфетъ, нѣсколько гостиныхъ. Слушателей собралось довольно много, но молодой лекторъ, не разсчитавъ хорошо объема своего реферата, слишкомъ долго продержалъ ихъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, не давъ даже пятиминутнаго роздыха въ теченіе $2^1/_2$ часовъ. Хотя тема лекціи мнѣ была довольно хорошо знакома, но тѣмъ не менѣе я съ любопытствомъ прислушивался къ искреннимъ и горячимъ идеямъ молодаго мѣстнаго стратега, принимавшаго личное участіе въ Ахалъ-Текинскомъ походѣ. Онъ обставилъ свою лекцію множествомъ наглядныхъ пособій, планами, чертежами, картами, развѣшанными кругомъ его каѳедры, и ознакомилъ своихъ слушателей съ практическими пріемами войны противъ азіятскихъ кочевниковъ, какъ ихъ выработали наши талантливѣйшіе боевые люди, Скобелевъ, Черняевъ, Куропаткинъ, и другіе. Онъ иллюстрировалъ эти принципы практической стратегіи примѣрами изъ нашихъ азіятскихъ экспедицій, Текинской, Хивинской, Коканской, участники которыхъ во множествѣ сидѣли въ числѣ слушателей лекціи, изъ войны Англичанъ съ Суданцами и Афганцами, изъ итальянскихъ столкновеній съ Абиссиніей.

Не берусь критиковать вѣрность его выводовъ, но признаюсь, что русскому сердцу было утѣшительно слушать, до какой степени неумѣлы и неудачны были дѣйствія враждебныхъ намъ Европейцевъ въ войнахъ съ кочевниками, сравнительно съ молодецкими подвигами горсти русскихъ солдатиковъ, умѣвшихъ покорять цѣлыя царства при поразительной скудости всего, что̀ насущно необходимо человѣку.

Стремительный натискъ штыками, сомкнутый строй, непосред-

ственная близость начальника къ своему отряду, желѣзная дисциплина и непремѣнно — наступленіе, а не защита, — словомъ, все то, чего нѣтъ и не можетъ быть у кочевника, что̀ непривычно ему и что̀ поражаетъ его воображеніе, — вотъ основныя правила русскаго боя съ кочевниками, выработанныя и завѣщанныя своимъ товарищамъ по оружію Скобелевымъ и другими знатоками азіятской войны. Одна подробность, переданная какъ очевидцемъ, лекторомъ—очень тронула меня: послѣ боя въ Денгиль-Тепе, возвращаясь съ преслѣдованія бѣжавшаго врага, солдатики наши усадили всѣ лафеты орудій, всѣ сѣдла кавалеристовъ подобранными по дорогѣ текинскими дѣтишками и брошенными матерями ихъ... Въ этомъ отрадное отличіе „христолюбиваго воинства“ нашего отъ варваровъ-Азіятовъ, которые торжествуютъ свои побѣды прежде всего тѣмъ, что рѣжутъ горла своимъ плѣнникамъ, не разбирая ни пола, ни возраста.

Я возвратился въ свои „нумера“ пѣшкомъ прелестною южною ночью по тѣнистой аллеѣ Офицерской улицы. Чудный мягкій воздухъ, ароматъ многочисленныхъ садовъ и необыкновенная яркость луннаго свѣта, — выразительно говорили о югѣ, о веснѣ...

У жены я засталъ за чаемъ нашего спутника, Американца изъ Чикаго, м-ра Крэна. Онъ тоже не терялъ времени даромъ и съ помощью своего переводчика, Мингрельца, успѣлъ попраздновать на рамазанѣ въ кибиткѣ аульнаго старосты, гдѣ женщины показывали ему, какъ они ткутъ ковры и пекутъ хлѣбъ, а мужчины угощали кумысомъ и разсказывали всякія изумительныя вещи о Хивѣ,—выше которой въ воображеніи Текинца не существуетъ ничего, ни на землѣ, ни на небѣ.

Посидѣвъ въ Асхабадѣ сколько было нужно, пора было и собираться дальше. Поѣздъ отходилъ рано, и, не надѣясь на плохую прислугу, я чуть свѣтъ побѣжалъ на базары— отыскать извощиковъ подъ насъ и нашъ изрядный-таки багажъ. Городъ уже давно былъ на ногахъ и торговля въ полномъ разгарѣ. Мы пріѣхали на вокзалъ вò-время, но были поражены довольно

непріятнымъ извѣстіемъ: оказалось, что почтовые поѣзда ходятъ только два раза въ недѣлю, а сегодня отходитъ товаро-пассажирскій, въ которомъ, къ довершенію удовольствія, не будетъ на этотъ разъ вагоновъ втораго класса (перваго класса совсѣмъ нѣтъ на Закаспійской дорогѣ). Приходилось или садиться въ вагонъ третьяго класса на этотъ сравнительно медленный поѣздъ, или ждать еще два дня. Мы подержали военный совѣтъ съ нашимъ Американцемъ и рѣшились отправляться немедленно, чтобы не перепутать предположеннаго маршрута.

Не скажу, чтобы мы очень были довольны потомъ выбраннымъ нами способомъ передвиженія, но тѣмъ не менѣе потерять два дня было бы еще тяжелѣе. Главнымъ лишеніемъ нашимъ было отсутствіе буфета на поѣздѣ. Эта американская роскошь, незнакомая даже роскошнымъ дорогамъ Европейской Россіи, въ Закаспійскомъ краѣ вызывается насущною необходимостью. При отсутствіи всякаго цивилизованнаго населенія вокругъ крошечныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги, при отсутствіи въ нихъ даже достаточнаго помѣщенія для буфетовъ, наконецъ, при отсутствіи въ нихъ сосѣдствѣ всякихъ рынковъ, на которыхъ можно было бы имѣть съѣстные припасы, нѣтъ возможности содержать постоянные буфеты на станціяхъ, тѣмъ болѣе, что поѣзда желѣзной дороги сравнительно очень рѣдки, и разстоянія станціи отъ станціи довольно велики. Поэтому и нужно было создать буфеты путешествующіе, сопровождающіе поѣздъ, и удивительно кстати развлекающіе своими питіями и яствами злополучныхъ путешественниковъ, обреченныхъ цѣлыми сутками жариться на 50-градусной жарѣ въ своихъ тѣсныхъ клѣткахъ, созерцая песчаные бугры или гладкіе, какъ ладонь, солончаки пустыни.

Хорошо еще, что мы съ женой заранѣе запаслись всякою провизіей и утварью, необходимою для странствованій по варварскимъ землямъ, такъ что это неожиданное злополучіе не захватило насъ врасплохъ. Русскій чай очень удобно заваривался и распивался въ вагонѣ, къ особенному удовольствію м-ра Крэна, а запасъ кавказскаго вина и разныхъ консервовъ, закупленныхъ въ Тифлисѣ и Баку, оказался непстощимъ, даже при участіи еще двухъ случайныхъ потребителей.

И оба мы съ женой и привыкшій ко всякимъ путевымъ передрягамъ Американецъ,— съ философскимъ благодушіемъ переносили неизбѣжныя злополучія, присущія подобному путешествію,

самымъ веселымъ образомъ подшучивая другъ надъ другомъ и надъ самими собой. „Въ тѣснотѣ—не въ обидѣ!“ говоритъ русская пословица; и въ грязи—тоже не въ обидѣ, и въ духотѣ—не въ обидѣ, безо всякихъ пословицъ думаетъ про себя русскій человѣкъ. Съ этой точки зрѣнія и мы не должны были считать себя обиженными судьбой, хотя сугубо и трегубо терпѣли и тѣсноту, и грязь, и духоту. Къ великому еще нашему счастью Закаспійская дорога придумала прекрасную вещь—особые вагоны для магометанъ. Это въ высшей степени практично и политично. Туземцы чрезвычайно довольны, что имъ не приходится перевозить своихъ женъ и дочерей рядомъ съ русскими солдатами, что они могутъ и сидѣть по-своему, и молиться по-своему, не оскверняемые присутствіемъ собакъ-Русскихъ, а русскій православный людъ еще того довольнѣе, что все это лохматое звѣрье, кишащее всевозможными насѣкомыми, не полюдски говорящее, не полюдски сидящее,—не набивается въ его вагоны и не возмущаетъ его православныхъ вкусовъ. Иначе бы въ вагоны третьяго класса и войти было нельзя. Теперь же все-таки спутники наши если и не принадлежали къ числу особенно галантныхъ людей, то все-таки были народъ порядочный и подъ-часъ не безъинтересный. Старый служака жандармъ, въ сѣдыхъ николаевскихъ бакенбардахъ, шевронистъ, украшенный серебрянымъ и золотымъ Георгіемъ и нѣсколькими медалями на шеѣ, болѣе другихъ оказывалъ намъ знаки своего вниманія, давая всѣмъ понять, что ему не въ диковинку обращаться съ хорошими господами. Онъ сломалъ почти всѣ здѣшніе походы, зналъ здѣсь всю подноготную и сообщалъ намъ много интереснаго. Радости его не было предѣловъ, когда онъ случайно узналъ, что мы Куряне, и даже Щигровцы, земляки его по уѣзду, что мы хорошо знаемъ и его родное село, и его родныхъ.

— Господи батюшки! повторялъ онъ, радостно осклабляясь и поочередно разсматривая то меня, то жену.—Просто и глазамъ не вѣрится. Какъ-таки, столько лѣтъ здѣсь прожилъ, первый разъ приходится изъ мѣстовъ своихъ земляковъ встрѣтить... И какимъ это манеромъ въ такую сторону дальнюю вы попали, ума не приложить!... Вѣдь устроитъ же Богъ!... А я ужь думалъ, помру здѣсь, никого со своей стороны не увижу... Такъ неужто вы и вправду Ивана Аксеныча, дядю моего, знаете. и въ Савинахъ нашихъ бывали?

Эта неподдѣльная, дѣтски-простодушная радость русскаго

человѣка при видѣ незнакомыхъ ему земляковъ, была по истинѣ трогательна. Я разспрашивалъ его о житьѣ-бытьѣ Текинцевъ.

— Да живутъ ничего, только жизнь ихъ скучная; съ нашей не сравнять. Бабы у нихъ только вотъ развѣ монеты серебряныя на груди да на головѣ вѣшаютъ, а наряду настоящаго нѣтъ! Натянетъ прямо на голову рукавъ халата шелковаго, да такъ и идетъ на базаръ. У насъ бы мальчишки такую-то засмѣяли, проходу бы ей не было... Ну, а хозяйничаютъ ничего: пшеничкой занимаются, ячменемъ, сады тоже разводятъ, винограду — это чего больше! Теперь картошки пошли сажать, у солдатиковъ нашихъ переняли.

— Нашихъ-то здѣсь трогаютъ когда? спросилъ я.

— Ни Боже мой! Здѣсь на это строго. Чуть что, сейчасъ весь аулъ въ отвѣтъ. Переймутъ у нихъ воду дня на три, на четыре,—хоть перекалѣйте всѣ, — ну, и выдадутъ виноватаго. А съ ними расправа коротка. Коли убивство какое, сейчасъ въ Асхабадъ и вѣшать! Да эти оказіи рѣдко случаются; развѣ только на границѣ самой, на горахъ. Текинская вѣдь земля только по гребень горы, а за гребнемъ персидская, ну, вотъ и балуются тамъ, потому, уйти можно; пикеты наши казацкіе рѣдко стоятъ, по нѣскольку верстъ другъ отъ друга, такъ, можетъ, когда и согрѣшатъ. Человѣкъ двѣнадцать въ годъ убитыхъ бываетъ, говорить нечего, а больше не бываетъ... Дюже нашихъ боятся...

За Асхабадомъ Текинскій оазисъ еще долго сохраняетъ свой цвѣтущій и обработанный видъ. Кибитки цѣлыми сотнями стоятъ у самой дороги, засѣянныя поля, сады, аулы тянутся почти сплошь у подножія горъ. Калы и отдѣльныя башни осыпаютъ непрерывною цѣпью линію ауловъ. Страна отъ Анау до Гяурса занята Текинцами не особенно давно — всего въ 1881 году. До того тутъ жили подвластные Персіи Курды и Туркмены Алили. Но больше всего тутъ оставили своего наслѣдія выгнанные за горы Персы. Оттого она такъ людна и воздѣлана. Какова была эта страна въ прежнее время—объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорятъ развалины города Анау.

Цѣлый огромный городъ съ храмами, стѣнами, башнями, куполами и арками базаровъ, съ характерною живописностью высится у подножія горъ на обрывистомъ, неприступномъ холмѣ, плоскомъ, какъ терраса. Онъ и внизу обсыпанъ на далеко кругомъ домами, башнями, стѣнами. Великолѣпная мечеть типическаго персидскаго стиля, хорошо еще сохранившаяся, осѣняетъ

своею громадною аркой и своимъ величественнымъ заостреннымъ куполомъ этотъ полуразрушенный и омертвѣвшій городъ. Стѣны верхняго акрополя еще охватываютъ свой холмъ сплошнымъ кольцомъ, хотя уже сильно вызубреннымъ и растрескавшимся. Но за то внизу и кругомъ холма почти всѣ онѣ лежатъ низвергнутыя во прахъ на огромное пространство и только уцѣлѣвшіе одинокіе обрывки ихъ, да часто какъ зубы торчащія четырехъугольныя башни съ бойницами,—указываютъ направленіе и размѣры былыхъ крѣпостныхъ твердынь, въ нѣсколько рядовъ окружавшихъ когда-то обширный городъ...

Анау—городъ глубокой древности, хотя, конечно, древній городъ давно погребенъ подъ болѣе новымъ персидскимъ. Два большіе могильные холма возвышаются около города, и въ одномъ изъ нихъ наши мѣстные изслѣдователи уже пробовали дѣлать довольно глубокія раскопки. Къ сожалѣнію, мнѣ не было времени познакомиться съ археологическими работами по этому предмету. Но читая у Курція описаніе походовъ Александра Македонскаго, мнѣ пришло въ голову, не въ Анау ли былъ тотъ „Ирканскій городъ, гдѣ былъ Даріевъ дворецъ“ и гдѣ, преслѣдуемый Македонцами, Набарзанъ встрѣтилъ ихъ съ великими дарами. Въ числѣ даровъ, какъ разсказываетъ Курцій, былъ и „Вагой, прекрасный евнухъ еще въ самомъ цвѣтѣ младости, котораго прежде и Дарій любилъ, и Александръ вскорѣ любить началъ“, и который впослѣдствіи съ такою своенравною жестокостью распоряжался судьбой самыхъ достойныхъ соратниковъ Александра.

Съ тѣхъ поръ, какъ линія персидскихъ крѣпостей по эту сторону горъ была уничтожена натискомъ кочевниковъ, сосѣднія области Хорасана, Келата, Дерегеза, Кучана и Буджнурда обратились изъ цвѣтущихъ мѣстъ въ пустыню; по близости горъ почти нѣтъ теперь персидскихъ поселеній, кромѣ спрятанныхъ въ неприступныхъ мѣстахъ. Въ округѣ „Пяссъ-и-Кухъ“, напримѣръ, изъ 460 деревень осталось только 20, и округъ этотъ даже оффиціально носитъ названіе „округа загорныхъ развалинъ“.

Такъ было бѣдственно для Персіи сосѣдство неукротимыхъ хищниковъ текинскаго оазиса. Немудрено, что Хорасанцы радовались Текинскому погрому при Геокъ-Тепе болѣе, чѣмъ сами Русскіе.

Вся страна кругомъ носитъ на себѣ наглядные слѣды того

состоянія вѣчной войны и постоянныхъ тревогъ, въ которомъ цѣлыя столѣтія сряду протекала жизнь ея обитателей. На каждомъ шагу ощетиниваются своими стѣнами и башнями опустѣвшія теперь болѣе никому не нужныя, но недавно еще грозныя, калы, въ которыя развѣ только пастухъ загоняетъ теперь на ночь свои стада.

А поля покрыты будто часто разбросанными деревьями — маленькими башенками-столпами, за которыми застигнутые врасплохъ непріятелемъ жители оазиса прятались и отстрѣливались, пока подоспѣвала на выручку помощь изъ аула.

Эти безглазыя башенки сообщаютъ своеобразную физіономію текинскому полю. Любитель метафоръ сказалъ бы, что это выросшіе изъ земли зубы дракона. Земля вражды и крови словно оскаливается на міръ Божій этими, безсильными теперь, но все жь еще злыми зубами своими.

Ротъ самого Текинца, какъ-то по животному оттянутый книзу, тоже постоянно оскаливается такими же злыми, хотя и бѣлыми, какъ у Араба, зубами. Текинцы и смуглы, какъ Арабы, но за то скуласты и плосконосы, хотя далеко не такъ, какъ Монголы. „Калмыковаты лицомъ“, какъ мѣтко опредѣлилъ ихъ нашъ собесѣдникъ жандармъ. Ухватка же и всѣ пріемы ихъ изумительно напоминали мнѣ ловкія и удалыя движенія дагестанскихъ Лезгинъ.

Замѣчательно, что всѣ эти калы и башни сдѣланы руками рабовъ-Персовъ. Текинецъ только въ крайней нуждѣ унижался до такой работы. Персы вообще несравненно искуснѣе Туркменовъ. Теке умѣютъ еще проводить нехитрые арыки черезъ свои сады и поля, но всѣ подземные колодцы, „карызы“ — остатки персидскаго владычества. Даже и теперь, когда нужно бываетъ почистить какой-нибудь древній карызъ, въ теченіе вѣковъ питающій водой нѣсколько ауловъ,—приходится нанимать Персовъ. Карызы роются сначала въ видѣ нѣсколькихъ глубокихъ колодцевъ, расположенныхъ по одной линіи, и потомъ соединяются между собою подземными канавами. Оттого вода въ нихъ не испаряется даже во время самыхъ большихъ жаровъ. Работа эта требуетъ большаго искусства и навыка и далеко не безопасна.

Къ сожалѣнію, нашъ братъ, Русскій, не внесъ пока ничего новаго въ хозяйственный бытъ Текинскаго оазиса, кромѣ внѣшней безопасности и внутренняго порядка. Наша отечественная

предпріимчивость, вездѣ не особенно энергическая, спитъ здѣсь сномъ праведника.

Мы разговорились по этому поводу съ однимъ нашимъ спутникомъ, инженернымъ офицеромъ, близко знающимъ край, гдѣ ему приходится дѣйствовать съ самаго покоренія его.

— Что жь вы хотите, горячился онъ, — когда Россія высылаетъ намъ сюда одно отребье свое. Тутъ нужны капиталы, знаніе, смѣлая иниціатива, а къ намъ являются чуть не нищіе, люди никуда не годные на родинѣ, ничего не умѣющіе и ничего не имѣющіе. Поневолѣ Армяне и захватили все въ свои руки! Это владыки азіятской торговли, которые не побоятся никакой европейской конкурренціи. Они тутъ у себя дома, чуть ли не съ самаго всемірнаго потопа. И къ нимъ тутъ всѣ привыкли, и они тутъ ко всему привыкли. Куда же Еврею сравняться съ Армяниномъ! Онъ тутъ дыхнуть не смѣетъ рядомъ съ нимъ. Ахъ, еслибы сюда предпріимчивыхъ русскихъ людей!.. Чтобы только тутъ закипѣло, — повѣрить трудно; тутъ въ горахъ непочатыя богатства: и сѣра, и нефть, и каменный уголь. Тутъ вамъ и хлопокъ можно разводить, и шелкъ, и виноградъ, и пшеницу, и все, что хотите.

— Отчего же вы не упомянули лошадей? замѣтилъ я.—Вѣдь текинскіе кони, я думаю, тоже могли бы стать важною отраслью торговли?

— Какъ вамъ сказать? Текинскія лошади только въ славѣ, а на дѣлѣ я видѣлъ очень мало хорошихъ, отвѣчалъ офицеръ.— Можетъ-быть, встарину было иначе; и потомъ непомѣрно дороги. Какое же сравненіе съ англійскою скаковою лошадью! Тѣ не въ примѣръ лучше. Да вотъ будете въ Мервѣ—сами увидите. Тамъ большія конскія ярмарки, можно заказать себѣ какую угодно лошадь...

— Скажите пожалуста, а не пытались вы заводить тутъ русскія поселенія? спросилъ я.

— Есть у насъ одинъ русскій поселокъ, махнувъ безнадежно рукой, сказалъ инженеръ.—Верстъ пятнадцать отъ Асхабада къ горамъ; дворовъ сорокъ ихъ теперь набралось, такъ всякій сбродъ, не то чтобы настоящій сельскій народъ; прежде ихъ всего было поселено семнадцать дворовъ, потомъ другіе понаселились. Живутъ себѣ такъ ни шатко, ни валко, хлѣбомъ занимаются, виноградомъ, но прочности какъ-то никакой не видно, все кажется, что вотъ сейчасъ поднимутся и уйдутъ... Во всемъ

имъ нужна помощь, все на казенный счетъ наровятъ. Къ нимъ и безъ того няньки приставлены отъ казны: нарочно казаковъ рядомъ съ ними поселили, чтобы Текинцы ихъ не обидѣли...

Отъ Анау до Артыка оазисъ словно прерывается, и желѣзная дорога перерѣзаетъ совсѣмъ безлюдную, какъ скатерть, ровную степь изъ глинистаго лёсса, сплошь заросшую молодымъ еще темно-зеленымъ верблюдятникомъ, котораго мягкія пока колючки особенно лакомы нетребовательному кораблю пустыни. Весенніе цвѣты въ Ахалъ-Текинской степи вездѣ одни и тѣ же: мелкій красный макъ и лиловые колокольчики стелются кругомъ необозримыми коврами. Но среди этой зелени и этихъ цвѣтныхъ ковровъ такъ же часто стелются и болѣе характерныя украшенія пустыни—сверкающіе, какъ ледъ, солончаки, которые по иллюзіи зрѣнія постоянно принимаешь за озера, тѣмъ болѣе, что они, какъ озера, обросли даже камышами.

А тутъ еще неизбѣжное марево, — это сновидѣніе пустыни, колышетъ надъ ними будто волны тихаго моря нагрѣтый воздухъ, капризно приподнимая въ него и незримо гдѣ пасущагося верблюда, и далекій могильный холмъ, растянутые до чудовищныхъ размѣровъ.

На степи ничего, ни кибитки, ни человѣка. Только могильные курганы, длинные и плоскіе, насыпанные надъ какою-нибудь давно забытою славой степнаго хищника, одни безмолвно провожаютъ нашъ шумно несущійся поѣздъ.

Справа горы подходятъ все ближе къ дорогѣ, и изъ-за нихъ все яснѣе вырѣзаются снѣговыя вершины другаго, болѣе далекаго и высокаго хребта.

Станція Ахсу совсѣмъ пустынная, безъ садика, безъ фонтана; человѣкъ тутъ еще едва отопталъ мѣстечко для жилья. Персія отсюда въ двухъ шагахъ, и замирающій у Ахсу ближній хребетъ горъ словно открываетъ намъ свободный проходъ въ нее. Нашъ Артыкъ уже почти на самой границѣ Персіи.

Но еще до Артыка мы остановились на цѣлыхъ пятьдесятъ минутъ въ другой пустынной станціи—Бабѣ-Дурмасѣ. Отъ нечего дѣлать я вынулъ свой дорожный альбомъ и отошелъ съ четверть версты въ степь набросать соблазнившія меня развалины маленькой калы.

За то съ Артыка опять начинаются аулы, сады, калы, башеньки

въ поляхъ. Но сами поля мало засѣяны. Здѣсь каждый засѣваетъ только то, что̀ въ силахъ оросить; безъ орошенія — здѣшняя почва безплодный камень. За то посѣвы изумительной густоты, роста и силы. Въ поляхъ мы видѣли за работой не только Текинцевъ, но и Текинокъ; онѣ не закрываютъ лицъ и не удаляются отъ мужчинъ. Тутъ я окончательно убѣдился, что около каждаго значительнаго текинскаго аула непремѣнно есть огромный насыпной холмъ съ плоскою вершиной, такой точно, какъ знаменитый Денгиль-Тепе; не похоже, чтобъ это были могильные холмы. Скорѣе нужно думать, что это мѣсто защиты на случай опасности или мѣсто народныхъ собраній. Но впрочемъ, можетъ-быть, что мѣсто защиты и собраній вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ въ себѣ прахъ предковъ, особенно дорогой Азіятцу.

Съ лѣвой стороны дороги въ степи—цѣлые таборы кибитокъ, съ правой—аулы, а дальше за ними на крутыхъ, тоже, повидимому, насыпанныхъ холмахъ рядъ городковъ—крѣпостей, когда-то защищавшихъ отъ вторженія Туркменъ открытыя въ этомъ мѣстѣ границы Персіи. Текинцы отобрали ихъ у Персовъ и обратили противъ нихъ самихъ, но когда пала ихъ твердыня въ Геокъ-Тепе, они уже не защищали этихъ маленькихъ крѣпостей, а покинули ихъ на произволъ судьбы.

Текинцы пользуются теперь своими кала̀ только зимой, укрывая въ нихъ отъ вѣтровъ и непогоды свои войлочныя и рогожныя кибитки.

Многія кибитки смазываются на зиму глиной по цѣновкамъ. Видъ текинской кибитки вообще напоминаетъ издали небольшую круглую мазанку; своею формой она чрезвычайно похожа на тѣ желѣзныя керосинныя цистерны, какія такъ много видишь теперь при вокзалахъ торговыхъ городовъ.

Странное дѣло, и здѣсь, въ только-что забранной Туркменіи, успѣлъ уже укорениться обычный предразсудокъ южныхъ туземцевъ, на который я наталкивался и въ Крыму, и на Кавказѣ,— будто Русскіе приносятъ съ собой снѣгъ и морозы въ страны, никогда не знавшія зимняго холода.

Словоохотливый жандармскій унтеръ-офицеръ, сидѣвшій рядомъ съ нами, герой Карса и Геокъ-Тепе, украшенный тремя Георгіями, золотыми и серебряными, разсказывалъ намъ, что въ 1881 году, когда они забирали Асхабадъ, въ мартѣ солдаты снимали отъ жары рубахи съ тѣла, а Текинцы увѣряли, что они никогда прежде не знали ни дождей, ни снѣга.

Съ жандармомъ мы разговорились про его походы.

Оказалось, что золотаго Георгія на него навѣсилъ самъ Скобелевъ при взятіи Геокъ-Тепе, когда онъ на глазахъ генерала срубилъ Текинцу однимъ ударомъ голову съ плечомъ.

— Текинцы молодцы! Да ужь и сукины сыны на сабляхъ рубиться! повѣствовалъ онъ намъ.—Казакамъ нашимъ гдѣ жь до нихъ, хоть и тѣ ничего народъ! Чего лучше—одинъ противъ нашихъ пятерыхъ бьется и не сдастся никогда. Отрядъ цѣлый придетъ, ихъ пять человѣкъ въ башню забьются, и всѣ тамъ и полягутъ, пардону никто не попроситъ. Страсть сколько побили ихъ въ Геокъ-Тепе! Я самъ человѣкъ двадцать зарубилъ; потому мы гнали ихъ пятнадцать верстъ: пока темно стало, ну тутъ Скобелевъ отбой велѣлъ трубить. А какъ они изъ воротъ бѣжали, тутъ ихъ артиллерія положила все равно какъ баранту; человѣкъ по сту разомъ падало подъ картечью. Персовъ мы у нихъ въ желѣзахъ сколько нашли, Персіянокъ! Сейчасъ же ихъ—маршъ куда хочешь! на всѣ четыре стороны. Они и Текинокъ хорошихъ съ собой увели, и своихъ женъ. Что вѣдь только творили Текинцы надъ этими Персами, да надъ Бухарцами,—уму помраченье! Тѣ ихъ хуже огня боялись. Одинъ бы Текинецъ пришелъ, цѣлый бухарскій городъ забралъ. Бухарцы—тѣ народъ смирный, купцы все больше, ну, а эти—звѣрье! А только дюже честны, никакихъ грабежей и разбоевъ. Два эскадрона милиціи изъ нихъ набрано за жалованье, по доброй волѣ, а такъ въ рекруты не берутъ. А подати съ нихъ сходитъ всего по пяти рублей съ кибитки. Я вѣдь теперь въ Чарджуѣ служу, тамъ войско наше стоитъ, а городъ самъ бухарскій. Ханъ дозволяетъ, потому мы теперь въ мирѣ съ нимъ. Пока живъ,—потолѣ онъ ханъ, а помретъ—подъ Рассею Бухара отойдетъ. Бухарцы ждутъ не дождутся, потому что имъ отъ него разореніе—половину жатвы себѣ ханъ у нихъ беретъ. Въ Бухарѣ теперь куда хочешь иди, все равно, какъ въ Рассеи, пальцемъ никто не тронетъ. Солдаты ихніе по нашему обучены, наши же унтеръ-офицеры изъ казанскихъ Татаръ ихъ учили, даже честь дѣлаютъ офицерамъ нашимъ, коли въ кокардѣ или при саблѣ. А жить дешево—страсть! Пять копѣекъ говядина лучшая, въ Самаркандѣ такъ еще и три копѣйки, семьдесятъ копѣекъ яицъ сотня всю зиму, дыни и теперь еще свѣжія, за три копѣйки арбузъ лучшій на выборъ! расхваливалъ намъ свою привольную жизнь въ Бухарскомъ ханствѣ лихой ветеранъ.

Кахка — родъ маленькаго городка. Тутъ казармы казацкой артиллеріи и стрѣлковаго баталіона, тутъ очень большой аулъ съ кибитками и глиняными мазанками, съ глубокими многочисленными арыками.

Отъ Кахки горы удаляются и у Душака исчезаютъ вовсе. Душакъ—самый близкій русскій пунктъ отъ Мешеда, всего въ 18 персидскихъ миляхъ, то-есть во 126 верстахъ. Отъ того здѣсь учреждена пограничная таможня для персидскихъ товаровъ. Пошлина, по здѣшнему *пачъ*, взимается въ размѣрѣ $^1/_{10}$ цѣны товара; взимаетъ ее особый *пачиманъ* изъ Текинцевъ, живущій въ сосѣднемъ аулѣ. На каждые десять рублей, которые онъ собираетъ въ пользу таможни, онъ получаетъ одинъ рубль въ свою пользу. Такихъ пачимановъ четверо въ Закаспійской области. Какъ ни странно для непосвященнаго въ дѣло это довѣріе дикарю-Текинцу сборовъ государственной таможни, однако, по увѣренію мѣстныхъ знатоковъ края, при настоящихъ условіяхъ только туземцы-Текинцы, которымъ вѣдома малѣйшая тропинка въ горахъ, въ состояніи углѣдить за всѣми изобрѣтательными плутнями Персіянъ по части контрабанды и разнаго обмана на провозимомъ товарѣ.

За Душакомъ кончается Ахалъ-Текинскій оазисъ, и поѣздъ попадаетъ опять въ пустыню. Кусты саксаула сразу говорятъ вамъ о начинающемся царствѣ песковъ. При самомъ въѣздѣ въ пески мимо поѣзда промчалось стадо джейрановъ, сильно возбудившее мое любопытство. Я въ первый разъ видѣлъ джейрановъ на волѣ и въ такомъ многолюдствѣ. Эти хозяева песчаныхъ пустынь зимой то и дѣло перебѣгаютъ желѣзную дорогу. Ихъ водится тутъ такое множество, что цѣлая тушка продается зимой по двадцати и тридцати копѣекъ. Лѣтомъ они поднимаются въ горы, за персидскую границу, гдѣ ихъ не останавливаютъ никакіе пачиманы и гдѣ имъ готовы превосходные лѣсные луга. Кабаны тоже держатся во множествѣ у подножія горъ и на горахъ. Когда стропили здѣсь желѣзную дорогу, то убивали пропасть кабановъ даже въ степныхъ камышахъ.

Въ Тедженѣ поѣздъ стоитъ болѣе трехъ часовъ, непостижимо зачѣмъ и почему.

Тедженъ—нѣчто въ родѣ городка, на рѣкѣ, которая Туркменами называется тоже Тедженомъ, но въ географіи болѣе извѣстна

подъ именемъ Герп-Руда. На этомъ Герп-Рудѣ стоитъ нашъ Серахсъ, а далѣе афганскій Гератъ.

Герп-Рудъ—это единственныя ворота въ Афганистанѣ, поэтому понятно, почему Русскіе дорожили овладѣть его теченіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Герп-Рудъ и наша граница съ Персіей. Его лѣвый берегъ принадлежитъ къ Хорасану, а правый—къ Тедженскому уѣзду Закаспійской области.

Повидимому, по теченію этого Герп-Руда находилась и древняя Арія, колыбель Арійскихъ племенъ. Птоломей и Страбонъ помѣщаютъ ее именно на востокъ отъ Парѳіи, то-есть, теперешняго Хорасана, на югъ отъ Маргіаны, теперешней туркменіи.

Арія называлась по имени рѣки Аріи, на которой стоялъ городъ Арія, то-есть нынѣшній Герп или Гератъ, стоящій тоже на рѣкѣ Герп-Рудѣ.

Въ настоящее время вмѣсто Арійцевъ, или Иранцевъ, долина Герп-Руда захвачена кочевыми Туранцами. Текинцы еще въ 1835 году построили на Герп-Рудѣ укрѣпленіе Тедженъ, или Оразъ-Кала. Они вытѣснили отсюда на Мургабъ другія туркменскія племена Сарыковъ и Салоровъ, а въ 1857 году выгнали Сарыковъ и съ Мургаба, отнявъ у нихъ Мервъ и отодвинувъ ихъ южнѣе, къ Пенджде и Афганистану. Салоры при этомъ передвиженіи тоже были потѣснены и перебрели опять на Герп-Рудъ, южнѣе Серахса, къ самой афганской границѣ.

Персы и Хивинцы не хотѣли позволить своевольнымъ кочевникамъ захватывать любыя мѣста и все время воевали съ ними, но къ несчастію своему неудачно. Хивинскій ханъ Магометъ-Эминъ былъ жестоко разбитъ Текинцами въ 1855 году на рѣкѣ Тедженѣ, у Серахса, взятъ въ плѣнъ и въ плѣну зарѣзанъ, по любимому обычаю Туркменъ. Съ тѣхъ поръ Текинцы перестали платить Хивѣ даже ту ничтожную дань, которую они платили больше для счета (по одному верблюду съ аула), и задали страху пограничной Персіи!

Тедженскій уѣздъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Закаспійскомъ краѣ по условіямъ своей природы. Тутъ множество чрезвычайно плодородныхъ влажныхъ низинъ, заливаемыхъ рѣкой, заросшихъ чисто тропическими лѣсами, изобилующихъ всякимъ звѣремъ и птицей. Культура многихъ дорогихъ южныхъ растеній здѣсь могла бы привиться чрезвычайно легко и вознаградить сторицей.

Но за то климатъ по рѣкѣ Теджену убійственъ своими лихорадками, такъ что о русской колонизаціи этой долины и думать нельзя. Тигры тутъ ежедневные гости и постоянные обитатели непроходимыхъ плавней.

Я разговорился въ грязномъ и тѣсномъ буфетикѣ станціи съ однимъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ.

— Знаете, какая у насъ исторія на дняхъ была, между прочимъ, разсказалъ онъ мнѣ. Сидимъ мы на станціи, днемъ, всякій за своимъ дѣломъ, вдругъ слышимъ—неистовый ревъ... Прислушались,—тигръ, сомнѣнія никакого нѣтъ. Охотниковъ тутъ насъ много, человѣкъ семнадцать, у всѣхъ ружья хорошія и народъ опытный. Зарядили ружья, идемъ осторожно на ревъ всею толпой,—смотримъ, здоровеннѣйшій тигрище королевскій; аршина четыре длины, бородатый такой, пушистый,—красота одно слово!—въ капканъ попался и реветъ такъ, что волосы дыбомъ становятся. И попался-то какъ скверно, чуть лапу ему одну прихватило. Того и гляди, вырвется и пошелъ косить направо, налѣво... Остановились мы шагахъ въ пятидесяти отъ него и хватили всѣ разомъ изъ семнадцати ружей. Такъ что жь бы вы думали? Пули ужь, конечно, всѣ въ него влѣпились, а онъ, анаѳема, прыгаетъ и рвется, какъ ни въ чемъ не бывало! Пристрѣлили ужь его восемнадцатою пулей, повалился наконецъ! Вотъ вѣдь на пулю, какъ крѣпокъ! Упалъ онъ, лежитъ и не движется, а мы все труса празднуемъ, никто подойти не хочетъ, даромъ, что ружья у всѣхъ. А ну, думается, какъ онъ очнется, да вскочитъ! Тамъ послѣ, что хочешь ему дѣлай, а онъ съ тебя рубашку кожаную живо сниметъ!.. Ужь Текинецъ-джигитъ подкрался наконецъ къ нему, увидѣлъ, что убитъ; тогда только и мы подойти рѣшились. Вотъ я вамъ доложу, какая это штука! Семнадцать человѣкъ и то трусятъ. А по ночамъ, такъ мы здѣсь на станціи другъ къ другу въ гости изъ флигеля во флигель боимся перейти, потому что тигры бродятъ вездѣ, имъ и жилье, и дорога—все ни почемъ. Кто его угадаетъ, когда онъ вздумаетъ навѣстить насъ?

Отвратительно грязный станціонный буфетъ оказался еще и угарнымъ. Но ѣсть не на шутку хотѣлось, ожидать нужно было долго и пришлось волей-неволей пріютиться здѣсь. Устроили

свой чай, заказали котлеты и яйца, и кое-какъ высидѣли эти унылые три съ половиной часа, болтая съ кѣмъ пришлось.

Тихій розовый вечеръ смѣнился глухою черною ночью. Многіе изъ нашихъ пассажировъ храпѣли, растянувшись гдѣ попало, на лавкахъ, на диванахъ. Когда все стихло въ шумной станціи, я вышелъ на площадку. Кучка Персіянъ сидѣла въ темномъ уголку, не спѣшно перекидываясь словами съ русскими рабочими, присосѣдившимися къ нимъ. Персіяне возвращались на родину съ одной изъ мервскихъ ярмарокъ, Русскіе ѣхали изъ матушки Россеи въ Султанъ-Бендское имѣніе Государя. Я издали прислушивался, весь переполненный внутреннимъ смѣхомъ, къ этой оригинальной бесѣдѣ.

Персіяне не знали ни одного слова по-русски, Русскіе ни одного слова по-персидски, а между тѣмъ бесѣда велась горячо, долго и послѣдовательно, и все о матеріяхъ серьезныхъ. И собесѣдники, къ удивленію моему, отлично понимали другъ друга. Зачинщиками бесѣды, повидимому, были наши. Съ непоколебимою увѣренностью, что на православной Руси все дѣлается по Божьему, по настоящему и что ни у кого другаго ничего подобнаго быть не можетъ,—Русаки, все больше молодые ребята, съ нѣсколько презрительною проніей поучали Азіятовъ, какъ у насъ на святой Руси народушко пашетъ и коситъ, и молотитъ хлѣбушко. Персы со своей стороны не уступали и на перебой съ нашими показывали имъ и руками, и глазами, и языкомъ, какъ дѣлается у нихъ. Затрогивались всѣ предметы осязательные, всѣмъ одинаково близкіе и знакомые, такъ что демонстраціи съ помощью пальцевъ были вполнѣ достаточны для того, чтобы слушатели обоюдно усвоивали эти лекціи нагляднаго обученія своихъ добровольныхъ профессоровъ.

Смѣлые русопеты безъ раздумья и ничто же сумняся валили изъ своей Калуги въ „Мевру“, какъ они называли Мервъ, движимые темнымъ слухомъ, что вызываютъ сюда „въ забранный край“ народушко рассейскій на какія-то „царскія работы“. Эти „царскія работы“, разумѣется, выросли въ нѣчто миѳологическое, чему всегда такъ охотно, съ младенческимъ легкомыслiемъ, вѣритъ бородатый и даже сѣдой деревенскій людъ, разъ его всколыхнетъ необходимость двинуться на какіе-нибудь кисельные берега.

— Въ Мевру какъ придемъ, сказывали намъ люди,—такъ чтобъ сейчасъ станціи начальнику объявить, сколько кто верстъ

съ Рассеи прошелъ... Денежки всѣ тебѣ заразъ и вернутъ кто что протратилъ, потому царская работа! На топоръ, сказываютъ— пятьдесятъ серебра въ мѣсяцъ! И харчъ казенный! съ разсудительнымъ видомъ сообщалъ мнѣ одинъ изъ этихъ безтрепетныхъ странниковъ.

— Оно-бъ и въ Асхабадѣ пристать намъ можно было! вмѣшался другой. — Тамъ отъ царя такъ положено, что все тебѣ казенное предоставляется, вся плепорція: домъ готовый и лошадь съ сохой, опять же корова и 33 года податей не платить, да отсовѣтовали люди: говорятъ, съ лихорадки дюже много помираютъ, климатъ не нашинскій...

Вотъ и поди съ ними! И даже когда побываютъ на „царской работѣ", когда сами пожившутъ въ Асхабадѣ, а все-таки, возвратясь на родину, будутъ разсказывать тѣ же утѣшающія ихъ сердца небылицы и о пятидесяти серебра въ мѣсяцъ на топоръ, и о казенномъ домѣ съ сохой.

Я сошелъ съ террасы и прошелся нѣсколько шаговъ за станцію въ темноту южной ночи. Тамъ путешественники совсѣмъ иного характера: человѣкъ десять Текинцевъ прикурнули на каменной стѣночкѣ, въ суровомъ молчаніи созерцая вторгшуюся въ ихъ суровую и безмолвную землю чуждую жизнь съ ея шумомъ и суетой, эту волшебную, огнемъ дышащую машину, эти протянутыя черезъ ихъ пустыню говорящія проволоки, эти непонятные имъ обычаи, одежды, физіономіи...

Штукъ десять верблюдовъ лежатъ и стоятъ тутъ же, неподвижною кучкой, не развьюченные отъ своихъ громоздкихъ подушекъ,—сѣделъ, погремывая цѣпями, какъ отдыхающіе колодники, вытянувъ впередъ свои загадочныя библейскія головы, поджавъ подъ себя наморившіяся мозолистыя ноги, словно они молятъ Бога поскорѣе прекратить ихъ злополучную жизнь вѣчнаго труда и рабства...

Сѣдой грязный старикъ-Текинецъ возсѣдаетъ около нихъ караульщикомъ на цѣлой грудѣ мѣшковъ.

Это они привезли свой хлѣбъ изъ аула для отправки по желѣзной дорогѣ въ Мервъ.

V.

Базары Мерва.

Въ Мервъ мы пріѣхали рано утромъ. Полуголые босоногіе амбалы (носильщики) подхватили и навьючили на себя наши пожитки прежде чѣмъ мы успѣли оглянуться, хотя намъ самимъ пришлось взять извощичью коляску, величаемую здѣсь фаэтономъ, какъ и вездѣ на южныхъ окраинахъ Россіи, отъ Одессы и Кавказа до Ташкента и Кокана.

Извощики здѣсь парные, съ просторными и приличными экипажами, на лихихъ лошадяхъ, не чета нашимъ русскимъ. Ихъ тутъ множество, и все больше Армяне изъ Ганжи, Шуши и др. закавказскихъ городковъ. Есть немного и Русскихъ, но тѣ пооборваннѣе и похмѣльнѣе. Вообще Армянинъ—обычный торговецъ и промышленникъ Азіи. Онъ освоился съ нею, какъ съ роднымъ домомъ еще въ ветхозавѣтные вѣка и безо всякаго труда пускаетъ здѣсь корни вездѣ, гдѣ ему это нужно. И къ нему здѣсь привыкли съ незапамятныхъ временъ, такъ что даже въ самыхъ дикихъ мѣстностяхъ онъ является чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, считать Армянина передовымъ цивилизаторомъ азіятской дичи. Только цивилизація эта, разумѣется, не выходитъ изъ предѣловъ лавки, питейнаго дома и пріютовъ покупной любви, да развѣ еще конторы ростовщика. Армянинъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и самымъ подручнымъ толмачемъ въ сношеніяхъ Русскихъ съ завоеванными ими глухими уголками Азіи. Хорошо ли, дурно ли, а онъ непремѣнно раньше всѣхъ заговоритъ съ каждымъ азіятскимъ племенемъ на его родномъ языкѣ. Еврей за то тутъ не имѣетъ особеннаго значенія; могучая армянская раса подавляетъ его здѣсь на всѣхъ поприщахъ корысти и дѣлаетъ для него конкурренцію почти невозможною. Гдѣ завелся Армянинъ, жидъ стирается самъ собою, все равно, какъ мыши исчезаютъ изъ того подполья, гдѣ хозяйничаетъ крыса.

Насъ водворили въ нумерахъ съ очень подозрительнымъ титуломъ „Эльдорадо“, которые однако считаются здѣсь напболѣе приличными. Испанія и Италія напоминали себя только полною

безцеремонностью обстановки и совершеннымъ пренебреженіемъ къ зимнему холоду. Всѣ помѣщенія разсчитаны на прохладу, и потому спальни безо всякаго посредства сѣней и переднихъ выходятъ на открытую внутреннюю галлерею. Маленькій нечистоплотный дворикъ, долженствующій вмѣстѣ съ тѣмъ служить и садомъ, наполняетъ своею сыростью, а подчасъ и міазмами, всѣ эти тѣснистыя каменныя клѣтки, открывающія въ него свои окна и двери, и совсѣмъ отвернувшіяся отъ солнца. Впрочемъ, столъ въ Эльдорадо недуренъ. Содержитъ эти нумера Итальянецъ, попавшійся въ плѣнъ къ Русскимъ въ Севастопольскую кампанію и женившійся потомъ на казачкѣ весьма серьезныхъ размѣровъ. Сеньоръ Ш., надо признаться, весьма обязательный человѣкъ, отлично знакомый со всѣмъ, что̀ можетъ понадобиться туристу въ этомъ новорожденномъ городкѣ.

Мы, конечно, не стали долго кейфовать въ своихъ полутемныхъ нумерахъ, вѣроятно, очаровательно прохладныхъ въ іюльскій шестидесятиградусный зной,—и вмѣстѣ съ нашимъ Американцемъ отправились на осмотръ города.

Какъ разъ рядомъ съ Эльдорадо расположенъ одинъ изъ туземныхъ караванъ-сараевъ.

Просторный дворъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ частью каменною оградой, частью низенькимъ каменнымъ жильемъ.

По серединѣ двора, привязанные ко вбитымъ въ землю приколамъ, кормятся поодаль другъ отъ друга характерно сгорбившись костлявыми хребтами сухіе и крѣпконогіе текинскіе кони. Всѣ они, какъ любимыя дѣти, укутаны чуть не до ушей въ войлоки, ковры и попоны, которыми Текинцы старательно одѣваютъ ихъ не только зимой, но и въ развалъ лѣтнихъ жаровъ. Немногіе изъ нихъ замѣчательной красоты, большею же частью кащеи безсмертные на высокихъ ногахъ, съ длинными худыми шеями и обвислыми крупами. Но несмотря на свой жалкій видъ, всѣ они удивительные скакуны, выносливые, быстрые, нетребовательные; они славятся этимъ съ незапамятныхъ временъ далеко во всей Азіи. Имъ ничего не сто́итъ проскакать безъ передышки какихъ-нибудь 25 верстъ, и при этомъ ихъ можно попть послѣ какой угодно горячей ѣзды. Надо сказать, что и сидятъ на этой удивительной лошади тоже удивительные всадники: Туркменъ ѣздитъ очень некрасиво и неуклюже въ своемъ халатѣ по пятки; но за то онъ безо всякаго утомленія выстаиваетъ на сѣдлѣ по 500, по 600 верстъ сряду, шутя дѣлая такой путь въ пять,

шесть дней. Кормятъ Текинцы своихъ знаменитыхъ коней не какою-нибудь бѣлояровою пшеницей, а совершенно оригинальнымъ кормомъ: они пекутъ имъ, какъ людямъ, какъ почетнымъ гостямъ своимъ, лепешки изъ ячменной и кукурузной муки на бараньемъ салѣ. Еще при Тамерланѣ туркменскія лошади составляли такое богатство этого народа, что великій завоеватель Азіи нарочно пригонялъ изъ Аравіи по нѣскольку тысячъ кобылицъ дорогихъ кровей и раздавалъ ихъ для приплода кочевникамъ Туркестана. Несомнѣнно, что теперешняя текинская лошадь обязана много этому облагороженію крови своей арабскою кровью. На дворѣ—смѣшеніе всѣхъ языковъ. Артель казаковъ пріютилась рядкомъ на буркахъ и подъ бурками на самомъ припекѣ ранняго солнышка.

Таранчи въ бѣлыхъ войлочныхъ колпакахъ и полосатыхъ халатахъ, съ потѣшными китайскими рожами, похожія издали скорѣе на какихъ-нибудь калмыцкихъ бабъ, чѣмъ на мужчинъ, запрягаютъ быковъ въ свою громадную двухколесную арбу, на которой они притащились сюда изъ далекой Кульджи, чтобы поселиться по вызову властей въ окрестностяхъ Стараго Мерва у Султанъ-Бендской плотины, гдѣ уже работаютъ не мало ихъ земляковъ.

А вонъ Туркменъ изъ племени Ерзари, съ береговъ Аму-Дарьи, полуголый атлетъ варварскаго вида, съ бронзовою грудью навыкатѣ, отчаянно рубитъ топоромъ крѣпкій какъ кость рогатый саксаулъ.

Тутъ и лукавый Сартъ изъ Бухары, и чванные щёголи-Персіяне въ своихъ тщательно раскрашенныхъ и еще тщательнѣе обстриженныхъ бородкахъ.

Мы заглянули и въ безхитростныя жилыя конурки караванъ-сарая, двери которыхъ всю ночь открыты во дворъ; тамъ темно и тѣсно, чтобы только можно было правовѣрному протянуться на досчатой тахтѣ, на которую онъ стелетъ всегда ему сопутствующіе тюфячки, ковры и подушки; большіе мѣдные кубчаны съ водой для омовенія, — единственная туалетная потребность восточнаго человѣка, составляетъ и единственную утварь этихъ неприхотливыхъ келій. Въ другихъ комнаткахъ караванъ-сарая сложены тюки товара, которые знающіе люди обыкновенно покупаютъ здѣсь изъ первыхъ рукъ по сходной цѣнѣ, пока товаръ не попалъ въ болѣе ловкія руки базарныхъ торговцевъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что во дни Тамерлана или

Али-Бабы изъ „Тысячи одной ночи“—обстановка восточнаго путешественника ничѣмъ не разнилась отъ того, что̀ было теперь предъ нашими глазами.

Разговорчивый казакъ изъ Осетинъ, служащій въ качествѣ джигита у генерала Куропаткина, разболтался со мною, замѣтивъ мое любопытство.

— Вы не смотрите, ваше благородіе, что они на видъ плохи... мотнулъ онъ головой на привязанныхъ лошадей... глядѣть на нихъ грош̀а не сто́ятъ, а сядешь на нее—все отдашь! У́стали, каторжныя, не знаютъ; словно каменныя! вотъ мы почитай пять дней съ нихъ не слѣзали, только нынче въ первый разъ разсѣдлали, да вѣдь скакали какъ, безъ передышки; цѣны конямъ этимъ нѣтъ!

— Вы откуда же ѣдете? спросилъ я.

— А изъ Герата! тамъ мы фуражъ закупаемъ для пограничныхъ войскъ. Отсюда возить далеко, убыточно, такъ больше у нихъ покупаемъ.

— Развѣ нашихъ пускаютъ теперь въ Гератъ?

— Нѣтъ, оно по настоящему не велѣно пускать; коли господа какіе наши большіе поѣдутъ, то, пожалуй, и не пустятъ. А мы проѣзжаемъ себѣ помаленьку, ничего... На насъ кто станетъ тамъ смотрѣть?.. пріѣдешь себѣ на базаръ, закупишь, что̀ тебѣ слѣдуетъ, да и гайда домой... Народъ тамъ тихій, обходительный, обиды никакой отъ него нѣтъ...

— А до̀роги жь тутъ текинскіе кони? освѣдомился я.

— Да разные есть, ваше благородіе, какъ и у насъ въ Россіи. Вонъ за тѣ. что̀ вы смотрите, рублей по 120, а то и по полутораста отдадите. Ярмарки тутъ частыя, какихъ хотите можно купить. Я таки, признаться, свелъ тропчку къ себѣ домой, на Терекъ, какъ въ отпускъ ѣздилъ...

Мервъ, несмотря на свою молодость, уже сталъ теперь изрядно большимъ городкомъ. Онъ разселился по обоимъ берегамъ Мургаба, но пока больше на лѣвомъ берегу его. Тамъ почти всѣ частные дома, вся торговля. За то на правомъ берегу, гдѣ еще высятся полуразрушенныя глиняныя стѣны текинской крѣпости Коушутъ-ханъ-кала̀,—сосредоточились мало-по-малу всѣ казенныя учрежденія и зданія, казармы, квартиры военнаго начальства,

церковь. Несомнѣнно, что въ недолгомъ будущемъ эта правая сторона станетъ главнымъ ядромъ города и перетянетъ къ себѣ все зажиточное его населеніе, такъ какъ здѣсь больше простора и безопасности; на лѣвомъ же берегу останутся полуазіятскіе домишки и азіятскіе базары.

Былъ базарный день, и намъ посовѣтовали посмотрѣть мервскій базаръ, одинъ изъ самыхъ характернѣйшихъ въ Азіи. Чтобы лучше освоиться съ особенностями этого оригинальнаго города, мы съ мистеромъ Крэномъ и сопровождавшими насъ туземными жителями отправились пѣшкомъ, заходя по пути во всѣ уголки, которые насъ интересовали, и останавливаясь чуть не на каждомъ шагу предъ сценами и типами, отъ которыхъ впечатлительный художникъ пришелъ бы въ неописуемый восторгъ.

Мы прошли базарами армянскимъ, текинскимъ, еврейскимъ, персидскимъ, бухарскимъ... У Евреевъ былъ какой-то ихъ праздникъ, и они сидѣли на полу своихъ лавочекъ щегольски разодѣтые въ общевосточные костюмы, которые они здѣсь носятъ наравнѣ съ другими Азіятцами, на самыхъ парадныхъ коврикахъ и войлокахъ своихъ, вокругъ тарелокъ съ шенталой, кишмишомъ, орѣхами и всякими восточными сладостями, очевидно угощая своихъ гостей этимъ неизбѣжнымъ на Востокѣ „достарханомъ“.

Базары, которые я только-что назвалъ, это то, что у насъ въ Россіи называется „гостинымъ дворомъ“, рядъ тѣсно скученныхъ другъ съ другомъ лавокъ, расположенныхъ только не по роду товаровъ, какъ у насъ въ Москвѣ или Питерѣ, по ножевымъ, сундучнымъ, перинным, суровскимъ и всякимъ другимъ линіямъ и рядамъ, а по національностямъ купцовъ.

Но тотъ базаръ, на который мы шли, это маленькая ярмарка своего рода, вполнѣ соотвѣтствующая нашему русскому названію базара, народнаго торжища на открытомъ воздухѣ въ опредѣленные дни.

Этотъ базаръ собирается за городомъ, на просторномъ зеленомъ выгонѣ, незамѣтно сливающимся со степью.

Кочевнику и невозможно бы было собраться для торга ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Онъ двигается сюда изъ родныхъ степей какъ надвигаются его ползучіе пески, какъ стекаются его горныя воды,—со стихійною повальностью, цѣлыми полчищами, цѣлыми аулами, забирая съ собою женъ, дѣтей, стариковъ, гоня предъ собою вереницы верблюдовъ, стада барановъ... Ему нужно

много простора и много времени. Оттого-то мервскій базаръ кипитъ до поздняго вечера.

Глазамъ не вѣрилось, глядя на это повсемѣстное непрерывное теченіе со всѣхъ сторонъ скота и народовъ, начавшееся съ ранняго утра и продолжавшееся цѣлый день... И узкія улицы городка, и широкія дороги, сходившіяся къ городу изъ разныхъ степныхъ ауловъ, были заполонены этимъ наводненіемъ яркой и пестрой толпы.

Ѣхали, ѣхали мимо насъ другъ за другомъ нескончаемыя вереницы и кучки азіятскихъ всадниковъ, и дождаться было нельзя, когда проѣдутъ они. Да и понять было нельзя, гдѣ умѣщаетъ въ себѣ такое многолюдство маленькій Мервскій оазисъ? Безбрежная степь словно рождала ихъ изъ своихъ нѣдръ и высылала сюда, какъ тучи внезапно отронвшейся въ ней саранчи.

Моей фантазіи художника такъ живо рисовались картины когда-то былыхъ грозныхъ нашествій на цивилизованный міръ степнаго варварства, или шумныхъ сборищъ азіятскихъ фанатиковъ на какой-нибудь „газаватъ“,—священную войну противъ невѣрныхъ.

Ѣхали на лошадяхъ, ѣхали на ослахъ, ѣхали на верблюдахъ. Пыльные и потные верблюды, словно насквозь проступившіе бурымъ цвѣтомъ той глины и тѣхъ песковъ, которые они терпѣливо топчутъ своими лохматыми толкачами, съ флегматическимъ спокойствіемъ прирожденнаго раба, мѣрно шагаютъ другъ за другомъ, привязанные къ сѣдламъ одинъ за другимъ черными волосяными веревками, съ цѣпями на концѣ, погромыхивая ради развлеченія кольцами этихъ рабскихъ цѣпей и висящими у нихъ на шеѣ, тоже въ видѣ рабскаго ошейника, грубыми мѣдными бубенцами.

По пять, по шесть, по десять этихъ громоздкихъ ветхозавѣтныхъ скотовъ, нагруженныхъ товарами, связаны въ одну вереницу, и впереди нея какой-нибудь темнобронзовый старикъ съ окладистою серебряною бородой, сидя на крошечномъ осликѣ, ведетъ за собою на такой же длинной волосяной веревкѣ весь этотъ библейскій караванъ. Это „лаучъ“ верблюдовожатый.

Несмотря на жаръ, онъ въ громадной лохматой бараньей шапкѣ и въ ватошномъ бешметѣ, настежь распахнутомъ, на костлявой коричневой груди, обросшей, какъ у звѣря, клоками сѣдой шерсти.

Онъ сидитъ бокомъ на своемъ осликѣ, спустивъ черезъ вьюкъ свои голыя, до кости высохшія, обезьяньи ноги, съ болтающимися

на нихъ туфлями, и кажется вдвое больше и вдвое тяжелѣе жалкаго ушатаго теленочка, который бойко семенитъ подъ нимъ своими крѣпкими маленькими копытками.

На лошадяхъ ѣздятъ не только по одному, но то и дѣло по два, по три и даже по четыре на одной лошади. За Текинцемъ-хозяиномъ, самодовольно возсѣдающемъ на сѣдлѣ, присосѣдиваются сзади, ухватившись за него, его жены или дочери, а на колѣнахъ ихъ частенько еще какой-нибудь мальчишка или дѣвчонка.

Словомъ, цѣлая кочевая кибитка взбирается на хребетъ выносливаго степнаго конька, и онъ рыситъ подъ нею совсѣмъ легко и свободно, до того это ему не въ диковинку.

Многіе не только ѣдутъ, но и везутъ что-нибудь съ собою: у кого нѣсколько верблюдовъ съ коврами, паласами, холстами, куржинами; у кого пара осликовъ, спрятанныхъ совсѣмъ съ ушами въ вязанкахъ свѣжей „юрунджи“ (люцерны), или наломанныхъ вѣтокъ саксаула, сухаго верблюдятника, самана... А у иныхъ еще болѣе оригинальный товаръ: по обоимъ бокамъ коня десятки живыхъ куръ и пѣтуховъ, связанныхъ другъ съ другомъ и болтающихся внизъ головой, какъ связки бубликовъ. Это ужь совсѣмъ по-текински!

Еслибы время было другое, эти лихіе торговцы не прочь бы были, пожалуй, приторочить къ своимъ сѣдламъ, хотя бы тоже ногами вверхъ, многихъ изъ любопытныхъ зрителей, теперь удивленно глазѣющихъ на нихъ, и въѣхать съ такимъ завиднымъ товаромъ на свой любимый базаръ. Стóитъ взглянуть только на эти суровыя коричневыя лица съ жесткимъ и твердымъ взглядомъ, напоминающимъ безпощадно-неподвижный зрачокъ крупнаго хищнаго звѣря, льва или барса, чтобы понять, какой это народъ двигается предъ вами. Особенно характерны въ этомъ смыслѣ и какъ-то уродливо страшны закоренѣлые въ разбояхъ старики, рѣдкозубые, безбородые, рѣзко-монгольскаго типа и темной доспня кожи, кажущіеся совсѣмъ синими отъ своихъ бритыхъ висковъ, бритаго лба, бритыхъ затылковъ...

Но и остальная публика тоже не особенно располагаетъ къ довѣрію и дружбѣ. Все это большею частью атлеты огромнаго роста, плечистые, сухіе, мускулистые; такого звѣря, сейчасъ видно, не скоро одолѣешь, и ужь, конечно, не въ одиночку. Самые храбрые русскіе солдаты, увѣшанные Георгіями и собственными руками забравшіе этотъ край, откровенно признавались мнѣ, что на одного Текинца всегда было нужно нѣсколькихъ Русскихъ...

Я уже говорилъ раньше, что характернѣйшая черта текинскаго лица—большой и очень низко поставленный ротъ. Онъ-то и придаетъ этому загорѣлому скуластому его лицу животное и даже звѣрское выраженіе. Черная лента короткихъ волосъ сплошь опоясываетъ обыкновенно лицо молодаго Текинца отъ виска и до виска, замѣняя собою бакенбарды и бородку, и немножко, пожалуй, напоминая характерные бакенбарды, окаймляющія кровожадную морду тигра,—земляка и довольно близкаго родственника Текинца по вкусамъ хищничества.

Одежда Текинца удивительно мало подходитъ къ его ловкости, силѣ и удальству. По всѣмъ ухваткамъ своимъ—Текинцы чрезвычайно напоминали мнѣ дагестанскихъ Лезгинъ. Но въ то время какъ кавказскій горецъ одѣвался въ живописный и удобный нарядъ, отлично приноровленный и къ верховой ѣздѣ, и къ лазанью по горамъ, текинскій атлетъ уродуетъ себя неуклюжими ватошными халатами, громоздкими, широкими, долгополыми, съ рукавами, изъ которыхъ трудно вынырнуть рукѣ... Въ халатахъ этихъ онъ смотритъ какимъ-то муллой или купцомъ, а ужь никакъ не наѣздникомъ.

Къ этому нужно прибавить, что на Туркменцѣ вы не видите оружія, какъ на кавказскомъ горцѣ, до зубовъ увѣшанномъ патронами, пистолетами, кинжалами, шашками, винтовками...

Туркменъ коварно прячетъ въ складкахъ широкаго пояса только одинъ свой разбойничій ножъ, которымъ онъ не рубится открыто со врагомъ, какъ лезгинскій витязь, а рѣжетъ горло поверженному или плѣненному врагу, какъ мясникъ барану.

А между тѣмъ въ битвахъ и набѣгахъ онъ умѣетъ быть ловкимъ и отчаянно храбрымъ, несмотря на свои халаты и свое далеко не рыцарское вооруженіе. Для этого, конечно, нужна была практика многихъ вѣковъ. Суровая школа постоянныхъ опасностей, постоянной разбойничьей жизни научила поневолѣ смѣлости и проворству. А когда испытаешь на собственной шкурѣ хотя въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ жгучій лѣтній зной и невыносимыя зимнія стужи со всѣхъ сторонъ открытой, безпріютной и безлюдной пустыни, то поймешь, что не пустой капризъ заставляетъ здѣсь даже лихаго наѣздника кутаться въ теплыя одежды отъ макушки до пятокъ. Это не кавказскія тѣснины, загороженныя отовсюду стѣнами скалъ, не кавказскіе лѣса, недоступные вѣтрамъ степей. Мало того, что люди здѣсь такъ кутаются; даже верховыя лошади Текинцевъ, знаменитыя своею

безпримѣрною выносливостью, постоянно укутаны попонами и коврами: щегольски расшитый чепракъ покрываетъ обыкновенно текинскаго коня, а сверху сѣдла еще кладется нѣсколько попонъ.

Нигдѣ, конечно, вы не увидите такого множества текинскихъ лошадей, и такихъ хорошихъ лошадей, какъ на мервскихъ базарахъ.

Самые красивые кони, гарцующіе подъ воинственными туркменскими всадниками, разубранные какъ женихъ на свадьбу въ свои яркіе чепраки и уздечки, не продаются, впрочемъ, ни за какую цѣну. Туркменъ гораздо скорѣе продастъ свою жену и дѣтей, чѣмъ любимаго испытаннаго въ опасностяхъ коня.

Я никакъ не могъ наглядѣться на своеобразную картину этого все больше и больше разраставшагося пестраго и шумнаго нашествія степняковъ. Но этотъ совсѣмъ новый для меня міръ, эти никогда мнѣ невѣдомыя типическія фигуры степныхъ кочевниковъ, ихъ посадка, ихъ одежды, ихъ товары, вмѣстѣ съ тѣмъ казались мнѣ давно знакомыми до самой послѣдней мелочи, гдѣ-то ужь видѣнными и крѣпко врѣзавшимися въ моей памяти.

Не безъ усилія далъ я себѣ отчетъ въ этомъ странномъ впечатлѣніи. Предо мною вдругъ воскресли, какъ живыя, художественныя созданія Верещагина, воплотившія на полотнѣ всю характерную этнографію Центральной Азіи, съ ея базарами, мечетями, дворцами, всѣ разнообразные типы этихъ фанатическихъ халатниковъ, Бухарцевъ, Хивинцевъ, Туркменъ, во всѣхъ подробностяхъ ихъ повседневной жизни. До того бываетъ поразительна сила художественнаго изображенія!

Но если вся окружающая степь, всѣ окрестныя дороги кишѣли двигавшимися всадниками, пѣшеходами, караванами, то ярмарочный выгонъ былъ буквально затопленъ народомъ и скотомъ.

И все это сплошныя бараньи шапки громадныхъ размѣровъ, цѣлое море розовыхъ полосатыхъ халатовъ, бумажныхъ и шелковыхъ, натянутыхъ поверхъ другихъ халатовъ и бешметовъ того же цвѣта. Это господствующій вкусъ мервскаго Текинца. Почти всѣ они при этомъ въ туфляхъ на босу ногу, и только у немногихъ богачей надѣты расшитыя ноговицы. Но среди нихъ много и другихъ не менѣе характерныхъ нарядовъ. Тутъ образцы всѣхъ племенъ и народовъ Азіи, отъ Индуса и Афганца до

Киргиза и китайскаго Таранчи. Яркія разноцвѣтныя чалмы бухарскихъ и самаркандскихъ Сартовъ, голубыя чалмы Ташкентцевъ, бѣлые войлочные колпаки Таранчей изъ Кашгара, съ угловатыми разрѣзами полей, киргизскія мурмолки, черныя сахарныя головы персидскихъ шапокъ, прихотливо увязанные роскошные кисейные тюрбаны мусульманскихъ Индусовъ,—все это мелькаетъ и двигается среди сплошнаго потопа лохматыхъ туркменскихъ папахъ и розовыхъ туркменскихъ халатовъ. Женщины тоже тутъ, но ихъ уже далеко меньше. Меня насмѣшила оригинальная мода этихъ черномазыхъ красавицъ. Онѣ безцеремонно натягиваютъ на голову рукавъ шелковаго халата и въ такой импровизованной мантіи, съ болтающимся чуть не по землѣ другимъ рукавомъ, разгуливаютъ себѣ по улицамъ и базарамъ.

Весь этотъ народъ больше галдитъ и толчется безо всякаго дѣла, чѣмъ продаетъ и покупаетъ. Базары—это обычный всенародный клубъ восточнаго человѣка, гдѣ онъ видится со всѣми, съ кѣмъ ему нужно и не нужно, гдѣ онъ узнаетъ всѣ новости дня, отъ политическихъ событій далекихъ царствъ до послѣдней сплетни какой-нибудь степной кибитки. Безъ базаровъ жизнь была бы не въ жизнь лѣнивому и всегда праздному восточному человѣку. Тутъ онъ, конечно, и развлекаетъ себя всякимъ питьемъ и ѣдой, куреніемъ кальяна, пересмотромъ привезенныхъ товаровъ...

Оттого-то кухоньки, чайныя лавки, продажи сластей—тутъ на каждомъ шагу, прямо на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью разбитыхъ шатровъ, подъ тѣнью дерева, но всегда однако на коврикѣ, на войлочкѣ или на деревянныхъ низенькихъ подмосткахъ, въ родѣ широчайшихъ кроватей на коротенькихъ ножкахъ. Цѣлыми десятками чинно усаживаются рядкомъ въ тѣни отъ солнышка полосатые халаты и не спѣша потягиваютъ изъ большихъ фарфоровыхъ чашекъ безъ блюдцевъ, величиною съ наши обыкновенныя полоскательныя чашки, непзобразимо жидкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непзбѣжно дешевый зеленый чай, который въ громадныхъ количествахъ привозится для туземнаго потребленія Персіянами изъ Индіи.

Кофе,—непзбѣжный напитокъ турецкаго, арабскаго и греческаго востока,—совсѣмъ невѣдомъ въ домашнемъ обиходѣ жителя Центральной Азіи, Туркмена, Бухарца, Киргиза. Какъ западъ Азіи подвергся вмѣстѣ съ вліяніемъ арабской цивилизаціи господству арабскаго кофе, такъ востокъ Азіи и ея серединныя

степныя области подпали вмѣстѣ съ наплывомъ монгольскаго варварства повальному господству среди нихъ китайскаго чая... Чай сдѣлался до того необходимымъ ежедневнымъ напиткомъ степнаго Азіятца, что и Туркменъ, и Сартъ, и Киргизъ, и Калмыкъ—въ дорогѣ носятъ на поясѣ въ числѣ важнѣйшихъ путевыхъ принадлежностей кожаный круглый футляръ съ чайною чашкой, одинаково удобною и для воды, и для чая. Лавочки-палатки мервскаго базара наполнены этими грубо разукрашенными футлярами изъ красной бараньей кожи, грошовой цѣны.

Нѣтъ ни одного глухаго аула въ Туркменіи, ни одного мелкаго кишлака въ Бухарѣ или Коканѣ, гдѣ бы не было у проѣзжей дороги хотя какого-нибудь злосчастнаго чай-хане, чайной лавочки.

Мечети бываютъ нерѣдко пусты, но никогда вы не встрѣтите въ Азіи чай-хане, гдѣ бы въ каждую минуту дня, съ утра до глубокой ночи,— какой-нибудь правовѣрный мусульманинъ не утѣшался безконечно долгимъ питіемъ своего зеленаго чая.

Наше русское чаепитіе, считающееся чуть не прирожденнымъ національнымъ свойствомъ истинно русскаго человѣка, безо всякаго сомнѣнія, проникло къ намъ уже черезъ посредство азіятскаго кочевника, какъ и многое другое въ нашемъ домашнемъ быту, а отъ насъ заразило мало-по-малу и всю Европу.

Жестокосердые и суровые Туркмены, какъ и всѣ вообще азіятскіе народы, не отличающіеся, кажется, дѣтскою чувствительностію,—страннымъ образомъ питаютъ истинно младенческое пристрастіе къ лакомствамъ всякаго рода. Мы то и дѣло проходимъ мимо разставленныхъ на травѣ громадныхъ деревянныхъ блюдъ, полныхъ кишмиша, шенталы, орѣховъ, леденцовъ и какихъ-то крученыхъ изъ бѣлаго сахара персидскихъ конфетъ, особенно соблазняющихъ этихъ шатающихся мимо бородатыхъ ребятъ. Тутъ же открытые сверху шерстяные мѣшки съ *гидой*, мѣстною ягодой въ родѣ кизиля или шиповника, и теперь уже обильно обсыпающею деревья окрестныхъ садовъ; чуть ли это не лаховникъ (Elagnus), растущій у насъ въ Крыму и на Кавказѣ. Мѣшки джугары,—лошадинаго корма изъ рода сорго, величиной покрупнѣе конопли,—мѣшки муки, да ячменя,—вотъ почти и всѣ безхитростные съѣстные товары этого базара.

Возовъ нигдѣ никакихъ, все привозится и увозится на хребтѣ скота, въ мѣшкахъ, подвѣшиваемыхъ къ сѣдлу верблюда, осла или лошади...

Оттого-то и размѣры этой вьючной торговли вызываютъ улыбку у русскаго человѣка, привыкшаго видѣть на своихъ базарахъ цѣлые обозы и цѣлыя горы всякаго рода припасовъ.

Также кмпчно скудны товаромъ и остальныя ярмарочныя лавочки туркменской столицы, свободно умѣщающіяся не только въ маленькой палаткѣ, живописно украшенной внутри разноцвѣтными узорами, но частенько въ простомъ сундучкѣ или на опрокинутомъ вверхъ дномъ досчатомъ ящикѣ.

Туземный товаръ все мелочной и грошовый — тюбетейки, сафьянныя туфли, нагайки, чайныя чашки дешеваго фарфора и кожаные футляры для нихъ въ видѣ круглыхъ картузовъ съ кисточкой, гаманы для мѣдныхъ денегъ, грубо-расписанные, неуклюжіе деревянные гребни, тыквенные кувшинчики для дороги, раскрашенныя пестрыми букетами деревянныя блюда и мѣдные котлы—вотъ и все типично-восточное, способное заинтересовать туриста. Остальной товаръ—почти все московскій, конечно, самыхъ гнилыхъ сортовъ, даже съ русскими ярлыками никому невѣдомыхъ фирмъ: копѣечные линючіе ситцы яркихъ узоровъ, бракованная стеклянная и фаянсовая посуда и прочее, и прочее, хорошо намъ знакомое по нашимъ уѣзднымъ и деревенскимъ лавочкамъ, съ небольшою лишь примѣсью необычайно узенькихъ и жиденькихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изрядно дорогихъ самаркандскихъ и бухарскихъ канаусовъ и адрясовъ.

Покупать проѣзжему тутъ ничего не стоитъ, кромѣ развѣ текинскихъ ковровъ, которыми здѣсь дорожатся ужасно, которыми здѣсь надуваютъ еще ужаснѣе, и которыхъ на базаръ вывозятъ вообще немного.

Главный торгъ, повидимому, идетъ здѣсь скотомъ. Стада черныхъ длинноухихъ овецъ обложили кругомъ весь выгонъ. Рядомъ съ ними какой-то другой сортъ овецъ, болѣе крупныхъ, и, вѣроятно, болѣе дорогихъ, блѣдно-желтоватаго цвѣта съ желторыжими ногами и ушами.

Утомленные верблюды лежатъ на своихъ мозолистыхъ колѣнахъ, какіе еще съ тюками на горбахъ, какіе въ насквозь пропотѣвшихъ громоздкихъ сѣдлахъ, высоко приподнявъ свои худыя шеи и озираясь съ выраженіемъ безмолвнаго презрѣнія на суетящихся кругомъ двуногихъ и четвероногихъ тварей.

Множество лошадей разставлено отдѣльно другъ отъ друга на приколахъ изъ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ въ землѣ корней кустарника; они то и дѣло закладываютъ назадъ уши и, злобно оскаливъ

зубы, подкидываютъ задомъ вверхъ. наровя хватить обоими копытами то въ мимо протискивающуюся верховую лошадь, то въ не кстати присосѣдившагося ослика. Вой ословъ, ревъ проголодавшихся верблюдовъ, несмолкающее блеянье овецъ, мычанье коровъ, нетерпѣливое гоготанье молодыхъ жеребцовъ, крики продавцовъ и толкающейся толпы—сливаются въ такой оглушительный, характерно-азіятскій гулъ, котораго не услышишь даже и на нашихъ ярмаркахъ.

Было какъ-то радостно встрѣчать среди этого пестраго сборища всякой азіятчины знакомыя бѣлыя рубахи земляковъ-солдатиковъ, русскихъ бабъ и дѣвокъ, въ тѣхъ самыхъ нарядахъ и съ тѣмъ самымъ говоромъ, къ которымъ такъ привыкли у себя на Руси и глазъ, и ухо. Всѣ они казались теперь моему сердцу близкими родными.

Русскій человѣкъ—удивительно скромный человѣкъ. Онъ держитъ себя здѣсь, въ странѣ завоеванной его кровью, какъ случайный прохожій, не суется впередъ, не заявляетъ ничѣмъ своихъ особенныхъ правъ, никого и ничего не трогаетъ, никому и ничему не мѣшаетъ.

Я видѣлъ Англичанъ въ Капрѣ и вынесъ о нихъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, хотя они, кажется, не покоряли никогда Египта своимъ оружіемъ.

Когда мы возвращались съ базара, огромный верблюдъ, вѣроятно, истощенный долгою дорогой по пустынѣ, свалился съ ногъ и загородилъ своею лохматою тушей весь переулокъ...

Варвары—Текинцы, чтобы не хлопотать разъвьючивать его, безжалостно колотили надорвавшагося труженика палками по мордѣ, по глазамъ, по чемъ попало; бѣдное животное молча смотрѣло на истязателей своимъ безропотнымъ взглядомъ „Адамовой овцы“, какъ называетъ его нашъ мужикъ, и даже не увертывалось отъ ударовъ. Надѣли ему, наконецъ, на шею веревку и стали тянуть народомъ, но веревка только перетирала безъ того уже исхудавшую шею и безполезно теребила обезсилѣвшую голову, ни на волосъ не шевельнувъ тяжелаго туловища...

Мы ушли глубоко возмущенные, не дождавшись конца этой туркменской операціи. Но вѣдь въ Мервѣ, конечно, еще не существуетъ общества покровительства животнымъ, къ которому издыхавшій верблюдъ могъ направить свой послѣдній протестъ.

VI.

Въ кибиткѣ у Мурадъ-хана.

Мервская крѣпость—огромнаго охвата и еще сравнительно мало застроена; но пустыри ея уже размѣряются и планируются. Старая текинская стѣна сложена, конечно, изъ глины и толста непомѣрно: въ основаніи не меньше 6—8 саженъ, по крайней мѣрѣ въ проѣздахъ; да и вышины въ ней будетъ не меньше, если не больше. Она на половину уже обрушена и теперь представляетъ собою видъ какихъ-то гигантскихъ монистовъ, до того правильною цѣпью чередуются въ ней промывы и обвалы глины. Мѣстами уцѣлѣли и остатки такихъ же глиняныхъ башенъ.

Стѣны эти построены были Текинцами послѣ взятія Русскими Хивы въ 1873 году, подъ впечатлѣніемъ охватившаго всю Азію ужаса и въ ожиданіи возможнаго нашествія Русскихъ. Весь Мервскій оазисъ долженъ былъ спрятаться со своими кибитками въ этой центральной твердынѣ, названной Коушутъ-ханъ-Кала. Но этой глиняной крѣпости не пришлось выдерживать испытанія огнемъ и кровью, даже и послѣ разгрома Текинцевъ подъ Геокъ-Тепе. Русскіе на Мервъ не пошли, а черезъ два года Мервцы сами сознали необходимость отдаться во власть Россіи. Мервъ былъ занятъ мирно, почти безъ выстрѣла; только небольшая дружина партіи войны, не хотѣвшая принимать подданства Россіи, сѣла на коней и отправилась въ степь, откуда нѣкоторое время угрожала нашему гарнизону. Впослѣдствіи и эти непримиримые мало-по-малу примирились и вернулись въ родной городъ.

Поэтому въ стѣнахъ крѣпости довольно долго располагались кибитки Текинцевъ. Только года четыре тому назадъ разогнали эти кибитки назадъ по ауламъ и стали понемногу переводить сюда съ праваго берега казенные склады, казармы, офицерскія квартиры и разныя оффиціальныя учрежденія.

Теперь въ крѣпости и прекрасное зданіе городской школы, и

публичный садъ съ лѣтнимъ театромъ, и другой большой садъ вокругъ дома окружнаго начальника. Вообще сады разбиваются здѣсь вездѣ и растутъ не по днямъ, а по часамъ, съ невѣроятною быстротой и легкостью. Дома все тутъ каменные, чистенькіе и красивые, всѣ съ садиками. Казармъ множество: и стрѣлковаго баталіона, и саперныя, и артиллерійскія, и казацкія. Войска здѣсь не мало, потому что на сѣверъ ихъ уже нѣтъ больше нигдѣ до самаго Чарджуя, а на югѣ войска стоятъ только въ Серахсѣ, да на Афганской границѣ.

Русская церковь помѣщается не въ самой крѣпости, а рядомъ съ нею, въ особомъ ея отдѣлѣ, съ особымъ въѣздомъ. Мы посѣтили ее на другой день, въ Вербное Воскресенье. Жалкая глиняная клѣтушка, бѣдно и безъ вкуса убранная иконами, вся протекаетъ насквозь, отмокаетъ и обсыпается. Еслибы не скромный крестъ на серединной вышкѣ, то и не узналъ бы, что это православная церковь. Потолокъ серединной башни, приличія ради, подбитъ отдувшимся отъ сырости холстомъ, на которомъ выступаютъ рыжими пятнами подтеки и ржавчины.

Тѣснота невыразимая. Хотя эта церковь и войсковая, построенная временно солдатами и для солдатъ, но сами солдаты должны молиться на дворѣ, потому что въ этой глиняной часовенькѣ насилу помѣщается и та горсточка мѣстной служилой знати, которая собралась теперь въ ней.

Американецъ Крэнъ пріѣхалъ въ церковь вмѣстѣ съ нами, и мнѣ сдѣлалось просто стыдно предъ нимъ за насъ, Русскихъ. Американскій поселенецъ, пахарь и дровосѣкъ, садясь на новое мѣсто, прежде всего, прежде собственныхъ жилищъ, строитъ общими силами приличный домъ Божій и зданіе школы. А мы силами всего сто-милліоннаго народа своего не можемъ устроить для воиновъ, за насъ умирающихъ, сколько-нибудь благопристойную и помѣстительную церковь, распоряжаясь притомъ цѣлою завоеванною областью. И это въ то время, когда въ томъ же самомъ Мервѣ Персы-пришельцы уже успѣли воздвигнуть на свои частныя средства большую и красивую каменную мечеть, мимо которой мы только-что проѣхали.

Не забудьте притомъ, что Мервская церковь единственная христіанская святыня въ цѣломъ мусульманскомъ краѣ, и что грубые кочевники гораздо больше судятъ о достоинствѣ религіи по ея доступнымъ имъ внѣшнимъ проявленіямъ, чѣмъ по мало постижимому имъ внутреннему содержанію ея.

А кто знаетъ, какое бы впечатлѣніе могла произвести на полудѣтское воображеніе Текинца и къ какимъ добрымъ послѣдствіямъ могла потомъ повести его благоустроенная православная служба въ благоустроенномъ православномъ храмѣ. Туркмены, по крайней мѣрѣ, Текинцы—магометане больше по имени, чѣмъ въ дѣйствительности. У нихъ почти не видно мечетей и очень мало муллъ. Духовная борьба съ такимъ не твердымъ и мало искреннимъ мусульманствомъ далеко не такъ трудна, какъ съ закоренѣлымъ фанатизмомъ мусульманскихъ учителей въ коренныхъ очагахъ ислама, каковы, напримѣръ, Самаркандъ, Бухара или хотя бы наша Казань.

Намъ хотѣлось посмотрѣть поближе одинъ изъ текинскихъ ауловъ и побывать въ ихъ кибиткахъ. У мистера Крэна къ тому же былъ очень удобный приборъ для ручной фотографіи, съ помощью котораго онъ въ одно мгновеніе снималъ оригинальные типы и сцены, какіе намъ приходилось встрѣчать. Бытъ текинской кибитки настойчиво просился подъ стекла этой фотографіи.

Извощикъ-Татаринъ въ коляскѣ на парѣ бойкихъ лошадей повезъ насъ тропхъ, съ переводчикомъ Имеретиномъ на козлахъ, черезъ крѣпость въ ближайшій аулъ. Аулы тѣсными дружинами облегли свою столицу, и дороги въ нихъ перекрещиваютъ вдоль и поперекъ пустыри Коушутъ-ханъ-Кала.

Ярмарка не унималась до самаго вечера, и навстрѣчу ѣхали толпами и вереницами текинскіе всадники, или на верблюдахъ текинскіе караваны.

За то аулы были чуть не пустые. Аулъ отъ аула отличить нельзя. Они такъ часто сидятъ вокругъ Мерва, что сливаются своими садами и виноградниками въ одно сплошное громадное поселеніе. Все это — глиняные четырехъугольные ящики безъ крышъ, массивные и почти слѣпые, съ крошечною дверочкой, съ однимъ окошечкомъ. Пристройка повыше играетъ роль башни на случай нападенія и защиты. Рядомъ съ глиняными домами, въ перемежку съ ними, и отдѣльно отъ нихъ въ садахъ и на выгонахъ аула, цѣлыя становища круглыхъ войлочныхъ кибитокъ съ очень пологимъ верхомъ, формой точь-въ-точь керосинные резервуары у нашихъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ.

Изъ мужчинъ въ аулахъ оставались одни дряхлые старики и малыя дѣти, но женщинъ видно было еще очень много. Онѣ не закрываютъ лица, какъ другія мусульманки, и хотя нѣсколько стыдятся и прячутся отъ взгляда чужаго мужчины, да еще русскаго, но тѣмъ не менѣе смѣло перебѣгаютъ отъ одной кибитки къ другой, съ жаднымъ любопытствомъ впиваясь глазами въ мало еще знакомую имъ фигуру европейской женщины.

И я со своей стороны не насмотрюсь на ихъ оригинальный и живописный нарядъ, напоминающій еще древнихъ Пароянокъ. Всѣ онѣ въ малиновомъ и красномъ съ головы до ногъ. Темно-малиновые балахоны по пятки, темно-малиновые высокіе колпаки конусами на головѣ. Волосы заплетены въ косы и на концахъ ихъ висятъ по спинѣ чуть не до самыхъ колѣнъ хвосты изъ серебряныхъ монетъ и серебряныхъ гремушекъ. Какъ у Лезгинокъ и у Арабокъ, монеты вообще самое любимое украшеніе текинскаго прекраснаго пола. Цѣлыми бронями изъ монетъ увѣшана ихъ грудь и даже животъ, монеты на ихъ острыхъ колпакахъ, монеты на ермолкахъ ихъ дѣтей, увѣнчанныхъ оригинальными серебряными шандалцами. И какъ вездѣ на Востокѣ, именно серебряная, а не золотая и не мѣдная монета. На рукахъ у нихъ опять-таки серебряные, а не золотые браслеты, съ красными сердоликами и другими мѣстными камнями.

Красные колпаки здѣшнихъ женщинъ обвязаны такими же красными и малиновыми платками, концы которыхъ тщательно уматываютъ имъ нижнюю часть лица. Молодыя Текинки довольно красивы и статны въ этихъ своихъ древнеазіятскихъ костюмахъ. Но старухи ихъ сущія вѣдьмы, сгорбленныя, желтыя, злыя, съ растрепанными сѣдыми космами, съ вѣчною руганью на языкѣ.

Въ аулахъ шли кое-какія работы, занявшія насъ своею оригинальностью. У однѣхъ кибитокъ бабы мѣсили для построекъ глину съ навозомъ и смазывали круглыя жерла низенькихъ хлѣбныхъ печей, стоящихъ прямо на дворѣ; у другихъ мужчины толкли рисъ. Два босоногіе оборванца, очевидно, нанятые поденщики, изо всѣхъ силъ раскачивались на одномъ концѣ деревяннаго коромысла, котораго другой конецъ долбилъ деревяннымъ клювомъ,—легкое подобіе толкачей на нашихъ водяныхъ мельницахъ,—насыпанное въ ямкѣ прямо на землю желтоватое сорочинское пшено.

Старикъ-хозяинъ, усѣвшись на корточки, старательно подгребаетъ рукой рисъ подъ деревянное долбило, не помышляя, повидимому, ни о какой опасности для своихъ корявыхъ рукъ.

Пока мы созерцали все это текинское населеніе и работы его съ высоты своей коляски, дѣло обстояло благополучно. Но только-что мы спѣшились и обнаружили слабую попытку зайти въ первую попавшуюся кибитку, какъ на насъ бросились всякіе двуногіе и четвероногіе звѣри. Лихія туркменскія собаки ожесточенно рвали насъ за ноги, а такой же какъ онѣ бѣшеный старикашка въ лохматой папахѣ на головѣ, въ длинноволосой дубленой шубѣ ярко желтаго цвѣта,—грудью загородилъ намъ дорогу, взрыгая изъ своей беззубой пасти осипшимъ голосомъ какія-то непонятныя намъ увѣщанія или угрозы. Къ нему стали подходить съ разныхъ сторонъ другіе такіе же босоногіе и лохматые старики. Бабы и дѣвки, до того толпившіяся на улицѣ, разомъ испуганно шарахнулись по своимъ кибиткамъ, словно имъ и дѣтямъ ихъ угрожала отъ нашего пришествія какая-нибудь смертная опасность.

— Чего это онъ окрысился такъ, этотъ сумашедшій старикъ? спросилъ я нашего извощика, хорошо понимавшаго по-туркменски.

Извощикъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Да какъ же ему иначе? сказалъ онъ. — Хозяева теперь, мужчины ихніе, всѣ на ярмаркѣ, бабы однѣ въ кибиткахъ остались. Какъ же ему чужихъ мужчинъ къ нимъ впустить? Вотъ съ того-то и щетинится старый хрычъ! добродушно разсмѣялся онъ.

Мы тоже посмѣялись надъ неожиданнымъ переполохомъ, который мы надѣлали въ аулѣ, и, побродивъ немного по его переулкамъ среди неоглядного становища кибитокъ, рѣшились продолжать дальше свой путь.

— Вотъ мы къ Мурадъ-хану заѣдемъ недалеко отсюда, тотъ пуститъ, къ нему всегда начальники большіе заѣзжаютъ... Тотъ ужь всякое обхожденіе знаетъ! утѣшилъ насъ извощикъ.—У него не только кибитки, у него, посмотрите, домъ какой! Хоть бы генералу какому жить. Потому богачъ! Земли сколько позабралъ, сады большіе, скота сколько... Это вѣдь все его земли!.. Весь народъ кругомъ на него работаетъ изъ половины урожая! махнулъ онъ рукой на степь.

Высокій бѣлокаменный домъ Мурадъ-хана, съ большими мавританскими окнами, съ красивою рѣшоткой на плоской крышѣ, можетъ считаться настоящимъ ханскимъ дворцомъ среди глиняныхъ мазанокъ Текинцевъ. Но домъ этотъ построенъ имъ только для показа, для хвастовства предъ русскими властями, которыя его иногда посѣщаютъ. Мурадъ-ханъ считается аксакаломъ, то-есть старшиной своего округа, и находится поневолѣ въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими. Въ Мервѣ онъ игралъ прежде очень вліятельную роль, и его былое значеніе отчасти осталось за нимъ до сихъ поръ. Онъ не попусту носитъ имя хана, и дѣйствительная власть его надъ окрестнымъ кочевымъ населеніемъ далеко не умѣщается въ одни только права аксакала, признаваемыя за нимъ нашимъ правительствомъ.

Впрочемъ, аксакалъ самъ по себѣ имѣетъ огромное значеніе среди кочеваго населенія, потому что онъ есть распорядитель воды, то-есть живота и смерти степнаго жителя. Вода тутъ—всё. Продается и покупается тутъ — не земля, а вода. Землю безъ воды тутъ даромъ не берутъ; а земля орошенная—на вѣсъ золота. Аксакалъ судитъ и рядитъ всѣ споры о водѣ и каждому жителю назначаетъ срокъ, когда онъ можетъ орошать свое поле водами арыка. Въ этомъ для него неистощимый источникъ доходовъ.

Мы однако не нашли Мурадъ-хана въ его парадной европейской резиденціи. Въ домѣ что-то перестроивалось, и къ нашему большому удовольствію оказалось нужнымъ ѣхать къ нему въ его становище.

Многочисленныя кибитки домочадцевъ и подручниковъ Мурадъ-хана размѣстились вокругъ его ставки, въ кустахъ и садахъ, на опушкѣ степи.

Маленькое становище донельзя переполошилось, увидя нашу приближавшуюся коляску.

Изумленныя фигуры то и дѣло выбѣгали и вбѣгали въ кибитки, распространяя среди ихъ наивнаго населенія волненіе и испугъ.

Не доѣзжая до кибитки хана, насъ торопливо встрѣтили его верховые нукеры на богато осѣдланныхъ отличныхъ коняхъ. Они проводили насъ въ ставку хана.

Вокругъ нея уже успѣлъ столпиться народъ. Текинцы глядѣли на насъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и подозрительностью. Особенно одинъ старикъ рѣзко-монгольскаго типа, совсѣмъ

безусый, съ рѣдкими сѣдыми клочками волосъ на подбородкѣ, не могъ подавить въ себѣ кипѣвшей внутри его злобы и пожиралъ насъ глазами ненависти.

Наконецъ въ кибитку вошелъ и Мурадъ-ханъ, вызванный изъ другой кибитки, гдѣ жили его жены. Онъ сразу загородилъ и, казалось, наполнилъ собою все свободное пространство кибитки.

Черный, какъ Арапъ, громаднаго роста и богатырскаго склада, съ узкими косыми глазами, выпяченными скулами и огромнымъ звѣроподобнымъ ртомъ, онъ былъ просто страшенъ и смотрѣлъ чистѣйшимъ Монголомъ. Я увѣренъ, что самъ Чингисъ-ханъ не показался бы мнѣ такимъ характернымъ монгольскимъ варваромъ, какъ этотъ туркменскій атлетъ. Такого аксакала поневолѣ послушаются самые непокорные дикари.

Мы обмѣнялись привѣтствіями черезъ переводчика-извощика, потому что Имеретинъ м-ра Крэна хотя и говорилъ по-татарски, но туркменскаго діалекта понять не могъ.

— Вы, пожалуста, не обижайтесь, что я встрѣтилъ васъ не въ капитанскомъ мундирѣ и безъ ордена, прежде всего велѣлъ передать намъ Мурадъ-ханъ, очевидно, желая сразу дать намъ понять, что онъ имѣетъ русскій военный чинъ, которымъ Туркмены гордятся превыше всего.—Я очень жалѣю, что не зналъ о пріѣздѣ такихъ почетныхъ гостей, иначе бы я приготовился какъ слѣдуетъ...

— Напротивъ, намъ гораздо любопытнѣе видѣть васъ въ вашей природной одеждѣ, отвѣчали мы ему устами своего возницы.—Мы пріѣхали издалека, изъ-подъ самой Москвы, первый разъ въ туркменскую землю, и намъ хочется видѣть какъ живутъ и чѣмъ занимаются Туркмены. Оттого-то мы позволили себѣ побезпокоить васъ и просимъ теперь показать намъ ваше житье...

— У насъ нѣтъ никакихъ хорошихъ вещей, которыя есть у Русскихъ, отвѣчалъ Мурадъ-ханъ.—Мы люди простые и бѣдные, все дѣлаемъ сами и довольствуемся самымъ необходимымъ... Вотъ видите мою кибитку, прибавилъ онъ, обводя ее самодовольными глазами.—Вотъ и всѣ наши богатства. На что тутъ смотрѣть?.. Въ Москвѣ развѣ вы то видѣли?..

Кибитка была однако обставлена далеко не бѣдно. Вся она была укрыта по полу и по стѣнамъ коврами и цѣновками; кругомъ стѣнъ стояли тѣсно другъ къ другу и другъ на другѣ раскрашенные цвѣтами по бѣлой жести сундуки московской работы, самодѣльныя грубыя шкатулочки, полосатые шерстяные мѣшки

съ мукой, рисомъ и просомъ, громадные голубовато-пестрые кувшины о трехъ ручкахъ, способные вмѣстить въ себя по нѣскольку ведеръ вина или масла, деревянные точеные кувшинчики для воды, оправленные мѣдью, оригинальнаго восточнаго рисунка, стеклянные кальяны и всякая всячина.

Кибитка эта была, повидимому, столовою, потому что въ ней не было видно ни тюфяковъ, ни подушекъ, обычныхъ принадлежностей азіятскаго жилья. На стѣнахъ не висѣло никакого оружія, а только богатая конская сбруя, отдѣланная серебромъ и сердоликами, да музыкальные туркменскіе инструменты въ родѣ гитаръ или балалаекъ съ очень длинными ручками и очень маленькимъ пузатымъ корпусомъ.

Остовъ кибитки — это рѣшотка изъ гнутыхъ деревянныхъ прутьевъ какого-то очень крѣпкаго дерева, прочно увязанная веревками и плотно обтянутая войлоками, вверху ея—отверстіе, на которое въ непогоду натягивается веревкой тоже войлокъ. Но обыкновенно въ отверстіе это глядитъ ясное южное небо и поднимается дымъ отъ очага, горящаго чуть не цѣлый день по серединѣ кибитки. Огромный низенькій котелъ, накрытый деревянною крышкой, стоялъ на очагѣ и во время нашего прихода, но огня подъ нимъ не было.

Намъ принесли откуда-то три вѣнскіе плетеные стула и усадили на нихъ около очага, чтобъ окончательно убѣдить насъ въ цивилизованности капитана и кавалера россійской арміи.

У насъ нынче рамазанъ, мы ничего не готовимъ и не ѣдимъ до ночи, извинился Мурадъ-ханъ, поэтому мнѣ нечѣмъ угостить почтенныхъ моихъ гостей, но еслибы вы посидѣли у меня немного и выпили по стакану чая! У меня есть русскій самоваръ и поставятъ его скоро.

Мы поблагодарили за любезность, но отъ чая отказались, сказавъ, что должны спѣшить домой.

Жену мою между тѣмъ повели по ея просьбѣ въ другую кибитку, гдѣ жили жены Мурадъ-хана. Онѣ встрѣтили ее съ большою лаской, тѣсно окружили ее и какъ маленькія дѣти дотрогивались и осматривали съ радостнымъ любопытствомъ каждую мелочь въ ея туалетѣ.

— Тутъ у меня не хорошо, тутъ все по нашему, по-туркменски! продолжалъ извиняться Мурадъ-ханъ,—вотъ еслибы вы черезъ недѣльку другую пріѣхали ко мнѣ, я бы васъ принялъ какъ слѣдуетъ, въ домѣ своемъ все равно какъ у васъ въ

Россіи. А теперь домъ передѣлываютъ, нельзя показать. Тамъ у меня генералы всѣ бываютъ, всѣ начальники. Мурадъ-хана всѣ знаютъ.

— Намъ тоже сказали въ Мервѣ, что живетъ тутъ близко ханъ туркменскій съ большимъ чиномъ, храбрый и знаменитый человѣкъ, вотъ мы и пріѣхали нарочно посмотрѣть на васъ, отвѣтилъ ему я.

Мурадъ-ханъ поблагодарилъ за льстивыя слова и счелъ долгомъ освѣдомиться, въ какомъ чинѣ и на какой должности, и въ какомъ именно городѣ состоятъ его гости.

Мы удовлетворили его любопытство, примѣняясь къ его туркменскимъ понятіямъ, и когда я назвалъ м-ра Крэна Англичаниномъ изъ Америки, то старый кочевникъ какъ-то встрепенулся весь и съ нескрываемымъ сочувствіемъ осклабился въ его сторону.

Для вольнолюбиваго сердца Текинца все-таки, должно-быть, видъ мнимаго друга его, сосѣда по Индіи, отраднѣе, чѣмъ видъ нашего брата Русскаго, его непрошеннаго хозяина и покорителя.

Поболтавъ еще кое о чемъ и досыта удовлетворивъ любопытство напвныхъ дикарей, набившихся въ кибитку Мурадъ-хана, мы пожали ему наконецъ руки и направились къ своей колескѣ.

Вечеръ мы провели у одного изъ гостепріимныхъ мѣстныхъ жителей, съ которымъ мы случайно познакомились дорогой. Капитанъ З. — желѣзнодорожный дѣятель, участвовавшій въ постройкѣ дороги съ самаго начала ея. Ему пришлось вмѣстѣ съ молодою женой переваливать черезъ Балканы, томиться Санъ-Стефанскою эпидеміей и потомъ очутиться среди туркменской пустыни, въ безводныхъ пескахъ Михайловскаго залива, заточеннымъ вдвоемъ зиму и лѣто въ войлочной кибиткѣ, не выпуская изъ рукъ револьверовъ въ ежечасномъ ожиданіи туркменскихъ набѣговъ. Это было въ самый разгаръ Скобелевскаго похода, когда нужно было прокладывать желѣзный путь черезъ пески слѣдомъ за надвигавшимся войскомъ, въ странѣ еще не покоренной и кишѣвшей враждебными намъ разбойничьими племенами.

Здѣшнія женщины — герои своего рода, по плечу своимъ мужьямъ.

Мы долго сидѣли на балконѣ въ саду, окруженные благоухающими бѣлыми акаціями. Деревья тутъ растутъ просто на глазахъ.

Трехлѣтнее дерево—уже толще человѣческой руки, и цвѣты уже осыпаютъ ихъ, какъ молодую невѣсту.

Милые хозяева радушно угощали насъ, бесѣдуя объ интересовавшемъ насъ своеобразномъ краѣ. Уютный ихъ домикъ украшенъ характерными мѣстными предметами. Въ прихожей чучело тигра, убитаго въ Чикишлярѣ, подъ столомъ кабинета—шкура гепарда изъ сосѣдняго Теджена, на стѣнѣ рога хивинскаго оленя и оригинально расписанныя самаркандскія блюда. На полу, на диванахъ,—всякіе текинскіе, бухарскіе, хорасанскіе ковры...

Но хотя насъ, сѣверныхъ пришельцевъ, очаровала необычно для насъ ранняя и необычно мягкая южная весна, дышавшая изъ сада теплomъ и ароматомъ, намъ однако разсказали далеко не утѣшительныя вѣсти о здѣшнемъ климатѣ и дали настойчивый совѣтъ не увлекаться особенною довѣрчивостью къ нему.

Въ Закаспійской области пріѣзжіе Русскіе, правда, нерѣдко толстѣютъ и чувствуютъ себя хорошо, но большинство ихъ въ концѣ концовъ разстраиваютъ свое здоровье. Въ Мервѣ свирѣпствуютъ всевозможныя болѣзни, въ Самаркандѣ, въ Бухарѣ—еще больше. Главная причина этихъ болѣзней — застоявшаяся вода арыковъ и прудковъ, изъ которыхъ жители пьютъ воду. Въ водѣ этой множество всякихъ нечистотъ, бактерій, насѣкомыхъ. А когда арыки высыхаютъ въ лѣтній зной, то отъ нихъ поднимаются вредоносные міазмы, причиняющіе жестокую лихорадку. Лихорадка — это бичъ всѣхъ нашихъ азіятскихъ владѣній. Но кромѣ нея во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Бухарѣ, свирѣпствуетъ мѣстная болѣзнь *решта*,—тончайшій и длиннѣйшій глистъ—волосатикъ, который проникаетъ въ человѣка изъ воды арыковъ и постепенно развѣтвляется внутри по всему его тѣлу, причиняя невыносимую боль. Европейскіе доктора не знаютъ средства противъ этой спеціально-азіятской болѣзни, но туземцы умѣютъ ее излѣчивать, ловко разыскивая кончикъ волосатика и осторожно наматывая его на палочку. Въ Мервѣ тоже есть своя спеціальная, столь же опасная болѣзнь — пендинская язва, названная по имени мѣстечка Пенджде, на Мургабѣ, изъ-за котораго у насъ былъ недавній споръ съ Англичанами. Эта накожная язва тоже происходитъ отъ нечистой воды арыковъ и сродни спеціальной болѣзни ташкента—ташкентскому прыщу, отъ котораго не бываетъ избавленъ почти ни одинъ проѣзжій изъ Россіи. Кромѣ всѣхъ этихъ чисто-мѣстныхъ прелестей, въ Бухарѣ

очень много прокаженныхъ, которые, выходитъ, не ограничиваются однимъ Сирійскимъ востокомъ.

На меня, впрочемъ, всѣ эти слышанные мною ужасы произвели мало впечатлѣнія... Я давно уже замѣтилъ, что во всѣхъ странахъ міра люди имѣютъ привычку жаловаться на скверный климатъ и на множество всякихъ болѣзней, а потому столь же давно принялъ за правило не обращать ровно никакого вниманія ни на какіе климаты и ни на какія болѣзни; и вотъ, достигнувъ довольно почтеннаго возраста, не могу сказать, чтобъ эта простая система привела меня къ плохому концу.

VII.

Аулъ Гуль-Джемалъ-ханымъ.

Рано утромъ нужно было отправляться въ Старый Мервъ и въ Государево Мургабское имѣніе. Мы наняли извощичью коляску, чтобы не ждать желѣзной дороги и чтобы лучше познакомиться со страной, чрезъ которую проѣзжали.

Мистеръ Крэнъ едва было не задержалъ насъ. При отъѣздѣ изъ Асхабада онъ забылъ на вокзалѣ свой ручной фотографическій приборъ, безъ котораго все путешествіе теряло для него свое значеніе. Мы телеграфировали съ дороги, чтобъ его выслали въ Мервъ, но къ отъѣзду нашему онъ высланъ не былъ, такъ что пришлось обращаться за содѣйствіемъ къ капитану З., который обѣщалъ выслать приборъ слѣдомъ за нами уже прямо въ Бухару.

Путешествіе на лошадяхъ съ самаго дѣтства имѣетъ для меня незамѣнимую прелесть, и въ сравненіи съ нимъ желѣзная дорога не стоитъ ровно ничего. Я, конечно, говорю о впечатлѣніяхъ, а не объ удобствахъ.

Мы опять проѣхали сквозь мервскую крѣпость, и мое русское сердце радостно всколыхнулось при видѣ родныхъ бѣлыхъ рубахъ. Солдатики наши, пользуясь утреннимъ холодкомъ, отбывали ученье; они разсыпались подъ звуки барабана по плацу, залегали за земляныя насыпи, взбирались бѣгомъ на глиняные текинскіе валы и тамъ быстро строились въ ряды. Это такъ живо перенесло мое воображеніе въ былые дни, когда эти самыя бѣлыя рубахи, хорошо знакомыя теперь всей Азіи, взбѣгали съ

такою же удалою рѣшимостью на твердыни, защищаемыя мечомъ и пулей. На далекой чужбинѣ видъ русской силы производитъ бодрящее и успокаивающее впечатлѣніе. Впрочемъ, здѣсь радуетъ меня даже фигура какой-нибудь замазанной русской кухарки или пьянчуги-извощика. Все-таки, какъ ни плохо, а свое родимое!

Сейчасъ же по выѣздѣ изъ города насъ охватилъ со всѣхъ сторонъ плодоносный и многолюдный Мервскій оазисъ. Аулы и сады на каждомъ шагу, виднѣются и виноградники, хотя гораздо рѣже. Ряды пирамидальныхъ тополей придаютъ ландшафту совсѣмъ культурный характеръ. Еслибы не темныя муравьиныя кучи кибитокъ, толпящихся среди глинобитныхъ домовъ и оградъ, можно забыть, что мы въ Туркменіи. Всѣ дороги покрыты ѣдущимъ и идущимъ народомъ. Ѣдутъ на верблюдахъ, на лошадяхъ, на ослахъ. Ѣдутъ навстрѣчу, ѣдутъ впереди и позади насъ. Это уже не кочевья, а переходъ къ осѣдлости. Почва полей—чразвычайно тучный лёссъ то густаго кофейнаго цвѣта, то сѣраго и сѣрожелтаго. Вездѣ кругомъ пасутся верблюды съ верблюженками, овцы, ослы. Верблюдовъ тутъ—непочатый край! Въ поляхъ то и дѣло видишь работающихъ Туркменъ. Мальчишки-пастушонки въ своихъ характерныхъ и живописныхъ нарядахъ, спрятавшись въ кустахъ арыка или за придорожными кустами, съ пугливымъ изумленіемъ пялятъ на насъ свои огромные черные глазенки, гораздо болѣе человѣчные и добрые, чѣмъ всегда суровый и враждебный взглядъ стараго Туркмена. Изъ-за ихъ плечъ смотрятъ на насъ такими же широко раскрытыми, наивно удивленными глазами, до ушей потонувшіе въ высокихъ травахъ болота маленькіе статные ослики, совсѣмъ похожіе на дикихъ, неразлучные товарищи ихъ бродячей жизни.

Арыки частою сѣтью бороздятъ и перерѣзаютъ поля. Иногда они такъ широки и глубоки, въ такихъ отвердѣвшихъ обрывистыхъ берегахъ, такъ заросли по берегамъ камышами и кустарникомъ, что ихъ принимаешь просто за рѣчку изрядной величины. Черезъ каждый арыкъ при каждой дорожкѣ непремѣнно плотно убитый глиняный мостикъ, аркой приподнимающійся посерединѣ. Порой приходится ѣхать между тѣсно сближенными арыками, какъ по длинной плотинѣ, но дорога вездѣ, однако, исправна и довольно покойна. Большіе арыки иногда вѣтвятся

на нѣсколько рукавовъ, расходящихся въ стороны, какъ растопыренные пальцы руки. Эти крупныя водныя артеріи—наслѣдство глубокой древности и невѣдомо какихъ народовъ, можетъ-быть еще какихъ-нибудь Парѳянъ или даже Бактрійцевъ. Туркмены только расчищаютъ старыя русла этихъ древнихъ историческихъ каналовъ, сооруженіе которыхъ стоило громаднаго труда и требовало вѣковой работы.

Но множество такихъ каналовъ, этихъ грандіозныхъ памятниковъ былыхъ благодѣтелей человѣчества, нѣкогда питавшихъ сотни тысячъ народа и обращавшихъ безплодныя степи въ цвѣтущую страну, давно заброшено, и возстановленіе ихъ уже не по силамъ малочисленному и полудикому туркменскому племени.

При одномъ арыкѣ, широкомъ, какъ рѣка, глубоко спрятанномъ въ крутыхъ берегахъ, пріютилась туркменская камышевая мельница. Мы остановились немножко передохнуть и спустились къ ней. Вода пущена въ мельницу изъ запруженнаго верхняго арыка по тремъ деревяннымъ желобамъ и почти отвѣсною сильною струей падаетъ на колеса, спрятанныя подъ поломъ мельницы. Колесо вертитъ верхній жерновъ-бѣгунъ, который скользитъ по неподвижному нижнему жернову, размалывая зерно, что̀ сыпется въ серединное отверстіе верхняго жернова. У каждаго постава сидятъ въ апатическихъ позахъ, поджавъ подъ себя ноги, въ усыпанныхъ мукой халатахъ и шапкахъ Текинцы-завощики и не спѣша сгребаютъ маленькими ковшичками, будто горстями руки, муку изъ углубленія пола, куда она падаетъ. Около нихъ стоятъ огромные мѣшки-корзины, сплетенные изъ какой-то мягкой, но крѣпкой соломы, въ которые умѣстится добрый возъ, и которыми нагружаютъ, конечно, бока верблюда. Вся мельница полна ожидающаго народа. Сейчасъ видно, что никто тутъ никуда не спѣшитъ и никто не вѣритъ, чтобы время было все равно что̀ деньги, какъ увѣряютъ вѣчно хлопотливые Англичане.

Не только мельница, но и весь берегъ кругомъ полонъ народа, по всѣмъ глинянымъ уступамъ его въ самыхъ типическихъ позахъ и нарядахъ, словно они нарочно разсѣлись здѣсь въ ожиданіи карандаша художника; а тутъ же по берегу пасутся ихъ верблюды, ослы и кони.

Веселый шумъ падающей воды, трудолюбивое жужжанье мельничныхъ колесъ и эта характерная азіятская толпа со своими скотами и вьюками—придавали столько жизни этому живописному уголку, притаившемуся въ привольѣ неохватной степной глади.

Глазатыя, черномазыя дѣтишки окружили насъ, какъ стая люботныхъ воробьевъ, и не спускали глазъ съ нашей дамы, такъ мало похожей и лицомъ, и нарядомъ на знакомыя имъ родныя фигуры. На ихъ счастье у меня въ карманѣ оказалась горсть конфетъ, которая привела весь этотъ крохотный Текинскій народъ въ самую искреннюю радость. Но старые Текинцы, въ совершенную противоположность своимъ ребятишкамъ, можетъ-быть, соблюдая азіятское приличіе, а можетъ-быть изъ понятнаго чувства ненависти къ Русскимъ, оставались неподвижно на своемъ бережку, будто римскіе сенаторы, побитые Галлами на своихъ курульскихъ креслахъ, и даже бровью не повели на насъ...

Поднимаясь назадъ къ своей коляскѣ, я увидѣлъ на томъ берегу арыка огромный и совсѣмъ голый глиняный холмъ четырехъугольной формы.

Мы освѣдомились чрезъ своего возницу, что̀ это за насыпь. Текинцы отвѣчали, что природная гора. Но это только доказываетъ, что холмъ насыпанъ въ незапамятную старину и не оставилъ по себѣ въ народѣ никакихъ легендъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что онъ насыпной. Я и прежде, и послѣ видѣлъ въ Текинскомъ оазисѣ не одинъ такой холмъ громадной величины. Но тутъ мнѣ пришло въ голову, что онъ недаромъ стоитъ такъ близко отъ такого значительнаго арыка. Очень можетъ быть, что въ подобные холмы свалпвалась земля, которая получалась при копаньи большихъ древнихъ каналовъ.

Получали ли потомъ эти холмы значеніе кладбища или военнаго укрѣпленія—это ужь другой вопросъ, непротиворѣчащій моему предположенію.

Мы двинулись, наконецъ, дальше. Поля Текинцевъ и здѣсь, какъ за Асхабадомъ, усѣяны частыми глиняными башенками, которыя очень заинтересовали меня. Эти башни-столпы издали кажутся пустыми внутри, и мы съ мистеромъ Крэномъ рѣшились основательно оглядѣть ихъ. Мы отошли съ нимъ далеко въ поле и осмотрѣли нѣсколько десятковъ этихъ странныхъ укрѣпленій, къ большому недоумѣнію проѣзжавшихъ и проходившихъ мимо Текинцевъ, съ враждебною подозрительностью слѣдившихъ издали за нашимъ непостижимымъ для нихъ путешествіемъ по пустому полю. Однако, ни въ одной башенкѣ не оказалось никакой

пустоты. Всѣ онѣ только круглые столбы въ два человѣческіе роста высоты и обхвата въ два толщиной. На нѣкоторыя какъ будто можно было взлѣзать. Онѣ устраивались на случай внезапнаго нападенія враждебнаго племени, чтобы дать застигнутому въ полѣ Текинцу какую-нибудь защиту, изъ-за которой онъ могъ бы отстрѣливаться, пока поднимется тревога и земляки явятся изъ аула на выручку. А можетъ-быть съ вершины ихъ и карауливши иногда подходившаго врага, за отсутствіемъ въ этой гладкой равнинѣ горъ и деревьевъ.

Аулъ Юсупъ-хана на половинѣ дороги къ Государеву имѣнію въ Байрамъ-Али. Юсупъ-ханъ считается чѣмъ-то въ родѣ текинскаго царька. Впрочемъ, ханы у Туркменъ сами по себѣ никогда не имѣли особенныхъ правъ и привилегій, и хотя наслѣдственность древняго рода играла и до сихъ поръ играетъ у нихъ извѣстную роль, но дѣйствительное вліяніе на народъ всегда имѣли среди Туркменъ только ханы, отличавшіеся особеннымъ умомъ или храбростью.

Юсупъ-ханъ — сынъ знаменитаго Нуръ-Верды-хана, защитника Геокъ-Тепе; братъ его Махмудъ-Кули-ханъ служитъ теперь въ русскомъ войскѣ, но въ текинскомъ народѣ особеннымъ уваженіемъ пользуется не столько самъ Юсупъ-ханъ, сколько его властная и вліятельная мать, вдова Нуръ-Верды-хана, живущая вмѣстѣ съ сыномъ. Она-то собственно и сдала Мервъ безъ боя русскимъ войскамъ.

Аулъ Юсупъ-хана большой и людный. Домъ у него въ томъ же стилѣ, какъ и у Мурадъ-хана: одноэтажный, кирпичный домъ съ полукруглыми окнами и съ чѣмъ-то въ родѣ крѣпостныхъ зубцовъ по карнизу и крышѣ весело бѣлѣетъ среди зелени деревьевъ, возвышаясь надъ облегающими его глиняными мазанками и кибитками.

Домъ этотъ окруженъ стѣной и входъ въ него со двора. На дворѣ, кромѣ нѣсколькихъ кибитокъ, еще другой каменный домъ, въ родѣ двухэтажной четырехугольной башни, съ плоскою крышей и наружными лѣсенками.

Мы остановились у воротъ и вошли во дворъ пѣшкомъ, встрѣченные, по обыкновенію, изумленною и растерявшеюся толпой. По улицѣ аула уже торопливо бѣжали къ воротамъ ханскаго двора любопытные зрители.

— Дома Юсупъ-ханъ? спросилъ нашъ переводчикъ.

— Юсупъ-хана нѣтъ дома, уѣхалъ въ степь, овецъ рѣжетъ, отвѣчалъ намъ одинъ изъ ханскихъ челядинцевъ.

— Гуль-Джемалъ-ханымъ дома?

— Нѣтъ дома Гуль-Джемалъ-ханымъ, семь дней какъ уѣхала!

— Кто-жъ у васъ дома?

— Никого у насъ нѣтъ дома, очень категорично отвѣтилъ Туркменъ.

— А посмотрѣть у васъ на дворѣ можно?

— Отчего не можно! только смотрѣть у насъ на дворѣ нечего.

Мы тѣмъ не менѣе вошли въ домъ, чтобы составить себѣ понятіе о текинской роскоши.

Отворена была только пріемная комната, обвѣшанная по стѣнамъ огромными дорогими коврами. Но съ диванов ковры были сняты по случаю долгаго отсутствія хозяевъ и лежали экономіи ради вмѣстѣ съ расшитыми подушками и сафьянными тюфяками сложенные другъ на другѣ цѣлою башней Вавилонскою, оголивъ весьма непрезентабельно голыя доски на кирпичахъ, которыя, собственно, и составляютъ туркменскую тахту.

Но въ остальныя домашнія комнаты проникнуть намъ не пришлось, потому что на дверяхъ висѣли огромные и грубѣйшіе туркменскіе замки, подобные тѣмъ, которыми запираютъ ворота крѣпостей. Слуги хана увѣряли насъ, что ключи у старой ханымъ.

Тогда мы по обязанности присяжныхъ туристовъ отправились обозрѣвать дворовое хозяйство ханымъ. Обозрѣвать въ сущности было ровно нечего, о чемъ совершенно честно предупреждалъ насъ ханскій челядинецъ. Въ углахъ двора стоятъ огромныя глиняныя бочки для воды въ формѣ кувшиновъ, прикрытыя сковородами; три здоровенные котла, вмазанные рядышкомъ въ низенькую печь, прямо на открытомъ воздухѣ, даже безъ навѣса, замѣняютъ собой кухню.

Около нея цистерна для дождевой воды, въ родѣ большой каменной купели, и глиняная пещерка для угля.

Работники и работницы живутъ въ кибиткахъ. Тамъ только войлоки, цѣновки и никакихъ вещей,—простота первобытная, вполнѣ туркменская. Около кибитокъ безчисленное множество собакъ, ошпаренныхъ, искалѣченныхъ, какая безъ уха, какая безъ глаза, какая безъ хвоста; эти благопріобрѣтенные пороки ихъ не мѣшали, однако, туркменскимъ псамъ отчаянно кидаться

на насъ, съ нескрываемою цѣлью попробовать наши пкры; по всей вѣроятности и они чуяли въ насъ кровныхъ враговъ своего племени.

Мы уже собирались уходить со двора, какъ вдругъ въѣхала во дворъ сама старая хозяйка; она сидѣла на конѣ по-мужски, настоящимъ джигитомъ, не хуже молодцовъ нукеровъ, которые ее провожали.

Старая ханымъ ловко соскочила съ сѣдла и поднялась на крыльцо. Ей уже сказали, что у нея во дворѣ русскіе гости; когда мы подошли къ ней, она привѣтствовала насъ, пожимая по-русски руку.

Видъ ея мнѣ сразу привелъ на память нашъ недавній визитъ къ Мурадъ-хану. Крупная, ширококостная, плечистая, она походила складомъ больше на мужчину, чѣмъ на женщину; и голосъ у нея былъ густой, грубый, привыкшій повелѣвать. Лицо ея было разительно монгольское: приплюснутый широкій носъ, далеко выпяченныя скулы и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко-черные волосы безъ признака сѣдины. Одѣтая въ синій бархатный халатъ поверхъ полосатаго темно-лиловаго платья самодѣльнаго тканья, и обвязанная по головѣ, какъ чалмой, шелковымъ платкомъ въ яркихъ букетахъ, она и костюмомъ своимъ смахивала на здоровеннаго мужчину.

По-русски она не говорила, хотя нашъ извозчикъ и увѣрялъ, будто она отлично разговариваетъ по-русски, когда это нужно.

— Юсупъ-ханъ будетъ жалѣть, что вы его не нашли дома, онъ уже нѣсколько дней въ степи, барановъ рѣжетъ, сказала она по-туркменски.

— Намъ это сказали наши люди, и мы тоже очень жалѣемъ, что не видали такого знаменитаго человѣка среди Туркменъ, отвѣчали мы.

— У меня въ домѣ безпорядокъ, ничего не убрано, и я очень жалѣю, что не могу принять такихъ гостей. Я сама семь дней не была дома.

— Мы слышали, ханымъ, что у васъ ткутъ самые лучшіе ковры; мы желали бы посмотрѣть, какъ ихъ работаютъ, не покажете ли намъ? спросилъ я.

— Теперь нѣтъ ковровъ въ работѣ, ковры всѣ окончены, отговарпвалась старая ханша, очевидно, не желавшая впустить насъ въ неубранный домъ и притомъ безъ приготовленнаго угощенія.

Ковры ея дѣйствительно славятся во всемъ Мервѣ. Намъ передавали, что за одинъ коверъ свой она проситъ 1.500 рублей, и что за него уже давали ей тысячу. Мы видѣли его потомъ въ Москвѣ на Средне-Азіятской выставкѣ, возвращаясь изъ своего туркменскаго путешествія. Чуть ли и вправду онъ не былъ оцѣненъ тамъ въ 1.200 рублей.

Видя, что съ упрямою Туркменкой ничего не подѣлаешь, мы простились съ нею и отправились дальше, долго еще бесѣдуя между собой объ этой оригинальной кочевой дамѣ.

Мнѣ невольно припомнился мѣткій отзывъ нашего извѣстнаго путешественника по Востоку Ег. П. Ковалевскаго о пресловутомъ гостепріимствѣ Туркменъ и подобныхъ имъ дикарей: „Гостепріимство кочевыхъ народовъ, говоритъ Ковалевскій,—существуетъ только въ воображеніи поэтовъ; оно еще соблюдается въ отношеніи къ магометанамъ единовѣрцамъ; но посѣщеніе чужевѣрца уже считается осквернеміемъ юрты и должно быть окуплено или дорогою платой, или плѣномъ непрошеннаго гостя.“

Юсупъ-ханшу, будто въ насмѣшку, зовутъ Гуль-Джемалъ, что̀ значитъ по-русски „роза тѣла“. Вкусы Туркмена должно-быть слишкомъ нетребовательны, если даже эту черномазую плосконосую рожу онъ въ состояніи принимать за розу.

Замѣчательно, что самые родовитые и вліятельные Туркмены, каковы Гуль-Джемалъ, Мурадъ-ханъ и др., сохранили въ своихъ лицахъ гораздо болѣе монгольства, чѣмъ, такъ-сказать, рядовые Туркмены.

Монгольская раса, нахлынувшая на Среднюю Азію съ Чингисомъ и Тимуромъ, стала владыкой всѣхъ другихъ мѣстныхъ племенъ, поэтому немудрено, что главные роды ея поддерживали особенно заботливо чистоту своей крови, какъ самой, такъ-сказать, аристократической по понятіямъ завоевателя-дикаря. Вѣроятно, по той же причинѣ эти родовые вожди Туркменъ отличаются богатырскимъ складомъ и огромнымъ ростомъ. Среди Киргизовъ Ферганы я замѣтилъ потомъ совершенно то же. А монгольско-тюркскіе народы, кочевавшіе въ древности въ пустыняхъ теперешней Киргизіи за Сыръ-Дарьей и называвшіеся тогда общимъ именемъ Скиѳовъ, Саковъ и пр., еще во время походовъ Александра Македонскаго поражали Грековъ сьоимъ громаднымъ ростомъ, хотя нужно думать, что Македоняне и Эллины IV вѣка до Р. Хр. тоже не были особенно малорослы.

„Придутъ ко мнѣ Хоразмяне, Дагіи, Сакіане, Индѣйцы и

живущіе за Дономъ (какъ называлась тогда рѣка Сыръ-Дарья) *Скивы, изъ которыхъ нѣтъ ни одного столь маловозрастнаго, кому бы Македоняне не по плечо были*", говоритъ у Курція Александръ, исчисляя свои шансы на побѣду.

Какъ бы то ни было, а богатырская Туркменка Гуль-Джемалъ среди этой расы богатырей пользуется великимъ почетомъ и послушаніемъ, и голосъ ея на „маслагатахъ", то-есть на народныхъ совѣщаніяхъ ея роднаго колѣна Векиль, рѣшаетъ самые важные вопросы. Голосъ этотъ былъ настолько силенъ, что отворилъ намъ безъ боя ворота вольнолюбиваго Мерва и покорилъ никому не покорявшихся отчаянныхъ храбрецовъ мервскихъ Текинцевъ, вопреки небольшой, но рѣшительной партіи войны, удалившейся поголовно въ пески при сдачѣ намъ Мерва.

Вообще туземная женщина стоитъ очень высоко во мнѣніи Туркменца. Она все умѣетъ, она все дѣлаетъ, она характеромъ, пожалуй, еще рѣшительнѣе, чѣмъ мужчина-Туркменъ. Въ этомъ она совершенно похожа на Киргизку, какъ я потомъ убѣдился; какъ Киргизка, она не закрываетъ лица, участвуетъ на сходкахъ, смѣло ѣздитъ верхомъ. Во время взятія Скобелевымъ Денгиль-Тепе въ немъ сидѣло подъ выстрѣлами русскихъ пушекъ 23.000 текинскихъ женщинъ и ни одна изъ нихъ не захотѣла бѣжать, пока держалась крѣпость.

Напротивъ того, женщины ободряли мужчинъ на ночныя вылазки, посылали ихъ на стѣны и срамили трусовъ.

Нужно думать, что текинскія женщины могли-бъ и сражаться на коняхъ, а не только ѣздить на нихъ.

Недаромъ въ древнія времена въ этихъ самыхъ пустыняхъ Азіи Македонскій герой встрѣтилъ женъ-воительницъ Амазонокъ.

„Ѳемистра, царица Амазонокъ, народъ которыхъ кочевалъ по степямъ Ѳемискирскимъ, прибыла къ Александру", разсказываетъ Квинтъ Курцій по поводу похода Александра черезъ Маргіану. „У нея, какъ у всѣхъ Амазонокъ, лѣвая грудь только цѣла и обнажена, а правая для лука и дротиковъ обжигается."

Наивная откровенность и первобытная простота нравовъ этихъ кочевыхъ воительницъ далеко бы оставила назади даже нравы теперешнихъ Текинокъ; когда Александръ спросилъ у царицы, не хочетъ ли она о чемъ-нибудь просить его, Ѳемистра отвѣчала ему, „что она прибыла для рожденія отъ него дѣтей, и что она достойна, отъ которой бы ему родить наслѣдниковъ государства. Женскій полъ она у себя удержитъ, а мужской отцу ото-

шлетъ"; она „неотступно просила, чтобъ ей праздною отъ него не возвратиться. Царица больше имѣла охоты къ плотскому совокупленью, нежели Александръ, однако же нѣсколько времени простоять для нея принужденъ былъ. 30 дней употреблено къ исполненію желанія ея: потомъ она въ свое царство, а Александръ въ Парѳіану поѣхалъ".

Курцій прибавляетъ въ видѣ поясненія не совсѣмъ галантнаго поведенія славнаго полководца: „Александръ содержалъ при себѣ 360 наложницъ, сколько у Дарія было, и множество евнуховъ, которые тоже служили къ удовлетворенію его любострастія."

Мервскій оазисъ протягивается всего на 60 верстъ въ длину и на 60 же верстъ въ ширину. Строго говоря, это даже не оазисъ, а только искусственно-орошенная часть огромной лёссовой равнины, которая тянется къ сѣверу отъ Хоросана и Афганистана, отдѣленная отъ береговъ Аму-Дарьи необозримымъ моремъ Кара-Кума и другихъ сыпучихъ песковъ.

Каналы, которые, смотря по характеру своему, носятъ здѣсь самыя разнообразныя названія, и арыковъ, и „ябовъ", и „но-ухана", и „керизовъ",—составляютъ живую душу этой омертвѣвшей отъ солнца страны.

Каналы создали здѣсь поля и сады, и жилища человѣка. Гдѣ изсыхаетъ каналъ, тамъ наступаетъ смерть, оттуда исчезаетъ всякая зелень, всякій плодъ, всякая человѣческая жизнь, и остаются однѣ развалины.

Весь многоводный Мургабъ-Дарья, текущій съ горъ Парапамиза, разбирается Мервцами на эти безчисленные каналы и арыки и, не будучи уже въ силахъ одолѣть своимъ ослабѣвшимъ потокомъ сплошной пустыни песковъ, теряется на ея широкой груди чуть не сотнями мелкихъ рукавовъ.

Громадная плотина Коушутъ-ханъ-Бендъ встрѣчаетъ воды Мургаба при ихъ входѣ въ Мервскій оазисъ и сейчасъ же дѣлитъ ихъ на двѣ равныя половины, по двумъ главнымъ подраздѣленіямъ племени, направляя лѣвую половину водъ по большому Утемышскому каналу въ аулы родовъ Утемышъ, а правую по такому же большому Тохтамышскому каналу въ землю Тохтамышцевъ.

Уже изъ этихъ большихъ каналовъ каждое колѣно отводитъ

свой меньшій каналъ, меньшіе каналы въ свою очередь дробятся на еще меньшіе арыки, по отдѣльнымъ родамъ, дальше по ауламъ, по семьямъ и т. д.

Цѣлая хитросплетенная сѣть оросительныхъ каналовъ охватываетъ и перерѣзываетъ такимъ образомъ Мервскій оазисъ, который подъ жгучими лучами южнаго солнца, постоянно пропитываемый влагой, выгоняетъ изъ плодоносной почвы растительность чуть не тропической силы.

Самыя драгоцѣнныя растенія дальняго юга могли бы культивироваться въ этой естественной теплицѣ, еслибы къ ней приложила свою чудотворную руку европейская промышленность.

Оттого-то на этомъ маленькомъ оазисѣ населеніе сравнительно очень густо. Мѣстные изслѣдователи считаютъ Мервскихъ Текинцевъ въ 50.000 кибитокъ, а такъ какъ на каждую кибитку предполагается среднимъ счетомъ по меньшей мѣрѣ 5 душъ, то всѣхъ Мервцевъ наберется до 250.000, если не больше.

Ахалъ-Текинцевъ считается нѣсколько менѣе, до 30.000 кибитокъ, а всѣхъ вообще Туркменовъ различныхъ племенъ и колѣнъ въ Закаспійской области найдется милліона полтора.

Кромѣ племеннаго различія Текинцевъ отъ Сарыковъ, Алплей отъ Эрсари, Іомудовъ отъ Гокдановъ и т. п., каждое туркменское племя раздѣляется еще на кочевыхъ и осѣдлыхъ, иначе, пастуховъ и пахарей, по-туркменски чорва и чомуръ. Скотоводы чорва—богаче чомуръ, но болѣе дики и грубы, чѣмъ они, чомуръ же гораздо воинственнѣе и храбрѣе чорвы, хотя это и не совсѣмъ вяжется съ понятіемъ о болѣе цивилизованной и осѣдлой жизни. Всѣ аламаны въ Персію, Хиву, Бухару, всѣ хищничества Туркменъ на Каспіи издавна затѣвались главнымъ образомъ чомурами, для которыхъ разбой составлялъ открытый и всѣми высокочтимый промыселъ.

Но изо всѣхъ аламанщиковъ самыми дерзкими, самыми набалованными и, можно сказать, самыми непобѣдимыми по справедливости считались Мервцы.

Они хозяйничали какъ хотѣли по всѣмъ караваннымъ дорогамъ, ведущимъ черезъ пустыню изъ Герата и Мешеда въ Хиву и Бухару.

Они держали въ трепетѣ персидскихъ намѣстниковъ Хоросана и смѣялись надъ угрозами Бухарскаго эмира.

Они до того вѣрили въ свою непобѣдимость, до того надѣялись на страхъ, внушаемый ими окрестнымъ народамъ, а, можетъ-

быть, и на удаленность свою отъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ, что даже не считали нужнымъ устраивать въ своей странѣ, какъ дѣлали это Текинцы, Ахала и другіе Туркмены,—неизбѣжныя въ этой вѣчно воюющей мѣстности крѣпостцы.

Во всемъ Мервскомъ оазисѣ вы не встрѣтите ни одной глиняной калы, которыя такъ мозолятъ вамъ глаза вездѣ въ Закаспійскомъ краѣ.

Мервъ-Теке, какъ древніе Спартанцы, въ собственной груди своей видѣли достаточно могучую твердыню для защиты родной земли. Только одно большое укрѣпленіе Коушутъ-ханъ-кала, теперешняя русская крѣпость Мерва, было построено ими въ тревожную минуту, когда неожиданное взятіе Русскими Хивы въ 1873 году какъ громомъ поразило всѣ народы Средней Азіи.

Да надобно сказать, что и уроки, которые Мервцы задавали окрестнымъ азіятскимъ царствамъ, были таковы, что ихъ трудно было скоро забыть.

Еще не особенно давно, всего только въ 1861 году, Персіяне, потерявъ всякое терпѣніе отъ ихъ наглыхъ набѣговъ, собрали наконецъ большую армію въ 23.000 человѣкъ регулярнаго войска, съ 33 орудіями, и рѣшились двинуться на Мервъ, чтобы разорить съ корнемъ это разбойничье гнѣздо. Но Мервцы расколотили въ пухъ это грозное ополченье, почти вся персидская армія со всѣми своими пушками и знаменами была захвачена Текинцами въ плѣнъ; успѣла ускакать только часть конницы. На базарахъ Хивы и Бухары долго послѣ этого персидскіе рабы продавались, какъ говорится, дешевле пареной рѣпы, по 7 руб. 50 коп. за штуку.

А между тѣмъ Мервъ, это неисправимое разбойничье гнѣздо, оберегалось Англичанами отъ посягательства Русскихъ, будто какая-то святыня азіятской свободы, еще задолго до занятія Русскими Мерва. Нужно отдать справедливость Англичанамъ,—они предусмотрительные, ловкіе и твердые политики. Въ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны ихъ интересы, они дѣйствуютъ безо всякой сантиментальности и колебаній, и всѣ дѣйствія своихъ сосѣдей разсматриваютъ только съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ выгодъ и невыгодъ.

Англійскіе государственные люди всѣхъ партій въ этомъ отношеніи совершенно одинаковы, и если какой-нибудь Гладстонъ,

въ роли вождя оппозиціи, страстно нападаетъ на ту или другую мѣру внѣшней политики своего правительства, то тотъ же Гладстонъ, самъ сдѣлавшись премьеромъ, не задумается продолжать относительно Индіи или Арменіи образъ дѣйствій своего низвергнутаго противника Биконсфильда или Солсбери. Эта твердость политическихъ взглядовъ государственныхъ людей Англіи придаетъ необыкновенную силу и выдержанность англійской внѣшней политикѣ и во многомъ объясняетъ ея постоянные успѣхи среди шаткихъ и измѣнчивыхъ направленій политики другихъ народовъ, съ которою ей приходится имѣть дѣло.

Извѣстный знатокъ Азіи сэръ-Генри-Раулинсонъ, собственно говоря, былъ и до сихъ поръ остался главнымъ вдохновителемъ англійской политики послѣднихъ десятилѣтій по отношенію къ Средне-Азіятскому вопросу.

Несмотря на ученый авторитетъ знаменитаго президента Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества сэръ-Родерика Мурчисона, лично посѣтившаго наши средне-азіятскія владѣнія, и настойчиво утверждавшаго, что всѣ опасенія русскаго нашествія на Индію чистая химера; несмотря на успокоительное отношеніе къ русскимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи сэръ-Стаффорда Нордскота, занимавшаго въ то время отвѣтственный постъ статсъ-секретаря по индійскимъ дѣламъ, записка сэръ-Генри Раулинсона, появившаяся въ 1868 году и исполненная самаго откровеннаго недовѣрія къ цѣлямъ и дѣйствіямъ нашей средне-азіятской политики, стала основнымъ догматомъ англійскихъ государственныхъ людей въ вопросахъ Индіи и Средней Азіи, какъ вполнѣ отвѣчавшая всегдашнему враждебному настроенію англійскаго общества къ правительству Россіи.

Сэръ-Генри Раулинсонъ предугадалъ многое, что̀ совершилось впослѣдствіи по неотразимому роковому теченію вещей.

Онъ еще въ 1868 году предсказывалъ, что дни Кокана, Бухары и Хивы, тогда еще вполнѣ независимыхъ и сильныхъ ханствъ, сочтены; что Россія неизбѣжно доведетъ свои границы до древняго Оксуса (Аму-Дарьи), и что поэтому Англія должна немедленно утвердить свое господство въ Афганистанѣ, если не хочетъ дожлаться, чтобъ и Кабулъ подпалъ русскому вліянію такъ же, какъ Бухара и Хива.

Сэръ-Раулинсонъ даже указалъ приблизительныя линіи постепенныхъ русскихъ захватовъ, которыя онъ довольно удачно срав-

нилъ съ параллелями, послѣдовательно закладываемыми противъ осажденной крѣпости.

Первая параллель, по его мнѣнію, была уже проведена раньше, черезъ Оренбургъ къ Иртышу; вторая пройдетъ отъ Каспійскаго моря черезъ Красноводскъ къ Оксусу до Памирскаго плоскогорія, что̀ приблизительно и соотвѣтствовало границамъ русской власти до Туркменскаго похода 1880 года. Третья параллель, по предсказаніямъ Раулинсона, должна была пройти отъ города Астеры по персидской границѣ до Герата и оттуда до Оксуса, то-есть почти по дѣйствительной теперешней границѣ русскихъ владѣній, со времени присоединенія Ахалъ-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ и теченій рѣкъ Мургаба и Герируда.

„Тогда будетъ неизбѣжно занятіе Мерва, и эта операція дастъ Россіи ключъ къ Индіи“, заключалъ Раулинсонъ свои пророчества.

Въ отвращеніе опасностей, указываемыхъ этою политическою Кассандрой, и въ исполненіе его предусмотрительныхъ совѣтовъ, Англичане дѣйствительно заняли безъ малѣйшаго права и повода городъ Кветту, довели до отчаянной и, конечно, въ концѣ концовъ несчастной войны афганскаго эмира Ширъ-али, и вообще начали послѣдовательно примѣнять къ Афганистану и Средней Азіи ту наглую и рѣшительную политику свою, которую англійскіе торіи окрестили именемъ highly-spirited (высоко-настроенною) и въ которой оказался такимъ виртуозомъ ихъ премьеръ-Еврей Дизраэли.

По мирному договору съ Якубъ-ханомъ, наслѣдникомъ Ширъ-Али. Афганистанъ пересталъ быть самостоятельнымъ государствомъ, а обратился почти въ вассала англійскаго вице-короля Индіи, платившаго за то эмиру по 2.000.000 рублей въ годъ такъ-называемой субсидіи.

Къ сожалѣнію, наша дипломатія въ Средне-Азіятскомъ вопросѣ далеко не отличалась смѣлостью и послѣдовательностью. Въ то время, какъ Англія дерзко вмѣшивалась въ дѣла, касавшіяся исключительно насъ, и постоянно требовала отъ насъ ни на чемъ не основанныхъ гарантій, обѣщаній и обязательствъ, наши дипломаты не рѣшились обмолвиться словомъ по поводу самыхъ дерзкихъ захватовъ и притязаній сосѣдки и, словно признавая за Россіей какую-то дѣйствительную вину противъ Англіи, какое-то дѣйствительное нарушеніе ея законныхъ правъ, въ своихъ меморандумахъ, циркулярахъ и нотахъ почему-то

связывали себя по рукамъ и ногамъ разными „нейтральными поясами“, „государствами-буферами“, добровольными отказами отъ сношеній съ азіятскими сосѣдями, обѣщаніями не идти дальше такой-то мѣстности, не касаться такого-то ханства, и т. п.

Система эта дошла до того, что мы согласились понимать *„нейтралитетъ независимаго Афганистана“* въ томъ смыслѣ, что англійскіе офицеры получали право посѣщать Кабулъ, а Русскіе не смѣли этого дѣлать, точно такъ же мы не смѣли вести дипломатическія сношенія съ этимъ *самостоятельнымъ* государствомъ, лежавшимъ на нашихъ границахъ, а Англичане, конечно, смѣли сугубо и исключительно. Мало того, мы вдругъ депешей князя Горчакова отъ 12 января 1873 г. любезно увѣдомляли Англичанъ, единственно по ихъ настойчивому требованію, что *Россія согласна на присоединеніе къ Афганистану* почти независимыхъ до того ханствъ Бадахшана и Вакхана, лежавшихъ по теченію Аму-Дарьи, въ то время какъ Аму-Дарья уже дѣлалась черезъ наши туркестанскія завоеванія и хивинскіе походы естественною границей добытыхъ русскою кровью вассальныхъ владѣній нашихъ.

Немудрено, что набалованные уступчивостью нашей дипломатіи, англійскіе политики смотрѣли на возможность занятія Русскими туркменскаго разбойничьяго становища—Мерва какъ на посягательство противъ драгоцѣннѣйшихъ правъ Англіи и предостерегали насъ отъ этого *„преступнаго шага“* за много лѣтъ до совершившагося присоединенія Мерва.

Никому прежде въ Англіи невѣдомый аулъ Мервъ въ нѣсколько сотенъ глиняныхъ мазанокъ и кибитокъ сталъ въ воображеніи англійской публики чуть не знаменитымъ и могущественнымъ городомъ, о которомъ страстно судили и рядили во всѣхъ салонахъ Лондона, и который сдѣлался предметомъ усиленныхъ тревогъ для индійскаго правительства. Можно себѣ представить, какимъ голосомъ заговорила Англія, когда въ 1884 году увидѣла вдругъ Русскихъ на Мургабѣ, владѣтельницей роковаго „ключа отъ Индіи“. Еслибы не дѣло подъ Кушкой, мужественно разрубившее наконецъ сложный узелъ, напутанный дипломатіей и заставившее громомъ своихъ пушекъ опомниться Англіи,—кто знаетъ, какія бы дипломатическія извиненія не приносили мы ей до сихъ поръ и за взятіе Мерва, и за дерзость своего дальнѣйшаго движенія къ Пенде...

Страхи предъ нашествіемъ Россіи на Индію начались впрочемъ давно. Апокрифическое завѣщаніе Петра Великаго появилось еще въ XVIII столѣтіи съ легкой руки кавалера Д'Эона, и изобрѣтеніе его, безъ сомнѣнія, было основано на тѣхъ изысканіяхъ, которыя Петръ поручалъ дѣлать посылаемымъ на Востокъ агентамъ, заботясь объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній съ Индіей.

Императоръ Павелъ I далъ нѣкоторую пищу этому давнему политическому предразсудку, замысливъ дѣйствительно экспедицію въ Индію. Въ 1800 году онъ составилъ планъ завоевать Индію въ союзѣ съ Наполеономъ. Россія и Франція должны были для этого выставить каждая по 35.000 войска. Походъ долженъ былъ совершиться не черезъ туркменскія или киргизскія пустыни, а черезъ Каспійское море и Астрабадъ на Гератъ, Ферахъ и Кандагаръ, населенными странами, гдѣ можно было достать всякое продовольствіе, и дорогой, давно уже пробитою древними завоевателями. Убѣждая Наполеона въ осуществимости этого похода, императоръ Павелъ ссылался на нашествіе этимъ путемъ изъ Индіи на Персію Надиръ-шаха въ 1739 и 1740 годахъ.

Между Астрабадомъ и рѣкой Индомъ считалось по этому маршруту 45 дней пути и предполагалось, что попутныя государства не станутъ препятствовать движенію, если ихъ заранѣе успокоить обѣщаніемъ все покупать въ ихъ странѣ за деньги, никого и ничего не трогать, и объявить цѣлью похода не завоеваніе, а только освобожденіе Индіи отъ Англичанъ. Какъ ни фантастиченъ могъ казаться тогда Наполеону этотъ планъ похода по слѣдамъ Александра Македонскаго, но опытъ позднѣйшихъ русскихъ походовъ вглубь Азіи, кажется, могъ убѣдить всякаго, что смѣлая мысль Павла была въ сущности гораздо исполнимѣе, чѣмъ это представлялось великому французскому полководцу.

Не успѣвъ втянуть Наполеона въ эти планы свои, Павелъ I, особенно раздраженный на Англичанъ за ихъ дѣйствія относительно ордена Мальтійскихъ рыцарей, гроссмейстеромъ котораго онъ состоялъ, посылалъ зимой 1801 года довольно безразсудную экспедицію въ Индію изъ однихъ Донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ наказнаго атамана Орлова и притомъ не тѣмъ путемъ, который онъ такъ благоразумно избралъ въ прежнемъ планѣ своемъ, а черезъ голодныя, безлюдныя и безводныя степи

Оренбурга, Бухары и Хивы, не снабдивъ эту скороспѣлую экспедицію ни точными маршрутами, ни необходимыми походными средствами. Орлову только приказано было идти къ Инду, а съ Инда на Гангъ „и вездѣ уничтожать заведенія Англичанъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что вѣрныя дружины удалыхъ казаковъ, безропотно исполнявшія царскую волю, погибли бы всѣ безъ остатка, далеко не достигнувъ указанной имъ цѣли, еслибы внезапная смерть императора Павла въ ночь на 12 марта того же 1801 года не остановила похода, и казаки, уже испытавшіе страшныя бѣдствія, не были вернуты назадъ новымъ императоромъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Е. Марковъ.

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.[1]

VII.

Сіонъ.

Ветхозавѣтные псалмы и пророчества, новозавѣтныя писанія и церковныя пѣснопѣнія не знаютъ на землѣ мѣста, святостью равнаго горѣ Сіону. Пророки и псалмопѣвецъ, говоря объ Іерусалимѣ, предпочитаютъ именовать его Сіономъ. Вдохновенныя пророчества о возрожденіи Іерусалима или о карѣ, ожидающей богоотступныхъ Израильтянъ, указываютъ на будущую славу Сіона или угрожаютъ, что онъ перейдетъ въ руки болѣе достойныя. Между тѣмъ, національное святилище, гордость и духовный центръ древнееврейской жизни — храмъ Давида и Соломона находился на горѣ Моріа, отдѣленной отъ Сіона глубокою долиной Сыроварною, Тиропеонъ, черезъ которую были перекинуты мосты, соединяющіе гору храма съ Сіономъ, горой дворцовъ. Если Сіонъ пробуждалъ воспоминанія, то они говорили о нечестіи и притѣсненіяхъ длиннаго ряда іудейскихъ царей. Даже первоначальный дворецъ Давида и Соломона былъ на Офелѣ, южной части горы Моріа, а не на Сіонѣ. При Маккавеяхъ и династіи Ирода Сіонъ является въ полномъ блескѣ. Онъ окруженъ высокими стѣнами и десятками башенъ; на немъ Иродъ возводитъ ненавистный Евреямъ *ксистъ* — мѣсто гимнастическихъ упражненій, дворецъ, судилище, въ то время, какъ противъ ксиста поднимается въ неслыханномъ великолѣпіи возобновленный храмъ — величайшее святилище юго-востока римской державы. Имя

[1] См. № 3 *Русскаго Обозрѣнія*.

Моріа, промелькнувъ въ Библіи, исчезаетъ, не упоминается, помрачается въ блескѣ Сіона, хотя эта гора не имѣетъ никакого религіознаго значенія въ исторіи. Такое упорное указываніе на Сіонъ въ высшей степени знаменательно. Будущая судьба его никѣмъ не предсказана такъ ясно, какъ пророкомъ Исаіей: „Тако глаголетъ Господь: — возвѣщаетъ пророкъ — изведу изъ Іакова сѣмя и отъ Іуды и наслѣдятъ гору святую Мою, и наслѣдятъ избранніи Мои и раби Мои, и вселятся тамо... Азъ предамъ васъ подъ мечь, вси закланіемъ падете... *работающимъ же Мнѣ наречется имя новое*, еже благословится на земли“ (LXVI, 9, 12, 15, 16). Дѣйствительно, въ нѣдрахъ іудейства, на смѣну ему, зарождается религія, послѣдователи которой безъ колебаній принимаютъ новое имя христіанъ и становятся въ рѣзкій антагонизмъ съ іудейскимъ племенемъ, религія котораго обращается изъ вселенской и высшей формы монотеистическаго богопоклоненія въ племенную, то-есть падаетъ съ прежней высоты. Христіане знали участь ветхозавѣтнаго храма, молились въ немъ, но были убѣждены въ его неминуемомъ и безвозвратномъ паденіи, послѣ котораго ему суждено было стать мѣстомъ мерзости запустѣнія. Въ то же время ихъ упованія были тѣсно соединены съ Сіонскою горой. „Вы приступили — пишетъ ап. Павелъ — *къ горѣ Сіону*, ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному и тьмамъ ангеловъ, *къ торжествующему собору и церкви первенцевъ*, написанныхъ на небесахъ“... (Евр. XII, 22, 23)—это древнѣйшее и непреложное свидѣтельство, что первая церковь—церковь первенцевъ, — видимое, земное проявленіе церкви Христовой, объемлющей и небо, и землю, и человѣчество, и ангеловъ въ единомъ торжествующемъ единствѣ, соборѣ, имѣло мѣсто на Сіонѣ. Согласно съ такимъ каноническимъ свидѣтельствомъ то же самое утверждаютъ древнѣйшія христіанскія преданія. Гора Сіонъ указывается, какъ исходная точка страданій Богочеловѣка, заключенныхъ крестною смертью на Голгоѳѣ.

Начиная съ Крестовыхъ походовъ, крестный путь Спасителя указывается въ сѣверной половинѣ Іерусалима. Латиняне увѣряютъ, что преторія Пилата, въ которой Іисусъ Христосъ подъялъ крестное древо, находилась въ нынѣшнихъ турецкихъ казармахъ, въ цитадели Антонія, стоявшей на сз углу храма, и что Via Dolorosa ломаною линіей, на протяженіи 1.000 шаговъ, шла до Голгоѳы. Но древнія православныя преданія говорятъ иначе.

По смерти Заведея, сыновья его, апостолы Іаковъ и Іоаннъ,

продали свое галилейское имѣніе и, переселившись въ Іерусалимъ, купили домъ на Сіонѣ. Въ этомъ домѣ совершилъ Христосъ тайную вечерю; въ этомъ домѣ въ то же время жилъ первосвященникъ Каіафа, обязанный пребывать въ Іерусалимѣ по своему званію, но не имѣвшій въ городѣ своего дома: ему принадлежалъ домъ за стѣнами Іерусалима, на нынѣшней горѣ Злаго Совѣщанія, по другую сторону долины Гиннома, составлявшей естественный глубокій ровъ для южной стѣны города. Частая смѣна первосвященниковъ, погодно правившихъ эту должность—по мнѣнію профессора Васильевскаго—объясняетъ, почему первосвященникъ могъ не имѣть своей осѣдлости внутри города. Въ этотъ же домъ принялъ любимый ученикъ Христа Богоматерь, исполняя послѣдній завѣтъ распятаго Учителя. Въ этомъ домѣ совершилось сошествіе Св. Духа, здѣсь пребывала Приснодѣва до своего блаженнаго успенія и отсюда несли апостолы Ея пречистое тѣло до Геѳсиманской усыпальницы. Когда Іерусалимъ обратился въ груду развалинъ, недоступную для Евреевъ, христіане, обособившіеся отъ обрѣзанныхъ, поселились на Сіонѣ, посѣщая Голгоѳу и Пещеру Св. Гроба. При Адріанѣ упоминается уже небольшой храмъ на священной горѣ.

Но кромѣ дома Каіафы, на Сіонѣ же вѣроятнѣе предположить и преторію Пилата. Іудея уже вошла въ составъ имперскихъ провинцій, управляемыхъ не мѣстными династами, а римскими прокураторами. Естественно, что жилище прежнихъ царей обратилось въ мѣстопребываніе римскихъ правителей, когда они пріѣзжали изъ Кесаріи. Такихъ дворцовъ было два: замокъ и дворецъ Маккавеевъ, на *восточной* сторонѣ Сіона: здѣсь, вѣроятно, помѣщался Иродъ Антипа, когда къ нему былъ приведенъ Христосъ по приказанію Пилата,—и верхній царскій дворецъ Ирода въ сѣверо-западной части Сіона, находившійся въ связи съ цитаделью Давида, у Яффскихъ воротъ, — вѣроятно, также укрѣпленный: можно предполагать, что этотъ дворецъ и былъ обращенъ въ преторій.[1] Этого требовалъ политическій разсчетъ и простое удобство. Здѣсь же помѣщалась и преторія, судебное мѣсто, которое уже Іосифъ указывалъ на Сіонѣ. Прокуратору Іудеи было во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе въ Сіонскомъ дворцѣ, нежели въ цитадели Антонія, занятой гарнизономъ Іерусалима. Слѣдовательно, здѣсь былъ произнесенъ

[1] *Васильевскій:* Епифаній, стр. 92, 116.

приговоръ, отсюда Христосъ двинулся на Голгоѳу, претерпѣвъ бичеваніе и вѣнчаніе терновымъ вѣнцомъ. Его путь направлялся съ юга на сѣверъ, пересѣкалъ нынѣ засыпанную Сыровариую улицу въ ея сѣверной части и поднимался въ гору къ Ефремовымъ воротамъ, проходя чрезъ узкій проходъ, наше Русское мѣсто, чтобы перейти городской ровъ и взойти на Лобное мѣсто, на Голгоѳу.

Древнѣйшіе паломники сохранили это первоначальное преданіе. Въ IV вѣкѣ на Сіонѣ стояла *верхняя* церковь Свв. Апостоловъ. Въ началѣ V вѣка Св. Іеронимъ сообщаетъ, что на Сіонѣ находилась колонна бичеванія и подпирала одинъ изъ портиковъ Сіонской базилики. Въ VI вѣкѣ Сіонскій храмъ называется матерью всѣхъ церквей. Въ VII вѣкѣ патріархъ Софроній указываетъ тамъ преторій Пилата, домъ тайной вечери, мѣсто успенія Богоматери. Св. Елена построила тамъ церковь Свв. Кира и Іоанна. Отдѣльныя церкви, посвященныя воспоминаніямъ о священныхъ событіяхъ, при Юстиніанѣ были соединены въ одну базилику Св. Софіи (Премудрости) и, кромѣ того, тотъ же великій строитель соорудилъ на склонѣ Сіона, обращенномъ къ Моріа, великолѣпную базилику Св. Маріи. Сіонскія святыни, вѣроятно, подверглись разрушенію при халифѣ Хакемѣ въ 1009 г. Въ эпоху Крестовыхъ походовъ Сіонская базилика лежала въ развалинахъ и находилась уже внѣ города, стѣны котораго подвинулись къ сѣверу, но крестоносцы возстановили храмъ. Въ 1342 году церковь оказывается во владѣніи францисканъ и остается при нихъ до 1561 года, когда жиды донесли Туркамъ, что въ стѣнахъ обители находится гробница пророка Давида, вслѣдствіе чего Турки изгнали францисканъ и учредили тамъ монастырь дервишей — Неби-Даудъ, долго остававшійся недоступнымъ для христіанъ. Нынѣ, за небольшой бакшишъ, можно видѣть готическую комнату тайной вечери и предполагаемый саркофагъ царя Давида.

Нынѣшній Сіонъ, какъ сказано, лежитъ южною половиной за городскими стѣнами, сѣверная часть его занята еврейскимъ и армянскимъ кварталами. Идя живописными и неопрятными улицами отъ Гроба Господня, теперь уже не приходится переходить черезъ долину: Тиропеонъ весь засыпанъ тысячелѣтнимъ мусоромъ. Исчезла также широкая прямая улица съ колоннадами, проходившая черезъ Сіонъ на сѣверъ, къ Дамасскимъ воротамъ и дѣлившая городъ на восточную и западную половины. Зани-

мая значительное пространство, еврейскій кварталъ переполненъ населеніемъ. Въ знойные лѣтніе дни, при духотѣ царящей въ узкихъ переулкахъ и не взирая на ожидавшуюся холеру, улицы были грязны, полны всякими отбросами, валялись даже дохлыя кошки: никому не было дѣла до соблюденія самыхъ безхитростныхъ правилъ гигіены. Даже въ восточномъ, неопрятномъ городѣ жиды умѣли блеснуть своею нечистоплотностью! Несравненно пріятнѣе было перейти въ армянскій кварталъ, лежащій выше, обстроенный просторными зданіями армянскаго монастыря съ большимъ и краснвымъ соборомъ и даже порядочнымъ садомъ.

Армянскій соборъ производитъ въ цѣломъ хорошее впечатлѣніе. Высокіе своды, прохлада и полусвѣтъ, падающій изъ верхнихъ оконъ, стѣны, покрытыя живописью и бѣлыми изразцами съ голубыми разводами, инкрустація изъ слоновой кости на темномъ деревѣ кіотовъ, мозаичный полъ — придаютъ храму отпечатокъ истинно церковнаго благолѣпія. Онъ содержится чисто и заботливо отличается отъ неряшливыхъ греческихъ церквей. Но вглядываясь ближе, начинаешь замѣчать и другія отличія отъ православныхъ храмовъ. Главное отличіе заключается въ отсутствіи иконостаса: алтарь отдѣленъ завѣсой. Намъ, Русскимъ, этотъ недостатокъ въ особенности кидается въ глаза. Мы привыкли къ нашему символическому пятирусному иконостасу и забыли низенькія каменныя преграды древнѣйшихъ нашихъ соборовъ, за которыми для всѣхъ былъ виденъ верхъ алтарной апсиды со своею величавою живописью, какъ напр. въ Кіевскихъ соборахъ и даже въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, но иное дѣло Палестина, гдѣ древнія традиціи живутъ въ памяти народной. Въ новыхъ греческихъ церквахъ, напр. въ храмѣ на горѣ Мужей Галилейскихъ, алтарь совершенно открытъ, какъ у латинянъ. На древнихъ мозаикахъ Ѳессалоники, IV вѣка, изображена любопытная внутренность церкви: низенькая рѣшетка отдѣляетъ алтарь отъ церкви; среди его, подъ сѣнью, утвержденной на шести колоннахъ, стоитъ престолъ или трапеза; промежутки между колоннами закрыты завѣсами. Сѣнь надъ престоломъ при введеніи иконостаса утратила свое значеніе. Но не слѣдуетъ ли заключить, что совершенно открытый алтарь, какъ у латинянъ, составляетъ такое же уклоненіе отъ древнѣйшей традиціи, какъ и закрытіе его иконостасомъ и завѣсой?

Живопись армянскаго собора очень плоха. Лики архіереевъ и царей отличаются армянскимъ типомъ: большими черными гла-

зами, длинными мясистыми носами и обильными бородами, черными и сѣдыми. Колоритъ иконъ стремится къ натурализму, но мутенъ и бѣловатъ, а въ одеждахъ безвкусно пестръ. Богатыхъ окладовъ и древнихъ чеканныхъ иконъ въ соборѣ нѣтъ.

Этотъ храмъ посвященъ ап. Іакову, Брату Господню и выстроенъ, по преданію, на мѣстѣ усѣкновенія ему главы; показываютъ даже мѣсто, гдѣ совершилось его страданіе. Соборъ выстроенъ Грузинами, именно царемъ Георгіемъ Куропалатомъ, въ XI вѣкѣ, но въ XIII вѣкѣ Грузины уже не владѣютъ монастыремъ, а живутъ въ немъ Армяне. Съ этого времени обитель перебывала въ рукахъ Коптовъ, Абиссинцевъ, латинянъ, Грековъ и окончательно осталась за Армянами въ 1666 году. При соборѣ обширный монастырь съ 700 келліями, которыя занимаются многочисленными армянскими паломниками. Здѣсь же обитаетъ армянскій патріархъ. При монастырѣ находится обширный плодовый садъ, единственный въ Іерусалимѣ, и типографія. Мы не нашли ни одного человѣка, говорящаго по-русски, ни въ типографіи, ни въ семинаріи, которая помѣщается здѣсь же. Обширная зала надъ типографіей занята музеемъ, но въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего интереснаго.

Невдалекѣ оттуда стоитъ женскій армянскій монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился домъ первосвященника Анны. Онъ находится у городскихъ воротъ нынѣшней стѣны, которая, какъ мы уже упоминали, отступила отъ края Сіонской горы и оставила почти половину горы за городомъ. За стѣной находится небольшой армянскій монастырь, сооруженный на мѣстѣ дома первосвященника Каіафы. Всѣ три монастыря обнесены высокими и крѣпкими стѣнами. Престолъ устроенъ на части камня, отваленнаго отъ гроба Господня. Здѣсь же показываютъ тѣсную темницу, въ которой былъ заключенъ Спаситель въ ночь съ четверга на пятницу. Снаружи находится въ стѣнѣ ниша, означающая мѣсто отреченія Петра апостола, а древняя лоза, вьющаяся по стѣнѣ, говорятъ, происходитъ отъ корня той лозы, на которой троекратно возгласилъ пѣтелъ...

Такимъ образомъ, древнія святыни Сіона до сихъ поръ отчасти сохраняются въ рукахъ христіанъ. Исчезла память о преторіи Пилата, и перенесеніе ея въ цитадель Антонія составляетъ археологическую загадку. Повидимому, крестоносцамъ не было никакой необходимости измѣнять древнее преданіе послѣ того, какъ Святой Градъ очутился въ ихъ владѣніи, тѣмъ болѣе, что ни

о древнихъ, ни о современныхъ крестоносцамъ храмахъ на мѣстѣ римскаго судилища на горѣ Моріа не упоминается, тогда какъ на Сіонѣ въ до-мусульманское время литостратонъ находился въ базиликѣ Св. Софіи. Эта базилика исчезла уже въ IX вѣкѣ, тогда какъ дома Анны и Каіафы, горница тайной вечери оставались во владѣніи христіанъ и указываются до сихъ поръ.

Армянская община укрѣпилась въ Іерусалимѣ послѣ всѣхъ и заняла владѣнія, главнымъ образомъ принадлежавшія Грузинамъ, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ турецкимъ властей. Она едва ли не самая богатая изъ церквей, и ея процвѣтанію не мало способствуетъ полное отсутствіе прозелитизма въ армянскомъ духовенствѣ. Отпаденіе армянской церкви отъ православія, въ сущности, составляетъ результатъ недоразумѣнія, разсѣять которое препятствуетъ только національный антагонизмъ между Греками и Армянами, усилившійся въ особенности со времени порабощенія тѣхъ и другихъ Турками. Вѣрные своей національной заносчивости, Греки не признаютъ правъ каждой народности отправлять богослуженіе въ храмѣ Гроба Господня и другихъ святыхъ мѣстахъ на своемъ языкѣ и тѣмъ, конечно, возбуждаютъ къ себѣ вражду. „Почти ни одинъ праздникъ св. Пасхи—говоритъ арх. Леонидъ—не проходитъ безъ столкновенія между Армянами и Греками, и ареной имъ—тяжело вымолвить—чаще всего служитъ храмъ Св. Гроба; посредники въ примиреніи—Турки, а средствомъ къ сему — хлысты, ружейные приклады и штыки". Впрочемъ, съ учрежденіемъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, Армяне ведутъ себя чрезвычайно сдержанно относительно православныхъ; если и проявляются вспышки старой ненависти, какъ въ вифлеемской исторіи 1890 г., то на первомъ планѣ оказываются францисканцы, Армяне же — въ сторонѣ. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ Армянамъ наступать на Коптовъ и Сирійцевъ. Въ 1890 году у нихъ были драки съ кровопролитіемъ въ самомъ храмѣ Св. Гроба и оба раза Армяне были неправы. Возсоединеніе Армянъ тормозится не однимъ отвращеніемъ ихъ къ Грекамъ. Вѣковая церковная обособленность въ безобразномъ турецкомъ государствѣ получила значеніе политической организаціи и соединилась съ представленіемъ о возрожденіи армянскаго царства, прекратившагося въ великой Арменіи болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, и пока длится существованіе Турецкой имперіи, будутъ существовать и поддерживаться западными смутьянами сепаратистическія идеи армянскихъ фантазеровъ. Англійскія науськива-

нія и рука объ руку съ ними плущая протестантская пропаганда среди Армянъ только посѣяли двуличность политическаго положенія Армянъ въ Турціи и повредили довѣрію, которымъ пользовались они у турецкаго правительства. Сдавленное искони сосѣдними великими монархіями, армянское племя, вообще даровитое, выносливое и трудолюбивое, всегда находилось въ служебной зависимости отъ сосѣдей и нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобъ это историческое назначеніе могло когда-нибудь измѣниться, какъ бы велики ни были ошибки ихъ иноплеменныхъ властителей.

Тишиной и спокойствіемъ вѣетъ въ армянскомъ кварталѣ. Узкими еврейскими улицами, отвратительно неопрятными и кишащими множествомъ жиденятъ, мы выбрались на загородную часть Сіонской горы, гдѣ расположены армянскій монастырь и гробница Давида. Помимо традиціонныхъ дома Каіафы и горницы Тайной Вечери, насъ влекло желаніе провѣрить одну любопытную находку арх. Леонида и взглянуть на русскія могилки паломниковъ, скончавшихся въ Іерусалимѣ.

Западные писатели утверждаютъ, что въ окрестностяхъ Іерусалима терновникъ не растетъ и установилось мнѣніе, будто терновый вѣнецъ былъ сплетенъ изъ вѣтвей дерева, растущаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на Іерихонской дорогѣ, такъ-называемаго Господня Терновника, Spina Domini, извѣстнаго всѣмъ по фотографіямъ. Вѣники изъ этого дерева продаются паломникамъ въ іерусалимскихъ лавкахъ и вывозятся въ большомъ количествѣ преимущественно въ Западную Европу. Было бы странно предположить, что вопны отправятся за нѣсколько верстъ за колючими вѣтвями для вѣнка, если терновника нѣтъ подъ руками. Нѣсколько кустовъ этого растенія арх. Леонидъ нашелъ именно на Сіонскомъ кладбищѣ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ предположенію о преторіи на Сіонѣ: не ходить же, въ самомъ дѣлѣ, за колючками черезъ весь городъ, еслибы преторія находилась въ башнѣ Антонія и обязанности не требовали отъ воиновъ такого усугубленія страданій Спасителя! Мы дѣйствительно нашли нѣсколько длинныхъ и тощихъ вѣтокъ сѣраго кустарника и бережно вырвали ихъ изъ-подъ камней Потребовалось нѣсколько дней, чтобы размочить ихъ въ цистернѣ и сдѣлать гибкими. Бережно сплелъ я вѣнецъ терновый изъ этихъ потомковъ терновника Господня. Длинныя твердыя иглы торчали во всѣ стороны. Уколовъ руку, я цѣлыя двѣ

недѣли не могъ отдѣлаться отъ опухоли и довольно жгучей боли. Неоднократно обходя Іерусалимъ, я нигдѣ болѣе не встрѣчалъ этого растенія.

Загородный Сіонъ, кромѣ упомянутыхъ зданій, занятъ четырьмя кладбищами: протестантскимъ, американскимъ, армянскимъ и православнымъ. Рядомъ съ обнесенными стѣной, убранными, запертыми, украшенными растительностью кладбищами протестантовъ, въ которыхъ все проникнуто уваженіемъ къ мѣсту упокоенія лицъ, застигнутыхъ смертью въ колыбели христіанства, горько, прискорбно было смотрѣть на многочисленныя могилы православныхъ. На огромномъ пустырѣ, среди бурьяна разбросаны были каменныя плиты, разбитыя, исчерченныя, загаженныя нечистотами; между ними валялись дохлыя кошки и собаки. Черезъ кладбище, ничѣмъ неогороженное, пролегаетъ тропинка, по которой гоняютъ скотину. Конечно, самыя плиты разворовываются. Среди этой мерзости запустѣнія одиноко стоятъ два мраморные саркофага супруговъ Кожевниковыхъ. Ни малѣйшаго слѣда ухода. Взяли двѣ золотыя лиры (16—20 р.), выдолбили въ каменистомъ грунтѣ яму для тѣла, завалили камнемъ и покончили съ покойникомъ до Страшнаго Суда. Это одинъ изъ краснорѣчивыхъ обращиковъ церковнаго строительства греческаго духовенства, чуждаго странѣ, пришедшаго только для наживы, недоступнаго чувству уваженія и любви къ праху близкихъ, возрастающему только на почвѣ семейныхъ отношеній, освященныхъ и разрѣшенныхъ церковью и государствомъ: совсѣмъ иныя незаконныя отношенія очень развиты между греческими черноризцами. Оказалось, что русскіе паломники уже обращали вниманіе патріарха на состояніе православнаго кладбища. Въ 1883—84 гг. одинъ изъ пермскихъ поклонниковъ вручилъ патр. Никодиму 1.500 р. на огражденіе кладбища. Прошло нѣсколько лѣтъ, кладбище оставалось въ прежнемъ видѣ. По желанію жертвователя уполномоченный Палестинскаго Общества освѣдомился, когда же огородятъ православное кладбище? Патріархъ съ невозмутимою развязностью отвѣтствовалъ, что деньги израсходованы „на нужды патріархіи“ и что пусть сердобольный Пермякъ пришлетъ на упорядоченіе кладбища еще 1.500 рублей... Греческіе святогробцы рѣшительно не признаютъ значенія спеціальныхъ пожертвованій и жестоко обижаются на попытку завести какое-нибудь наблюденіе за точнымъ исполненіемъ воли жертвователей. Огромный притокъ пожертвованій изъ Россіи на нужды свв. мѣстъ, попадая

въ руки греческихъ монаховъ, остается безъ слѣда для дѣйствительныхъ потребностей церкви, идетъ во вредъ церкви, способствуя симоніи и личнымъ затѣямъ святогробскаго братства. Церковь бѣдствуетъ, а палестинскіе архіереи и архимандриты швыряютъ сотни тысячъ рублей на подкупы (какъ это произошло недавно въ Антіохійской церкви), теряютъ сотни тысячъ въ жидовскихъ банкирскихъ конторахъ, прельщаемые процентами отъ 6 до 7 на текущемъ счету, строютъ дома, разводятъ виноградники и ублажаютъ красивыхъ старицъ. Всякій присмотрѣвшійся къ іерусалимскимъ дѣламъ долженъ придти къ убѣжденію, что единственный путь для дѣйствительно полезнаго употребленія пожертвованій на нужды Св. Земли и на поддержаніе православія, это—направлять ихъ въ Палестинское Общество.

Должно-быть пермскій жертвователь понялъ ошибку и вторично ничего не далъ на „нужды патріархіи“. Кладбище въ 1891 году не могло быть хуже, чѣмъ въ 1883—84 годахъ. Пришлось подумать объ отдѣленіи русскихъ могилъ отъ прочихъ православныхъ и устроить свое кладбище. На скатѣ Елеонской горы, около церкви Св. Маріи Магдалины, нашлось свободное и просторное мѣсто. Сооруженный въ память въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны изящный храмъ будетъ окруженъ русскими богомольцами, скончавшимися въ Іерусалимѣ. Туда же перенесутъ и нѣкоторыя изъ русскихъ могилъ, оскверняемыхъ нынѣ жидами и мусульманами на греческомъ пустырѣ.

Сойдите внизъ, и вы встрѣтите длинный рядъ погребальныхъ пещеръ (23), свидѣтельствующихъ объ иныхъ отношеніяхъ къ умершимъ и мѣсту ихъ послѣдняго упокоенія. Довольно круто спускается Сіонская гора въ глубокую балку или оврагъ—знаменитую долину Гиннома,[1] гдѣ былъ Тофетъ – пещь Молоха, въ которой Іудеи сожигали своихъ дѣтей во славу сирійскаго идола, — село Скудельничье или Акелдама, гдѣ погребали странниковъ, откуда землю вывозили цѣлыми кораблями для пизанскаго Кампо-Санто и для римскаго кладбища (нынѣ принадлежащаго Нѣмцамъ), такъ какъ ѣдкая почва быстро разлагала погребенные въ ней трупы. Позже долина Гинномова обратилась въ клад-

[1] Гинномова долина впервые упоминается при размежеваніи удѣла Іудина отъ земель колѣна Веніаминова (Іис. Нав. XV, 8): gêbenê hinnom — долина сыновъ Гиннома, откуда произошло сокращенное слово геенна—адскій огонь, по воспоминанію о Тофетѣ, и старо-французскія слова *gehenne* — пытка, *gehenner*—пытать и современныя: *gêne* и *gêner*—стѣснять.

бище и тутъ же въ пещерахъ поселились отшельники изъ ессеевъ, а потомъ монахи, образовавшіе лавру Св. Онуфрія. Въ срединѣ долины до сихъ поръ уцѣлѣла пещерная лаврская церковь, покрытая старинною стѣнною живописью. Ежегодно, въ субботу на четвертой недѣлѣ великаго поста, тамъ служится заупокойная обѣдня за усопшихъ въ Іерусалимѣ. Церковь грязна, живопись покрыта копотью и лики святыхъ обезображены мусульманами. Круглый годъ она стоитъ безъ призора, и паломники, конечно, умиляются бѣдственнымъ состояніемъ христіанской святыни. Пріемъ извѣстный для расположенія поклонниковъ къ щедрости. Но замѣтьте, что время безнаказанныхъ насилій миновало: нельзя сваливать все на беззащитность христіанскаго населенія, когда христіанскія державы зорко наблюдаютъ за мусульманами и не спускаютъ имъ проявленій дикаго своеволія и фанатизма. Никто не мѣшаетъ патріархіи обновить церковь и учредить надлежащій надзоръ за этимъ мѣстомъ, искони и непрерывно принадлежащимъ ей на правѣ собственности, неоспариваемой мусульманами.

Южный склонъ Гинномовой долины принадлежитъ къ возвышенности Абу-Торъ, съ XIV вѣка слывущей подъ именемъ горы Злаго Совѣщанія. Значительныя развалины на вершинѣ ея показываются какъ загородный домъ Каіафы. Тамъ происходило совѣщаніе священниковъ о томъ, какъ захватить Іисуса Христа тайно отъ народа. Арх. Леонидъ сообщаетъ преданіе, что развалины принадлежатъ бывшему тамъ монастырю Св. Модеста, патріарха Іерусалимскаго. Латинскіе монахи увѣряютъ, что находящійся тамъ теревинѳъ растетъ на мѣстѣ дерева, на которомъ повѣсился Іуда-Предатель. Греки указываютъ для сего событія пустынный оврагъ на старой Іерихонской дорогѣ, позади селенія Силоамъ.

Таковы евангельскія и библейскія воспоминанія, соединенныя съ горой Сіономъ. Обнаженная, засыпанная каменнымъ мусоромъ гора прежде имѣла совершенно иной видъ. Съ юга шелъ водопроводъ изъ Соломоновыхъ прудовъ, огибалъ оба склона Гинномовой долины, питалъ на сѣверѣ нынѣ высохшій царскій прудъ и юго-западную стѣну города и доставлялъ воду въ храмъ Соломона. Цѣлый рядъ цистернъ, нынѣ сухихъ, тянется вдоль этой же стѣны. Вплоть до гребня долины вся мѣстность была занята виноградниками. Неемія упоминаетъ на этой стѣнѣ одни ворота—

Навозныя, которыя въ послѣдствіи назывались Ессейскими (Неем. III, 14). По прямой линіи, къ сѣверу, въ его время лежали въ окружающей Сіонскую гору стѣнѣ Давида и Соломона — старыя Ефремовы ворота, еще сѣвернѣе—въ стѣнѣ царей Осіи, Езекіи и Манассіи — новыя Ефремовы ворота, чрезъ которыя Спаситель вышелъ за городъ, идя на крестную смерть; въ томъ же неуклонномъ прямомъ направленіи находились въ третьей стѣнѣ, выстроенной въ 46 году Агриппой, нынѣшнія ворота Дамасскія. Остатки колоннъ, находимыя на этой прямой линіи, даютъ поводъ предполагать, что до разрушенія Іерусалима въ этомъ направленіи шла широкая улица съ колоннадой, дѣлившая городъ на восточную и западную половины, подобно тѣмъ улицамъ колоннъ, которыя найдены въ развалинахъ Самаріи и Джераша. Арабское названіе Дамасскихъ воротъ—эль Амудъ—означаетъ колонну или столбъ. Нынѣшнія Сіонскія ворота на южной стѣнѣ отнесены на западъ отъ прежнихъ Сіонскихъ воротъ, но отъ этихъ послѣднихъ до сихъ поръ прямая улица, подъ разными напменованіями идетъ черезъ весь городъ къ Дамасскимъ воротамъ мимо русскаго мѣста, захватывая самыя модныя и бойкія торговыя мѣста Іерусалима. По этой дорогѣ долженъ былъ шествовать Спаситель изъ преторіи, среди рыдающихъ женщинъ и обезумѣвшихъ клевретовъ храмовой іерархіи.

Въ грузинскихъ постройкахъ, захваченныхъ Армянами, сохранились единственные христіанскіе памятники апостольской церкви первородныхъ по крещенію. Исчезли остатки великолѣпныхъ сооруженій Св. Елены и Юстиніана; мѣсто Тайной Вечери, вслѣдствіе жидовскихъ козней, отобрано у христіанъ и находится въ монастырѣ дервишей. Въ недавнее время Евреи стали ползти на Сіонъ и устроили нѣсколько синагогъ, между которыми выдѣляются своими размѣрами двѣ, построенныя Ротшильдомъ. Онѣ, какъ и турецкія мечети, сооружены въ купольномъ византійскомъ стилѣ, обширны, свѣтлы и высоки. При наступленіи шабаша онѣ были полны народомъ и ярко освѣщены; изъ открытыхъ дверей слышалось громкое пѣніе, не блиставшее стройностью и чистотой голосовъ. Насъ пригласили (по-русски) пойти посмотрѣть. Бѣлыя стѣны были украшены незатѣйливымъ растительнымъ орнаментомъ; въ разбитыя окна купола свободно влетали птицы и порхали надъ толпой. Большинство, конечно, не понимало древнееврейскаго языка субботнихъ пѣснопѣній и держало

себя съ разсѣянностью и невниманіемъ, которыя удивляли насъ во всѣхъ синагогахъ, видѣнныхъ нами въ Россіи. Очень немногіе были одѣты въ свои праздничныя полосатыя накидки и слѣдили по книгамъ за богослуженіемъ.

Двѣ главныя сіонскія синагоги принадлежатъ сѣвернымъ Евреямъ (ашкеназимъ), говорящимъ на нѣмецкомъ жаргонѣ. Они рѣзко отличаются отъ испанскихъ Евреевъ (сефардимъ) и по наружности и по костюму. Сефарды — самое красивое племя въ разноплеменномъ народонаселеніи Іерусалима. Они высокаго роста съ прекраснымъ оваломъ матово-смуглаго лица, съ великолѣпными черными волосами и глазами. Пріемы ихъ полны достоинства. Въ шабашъ они наряжаются въ широкія рясы и подрясники изъ тонкаго сукна или шелка яркихъ, отлично подобранныхъ цвѣтовъ и мѣховыя шапки съ бархатнымъ верхомъ. Между подростками попадаются настоящіе красавцы. Напротивъ, ашкеназы остались такими же жалкими существами, какъ въ Петербургѣ, Варшавѣ и прочихъ ожидовленныхъ мѣстностяхъ; конечно, пейсы растутъ невозбранно во всю мощь. Гдѣ можно, они дѣлаютъ Русскимъ всякія непріятности, какъ, напримѣръ, при покупкѣ развалинъ и участковъ земли, какъ недавно въ Тиверіадѣ. Сефардъ весьма любезно показалъ намъ пріютъ, выстроенный на широкую ногу Ротшильдомъ.

Мы зашли въ синагогу, возвращаясь отъ знаменитой стѣны Плача. Почти прямая улица идетъ отъ Яффскихъ воротъ къ мусульманскому судилищу, прислоненному къ стѣнѣ, окружающей Харамъ-Эшъ-Шерифъ, дворъ ветхозавѣтнаго храма. Узенькій извилистый переулокъ ведетъ къ части древней стѣны, за судебными мѣстами, у которой Евреи оплакиваютъ паденіе Іерусалима. Только въ Баальбекѣ можно видѣть такіе колоссальные камни, изъ которыхъ сложены нижніе девять рядовъ стѣны: одинъ камень имѣетъ пять метровъ (около $2^1/_2$ саж.) длины, другой четыре метра. Верхніе 15 рядовъ сложены изъ болѣе мелкихъ камней. Не всѣ камни нижнихъ рядовъ обсѣчены съ выпускомъ середины. Всѣ они сильно вывѣтрились. Внизу въ стѣнѣ пробиты треугольныя ниши, въ которыхъ горятъ лампады, какъ у насъ предъ иконами. Несмотря на навечеріе субботы, народу было немного. Нѣкоторые слонялись по небольшому переулку, другіе усердно молились, не обращая ни на что вниманія, углубленные въ молитвенникъ, который они читали на-распѣвъ, ухватившись за каменную стѣну или сидя и раскачиваясь взадъ и впередъ. Въ

еврейскомъ молитвенникѣ напечатаны особыя молитвы, исполняемыя у стѣны хоромъ. Запѣвало произноситъ первую половину стиха, хоръ подхватываетъ вторую. Мы этого не видали. Всѣ молились по-одиночкѣ.

VIII.

Моріа.

Взирая съ Елеонской горы на блистательную картину, озаренную заходящимъ солнцемъ, великолѣпныхъ сооруженій Ирода на горѣ Моріа, на бѣломраморный храмъ, на обширную базилику великой синагоги, на длинные портики, прислоненные къ неприступнымъ стѣнамъ, окружающимъ храмовые дворы, на грозную цитадель Антонія, Спаситель изрекъ грозное пророчество: „не останется здѣсь камня на камнѣ“. Оно исполнилось буквально. Никогда обѣтованная земля не претерпѣвала такого разоренія, какъ въ 70 и 116 годахъ. Іудеи были разсѣяны. Самое имя Іерусалима исчезаетъ. На мѣстѣ его появляется колонія Элія Капитолина, и долгое время Св. Градъ существуетъ только подъ этимъ наименованіемъ. Неутомимый строитель Адріанъ на мѣстѣ ветхозавѣтнаго святилища строитъ храмъ Юпитера Капитолійскаго и при немъ воздвигаются въ честь основателя колоніи двѣ статуи: одна изъ нихъ конная. Можно предположить, что эта постройка была задумана не безъ намѣренія опровергнуть христіанское вѣрованіе въ обреченіе мѣста прежняго святилища на вѣчное запустѣніе. Не будучи, вообще, склоненъ къ религіознымъ преслѣдованіямъ, Адріанъ не благоволилъ къ христіанамъ, не вполнѣ отдѣляя ихъ отъ бунтовщиковъ Іудеевъ. Припомнимъ капища на Голгоѳѣ, на Св. Гробѣ, въ Вифлеемѣ. Изображеніе этого храма дошло до насъ на монетѣ императора Діадуменіана (217—218 г.). Подъ высокимъ фронтономъ устроенъ высокій порталъ, покрытый аркой, по сторонамъ его по двѣ колонны, между которыми стоятъ двѣ статуи побѣдъ; предъ входомъ колоссальная мужская статуя, что-то попирающая правою ногой; вокругъ надпись: AEL—CAP. Когда храмъ этотъ былъ разрушенъ—неизвѣстно, но Бордосскій путешественникъ (333 г.) еще видѣлъ статуи. Евсевій и Кириллъ Іерусалимскій знаютъ на горѣ Моріа однѣ развалины. Св. Елена не укра-

сила священной горы ни одною постройкой. Тѣмъ не менѣе, Моріа была преисполнена великими ветхозавѣтными и новозавѣтными воспоминаніями. Здѣсь, по преданію, происходило прообразовательное жертвоприношеніе Авраама, здѣсь пребывала Пресвятая Дѣва, окруженная служебными ангелами, здѣсь училъ Христосъ, здѣсь совершилось Его обрѣзаніе по закону Моисееву. Паломникамъ показывали загадочный „пробитый камень“ (lapis pertusus), принадлежавшій, вѣроятно, ветхозавѣтному жертвеннику. Въ базиликѣ Ирода, очевидно, не подвергшейся окончательному разрушенію, была, вѣроятно, небольшая церковь, которую Омаръ обратилъ въ первую мечеть новозавоеваннаго Іерусалима. По мнѣнію архіепископа Леонида, эта церковь была посвящена воспоминанію о Введеніи Пресвятой Богородицы. Существуютъ слѣды церквей и кромѣ Иродовой базилики.

Новая эпоха процвѣтанія началась для Моріа съ водвореніемъ мусульманъ въ Іерусалимѣ. Послѣ Мекки и Каабы, Магометъ считалъ священнѣйшимъ мѣстомъ міра—храмъ Соломоновъ и описалъ его Омару. „Хвала Аллаху! говоритъ Коранъ,—Онъ въ одну ночь перенесъ своего раба изъ священнаго храма (каабы) въ отдаленнѣйшій храмъ, и мы благословили окрестности его“. Овладѣвъ Іерусалимомъ, Омаръ собственноручно началъ расчистку мѣста Соломонова храма и тамъ, гдѣ онъ работалъ, выстроена подъ открытымъ небомъ изящная мраморная каѳедра (мемберъ), утвержденная на древнихъ колоннахъ. Названная базилика стала „отдаленнымъ“ святилищемъ—Эль-Акса, въ которой продолговатое отдѣленіе (съ востока на западъ) носитъ спеціально названіе Омаровой мечети.

Когда расчищенъ былъ мусоръ, подъ нимъ оказалась натуральная скала, бывшее гумно Орны Іевуссея, составлявшее самый высокій срединный пунктъ верхней площадки храма. По мнѣнію профессора Олесницкаго, эта скала служила поломъ святому святыхъ, гдѣ стоялъ кивотъ завѣта, осѣненный херувимами. До 691 г. скала, съ которой, по мусульманскому преданію, Магометъ поднялся на небо на крылатомъ животномъ Эль-Боракъ, оставалась подъ открытымъ небомъ. Возмущеніе Аравитянъ при оммаядскомъ халифѣ Абдель-Меликѣ пресѣкло для сирійскихъ мусульманъ обязательное посѣщеніе Мекки. Чтобъ удовлетворить религіознымъ потребностямъ подданныхъ, халифъ построилъ надъ скалой знаменитую мечеть, красу Іерусалима, извѣстную подъ именемъ Куббетъ-эс-Сахра, куполъ скалы,

извѣстную всѣмъ по фотографіямъ и рисункамъ подъ неправильнымъ наименованіемъ Омаровой мечети, а мусульманскіе ученые объявили, что когда правовѣрный молится въ оградѣ святилища, то молитва его такъ же близка къ Богу, какъ еслибъ онъ молился на небѣ; что поклонникъ, посѣтившій Іерусалимъ, получитъ одинъ награду равную наградѣ 1.000 мучениковъ. Почти каждый хаджи, идущій въ Мекку, заходитъ и въ Іерусалимъ, потому число мусульманскихъ поклонниковъ почти такъ же велико, какъ и число христіанскихъ.

Посѣщеніе Харама обязательно для всѣхъ пріѣзжихъ въ Іерусалимъ. Харамъ сдѣлался доступнымъ для христіанъ только послѣ Севастопольской войны. Едва ли не со времени путешествія великаго князя Константина Николаевича заповѣдныя двери мусульманской святыни открылись для всѣхъ христіанъ. Турки, конечно, обратили это разрѣшеніе въ доходную статью. Нашъ палестинскій кавасъ, извѣстный всѣмъ паломникамъ Марко Юрьичъ, горячо протестовалъ противъ платы съ русскихъ посѣтителей, которая, въ самомъ дѣлѣ, выше нежели для прочихъ иностранцевъ. Съ насъ тропхъ взяли 5 руб., тогда какъ съ другихъ берутъ три съ чѣмъ-то. Этою привилегіей мы, Русскіе, обязаны соглашенію бывшаго консула Максимова съ іерусалимскимъ губернаторомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказывали на русскомъ подворьѣ.

Въ прекрасное октябрьское утро мы отправились осматривать знаменитыя мечети, стѣны и подземелья. Обыкновенно посѣтителей ведутъ черезъ ворота Каттанимъ, мимо мусульманскаго судилища и гауптвахты, въ которую паша посылаетъ приказъ о пропускѣ въ Харамъ. Чрезъ полутемныя ворота изъ тѣсной улицы мы вступили въ обширную площадь, залитую солнцемъ, самую просторную изъ Іерусалимскихъ площадей, и это одно уже производитъ пріятное впечатлѣніе. Легкія мавританскія аркады окружаютъ четырехугольную платформу, приподнятую на три метра надъ уровнемъ площади, у одной изъ аркадъ стоитъ упомянутая выше каѳедра Омара; въ аркахъ будутъ взвѣшиваться души въ день Страшнаго Судя, по преданію мусульманъ. На платформѣ стоитъ восьмиугольная мечеть скалы съ четырьмя дверями, обращенными на четыре страны свѣта; каждая сторона имѣетъ около 10 саженъ въ длину. Снизу до оконъ стѣны выложены разноцвѣтными мраморами, отъ подоконниковъ до карниза—пзразцами, расписанными бѣлою, голубою, желтою и зеле-

пою краской, съ преобладаніемъ двухъ первыхъ цвѣтовъ. На половинѣ стѣны начинаются островерхія окна съ массивными гипсовыми рамами съ мелкими разноцвѣтными стеклами; на широкой, отлогой кровлѣ возвышается барабанъ, прорѣзанный 16 окнами, обложенный такими же узорчатыми изразцами, и на немъ громадный черноспній куполъ съ полумѣсяцемъ на высокой ножкѣ. Трудно подыскать геометрическую фигуру для этого купола. Болѣе всего мнѣ онъ напомнилъ старинные персидскіе шишаки. Онъ близокъ къ половинѣ эллипсиса и слегка заостряется къ вершинѣ. Высота его не меньше $^2/_3$ высоты всего зданія. Однообразный черноспній цвѣтъ купола въ сопоставленіи съ легкими красками изразцовой оболочки стѣнъ производитъ подавляющее впечатлѣніе и придаетъ постройкѣ массивность и величіе, не соотвѣтствующія дѣйствительнымъ размѣрамъ зданія. По карнизу обоихъ этажей тянется кудрявая и красивая куфическая надпись, желтыми буквами по синему полю, гласящая о времени построенія мечети.

Мечеть Абдель Мелика составляетъ одну изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ построекъ мусульманскаго міра, но было бы заблужденіемъ считать ее произведеніемъ арабскаго искусства, несуществовавшаго въ VII вѣкѣ. Мечеть строили сирійскіе, вѣроятно, даже христіанскіе зодчіе по византійскимъ образцамъ, пользуясь античными и христіанскими матеріалами. Въ соотвѣтствіе ротондѣ Св. Гроба, мечеть получила восьмиугольную форму и внутреннія галлереи изъ колоннъ и столбовъ, окружающія священную скалу, подобно тому, какъ это устроено вокругъ Св. Гроба. Построенный въ IV—V вв. христіанскій храмъ на горѣ Гаризимѣ, существовавшій еще въ то время, имѣлъ также осмиугольную форму. Пользуясь, быть-можетъ, древнѣйшимъ фундаментомъ Ирода или Адріана, архитекторы рѣшились оставить святыню въ срединѣ, и такимъ образомъ, въ видѣ единственнаго исключенія, въ этой мечети молящіеся не обращаются лицомъ къ Меккѣ. Двадцать восемь монолитныхъ мраморныхъ колоннъ мечети, различной высоты и съ капителями разныхъ эпохъ взяты изъ развалинъ Адріанова храма и константиновской базилики, разрушенной Персами. Внутри мечеть имѣетъ 26 саженъ въ поперечникѣ и, считая отъ купола, около 15 саж. высоты. Разноцвѣтныя колонны и шестигранные столбы, обложенные мраморомъ, расположены двумя концентрическими кругами, образуя три галлереи, въ срединѣ которыхъ находится священная скала,

обнесенная металлическою рѣшеткой со временъ крестоносцевъ. Первый рядъ изъ 8 столбовъ и 16 колоннъ соотвѣтствуетъ нижнему восьмиугольному этажу. Колонны и столбы соединены легкими арками, которыя опираются на архитравъ, балку, положенную на капители колоннъ, причемъ, по византійскому правилу, различная высота колоннъ восполняется особыми подставками сверху капителей, украшенными рѣзьбой. Архитравъ сдѣланъ изъ дерева, обложенъ снизу мѣдными украшеніями и съ красивою раскрашенною рѣзьбой по бокамъ. Вторая галлерея образована изъ 12 колоннъ и 4 столбовъ, на которыхъ утверждается барабанъ купола. Здѣсь арки опираются непосредственно на капителяхъ, безъ архитрава. Внутреннія стѣны, снизу мраморныя, покрыты великолѣпнѣйшею мозаикой, представляющею геометрическія и растительныя арабески съ преобладаніемъ золотыхъ разводовъ по темнозеленому фону. Въ куполѣ христіанскіе художники составили орнаментъ изъ евхаристическихъ символовъ: гроздій винограда (вино) и колосьевъ (хлѣба), на голубомъ фонѣ. Мягкій свѣтъ струится изъ многочисленныхъ оконъ мечети. Толстые гипсовые переплеты держатъ въ постоянной тѣни половину каждаго цвѣтнаго стекла, сообщая такимъ образомъ два тона; изнутри мечеть освѣщается будто бы самосвѣтящимися гранеными желтыми топазами, кровавыми яхонтами, темноголубыми сапфирами, фантастическіе лучи играютъ на пышной парчевой одеждѣ стѣнъ и скользятъ по блестящему полированному мрамору колоннъ и столбовъ. Куполъ, около 10 саженъ ширины, двойной, какъ въ храмѣ Св. Гроба, но на деревянныхъ стропилахъ. Деревянныя основы соединены распорками. Верхняя обшита мѣдными листами, нижняя внутренняя—досками, на коихъ укрѣплены раскрашенныя и позолоченныя гипсовыя украшенія. Полъ изъ мраморной мозаики покрытъ кое-гдѣ цѣновками. На саногн нужно надѣть туфли. Наконецъ внутри второй колоннады находится священная скала, восемь саженъ длины, шесть саженъ ширины и почти въ сажень высотой. Она обнесена золоченою рѣшеткой. Поверхность ея неровна и какъ будто бы изрыта. Крестоносцы, обративъ зданіе въ церковь, обложили скалу мраморомъ, обвели ее рѣшеткой, поставили алтарь и пробили въ скалѣ ступени. Церковь была освящена въ 1136 году, но уже въ 1187 году Саладинъ снова превратилъ ее въ мечеть и снялъ мраморную обшивку скалы. По талмудическимъ преданіямъ на этой скалѣ приносили жертву Авраамъ и Мельхиседекъ, здѣсь же совершилось жертво-

приношеніе Исаака; эту скалу помазалъ елеемъ Іаковъ; подъ ней Іеремія сокрылъ кивотъ завѣта, который и до сихъ поръ сохраняется тамъ подъ спудомъ; Каббала сообщаетъ, что при сотвореніи міра на этой скалѣ было начертано непзрекаемое имя Божіе, *Шемъ*. По мусульманскимъ вѣрованіямъ на скалѣ будетъ стоять престолъ Божій въ день Страшнаго Суда, а сама скала держится безъ опоры надъ бездной. Въ пещерѣ подъ скалой мулла, весьма любезно (въ ожиданіи бакшиша) знакомившій насъ съ достопримѣчательностями мечети, показалъ намъ ложа Давида, Соломона, Авраама. Иліи пророка. Здѣсь же, по объясненію муллы, ангелы питали Богородицу. Христіанскія преданія были въ эпоху крестоносцевъ отмѣчены на стѣнахъ мечети надписями, снятыми впослѣдствіи. Въ эту пещеру нужно спуститься по одиннадцати ступенямъ. Конечно, при всѣхъ этихъ священныхъ мѣстахъ предлагалось дать что-нибудь на свѣчи; мы давали съ улыбкой на христіанскія имена и съ такою же улыбкой отказывались ото всякихъ пожертвованій на Магомета и Эльборакъ, причемъ мулла выслушивалъ нашъ отказъ съ такою же усмѣшкой. Упомянемъ, что въ юго-восточномъ углу мечети находятся двѣ низенькія, переплетенныя одна съ другою колонки, на которыхъ видны полуизглаженные лики херувимовъ — единственный остатокъ христіанской скульптуры; прежде же на одной изъ капителей былъ крестъ, нынѣ спиленный.

Покидая это прелестное сооруженіе, единственное, которое даетъ въ Іерусалимѣ эстетическое наслажденіе, замѣтимъ, что крестоносцы считали эту мечеть храмомъ Соломоновымъ, и это мнѣніе нашло себѣ отголосокъ въ живописи. У Рафаэля *Обрученіе Богоматери*, у Перуджино *Врученіе ключей рая апостолу Петру* происходятъ въ виду восьмиугольнаго храма, стоящаго на высокомъ помостѣ, покрытаго сфероидальнымъ куполомъ и только портиками отличающагося отъ мечети Абдель Мелика.

Выйдя изъ мечети, мы сошли съ платформы и отправились къ настоящей мечети Омара, Эль-Акса, то-есть „отдаленной“.

Если мечеть Абдель Мелика составляетъ изящнѣйшее зданіе Іерусалима, то мечеть Эль-Акса превосходитъ всѣ сооруженія Святаго Града своими размѣрами. Въ первой только скала уноситъ мысли посѣтителя въ незапамятную древность, въ область легендарной космогоніи; разнородные архитектурные остатки, изъ которыхъ она сложилась, утратили свое имя и говорятъ только вообще о катастрофахъ и разореніяхъ. Здѣсь же, напротивъ, мы

находимся въ стѣнахъ, несомнѣнно принадлежавшихъ къ историческимъ древнимъ сооруженіямъ дохристіанской, византійской и крестоносной эпохъ. Мусульмане завладѣли уже готовымъ зданіемъ. Неоднократныя землетрясенія разрушали стѣны зданія, рушили его покрытіе, но поправки и пристройки были не въ силахъ уничтожить общаго расположенія храма. Съ первыхъ шаговъ внутрь мечети вы удивляетесь необыкновенному сходству ея съ древнѣйшею изъ удѣлѣвшихъ христіанскихъ базиликъ—съ Виѳлеемскою: тѣ же величественныя колоннады дѣлятъ мечеть продольно на семь нефовъ, но, вглядываясь ближе, начинаешь встрѣчать разныя несообразности съ христіанскимъ культомъ и наталкиваться на сомнѣнія и вопросы.

Западные ученые отождествляютъ Эль-Аксу-съ базиликой Юстиніана, такъ-называемою Маріей Новой. Русскіе археологи [1] указываютъ полное разногласіе описанія названной церкви, сдѣланнаго Прокопіемъ, съ мечетью. Прежде всего направленіе колоннадъ съ сѣвера на югъ противорѣчитъ основному правилу помѣщать алтарь на восточной сторонѣ храма. Потомъ для Маріи Новой потребовались значительныя подстройки снизу до площади горы, на которой сооружена была церковь, а такихъ подстроекъ въ Эль-Аксѣ нѣтъ и не было въ нихъ нужды, такъ какъ Эль-Акса стоитъ на склонѣ Моріа, въ одномъ изъ низменныхъ мѣстъ Іерусалима. Русскіе ученые и Тоблеръ приходятъ къ заключенію, что Марія Новая находилась на Сіонѣ, противъ Моріа, надъ ущельемъ Тиропеона. Тѣмъ не менѣе о мусульманскомъ происхожденіи Эль-Аксы нѣтъ извѣстій. По вѣскимъ основаніямъ признается, что три средніе нефа составляли прежде одинъ и зданіе было пятинефное. Справа отъ южнаго конца нефа находится небольшое отдѣленіе, собственно мечеть Омара: вѣроятно, здѣсь до Омара была церковь Введенія; [2] слѣва—длинная бѣлая зала съ продольною колоннадой и готическимъ сводомъ—мечеть для женщинъ. Эта пристройка приписывается тамплiерамъ, которые владѣли всѣмъ зданіемъ и называли его дворцомъ или храмомъ Соломоновымъ (palatium, templum Solomonis).

Самое интересное въ этой мечети, это колонны. Капители ихъ очень разнообразны. Иногда онѣ изображаютъ византійскую

---

[1] Олесницкій, *Ветхозавѣтный Храмъ*, стр. 830. Васильевскій, *Повѣсть Епифанія*, стр. 101.

[2] Арх. Леонидъ, *Старый Іерусалимъ*, стр. 201.

переработку коринѳскаго стиля, иногда чистаго античнаго пошиба, на нѣкоторыхъ сохранились кресты, ангелы, кентавры. Стѣны выбѣлены, но на южной сторонѣ однообразіе окраски смѣняется грубонаписанными орнаментами; около мембера есть даже изображеніе двухъ константинопольскихъ мечетей. Мемберъ, то-есть каѳедра,—древней художественной работы: она сдѣлана при Нуреддинѣ, племянникѣ Саладдина, въ Алеппо и украшена изящною перламутровою инкрустаціей. Въ настоящее время арабское искусство находится въ такомъ же упадкѣ, какъ и греческое. Даже для реставраціи мозаики въ мечети Скалы должны были обратиться къ Армянамъ, не найдя Арабовъ, свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ. Подлѣ мембера показываютъ камень, съ котораго, по преданіямъ мусульманъ, Христосъ вознесся на небо, и на этомъ камнѣ отпечатокъ стопы Спасителя. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ утраченнымъ и забытымъ преданіемъ, пріурочивавшимъ этотъ камень къ одному изъ событій, совершившихся при посѣщеніяхъ храма Спасителемъ. Прежде показывали въ полу мѣсто погребенія сыновъ Аароновыхъ, но теперь это мѣсто закрыто циновками и о немъ намъ уже ничего не говорили. Мечеть содержится неопрятно. Въ разбитыя окна свободно влетаютъ птицы и гнѣздятся на балкахъ и капителяхъ. Подъ Омаровою мечетью находится замѣчательное подземелье.

Храмовая гора въ іудейскую эпоху была во всѣхъ направленіяхъ изрыта подземными ходами и пещерами, естественными и искусственными. Цистерны и каналы вводили и сохраняли воду, необходимую для религіозныхъ обрядовъ и для жителей на случай осады. Подземные проходы соединяли храмъ съ цитаделью, съ овечьимъ дворомъ и, можетъ-быть, съ другими мѣстами. На южной сторонѣ находятся обширныя подземелья, назначеніе которыхъ составляетъ до сихъ поръ предметъ споровъ. Въ извѣстность приведены далеко не всѣ подземныя сооруженія. Вполнѣ очищены отъ мусора только два: двойныя ворота Хульды подъ мечетью Омара и обширное помѣщеніе, извѣстное подъ именемъ Соломоновыхъ конюшень, на юго-восточномъ углу Харама. Предполагаютъ, что такое же подземелье существуетъ и въ юго-западномъ углу, но доселѣ оно не изслѣдовано. Всѣ подземелья южнаго склона горы Моріа были выстроены для уравненія площади дворовъ храма, на которой, въ эпоху древнееврейскихъ царей, стояли также и царскія дворцовыя постройки.

Подземелье Эль-Аксы представляетъ коридоръ въ 40 футовъ

ширины и 260 футовъ длины, понижающійся съ сѣвера на югъ и раздѣленный стѣной, семью столбами и тремя монолитными колоннами на два пролета. Этотъ проходъ выводилъ изъ храма на югъ и существовалъ въ эпоху перваго храма, что̀ доказывается массивными еврейскими камнями и монолитною колонной на южномъ концѣ коридора, капитель которой, не подходя ни подъ одинъ изъ греко-римскихъ орденовъ, напоминаетъ своею лиліеобразною формой капители мѣдныхъ столбовъ предъ храмомъ Соломона, описанныхъ въ книгѣ Царствъ. Съ южной стороны теперь ворота заложены, равно какъ и сообщенія этого подземелья съ западнымъ и восточнымъ. Кромѣ слѣдовъ древнееврейскаго зодчества замѣтны работы римскія и византійскія. Въ одной изъ стѣнъ найденъ пьедесталъ статуи съ надписью Адріана, замурованный вверхъ ногами. Подземелье вполнѣ вычищено и содержится въ большомъ порядкѣ. Оно освѣщается окнами на южной стѣнѣ и черезъ дверь. Никакихъ преданій мусульмане еще не придумали и, расчистивъ его вслѣдствіе давленія европейской науки, видимо не знаютъ, какъ отнестись къ этому обширному и прохладному помѣщенію.

Гораздо интереснѣе юго-восточное подземелье. Въ этомъ углу храма стоитъ небольшое зданіе, изъ котораго по 23 ступенямъ спускаются въ молельню, гдѣ показываютъ колыбель Іисуса Христа—опрокинутую каменную нишу. Изъ этой комнаты входимъ въ обширное пространство съ цѣлымъ лѣсомъ 112 квадратныхъ столбовъ,—между которыми четыре колонны въ западной галлереѣ, поддерживающихъ высокіе своды (болѣе 4 саженъ), каждый около 1½ аршина толщины. Столбы сложены изъ древнееврейскихъ выпусковыхъ камней, безъ всякихъ украшеній и образуютъ 16 галлерей различной длины (отъ 36 до 8½ саженъ) и различной ширины. Потолокъ состоитъ изъ круглыхъ сводовъ, но въ столбахъ замѣчаются углубленія для балокъ, служившихъ основаніемъ плоскому деревянному потолку. Полъ состоитъ изъ натуральной скалы. Намъ показали на западной сторонѣ одно мѣсто, гдѣ полъ издаетъ глухой звукъ, и сообщили, что полъ этою галлереей есть нижнее подземелье, которое было обнаружено при расчисткѣ въ этомъ году верхняго, но закрыто по распоряженію начальства. Западная галлерея представляетъ такой же коридоръ, какъ и подъ Эль-Аксой, но тройной, и оканчивалась на южной стѣнѣ тройными воротами, нынѣ замурованными. Въ шестой отъ угла галлереѣ находится одиночная, также зало-

женная дверь. Западный корридоръ примыкаетъ къ стѣнѣ, но профессоръ Олесницкій, подробно изслѣдовавшій это подземелье, утверждаетъ, что оно имѣло связь съ подземельемъ Эль-Аксы. Всѣ галлереи занимаютъ пространство шириной почти въ 50 саженъ. Въ столбахъ пробиты отверстія для привязи лошадей и ниши для лампадъ.

Какое назначеніе имѣло это сооруженіе? Основаніе его несомнѣнно относится къ эпохѣ Соломона. Раввинскія преданія сообщаютъ, что дворецъ Соломона былъ построенъ на цѣлой системѣ сводовъ, поставленныхъ одинъ на другой. Высота пола открытаго подземелья по отношенію къ высотѣ горы, въ которой она находится, не исключаетъ предположенія, что подъ нимъ можетъ найтись нижній этажъ и даже не одинъ. Въ эпоху втораго храма и даже пророковъ эпохи плѣненія вавилонскаго въ этихъ подземельяхъ помѣщались бѣдные богомольцы и бездомное населеніе Іерусалима. При Арабахъ подземелье обратилось въ конюшни, а крестоносцы называли ихъ Соломоновскими конюшнями, хотя еврейскій путешественникъ XII вѣка, Веніаминъ Тудельскій, еще помнитъ первоначальное назначеніе подземелья и называетъ его страннопріимницей Соломона. Затѣмъ, при турецкомъ владычествѣ галлереи были заброшены, сдѣлались недоступными; сложилось, конечно, преданіе, что тамъ поселились злые духи, джинны,—обычные обитатели среди руинъ цивилизаціи, разрушенной побѣдоносными варварами,—и грозятъ гибелью всякому, кто дерзнетъ спуститься въ подземелье. Англійскіе археологи первые изслѣдовали этотъ любопытный остатокъ сѣдой старины, а въ настоящее время подземелье представляетъ чистое, выметенное, хорошо провѣтренное и освѣщенное пространство, куда безъ страха спускаются и мусульмане проводники, живущіе въ Харамѣ. [1]

Мы вышли на дворъ храма. Онъ не вымощенъ и почва его считается самою плодородною въ Іерусалимѣ. Весной онъ покрывается густою и высокою травой, съ которою муллы не знаютъ что̀ дѣлать и потому выжигаютъ, отчего площадь, конечно, не выигрываетъ въ чистотѣ. Тамъ и сямъ разбросаны масличныя деревья, теревинѳы и кипарисы. Среди пожелтѣвшей лѣтней травы видны безформенные обломки каменнаго мусора. Нѣсколько

[1] См. классическое сочиненіе профессора Олесницкаго *Ветхозавѣтный Храмъ*, стр. 693—718.

колодцевъ доставляютъ воду изъ цистернъ. Подъ деревьями спятъ правовѣрные обладатели ветхозавѣтнаго святилища. Въ мечетяхъ, осмотрѣнныхъ нами, молящихся не было. Вообще, повсюду чувствуется апатія и унынie, охватившія мусульманскій міръ повсюду, кромѣ Средней Африки, гдѣ такимъ горячимъ потокомъ льется пропаганда ислама въ массу чернокожаго племени, призываемаго на служеніе Аллаху мечами махдистовъ. Съ трудомъ мусульмане поддерживаютъ и одну мечеть скалы, и недалеко время, когда и на это у нихъ недостанетъ ни силъ, ни охоты. Съ каждымъ годомъ христіане и Евреи сильнѣе прилпваютъ во Святой Градъ и тѣснятъ мусульманское населеніе, уменьшающееся даже численно. Противъ наплыва Евреевъ ту, рецкое правительство предприняло цѣлый рядъ мѣропріятій-замѣтивъ, что и въ Палестинѣ ихъ водвореніе не только не поднимаетъ благосостоянія страны, но прямо разоряетъ производительные элементы мѣстнаго населенія маклачествомъ, факторствомъ и ростовщичествомъ. Запрещено принимать на берегъ новыхъ Евреевъ, предписано жить поселившимся въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ они приписаны. Не меньше строгостей установлено и противъ христіанъ. Открытіе новыхъ училищъ затруднено до послѣдней возможности и не дозволяется заводить при училищахъ домашнія церкви. Къ сожалѣнію, мѣры противъ христіанъ болѣе удобно исполнить, нежели остановить просачиваніе Евреевъ, искушенныхъ въ обходѣ паспортныхъ стѣсненій. Христіане являются преимущественно частыми гостями, оставляющими крупную сумму золота въ Палестинѣ, и рѣдко становятся постоянными жителями Іерусалима, тѣмъ не менѣе число христіанскихъ учрежденій растетъ, и Іерусалимъ охваченъ строительною горячкой. Городъ растетъ и предмѣстья съ западной и сѣверной стороны скоро будутъ больше внутренняго города. Такое расширеніе городскаго поселенія не можетъ не повліять на паденіе цѣнъ земли внутри городскихъ стѣнъ и, слѣдовательно, на благосостояніе мусульманскихъ домовладѣльцевъ.

Обходя дворъ Харама въ сопровожденіи услужливаго и благообразнаго Араба, принадлежащаго къ служебному персоналу Харама, мы зашли къ Золотымъ Воротамъ — единственному входу со стороны Елеонской горы. Здѣсь шла расчистка. Эти ворота давно заложены въ отвращеніе исполненія преданія, по которому грядущій завоеватель—его все-таки ждутъ и здѣсь, какъ и въ Константинополѣ—долженъ войти въ Іерусалимъ именно чрезъ

Золотыя Ворота. Названіе Золотыя произошло изъ смѣшенія греческаго слова ’ωρία съ латинскимъ aurea, по-еврейски же они назывались Шушанъ, надъ ними было рельефное изображеніе персидскаго города Сузъ (Шушанъ). Здѣсь праведная Анна встрѣтила Іоакима, которому ангелъ въ пустыни Іудейской возвѣстилъ о разрѣшеніи безплодія ихъ брака, что̀ такъ прекрасно описано въ Протоевангеліи Іакова. Въ 629 году императоръ Ираклій чрезъ эти ворота вступилъ въ Іерусалимъ послѣ побѣды надъ Персами, неся драгоцѣнную святыню животворящаго креста, отбитую изъ персидскаго плѣненія. Во времена крестоносцевъ они открывались на нѣсколько часовъ въ недѣлю ваій, причемъ въѣзжалъ патріархъ на ослятѣ въ Іерусалимъ съ Елеонской горы, а народъ постилалъ свои одежды. Нынѣшнія ворота представляютъ два пролета, раздѣленные двумя колоннами іоническаго стиля и пилястрами коринѳскаго ордена. Двойныя двери съ западной стороны, то-есть со стороны Харама, забраны стѣной, въ которой оставлены невзрачныя калитки. Снаружи, отъ Елеона, видна красивая двойная арка. Византійскихъ слѣдовъ невидно; весьма вѣроятно, что Золотыя Ворота сохранились почти цѣликомъ со временъ Ирода.

Обойдя Харамъ и полюбовавшись на мусульманскую часовню Св. Георгія (Куббетъ-эль-Хидръ) и на элегантный мамелюкскій фонтанъ, выстроенный въ 1445 году, мы направились къ выходу. Нашъ мулла запросилъ бакшишъ. Кавасъ заворчалъ и убѣждалъ не давать болѣе франка. Я далъ два, мулла сначала обидѣлся, но когда кавасъ прикрикнулъ, ласково закивалъ головой и съ поклонами проводилъ до воротъ.

Что̀ говорятъ мусульманскимъ хаджіямъ, я не знаю, мы же слышали болѣе воспоминаній изъ библейскихъ и христіанскихъ исторій, нежели изъ магометанскихъ. Мусульмане, закладывая Золотыя Ворота, опасаются, по крайней мѣрѣ, такого преданія, что будущій христіанскій завоеватель выгонитъ ихъ изъ Іерусалима. Но, на самомъ дѣлѣ, что̀ бы христіане стали дѣлать съ Харамомъ? Одному антихристу предназначено возстановить храмъ іудейскій изъ развалинъ, и христіане, какъ таковые, не могутъ и не должны претендовать на владѣніе куполомъ скалы, стоящемъ несомнѣнно на мѣстѣ Соломонова храма. Если и были христіанскія святыни на Моріа, онѣ были незначительны по объему, виду и священнымъ воспоминаніямъ. Предоставленныя мусульманамъ, нынѣшнія мечети подвергнутся участи знаменитыхъ

мамелюкскихъ мечетей стараго Каира и мерзость запустѣнія водворится въ нихъ. Хозяйничать Іудеевъ не допуститъ христіанское чувство Европы. Одни археологи заинтересованы въ свободномъ распоряженіи территоріей Харама, такъ какъ при мусульманскомъ владычествѣ всестороннее изслѣдованіе Моріа посредствомъ раскопокъ никогда состояться не можетъ...

IX.

Гевсиманія. Елеонъ. Долина Іосафатова.

Дорога къ мѣсту Успенія Богоматери идетъ по сѣверной части Іерусалима, по латинскому, крестному пути, чрезъ ворота Госпожи Маріи (Ситти Маріамъ), а прежде—воротами первомученика Стефана. Крестный путь, via dolorosa, усѣянъ латинскими святынями. На всемъ его пространствѣ нельзя встрѣтить ни одной православной, армянской и, вообще, восточной часовни или церкви. Никакое мусульманское преданіе не связано съ этими мѣстами, хотя они лежатъ въ мусульманскомъ кварталѣ, и ужь эти обстоятельства отнимаютъ авторитетъ древности у латинскихъ сказаній о шествіи Спасителя на вольное страданіе по этимъ улицамъ. Единственный любопытный памятникъ на этомъ пути составляетъ арка, перекинутая черезъ улицу и сѣвернымъ бокомъ врѣзывающаяся въ прекрасное и просторное учебное заведеніе французскихъ сіонскихъ монахинь. Арка носитъ названіе Се человѣкъ (Ecce homo) и латиняне увѣряютъ, что она входила въ составъ преторіи Пилата и отсюда народу былъ показанъ Спаситель въ уничиженномъ видѣ, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ. Арка римскаго происхожденія и, вѣроятно, принадлежала къ тріумфальнымъ воротамъ. Пріурочивать ее къ евангельскому событію стали только съ XV вѣка. Съ одной стороны она входитъ въ монастырь, съ другой—въ жилище индійскихъ дервишей. Наружу выходитъ только верхній сводъ, изъ чего можно заключить, какъ съузилась древняя улица въ настоящее время. Французскій монастырь основанъ крещенымъ Евреемъ Альфонсомъ Ратисбонномъ, іезуитомъ, обстоятельную біографію котораго желающіе могутъ прочитать въ *Сообщеніяхъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества* за 1891 годъ, т. II, стр. 165—209. При нѣкоторой нравственной неразборчи

вости и іезуитской неискренности, дѣятельность Ратисбонна не можетъ не вызывать удивленія своею энергическою настойчивостью, находчивостью и личнымъ безкорыстіемъ. Явившись въ Палестину безъ копѣйки въ карманѣ, получивъ только благословеніе отъ патріарха Валерги—другаго героя латинской пропаганды во Святой Землѣ,—Ратисбоннъ оставилъ многочисленную общину монахинь, нѣсколько учебныхъ заведеній, въ которыхъ сотни Арабокъ и Арабчатъ воспитываются въ послушаніи папѣ, въ которыхъ получаютъ образованіе дѣвочки всѣхъ вѣроисповѣданій изъ европейскихъ семействъ Іерусалима, госпиталь, семинарію, обширную ферму съ виноградниками и плантаціями, прекрасные дома, одну изъ лучшихъ базиликъ, въ которой его неугомонная дѣятельность нашла себѣ мѣсто успокоенія. Когда въ прошломъ году Турки устроили наконецъ городскую больницу, уходъ за больными лучше всего признано было поручить сіонскимъ монахинямъ. И Ратисбоннъ у латинянъ не одинъ. Съ такою же, но болѣе грубою, энергіей взялся за организацію латинской церкви первый патріархъ Валерга. Пользуясь вѣчными дрязгами Святогробской братіи, заботящейся только объ эксплуатаціи Святыхъ Мѣстъ и поклонниковъ, онъ обратилъ вниманіе на забытыхъ, погруженныхъ въ нищету и невѣжество православныхъ Арабовъ, раскинулъ сѣть миссіонерскихъ станцій, училищъ, приходовъ, церквей по всей Палестинѣ, перешелъ даже въ одичалое Заіорданье. Въ теченіе сорока лѣтъ латинская церковь возрасла съ 2—3.000 душъ до 13.000, отхвативъ у греческихъ пастырей почти треть паствы. Валерга и Ратисбоннъ сошли въ могилу, но цѣпкая и стойкая латинская церковь не даетъ заглохнуть и улетучиться результатамъ дѣятельности Валерги и Ратисбонна. Послѣ нихъ является Беллони, положившій въ Бейтъ Джибринѣ (Елевѳерополисъ, Baitgavrà Птоломея) основаніе земледѣльческимъ школамъ для мѣстнаго населенія. Дѣятельность каноника Беллони, начавшаго также безо всякихъ средствъ, кромѣ нищенскаго учительскаго жалованья латинскаго монаха, удивительна не менѣе ратисбонновской. Сначала онъ призрѣлъ двухъ, трехъ сиротъ; явились другіе, также нуждавшіеся въ помощи; онъ обратился къ добрымъ людямъ и встрѣтилъ сочувствіе. Теперь у него и земли, и зданія, и церковь, и сотня учениковъ. Всѣ учрежденія, главнымъ образомъ, держатся на пожертвованіяхъ. Въ 1889 году, сводя годовой балансъ, Беллони встрѣтился съ дефицитомъ въ 50.000 франковъ; въ январѣ 1890

года приходитъ отъ неизвѣстнаго изъ Америки пожертвованіе въ 50.000 франковъ!

Мы съ почтеніемъ поднялись въ молчаливую обитель сіонскихъ сестеръ. Въ изящной пріемной насъ встрѣтила настоятельница, сотрудница Ратисбонна, пережившая всѣ треволненія первоначальной организаціи. Худая, съ болѣзненно-восковымъ лицомъ, въ простомъ черномъ платьѣ и обутая съ парижскимъ изяществомъ, она любезно показала намъ все обширное зданіе, пустое по случаю вакаціоннаго времени. Мы видѣли просторные дортуары съ низенькими чистыми кроватками, капеллу *съ иконами въ византійскомъ стилѣ*, обширные классы, портретъ будущаго святаго—Альфонса Ратисбонна: энергическая большая голова еврейскаго типа съ густою, длинною бородой и прекраснымъ лбомъ,—и величественную церковь, въ которой происходила перестройка. Она вся бѣлая, съ колоннами коринѳскаго ордена. Мы спускались и въ подвалы, обозрѣли остатки апокрифическаго лиѳостратона и видѣли начало подземнаго хода, открытаго на этомъ мѣстѣ и ведущаго въ башню Антонія. Всего прохода расчистить не удалось вслѣдствіе запрещенія турецкой администраціи.

Политическія обстоятельства поселили нѣкоторый разладъ между палестинскими борцами латинства. Итальянцы и Нѣмцы косо смотрятъ на Французовъ; конгрегація пропаганды, въ руки которой папа передалъ палестинскія дѣла, не благоволитъ къ Французамъ, но не взирая на это въ средѣ латинства и помину нѣтъ о такихъ каверзахъ, которыя дѣлаются Греками безкорыстному Палестинскому Обществу, пришедшему на выручку православія противъ иноправной пропаганды, съ которою святогробскіе старцы справиться не въ состояніи. Антіохійское святокупство, развернувшееся на нашихъ глазахъ во всей своей наготѣ, немыслимо среди латинства, но паписты пользуются каждымъ соблазномъ восточныхъ православныхъ церквей—увы! нерѣдкимъ—ad majorem gloriam Romani pontificis.

Идя далѣе, мы зашли во дворъ предполагаемаго дома Богоотецъ Іоакима и Анны, возникающаго изъ развалинъ, при монастырѣ алжирскихъ миссіонеровъ. Тамъ устроена церковь, семинарія для будущихъ арабскихъ священниковъ и разбивается хорошенькій садъ. Тутъ же стоятъ колонны и капители, найденныя при расчисткѣ мѣста. Одни латиняне по своему крестному пути бодро врѣзываются въ сплошной мусульманскій кварталъ.

Изъ воротъ Св. Стефана спускаемся въ глубокую ложбину Кедронскаго потока, въ юдоль плача, въ долину Іосафатову, въ началѣ которой лежитъ Геѳсиманія или храмъ надъ погребальною пещерой Богоматери. Бордосскій паломникъ пишетъ, что при выходѣ изъ города была маслична́я роща, нынѣ исчезнувшая. Древніе латинскіе паломники и Каганкатваци говорятъ, что невдалекѣ находились четыре колонны, или одна колонна съ крестомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ невѣрный Іудей Аѳонія пытался свалить съ носилокъ тѣло Богоматери, несомое апостолами: памятникъ исчезъ безслѣдно. Святая царица Елена положила первое начало постройкамъ. Она выдѣлила погребальное ложе изъ скалы, подобно Святому Гробу, и воздвигла церковь, дорогу же изъ города устроила въ видѣ лѣстницы съ 250 ступенями, о которой упоминаетъ еще въ VII вѣкѣ армянскій историкъ Каганкатваци. Ранніе латинскіе паломники сообщаютъ, что церковь была круглая и двухярусная. Она была разрушена вѣроятно въ 1009 году при калифѣ Хакемѣ. Въ XII вѣкѣ іерусалимская королева Мелисенда возстановила ее въ готическомъ стилѣ и отъ этой постройки сохранился нынѣшній фасадъ Геѳсиманіи, напоминающій дверь въ подвалъ. Этотъ единственный фасадъ находится на южной сторонѣ церкви.

Войдя подъ широкую готическую арку, мы спустились по 47 мраморнымъ ступенямъ въ темную и длинную церковь, 14 саж. длины и такой же ширины, какъ и лѣстница, то-есть сажени въ три. Вблизи отъ входа видна замурованная дверь въ стѣнѣ. Арх. Леонидъ полагаетъ, что она вела въ верхнюю церковь, для которой пещера служила криптой; другіе думаютъ, что дверь вводила въ усыпальницу Мелисенды или въ пещеру молитвы Іисуса Христа. На лѣстницѣ показываютъ часовни надъ гробницами родителей Пресвятой Дѣвы и обручника Іосифа; пещера, такимъ образомъ, похожа на обычныя въ Палестинѣ семейныя усыпальницы. Внутри она устроена въ видѣ удлиненнаго креста. Здѣсь сошлись Греки, Армяне, Эѳіопы, и даже мусульмане имѣютъ свою молельню прямо противъ входа. На восточномъ длиннѣйшемъ концѣ пещеры стоитъ греческій престолъ; почти на серединѣ восточнаго конца креста находится кувуклія, очень тѣсная, не болѣе какъ на пять богомольцевъ и въ ней саркофагъ Богоматери, покрытый мраморною доской, служащій престоломъ при богослуженіи. Кувуклія облицована мраморомъ, внутри же стѣны покрыты шелковыми тканями. Самый саркофагъ очень коротокъ· въ

немъ нѣтъ и пяти футовъ. Въ кувуклiи имѣютъ право служить православные и Армяне: Латиняне утратили свои права на Геѳсиманскую пещеру, Армяне же пріобрѣли свои за деньги у Грековъ въ тридцатыхъ годахъ. [1] Это обстоятельство не лишено интереса въ виду упорнаго сопротивленія святогробцевъ предоставить единовѣрному русскому духовенству право служить у Святаго Гроба литургію, хотя бы въ одинъ опредѣленный день въ недѣлю. Конечно, еретики-Армяне не дали и тысячной доли того, что̀ святогробцы извлекаютъ и получили изъ православной Россіи.

Геѳсиманская пещера Богоматери составляетъ средоточіе обильнаго эпизодами сказанія объ Успеніи Пресвятой Дѣвы. Церковь, допустивъ эту легенду, на ряду со многими другими, въ Четьи Минеи, не придаетъ ей каноническаго значенія, равно какъ и протоевангелію Іакова, однако черпаетъ изъ этого источника содержаніе пѣснопѣній праздничной службы въ день Успенія Богородицы. Происхожденіе сказанія очень древнее и тѣсно связано съ преданіемъ о пребываніи Божіей Матери въ Сіонскомъ домѣ ап. Іоанна и о церкви первородныхъ по крещенію на Сіонской горѣ. Поэтическое изложеніе сказаній можно прочитать у арх. Леонида въ его книгѣ *Старый Іерусалимъ* (стр. 243). Эта превосходная книга, лучшее описаніе Іерусалима на русскомъ языкѣ,—цвѣтъ и краса паломнической литературы,—изданная въ 1873 году, нынѣ вышла изъ продажи. Было необходимо вновь издать эту книгу съ нѣкоторыми дополненіями.

Глубоко, почти на пять саженъ, сидящая въ землѣ Геѳсманія пользуется всеобщимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ христіанъ и мусульманъ. Халифъ Омаръ молился у гроба матери великаго пророка Исы и несмотря на это, церковь осталась во владѣніи православныхъ. Латиняне только стороной заводятъ иногда рѣчь о своихъ правахъ, основанныхъ на наслѣдственномъ захватѣ святыхъ мѣстъ у православныхъ при завоеваніи Іерусалима крестоносцами. Мусульмане наравнѣ съ христіанами признаютъ чудодѣйственныя свойства масла изъ 20 лампадъ, неугасимо горящихъ надъ погребальнымъ ложемъ, для больныхъ дѣтей. Если гдѣ, то на Востокѣ вполнѣ сбылось пророческое слово самой Приснодѣвы: „Отнынѣ ублажатъ мя вси роды“. Здѣсь имя Маріи чтится безъ различія всѣми племенами и всѣми исповѣда-

[1] *Старый Іерусалимъ*, стр. 342.

ніями, но не то мы видимъ на Западѣ, гдѣ жалкое заблужденіе Лютера отторгло отъ молитвеннаго прибѣганія къ „заступницѣ усердной и теплой молитвенницѣ нашей столько тысячъ душъ“. (Арх. Леонидъ, l. c. стр. 246.) Обычные посѣтители субботнихъ литургій въ Геѳсиманіи, главнымъ образомъ, русскіе паломники. Праздникъ Успенія Богородицы въ Іерусалимѣ составляетъ всенародное торжество наравнѣ съ Пасхой.

Пустынныя окрестности пещернаго храма уже за недѣлю до праздника оживляются палатками и шалашами. Христіане и мусульмане выходятъ изъ душнаго города и располагаются подъ открытымъ небомъ. Подъ наметами временныхъ кофеенъ мужчины предаются кейфу, женщины группами располагаются въ тѣни тощихъ деревьевъ, покуривая кальяны, а дѣти разбѣгаются по сухому руслу потока.

Въ ночь на 12 августа на Геѳсиманскомъ подворьѣ въ Іерусалимѣ начинается богослуженіе и затѣмъ изображеніе Богоматери ночью же при огромномъ стеченіи народа переносится въ Геѳсманію. Впереди и позади идутъ хоры русскихъ поклонницъ, поющихъ праздничныя стихиры, около иконы—греческіе пѣвцы. Всѣ идутъ съ горящими свѣчами. Около 6 часовъ утра процессія приходитъ къ Геѳсиманіи и тотчасъ начинается обѣдня. Главное торжество бываетъ наканунѣ, 14 августа. Въ 8 часовъ утра начинается отпѣваніе Богоматери. Это богослуженіе составляетъ центръ всего торжества. Въ прошломъ году на погребеніи Богоматери присутствовалъ блаженнѣйшій патріархъ Герасимъ и четыре архіерея. При входѣ его блаженства въ церковь, оркестръ турецкаго гарнизона, нанимаемый на этотъ день геѳсиманскимъ игуменомъ, игралъ кадриль изъ Madame Angot. [1] Кромѣ архіереевъ, участвовали въ богослуженіи 11 архимандритовъ, 16 іеромонаховъ и 7 арабскихъ священниковъ. Народъ наполнялъ всю окрестность. Цѣлый день церковь остается открытою. Прикладываться къ гробу ходятъ и мусульманки. Веселье продолжается цѣлый день до глубокой ночи и только утромъ расходятся по домамъ. Къ 9 часамъ утра въ самый праздникъ Успенія Геѳсманія вновь пріобрѣтаетъ свой пустынный видъ. Черезъ недѣлю икона торжественно возвращается въ городъ.

Участіе мусульманскаго населенія въ христіанскихъ торжествахъ не ограничивается днемъ Успенія Богородицы: точно также

[1] *Церковный Вѣстникъ*, 1891 г., № 37.

туземцы - магометане празднуютъ дни Рождества Христова, Вознесенія, Св. Варвары, Св. Георгія. Эти праздники не имѣютъ никакого отношенія къ сельскохозяйственнымъ работамъ. Не сказывается ли въ праздничномъ общеніи темное воспоминаніе о христіанскихъ предкахъ, о томъ далекомъ времени, когда исламъ не вторгался въ предѣлы Святой Земли, когда была одна вѣра въ одномъ народѣ и одинъ пастырь въ одномъ стадѣ?

Древніе паломники говорятъ, что отъ Геѳсиманіи до Елеонской горы Св. Елена устроила лѣстницу въ 800 ступеней. Оставляя въ сторонѣ небольшой садъ съ восемью одряхлѣвшими, дуплистыми масличными деревьями, потомками тѣхъ оливъ, въ тѣни которыхъ остались ученики Христа въ роковую ночь 11 нисана (3 апрѣля) 33 года, мы поднимаемся „на верженіе камня“ къ русской церкви Маріи Магдалины. Она выстроена Императорскою Фамиліей въ память покойной императрицы Маріи Александровны. Глубоко религіозная государыня съ самымъ теплымъ участіемъ относилась къ нуждамъ Обѣтованной земли, всѣмъ сердцемъ стремилась поклониться святымъ мѣстамъ, но ей не дано было узрѣть ихъ. Ея поддержкѣ Святая Земля обязана организаціей русскихъ благотворительныхъ заведеній и ея священною памятью осѣнено Православное Палестинское Общество, такъ много содѣйствующее установленію правильныхъ и сознательныхъ отношеній Россіи къ Палестинѣ.

Иностранцамъ не нравится наша церковь, Соппинъ и Бенцингеръ [1] находятъ, что она дурнаго вкуса (geschmacklose Kirche); послѣдній англійскій путеводитель Моррея (Murray) вовсе умалчиваетъ о ней. Она для нихъ слишкомъ своеобразна со своими московскими главами и наружною орнаментаціей русскаго стиля среди однообразныхъ и некрасивыхъ сферондальныхъ куполовъ Іерусалима, она была бы еще типичнѣе, еслибы главы были вызолочены или окрашены въ лазуревый цвѣтъ съ золотыми звѣздами. Но въ погонѣ за византизмомъ, мы въ палестинскихъ церквахъ упорно красимъ круглые верхи нашихъ храмовъ сѣроватою краской. Церковь Св. Маріи Магдалины, безъ сомнѣнія, не имѣетъ себѣ равной по благолѣпію во всей Палестинѣ. Она выстроена въ стилѣ XVII в. по проекту пр. Гримма,—бывшаго ректора Академіи Художествъ, лучшаго знатока византійской и русской архитектуры, — мѣстнымъ архитекторомъ Франгіа,

[1] *Baedeker*, Palëstina und Syrien, изд. третье, стр. 92.

изъ превосходнаго бѣлаго камня малякп („царскаго камня"), не уступающаго мрамору. Главы покрыты бѣлыми цинковыми листами; средняя глава—полная, съ окнами. Шатровая колокольня, поставленная на юго-западномъ углу церкви, могла бы быть выше и легче, подходя ближе къ превосходнымъ московскимъ образцамъ. Въ нижнемъ этажѣ устроены жилыя помѣщенія причта. На западномъ фронтонѣ прекрасный мозаическій медальйонъ Маріи Магдалины (въ синемъ, а не въ зеленомъ покрывалѣ, какъ бы слѣдовало), исполненный въ мастерской Сальвіати по картону профессора Васильева. Красивыя лѣстницы ведутъ въ свѣтлую просторную паперть изъ нижняго портика, на столбахъ котораго русская, греческая, арабская и латинская надписи гласятъ, что церковь сооружена „Въ память въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Александровны". Внутри стѣны украшены русско-византійскимъ орнаментомъ и стѣнописью. Архитектурныя линіи прекрасны, мраморная мозаика пола и солеи не оставляетъ желать ничего лучшаго, но стѣнопись далеко ниже архитектуры, да и послѣдняя совершенно неожиданно допустила ничѣмъ неоправдываемое отступленіе отъ русскихъ образцовъ: надъ мраморнымъ прекрасной формы иконостасомъ вдругъ поднимается сплошная стѣна и надъ Тайною Вечерей, надъ царскими вратами оказывается легендарная сцена — Марія Магдалина подноситъ красное яйцо императору Тиверію. Не говоря уже о томъ, что сама легенда не пользуется общензвѣстностью, голоногіе ликторы весьма смущаютъ нашихъ поклонниковъ и поклонницъ, а размѣры фигуръ и широкая перспектива слабо заполненной сцены убиваютъ прекрасные небольшіе образа иконостаса. Алтарь въ московскихъ церквахъ нерѣдко наглухо отдѣляется отъ церкви сплошнымъ пятипаруснымъ иконостасомъ, а не такою расписною стѣной. Стѣнка и картина убійственно портятъ великолѣпную царскую церковь. Удивляться можно, какъ почтенный пр. Гриммъ могъ допустить такой архитектурный промахъ! Нѣсколько лучше Магдалина у подножія Распятаго. Хорошо изображеніе Христа, въ особенности погасающій взоръ Спасителя, устремленный на Марію, но поза Маріи некрасива. Она вся какъ-то сжалась въ комокъ и повернулась лицомъ къ зрителямъ. Здѣсь же совсѣмъ некстати стоитъ сосудъ съ ароматами. Сырость—какъ ни странно встрѣтить ее на Елеонской горѣ—воспрепятствовала фресковому росписанію церкви: стѣнныя картины писаны на холстѣ, и это можетъ облегчить замѣну ихъ чѣмъ-нибудь получше. Болѣе пріі-

ятное впечатлѣніе производитъ запрестольный образъ: явленіе ангела мироносицамъ—профессора Верещагина, но только колоритомъ посвѣщеніемъ: головы пухлы и безсодержательны, драпировки слишкомъ измяты и толсты. Къ сожалѣнію, профессоръ Верещагинъ не возвысился до одухотвореннаго иконописанія, до идеалистической живописи; во всѣхъ трехъ фигурахъ явленія чувствуются натурщикъ и шаблонныя гипсовыя головы академическихъ классовъ.—Художественная промышленность развернулась во всемъ блескѣ въ церковной утвари. Сосуды, подсвѣчники, ризы, покровы, инкрустація, бронза—верхъ совершенства. Серебряныя работы дѣлалъ Овчинниковъ по рисункамъ пр. Гримма. Престолъ (трапеза) въ алтарѣ утвержденъ на обломкѣ древней колонны, найденной при устройствѣ фундамента этой церкви, вмѣстѣ съ обломками капителей, плитой съ надписью и значительнымъ количествомъ похоронныхъ стеклянныхъ сосудовъ и глиняныхъ лампадъ. Могилами Палестина переполнена до того, что вся кажется однимъ огромнымъ кладбищемъ. Но самая замѣчательная находка, единственная въ своемъ родѣ, это — черепъ со ртомъ наполненнымъ землей, которая прилипла къ костямъ и, окаменѣвъ, удержала нижнюю челюсть. Не подлежитъ сомнѣнію, что предъ нами или заживо погребенный, или человѣкъ, которому залили гортань и ротъ известкой. Говорятъ, что латиняне очень старались пріобрѣсти эту загадочную находку, конечно, безуспѣшно. [1] Древности и черепъ хранятся въ небольшомъ музеѣ въ самой церкви.—Церковь можетъ помѣстить отъ 300 до 500 молящихся. Въ царскіе дни патріархъ нерѣдко служитъ въ ней обѣдню. Невѣдомо по какимъ соображеніямъ литургію въ царской церкви патріархъ разрѣшилъ только по субботамъ; въ иные дни богослуженіе не дозволяется.

Спустившись до перекрестка у Геѳсиманскаго сада, мы поѣхали на осликахъ къ вершинѣ горы, къ мѣсту Вознесенія. Древнѣйшее указаніе объ этомъ мѣстѣ встрѣчается въ 315 году. Константинъ выстроилъ тамъ пышный храмъ, но не на самомъ мѣстѣ, а надъ пещерой, въ которой Господь бесѣдовалъ съ учениками: самое же мѣсто, опредѣлявшееся по отпечатку на камнѣ стопъ Спасителя, лежало ниже вершины, внѣ храма подъ открытымъ небомъ. Константиновъ храмъ сгорѣлъ во время пер-

[1] Найдены указанія у арабскихъ писателей, что преступниковъ казнили, надѣвая имъ на голову мѣшокъ съ негашеной известью.

сидскаго нашествія. Патріархъ Модестъ выстроилъ новое зданіе на самомъ мѣстѣ Вознесенія. По описаніямъ паломниковъ этотъ храмъ былъ круглый, камень Вознесенія стоялъ въ срединѣ, окруженный колоннами, подъ небомъ; припомнимъ, что кругъ колоннъ стоялъ также въ алтарѣ базилики Константина около престола и что въ такомъ же кругѣ колоннъ находится скала въ мечети Абдель Мелика. Въ такомъ видѣ церковь существовала до XI вѣка, но была возстановлена крестоносцами. Въ XVI вѣкѣ она была разрушена, а въ XVII мѣсто перешло во владѣніе мусульманъ. Въ 1834 году, пользуясь старыми слѣдами, мусульмане выстроили небольшую купольную часовню, въ которой христіане совершаютъ богослуженіе въ день Вознесенія. На дворѣ, вокругъ часовни, нѣсколько каменныхъ трапезъ, принадлежащихъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и нѣсколько базисовъ, указывающихъ, быть-можетъ, мѣсто древней колоннады, окружавшей камень. Часовня восьмиугольная, съ древними мраморными колоннами подъ семью арками; капители съ кентаврами указываютъ на средневѣковую эпоху. Внутри она пуста и слабо освѣщается дверью и тремя узкими окнами въ кругломъ тамбурѣ подъ куполомъ. Мраморный кубическій камень съ отпечаткомъ стопы находится у сѣверной стѣны. Часовня стоитъ среди монастыря, въ которомъ нѣкогда жили латинскіе монахи, а теперь владѣютъ дервиши.

Поднимаемся на высшую точку Елеонской горы и входимъ на обширное пространство, принадлежащее русской миссіи. На самой вершинѣ стоитъ бѣлый византійскій храмъ Спасителя и колокольня въ 20 слишкомъ саженъ—высшая точка Іудеи. Долгое время Елеонская гора была въ запустѣніи, если не считать монастыря дервишей и нѣсколькихъ мусульманскихъ домовъ. Первыми христіанскими владѣльцами были Русскіе и Французы. Архимандриту Антонину удалось, не взирая на происки Грековъ, пріобрѣсти участокъ на самой вершинѣ. Греки спохватились и поспѣшили начать сборъ пожертвованій на построеніе храма Вознесенія на сѣверо-восточной возвышенности Елеона, на горѣ Мужей Галилейскихъ, или на такъ-называемой Малой Галилеѣ. Пока собирались пожертвованія, энергичный архимандритъ Антонинъ приступилъ къ построенію церкви русской. Этотъ замѣчательный дѣятель вообще имѣетъ влеченіе къ возвышеннымъ мѣстамъ. Его церковь въ Горней, его Хевронская странноприимница съ высокою башней—будущая церковь съ колокольней,—занимаютъ

высшія точки окрестной мѣстности. Конечно, русская церковь создалась гораздо скорѣе греческой, которая была освящена только прошлою осенью. Патріархъ Никодимъ не разрѣшилъ, однако, посвятить нашу церковь Вознесенію. Отсутствіе всякой орнаментаціи и живописи внутри на бѣлыхъ стѣнахъ дѣйствуетъ непріятно. Свѣта много, но стѣны холодны и непривѣтливы, какъ въ протестантскихъ кирхахъ. Какъ-то пустынно и слишкомъ просторно среди бѣлыхъ и бѣдныхъ стѣнъ. Во время обѣдни, которую Греки разрѣшаютъ служить только по четвергамъ, послѣ окончанія литургіи въ Геѳсиманіи, поютъ наши поклонники и поклонницы и очень хорошо. Резонансъ въ церкви превосходный. Нужно ли говорить объ очаровательномъ видѣ съ колокольни? Съ одной стороны предъ вами весь Іерусалимъ какъ на ладони, съ другой—разстилается іудейская пустыня, желтая и бѣлая, съ зеленою полоской Іерихонской и Іорданской долины, серебряною струйкой Іордана, голубыми горами Моавскими и металлически-синимъ пятномъ Мертваго Моря, и за моремъ видны неясные контуры дикихъ скалъ пустыни. Мертвое Море кажется у самаго подножія горы. Нерѣдко поклонницы, поставивъ самоваръ, спрашивались у іеромонаха сбѣгать къ морю, пока не закипитъ вода. Съ высоты этой башни, которая какъ бѣлая стрѣлка съ сіяющимъ крестомъ видна и съ береговъ Мертваго Моря, верстъ за шестьдесятъ, я жадно всматривался на востокъ, въ ту завѣтную священную рѣку, поѣздка къ которой была назначена черезъ нѣсколько дней. Колокольня наша четырехгранная, съ острымъ верхомъ, на которомъ засіялъ первый на Елеонѣ золотой крестъ послѣ того какъ, по навѣтамъ жидовъ, Омаръ повелѣлъ снять крестъ съ Вознесенской церкви патріарха Модеста. На колокольнѣ виситъ самый большой во всей Палестинѣ колоколъ въ 312 пудовъ, пожертвованный пермскимъ купцомъ Рязанцевымъ. При церкви находится превосходная странноприимница, выстроенная іеромонахомъ Парѳеніемъ, небольшой домикъ для поклонницъ и древностей и разводится очень удачно кипарисовая и масличная рощица. Около церкви Спасителя поселилась небольшая колонія русскихъ поклонницъ. Онѣ присматриваютъ за строеніями, заботятся о храмѣ и занимаются бѣлошвейнымъ и золотошвейнымъ мастерствомъ. Онѣ же составляютъ ядро церковнаго хора.

Православные и латиняне постепенно скупаютъ участки Елеона, возводятъ значительныя строенія и разводятъ сады. Пока нѣтъ ни протестантовъ, ни жидовъ, только мусульмане неохотно,

но постепенно уступаютъ христіанамъ свои мѣста. Елеонъ вновь принимаетъ жилой видъ, какъ въ христіанскую эпоху, когда онъ былъ покрытъ церквами и монастырями, распространившимися отсюда по Кедронской долинѣ на всей горной пустынѣ Іудиной. Въ іудейскую эпоху гора была покрыта масличными садами и Геѳсиманія была обширнымъ складомъ елея. Но уже во время осады 70 года сады были вырублены, дожди смыли землю и теперь приходится снова создавать плантаціи на обнаженной, каменистой почвѣ горы. Слѣды древнееврейской эпохи являются въ видѣ обширныхъ усыпальницъ (могилы пророковъ) и небольшихъ пещерныхъ гробовъ, которые давно уже были разграблены и не дали изслѣдователямъ никакой археологической добычи. Христіанская эпоха нѣсколько богаче. Нашъ храмъ Спасителя выстроенъ на фундаментѣ неизвѣстной древней церкви и алтарь его занимаетъ мѣсто древней апсиды. Тотчасъ у входа въ церковь найдено было полукружіе другаго древняго зданія, похожее на апсиду, обращенное на востокъ и загадочный полый столбъ, въ родѣ устья колодезя; полукружіе было замощено, а столбъ остался. Съ сѣверной стороны, на одномъ уровнѣ съ церковью, найденъ обширный полъ изъ мозаики, состоящей изъ крестиковъ по бѣлому полю. За алтаремъ ниже въ землѣ былъ открытъ рядъ келій, каждая представляла кубъ въ три аршина вышины и ширины: келіи были засыпаны при нивеллировкѣ. Выше келій, на скалистомъ возвышеніи оказался мозаическій полъ съ армянскою надписью. Мозаика аршина четыре въ длину и два въ ширину. Въ срединѣ ея изображенъ агнецъ, сверху и снизу—двѣ птицы въ круглыхъ медальйонахъ, окруженныя рыбами, гроздьями винограда и плодами въ видѣ айвы; изображенія окружены широкою каймой и рамками изъ жгутовъ. Всѣ орнаменты византійскаго стиля, а края—греческаго античнаго рисунка, постоянно встрѣчаемаго на вазахъ, гдѣ онъ изображаетъ движеніе волны. Уцѣлѣла середина и сѣверный край и уголъ; остальная треть мозаики разрушена. Эта пестрая картина, несомнѣнно символическаго содержанія, представляла какъ бы узорчатый коверъ на болѣе простомъ мозаическомъ полу, украшенномъ небольшими звѣздочками двухъ видовъ, около же ковра тянулся частый рядъ маленькихъ красныхъ ягодъ между двумя зелеными листочками, и между этимъ рядомъ и каймой на сѣверной сторонѣ сохранилась армянская надпись. Здѣсь въ IX—X столѣтіяхъ находился

армянскій монастырь Іоанна Предчети.[1] Найденная мозаика находится въ домѣ, выстроенномъ для поклонницъ. Въ трехъ мѣстахъ на русскомъ мѣстѣ найдены катакомбы съ небольшими саркофагами, которые наполнены переломанными костями и между ними нѣтъ ни одного черепа; не указываетъ ли это на избіеніе иноковъ мусульманами? Саркофаги такъ коротки, что тѣло взрослаго человѣка въ нихъ не уложится. Въ домикѣ, кромѣ того, можно видѣть довольно много позеленѣвшихъ и стертыхъ мѣдныхъ монетъ, обломки колоннъ и капители византійскаго типа.

Оставляя русскія владѣнія, гдѣ все такъ свѣжо, крѣпко, хозяйственно, мы увидали на отдаленной сѣверной вершинѣ Мужей Галилейскихъ сплошную стѣну усадьбы Іорданскаго архіепископа Епифанія. Внутри ея находится тотъ Елеонскій храмъ, на который такъ долго собирались въ Россіи Греками пожертвованія. Храмъ этотъ—небольшая часовня, съ алтаремъ безъ иконостаса, расписанная, какъ Богъ послалъ, русскими поклонниками, конечно, безплатно. Она была недавно освящена весьма скромно, безо всякаго торжества. Почтенный архіерей недавно имѣлъ несчастіе потерять при банкротствѣ одного жидовскаго банкира въ Іерусалимѣ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ (кажется — шестьдесятъ), положенныхъ на текущій счетъ изъ 7% годовыхъ: такіе проценты давалъ въ Москвѣ только недоброй памяти банкъ, сокрушенный Струсбергомъ и Ландау.

Мы вновь спускаемся съ горы Елеонской и слѣдуемъ по краю долины Іосафатовой. Съ обѣихъ сторонъ старыя и новыя кладбища; вдоль городской стѣны—мусульманскіе стоячіе камни, на Елеонской сторонѣ—лежачія еврейскія плиты. Но главный интересъ составляютъ древнія усыпальницы. Послѣ великолѣпныхъ трехъ-ярусныхъ пещеръ царскихъ гробницъ, лежащихъ въ сѣверной окрестности Іерусалима, памятники Кедронскаго потока представляютъ замѣчательнѣйшіе образчики погребальныхъ древнееврейскихъ сооруженій. Здѣсь монолитный павильйонъ Авессалома, украшенный выгнутою конусообразною кровлей, единственною по своей странной и некрасивой формѣ; далѣе портикъ погребальнаго покоя, изсѣченный въ скалѣ — пещера ап. Іакова. Здѣсь послѣ бѣгства изъ Геѳсиманскаго сада укрылся апостолъ, рѣшив-

[1] Въ 1840 году Армяне задумали возстановить монастырь и получили разрѣшеніе, но Греки и латиняне дружно возстали и не допустили Армянъ на Елеонъ, добившись даже разрушенія начатыхъ уже построекъ. — Арх. Леонидъ, *Старый Іерусалимъ*, стр. 265.

шись не принимать пищи доколѣ не увидитъ Спасителя воскресшимъ, и горько оплакивалъ свое временное малодушіе. Раскаяніе его было услышано, вѣра побѣдила отчаяніе: кто наболѣе нуждался въ помощи, тому первому явился воскресшій Господь. Въ этой пещерѣ, среди ночнаго мрака, горько рыдающій апостолъ былъ утѣшенъ свѣтозарнымъ явленіемъ Сына Божія. „Вкуси хлѣба и вина и не плачь!—сказано было ему.—Возсталъ изъ мертвыхъ Сынъ Человѣческій!“ Таково древнее преданіе, уцѣлѣвшее въ отрывкѣ старѣйшаго изъ апокрифовъ—Евангелія Назареевъ, и занесенное въ минейское житіе ап. Іакова. Еще далѣе—памятникъ пророка Захаріи, кубъ, вырубленный изъ цѣльной скалы, покрытый четырехгранною пирамидой и только узкимъ коридоромъ отдѣленный отъ остальной скалы.

Въ глубинѣ долины высохшее и заваленное камнями и мусоромъ русло Кедронскаго потока. Кромѣ рѣдкихъ сѣрыхъ колючекъ ничто не оживляетъ печальныхъ бурыхъ каменныхъ боковъ оврага, изрытыхъ пещерами, усѣянныхъ надгробными плитами, накаляемыхъ пламеннымъ полуденнымъ солнцемъ. Отъ пещеры Успенія до Силоамской купели не болѣе полуторы версты и въ этой небольшой узкой долинѣ долженъ совершиться послѣдній Судъ. Въ Средніе Вѣка разсказывали, что въ Геѳсиманіи есть запертая дверь; за ней слышатся вопли и стоны душъ, ожидающихъ въ томленіи и страхѣ вѣчнаго осужденія. Когда наступитъ послѣдній день для грѣшной земли, дверь откроется, и изъ нея хлынетъ по долинѣ Іосафатовой огненная рѣка, унося въ пламенную геенну еретиковъ и грѣшниковъ, хулившихъ и непризнававшихъ Матерь Божію. За купелью Силоамскою Кедронскій потокъ идетъ извиваясь между расщелинами Іудейской пустыни, становясь болѣе и болѣе дикимъ и страшнымъ и переплетаясь съ другими сухими руслами, которыми изборождена горная пустыня Іудина до самаго Мертваго Моря. Долина Страшнаго Суда сливается съ моремъ, поглотившимъ проклятые, нечестивые города. Гнѣвъ грядущій совершится въ непосредственной связи съ мѣстомъ гнѣва разразившагося. Въ этой юдоли плача, въ самомъ дикомъ ея мѣстѣ, среди обожженной безводной пустыни стоитъ окруженная почернѣвшими скалами знаменитая лавра Св. Саввы.

М. Соловьевъ.

Была пора, молитвою пророка,
Огонь съ небесъ на землю нисходилъ,
А звукъ рѣчей его гремѣлъ далеко,
Какъ колоколъ дремавшій міръ будилъ.

Была пора, и пѣсней въ царство грёзы
Сердца людей увлечь умѣлъ пѣвецъ,
Но въ наши дни съ волной холодной прозы
Онъ бьется самъ, какъ тонущій пловецъ.

Z.

ОТОЛЬЮТСЯ ВОЛКУ ОВЕЧЬИ СЛЕЗКИ.

Посвящается графинѣ Аннѣ Христофоровнѣ Деляновой.

Дождь лилъ не переставая съ самаго утра. Свинцовыя тучи заволокли все небо и, низко надвинувшись надъ отсырѣвшею землей, хотѣли, казалось, придавить ее своею тяжестью. То были осеннія, мрачныя тучи, которыя носятся по недѣлямъ, наводя собою унынie и тоску. Развернувшись онѣ скользятъ тихо и мѣрно, покуда отъ Астрахани до Архангельска не накроютъ всю Россію сѣрымъ саваномъ. Теперь онѣ раскинулись надъ Саратовскою губерніей и медленно двигались на сѣверъ. По дорогѣ, многочисленные кресты и остроконечные шпили монастыря, стоявшаго высоко надъ уѣзднымъ городомъ С., врѣзывались въ спзую оболочку облаковъ, исчезали въ ней и, мелькая порой, снова тонули и пропадали. Сѣрыя полосы дождя тянулись отъ неба до земли и, обратившись въ жидкую и клейкую грязь, стекали изъ верхней части города въ нижнюю, превращая ее въ непроходимое болото.

Короткій осенній день уже догоралъ, то-есть сумерки сгущались и превращались въ ночь. Уже кое-гдѣ замигалъ потускнѣлый огонь въ фонаряхъ; стукъ колесъ замеръ; прохожіе совсѣмъ исчезли.

— Эхъ-ма, скука-то какая! Ни выдти, ни посидѣть у воротъ, зачастилъ, проклятый! Даже тошно слушать, а ужь какъ зачалъ онъ, то и конца ему не положено! Гостиница пустая стоитъ, хозяинъ злится да пьетъ, Аксютку злоба взяла: цѣлый день

запершись въ прачешной и не подпускаетъ къ себѣ... чортъ поберн, тоска одолѣла. Савельичъ, голубчикъ, ты тоже насупился, вымолви хоть словечко, а то, право слово, хоть удавись!

Говорилъ это молодой парень, лѣтъ двадцати, съ румянымъ и улыбающимся лицомъ, несмотря на одолѣвавшую его скуку; удаль и веселіе блестѣли въ его узенькихъ, задорныхъ глазахъ; густые, вьющіеся бѣлокурые волосы, обрѣзанные въ кружокъ, были тщательно причесаны; красная рубаха была на немъ чистая, бѣлый фартукъ не смятъ; видно, что парень былъ изъ щеголей, собою доволенъ и женскимъ поломъ не обиженъ.

Сидѣлъ парень на площадкѣ деревянной лѣстницы, съ правой стороны которой тянулся довольно длинный коридоръ. Надъ лавкой и столомъ съ ярославскою скатертью въ пятнахъ висѣла керосиновая лампа, тускло освѣщавшая небольшое пространство. Немного по-одаль, прислонившись къ лѣвой стѣнѣ коридора, сидѣлъ на стулѣ сухой и суровый на видъ другой половой, уже совсѣмъ пожилой; его блѣдное и заостренное лицо заканчивалось клинообразною, жидкою бородкой; волосы были зачесаны съ проборомъ на боку и съ видимою претензіей на моду; глаза его были опущены, руки скрещены, вся поза выражала выжиданіе и внутреннее углубленіе. На слова молодаго парня онъ нехотя поднялъ голову, взглядъ потускнѣвшихъ, впалыхъ глазъ его сверкнулъ и обдалъ скучающаго товарища непріятнымъ чувствомъ.

— А нѣтъ того тебѣ, парень, чтобы подумать? Все бы болтать тебѣ, да вздоръ нести, а мнѣ покою не даешь. Видишь, я думу думаю, значитъ не спроста, ну и не суйся.

Сказано это было тихимъ, внушительнымъ голосомъ, медленно и внятно, точно Савельичъ зналъ цѣну словамъ своимъ и не любилъ ронять ихъ по-напрасно. Сказавъ, онъ снова опустилъ голову на грудь, прислонился къ стѣнѣ и возвратился къ своей думѣ.

Но веселый парень не унывалъ и рѣшилъ себя въ обиду не давать и вліянію атмосферы не поддаваться. Онъ оперся рукой о столъ, хитро прищурился, и снова началъ:

— Какую же думу-то думаешь, Савельичъ, а, Савельичъ? Не о чемъ, кажись, тебѣ заботиться: сытъ да прикрытъ, работы не ахти сколько, а теперича почитай, что никакой; развѣ про Питеръ вспомнилъ?

— Вспомнилъ Петербургъ? отвѣтилъ Савельичъ съ горькою усмѣшкой, — да когда же я его забываю, сердечнаго? Чего тамъ

нѣтъ: театры всякіе, рестораны на каждомъ шагу, всякія какъ есть удовольствія, а у васъ въ провинціи что? ни денегъ, ни веселья, ни общества!

— Да зачѣмъ же ты живешь въ этой самой провинціи, коли такъ она тебѣ противна? спросилъ Иванъ съ любопытствомъ.

Лицо Савельича приняло вдругъ важное и серьезное выраженіе.

— Много захочешь знать, скоро состарѣешься, какъ-то знаменательно проговорилъ онъ и, вставъ, прошелся на цыпочкахъ по коридору, дошелъ до послѣдней двери, нагнулся къ замочной скважинѣ, послушалъ, потомъ вернулся къ своему мѣсту и сѣлъ съ озабоченнымъ выраженіемъ лица. Встрѣтивъ вопросительный взглядъ молодаго парня, онъ указалъ на дверь и проговорилъ укоризненно:

— Ходитъ, все ходитъ.

— Ну и пущай себѣ: знамо, и ему не весело въ такую погодушку, да еще одному сидѣть.

— А зачѣмъ онъ одинъ сидитъ? Зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ, развѣ для того, чтобы день-денской по нумеру ходить, точно волкъ въ клѣткѣ?

— А почемъ я знаю? Пріѣхалъ, значитъ, вѣрно дѣла есть.

— Дѣла? А какія такія дѣла у него въ нумерѣ могутъ быть? Три дня здѣсь, а никуда не выходилъ; какъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ всѣ нумера, крайній выбралъ, такъ и заперся въ немъ и зачалъ ходить все взадъ и впередъ. Никого не видитъ, ничего не дѣлаетъ, книгъ не читаетъ, а только знаетъ себѣ, что куритъ да ходитъ... чудной онъ такой!

— Пущай себѣ; намъ съ тобой какое дѣло?

— Какое? Развѣ не любопытно, изъ-за чего человѣкъ такъ убивается? Вѣдь онъ, почитай, верстъ сто нагулялъ въ эти три дня.

— А хоть и двѣсти, пущай себѣ гуляетъ, развѣ запрещено?

— Не запрещено, а подозрительно что-то. Кто его знаетъ, кто онъ такой? Помѣщикъ—не помѣщикъ, купецъ—не купецъ.

— А пачпортъ у него въ порядкѣ?

— Вѣстимо, что въ порядкѣ, а то держать-то его не стали бы, да что пачпортъ? Развѣ по немъ душу человѣка узнаешь? Вотъ у него, напримѣръ, у этого гуляльщика-то прописано „коллежскій регистраторъ Николай Алексѣевичъ Ивановъ“. Поди ты, что узналъ? Николаями да Ивановыми вся земля россейская покрыта, что лѣсъ грибами подъ осень.

Комната, въ которой такъ подозрительно бездѣйствовалъ коллежскій регистраторъ Николай Алексѣевичъ Ивановъ, ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго образца уѣздныхъ гостиницъ, она была плохо меблирована и грязно засаленные обои кое-гдѣ были ободраны, въ правомъ углу возвышался неуклюжій диванъ. Предъ этимъ диваномъ съ изодранною клеенкой возвышался столъ, на которомъ горѣла свѣча, проливавшая свой унылый свѣтъ на эту неприглядную картину. Кровать со стеганымъ одѣяломъ, расшатавшійся комодъ и три стула довершали убранство комнаты; отъ нея вѣяло бѣдностью и тоской; казалось, что если запереть въ ней влюбленныхъ, то даже ихъ захватитъ немедленно силинъ.

Что жизнь обитателя этой непригляднои комнаты не была озарена никакими лучами, становилось ясно съ перваго взгляда на его поникшую, точно надломленную фигуру. Широкоплечій, коренастый, съ короткими худыми ногами, несоотвѣтствовавшими давившей ихъ тяжести, сложивъ руки на груди, онъ все ходилъ взадъ и впередъ тяжелыми шагами. Голова его поникла, широкая, покрытая густыми прядями черныхъ, шершавыхъ волосъ, она плотно сидѣла на короткой шеѣ. Лобъ былъ прямой и крутой, перерѣзанный глубокими морщинами, которыя не соотвѣтствовали относительной молодости остальной части лица. Глаза были большіе и черные, они лихорадочно блестѣли изъ-подъ нависшихъ бровей среди мелкихъ морщинъ нескромно выдававшихъ суровую печать жизни. Хотя синіе очки старались скрыть глаза, взглядъ ихъ просвѣчивалъ, онъ устремленъ былъ куда-то вдаль, въ невидимую точку, около которой вертѣлась теперь вся жизнь этого рано состарѣвшагося сорокалѣтняго человѣка. Забывая, что онъ находится въ четырехъ стѣнахъ провинціальной гостиницы, онъ безостановочно шагалъ взадъ и впередъ, точно шелъ по большой дорогѣ и видѣлъ вдали предъ собою желанный предметъ своего путешествія. Иногда онъ останавливался около стѣны, опирался объ нее и съ какою-то загадочною улыбкой на узкихъ, крѣпко стиснутыхъ губахъ стоялъ долго, весь уходя въ свой внутренній міръ

Вдругъ онъ вздрогнулъ, выпрямился и сталъ прислушиваться. Къ однозвучному шлепанью дождя по крышѣ присоединился другой звукъ, сначала глухой, потомъ приближающійся звукъ колесъ и звонъ колокольчика.

Ивановъ бросился къ окну, приподнялъ край спущенной сторы и сталъ напряженно глядѣть. Черезъ большую площадь, по сторонамъ которой тускло горѣли еле мерцающіе огни фонарей, перебиралась небольшая бричка, перекачиваясь на всѣ стороны; тройка взмыленныхъ, очевидно господскихъ лошадей еле тащилась шагомъ сквозь волны грязи. Кожаныя полы брички были опущены, никого не было видно изъ-за нихъ, но очевидно Ивановъ зналъ, кто тамъ сидитъ. Хотя изъ его окошка не было видно боковаго крыльца, къ которому направлялась бричка, но по выпрямившемуся стану, по выжидательному выраженію лица Иванова становилось ясно, что онъ достигъ цѣли, къ которой шелъ всѣ эти дни.

Онъ опустилъ стору, но не отошелъ отъ окна и продолжалъ стоять у него, прислушиваясь ко всякому звуку, долетавшему къ нему сквозь старое, деревянное зданіе.

Сначала была слышна бѣготня, стукъ дверей и шаговъ, голоса услужливаго Ивана и болѣе хладнокровнаго Савельича сливались въ предложеніи поужинать или выкушать чаю. Вся эта проснувшаяся на минуту жизнь пустой, точно вымершей гостиницы сосредоточилась наконецъ въ нумерѣ сосѣднемъ съ нумеромъ Иванова. Сквозь тонкую перегородку явственно долеталъ звонъ чашекъ и звукъ отодвинутой мебели. Мало-по-малу все стихло, въ сосѣднемъ нумерѣ водворилось молчаніе.

Прошло полчаса. Ивановъ продолжалъ стоять, точно жизнь замерла въ немъ. Только выраженіе лица его перемѣнилось; оно теперь стало спокойно тѣмъ грознымъ спокойствіемъ, въ которомъ высказывается сила и сознаніе воли. Кто бы ни былъ обитатель сосѣдней комнаты, пріѣздъ его означалъ побѣду для Иванова. Онъ жилъ три дня въ мучительномъ ожиданіи; въ его умѣ кружился все время одинъ вопросъ: „Пріѣдетъ ли?“ и тотъ, кого онъ ожидалъ, пріѣхалъ. Онъ написалъ: „Мнѣ нужно васъ видѣть, пріѣзжайте, если не боитесь, въ X—ую гостиницу“, и то кому это было написано здѣсь, оно все бросило и пріѣхало.

Дверь, ведущая въ нумеръ Иванова, тихо отворилась; на порогѣ показалась женщина. На тускломъ фонѣ слабо освѣщеннаго коридора неясно отдѣлились очертанія ея стройной, невысокой фигуры, она была завернута въ складкахъ черной кашемировой шали и черная, кружевная косынка покрывала ея голову. Она стояла на порогѣ, и большіе, задумчивые глаза медленно обводили всю комнату, стараясь различить что-нибудь въ полутьмѣ.

Молчаливая фигура Иванова, стоявшаго прямо предъ нею, выдвинулась понемногу и привлекла ея взглядъ. Она оглянула его и затворила дверь.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ какою-то медленною, уставшею походкой, въ которой сразу высказалась неуловимая прелесть, и опустилась на диванъ.

— Я пріѣхала. Что вамъ угодно отъ меня?

Голосъ ея былъ слабъ и нѣженъ, какъ она сама, но не поражалъ своимъ выраженіемъ, скорѣе отсутствіемъ всякаго выраженія. Онъ звучалъ какъ-то безстрастно и слишкомъ спокойно. Неужели она, которую ждали съ такимъ затаеннымъ нетерпѣніемъ, пріѣхавшая на свиданіе издалека, она не чувствуетъ никакого волненія. Она сидитъ въ этой непривычной для нея обстановкѣ спокойно и безучастно; ей велѣли пріѣхать—она пріѣхала послушно, безъ разсужденія; въ ея умѣ и на лицѣ ея нѣтъ ни тревоги, ни даже любопытства, она какъ будто въ сторонѣ, далеко отъ этой комнаты и отъ всего, что привело ее сюда.

Ивановъ вздрогнулъ. Въ его впечатлительной натурѣ, жившей нервами, это неожиданное безстрастіе отозвалось болѣзненно, его обдало холодомъ. Онъ быстро подошелъ къ столу и, остановившись предъ своею гостьей, иронически сказалъ:

— Какою вы положительною женщиной стали, Лаура Алексѣевна! Сколько лѣтъ не видались, а вы даже не соблаговолили поздороваться со мной! Честь имѣю кланяться.

— Здравствуйте, Илья Петровичъ, сказала Лаура Алексѣевна такъ же спокойно, какъ будто они видѣлись наканунѣ.

— И даже ручку пожаловать не хотите? Или мнѣ теперь не подобаетъ прикасаться къ пальчикамъ родной племянницы Андреевскаго кавалера? Вѣдь такъ, я не ошибаюсь? Съ тѣхъ поръ вашъ почтенный дядюшка удостоился монаршей милости?

— Кажется, да. Я мало слѣжу за тѣмъ, что дѣлается въ этихъ сферахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же это, отреченіе или отрезвленіе?

— Ни то, ни другое, просто равнодушіе.

— Вотъ какъ! И это равнодушіе, съ которымъ вы теперь позволите смотрѣть на тотъ выспренный міръ, гдѣ вращаются такія личности, какъ князь Олегъ-Чембарскій, простирается также и на мой собственный? Я думалъ, что ваше сердобольное и любвеобильное сердце все продолжаетъ биться за тѣхъ, которые страдаютъ.

— Развѣ вы страдаете? переспросила Лаура, глядя спокойно на лицо съ трепетавшими ноздрями и нервно вздрагивающими губами.

— Что же, я блаженствую по-вашему?

— Нѣтъ, вы просто озлоблены и злитесь.

Ивановъ засмѣялся сухимъ, желчнымъ смѣхомъ.

— Любезное привѣтствіе, нечего сказать, послѣ такой разлуки!

— Какого же вы хотите привѣтствія, и на что оно вамъ? Не вы ли отрицали всѣ общепринятыя формы? Человѣкъ долженъ жить въ простотѣ и искренности, говорили вы. Я и обращаюсь съ вами просто.

— Вы хорошо помните наши разговоры, спасибо хоть за это. Однако, позволю себѣ замѣтить вамъ, что не видавъ человѣка девять лѣтъ, прямо начать разговоръ съ того, что онъ озлобленъ, это по крайней мѣрѣ оригинально. Но что я дѣйствительно не въ состояніи теперь пасти овечекъ, или гладить людей по головкѣ, это вѣрно.

— Теперь? чуть слышно замѣтила она и слабый намекъ на улыбку, блеснувъ на лицѣ ея, тотчасъ потухъ.

Ивановъ пристально посмотрѣлъ на Лауру, взялъ стулъ и усѣлся противъ нея.

— Вы меня очень заинтересовали, Лаура Алексѣевна, сказалъ онъ, глядя на свою гостью въ упоръ.—Я буду говорить съ вами откровенно и прямо. Я, разумѣется, ожидалъ, что годы и опытъ будутъ имѣть на васъ свое обычное дѣйствіе, но вы превзошли мои ожиданія. Изъ робкой ученицы вы обратились во вполнѣ созрѣвшее существо, которое совершенно владѣетъ собою и, встрѣтивъ своего учителя, смотритъ на него не только свысока, но даже снисходительно. Ваша проницательность и критическій умъ сразу высказались блистательно. Да, я дѣйствительно озлобленъ. Впрочемъ, обстоятельства, въ которыхъ я находился въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, могутъ меня извинить въ вашихъ строгихъ глазахъ. Вы можетъ-быть изъ любопытства слѣдили за моею карьерой, такъ что не считаю нужнымъ распространяться на этотъ счетъ.

— Да, я слѣдила, прервала Лаура Алексѣевна и, поднявъ на него задумчивый взглядъ, прибавила,—и кажется доказала вамъ это.

Ивановъ вспыхнулъ.

— Вы намекаете о... о деньгахъ, которыя выслали мнѣ, не такъ ли?

— Да, я говорю про нихъ.

— Да развѣ вы не получили ихъ обратно? почти вскрикнулъ онъ, схвативъ ее за руку.

Лаура Алексѣевна спокойно высвободила свою руку, потомъ сказала:

— Да, я получила обратно первую посылку.

— Первую? Значитъ были и другія? Вы посылали еще послѣ? Да говорите же скорѣе!

— Я посылала вамъ аккуратно каждый годъ ту же сумму, черезъ то же самое лицо и въ послѣдній разъ выслала ее, какъ всегда, въ іюлѣ.

Ивановъ вскочилъ на ноги.

— Я не получалъ ихъ, этихъ проклятыхъ денегъ, клянусь вамъ! сказалъ онъ съ выраженіемъ боли на поблѣднѣвшемъ лицѣ.—Какимъ образомъ меня обманули, куда дѣвались эти деньги — рѣшительно не понимаю. Неужели Шмугинъ присвоилъ ихъ? Не вѣрится, хоть онъ и каторжникъ; но онъ, вѣроятно, не считалъ себя въ правѣ отнять эти суммы у бѣдняковъ, которые меня окружали... Да, быть такъ... онъ мнѣ говорилъ это, когда я отказался отъ вашей первой посылки, но я счелъ бы себя за подлеца, еслибы принялъ отъ васъ хоть одну копѣйку... и видите какъ я былъ правъ! Вы вотъ молчите, Лаура Алексѣевна, но я васъ хорошо знаю: вы меня все это время за подлеца считали и радовались въ душѣ своей, что вамъ удалось меня унизить!

— Жалкая была бы радость! Радоваться вообще я давно перестала, но еслибъ эта способность не утратилась, какъ многія другія, повѣрьте, что я скорѣе огорчилась бы, что нашла въ васъ низкое чувство. Но что̀ низкаго или подлаго было бы въ томъ, если вы приняли то, что̀ я вамъ посылала? Я этого не понимаю.

— Какъ? послѣ того, что мы разошлись и два года не видались?

— Я этого факта не оспариваю, но развѣ разлука стерла то, что̀ было прежде.

— И это прежнее вамъ такъ дорого, что вы во имя его удѣлили мнѣ часть вашего состоянія?

— Не дорого, нетерпѣливо перебила Лаура Алексѣевна, съ выраженіемъ гадливости на лицѣ,—а неотъемлемо. Мы разошлись, но законы жизни не могли стереть печать пережитаго. Я была женой вашею и считала себя обязанною дѣлиться съ вами тѣмъ

богатствомъ, которое досталось мнѣ послѣ нашего разрыва и смерти бабушки. Дѣлили же мы въ одно время и труды, и заботы, даже и тогда, когда былъ окончательно разрушенъ союзъ сердецъ нашихъ. Я тогда не считала низкимъ съ моей стороны жить на средства, которыя вы доставали уроками и переводами.

— Но вы забываете, что когда послѣ сердечнаго разрыва наступилъ разрывъ умовъ, вы ушли и отказались что-либо получать отъ меня.

— Я достаточно зарабатывала на свои нужды, знала, что и вы трудились. Когда же наступилъ для васъ кризисъ, котораго я опасалась, и вы лишились возможности работать, я неожиданно разбогатѣла и нашла справедливымъ подѣлиться съ вами. Тутъ не было никакихъ дорогихъ воспоминаній,—я даже удивляюсь, какъ вы можете говорить подобныя пошлости,—было просто чувство долга по отношенію стараго товарища.

— Долга? я ожидалъ этого слова. Вѣдь вы клялись предъ алтаремъ вашего Бога, что будете любить меня и останетесь мнѣ вѣрными; это-то вы подразумѣваете подъ словомъ печать пережитаго?

— Ничуть, это относится къ обрядамъ религіи, хотя они теперь потеряли все свое прежнее значеніе въ моихъ глазахъ. Впрочемъ, клялись тогда мы оба. Вы въ Бога не вѣрили, но вѣрили въ любовь. Вы мнѣ сказали: „Я не солгу, потому что не буду клясться предъ несуществующимъ, а предъ несокрушимою силой моей любви къ тебѣ“. Моя же вѣра была тогда такъ сильна, что я твердо произнесла обѣтъ свой въ полномъ упованіи, что для такого человѣка, какъ вы, правда должна была просіять рано или поздно и что мало будетъ вѣчности для нашей любви...

— Ну, и что же? жадно спросилъ Ивановъ, видя, что она остановилась; онъ нагнулся и тревожно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица.

— Что? Да то, что и вѣчности, и любви, и Бога, ничего нѣтъ, сказала Лаура Алексѣевна спокойно и бестрастно.

— Какъ, вы, вы это говорите!

— Развѣ это васъ удивляетъ? Не есть ли это естественный исходъ человѣческихъ размышленій? Я вамъ скажу болѣе. Хоть я вамъ тогда не сознавалась въ этомъ изъ мелочной боязни обрадовать васъ, но когда мы разстались, то надъ чѣмъ вы такъ старались въ продолженіи нашего пятилѣтняго брака, помимо

моей воли уже совершило внутренній переворотъ во мнѣ. Я стала замѣчать, что вѣра моя ослабла. Напрасно въ это страшное время я искала въ ней, какъ прежде, утѣшенія и опору; съ отчаяніемъ видѣла я, что корни, за которые я хваталась, поддавались одинъ за другимъ. Все, что вы проповѣдывали, что читали, возставало предо мной и застилало внутренній міръ... Тогда я думала, что сойду съ ума... я проклинала васъ за зло, которое вы мнѣ сдѣлали, какъ я тогда выражалась. Прошло девять лѣтъ, и вотъ мы свидѣлись. Все улеглось во мнѣ, все стерлось и опустѣло. Вы вотъ говорили, что я вполнѣ созрѣла. Вы правы; я безъ самолюбія сознаюсь, что раздѣляю вполнѣ вашъ взглядъ и смотрю на міръ духовный вашими глазами.

Звукъ голоса ея, такъ слабо раздававшійся сквозь усиливающійся шумъ дождя и бури, замолкъ; Лаура Алексѣевна обвела взглядомъ всю мрачную комнату, сырость и холодъ которой понемногу пронизывали ее; она потянула шаль, плотно закуталась и, сложивъ руки, стала глядѣть безучастно. Ни взглядъ, ни голосъ ея не обнаруживали малѣйшаго волненія. Она говорила про внутренній переворотъ, совершившійся въ ней, точно читала страницу неинтересующей ея книги. Фактъ неожиданнаго свиданія съ мужемъ послѣ долголѣтней разлуки не потревожилъ новидимому ея нравственнаго состоянія; она даже не полюбопытствовала спросить у него, какимъ образомъ онъ попалъ сюда и покорилась этому обстоятельству, не обсуждая его.

Она сейчасъ сказала, что все улеглось въ ней, все стерлось и опустѣло. Именно такъ, но она степени не опредѣлила, а улеглось это *все* въ ней такъ глубоко, что, казалось, ничто не могло его болѣе растревожить. Что подразумѣвала она подъ этимъ словомъ *все?* Способность чувствовать, разсуждать или дѣйствовать, или право жить? Неужели она его утратила, или, что еще хуже, сама отреклась отъ него? А она еще такъ молода!

Ивановъ молча глядѣлъ на нее; онъ прислушивался къ тайному смыслу ея рѣчей и пріискивалъ въ ней тотъ полинявшій обликъ, который оставался въ его памяти. Но если нѣкоторыя краски стерлись, за то контуры окрѣпли, они приняли болѣе опредѣленныя формы.

Ивановъ глядѣлъ на нее и вспоминалъ страстные поцѣлуи и слова, которыя вырывались изъ глубины души, онъ искалъ слѣдовъ прошлаго и сознавалъ, что оно стерлось невозвратимо. Теперь холодомъ и равнодушіемъ вѣяло отъ устъ нѣкогда страстно

любившей его женщины. Глаза ея потухли, точно сказали свое послѣднее слово. Лаура Алексѣевна не поражала своею красотой, но привлекала неотразимо. Тонкія и благородныя черты, овалъ лица, форма маленькой головки, сзади которой спускались вьющіяся локонами черные волосы,—все въ ней напоминало поэтическую „Покинутую Невѣсту“ Брянскаго, имѣвшую такой успѣхъ на академической выставкѣ шестидесятыхъ годовъ. Но ту покинули только любовь и счастье, а Лауру Алексѣевну покинула сама жизнь, она прозябала, но не жила. Напрасно глаза Иванова старались проникнуть въ глубь ея глазъ и отыскать тамъ что-то, отвѣтъ или хоть отзывъ на жгучій вопросъ—и ничего не отвѣтили.

Ивановъ вздохнулъ и отвернулся. Онъ вспомнилъ тотъ день, когда пріѣхалъ бѣднымъ домашнимъ учителемъ къ маленькому брату Лауры Алексѣевны. Ему было тогда двадцать шесть лѣтъ. Окончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ года два тянулъ горькую лямку человѣка, брошеннаго безъ подпоры и средствъ въ огромномъ городѣ. Онъ не имѣлъ родныхъ и не сумѣлъ снискать себѣ покровителей и достать мѣсто, или постоянное занятіе. Видясь только съ такими же бѣдняками, какъ онъ самъ, сознавая всю безполезность пріобрѣтенныхъ познаній для достиженія насущнаго хлѣба и обезпеченности, онъ впалъ понемногу въ самое жалкое настроеніе. Каждый день убивалъ въ немъ какую-нибудь мечту и сердце питалось одною злобой. Сначала завидовалъ онъ богатымъ и сильнымъ, потомъ сталъ ихъ ненавидѣть и бросился въ тотъ потокъ, въ которомъ утонуло и пропало столько умственныхъ и жизненныхъ силъ. Но онъ только окунулся въ него и былъ выброшенъ на берегъ, гдѣ еще осматривался въ недоумѣніи, когда ему предложили мѣсто домашняго учителя въ губернію, отдаленную отъ Петербурга.

Братъ могучаго министра, князь Алексѣй Михайловичъ Олегъ-Чембарскій, богатый и сумасбродный баринъ, получилъ приглашеніе оставить Сѣверную Пальмиру и, какъ онъ самъ выражался, „*d'aller planter le choux de la civilisation parmi ces bons paysans*“.

Водворившись, изгнанникъ принялся мѣнять старые порядки, вводить вездѣ англійскіе, швейцарскіе и американскіе.

Когда все было перековеркано и спутано, князь написалъ въ Петербургъ къ одной сіятельной кумушкѣ, чтобъ она прислала ему педагога, да полиберальнѣе.

Ему выслали Иванова.

Нравственно измученный, голодный и уставшій, молодой человѣкъ радъ былъ отдохнуть; какъ ни презрѣнна казалась ему должность воспитателя барченка, онъ принялъ ее съ условіемъ, что обѣ стороны будутъ вольны разстаться по истеченіи трехъ мѣсяцевъ. Трехъ дней было ему совершенно достаточно, чтобъ оцѣнить ту среду, въ которую онъ попалъ и которую сталъ презирать настолько, что даже не оскорблялся выходками князя. Ученикъ его былъ не глупый и добрый мальчикъ, но лѣнивый и апатичный; занявшись съ нимъ усердно и честно и полюбивъ свой трудъ, можно бы было развить его и быть ему полезнымъ; но Ивановъ былъ человѣкомъ стремленій и порывовъ, а не долга. Его нисколько не смущала мысль, что онъ даромъ получаетъ деньги; по его понятіямъ, князь Олегъ-Чембарскій, владѣя огромнымъ богатствомъ, обокралъ бѣдныхъ и потому сталъ внѣ закона. Ивановъ сначала бралъ съ него деньги за воспитаніе сына, котораго не воспитывалъ, а потомъ взялъ у него дочь. И все это спокойно, обдуманно, безъ узрызеній совѣсти. Сознавая свое право брать Лауру Алексѣевну, потому что она ему нравилась, онъ не признавалъ надъ нею правъ ни отца, ни среды, въ которой она родилась и была воспитана.

Какъ всѣ благородныя и пылкія существа, молодая княжна стремилась ко всему, что̀ страдаетъ, но стремленія эти были туманны. Она, кромѣ англійскихъ романовъ, ничего почти не читала, отца боялась и не открывала предъ нимъ своихъ сокровенныхъ думъ. Навѣянныя ей кроткою и многострадальною ея матерью, которая скончалась, когда ея дочери было только двѣнадцать лѣтъ, эти думы и стремленія расли съ Лаурою, но не принимали опредѣленныхъ формъ. Молодая дѣвушка скорѣе чувствовала, нежели знала, что много слезъ проливается на землѣ и она говорила себѣ: „Надо идти утирать ихъ“, но куда идти, съ чѣмъ, она не знала. Она чувствовала только что одного сердца недостаточно, что невидимый міръ человѣческихъ страданій имѣетъ свою географію, ей недоступную. Окруженная слѣдами рабства, она жила въ деревнѣ, прислушиваясь трепетнымъ ухомъ къ долетавшимъ къ ней вздохамъ и стонамъ и стояла на порогѣ многострадальной жизни русскаго мужика, не смѣя переступить черезъ него. Отецъ, обычай, дѣвичья робость, само воспитаніе—все стояло между нею и завѣсой познанія человѣческаго страданія. И вотъ, рука молодаго учителя схватила эту завѣсу и открыла предъ ея глазами движущуюся

безконечную картину нищеты, невѣжества и рабства. Она ужаснулась. „Какъ помочь имъ?—Я не умѣю“. Онъ протянулъ руку. „Я умѣю, пойдемте вмѣстѣ“, и они пошли.

Любовь къ человѣчеству натолкнула Лауру на любовь къ человѣку.

Лаура не противилась этой любви, она отдалась ей безъ анализа; она сама себя не знала, гдѣ же ей было понять этого человѣка? Онъ говорилъ невѣдомымъ ей доселѣ языкомъ про долгъ гуманности и про необходимость труда. Она могла воспользоваться своимъ богатствомъ и положеніемъ, чтобы принести много пользы вокругъ себя, но *онъ* сказалъ ей, что это была бы прихоть избалованной барышни и что дороги только однѣ деньги, добытыя въ потѣ лица. Она бросила наслѣдство, отца, родительскій домъ, оставила все свое прошлое и пошла за тѣмъ, кто сказалъ ей, что, спускаясь внизъ и входя въ огромную семью неимущихъ и работающихъ, она смывала съ себя пятно барскаго тунеядства и становилась дѣятельнымъ членомъ человѣчества.

Хотя гражданскіе браки были уже въ модѣ, Ивановъ не посмѣлъ предложить княжнѣ сочетаться подобнымъ образомъ, она не была еще достаточно развита для этого, онъ принесъ себя въ жертву ея предразсудкамъ. Они бѣжали ночью изъ-подъ крова князя Олегъ-Чембарскаго и обвѣнчались.

Въ минуты, когда бѣшеная страсть позволяла Иванову заниматься перевоспитаніемъ Лауры, онъ грубою рукой открывалъ ея душу и вырывалъ изъ нея все, что̀ не сходилось съ его понятіями; это называлось развивать въ ней свободу воли и мысли. Она была рабой своего воспитанія и сдѣлалась рабой воззрѣній своего идола. Но она была изъ породы женщинъ рожденныхъ, чтобы гнуться и въ которой внутренній протестъ принимаетъ пассивную форму. Она сознавала превосходство ума своего мужа и съ радостью стала его покорною ученицей.

Ничто сначала не мѣшало ихъ лихорадочному блаженству. Князь Олегъ-Чембарскій ихъ не преслѣдовалъ и не безпокоилъ. Пораженный не столько въ сердце, сколько въ самолюбіе, онъ проклялъ дочь и, приказавъ отослать ей платья, мебель и бездѣлушки изъ ея дѣвичьей комнаты, запретилъ, чтобы произносили ея имя предъ нимъ, онъ повидимому забылъ ее.

Молодые поселились въ Петербургѣ, гдѣ стали заниматься уроками и переводами. Лаура пожелала познакомиться съ тѣмъ міромъ страждущихъ, къ которому влекла ее женская душа. Мужъ

охотно водилъ ее сначала по мрачнымъ закоулкамъ, гдѣ шли, спотыкаясь, всѣ жертвы бѣдности и разврата столицы. Она хотя неумѣло, но пламенно стала помогать всѣмъ, чѣмъ могла: она давала даровые уроки, ходила за больными, спасала (или старалась спасти) жертвы порока, словомъ, она дѣлала все, на что способно женское сердце. Средства ихъ были невелики, ей чаще приходилось дарить ласковымъ словомъ, чѣмъ рублемъ. Она превозмогла свою гордость, и госпожа Иванова (сохранимъ за нею имя прописанное на фальшивомъ паспортѣ ея мужа) часто обращалась за помощью къ людямъ, которые либо презрительно отворачивались отъ бывшей княжны Олегъ-Чембарской, либо снисходительно свысока исполняли ея просьбы.

Эти ея посѣщенія сильныхъ міра сего были причиной первыхъ ея несогласій съ мужемъ. Онъ негодовалъ за то, что она унижалась, принимая услуги или деньги людей, которыхъ онъ ненавидѣлъ и презиралъ, она же говорила, что бѣднымъ нужны деньги и помощь, а не слова. Мало-по-малу она стала понимать, что мужъ ея былъ человѣкомъ словъ, а не дѣла. Онъ охотно показывалъ людямъ, отчего они страдаютъ, усугубляя это горе подтвержденіемъ его непреложности и не принималъ его къ сердцу, говоря, что это необходимое зло, что это будетъ существовать пока свѣтъ не водворится на новыхъ началахъ, а новыя начала эти должны были имѣть основаніемъ всеобщее перестройство и столпотвореніе. Онъ предался изученію способовъ ускорить обновленіе міровой жизни посредствомъ ея разрушенія, сталъ озлобляться до умопзступленія и, наконецъ, озлобился на жену. Она не покорилась ему всецѣло; ему недостаточно было того, что она безропотно переносила перемѣну жизни, бросила все свое старое, даже понемногу перестала ходить въ церковь. Ивановъ чувствовалъ, что въ тайникѣ ея души оставалась вѣра въ Бога; она ему собственно не мѣшала, но Бога онъ не признавалъ и, говоря о свободѣ женщины, наступалъ душу любящаго его безграничпо существа. Въ самомъ дѣлѣ: какъ могъ онъ покорить міръ своею мыслью, когда не покорилъ этого *подвластнаго* ему сердца? Онъ такъ и говорилъ и вѣрилъ, что оно было подвластно ему; жестоко клеймя и карая тиранство въ высшихъ себѣ, онъ тиранилъ себѣ равныхъ и хотѣлъ подвести всѣхъ подъ свой образъ мыслей. И вотъ, завязалась сначала глухая, а потомъ открытая и отчаянная борьба на жизнь или смерть между этими двумя существами.

Не долго продолжалось для Лауры Алексѣевны счастье, купленное столь дорогою цѣной. Годъ спустя послѣ ея бѣгства отношенія ея къ мужу уже обострились и приняли натянутое, не естественное направленіе. Страсть прошла, любовь ея не замѣнила и расшатанныя узы не были скрѣплены помощью дружбы и взаимнаго довѣрія. Если нѣкоторыя благородныя стремленія ея мужа, ненависть къ фальши, лицемѣрію и несправедливости находили отголосокъ въ ея сердцѣ, онъ ее отталкивалъ глубиной злобы, которую питалъ къ цѣлымъ сословіямъ, а средства его къ исправленію общественныхъ золъ казались ей чудовищными. Напрасно чтеніемъ своихъ любимыхъ авторовъ и разговорами съ товарищами его образа мыслей, Илья Петровичъ старался расширить кругъ мыслей жены своей, она изъ его ученія понимала только то, что человѣкъ страдаетъ и что не ей мстить за это обществу. А онъ жилъ только жаждой мщенія. Онъ теперь уже смѣялся надъ ея попытками утереть слезы страждущихъ, читалъ ей стихи Некрасова про бездонное и безбрежное озеро, составленное изъ слезъ людскихъ и оспаривалъ пользу ея трудовъ. Она сначала спорила, горячилась, потомъ замолчала, но не уступала и, не анализируя, отчего люди страдаютъ, шла имъ на помощь.

Такъ прошло четыре года мучительной борьбы. Лаура изстрадалась, но не она первая произнесла слово разставанія.

Центромъ кружка, гдѣ вращался Ивановъ, былъ человѣкъ, предъ которымъ онъ и его друзья преклонялись. Человѣчество ужь такъ сложилось: оно часто отвергаетъ законность могущества созданнаго вѣками и необходимостью, и воздвигаетъ себѣ рядомъ идола, предъ которымъ отрекается добровольно отъ своихъ правъ. Необузданный въ своихъ страстяхъ, какъ и въ ненавистяхъ, привыкшій къ слѣпому повиновенію своихъ добровольныхъ сеидовъ, этотъ подпольный тиранъ вздумалъ влюбиться въ Лауру Алексѣевну. Отпоръ имъ встрѣченный довелъ его страсть до умопзступленія. Онъ объявилъ Ильѣ Петровичу, что Лаура была ему необходима, и что онъ разстанется съ кружкомъ, если она не подчинится такимъ простымъ законамъ, какъ законы общежитія. На этотъ разъ Иванову пришлось согласовать свои поступки съ признаваемыми имъ такъ торжественно принципами. Что творилось на душѣ у него,—онъ это скрылъ, хотя можно было предполагать, что его подстрекало тайное желаніе унизить гордость жены и насладиться ея паденіемъ. Сознавая всю безполезность убѣжденій, онъ приказалъ ей бросить всѣ свои глупыя и отжившія

замашки, и покориться желанію всего кружка и его собственному, его, ея мужа. Въ отвѣтъ на взглядъ полный омерзенія, брошенный на него Лаурой, онъ закричалъ, что заставитъ ее покориться силой. Она встала и хотѣла идти, онъ кинулся къ ней и въ припадкѣ бѣшенства ударилъ ее. Лаура обернулась, быстро сняла свое вѣнчальное кольцо, бросила его на полъ и вышла изъ дома.

Сначала Ивановъ безумствовалъ, онъ пробовалъ вернуть ее силой. Не смѣя обратиться къ властямъ, онъ караулилъ бѣгляпку, чтобы похитить ее и заставить покориться. Испуганная Лаура скрылась въ одномъ женскомъ монастырѣ и оставалась тамъ, пока не начался судъ надъ Ивановымъ. Она тогда вернулась въ Петербургъ, но получивъ неожиданно наслѣдство отъ совсѣмъ позабывшей ее, повидимому, бабушки, поѣхала въ деревню и оставалась тамъ безвыѣздно, покуда не дошло къ ней письмо отъ мужа. Судьба свела ихъ опять вмѣстѣ; они теперь сидѣли съ глазу на глазъ, болѣе отдаленные другъ отъ друга на самомъ дѣлѣ, чѣмъ были фактически въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія, Ивановъ снова началъ разговоръ.

— Вы не интересуетесь знать, куда и зачѣмъ я теперь иду?

— Куда?

— Куда какъ не въ Швейцарію, гдѣ я найду товарищей и дѣло, если я захочу...

— А есть у васъ средства?

— Наивный вопросъ! Развѣ вы думаете, что меня сюда правительство довезло съ почетомъ и снабдило деньгами на дальнѣйшее слѣдованіе?

Лаура Алексѣевна опустила руку въ карманъ, вынула конвертъ и протянула его Иванову.

— Возьмите, сказала она,—тутъ три тысячи рублей.

Ивановъ пытливо посмотрѣлъ на нее, какъ-то странно улыбнулся, взялъ конвертъ и бросилъ его въ карманъ.

— Спасибо, сказалъ онъ,— спасибо, женушка!

Это слово было имъ проговорено послѣ секуднаго колебанія и, сказавъ его, онъ изъ-подлобія посмотрѣлъ опять на жену точно выжидая чего-то. Но Лаура оставалась все также невозмутимо холодною; это названіе прошло безъ протеста и безъ признанія.

Ивановъ прикусилъ губу и продолжалъ язвительно:

— Васъ не удивляетъ развѣ, что я теперь принялъ отъ васъ подаяніе, когда прежде его не принималъ?

— Нѣтъ.

— Вы, можетъ-быть, думаете, что я употреблю ваши благочестивыя денежки на благочестивыя дѣла?—Въ такомъ случаѣ ошибаетесь!

— Какое мнѣ дѣло, какъ и на что вы ихъ употребите?

— А если я у васъ со временемъ попрошу еще, дадите что ли?

— Вышлю, сколько угодно.

— Каково! и вамъ не жаль отымать деньги у вашихъ священныхъ сирыхъ и убогихъ для меня и для моихъ цѣлей?

— Я сирымъ и убогимъ ничего больше не даю.

— Вотъ какъ! отреклись отъ нихъ! отчего же?

— То-есть они отъ меня отреклись.

— Отъ васъ? отреклись отъ богатой помѣщицы? что-то странно!

— Я нехорошо выражаюсь: не люди,—дѣло отреклось. Люди и теперь рады взять, что могутъ, да вѣдь на всѣхъ не напасешься, а лить въ бездонную бочку безполезно и скучно.

— Давно ли вы догадались, что бочка-то безо дна?

— Съ тѣхъ поръ, что за умъ взялась.

Ивановъ хотѣлъ что-то возразить, но промолчалъ, всталъ, прошелся по комнатѣ и, вернувшись, продолжалъ:

— Зачѣмъ же дѣло отъ васъ отреклось? Разскажите, мнѣ очень любопытно знать, какимъ образомъ, когда вы имѣли наконецъ въ рукахъ средства исполнить то, о чемъ такъ безумствовали, вы этого не сдѣлали?

— Я сдѣлала все, что могла, сначала. Какъ только пріѣхала въ деревню, я за все принялась горячо. Я устроила ясли, школу, отдала почти весь этотъ огромный барскій домъ подъ пріютъ и больницу,—а теперь все закрыла.

— Да отчего же?

— Вопервыхъ, потому, что это безполезно. Зачѣмъ воспитывать людей, которые обречены жить въ потемкахъ? Зачѣмъ вылѣчивать бѣдняковъ и тружениковъ на новый трудъ и постоянную бѣдность? Зачѣмъ предохранять младенчество отъ болѣзней, когда человѣку суждено все-таки кончить болѣзнью и смертью? А вовторыхъ, все это у меня не клеилось, больницы моей пугались, матери перестали дѣтей приносить въ ясли, а ученики мои обходились со мной какъ-то недовѣрчиво, спрашивали, зачѣмъ я въ церковь не хожу, зачѣмъ не говѣю... Староста даже заходилъ справки наводить, отчего у меня ни въ школѣ, ни въ больницѣ иконъ нѣтъ!

— А развѣ нѣтъ? И вы впрямь въ церковь перестали ходить?

— Нѣтъ. Зачѣмъ комедію разыгрывать? я вѣдь теперь вся на-чистоту и въ простотѣ живу. Только простоту мою не оцѣнили, русскому мужику, значитъ, нужны не одни дѣла, нужна подкладка .. тамъ, гдѣ нѣтъ ея, успѣха не жди.

— Про какую подкладку вы говорите?

— Про ту, что была у меня прежде и которую вы содрали собственноручно. Что же, пусть такъ, нѣтъ у меня болѣе магической подкладки, обойдусь безъ нея, буду жить въ сторонѣ отъ людскаго горя... и живу; ничего, живется!

Иванова покоробило отъ этихъ словъ, до того они были въ разрѣзъ съ прошлыми рѣчами Лауры Алексѣевны, но она сама произнесла ихъ спокойно и безучастно, тономъ равнодушнаго зрителя. Подождавъ немного, точно она ждала возраженія со стороны мужа, она продолжала:

— Есть еще другая причина, по которой народъ мнѣ не довѣряетъ,—это вы.

— Я? переспросилъ Ивановъ изумленно.

— Разумѣется, вы. Вѣдь знаютъ же они, чья я жена и чуждаются. Не разъ говорили мнѣ старушки: „Какъ же, матушка, сожитель-то твой на такое дѣло пошелъ? развѣ ты его не отговаривала? Вѣдь ты замолить это должна, тяжкій грѣхъ!“ Коли мнѣ это въ глаза говорятъ, судите, что бываетъ за спиной. А я не вымаливаю. Могла бы, да не захотѣла бы. Вы знали на что шли, и прекрасно. Всякій за себя отвѣчаетъ, зачѣмъ я стану себя тревожить?

— Значитъ, вы безусловно отказались отъ всѣхъ своихъ утопій? А помните ли, вы плакались о томъ, что вашей жизни мало будетъ, чтобъ утереть слезы всѣхъ страждущихъ?

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Охота вамъ вспоминать всѣ эти глупости? Все, что я, что тысячи другихъ могли сдѣлать, такая капля въ морѣ, что не стóитъ трудиться.

Чѣмъ дальше шелъ разговоръ, чѣмъ глубже проникалъ Ивановъ въ душу Лауры Алексѣевны, тѣмъ больше имъ овладѣвало тревожное безпокойство и даже испугъ. Въ взлелѣянномъ имъ планѣ, въ тѣхъ мечтахъ, съ которыми онъ засыпалъ и просыпался на своемъ жесткомъ ложѣ, ему являлась все прежняя Лаура, немного надломленная жизнью, но все-таки живымъ существомъ, съ которымъ притягательна бы стала борьба и побѣда

А предъ нимъ очутилось какое-то обезличенное существо, покойникъ, почему-то не попавшій въ могилу, избавленный ото всякой попытки къ мщенію. Неужели придется ему отказаться отъ мысли, такъ долго руководившей имъ? Вѣдь изъ-за одной этой мысли онъ подвергался тысячи опасностей, она помогала ему одолѣть всѣ препятствія, вѣдь она все въ немъ затопила и заслонила, онъ ею живетъ и дышетъ—и вдругъ, ничего!

Насупившись, озлобленно принялся онъ разсматривать неподвижно сидѣвшую предъ нимъ Лауру, глядѣлъ на нее нахально, въ упоръ, желая вызвать въ ней хоть чувство отвращенія или боязни—напрасно. Инструментъ, отзывчивый въ прежніе годы до болѣзненности, сломанъ и замолчалъ, и это молчаніе пугало Иванова. Ему захотѣлось уязвить ее, оскорбить чѣмъ-нибудь, вызвать ея душу наружу, а потомъ... потомъ...

Разыскивая въ умѣ своемъ потерянный ключъ къ этимъ замолкнувшимъ струнамъ, ему вдругъ блеснула новая мысль: неужели она оставалась ему вѣрною во все это время и никого не любила? Странно: тамъ, въ заточеніи, ему никогда въ голову не приходило, чтобы Лаура могла привязаться къ кому-нибудь другому, онъ слишкомъ хорошо понималъ, что все изсушилъ въ ней, и что она долго не оправится послѣ вынесенныхъ страданій. Но теперь это ея раздражающее спокойствіе, это совершенное отреченіе отъ всѣхъ ея прежнихъ идоловъ, какъ ихъ истолковать? Онъ сознавалъ, съ бѣшенствомъ сознавалъ всю скрытую въ нихъ силу. Прежде ему не удалось осилить жены своей, потому что она уходила отъ него въ тайникъ своей души и находила тамъ утѣшеніе и опору, теперь душа ея пуста, она сама въ этомъ созналась, нѣтъ больше ни тайника, ни святилища, а сила все-таки осталась, непонятная для него, но несомнѣнная. Откуда она? Не есть ли это отраженіе другой силы и другаго существа? Онъ зналъ хорошо, что Лаура не могла жить безъ идеаловъ и въ полномъ отрицаніи своего прошлаго: она отрезвилась и отреклась отъ своей глупой любви къ человѣчеству, но это, можетъ-быть, отъ того, что рамка сузилась и одинъ замѣнилъ большинство несчастныхъ.

Едва зародившись, это подозрѣніе сложилось въ убѣжденіе, и почувствовалось непреодолимое влеченіе бросить имъ въ лицо этой женщины.

— Что, этотъ докторъ, который у васъ при больницѣ живетъ,

грубо началъ Ивановъ, поглаживая бороду слегка дрожащею рукой,— онъ любовникъ вашъ?

— Любовникъ? повторила Лаура удивленно, но безъ малѣйшаго чувства оскорбленія; Карлъ Карловичъ мой любовникъ? Впрочемъ, вы его не знаете; увидите и засмѣетесь.

— Ну, коли не онъ, у васъ навѣрное есть другой? вѣдь вы, бабы, безъ этого жить не можете.

— Былъ бы у меня любовникъ, я вамъ такъ же просто сказала бы, какъ и вы спрашиваете. Къ несчастію, я никого не люблю.

— Милое сожалѣніе!

— Правдивое. Былъ бы хоть какой-нибудь интересъ въ жизни, а то хоть шаромъ покати... тоска! добавила она чуть слышно и невольный вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди.

Ивановъ принужденно засмѣялся.

— Ну что же, скуки ради, не тряхнуть ли вамъ старинной и бросить ли милостивый взглядъ на вашего мужа? Вѣдь любили же вы меня, да, Лаура?

Лаура окинула его загадочнымъ взглядомъ, отъ котораго Иванова покоробило, и отвѣтила спокойно: „любила“.

— Значитъ, опять полюбить меня можете. Слушайте, Лаура, вы теперь отрезвились и смотрите на вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Что я этому способствовалъ, заставивъ васъ шевелить мозгами и вырвалъ изъ одурѣвающихъ нравственныхъ потемокъ, это меня искренно радуетъ. Конечно, это вамъ стоило много слезъ и страданій, но это неумолимый законъ всякаго прогресса. Когда цѣль достигнута, назадъ не оглядываются. И я страдалъ... дотерпѣлся, освободился отъ прошлаго и теперь хочу начать новую жизнь. Довольно я помучился, стараясь искоренить зло и свергнуть все то подлое, мерзкое, что налегло на человѣчество и спутало его такъ крѣпко, что оно не въ силахъ освободиться! Дурачье! За нихъ страдаютъ и гибнутъ лучшія силы, а они поколѣніями суютъ свои башки подъ то же ярмо! Пусть дохнутъ! Я на все махнулъ рукой, усталъ, нравственно и физически усталъ и пришелъ къ вамъ если не съ повинною головой, то все-таки подъ влеченіемъ уцѣлѣвшаго чувства. Вы очень что-то прикидываетесь совсѣмъ отжившею, но вы себя сами морочите: вы только прозябаете, вы замерли въ этой атмосферѣ нравственнаго рабства, глупости и неразвитости. Бросьте вы это! бросьте эту холопскую Русь и пойдемте вмѣстѣ въ страну свободы и разумнаго труда. Конечно, вамъ нельзя будетъ это сдѣлать вдругъ: вамъ

нужны будутъ средства, надо будетъ либо заложить ваше имѣніе— оно не заложено? ну и прекрасно, покупщика не такъ скоро нашли бы, главное: рѣшитесь, протяните мнѣ руку и обѣщайте, что послѣдуете со временемъ за мною. Я отправился бы впередъ и сталъ бы васъ тамъ поджидать. Я головой ручаюсь, что въ новой обстановкѣ вы очнетесь, оживете и снова примитесь за дѣло. Стойте, не отвѣчайте, дайте мнѣ высказаться и поговорить съ вами, какъ съ хорошимъ товарищемъ. Вѣдь надо же вамъ знать какъ я провелъ эти годы, какимъ путемъ дошелъ до желанія докончить жизнь спокойно, плюнувъ на человѣчество.

Онъ подсѣлъ поближе къ женѣ, облокотился на столъ и принялся разсказывать. Онъ меньше налегалъ на физическія испытанія, чѣмъ на нравственныя; послѣдовательно и подробно доказывая, какъ по мѣрѣ успленія личныхъ страданій сокращалось влеченіе къ чужому, и какъ онъ пришелъ, наконецъ, къ полному индифферентизму. Было время, когда онъ съ радостью пошелъ бы на самую жестокую смерть, еслибы путемъ этимъ могъ заручиться наказаніемъ всѣхъ враговъ человѣчества. Ненависть его къ нимъ не угасла ничуть; онъ только пришелъ къ убѣжденію, что все зло, которое ему доступно, слишкомъ ничтожно въ сравненіи со зломъ, ему недоступнымъ. Онъ пугался несоразмѣрности желанія съ возможностью. Какъ Лаура, дойдя опытомъ до сознанія, что слезъ человѣческихъ слишкомъ много, чтобы можно было осушить ихъ, такъ и онъ махнулъ рукой и отвернулся отъ міра пасыщенныхъ и сильныхъ.

Различными путями дошли они оба до нравственной пустоты и отреченія силы воли, но все-таки они наконецъ сошлись и стояли вмѣстѣ надъ бездной, въ которой схоронили свои различные идеалы. Стояли они, не смѣя спросить у себя, бьется ли еще у нихъ сердце,—а съ другой стороны жизнь глядѣла на нихъ и манила къ себѣ. Не старики же они, не отжившіе, но только пережившіе и перестрадавшіеся... Такъ пусть же они отвернутся отъ этой бездны и пойдутъ впередъ по новой дорогѣ. Почерпаетъ же себѣ природа новую жизнь изъ всего, что̀ перестало жить. Такъ будетъ и съ ними. Изъ развалинъ ихъ прошлаго можно воздвигнуть нѣчто новое, но не одному, надо работать имъ вмѣстѣ, и онъ готовъ; онъ надѣется, что она позабыла всѣ недочеты и недоразумѣнія прошлой ихъ жизни и что пойдетъ опять довѣрчиво за нимъ. Она тогда бросила для него отца, богатство и положеніе, не вѣдая, что̀ творила; теперь она сознательно должна стряхнуть

съ себя унынiе и равнодушiе, встать и пойти не за нимъ, а съ нимъ вмѣстѣ. Онъ не станетъ манить ее впередъ миражемъ счастья, о такой глупости не стòитъ и говорить; у него другiе двигатели: стыдъ бездѣйствiя, опасность этой типы нравственной апатiи, въ которую она уже отчасти попала, возможность новаго труда и духовнаго возрожденiя.

По мѣрѣ того, какъ онъ развивалъ свою мысль, онъ понемногу горячился, голосъ его иногда дрожалъ и онъ тогда останавливался, точно сдерживалъ себя. Онъ порывисто снялъ очки и бросилъ ихъ на столъ; глаза его засверкали и впились въ неподвижное лицо Лауры. Вся сила, скрытая подъ мрачною оболочкой Иванова, теперь всплывала наружу и посредствомъ взора старалась проникнуть въ застывшую душу молодой женщины и расшевелить ее. Вотъ она, та борьба, къ которой онъ такъ долго готовился, вотъ она побѣда, о которой онъ мечталъ всѣ эти дни, ходя по своей комнатѣ, какъ волкъ, запертый въ клѣткѣ! Ему надо заполонить эту душу, притянуть къ себѣ этотъ строптивый умъ, отуманить ихъ и бѣжать съ ними. Онъ напрягалъ всѣ усилiя, чтобы коснуться до какого-нибудь отзывчатаго уголка въ этомъ женскомъ сердцѣ, чтобы заставить его, наконецъ, забиться. Напрасно! Лаура продолжала глядѣть на него также безстрастно и молчаливо, точно говорила: „Ты самъ все убилъ во мнѣ, наслаждайся же дѣломъ рукъ твоихъ“. Онъ вдругъ почувствовалъ страшную физическую усталость, всталъ и шатаясь прошелся по комнатѣ.

Его остановилъ звукъ голоса Лауры, звукъ такой же металлическiй и язвительный въ своемъ безстрастiи, какъ ея взглядъ.

— И вы изъ-за этого вернулись оттуда, прошли столько тысячъ верстъ пѣшкомъ, чтобы разыграть эту сцену предо мною? Стыдно, Илья Петровичъ, я этого отъ васъ не ожидала.

Онъ бросился къ ней, схватилъ ее за плечи и нагнулъ къ ней свое лицо, обезображенное припадкомъ нахлынувшаго бѣшенства.

— Чего же ты ожидала? проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Всего, кромѣ этого, отвѣтила она, не спуская глазъ. — Я васъ достаточно знаю, чтобы не вѣрить вашимъ словамъ. У васъ была другая цѣль, когда вы вызывали меня сюда. Какова бы она ни была, я требую, чтобы вы высказали ее сейчасъ.

— Ты требуешь, повторилъ Ивановъ, растерянно глядя на это

слабое существо, которое не поддавалось и не боялось. Имъ охватило внезапное желаніе броситься на Лауру, схватить ея тонкую шею и сдавить ее всѣми силами своего оскорбленнаго и поруганнаго существа. Онъ съ трудомъ удержался, выпрямился, перевелъ духъ и началъ:

— Ты хочешь знать, зачѣмъ я тебя сюда выписалъ? Хорошо, слушай. Я пришелъ сюда, чтобы надругаться надъ тобою, слышишь? Я хотѣлъ тебя въ грязь втоптать,—и втопчу. Когда человѣкъ напрягаетъ всѣ свои силы для достиженія одной цѣли, рано или поздно онъ беретъ свое. И я тебя возьму. Не удалось лаской,—обманомъ, силой возьмемъ. Я вѣдь не одинъ, какъ ты, можетъ-быть, полагаешь, насъ много... У меня все еще есть партія... Да, здѣсь, въ этомъ самомъ городѣ, у меня трое такихъ людей, что за меня готовы въ огонь и въ воду. Я къ нимъ не обращался еще, думалъ, — ты все еще такою дурой осталась, какою была; надѣялся справиться самъ... Не удалось, голубушка, ничего, свистну только,—и мы тебя такъ выкрадемъ, скрутимъ и свяжемъ, что ты опомниться не успѣешь. Наркотиковъ закатимъ, въ сумашедшую превратимъ, и маршъ за границу, въ благословенную Швейцарію. У меня и паспортъ фальшивый для тебя готовъ, на, смотри.

Онъ вытащилъ портфейль изъ-за пазухи и хотѣлъ раскрыть его, Лаура Алексѣевна не допустила его до этого.

— Я вѣрю вамъ, продолжайте, сказала она; во взглядѣ ея, наконецъ, блеснуло нѣчто похожее на оживленіе, она слушала напряженно.

— Хорошо, что наконецъ повѣрила. Ну, такъ помни мои слова: я сломаю тебя и сдѣлаю изъ тебя жалкую игрушку для своихъ цѣлей, я употреблю твою красоту, твои деньги. Тебя тогда полюбилъ такой человѣкъ, для котораго мы всѣ и теперь готовы все сдѣлать. Ты не захотѣла. Я поклялся, что заставлю тебя лежать у ногъ его... и будешь. Онъ теперь въ Женевѣ и мы тебя потащимъ къ нему на расправу. И знай: захочешь избавиться, на себя наложить руки,—не допустимъ, запремъ, насильно ѣсть заставимъ. У насъ уже квартира такая приготовлена для тебя, желанная гостья... Я имъ писалъ условнымъ способомъ, что бѣжалъ и скоро тебя добуду. Это я тебѣ правду говорилъ, что я отъ своихъ цѣлей отказался, ты не повѣрила. Если я могъ бы быть увѣренъ, что я всѣхъ этихъ хищниковъ и грабителей перерѣжу и изведу, я продолжалъ бы дѣйствовать

умомъ, руками, всѣмъ. Но это невозможно: одному голову разобьешь, другой возстанетъ изъ земли. Недосягаемо. Но я безъ цѣли жить не могу. Ты вотъ можешь: схоронила свои дурацкіе идеалы и зажила; вонъ въ какихъ вѣдь соболяхъ сидишь, царевна, недотрога ты этакая. А я тебя намѣтилъ и потѣшиться хочу: не съумѣла быть моею подругой, сдѣлаю изъ тебя рабу, хуже: посмѣшище, повезу и брошу ему въ ноги, берп, молъ, бывшую княжну Олегъ-Чембарскую... Спасибо, еще сама мнѣ денежки надавала на дорогу, ай, да умница какая, жёнушка моя!

Иваповъ болѣе не владѣлъ собою, слова вылетали у него безсознательно, онъ ньянѣлъ отъ нихъ и паслаждался мыслью, что чѣмъ отвратительнѣе онъ себя покажетъ, тѣмъ ужаснѣе будетъ униженіе той, которая такъ глупо довѣрчиво предалась въ его руки.

Лаура Алексѣевна только поблѣднѣла, на лицѣ ея появилось выраженіе удовлетвореннаго чувства, точно и она тоже подходила къ намѣченной цѣли и радовалась этому.

— Слушайте въ свою очередь, сказала она, вставъ и идя къ мужу, предъ которымъ остановилась гордо и спокойно,—я думаю, вы ошибаетесь, я еще не въ рукахъ вашихъ и полагаю, что не такъ легко украсть меня у меня же самой, одурманить и повезти. Но, положимъ, вы правду сказали, вы сильны и могучи, вамъ удастся исполнить вашъ планъ. Если я васъ хорошо понимаю, вы мстите мнѣ за прошлое, и утративъ способность вредить сильнымъ міра сего, хотите насладиться моимъ униженіемъ. Но для того, чтобъ унижаться и страдать, надо чувствовать, а я умерла, поймите же это, окончательно очерствѣла и все во мнѣ заглохло. Вы думаете, что у меня не было послѣ васъ того, что̀ люди называютъ горемъ, оскорбленіемъ, униженіемъ? Все это было и все оставило меня одинаково равнодушною. Эта пустота во мнѣ и кругомъ меня, она меня прежде пугала... теперь я свыклась съ нею. Еслибы мать умирая не взяла съ меня слова, что я никогда не посягну на свою жизнь, я давно бы перестала прозябать и скучать... Я пробовала косвенными путями обмануть покойницу: ходила за больными, лежащими въ черной оспѣ и въ холерѣ... и живу, какъ видите. И вы думаете пугать меня какими-то нравственными униженіями, грязью... Бросьте покойника въ грязь—что̀ ему—и что̀ мнѣ? Когда я подумаю, что вы такъ готовились меня обмануть и такъ хлопотали, чтобъ увезти, мнѣ и жалко васъ, и стыдно за васъ. Да берите

же меня, не тревожьте друзей вашихъ, я сама за вами пойду, куда-нибудь, мнѣ все равно, только уйдти, уйдти подальше, а здѣсь такъ скучно и пусто, пусто, пусто...

Голосъ ея дрогнулъ, въ немъ прозвучала уже не тоска отжившей, а скорбь наболѣвшей души, но это былъ одинъ лишь мигъ, — проснувшееся въ ней человѣчество опять скрылось и передъ Ивановымъ стоялъ все тотъ же привлекательный, но бездушный образъ убитой имъ же женщины.

Онъ это понялъ, понялъ, что это дѣло рукъ его и что онъ самъ убилъ свое мщеніе, что до этой ненавистной ему души онъ никогда не доберется, потому что ея болѣе нѣтъ.

Онъ въ нѣмомъ ужасѣ глядѣлъ на Лауру: неужели она недосягаема и, брошенная въ грязь, станетъ лежать спокойно, какъ цвѣтокъ, попавшій въ тину? Нѣтъ, не можетъ быть, онъ старался увѣрить себя, что она притворяется, вѣдь это хорошо на словахъ выходитъ: „Я умерла, я ничего не чувствую". Надо ее испытать, сейчасъ, тутъ же, надо найти такое оскорбленіе, отъ котораго она, наконецъ, содрогнется, она не должна такъ стоять предъ нимъ, вооруженная своимъ безстрастіемъ, пугавшимъ и бѣсившимъ его.

Прошло нѣсколько секундъ, тѣхъ секундъ, что̀ равняются иногда цѣлымъ годамъ жизни, мужъ и жена продолжали стоять другъ противъ друга, она все такая же спокойная, точно не понимала, какая борьба происходила въ потемнѣвшемъ умѣ Иванова. Лицо послѣдняго вдругъ озарилось отвратительною улыбкой.

— Ага, моя красавица, началъ Ивановъ, все продолжая улыбаться пошло и нахально, — я, наконецъ, кажется, понялъ, что̀ скрывается за вашими деликатными рѣчами... Понялъ, отчего обѣщанная будущность васъ не пугаетъ...

Лаура подняла на него изумленный взоръ. Она стояла такъ близко къ нему, что онъ видѣлъ голубыя жилки на ея вискахъ. Онъ засмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ, тряхнулъ головой и, еще ближе наклонившись къ уху жены, сталъ ей шептать что-то. Это были такія слова, что онъ не рѣшился сказать ихъ громко, точно боялся оскорбить свой собственный слухъ. Но Лаура Алексѣевна не покраснѣла и не смутилась, она только молча отвернулась.

— Что̀ лицо отворачиваешь? закричалъ Ивановъ. Гляди на меня, я мужъ твой, и ты должна меня слушаться. Небось, досадно, что я вѣрно угадалъ?

Она повернула къ нему свое блѣдное, безстрастное лицо. Ивановъ посмотрѣлъ на него пытливо, проворчалъ что-то похожее на проклятье, и вдругъ, схвативъ Лауру на руки, поднялъ ее.

Она не сопротивлялась. Она оставалась такою же неподвижною и холодною какъ и въ началѣ свиданія. Она только подняла глаза и, взглянувъ на него, закрыла ихъ. Въ нихъ не было выраженія отвращенія или негодованія, оскорбленная женщина не проснулась въ ней и ничѣмъ не высказалась. Она была выше оскорбленія, или слишкомъ далека отъ него.

Страшное проклятіе, раздавшееся надъ нею, заставило Лауру открыть глаза. Ивановъ стоялъ нагнувшись, съ лицомъ искаженнымъ злобой, съ револьверомъ въ рукѣ.

— Что, испугалась? сама трупомъ стала, а смерти боишься? Ивановъ едва проговорилъ это, губы его тряслись.

При видѣ револьвера Лаура поднялась и выпрямилась.

— Испугалась? повторила она тихо, сложивъ руки, тогда какъ по лицу ея разливалось благоговѣйное чувство, съ которымъ умирающій отъ жажды въ пустынѣ подходитъ къ ручью... Наконецъ-то! что такъ долго медлили? Вѣдь я сюда для этого, съ этою мыслью ѣхала... сама не могла, на васъ надѣялась. Спасибо! стрѣляйте же, вѣдь это единственное счастье, которымъ я вамъ буду обязана...

Бѣшенство, овладѣвшее Ивановымъ, мгновенно стихло. Пораженный, растерянный, онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Луары и глядѣлъ на нее, точно видѣлъ въ первый разъ, до того она вдругъ измѣнилась. Глаза блестѣли, цвѣтъ лица вдругъ оживился.

Ивановъ сознавалъ, что пропгралъ партію, что душа и тѣло Лауры одинаково ему неподвластны и недоступны, онъ растерянно слѣдилъ за выраженіемъ радостнаго спокойствія, разлившагося по безжизненному лицу. Послѣднія слова, ею сказанныя, болѣзненно звучали въ его головѣ, наполняя ее невыносимымъ трезвономъ. „Единственное счастье“, она такъ выразилась... смерть счастье для нея, и это счастье онъ, онъ своею рукой... Онъ зашатался...

— Такъ нѣтъ же! не будетъ тебѣ счастья черезъ меня! закричалъ онъ вдругъ, поднялъ быстро револьверъ, приложилъ къ виску своему и выстрѣлилъ. Тѣло его заколебалось, потомъ рухнуло къ ногамъ Лауры, обдавая ее брызгами крови.

Дверь съ шумомъ растворилась, толпа людей вторгнулась въ комнату, во главѣ ея находился Савельичъ, а за нимъ тяжело

вступалъ жандармъ огромнаго роста. При видѣ трупа, всѣ остановились и безмолвно глядѣли на Лауру; она все стояла и смотрѣла на покойника, не замѣчая, что̀ дѣлается кругомъ. Первымъ опомнился Савельичъ, онъ вскрикнулъ, обращаясь къ жандарму.

— Ну, что̀ же, правду я говорилъ! Вѣдь это ея бѣглый мужъ и она его убила! Вѣдь уговаривалъ я васъ зайдти скорѣе... Все равно, свое дѣло я сдѣлалъ: живымъ не удалось, мертваго представлю.....

.....

Большой Сибирскій трактъ. Сѣрый осенній день, угрюмое небо съ медленно ползущими, зловѣщими тучами, безконечная дорога, вдоль которой тянутся желѣзныя нити телеграфной проволоки. Утоптана эта дорога всѣми пороками человѣчества, созданнаго по подобію Бога, омочена слезами раскаянія, ведетъ она къ неволѣ и къ смерти, кончается тамъ, гдѣ исчезаетъ всякій слѣдъ человѣчества. Создана она для того, чтобы шли по ней, но не для того, чтобы возвращались.

Цѣлый обозъ обреченныхъ медленно тянется по густой грязи, сливая сѣрыя тѣни армяковъ и солдатскихъ шинелей съ неприглядным дневнымъ свѣтомъ, окрашеннымъ сыростью и мглой. На облучкѣ каждой повозки сидитъ конвойный, двое другихъ помѣщаются на задкѣ, свѣсивъ ноги. Въ одной повозкѣ помѣстились женщина съ грудным ребенкомъ; тѣсно имъ, колѣна сдавлены и при каждомъ ухабѣ (а много ихъ по этой многострадальной дорогѣ) зачастую раздается стонъ, или плачъ проснувшагося младенца. Одна только женщина сидитъ безъ ноши на своихъ скрещенныхъ рукахъ; она помѣщается посреднѣ, гдѣ все-таки лучше сидѣть и не такъ сильны толчки. Ее замѣтно трясетъ лихорадка; ея худыя, заостренныя плечи часто вздрагиваютъ, сухой кашель вырывается изъ стѣсненной груди и зловѣщія красныя пятна покрываютъ впалыя щеки. Это Лаура, это— убійца своего мужа, по крайней мѣрѣ ее за это судили и присудили. Направо отъ нея, такъ близко, что ея здоровыя и широкія плечи постоянно налягаютъ на сосѣдку, сидитъ высокая баба съ энергичнымъ лицомъ; она постоянно нянчится со своимъ мальчуганомъ, то цѣлуетъ его, то кутаетъ и ласкаетъ; это — тоже убійца: мужъ ее обманывалъ, она его пырнула ножомъ. Рядомъ съ нею помѣщается молоденькая бабенка, съ какимъ-то вѣчно испуганнымъ выраженіемъ на своемъ кроткомъ лицѣ, какъ будто она опомниться не могла, что свершила такое страшное

дѣло: та своего свекра топоромъ хватила и уложила на мѣстѣ, стерпѣть не могла... Она именно объ этомъ разговорилась съ сосѣдкой, обѣ вспоминали о вынесенныхъ обидахъ, охали, вздыхали и искоса посматривали на барыню-убійцу, внушавшую имъ невольное уваженіе. Молчаливая, погруженная въ себя Лаура до сихъ поръ не проронила почти ни слова, она отвѣчала ласково, но коротко, когда къ ней обращались, и тотчасъ впадала опять въ апатическое состояніе, съ которымъ вышла изъ тюрьмы и очутилась на телѣгѣ, везшей ее на каторгу. Она сначала не сознавала, что̀ съ нею дѣлается и гдѣ находится, и оставалась равнодушною ко всѣмъ условіямъ окружавшей ее обстановки. Лихорадка отымала способность думать и чувствовать. Она кутала сь въ своемъ грубомъ сѣромъ армякѣ, замѣнившемъ теперь кашемировую шаль, закрывала глаза и старалась забыть и замереть. Но сегодня непрошенныя воспоминанія проснулись въ ней и назойливо тѣснились въ умѣ, вызванныя разсѣяннымъ сравненіемъ промелькнувшей рощицы съ излюбленнымъ уголкомъ на вѣкъ покинутой усадьбы. Сцена свиданія на постояломъ дворѣ предстала предъ нею, заставляя ее невольно переживать всѣ эти грустныя страницы жизни, сказавшей свое послѣднее слово. Напрасно Лаура старалась отбросить и отклонить печальныя мысли, онѣ дразнили ее и довели наконецъ до такого отчаянія, что она громко застонала. Ея сосѣдка, широкоплечая Матрена, съ лаской обернулась къ ней.

— Что̀, милая барыня, аль сильно тряхнуло тебя, али отъ лихорадки?

Лаура отрицательно покачала головой.

— Ничего, не тѣло болитъ у меня, отвѣтила она,—душа болитъ.

Это вырвалось у нея противъ воли. Матрена съ участіемъ оглядѣла ее, покачала головой и продолжала:

— Извѣстно болитъ. Ты вотъ все, болѣзная моя, молчишь и мыкаешь свое горе сама про себя, оно тебя и заѣло, и съ людьми и посмѣяться, и поплакать сподружиѣе. Вѣдаю вѣдь я, что не легко тебѣ: сама такую же но́шу на плечахъ тащу, и все буду пока Господь не смилуется... охъ, грѣхи мои тяжкіе! Ванюху-то я своего убила, а забыть не могу... вотъ стоитъ опъ, середечный, предо мною весь въ крови, какъ я его тогда значитъ пожомъ-то пырнула... вѣкъ проживу, кажись, не забуду... и ты не забудешь своего...

— Я мужа не убивала, опъ самъ застрѣлился, порывисто

вырвалось у Лауры. Замѣтивъ выраженіе недовѣрія на лицѣ собесѣдницы, она осѣнила себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ.— Вотъ тебѣ крестъ, не я убила... вѣдь теперь все равно, присудили, сказала бы правду.

— А зачѣмъ онъ руки-то на себя положилъ?

Этотъ вопросъ смутилъ Лауру. Какъ объяснить этой простой душѣ нравственную драму, которая окончилась выстрѣломъ? А разъ начавъ разговоръ, она чувствовала потребность довести его до конца, высказать свое сомнѣніе и провѣрить себя. Какая-то невольная сила толкала ее разоблачиться предъ этою женщиной, взаправду убившею своего мужа и глядѣвшею на нее съ такимъ искреннимъ участіемъ. Она начала свой печальный разсказъ, прискипая слова попроще, чтобъ описать умственный недугъ Иванова и свой собственный и объяснить отчего, обвиненная въ убійствѣ, она не протестовала и дала себя осудить не оправдываясь. Медленно шла повозка, качаясь во всѣ стороны, и скрипъ ея съ бряцаніемъ желѣза едва позволялъ Матренѣ услѣдить за исповѣдью убійцы-барыни. Когда та наконецъ замолчала, крестьянка глубоко вздохнула и, наклонившись, нѣжно дотронулась губами до щеки заснувшаго ребенка своего.

— Жаль мнѣ тебя, барынька милая, сказала она съ участіемъ, глядя на лицо Лауры, которое теперь пылало лихорадочнымъ жаромъ,—хоть не рукой своей, а все-таки ты убила человѣка... христіанскую душу довела до такого дѣла... Понятно, что искупить тебѣ захотѣлось, ты вотъ приняла наказаніе и пошла по своей волѣ на каторгу... Хорошо, моя милая, неси крестъ свой за себя и за несчастнаго, замаливай, авось Господь сжалится и приберетъ скоро къ себѣ...

Какъ громомъ пораженная глядѣла Лаура на убійцу, сказавшую ей такъ просто истину, которая до сихъ поръ была отъ нея сокрыта: *она* довела Иванова до самоубійства, *она* его убійца. Она дала себя осудить, потому что устала жить и смутно говорила себѣ, что это тоже смерть хотя медленная, и все же отъ рукъ Иванова. Она приняла это чувство за смиреніе; а теперь поняла, что это была гордость... Безхитростной Матренѣ недоступна была психическая сторона вопроса, но ея выводъ былъ безусловно справедливъ, и Лаура смиренно склонилась предъ нимъ. Въ нравственныхъ потемкахъ, въ которыхъ она прожила столько мѣсяцевъ точно мнимоумершая опущенная въ гробъ, вдругъ блеснулъ лучъ свѣта и озарилъ не только пройденную

дорогу, но и дорогу впереди. „Искупить захотѣлось“, эти два слова вертѣлись въ умѣ ея, все глубже и глубже проникали въ него, принося съ собою успокоеніе и отрезвленіе. Лаура повторяла ихъ мысленно съ какою-то нѣжностью и благодарностью; жизнь давно утратила для нея всякую цѣну и значеніе, человѣчество ей надоѣло, мыслить опротивѣло, и вотъ одно простое слово „искупленіе“, прикоснувшись къ ея существу, воскресило его. Оно окрасило жизнь новымъ цвѣтомъ и заставилъ Лауру съ ужасомъ прислушиваться къ проснувшемуся голосу совѣсти. Да, она виновата, сначала тѣмъ, что отреклась отъ наложенныхъ на нее богатствомъ обязанностей, потомъ потому что довела мужа своимъ равнодушіемъ до самоубійства... Смерть и жизнь, жизнь черезъ смерть, искупленіе и смиреніе,—все это вихремъ кружилось въ ея головѣ. Какъ въ молодости Лаура испугалась предъ несоразмѣрностью страданій человѣчества и ея собственнымъ стремленіемъ идти ему на помощь, и теперь она съ тоской спрашивала у себя: какъ и чѣмъ искупить? Вѣдь у нея ничего больше нѣтъ, она сама нищая, осужденная на страданіе и медленную смерть, кругомъ нея та же нищета и страданіе...

Лаура тоскливо окинула взглядомъ все, что̀ окружало ее, и остановилась на самомъ отдаленномъ отъ нея углу повозки. Тамъ, совсѣмъ сдавленная сосѣдками и огромною спиной сидящаго на облучкѣ конвойнаго, сгорбившись, примостилась бѣдная старушонка самаго жалкаго вида. У той на колѣнихъ сидѣлъ и внукъ ея, толстый и здоровый мальчуганъ пяти лѣтъ, не подозрѣвавшій въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи куда и за что̀ обречены отецъ его и бабушка. Подъ его бременемъ старушка совсѣмъ изнемогла, ей нельзя было ни протянуть ногъ, ни опереться, всякій толчекъ, забавляя ребенка, заставлялъ ее болѣзненно морщиться и кряхтѣть. При видѣ этого лица, на которомъ запечатлѣлись всѣ лишенія и горести многострадальной жизни, что-то кольнуло Лауру въ грудь, ея сердце, которое она считала давно умершимъ, вдругъ встрепенулось и она стремительно привстала.

— Тетушка, сказала она, обращаясь къ старухѣ, голосомъ, въ которомъ прозвучала вся радость проснувшагося въ ней чувства, — тетушка, не хочешь ли помѣняться со мною мѣстомъ? Здѣсь лучше сидѣть, а то твои старыя кости тамъ совсѣмъ окоченѣютъ.

Старуха боязливо и недовѣрчиво посмотрѣла на барыню убійцу, готовую уступить ей лучшее мѣсто, а Матрена стала громко

протестовать изъ боязни, что ея собственному ребенку станетъ неудобнѣе отъ перемѣны сосѣдства. Но Лаура нагнулась и прошептала ей:

— Ничего, голубушка, потерпи, посмотри на нее, вѣдь въ чемъ душа держится, а сидитъ на самомъ непокойномъ мѣстѣ. Ежели ты съ нею обойдешься ласково, я буду дѣлиться съ тобою ѣдой. Я вѣдь больная, приговоренная, мнѣ многаго не надо, а ты вотъ какая здоровая подп!

Матрена усмѣхнулась въ знакъ согласія и посторонилась; старуха добралась до уступленнаго мѣста и со вздохомъ облегченія протянула свои уставшія ноги.

Лаура съежилась въ своемъ углу, закрыла глаза и задумалась.

— Барыня, эй, милая барыня, раздался вдругъ пронзительный голосъ Матрены,—чему ты такъ сладко улыбаешься? Вотъ гляжу я все на тебя, лицо у тебя радостное такое, точно Господь тебѣ счастье какое послалъ.

Именно послалъ. Въ Лаурѣ проснулась наконецъ женщина съ ея милосердіемъ и пылкимъ стремленіемъ къ самозабвенію, и она улыбалась этому открытію, все освѣтившему предъ ней, новая будущность вставала предъ ней, освященная любовью и вѣрой.

Графиня Лидія Андреевна Ростопчина.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО.

Соч. Рене Базена.

(Переводъ съ французскаго.)

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23. Вотъ все, что̀ я могу сказать о первыхъ двадцати трехъ годахъ моей жизни. Достаточно одного перечня: онъ хорошо рисуетъ ихъ общее сходство и ихъ общее однообразіе.

Я очень рано лишился родителей. Я едва помню черты ихъ лица и вовсе не помнилъ бы нашего дома въ Шартрѣ, еслибы не воспитывался неподалеку отъ него; домъ этотъ, правда, былъ проданъ и также умеръ для меня. Да, судьба иногда бываетъ сурова: въ Шартрѣ я родился. Шартрскій лицей поглотилъ восемнадцать лѣтъ моей жизни. Инспекторъ нашъ имѣлъ обыкновеніе повторять, что гимназія есть вторая родная семья, причемъ я всегда думалъ, что онъ этимъ обижаетъ первую родную семью.

Едва получаю я аттестатъ зрѣлости, какъ мой дядя и опекунъ г. Брутъ Мулльяръ, стряпчій въ Буржѣ, отправляетъ меня для изученія права въ Парижъ. Я провожу тамъ три года. Дѣло кончено: уже полтора года, какъ я получилъ аттестатъ лиценціата и въ этомъ качествѣ, по выраженію моего дяди, принимаю присягу, преображающую меня въ адвоката. Каждый понедѣльникъ, аккуратно, я отправляюсь подписывать со многими другими

присутственный листъ и повидимому пріобрѣтаю этимъ какія-то данныя для довѣрія со стороны вдовы и сироты.

Въ теченіе курса моихъ юридическихъ наукъ я благополучно довелъ до конца также и изученіе словесныхъ наукъ. Въ настоящее время я стремлюсь къ полученію диплома доктора правъ. Экзамены мои были основательны, не блестящи: слишкомъ много литературныхъ склонностей. Мой профессоръ г. Фламаранъ хорошо выразилъ мнѣ это: „Наука о правѣ, молодой человѣкъ, ревнива; она не допускаетъ раздѣленій въ сердцѣ!“ Есть ли раздѣленіе въ моемъ сердцѣ? Я этого не думаю, но я не признаюсь въ этомъ г. Мулльяру, который еще не позабылъ моей продѣлки относительно словесныхъ наукъ. Онъ основываетъ нѣкоторыя надежды на мнѣ и естественно, что и я въ свою очередь основываю нѣкоторыя надежды на немъ.

Въ сущности, вотъ все мое прошедшее: два завоеванные пергамента. Третій дипломъ въ перспективѣ и дядя, которому я наслѣдую,—вотъ мое будущее. Можно ли вообразить себѣ что-либо болѣе обыкновенное.

За то и записывать что бы то ни было никогда мнѣ не приходило въ голову до сего дня, 10 декабря 1884 г. Никакихъ событій, никакой хроники. Я могъ бы такъ и умереть. Но кто можетъ предвидѣть неожиданныя превращенія въ жизни? Кто можетъ предвидѣть, что эта катушка, до сихъ поръ такъ мирно разматываемая, вдругъ запутается? Сегодня со мною случилось серьезное событіе. Оно взволновало меня съ первой минуты и еще болѣе по размышленіи. Внутренній голосъ подсказалъ мнѣ, что эта причина будетъ имѣть многочисленныя послѣдствія, что я нахожусь при возникновеніи эпохи или, какъ говорятъ романисты, при жизненномъ кризисѣ. Мнѣ показалось, что по отношенію къ самому себѣ я обязанъ писать свои воспоминанія, и вотъ почему я купилъ эту коричневую тетрадь въ галлереяхъ Одеона. Я хочу занести въ нее самый фактъ въ его мельчайшихъ подробностяхъ, а затѣмъ, если будетъ продолженіе, то и послѣдствія, которыя изъ него проистекутъ.

Я употребилъ совершенно вѣрное слово „проистекутъ“, такъ какъ рѣчь идетъ о чернильномъ пятнѣ.

Оно едва успѣло высохнуть, мое чернильное пятно; оно такъ велико, такъ странно по своей формѣ, по-истинѣ такъ чудовищно, и это все равно, разсматривать ли его съ его физической стороны, или же въ его нравственномъ отношеніи. Это совсѣмъ

иная вещь, чѣмъ простая случайность: до нѣкоторой степени оно относится къ области посягательства. Я сдѣлалъ это чернильное пятно въ Національной Библіотекѣ и на... Но не будемъ забѣгать впередъ.

Я часто хожу работать въ Національную Библіотеку и не въ общую залу, а въ залу единственно открытую только для ученыхъ, имѣющихъ ученое званіе и запасшихся особымъ разрѣшеніемъ. Я всегда вступаю въ эту залу съ впечатлѣніемъ, совмѣщающимъ въ себѣ и чувство нѣкотораго уваженія, и чувство удовлетвореннаго тщеславія. Потому что сюда не можетъ придти всякій, кому вздумается. Мнѣ приходится проходить мимо будочки привратника, который беретъ на сохраненіе мой дождевой зонтикъ, прежде чѣмъ добраться до торжественнаго швейцара, который сидитъ за тамбуромъ двери: двойная охрана, свидѣтельствующая о величіи мѣста. Швейцаръ меня знаетъ. Онъ уже не требуетъ у меня моей пропускной карточки. Разумѣется, я еще не принадлежу къ старымъ знакомымъ, которымъ онъ улыбается, но я уже и не принадлежу къ числу новичковъ, у которыхъ онъ требуетъ паспорты. Легкое наклоненіе его головы вводитъ меня въ храмъ и положительно означаетъ: „Вы изъ здѣшнихъ, правда, еще немножко молоды, но все равно, входите.“

И я вхожу, и всякій разъ восхищаюсь обширными размѣрами помѣщенія, строгимъ убранствомъ стѣнъ, вдоль которыхъ тянутся широкіе трельяжи зелени и полки, уставленныя рядомъ наиболѣе употребительныхъ книгъ, которыя можно достать рукой; восхищаюсь ареопагомъ библіотекарей и смотрителей, засѣдающихъ здѣсь на чемъ-то въ родѣ эстрады въ концѣ залы, устланной заглушающими шаги коврами, и позади еще тѣмъ святилищемъ, въ которомъ работаютъ привилегированные изъ привилегированныхъ, какъ я думаю, лица, принадлежащія къ двумъ или тремъ академіямъ. Направо и налѣво этой аллеи стоятъ ряды столовъ и креселъ, по которымъ размѣщается по законамъ обратившейся въ привычку фантазіи все ученое населеніе библіотеки. Мужчины здѣсь составляютъ огромное большинство. Если смотрѣть на ихъ склонившіяся головы сзади, то невольно думается объ опустошеніяхъ, производимыхъ мыслью въ области волосной кожи. Не считая нѣсколькихъ южанъ, волосы которыхъ сѣдѣютъ, но не падаютъ, Боже, сколько плѣшивыхъ! Въ окошечки дверей посѣтители только и видятъ, что эти опустошенные затылки. Тамъ и сямъ, случайно, среди мужчинъ встрѣчается нѣсколько женщинъ. Сюда

приходила Жоржъ Зандъ. Мнѣ неизвѣстны фамиліи и родъ занятій ея преемницъ; я замѣтилъ только, что онѣ одѣваются въ темные цвѣта, надѣваютъ на себя множество различныхъ шалей и носятъ густую вуалетку: чувствуется, что любовь далека отъ нихъ или далека отсюда.

Многіе изъ ученыхъ отвертываются, когда я прохожу, слѣдятъ за мною безсмысленнымъ взоромъ читающаго, который еще весь, охваченный написанною мыслью, бываетъ невнимателенъ къ тому, что онъ видитъ. Потомъ вдругъ ихъ охватываетъ раскаяніе въ разсѣянности, они на меня досадуютъ, ихъ взоръ загорается огнемъ нетерпѣнія, и каждый снова углубляется въ открытую книгу. Но я имѣю время угадать ихъ внутреннія восклицанія:—Я изучаю происхожденіе ремеслъ!—Я—царствованіе Людовика XII!—Я—романскія нарѣчія!—Я—гражданское положеніе женщины при Тиверіи!—Я кропаю новый переводъ Горація!—Я разражаюсь седьмою статьей для *Ni Dieu, ni Maître* о крѣпостномъ правѣ въ Россіи! И всѣ они какъ будто прибавляютъ, обращаясь ко мнѣ:—А ты зачѣмъ являешься сюда, юнецъ? Что можно писать въ твои годы? Зачѣмъ смущаешь ты тишину этого почтеннаго мѣста?—Увы, милостивые государи, зачѣмъ я являюсь сюда? для писанія своей докторской диссертаціи. Мой дядя и бывшій опекунъ г. Брутъ Мульяръ, стряпчій въ Буржѣ, торопитъ меня окончаніемъ, вызываетъ меня въ провинцію и негодуетъ на медленность моего сочиненія. „Достаточно теорій, къ дѣлу! восклицаетъ онъ.—Пускай еще хлопотать о пріобрѣтеніи этого диплома, но что за мысль выбрать подобный предметъ!“

Дѣло въ томъ, что предметъ для моей диссертаціи былъ искусно мною выбранъ для продленія моего пребыванія въ Парижѣ: „Юпійскіе Латиняне“. Да, это былъ предметъ новый, почти невозможный для пролитія на него какого-либо свѣта, не имѣющій никакого даже самаго отдаленнаго соотношенія съ занятіями какой бы то ни было профессіи, безо всякой практической пользы. Вы не въ состояніи вообразить себѣ, чего только стоила мнѣ эта диссертація.

Правда, что свои ученыя изслѣдованія я чередую съ чтеніемъ нѣкоторыхъ привлекательныхъ книгъ, съ посѣщеніями выставокъ и театровъ. Дядя мой объ этомъ ничего не знаетъ. Для его успокоенія я каждый мѣсяцъ возобновляю свой билетъ въ Національную Библіотеку и каждый мѣсяцъ посылаю ему уже истекшій

билетъ съ подписью г. Леопольда Делиля. У него цѣлый ящикъ такихъ билетовъ. И въ невинности своего сердца г. Муллъяръ про себя восхищается этимъ племянникомъ, новымъ бенедиктинцемъ, который проводитъ день въ Національной Библіотекѣ, а ночь за Гаемъ, который единственно занятъ Юнійскими Латинянами, который равнодушенъ ко всему, что̀ не Юнійскіе Латиняне въ этомъ Парижѣ, который еще до сихъ поръ мой дядя называетъ современнымъ Вавилономъ. И вотъ сегодня утромъ я прибылъ въ библіотеку въ самомъ трудолюбивомъ настроеніи, когда случилось несчастіе. Возлѣ стола, за которымъ засѣдаютъ библіотекари, находятся два пюпитра, на которыхъ записываются названія книгъ, которыя желаютъ получить. Я писалъ за пюпитромъ, что̀ находится направо, къ которому примыкаетъ первый рядъ столиковъ. Отсюда-то и произошла вся бѣда. Еслибъ я писалъ за пюпитромъ, который находится налѣво, ничего бы не случилось. Такъ вотъ нѣтъ же! Только-что успѣлъ я самымъ неразборчивымъ почеркомъ написать названіе, имя автора и форматъ одной извѣстной книги о римскихъ древностяхъ, какъ вдругъ, когда я сталъ класть на мѣсто прикрѣпленное къ пюпитру цѣпочкой перо, по какой-то разсѣянности, неловкости, словомъ, по какой-то злой бѣдѣ, я положилъ перо на самый край пюпитра и оно покатилось внизъ. Я слышу звукъ развертывающейся цѣпочки, слышу какъ перо все катится и затѣмъ вдругъ останавливается. Бѣда совершилась. Рѣзкій толчокъ при остановкѣ пера заставилъ отдѣлиться съ его кончика огромную каплю чернилъ и капля эта... Ахъ, я какъ сейчасъ вижу, какъ изъ - за пюпитра поднимается маленькій, сѣденькій, худенькій и пылающій гнѣвомъ человѣчекъ.

— Какая неловкость! Вдругъ сдѣлать пятно на изданіи, относящемся до 1500 года!

Я наклонился. На листѣ фоліанта, рядомъ съ заглавною разукрашенною буквой расплылось мое чернильное пятно. Вокругъ первоначальнаго главнаго пятна во всѣ стороны разлетѣлись брызги всевозможныхъ видовъ и формъ, лучи, ракеты, линіи изъ точекъ, копья, словомъ, все непредвидѣнное хаосомъ; затѣмъ, вслѣдствіе наклона пюпитра, образовались каналы, и изъ опрокинувшейся чернильницы потекъ черный извивающійся ручей прямо къ тому же пятну. Нѣсколько сосѣдей поднялись со своихъ мѣстъ и глядѣли на меня глазами слѣдственныхъ судей. Я ожидалъ скандала и, не двигаясь съ мѣста, съ глупымъ видомъ

бормоталъ какія-то не могущія ничего поправить слова: „какое несчастье! Я въ отчаяніи! Еслибъ я только зналъ!“ Читатель фоліанта также оставался неподвижнымъ: мы оба смотрѣли на то, какъ растекались чернила. Но вотъ къ нему вернулось присутствіе духа, съ лихорадочною поспѣшностью онъ порылся въ своемъ кожаномъ портфелѣ и, вытащивъ оттуда листъ пропускной бумаги, принялся снимать чернила съ осторожностью сестры милосердія, которая заботливо обмываетъ рану. Я воспользовался этимъ, чтобы скромно пробраться къ третьему ряду столиковъ, гдѣ библіотечный слуга уже положилъ для меня книги. Страхъ такъ глупъ! Можетъ-быть, что ничего болѣе не говоря, скрывшись, закрывъ лицо руками, какъ человѣкъ, подавленный своею отвѣтственностью, я обезоружу его гнѣвъ? Я старался повѣрить этому. Но я отлично понималъ, что еще не все кончено. Едва успѣвъ сѣсть, я поднялъ глаза. Сквозь пальцы я увидѣлъ маленькаго сѣденькаго господина, который, стоя, жестикулировалъ возлѣ одного изъ смотрителей. То онъ ударялъ указательнымъ пальцемъ по вещественному доказательству, то въ полуоборотъ указывалъ на меня, и, не слыша словъ, я угадывалъ всю рѣзкость употребляемыхъ имъ противъ меня выраженій. Смотритель мнѣ показался взволнованнымъ. Я чувствовалъ, что краснѣю. „Относительно чернильныхъ пятенъ, думалось мнѣ, долженъ существовать какой-нибудь законъ, декретъ, постановленіе, что-нибудь охраняющее старыя изданія. И кара должна быть ужасна, потому что она придумана учеными: исключеніе, безъ сомнѣнія, кромѣ штрафа, огромнаго штрафа. Они готовятся расправиться со мною. Эта тетрадь, съ которою они справляются, очевидно каталогъ продажи, при которой было куплено это сокровище. Мнѣ придется заплатить за фоліантъ. О дядя Мулльяръ!“

Таковы были мои грустныя размышленія, когда одинъ изъ слугъ, приближеніе котораго я не замѣтилъ, вдругъ притронулся къ моему плечу.

— Г. смотритель васъ требуетъ.

Я всталъ и пошелъ. Грозный читатель уже вернулся къ своему мѣсту.

— Это вы, милостивый государь, сдѣлали пятно на фоліантѣ?

— Да, г. смотритель.

— Вы сдѣлали это ненамѣренно?

— Разумѣется, я очень сожалѣю объ этой несчастной случайности.

— Вы правы. Это одна изъ самыхъ рѣдкихъ книгъ; впрочемъ, и пятно также изъ самыхъ рѣдкихъ: такихъ пятенъ не дѣлаютъ.

Мнѣ хотѣлось отвѣтить: „пятна дѣлаютъ, какъ умѣютъ“: но я удержался.

— Потрудитесь оставить мнѣ ваше имя, отчество, фамилію, званіе и адресъ.

Я написалъ: Фабіанъ-Жанъ-Жакъ Мульяръ, адвокатъ, 91, Рейнская улица.

— Это все? спросилъ я.

— Да, пока все. Но я васъ предупреждаю, что г. Шарно крайне не доволенъ. Было бы весьма кстати попросить у него извиненія.

— У г. Шарно?

— Это тотъ членъ Института, который читалъ этотъ фоліантъ.

„Господи Боже мой! вздохнулъ я, возвращаясь къ моему креслу, о немъ-то должно-быть и говорилъ мнѣ предсѣдатель экзаменаціонной коммиссіи г. Фламаранъ! Онъ членъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, а г. Шарно членъ Академіи надписей и изящной словесности. Шарно? да, это имя удержалось въ памяти моего слуха. Послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, онъ бросилъ мнѣ „мой превосходный другъ Шарно, членъ Академіи надписей“. Они близки между собою. И вотъ я очутился въ прекрасномъ положеніи: что-то угрожаетъ мнѣ со стороны, библіотеки, потому что смотритель положительно сказалъ мнѣ, что это все пока, но не въ будущемъ: съ другой стороны если этотъ ученый человѣкъ желчный, мнѣ грозитъ то, что онъ повредитъ мнѣ въ глазахъ предсѣдателя экзаменаціонной коммиссіи.

„Надобно просить извиненія. Что же мнѣ сказать г. Шарно? Въ сущности мнѣ слѣдовало бы извиняться передъ фоліантомъ. Я запачкалъ не г. Шарно: крахмальной воротничекъ и манжеты у него остались чистыми: чернильное пятно, брызги, все это пришлось на долю фоліанта. Я скажу ему: „„Милостивый государь, я горячо сожалѣю о томъ, что такъ несчастливо потревожилъ васъ среди вашихъ ученыхъ изслѣдованій““. Выраженіе ученыя изслѣдованія будетъ ему лестно. Это будетъ могущественнымъ смягчительнымъ средствомъ.“

Я только-что собрался встать. Г. Шарно предупредилъ меня.

Острый періодъ страданія не всегда бываетъ въ началѣ. Я видѣлъ какъ онъ идетъ еще болѣе нервный, еще болѣе раздра-

женный, чѣмъ въ самую минуту несчастія. Надъ его узкимъ выбритымъ подбородкомъ гнѣвъ заставлялъ какъ-то длиннѣе вытянуться его губы. Рука его дрожала надъ его портфелемъ. Онъ бросилъ мнѣ трагическій взоръ и прошелъ мимо.

Ну что же! проходите, г. Шарпо! извиненія не просятъ у человѣка въ гнѣвѣ. Я попрошу у васъ извиненія впослѣдствіи, когда мы снова увидимся... если только мы когда-нибудь съ вами увидимся.

28 декабря 1884.

Я сегодня былъ у г. Фламарана. Я уже съ недѣлю подумывалъ объ этомъ, такъ какъ мои Юнійскіе Латиняне находились въ отчаянномъ положеніи. Этотъ интересный классъ вольноотпущенныхъ начинаетъ возбуждать во мнѣ какую-то страсть. Сочувствіе это, въ сущности, вполнѣ естественно: Юнійскіе Латиняне, это бѣдные рабы, освобожденія которыхъ не признавало древнее формалистическое римское право, потому что ихъ хозяевамъ вздумалось освободить ихъ иначе, чѣмъ посредствомъ ценза или завѣщанія; это были, слѣдовательно, люди обездоленные, жертвы законодательной нетерпимости горделиваго города. Развѣ уже это одно не трогательно? Затѣмъ появляется Юній Норбанусъ, истинный демократъ, консулъ своего государства, который вноситъ законъ, заставляетъ его вотировать и даруетъ имъ свободу. Они сдѣлались свободными благодаря ему; онъ будетъ жить благодаря имъ. Отнынѣ если рабъ, послѣ попойки, заслужитъ нѣсколько добрыхъ словъ отъ своего хозяина, онъ Юнійскій Латинянинъ; если онъ названъ „мой сынъ“ въ общественномъ актѣ, онъ Юнійскій Латинянинъ; если на немъ надѣта шапка свободнаго, при погребеніи его хозяина, онъ — Юнійскій Латинянинъ; если онъ обмахиваетъ опахаломъ трупъ, онъ опять-таки Юнійскій Латинянинъ за свой трудъ.

Что за молодчина этотъ Норбанусъ, какъ онъ обо всемъ подумалъ, даже до мельчайшихъ подробностей похоронъ, чтобъ и здѣсь найти поводъ для освобожденія! И это среди войнъ Марія и Суллы, въ которыхъ и онъ принималъ участіе. Я его воображаю себѣ, вечеромъ послѣ битвы, сидящимъ предъ своею палаткой. Опершись на свой щитъ, онъ задумчиво смотритъ на раба, исправляющаго зазубрины его меча. Глаза его увлажняются и онъ шепчетъ: „Я приготовляю тебѣ, о вѣрный Стихусъ, пріятную неожиданность, когда наступитъ миръ. Ты услышишь о законѣ *Junia Norbana*, ручаюсь тебѣ въ этомъ!“

Не можетъ ли это служить для картины или для статуи предметомъ вполнѣ достойнымъ, чтобы быть избраннымъ для конкурса на римскій призъ?

Человѣкъ, столь заботившійся о подробностяхъ, долженъ былъ бы дать и особенный костюмъ этимъ особеннымъ создаваемымъ имъ свободнымъ. потому что въ Римѣ даже и свобода имѣетъ свою ливрею. Каковъ же былъ этотъ костюмъ? Можетъ-быть его вовсе не существовало? Вопроса этого ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ текстовъ не выясняетъ. Но мнѣ остается еще одно средство: г. Фламаранъ, который знаетъ такъ много вещей, можетъ-быть знаетъ и это.

Г. Фламаранъ съ Юга, изъ Марселя, если я не ошибаюсь. Онъ занимался не спеціально римскими древностями, но такъ какъ онъ знаетъ все, то это сводится къ тому же. Онъ рано сдѣлался знаменитымъ, и вполнѣ заслуженно: мало юрисконсультовъ, которые бы говорили такъ хорошо, такъ ясно, такъ увѣренно. Дѣла онъ ведетъ великолѣпно. Его совѣты очень цѣнятся. Но сколько услугъ оказали ему книги, которыхъ онъ иногда не писалъ! Во времена нашихъ дядей, уже всѣ шептали другъ другу на ухо въ коридорахъ школы:—Вы знаете? Фламаранъ скоро выпуститъ второй томъ своего большаго сочиненія; онъ рѣшается издать курсъ своихъ лекцій; у него уже печатается трактатъ, который взволнуетъ всѣ гипотеки: онъ трудится надъ нимъ двадцать лѣтъ, и это положительный шедевръ. — Дни бѣгутъ. Ничего не появляется. Репутація г. Фламарана тѣмъ не менѣе все растетъ. Странное явленіе! Всѣ мы знаемъ алоэ *Jardin des Plantes*. Когда алоэ цвѣтетъ, это событіе. Подумайте только: цвѣтокъ, которому понадобилось, какъ говорятъ зѣваки, двадцать весенъ, двадцать лѣтъ, двадцать осеней и двадцать зимъ для того, чтобы рѣшиться расцвѣсти. Весь Парижъ забываетъ розы. Но положеніе относительно г. Фламарана безъ сравненія еще любопытнѣе: каждый годъ объявляютъ о томъ, что онъ зацвѣтетъ, онъ не цвѣтетъ, а успѣхъ его отъ этого ни мало не уменьшается! Ему засчитываютъ произведенія, которыя онъ могъ бы создать: счастливый авторъ!

Г. Фламаранъ принадлежитъ къ старой школѣ профессоровъ; онъ суровъ и на экзаменахъ гроза кандидатовъ. Когда онъ въ мантіи, онъ откажется отъ роднаго сына. При немъ ничто не помогаетъ. Рекомендаціи дурно располагаютъ его. Самые терпѣливые Румынцы, самые подлинные Японцы пользуются столь же

мало милости въ его глазахъ, какъ и притворные запки, притворные глухіе или мнимо выздоравливающіе. Востокъ и Западъ предъ нимъ равны. Отставные писцы, почетные привратники, жаждущіе какихъ-нибудь поблажекъ, не обладаютъ даромъ смягчить его; однолѣтній добровольцъ можетъ сколько ему угодно выставлять изъ-подъ мантіи воротникъ мундира, онъ не будетъ пользоваться этимъ патріотическимъ снисхожденіемъ, которое онъ надѣялся внушить. Его словечки въ качествѣ экзаменатора знамениты: у него бывали мрачныя шутки, какъ, напримѣръ, слѣдующая фраза, сказанная имъ одной изъ его жертвъ: — Вы изучаете право, милостивый государь, а для земледѣлія не хватаетъ рукъ!—Что до меня, то я завоевалъ себѣ его расположеніе при обстоятельствахъ, которыя я буду помнить всю жизнь. Я держалъ свой первый экзаменъ. Мы бесѣдовали, или вѣрнѣе, я оставлялъ его говорить объ опекѣ, поддакивая его ученымъ объясненіямъ. Вдругъ онъ прервалъ самого себя: — Сколько составилось касательно этого мнѣній? — Два. — Одно изъ нихъ нелѣпо. Которое? Я ставлю вамъ дурную отмѣтку, если вы ошибетесь!—Я размышлялъ три секунды, три секунды агоніи, затѣмъ наугадъ отвѣтилъ: — Первое, г. профессоръ!—Я угадалъ вѣрно. Мы были друзья. Впрочемъ, профессоръ этотъ превосходный человѣкъ, относящійся отечески какъ только дѣло не касается чести права и юридическихъ наукъ, прямой до того, что это вошло въ пословицу, и весьма почтенный въ частной жизни. Можно видѣть, какъ по возвращеніи домой онъ ухаживаетъ за канарейками, что, по его словамъ, не составляетъ перемѣнъ занятій.

Чтобы быть у г. Фламарана, мнѣ надобно только проѣхать чрезъ Люксембургскій садъ; я люблю эту дорогу, эта дорога студентовъ. Вотъ я уже у его двери.

— Г. Фламаранъ?

Отпирающая мнѣ дверь старуха серьезно осматриваетъ меня съ головы до ногъ. Приходитъ столько студентовъ—первокурсниковъ, которые, подъ предлогомъ уваженія, безпокоятъ г. Фламарана! Уваженіе! можно было бы умереть, еслибы было необходимо ихъ всѣхъ принимать. Она догадывается, безъ сомнѣнія по моимъ усамъ, что я по меньшей мѣрѣ лиценціатъ, и говоритъ: — Кажется, онъ дома.

И онъ дѣйствительно дома, закутанный въ свой халатъ, въ своемъ чрезмѣрно натопленномъ кабинетѣ; онъ прищуриваетъ

одинъ глазъ, чтобы другой лучше видѣлъ, колеблется, узнаетъ меня, протягиваетъ мнѣ руки.

— А, вотъ мой Юнійскій Латиняшинъ, какъ вы поживаете?

— Очень хорошо, г. Фламаранъ; вотъ мои Юнійскіе Латиняне такъ поживаютъ плохо.

— Невозможно. Мы сейчасъ это посмотримъ. Но прежде всего я не помню откуда вы, а я люблю знать кто откуда.

— Я изъ Шартра. А каникулы провожу въ Буржѣ у моего дяди Мулльяра.

— Да, да, *Mouillart*, съ t на концѣ?

— Нѣтъ, съ *d*.

— Дѣло въ томъ, видите ли, что нѣкогда я зналъ одного генерала Мулльяра, который участвовалъ въ Крымской войнѣ, прелестный былъ человѣкъ. Но онъ очевидно не принадлежалъ къ вашему роду, потому что его фамилія оканчивалась на *t*.

Онъ говорилъ все это простодушно, мой превосходный наставникъ, съ очевиднымъ желаніемъ быть мнѣ пріятнымъ и выказать какой-нибудь интересъ ко мнѣ.

— Вы женаты, молодой человѣкъ?

— Нѣтъ, г. Фламаранъ, но отвращенія къ браку не питаю.

— Женитесь пораньше. Бракъ есть спасеніе для юности. Въ Буржѣ навѣрное есть миленькія богатыя невѣсты?

— Богатыя невѣсты есть тамъ безъ сомнѣнія. Что же до того милы ли онѣ, то на такомъ разстояніи, на какомъ нахожусь я..

— Понятно, на такомъ разстояніи, на какомъ вы находитесь... Поступите какъ я: соберите справки, съѣздите посмотрѣть! Я ѣздилъ даже въ Форезъ, г. Мулльяръ, чтобы привезти оттуда г-жу Фламаранъ.

— Такъ она изъ Фореза?

— Такъ точно. Я прожилъ тамъ двѣ недѣли; нѣтъ, то-есть четырнадцать дней, какъ разъ въ разгаръ школьныхъ занятій, и привезъ оттуда съ собою Сидонію. Буржъ хорошенькій городокъ.

— Да, лѣтомъ.

— И хорошо расположенный. Я помню отличное дѣло, которое я тамъ выигралъ. Противникомъ моимъ былъ одинъ изъ моихъ ученыхъ коллегъ. Мы оба тамъ произносили рѣчи и разумѣется въ противоположномъ одна другой смыслѣ. Я побилъ его, ахъ! и какъ еще побилъ!

— Совершенно.

— Отъ него ничего не осталось. Вы знаете эту исторію?

— Нѣтъ.

— Великолѣпный вопросъ. У меня гдѣ-нибудь должна быть эта маленькая работа. Я вамъ покажу ее.

Милый человѣкъ совсѣмъ сіялъ. Вѣроятно онъ цѣлый день ни съ кѣмъ не говорилъ и испытывалъ потребность развлечься, быть съ кѣмъ-нибудь любезнымъ: я какъ разъ подвернулся вовремя, и весь душъ розовой воды излился на меня. Онъ всталъ, подошелъ къ шкафу, пробѣжалъ взглядомъ заглавія одного ряда книгъ, взялъ какой-то томъ и сталъ вполголоса читать: „Ассоціація есть громадный рычагъ, на который опирается старое общество чтобы выбраться изъ своихъ пеленокъ и принять болѣе высокое направленіе“... Ба! что это я тутъ читаю? Прошу у васъ извиненія. Это произведеніе одного изъ моихъ коллегъ нравственныхъ наукъ. Да куда же запропастилась эта брошюра?

Онъ разыскалъ ее и вкратцѣ передалъ мнѣ все дѣло съ текстомъ въ рукахъ, съ именами, числами, перипетіями и многочисленными цитатами *in extenso*.

— Да, мой юный другъ, 218.000 франковъ я разомъ выигралъ для г. Пребуа изъ Буржа. Вы знаете г. Пребуа, промышленника?

— Только по имени.

Наконецъ брошюра была снова водворена на полку, и г. Фламаранъ пожелалъ наконецъ вспомнить, что я пришелъ изъ-за Юнійскихъ Латинянъ.

— Какіе тексты васъ затрудняютъ?

— Отсутствіе текстовъ, г. Фламаранъ. Я желалъ бы знать имѣли ли Юнійскіе Латиняне свой отдѣльный костюмъ.

— Вполнѣ законное желаніе.

Онъ почесалъ за ухомъ.

— Гай ничего не говоритъ касательно этого?

— Нѣтъ.

— А Папиніанъ?

— Нѣтъ.

— А Юстиніанъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я вижу только одно средство.

— Какое?

— Сходите къ г. Шарно.

Я почувствовалъ, что блѣднѣю и съ жалобнымъ видомъ пробормоталъ:

— Къ г. Шарно, члену Акад...

— Члену Академіи надписей, моему близкому другу, который приметъ васъ, какъ сына. У него, у бѣдняги, нѣтъ сына.

— Можетъ-быть вопросъ этотъ недостаточно важенъ для того, чтобъ я шелъ такъ...

— Какъ недостаточно важенъ? Всѣ вопросы важны, если они новы. Шарно занимается изученіемъ монетъ: монеты и костюмы, это одно и то же. Я напишу ему, чтобы предупредить его о вашемъ посѣщеніи.

— Пожалуста, г. Фламаранъ.

— Да, да, непремѣнно напишу, и сегодня же вечеромъ. Онъ будетъ очень радъ васъ видѣть. Я, видите ли, знаю его. Онъ, подобно мнѣ, любитъ трудящихся молодыхъ людей.

Г. Фламаранъ протянулъ мнѣ руку:

— До свиданія, молодой человѣкъ, и какъ только получите званіе доктора, женитесь!

Я пришелъ въ себя отъ этого потрясенія только посреди Люксембургскаго сада, возлѣ того мѣста, гдѣ играютъ въ мячъ и гдѣ я опустился на скамейку, совсѣмъ подавленный. И вотъ усердствуйте! Отправляйтесь за совѣтами къ предсѣдателю экзаменаціонной коммиссіи! Ахъ, двадцатитрехлѣтній малый, когда же ты будешь разуменъ?

9 часовъ вечера.

Рѣшено. Я отправляюсь къ г. Шарно. Но прежде я зайду къ его издателю за нѣкоторыми маленькими свѣдѣніями касательно ученыхъ трудовъ этого знаменитаго человѣка, о которомъ я никакого понятія не имѣю.

31 декабря.

Онъ живетъ на Университетской улицѣ.

Я возвращаюсь отъ него. Я былъ принятъ. Я обязанъ этимъ неожиданности, недосмотру прислуги.

Когда я входилъ ровно въ пять часовъ, онъ вертѣлъ надъ лампой спираль изъ бумаги, чтобы забавлять свою дочь, онъ—членъ института, ее—восемнадцатилѣтнюю дѣвушку. Такъ вотъ чѣмъ они занимаются внѣ засѣданій, эти жрецы!

Это происходило въ кабинетѣ, наполненномъ шкафами со стеклами и безъ стеколъ, высокими и низкими, съ колонками и безъ колонокъ, пожелтѣвшими отъ дыма статуэтками, различными столами и столиками, на которыхъ въ изобиліи находились всякія прессъ-папье, разрѣзные ножики, ножички для выскабливанія и такъ-называемыя художественныя чернильницы. Г. Шарно сидѣлъ

предъ столомъ, спиной къ огню, съ поднятою рукой, въ которой онъ держалъ шпильку, служившую осью для легко вращавшейся на ней спирали. По другую сторону стола стояла его дочь, наклонившись впередъ и опершись подбородкомъ на руки; она смѣялась во весь ротъ изъ потребности смѣяться, давать волю своей юности и радовать стараго отца, съ восхищеніемъ смотрѣвшаго на нее.

Я долженъ сознаться, что это была хорошенькая картинка, и что г. Шарно въ эту минуту весьма мало походилъ на того г. Шарно, который вдругъ предсталъ предо мною изъ-за пюпитра.

Созерцаніе это было непродолжительно.

Какъ только я приподнялъ портьеру, молодая дѣвушка быстро выпрямилась и повернула въ мою сторону свою головку съ нѣсколько высокомѣрнымъ видомъ, который, я думаю, скрывалъ нѣкоторое смущеніе. Сохраняя всѣ пропорціи, Діана должна была имѣть такой видъ при появленіи Актеона. Г. Шарно не поднялся съ мѣста, а услыхавъ, что кто-то вошелъ, заставилъ свое кресло сдѣлать полуоборотъ, между тѣмъ какъ его еще ослѣпленные свѣтомъ глаза искали докучливаго посѣтителя въ полумракѣ кабинета.

Я чувствовалъ себя вдвойнѣ неловко предъ этимъ читателемъ фоліанта и этимъ смѣявшимся ребенкомъ.

— Милостивый государь, началъ я,—мнѣ слѣдовало извиниться предъ вами...

Онъ узналъ меня. Молодая дѣвушка сдѣлала движеніе.

— Останься, Жанна, останься, это не будетъ продолжительно: этотъ господинъ пришелъ извиниться.

Такое начало было жестоко.

Можетъ-быть она это подумала и скромно отошла въ темный уголокъ возлѣ самаго отдаленнаго книжнаго шкафа.

— Я очень сожалѣлъ о несчастной случайности, что произошла тогда... Я неосторожно положилъ перо и уронилъ чернильницу... Впрочемъ, я не зналъ, что позади пюпитра есть читающій... Разумѣется, еслибъ я зналъ, я... я поступилъ бы иначе.

Г. Шарно оставлялъ меня тонуть со сдержаннымъ удовольствіемъ любителя рыбной ловли, который держитъ плотву на крючкѣ своей удочки. Онъ видимо находилъ меня до такой степени глупымъ, что я и дѣйствительно былъ глупъ. И затѣмъ никакого отвѣта, ровно ничего. Молчаніе, увы! есть урокъ не только для королей. Это урокъ для всѣхъ. Я отыскалъ еще двѣ,

три фразы столь же плоско несчастныя, которыя онъ выслушалъ съ тою же тонкою улыбкой и въ томъ же молчаніи.

И чтобы выпутаться изъ затрудненія:

— Милостивый государь, сказалъ я,—точно также я пришелъ къ вамъ за однимъ научнымъ свѣдѣніемъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Г. Фламаранъ вѣроятно вамъ писалъ по этому поводу?

— Фламаранъ?

— Да, три дня тому назадъ.

— Я ничего не получалъ. Не правда ли, Жанна?

— Нѣтъ, отецъ, не получалъ.

— Это уже не въ первый разъ, что мой превосходный коллега обѣщаетъ написать и не пишетъ. Все равно, милостивый государь, вы все равно какъ бы мнѣ представлены.

— Я готовлюсь на степень доктора.

— Словесныхъ наукъ?

— Нѣтъ, правъ; но я прошелъ и курсъ словесныхъ наукъ.

— Впослѣдствіи вы вѣроятно пройдете и медицинскій факультетъ?

— О, милостивый государь!

— Почему же нѣтъ, если ужь собирать дипломы? Итакъ, у васъ есть способность къ литературѣ?

— Мнѣ такъ говорили.

— Весьма опредѣленная склонность къ поэтическимъ сочиненіямъ, не правда ли?

— Боже мой, да!

— Мнѣ это знакомо: родные принуждаютъ изучать право, природа клонитъ къ изящной словесности; оффиціально Куіасъ, втайнѣ Музы! Дигесты, развернутыя на столѣ, и стихи во всѣхъ ящикахъ стола! Это именно такъ?

Я поклонился. Онъ бросилъ взглядъ въ сторону дочери.

— Ну, милостивый государь, признаюсь, я не понимаю, совершенно не понимаю подобнаго образа дѣйствія. Почему же не слѣдовать природной склонности? У васъ, у молодежи, уже нѣтъ вовсе воли, говорю это вамъ не въ обиду. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда я началъ заниматься монетами. Моя семья предназначала меня къ регистратурѣ, да, къ регистратурѣ. Противъ меня было два дѣда, двѣ бабки, отецъ, мать и шестеро дядей, всѣ въ ярости. Я не уступилъ, и это меня привело въ Институтъ. Не правда ли, Жанна?

Мадемуазель Жанна вернулась къ столу, на то мѣсто, которое она занимала въ минуту моего появленія, и повидимому была очень занята уборкой книгъ, разбросанныхъ по зеленому сукну. Но она имѣла сокровенную цѣль: захватить оставшуюся спираль, шпилька которой поднималась вдоль лампы. Ея легкая ручка, блуждая по столу, ловкимъ движеніемъ скрыла вещественное доказательство за грудой мелкихъ книгъ и медленно влекла ее среди чернильницъ и прессъ-папье.

Г. Шарно прервалъ ея искусное занятіе.

Она отвѣчала, качнувъ очень мило головой:

— Но, отецъ, не могутъ же всѣ быть членами Института.

— Это не такъ-то легко, Жанна; вотъ этотъ господинъ, напримѣръ, занимается извѣстнаго рода надписями на пергаментахъ, что̀ никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать его моимъ коллегой. Докторъ правъ и окончившій курсъ словесныхъ наукъ, вы будете, милостивый государь, нотаріусомъ?

— Извините, стряпчимъ.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Видишь ли, Жанна, это дилемма въ провинціальныхъ семействахъ: быть стряпчимъ, если ты не нотаріусъ, и нотаріусомъ, если ты не стряпчій.

Г. Шарно говорилъ съ доводящею до бѣшенства полуулыбкой. Мнѣ слѣдовало бы засмѣяться, я это очень хорошо знаю, показать себя умнымъ, по меньшей мѣрѣ смолчать и не отвѣчать на поддразниванія этого мстительнаго ученаго. Вмѣсто того я имѣлъ глупость разозлиться, потерять голову.

— Что̀ же дѣлать, отвѣчалъ я, мнѣ необходима доставляющая жизненныя средства карьера. Та ли, другая ли, не все ли равно? Не могутъ же всѣ быть членами Института, какъ замѣтила мадемуазель Шарно; не можетъ же всякій позволять себѣ роскошь издавать на свой счетъ произведенія, которыя продаются въ количествѣ двадцати семи экземпляровъ.

Я ожидалъ грома и молніи, чего-нибудь въ родѣ динамитнаго взрыва. Ничуть не бывало. Г. Шарно улыбнулся съ самымъ добродушнымъ видомъ:

— Я вижу, что вы охотно разспрашиваете книжныхъ торговцевъ, замѣтилъ онъ.

— Да, при случаѣ, г. Шарно.

— Это очень мило въ ваши годы быть уже такимъ свѣдущимъ въ библіографіи. Вы позволите мнѣ, тѣмъ не менѣе, прибавить еще кое что къ уже имѣющимся у васъ свѣдѣніямъ.

Обширный успѣхъ составляетъ извѣстную точку зрѣнія, но ложную. Двадцать семь экземпляровъ, если они читаются двадцатью семью учеными людьми, это стóитъ популярности. Повѣрите ли вы тому, что одинъ мой пріятель издалъ одно свое математическое изслѣдованіе въ количествѣ всего восьми экземпляровъ? Три изъ нихъ онъ подарилъ. Остальные пять еще не проданы. А между тѣмъ это первый математикъ во Франціи!

Мадемуазель Жанна приняла это иначе. Съ высокоподнятою головой и съ пылающимъ лицомъ она промолвила съ истинно царственнымъ видомъ:

— Бываютъ разные успѣхи, милостивый государь!

Увы! я былъ въ этомъ достаточно убѣжденъ и не нуждался въ этомъ новомъ урокѣ, чтобы замѣтить все неприличіе моихъ словъ, чтобы почувствовать себя грубымъ, нелѣпымъ, окончательно скомпрометтированнымъ во мнѣніи мадемуазель Шарно. Урокъ этотъ тѣмъ не менѣе былъ для меня жестокъ. Мнѣ оставалóсь только поспѣшить удалиться. Я поднялся съ мѣста.

— Но, обратился ко мнѣ самымъ учтивымъ тономъ г. Шарно,— кажется мы еще не касались затрудненія, которое васъ привело сюда.

— Мнѣ не хотѣлось бы долѣе злоупотреблять вашимъ временемъ...

— Отчего же! Въ чемъ дѣло?..

— Въ костюмѣ Юнійскихъ Латинянъ.

— Это вопросъ трудный, подобно большинству вопросовъ, касающихся костюма. Справлялись ли вы въ семнадцати томахъ Нѣмца Фрндхенгаузена?

— Нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ вы читали Англичанина Вудсмита о нарядахъ древности?

— Также нѣтъ; я знаю только одинъ итальянскій языкъ.

— Ну, такъ пробѣгите два или три трактата о нумизматикѣ, *Thesaurus Morellianus*, напримѣръ, *Praestantiora Numismata* Валльяна, или почитайте Бандури, Пемброкка, Пеллерена. Вы, можетъ-быть, тамъ нападете на слѣдъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

Онъ проводилъ меня до дверей.

Обернувшись, я увидалъ неподвижно стоявшую все съ тѣмъ же видомъ оскорбленной Діаны мадемуазель Жанну, которая держала въ своихъ розовыхъ пальчикахъ снова появившуюся спираль.

Какъ я былъ неловокъ, гадокъ, несчастливъ! Пришелъ извиниться и еще болѣе увеличилъ оскорбленіе! подобныя вещи случаются только со мною. И я оскорбилъ эту молодую дѣвушку. А она еще защищала меня, она сказала своему отцу: „Не могутъ же всѣ быть членами Института!“ что̀ означало: „Зачѣмъ вы мучаете этого молодаго человѣка, отецъ? Онъ смущенъ, онъ стѣсняется, мнѣ его жалко“. Жалость, это именно то чувство, которое она должна была испытывать ко мнѣ сначала. Затѣмъ послѣдовала эта дерзкая выходка касательно двадцати семи экземпляровъ, и мадемуазель Жанна въ настоящую минуту, разумѣется, ненавидитъ меня; да, она меня ненавидитъ. Я не знаю болѣе тяжелой мысли. Пусть мадемуазель Шарно для меня лицо постороннее, мимолетное видѣніе въ моей жизни, но гнѣвъ ея, презрительный видъ, преслѣдуютъ меня.

Рѣдко случалось мнѣ быть болѣе недовольнымъ самимъ собою и другими. Мнѣ нужно разсѣяться, развлечься, мнѣ нужно что-нибудь такое, что̀ заставило бы меня забыться. И чтобы вернуться домой, я начинаю съ того, что спускаюсь до Сены по Бонской улицѣ.

Боже мой, какіе бываютъ хорошіе зимніе дни въ Парижѣ! Солнце уже сѣло для тѣхъ, кто дома: всюду уже зажжены лампы, но снаружи длинные розовые лучи стелются по свѣтлоголубому вымытому дождемъ небу. Морозитъ. Морозъ, это алмазы всюду, на вѣтвяхъ деревьевъ, на камняхъ, на крышахъ и даже на шляпахъ проѣзжающихъ кучеровъ. По Сенѣ узорами катится бѣлая пѣна. На легкихъ судахъ не видно никого, кромѣ рулевыхъ. Но какое множество народа на мосту Карусель! Сколько мѣховыхъ воротниковъ и сколько мѣховыхъ муфточекъ встрѣчаются на тротуарахъ, между тѣмъ какъ омнибусы линіи Батиньоль-Клиши и сотни двигающихся вереницей экипажей заставляютъ дрожать мостовую! Всѣ куда-то торопятся. Пѣшеходы идутъ скоро, кучера ловко управляютъ лошадьми. Бѣгущіе обгоняютъ другъ друга, группы людей смѣшиваются между собою, не сталкиваясь, двигаются, развертываются и разсѣиваются, какъ дымъ отъ сигары. Въ этой толпѣ происходитъ разумное движеніе, которое встрѣчается только здѣсь. Всѣ лица румяны, почти всѣ молоды. Просто невѣроятно сколько тутъ молодыхъ людей, молодыхъ дѣвушекъ, молодыхъ женщинъ. Гдѣ же люди старые? Должно-быть у себя, сидятъ у комелька. Вся молодежь на воздухѣ. Она почти бѣжитъ, такова ея

привычка. У молодежи глаза широко раскрыты, они горятъ жизнью. Молодые люди особенно имѣютъ видъ, надѣющійся на широкое будущее. Они увѣрены въ жизни. Каждый имѣетъ свое мѣсто, свою карьеру, свои опредѣленныя прозаическія мечты. Они похожи между собою. Я всѣхъ ихъ принимаю за подпрефектовъ, до такой степени они имѣютъ важный серьезный видъ, такъ хорошо у нихъ у всѣхъ перчатки. Они идутъ по два, держатся прямо, не глядя по сторонамъ, мало разговариваютъ, идутъ скоро по направленію къ старому Лувру и быстро исчезаютъ въ густомъ туманѣ, среди котораго дрожатъ огни фонарей.

Весь этотъ народъ идетъ обѣдать на правый берегъ.

Я обѣдаю на лѣвомъ берегу, у Карре, гдѣ много Валаховъ. До свиданія, Сена! Покойной ночи, г. Шарно! Прощайте мадемуазель Жанна!

Въ тотъ же день въ 8 часовъ вечера.

Но вотъ я вернулся въ свой рабочій кабинетъ. Въ немъ холодно. Завѣдующая моимъ хозяйствомъ г-жа Мененъ дала погаснуть камину. Каково! она даже забыла свою метелочку изъ перьевъ на рукописи моей диссертаціи. Не есть ли это эмблема или предзнаменованіе той пыли, которая ожидаетъ мое неоконченное произведеніе! Кто можетъ предугадать всю жестокость случая?

Восемь часовъ... Г. Мулльяръ, окончивъ свои занятія, долженъ теперь сидѣть за вистомъ съ адвокатами Буржскаго суда, гг. Орле и Гюблеттомъ. Они ждутъ меня. Эта мысль ужасна. Забвеніе, мое сердце, забвеніе! А г. Шарно? Я полагаю, что онъ продолжаетъ заставлять вращаться спираль.

Серьезные люди забавляются самыми пустяками, право такъ. Можетъ-быть и я серьезный человѣкъ: меня все забавляетъ... кстати, что̀ мадемуазель Жанна, блондинка, или брюнетка? Постараемся собрать наши воспоминанія... Ну, разумѣется, она блондинка; я, какъ сейчасъ, вижу золотистые отливы при свѣтѣ лампы, легкіе вьющіеся у висковъ волосы. У этой молодой дѣвушки лицо пріятное, не отличающееся правильностью, но розовое, открытое, живое, чего недостаетъ столькимъ хорошенькимъ женщинамъ...

Г-жа Мененъ позабыла еще одну вещь, она позабыла закрыть мое окно. Она покушается на мою жизнь! Г-жа Мененъ вѣритъ въ переселеніе душъ. Если душа ея во что-нибудь переселится, такъ навѣрное въ скворца...

Я только-что закрылъ окно. Ночь тихая съ подернутыми туманомъ трепещущими звѣздами. Годъ оканчивается меланхолически.

Я помню какъ однажды, въ такую же ночь, въ гимназіи я вдругъ проснулся, потому что мнѣ въ глаза ударилъ лунный свѣтъ. Всегда испытываешь какое-то безпокойное чувство, когда проснешься такъ, среди ночи, среди этого безмолвнаго міра. Я посмотрѣлъ прежде всего на два ряда дортуарныхъ кроватей, параллельно убѣгающихъ согласно законамъ перспективы, на моихъ закутанныхъ въ одѣяла товарищей, являющихъ собою то сѣрыя, то бѣлыя массы, соотвѣтственно тому, близко или далеко спали они отъ оконъ; я посмотрѣлъ на дымный свѣтъ стоявшей на перегородкѣ среди залы лампы и уже совсѣмъ вдали, въ самой тѣни, на клѣтку изъ желтыхъ занавѣсей, гдѣ спалъ надзиратель. Никакого звука вокругъ меня. Все было тихо. Мой возбужденный волненіемъ слухъ улавливалъ какое-то странное пѣніе, очень нѣжное, сто разъ повторяемое. То были какія то отрывистыя ноты, призывныя, нѣжныя и тревожныя. Минутами онѣ удалялись, и я слышалъ ихъ лишь какъ какой-то отзвукъ, затѣмъ онѣ снова приближались, пролетали надо мной, и снова удалялись. Яркій лунный свѣтъ манилъ меня открыть эту тайну. Я вскочилъ съ постели и въ одной рубашкѣ отправился открыть окно. Могло быть около одиннадцати часовъ. Свѣжій ночной воздухъ и свѣтъ одновременно охватили меня и доставили мнѣ прелестное впечатлѣніе. Большой дворъ со своими лишенными листвы тополями и со своими стрѣльчатыми рѣшетками былъ пустъ. Мѣстами блестѣлъ песокъ. Я поднялъ кверху глаза и, переходя взоромъ отъ одного созвѣздія къ другому, напрасно вопрошалъ глубокую синеву неба, на немъ не рисовалось никакой тѣни, никакихъ крыльевъ. А между тѣмъ, все тѣ же печальные и нѣжные звуки раздавались въ воздухѣ, слышалась пѣсня невидимаго существа, которое точно чего-то хотѣло отъ меня, которое можетъ-быть и разбудило меня.

Мнѣ пришла мысль, что это зоветъ меня душа моей матери, голосъ которой былъ такъ же слабъ и очень гармоиченъ. „Я думаю о тебѣ, говорила она, я думаю о тебѣ, я люблю тебя, — говорила она,—я люблю тебя“. Явись мнѣ, о явись мнѣ, моя мать! отвѣчалъ я. И полный тревоги я старался увидать ее, слѣдуя взоромъ за описываемыми голосомъ кругами и, не видя ничего, я принялся плакать.

Вдругъ я былъ грубо схваченъ за ухо:

— Что вы тутъ дѣлаете, маленькій негодяй? Что вы съ ума сошли? Вѣтеръ доходитъ до моей постели. Пятьсотъ стиховъ!

Надзиратель, въ нижнемъ бѣльѣ и туфляхъ, смотрѣлъ на меня ужаснымп глазами

— Да, да, конечно! Только послушайте, какъ она говоритъ!

— Кто такой?

— Моя мать.

Онъ взглянулъ на меня, чтобъ убѣдиться, проснулся ли я; склонивъ голову на бокъ, прислушался, гнѣвно захлопнулъ окно и ушелъ, пожимая плечами.

— Это пигалицы порхаютъ вокругъ луны, проговорилъ онъ,— пятьсотъ стиховъ!

Я ихъ вытвердилъ эти пятьсотъ стиховъ. Они научили меня какъ противозаконно и опасно быть мечтателемъ. Они меня не убѣдили, не излѣчили.

Я все еще вѣрю, что въ природѣ есть разсѣянные голоса, которые говорятъ, но которыхъ мало кто слышитъ, подобно тому какъ существуютъ милліоны цвѣтовъ, которые распускаются вдали ото всякаго человѣческаго взора. Горе тѣмъ, кто что-либо изъ этого угадалъ! Они неизбѣжно будутъ возвращаться къ этимъ сокровеннымъ источникамъ, на смутныя иллюзіи будутъ тратить свою силу и молодость и ради вкушеннаго или мимолетнаго впечатлѣнія, ради неполной подмѣченной ими фразы они пожертвуютъ людскимъ общеніемъ и самою дружбой. Да, горе ученикамъ, которые открываютъ окна, чтобы посмотрѣть на трепетный блескъ луны и которые не исправляются! Очень рано останутся они одинокими въ жизни, предоставленными самимъ себѣ, какъ и я сегодня вечеромъ, у своего потухнувшаго комелька.

Ни одинъ, ни одинъ другъ не придетъ постучаться ко мнѣ въ дверь. А у меня все-таки есть товарищи, которыхъ я называю друзьями. Мы не ненавидимъ другъ друга. Въ случаѣ надобности они были бы непрочь оказать мнѣ услугу. Но мы совсѣмъ не видаемся. Что бы они стали дѣлать здѣсь? Мечтатели не любятъ высказываться, они таятся про себя; они повѣряютъ свои мысли лишь четыремъ вѣтрамъ; политика ихъ раздражаетъ; ко всякой новости они равнодушны; противъ создаваемыхъ ими себѣ страданій существуетъ только одно средство — придумываемыя ими радости; они бываютъ естественны только, когда они бываютъ одни и могутъ хорошо бесѣдовать только сами съ собою.

Этотъ душевный недостатокъ мнѣ простилъ только одинъ чело-

вѣкъ: Спльвестръ Лампронъ. Онъ лѣтъ на двадцать старше меня. Вотъ потому-то онъ и снисходителенъ. Впрочемъ, между такимъ мечтателемъ, какъ я, и такимъ художникомъ, каковъ онъ, существуетъ только одна разница,— самое ремесло. Онъ воплощаетъ свои грезы; я же развѣиваю свои грезы; но мы оба мечтаемъ. Милый Лампронъ! хорошая, мужественная натура! Онъ устоялъ противъ этого нравственнаго и физическаго ожирѣнія, которое овладѣваетъ столькими людьми около сорокалѣтняго возраста. Онъ бодро относится къ труду, и бодро относится къ жизни. Онъ веселъ мужественною веселостью честныхъ покорныхъ судьбѣ людей.

Почти всегда, когда я прихожу къ нему, я застаю его сидящимъ предъ маленькимъ матовымъ оконцемъ въ уголкѣ его мастерской, склонившимся надъ какою-нибудь гравюрой. Я пользуюсь разрѣшеніемъ входить въ какіе угодно часы; онъ пользуется разрѣшеніемъ не бросать своего дѣла ради меня. Не поднимая глазъ, не зная навѣрное, кто отворилъ дверь, онъ отвѣчаетъ: здравствуй! затѣмъ продолжаетъ начатую штриховку. Я усаживаюсь на находящійся въ глубинѣ комнаты полинялый диванъ и, пока Лампронъ не соберется дать мнѣ аудіенцію, я воленъ спать, курить или перелистывать чудесныя прислоненныя къ стѣнѣ папки. Въ нихъ находятся безцѣнныя сокровища, потому что Лампронъ геніальный художникъ, который виноватъ лишь въ томъ, что онъ и живетъ скромно, и самъ по себѣ человѣкъ скромный: за то пока за нимъ признаютъ лишь огромный талантъ. Никто изъ пользующихся славой художниковъ и граверовъ, — онъ и то, и другое, — не старается до такой степени выполнять всѣ тонкости своего искусства. Рисунокъ его отличается безукоризненною, даже нѣсколько строгою правильностью, подобно рисунку начинающихъ. При пересмотрѣ его произведеній можно угадать его предпочтеніе старыхъ мастеровъ, Перуджино, Фра-Беато, Боттичелли, Мемлинга, Гольбейна, которые не являются модными мастерами, но которые остались мастерами мощи, простоты, простодушной граціи, истиннаго чувства. Онъ скопировалъ масляными красками, гуашью, перомъ, карандашомъ, почти всѣ картины этихъ художниковъ въ Луврѣ, въ Германіи, Голландіи, Италіи, особенно въ Италіи, гдѣ онъ жилъ долгое время. При такихъ вкусахъ, при привычкѣ, или вѣрнѣе при безповоротномъ рѣшеніи писать или гравировать лишь портреты или сцены изъ священной исторіи, при отвращеніи къ рекламѣ

и заискиваніямъ, при архаическомъ идеалѣ и при служеніи ему новыми пріемами, подобный художникъ можетъ возбуждать къ себѣ только одно уваженіе, порой даже завистливое со стороны людей того же ремесла и со стороны рѣдкихъ знатоковъ, которые что-нибудь понимаютъ въ искусствѣ. Съ чувствомъ полнѣйшаго презрѣнія онъ добровольно предоставляетъ другимъ благосклонность толпы, позолоченный успѣхъ американскаго вывоза и право ношенія кружевныхъ манжетъ. Словомъ, въ такое время, когда подкладкой художника часто бываетъ ремесленникъ, а порою и шарлатанъ, онъ остается только художникомъ.

Когда онъ бываетъ богатъ, что̀ иногда случается, то это всегда бываетъ ненадолго. Часть того, что̀ онъ получилъ, уходитъ на милостыню, другая часть переходитъ въ кошельки его нищенствующихъ собратій. Они сбѣгаются съ протянутою рукой на звукъ едва еще сосчитаннаго золота; каждый изъ нихъ находится на самомъ краю бѣдствія, наканунѣ того, чтобы скользнуть внизъ по наклонной плоскости, окончательно погибнуть, если благодѣтельная рука Лампрона не протянется къ нему для помощи, и каждый изъ нихъ будетъ спасенъ, если онъ одолжитъ ему на что̀ купить глыбу мрамора, чѣмъ заплатить модели, на что̀ пообѣдать вечеромъ. И онъ всякому одолжаетъ, иначе говоря, онъ всякому даетъ: эти слова однозначущія во многихъ міркахъ. И изо всего, что̀ онъ заработалъ, ему остается одна слава. И отъ нея еще онъ беретъ какъ можно меньше, живя скромно, уединенно, избѣгая празднествъ. Я думаю, что часто ему было бы нечѣмъ существовать, не будь у него матери, которой онъ доставляетъ средства къ жизни и которая оказываетъ ему великую услугу тѣмъ, что она въ чемъ-нибудь нуждается. Чудеснѣйшая г-жа Лампронъ не копитъ денегъ, она только исполняетъ роль дерновыхъ плотинъ, какія строятъ весной крестьяне на ручейкахъ нашего Берри: вода идетъ поверхъ нихъ, подъ ними, даже пробивается сквозь нихъ, но все же сколько-нибудь воды остается и на случаи сильныхъ засухъ.

Я люблю моего друга Лампрона съ полнымъ сознаніемъ его превосходства. Его энергія поднимаетъ во мнѣ духъ, его совѣтъ подкрѣпляетъ меня, онъ наполняетъ для меня глубокую пустоту въ Парижѣ.

Не пойти ли мнѣ къ нему? Проводить сегодняшній вечеръ одиноко еще печальнѣе обыкновеннаго. Конецъ года наводитъ на грустныя мысли. 31 декабря, день Св. Сильвестра... Св. Сель-

вестръ! да вѣдь это день его именинъ! О неблагодарный, а ты и не подумалъ объ этомъ! Скорѣе бери свое пальто, палку, шляпу и бѣги къ нимъ прежде чѣмъ они успѣютъ лечь въ постель. Они оба встаютъ вмѣстѣ съ зарей!

Въ тотъ же день въ 11 часовъ вечера.

Когда я вошелъ въ мастерскую, Лампронъ до такой степени былъ погруженъ въ свою работу, что не слыхалъ моихъ шаговъ.

Обширная комната, освѣщенная только въ одномъ углу, имѣла странный видъ. Вокругъ меня висящія на всякой высотѣ картины, стоящіе вдоль стѣнъ мольберты, тамъ и сямъ на крючкахъ слѣпки съ античныхъ произведеній, представляли только сѣроватые дымчатые тоны, неясныя очертанія, тѣни отъ которыхъ тянулись кверху и сливались между собою на потолкѣ; навалившійся на дверь задрапированный манекенъ какъ будто прислушивался къ завыванію вѣтра; въ огромное отверстіе стеклянныхъ дверей смотрѣла темная ночь. Въ этой части обширнаго помѣщенія ничего не было живаго, ничего здѣсь не давало свѣта, и только яркіе блики сверкали тамъ и сямъ на золоченыхъ рамахъ и клинкахъ двухъ перекрещенныхъ между собою шпагъ. И вотъ въ углу, въ глубинѣ комнаты, на разстояніи, еще болѣе увеличившемся вслѣдствіе темноты, Лампронъ одиноко гравировалъ, сидя неподвижно подъ огнемъ своей лампы. Онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Лампа ярко освѣщала его тонкую изящную руку, его окруженную точно ореоломъ наклоненную голову и портретъ,—женскую голову,—съ котораго онъ копировалъ. Онъ мнѣ показался великолѣпенъ и мнѣ подумалось, что эта домашняя сцена своимъ глубокимъ смысломъ и своею ярко-темною обстановкой должна была бы вдвойнѣ соблазнить Рембрандта.

Я потопалъ ногой.

Лампронъ вздогнулъ и полуобернулся. Глаза его прищурились, чтобы всмотрѣться въ темноту.

— Ахъ, это ты! проговорилъ онъ.

И поднявшись съ мѣста, онъ поспѣшно двинулся ко мнѣ на встрѣчу, какъ бы для того, чтобы помѣшать мнѣ подойти къ столу.

— Ты не хочешь, чтобъ я видѣлъ?

Съ минуту онъ колебался.

— Въ сущности, сказалъ онъ,—почему бы тебѣ и не посмотрѣть?

На мѣдной доскѣ едва было сдѣлано нѣсколько штриховъ точкамп.

Онъ навелъ рефлекторъ на оригиналъ.

— Ахъ, что за восхитительная головка, Ламиронъ!

Дѣйствительно, она была очаровательна, эта головка очень молоденькой Итальянки, *en trois-quarts*, написанная на манеръ Леонардо тающими и вмѣстѣ съ тѣмъ сильными линіями, съ отблесками, съ переходами тоновъ необычайной нѣжности, со взглядомъ, который, какъ и у портретовъ этого мастера, смотритъ куда-то вдаль мимо васъ, который вы тщетно пытаетесь допрашивать. Каштановые съ золотистымъ отливомъ волосы лежали косами вокругъ головы. Нѣсколько длинная шея поднималась изъ темнаго рѣзко написаннаго платья.

— Я не зналъ у тебя этого, Сильвестръ!

— О, эта вещь старинная.

— Очевидно, портретъ?

— Мой первый портретъ.

— Ты никогда не писалъ лучше этого: рисунокъ, краски, жизнь, тутъ есть все!

— Кому ты это говоришь? Видишь ли, въ часы юности бываютъ минуты истиннаго вдохновенія, когда кто-то намъ шепчетъ на ухо и водитъ нашею рукой; такой легкости кисти, такой отважной и счастливой неопытности, такой плодотворной смѣлости никогда уже послѣ не встрѣчается. Повѣришь ли ты, что я разъ десять пытался воспроизвести это крѣпкою водкой для гравировки и это не удавалось мнѣ.

— Но почему же ты стремился воспроизвести это?

— Да, почему, неправда ли? Это легкое безуміе.

— Тебѣ не найти другой подобной модели и это уже достаточно основательная для того причина.

— Да, ты правъ, мнѣ уже болѣе не найти подобной модели.

— Это какая-нибудь Итальянка знатнаго рода, можетъ-быть какая-нибудь принцесса?

— Въ родѣ того.

— Что сталось съ нею?

— Безъ сомнѣнія то, что бываетъ со всѣми принцессами. Фабіанъ, мой юный другъ, ты, который еще видишь жизнь сквозь дымку волшебныхъ сказокъ, ты долженъ предполагать, что судьба ея счастлива, что она богата, избалована, изнѣжена, что на террасѣ своей, окруженной высокими соснами виллы, въ то время, какъ на землю спускается ночь, она едва снисходитъ до того, чтобы говорить о томъ заальпійскомъ варварѣ, который

двадцати лѣтъ писалъ ея портретъ, и о какомъ-нибудь послѣднемъ туалетѣ, который она только-что получила изъ Парижа...

— Да, такою я себѣ ее представляю, и все еще прекрасною.

— Ты плохой угадчикъ, Фабіанъ. Она умерла, мой милый, и эта идеальная красота обратилась въ нѣсколько бѣлыхъ костей въ глубинѣ своей могилы.

— Бѣдная дѣвушка!

Сильвестръ говорилъ совершенно несвойственнымъ ему саркастическимъ тономъ. Онъ смотрѣлъ на свое произведеніе съ такимъ искреннимъ и грустнымъ чувствомъ, что я былъ пораженъ. Я понялъ, что въ прошедшемъ своей жизни, изъ которой я зналъ весьма немногое, Лампронъ скрывалъ какую-то горечь, которую я, не желая того, растревожилъ.

— Другъ мой, оставимъ все это, сказалъ я ему.—Я пришелъ поздравить тебя со днемъ твоихъ именинъ и обнять тебя.

— Со днемъ моихъ именинъ! и то правда, мать моя поздравила меня еще поутру, а потомъ я сѣлъ за работу и позабылъ обо всемъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ. Она была бы огорчена, бѣдная, еслибъ я не посидѣлъ сегодня вечеркомъ съ нею. Пойдемъ къ ней.

— Охотно. Но, Сильвестръ, я тоже позабылъ объ одномъ.

— О чемъ же?

— У меня нѣтъ цвѣтовъ.

— Успокойся, у нея есть цвѣты, съ юга, великолѣпные, цѣлая корзина, есть чѣмъ продовольствовать цѣлый улей пчелъ или во время сна уморить человѣка. Это ежегодная внимательность со стороны одного крайне несчастнаго кредитора.

— Дебитора, хочешь ты сказать?

— Нѣтъ, я говорю вѣрно, кредитора.

Онъ взялъ лампу. Перемѣстившіяся тѣни забѣгали вдоль стѣнъ, точно гигантскіе пауки, шпаги засверкали, Милосская Венера бросила на насъ высокомѣрный взглядъ, Полимнія появилась и исчезла мечтающая. Дойдя до двери я взялъ въ руки задрапированнаго манекена.

— Позвольте! сказалъ я, и мы вышли изъ мастерской, чтобы пройти въ маленькую гостиную г-жи Лампронъ.

Она сидѣла за небольшимъ столикомъ и, положивъ ноги на грѣлку, вязала чулки. Ея доброе старческое морщинистое лицо намъ улыбалось. Она воткнула свои спицы въ черный кружевной

чепчикъ, который она всегда носила, и почти тотчасъ же ихъ снова выдернула.

— Надобно было, чтобы вы пришли, г. Мулльяръ, сказала она,— чтобъ оторвать его отъ мастерской.

— И это въ день Св. Сильвестра, это ужасно! Любовь къ искусству развратила вашего сына, г-жа Лампронъ.

Она съ нѣжностью посмотрѣла на него, а онъ, едва войдя въ комнату, наклонился къ камину и сталъ вытряхивать свою наполовину еще полную табакомъ трубку, что̀ онъ всегда дѣлалъ какъ только приходилъ къ матери.

— Дорогое дитя! проговорила она.

И потомъ обратилась ко мнѣ:

— Вы хорошій другъ, г. Фабіанъ. Никогда день Св. Сильвестра не праздновался безъ васъ съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали въ Парижъ.

— А между тѣмъ сегодня я измѣнилъ своимъ традиціямъ: у меня нѣтъ букета. Но Сильвестръ только-что разсказалъ мнѣ, что вы получили цвѣты съ юга отъ одного несчастнаго кредитора.

Я не знаю какое впечатлѣніе произвели на нее эти слова. Она, которая обыкновенно не переставала вязать ни для того, чтобы слушать, ни для того, чтобы говорить, вдругъ опустила на колѣни свою работу и, устремивъ на меня взглядъ, въ которомъ сквозила тревога, проговорила:

— Онъ вамъ разсказалъ?

Мѣшавшій въ каминѣ уголья и протянувшій къ огню ноги, Лампронъ отвернулся.

— Нѣтъ, матушка, я только сказалъ ему, что мы получили корзинку цвѣтовъ. Это признаніе довольно слабое. Но еслибы даже онъ и зналъ все? Развѣ онъ для этого намъ недостаточно близкій другъ? Я бы давно уже сообщилъ ему это, еслибы не считалъ жестокимъ дѣлить между тропми бремя горести, которое могутъ нести двое.

Г-жа Лампронъ ничего не отвѣтила и снова принялась терзать своими спицами шерсть, но она была взволнована и про себя думала о чемъ-то грустномъ.

Чтобы перемѣнить разговоръ я имъ разсказалъ о моемъ двойномъ злоключеніи, въ Національной Библіотекѣ и у г. Шарно. Я старался быть забавнымъ, мнѣ казалось, что я достигаю этой цѣли. Старушка мать слабо улыбалась. Лампронъ оставался мраченъ и качалъ головой съ видомъ нетерпѣнія. Въ заключеніе я замѣтилъ:

— Выгода ясная, двое враговъ, изъ которыхъ одинъ очаровательный.

— О, враги! сказалъ Сильвестръ,—это поколѣніе самопроизвольное. Съ этимъ ничего не подѣлаешь, но великія горести идутъ не отъ нихъ. Но берегись враговъ очаровательныхъ.

— Она меня ненавидитъ, ручаюсь тебѣ: еслибы ты только ее видѣлъ!

— А ты?

— Я? она для меня безразлична.

— Увѣренъ ли ты въ этомъ?

Онъ спросилъ меня это серьезно, не глядя на меня, свертывая трубочкой какую-то бумажку.

Я разсмѣялся.

— Да что съ тобою сегодня, мизантропъ ты этакой? Увѣряю тебя, что она для меня вполнѣ безразлична. Но еслибъ это было и иначе, Сильвестръ, то развѣ это преступленіе?

— Преступленіе? Разумѣется, нѣтъ! Только я сталъ бы тревожиться, боялся бы за тебя. Видишь ли, мой другъ, я тебя знаю: ты писатель, мечтатель, по своему художникъ; чтобы пуститься въ какое бы то ни было опасное любовное приключеніе, ты не обладаешь ни послѣдовательностью ума, ни хладнокровіемъ, ни рѣшительностью; только одни впечатлѣнія руководятъ тобою, повергаютъ тебя въ уныніе, или поднимаютъ твой духъ: ты еще ребенокъ.

— Согласенъ, а затѣмъ?

— Затѣмъ? проговорилъ онъ, вставая и съ необычайнымъ оживленіемъ: — нѣкогда я зналъ кого-то, похожаго на тебя, и его первая необдуманная, но глубокая любовь, какою могла бы быть твоя любовь, навсегда разбила ему сердце. Да, сердце разбивается, мой милый; и это фарфоръ, который уже не склеивается снова!

Мать Ламприна перебила его съ видомъ укоризны:

— Онъ пришелъ поздравить тебя со днемъ твоихъ именинъ, дитя мое!

— Въ этотъ день, какъ и во всякій другой, можно преподать хорошій совѣтъ, матушка. Тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ здѣсь объ одномъ изъ моихъ друзей. Исторія эта коротка, Фабіанъ, но поучительна. Я разскажу тебѣ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Мой другъ былъ очень молодъ и очень восторженъ. Съ кистью въ рукѣ и съ недопѣтою пѣснью радостной юности въ сердцѣ

онъ переходилъ изъ одного итальянскаго музея въ другой. Ничто еще его не обмануло, онъ не испыталъ еще никакихъ толчковъ. Онъ слагалъ будущее согласно фантазіи своихъ грезъ. Едва спускался онъ къ людямъ изъ высшихъ сферъ, куда уносили его безпрестанно смѣнявшіяся предъ его глазами совершенныя произведенія искусства. Онъ восхищался ими, дѣлалъ съ нихъ копіи, проникался лучезарною красотой видовъ и картинъ Италіи. И вотъ однажды, безъ размышленій, не зная, не гадая, онъ имѣлъ неосторожность полюбить одну молодую знатную дѣвушку, портретъ которой онъ писалъ, сказать ей о своей любви и допустить ее полюбить себя. Съ простодушною глупостью своего возраста, онъ думалъ, что искусство сокращаетъ разстоянія и что любовь уничтожаетъ ихъ. Никогда не было высказано болѣе горькой нелѣпости, мой бѣдный Фабіанъ. Онъ увидѣлъ это; пытался бороться противъ возмущенія родителей, противъ себя, противъ нея самой, и всюду оказался безсильнымъ, всюду оказался побѣжденнымъ... А окончаніе! Хочешь ли ты знать окончаніе? Увезенная въ далекіе края молодая дѣвушка, пораженная быстротечнымъ недугомъ, скоро умерла; онъ же, очнувшись отъ своихъ грезъ, истерзанный, также бѣжалъ, и послѣ долгихъ лѣтъ настолько еще слабъ противъ этого горя, что не можетъ думать о немъ безъ того, чтобы не плакать.

Лампронъ дѣйствительно плакалъ, онъ, всегда такой сильный. Слезы струились по его бѣлокурой нѣсколько посѣдѣвшей посерединѣ бородѣ. Я замѣтилъ, что г-жа Лампронъ наклонилась низко, очень низко надъ своимъ вязаньемъ. Онъ продолжалъ:

— Я оставилъ у себя ея портретъ. Тотъ самый, что ты видѣлъ, Фабіанъ. Они такъ хотѣли бы получить его. Это несчастные старики теперь. Каждый годъ они просятъ у меня эту святыню, это воспоминаніе нашего общаго горя; каждый годъ они присылаютъ мнѣ, около этого времени, корзину бѣлыхъ цвѣтовъ, преимущественно сирени, любимыхъ цвѣтовъ покойницы, и это означаетъ: „отдайте намъ, что осталось отъ нея. Это чудо искусства, созданное вашею и ея юностью“. Но я эгоистиченъ, Фабіанъ; подобно имъ, я ревниво отношусь ко всѣмъ страданіямъ, напоминаемымъ мнѣ портретомъ, и отказываю имъ... Гдѣ же цвѣты, матушка? Я обѣщалъ показать ихъ Фабіану.

Но старушка мать не была въ состояніи отвѣчать. Безъ сомнѣнія, проливъ слишкомъ много слезъ надъ этимъ горемъ, она теперь уже плакать не могла и съ тревожнымъ состраданіемъ

слѣдила глазами за сыномъ, который искалъ что-то въ сторонѣ окна, между близко стоявшими одинъ возлѣ другаго стульями и креслами въ этомъ уголкѣ тѣснаго помѣщенія.

Онъ поднялъ и принесъ бѣлый некрашенный деревянный ящикъ.

— Вотъ, сказалъ онъ,—это свадебная корзинка!

И высыпалъ на столъ кучу цвѣтовъ.

Пармскія фіалки, вѣтки бѣлой сирени, бѣлыя камеліи и мохъ разсыпались нѣсколько поблекшими букетами, распространяя нѣжное благоуханіе, въ которомъ уже чувствовалось какое-то вѣяніе смерти и разложенія. Ко мнѣ на колѣни упала фіалка, я взялъ ее.

Ламиронъ съ минуту смотрѣлъ на эту груду покрывшихъ весь столъ цвѣтовъ.

— Я ничего изъ нихъ не сохраняю, сказалъ онъ:—довольно съ меня моихъ воспоминаній. О, проклятые цвѣты!

Онъ схватилъ ихъ въ охапку и бросилъ на уголья очага. Они свернулись, затрещали, потомъ недвижные, безцвѣтные разсѣялись въ дымѣ.

— Теперь я возвращаюсь къ своей работѣ. До свиданія, Фабіанъ; до завтра, матушка.

Затѣмъ, не обертываясь, онъ вышелъ изъ комнаты и вернулся въ мастерскую.

Я хотѣлъ пойти за нимъ и вернуть его.

Г-жа Ламиронъ меня остановила.

— Я сама пойду къ нему, сказала она,—позднѣе, гораздо позднѣе.

Нѣкоторое время мы оставались безмолвными.

Когда она увидала, что я нѣсколько оправился отъ удивленія и волненія, она сказала мнѣ:

— Вы никогда не видали его такимъ; но я, я часто видала его въ такомъ состояніи. Это такъ жестоко! Я узнала ту, кого онъ любилъ почти одновременно съ нимъ, потому что онъ никогда ничего отъ меня не скрывалъ. По ея портрету вы можете судить, что она была достаточно прекрасна, чтобъ увлечь такого художника, какъ Сильвестръ. Я тотчасъ же поняла, что это будетъ испытаніемъ для моего сына, и что я тутъ безсильна. Это были очень знатные люди, знаете, не то, что мы...

— Они отказали ему въ своемъ согласіи на бракъ?

— О, нѣтъ! Сильвестръ ничего не спрашивалъ; нѣтъ, имъ

не пришлось отказывать. А я говорила Сильвестру: „Этого никогда, никогда не можетъ быть!“ Онъ вѣрилъ мнѣ, не желая вѣрить. Тогда она сама заговорила со своими родителями, отъ его имени, отъ своего... Они увезли ее, и все было кончено.

— И онъ болѣе не видѣлъ ея?

— Никогда; онъ самъ бы не захотѣлъ этого, а затѣмъ она такъ недолго жила. Два года спустя я возвращалась туда, когда они вызвали меня, чтобы купить картину. Мы еще находились въ Италіи. Это было одною изъ тяжкихъ минутъ моей жизни. Я опасалась ихъ упрековъ и сознавала, что не вполнѣ владѣю собой. Но нѣтъ: они страдали въ своей дочери, какъ я въ моемъ сынѣ, и это насъ сблизило. Мы простили другъ другу наши огорченія. Портрета, однако, я имъ не уступила: Сильвестръ слишкомъ дорожилъ имъ. Онъ упорствуетъ сохранять, созерцать его каждый день, бередить свою рану... Бѣдное дитя... Забудьте все это, г. Фабіанъ, помочь вы тутъ не можете, а лучше въ другой разъ разскажите намъ о г. Шарно и мадемуазель Жаннѣ.

Чудеснѣйшая г-жа Ламиронъ! Я пытался утѣшать ее, но у меня вѣдь матери не было: мало что я нашелъ сказать ей. Тѣмъ не менѣе она меня благодарила и увѣряла, что я на нее хорошо дѣйствую.

1 января 1885.

1 января! Когда человѣкъ еще не дядя, но уже не мальчикъ, когда онъ не принадлежитъ ни къ какой администраціи и мало бываетъ въ свѣтѣ, количество его визитовъ въ день Новаго Года бываетъ крайне ограниченно. Я сдѣлаю сегодня пять или шесть визитовъ; я нигдѣ не буду принятъ... и вотъ мой подарокъ.

Нѣтъ, я ошибаюсь: мнѣ былъ подарокъ, потому что моя привратница вся улыбающаяся вошла сейчасъ ко мнѣ.

— Г. Мулльяръ, желаю вамъ счастливаго новаго года, добраго здоровья и райскаго житья по скончаніи вашихъ дней.

То же самое говорила она постояльцамъ перваго, втораго и третьяго этажей. Я отвѣчалъ, какъ и они отвѣчали, сунувъ ей въ руку съ большимъ „спасибо“, къ которому она осталась вполнѣ равнодушна, желтенькую монетку, которая заставила ее снова улыбаться. Она мнѣ присѣдаетъ и покидаетъ меня.

Улыбка эта ежегодняя; ни въ какое иное время она не появляется: это рента на одинъ срокъ. Въ день поминовенія усопшихъ со слезой на глазахъ она возвращается съ кладбища, куда

она относитъ на могилу своего малютки букетъ златоцвѣта, и это единственное свидѣтельство какой бы то ни было чувствительности, единственное подмѣченное мною у нея выраженіе какихъ-либо нѣжныхъ чувствъ. Со 2 января и по 2 ноября—это человѣческое существо, держащее снурокъ, угрюмое лицо, односложный разговоръ, гдѣ учтивость проявляется только мимолетно.

Сегодня, противно своему обычаю, она принесла мнѣ письма съ почты: два письма, одно отъ дяди Мулльяра, отвѣтное, другое... не знаю отъ кого. Посмотримъ сперва на это другое письмо: большой конвертъ, плохо написанный адресъ, парижскій почтовый штемпель. Каково! внутри оказывается другой конвертъ и на немъ написано:

Антуанъ и Мари Плюме.

Бѣдные люди! у нихъ нѣтъ визитныхъ карточекъ, но сердце у нихъ доброе.

Десять мѣсяцевъ тому назадъ она была очень озабочена, эта маленькая г-жа Плюме, въ то время еще дѣвица. Я помню нашу первую встрѣчу на углу улицъ Четвертое Сентября и Ришельевской, въ какой-то мартовскій день. Я шелъ быстро съ портфелемъ подъ мышкой, торопясь въ учрежденіе, гдѣ я состоялъ въ должности главнаго клерка. Вдругъ бѣдно одѣтая мастерица модистка опустила свой большой клеенчатый картонъ, какъ разъ тамъ, гдѣ я шелъ. Я чуть было не полетѣлъ на это препятствіе и затѣмъ только-что сбирался пройти мимо, какъ модистка эта, вся раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы и отъ того, что она со мною заговариваетъ, вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Извините, сударь, вы адвокатъ?

— Нѣтъ, я еще не адвокатъ.

— Но у васъ есть знакомые адвокаты?

— Разумѣется, и прежде всего мой начальникъ г. Буль. Если вы пойдете вмѣстѣ со мной, это совсѣмъ близко.

— Я очень тороплюсь, но все-таки у меня хватитъ времени. Благодарю васъ.

И вотъ я иду въ сопровожденіи модистки, которая несетъ свой картонъ съ тряпками. Я помню, что я старался идти нѣсколько впереди нея изъ опасенія встрѣчи въ подобномъ обществѣ съ кѣмъ-нибудь изъ прочихъ клерковъ-товарищей, что̀ повредило бы моей репутаціи.

Мы приходимъ. Она вторично опускаетъ свой картонъ.

Маленькая модистка сообщаетъ мнѣ, что она невѣста рамочника г. Плюме. Она очень обстоятельно объясняетъ мнѣ все дѣло. У нея были кое-какія сбереженія за десять лѣтъ труда; она благоразумна, но довѣрчива, и всѣ свои деньги одолжила своему кузену, столяру, который желалъ обзавестись хозяйствомъ; а теперь кузенъ денегъ возвращать не желаетъ; приданому ея грозитъ опасность и свадьба можетъ разстроиться.

— Успокойтесь, мадемуазель; мы вызовемъ этого ужаснаго столяра, притянемъ его къ суду и не выпустимъ его изъ рукъ, пока онъ всего не отдастъ вамъ, и вы будете г-жей Плюме.

Мы сдержали свое слово. Менѣе чѣмъ черезъ какіе-нибудь два мѣсяца, благодаря моимъ стараніямъ, приданое было спасено, публикація о свадьбѣ была сдѣлана и модистка снова явилась въ нашу контору, но уже въ сопровожденіи г. Плюме, который былъ смущенъ еще болѣе ея самой.

— Антуанъ, вотъ г. Мульяръ, который хлопоталъ по нашему дѣлу. Какъ я вамъ благодарна, г. Мульяръ, вы, право, были такъ милы. Что̀ я вамъ должна за ваши труды?

— Вы спросите объ издержкахъ г. Буля, мадемуазель.

— Да, но вы? Что̀ могу я сдѣлать для васъ?

Всѣ въ конторѣ, начиная съ экспедитора и кончая моимъ помощникомъ первымъ клеркомъ не спускали съ меня глазъ. Я поддержалъ свое достоинство и, постаравшись принять видъ моего дяди, сказалъ:

— Будьте счастливы и вспоминайте обо мнѣ!

Мы дней восемь смѣялись этому.

Она поступила лучше: она вспомнила обо мнѣ черезъ восемь мѣсяцевъ. Но она не поставила своего адреса. Это жаль. Мнѣ было бы пріятно снова увидать ихъ обоихъ. Эти молодые супруги точно птички: слышно, какъ онѣ поютъ, но адреса своего гнѣздышка онѣ не оставляютъ.

Теперь къ вамъ, дядюшка!

Такъ вотъ оно это неизбѣжное письмо, предвидѣнное, какъ возвращеніе кометъ, но поддающееся анализу еще менѣе чѣмъ составляющая ихъ субстанція. Я вамъ пишу каждое 28 декабря, а вы мнѣ отвѣчаете 31 декабря, дабы отвѣтъ вашъ пришелъ ко мнѣ утромъ 1 января. Вы пунктуальны, дядюшка, вы даже внимательны, потому что въ этой точности есть доброта. Но не знаю, почему письма ваши оставляютъ меня хладнымъ. Вы головой отыскиваете и находите отъ восемнадцати до двадцатипяти

строкъ, изъ которыхъ состоитъ ваше каждое письмо. Почему вы мнѣ не говорите о моихъ родителяхъ, которыхъ вы знали, о вашей повседневной жизни, о фабрикѣ, при которой вы состоите казначеемъ, о вашей старой служанкѣ Маделенѣ, которая меня нянчила въ дѣтствѣ, о вашей ангорской кошкѣ, которая почти такъ же стара, какъ и Маделена, о вашемъ хорошенькомъ прохладномъ садикѣ, который вы сами подстригаете и который цвѣтетъ съ такою любовью! Это было бы такъ пріятно, дядюшка, сознавать себя немного членомъ вашего семейства!

Однако, взглянемъ, что онъ пишетъ.

Буржъ, 31 декабря 1884.

„Любезный племянникъ, я не вижу, чтобы годы возобновлялись съ тѣми чувствами, которыя ты мнѣ выражаешь. Я считаю годъ съ іюля и слѣдовательно наступленіе 31 декабря оставляетъ меня столь же равнодушнымъ, какъ и наступленіе всякаго другаго дня года. Твои сѣтованія кажутся мнѣ сѣтованіями мечтателя.

„Между тѣмъ, было бы хорошо, еслибы ты принялся наконецъ за практическую жизнь. Ты происходишь изъ рода, въ которомъ не мечтаютъ. Трое Мулльяровъ, я долженъ это сказать, почтили профессію адвоката въ Буржѣ. Ты будешь четвертымъ.

„Какъ только ты получишь степень доктора, что, какъ я надѣюсь, не замедлитъ воспослѣдовать, я жду тебя на слѣдующій же день послѣ того, черезъ два дня самое позднее, и затѣмъ беру тебя подъ свое начало.

„Контора моя не падаетъ, ручаюсь тебѣ въ этомъ; не взирая на мои годы, я еще обладаю и хорошимъ зрѣніемъ, и хорошими зубами: это самое важное въ судебной процедурѣ. Ты все найдешь въ хорошемъ состояніи и порядкѣ.

„Благодарю тебя за благопожеланія и въ свою очередь посылаю тебѣ таковыя же.

„Твой преданный дядя
„Брутъ Мулльяръ.

„Адвокатъ-лиценціатъ при гражданскомъ судѣ.

„P. S. Меня посѣтило семейство Лорпие. Мадемуазель Берта неложительно очень мила. Они только-что получили въ наслѣдство 751.351 фр.

„Я занимался всѣмъ относящимся до этого наслѣдства.“

Да, дядюшка, согласно формулѣ, вы занимались „вопросами

настоящими и ихъ послѣдствіями". Въ числѣ этихъ послѣдствій, вы настолько добры, что разсчитываете на бракъ между мадемуазель Бертой Лорпне, безъ профессіи, и г. Фабіаномъ Муллья-ромъ, адвокатомъ. Фабіанъ Муллья-ръ—адвокатъ, можетъ-быть я еще и покорюсь этому; Фабіанъ Муллья-ръ—супругъ Лорпне, никогда! За богатыя приданыя приходится платиться слишкомъ дорого, дядюшка! Мадемуазель Берта на полфута выше меня, а я человѣкъ средняго роста, ширина же ея плечъ соотвѣтствуетъ ея росту. Кромѣ того, говорятъ, что умъ у нея непропорціоналенъ ея огромной фигурѣ. Я видѣлъ ее семнадцатилѣтнею дѣвушкой въ короткомъ ярко-синемъ платьѣ, очень худою, вмѣстѣ съ ея долговязымъ братцемъ въ его лицейской шинели; оба они въ первый разъ вышли одни, оба были красны, торопились, скользили по городской мостовой. Кончено, для меня она всегда будетъ имѣть тотъ же видъ, то же платье, ту же неловкость. Память являетъ собою нѣчто въ родѣ моментальной фотографіи; у меня съ ней сохранился гибельный для вашихъ проектовъ снимокъ.

3 марта.

Дни идутъ. Сочиненіе мое все толстѣетъ. Юпійскій Латинянинъ понемногу выдѣляется изъ Тибрскаго тумана.

Пришлось снова ходить въ Національную Библіотеку. Въ первое время я чувствовалъ себя взволнованнымъ. Мнѣ казалось, что швейцаръ сдѣлался какъ будто холоднѣе и что смотрителя слѣдятъ за мною какъ за человѣкомъ, находящимся подъ полицейскимъ присмотромъ. Я счелъ благоразумнымъ перейти на другую сторону. Теперь я пишу свои требованія на пюпитрѣ, что̀ находится налѣво, и сажусь въ кресло также по лѣвую сторону.

Г. Шарно вѣренъ своему мѣсту близъ чернильницы, что̀ вправо.

Я наблюдалъ за нимъ. Онъ приходитъ всегда однимъ изъ первыхъ, идетъ свободно, слегка подпрыгивая. Его довольно длинные волосы всегда старательно причесаны съ прямымъ проборомъ, и подбородокъ у него всегда бываетъ тщательно выбритъ. Привычка совать по карманамъ разныя записки заставляетъ его фигуру раздуваться кверху и суживаться книзу. Онъ степенно читаетъ въ очкахъ въ очень тонкой золотой оправѣ; книгъ мало, но всѣ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ. Въ его манерѣ перевертывать страницы есть что-то священнодѣйственное. Прислуга, повидимому, его любитъ. Смотрителя относятся къ нему съ глубочайшимъ почтеніемъ. Со всѣми у него пріятное обхож-

деніе. Меня онъ избѣгаетъ. Иногда я встрѣчаю его въ передней, но чаще на Ришельевской улицѣ, направляющимся къ Сенѣ. Онъ останавливается и я также останавливаюсь у Мольеровскаго фонтана, чтобы купить каштановъ. У насъ это общая намъ обоимъ страсть. Онъ покупаетъ на два су, я на одно су: такимъ образомъ іерархія соблюдена.

Если онъ приходитъ послѣ меня, я дожидаюсь, чтобъ ему подали первому; если онъ опередитъ меня, то я ожидаю своей очереди съ терпѣніемъ, выражающимъ уваженіе. Онъ какъ будто ничего этого не замѣчаетъ. Иногда, правда, мнѣ казалось, что я подмѣчаю на уголкахъ его рта усмѣшку и въ глазахъ его искоса брошенный на меня взглядъ, но эти старые ученые обыкновенно такъ легко улыбаются!

Онъ долженъ догадываться о томъ, что я стараюсь встрѣчаться съ нимъ, потому что это фактъ неоспоримый: я ищу случая исправить сдѣланную мною глупость, показаться ему въ менѣе неблагопріятномъ для меня свѣтѣ, чѣмъ въ день этого злополучнаго посѣщенія.

И причина, которая влечетъ меня къ нему, это она!

Съ тѣхъ поръ, какъ г. Мульяръ пригрозилъ мнѣ мадемуазель Бертой Лорине, граціозный силуэтъ мадемуазель Жанны возсталъ предо мной съ неотступностью, которая мнѣ вовсе не непріятна.

Это не то, чтобъ я полюбилъ ее. О, нѣтъ! дѣло не дошло до этого; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я долженъ покинуть ее, покинуть Парижъ. Нѣтъ, все мое стремленіе заключается лишь въ томъ, чтобъ увидать ее на улицѣ, въ театрѣ, гдѣ бы то ни было, показать ей моимъ поведеніемъ, а если возможно, то и выразить словами, что я сожалѣю о прошедшемъ и что я умоляю ее о прощеніи. Тогда между нами уже не будетъ существовать пропасти, я буду въ состояніи встрѣчаться съ нею безъ смущенія, мнѣ будетъ возможно вызывать предъ собою ея образъ для борьбы противъ дѣвицы Лорине, и принятый ею на себя царственный видъ уже не будетъ напоминать мнѣ о моихъ винахъ. Она будетъ для меня символомъ парижской граціи въ соединеніи съ дочернею преданностью, я увезу съ собой въ провинцію воспоминаніе о ней, какъ благоуханіе рѣдкостнаго цвѣтка, къ которому удалось подойти, и если когда-либо я запою: Гименей, о Гименей! то это будетъ въ честь какой-нибудь дѣвушки, которая будетъ похожа на нее...

Мнѣ кажется, что мои чувства не переходятъ этой границы.

Однако я не вполнѣ въ этомъ увѣренъ: въ мои старанія встрѣтиться съ нею я вкладываю столько горячности и столько постоянства, что самъ этому удивляюсь, а разочарованіе, которое я испытываю послѣ своихъ безплодныхъ скитаній, бываетъ несравненно сильнѣе, чѣмъ это могъ бы допустить холодный разсудокъ.

Но, можетъ-быть, у меня слишкомъ пылкій разсудокъ!

Подведемъ однако итоги моимъ скитаніямъ и поискамъ.

Однажды въ январѣ я восемь разъ подъ рядъ прошелся по Университетской улицѣ, начиная отъ дома № 1 до дома № 107, и обратно отъ дома № 107 до дома № 1: Жанна не выходила на воздухъ, не взирая на ясный зимній сверкавшій инеемъ день.

19 числа того же мѣсяца я присутствовалъ на представленіи *Andromaque*, хотя классическія произведенія далеко не принадлежатъ къ числу тѣхъ піесъ, которыя я смотрю всего охотнѣе. Ту же попытку я возобновилъ 27 числа. Ни въ первый, ни во второй вечеръ, я нигдѣ не видалъ мадемуазель Шарно.

А между тѣмъ если членъ Института не возитъ свою дочку восхищаться *Andromaque*, то куда же можетъ онъ возить ее?

Можетъ-быть никуда.

Каждый разъ, когда я иду по Тюильрійскому саду, я пробѣгаю взглядомъ по всѣмъ группамъ, разсѣяннымъ среди каштановъ. Я вижу дѣтей, которыя играютъ и падаютъ, пѣнекъ, которыя оставляютъ ихъ лежать на землѣ, маменекъ, которыя ихъ поднимаютъ, солдата, который идетъ куда-то. А Жанны нѣтъ, какъ нѣтъ!

Наконецъ третьяго дня я провелъ пять часовъ въ магазинѣ *au Bon Marché*.

Это былъ день весенней выставки, одинъ изъ торжественныхъ дней всего года, и я предполагалъ, и какъ мнѣ казалось не безъ основанія, что молоденькая и хорошенькая Парижанка не могла не быть здѣсь. Масса людей уже толпилась на громадномъ базарѣ, когда я пришелъ туда около часа пополудни. Нелегко устоять противъ нѣкоторыхъ теченій, которыя поддаются привилегированнымъ лучамъ новаго времени года. Равнодушный, какъ обломокъ корабля, я послушно отдался на волю перваго встрѣтившагося мнѣ теченія, и оно донесло меня до дѣтскаго отдѣленія. Тамъ теченіе это покинуло меня среди молоденькихъ продавщицъ, которыя смѣялись, глядя на студента, потерпѣвшаго крушеніе среди всѣхъ этихъ предметовъ для самаго раннягo

возраста. Я почувствовалъ себя смущеннымъ и, прижавшись къ Англичанкѣ, расталкивающей всѣхъ локтями съ чисто-британскою отважностью, обошелъ еще штукъ двадцать различныхъ отдѣленій. Наконецъ измученный, съ закружившеюся головой, покрытый пылью, какъ послѣ продолжительной прогулки по солнцу, я добрался до читальни.

Бѣдный простакъ! подумалъ я, еще слишкомъ рано, тебѣ слѣдовало объ этомъ подумать. Она можетъ придти сюда только по закрытіи Національной Библіотеки вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Допустивъ даже, что они сядутъ въ омнибусъ, они не могутъ быть здѣсь ранѣе половины пятаго.

Надобно было чѣмъ-нибудь наполнить довольно продолжительный промежутокъ времени, отдѣлявшій меня отъ этой счастливой минуты. Я написалъ письмо моему дядѣ Мулльяру. На писаніе одного адреса я употребилъ цѣлыхъ семь минутъ. Никогда, съ самаго своего двѣнадцатилѣтняго возраста не писалъ я такъ хорошо. Окончивъ письмо я хотѣлъ почитать какую-нибудь газету: всѣ газеты оказались уже по рукамъ. Адресъ-календарь *Боттена* былъ свободенъ, я его взялъ и открылъ на букву Ш. Я убѣдился, что въ Парижѣ, не считая моего Шарно, было много другихъ Шарно: Шарно бакалейный торговецъ, Шарно обойщикъ, Шарно бандажистъ; я составилъ цѣлое семейство члену Института, выбирая тѣхъ изъ его однофамильцевъ, которые, само собою разумѣется, казались мнѣ наиболѣе достойными такой чести. Послѣдовавшій затѣмъ періодъ времени сохранился какъ-то смутно въ моей памяти. Я помню только испытанное мною впечатлѣніе того, что кто-то раза два нескромно наклонялся надъ моимъ плечомъ. При третьемъ разѣ я окончательно пробудился.

— Сударь, сказалъ мнѣ одинъ изъ служащихъ по окончаніи всякихъ формальностей,—уже три четверти часа дожидаются *Боттена*. Будьте любезны передать его ожидающему господину, если вы уже окончили ваши справки.

Было уже безъ четверти шесть часовъ. Я подождалъ еще немного и затѣмъ ушелъ, потерявъ здѣсь цѣлый день.

О Жанна, гдѣ вы скрываетесь? Можетъ-быть, чтобы встрѣтить васъ надобно пойти къ обѣднѣ въ церковь Сенъ-Жермена де-Пре? Или можетъ-быть вы принадлежите къ числу тѣхъ раннихъ встающихъ, которыя въ тотъ часъ, когда еще мало гуляющихъ, отправляются въ Елисейскія Поля, чтобы встрѣтить тамъ первые солнечные лучи и подышать свѣжимъ воздухомъ,

доносящимся изъ лѣсовъ, прежде чѣмъ Парижъ успѣетъ поглотить его? Можетъ-быть вы слушаете лекціи въ Сарбоннѣ? Можетъ-быть вы поете, кто же вашъ профессоръ пѣнія?

Вы должны пѣть, Жанна. Въ васъ есть что-то воздушное, какъ въ птичкѣ. Вы обладаете живою и легкою граціозностью малиновки. Почему бы вамъ и не имѣть, подобно ей, пріятнаго голоса?..

Фабіанъ! ты становишься лирикомъ!..

8 апрѣля.

Уже болѣе мѣсяца я ничего не записывалъ въ эту коричневую тетрадь. Но сколько событій сегодня и притомъ какой важности!

Прежде всего, мое первое удивленіе.

Сегодня утромъ, съ головой полною латинскими текстами, я опирался лбомъ о стекло моего выходившаго въ садъ окна. Разумѣется это не мой садъ, такъ какъ я живу въ четвертомъ этажѣ; но отъ меня открывается видъ на растущую посреди него большую плакучую иву, на идущую вокругъ нея пескомъ усыпанную дорожку, на окаймленныя цвѣтниками четыре стѣны сада, одна изъ которыхъ отдѣляетъ его отъ обширнаго сквера. Садъ этотъ почти совершенно запущенъ. Жилецъ перваго этажа никогда не страдаетъ никакою тяжестью въ головѣ и вслѣдствіе этого никогда не прогуливается въ саду. Сегодня же утромъ въ немъ находился его сынъ, семнадцатилѣтній лицеистъ. Въ двухъ шагахъ отъ стѣны, что̀ выходитъ на улицу, онъ стоялъ неподвижно съ поднятою кверху головой и насвистывалъ однообразный мотивъ, который мнѣ показался похожимъ на сигналъ. А между тѣмъ предъ нимъ не находилось ровно ничего, кромѣ шелковистаго золотистаго моха, покрывавшаго старую стѣну. Не станетъ же кто-бы то ни было насвистывать ни для камней, ни для моха.

Далѣе, по ту сторону улицы, тянулись правильными рядами большею частью открытыя окна противоположныхъ домовъ. И я подумалъ: птичка навѣрное тамъ; это какая-нибудь Марго, которая сейчасъ появится въ своемъ бѣленькомъ чепчичкѣ.

Глупая и гадкая мысль! Какъ мы бываемъ смѣлы въ нашихъ малѣйшихъ сужденіяхъ! Вдругъ лицеистъ шагнулъ впередъ, быстрымъ движеніемъ провелъ рукой по моху, какъ бы желая поймать муху, и затѣмъ обернулся къ матери торжествующій, сіяющій, нелѣпый, съ невинною сѣрою ящерицей въ рукѣ.

— Поймалъ, поймалъ! Она грѣлась на солнцѣ и я зачаровалъ ее!

Она грѣлась на солнцѣ! Это было для меня открытіемъ. Я отворилъ окно и въ самомъ дѣлѣ всюду теплота, всюду свѣтъ, и на еще мокрыхъ отъ вчерашняго ливня крышахъ, и на радостно голубомъ, уже незимнемъ небѣ. Я опустилъ глаза и увидалъ то, что̀ еще до сихъ поръ не видалъ: почки ивы распускались, у подножія камелій зеленѣла трава, грушевыя деревья сада покраснѣли отъ наливщаго ихъ сока, а на высохшемъ стволѣ фиговаго дерева сидѣлъ, поднявшись на своихъ лапкахъ и вытянувъ впередъ свою шейку, прилетѣвшій изъ Люксембургскаго сада черный дроздъ, который, опьяненный весеннимъ воздухомъ и, какъ бы отвѣчая на какой-то далекій приносимый вѣткомъ призывъ, пѣлъ какъ въ лѣсу пламенный гимнъ весны. Тогда, о, тогда я уже не былъ въ состояніи долго выдержать и, прыгая черезъ нѣсколько ступенекъ, сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, браня и Парижъ, и Юнійскихъ Латинянъ, скрывавшихъ отъ меня весну. Какъ! жить отдѣленнымъ отъ созданнаго для меня міра, ходить по искусственной почвѣ изъ камня и смолы, имѣть состояніе изъ трубъ горизонтъ, видѣть небо лишь въ формѣ неправильной полосы, изрѣзанной крышами, закопченной дымомъ, пропустить это чудное время, не упившись распространяемыми имъ благоуханіями и радостью, не обновить въ ея юности свою собственную всегда нѣсколько увязшую и нѣсколько подавленную зимой юность! Нѣтъ, это невозможно, я хочу видѣть весну!

И я ее видѣлъ дѣйствительно, но изрѣзанную на букеты, потому что моя необдуманная стремительная прогулка привела меня на площадь Санъ-Сюльписъ, а тамъ происходилъ цвѣточный базаръ.

Много цвѣтовъ и мало народу: было уже поздно. Тѣмъ болѣе я наслаждался всѣми этими растеніями, разставленными рядами по семействамъ и по росту, начиная отъ махровыхъ гіацинтовъ, составляющихъ усладу привратницъ, и до первыхъ едва завязавшихся въ бутоны гвоздикъ, выставлявшихъ бѣленькіе и розовенькіе носики изъ-подъ своихъ зеленыхъ шлемовъ; затѣмъ букеты, пучки изъ однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ и одного же цвѣта, снизу обернутыя синею бумагой; ландыши, сирень, незабудки, резеда, выведенные въ оранжереяхъ и еще нетронутые пчелами, нѣжные, благоухающіе! Всѣ обращали свой взоръ на этихъ вновь появив-

шихся изгнанниковъ. Молодыя дѣвушки улыбались имъ, сами не зная почему. Даже кучера наемныхъ стоявшихъ вдоль тротуара экипажей испытывали какое-то удовольствіе отъ этого сосѣдства. Я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, красноличый малый съ бѣлымъ носомъ, сказалъ своему товарищу:

— Ого, Франсисъ! славный-такп запахъ, неправда ли?

Я шелъ очень медленно, разсматривая каждую отдѣльную выставку и, дойдя до конца, обернулся.

Боже великій, въ десяти шагахъ отъ меня находились г. Фламаранъ, г. Шарно, мадемуазель Жанна!

Они остановились предъ одною изъ выставокъ, отъ которой я только-что отошелъ. Г. Фламаранъ несъ подъ мышкой горшокъ съ зольникомъ, цвѣты котораго покрывали ему весь животъ. Г. Шарно, наклонившись, разсматривалъ въ лорнетъ великолѣпную гранатнаго цвѣта гвоздику. Жанна колебалась между десятками двумя букетовъ, наклоняя то къ тому, то къ другому свою хорошенькую головку въ легкой весенней шляпкѣ.

— Который же букетъ, отецъ?

— Какой хочешь, только выбирай поскорѣе: Фламаранъ насъ ждетъ.

Еще секунда, и въ выборѣ восторжествовало сходство.

— Вотъ этотъ букетъ резеды, сказала она.

Я могъ побиться объ закладъ, что это такъ и будетъ. Она должна была выбрать резеду, свѣтлое, тонкое, изящное растеніе, какъ она сама. Пусть камеліи и гіацинты будутъ для другихъ, а для Жанны цвѣты самые нѣжные!

Она заплатила, взяла букетъ, посмотрѣла на него, прижала съ материнскою нѣжностью къ своей груди, причемъ всѣ золотистыя головки склонились къ ней на руку, и нагнала своего отца, который только успѣлъ перейти отъ однѣхъ гвоздикъ къ другимъ. Они продолжали свой путь по направленію къ Сенъ-Сальписсу: г. Шарно шелъ въ серединѣ, по правую руку отъ него г. Фламаранъ, по лѣвую Жанна. Проходя мимо, она почти задѣла меня, не видя меня. Я издали слѣдилъ за ними. Они всѣ трое смѣялись. Чему? Я угадываю: она смѣялась оттого, что ей восемнадцать лѣтъ, они—оттого, что находились съ нею. Въ концѣ площади они повернули налѣво, прошли вдоль окружавшей церковь рѣшетки и затѣмъ направились по улицѣ Сенъ-Сюльписсъ, вѣроятно съ цѣлью проводить г. Фламарана, цвѣты зольника котораго ярко выдѣлялись среди группъ гуляющихъ. Я

намѣревался свернуть вслѣдъ за ними. Мнѣ загородилъ путь вагонъ линіи Батиньолъ-Клиши. Въ ту же секунду я былъ охваченъ волной вышедшихъ изъ него путниковъ.

— Стой! это ты! Какъ поживаешь? На что ты уставился? на мою шляпу? *Tuba mirum spargens sonum*, мой милый, послѣднее созданіе Леона, воздухоносная, паровытягивательная и т. д.

То былъ Ларивѣ, сходившій съ имперіала вагона.

Всякій встрѣчалъ Ларивѣ, клерка изъ конторы Машена; его всюду видно: высокій блондинъ, маленькія коротко подстриженныя бакп, чрезвычайно выхоленные усики, всегда безукоризненно одѣтъ, всегда въ превосходныхъ перчаткахъ, всегда знающій всякія новыя остроты, которыя онъ обыкновенно выдаетъ за свои собственныя. Если вѣрить ему, то онъ имѣетъ свободный доступъ во всѣ министерства и при всякихъ министрахъ, всегда имѣетъ приглашенія на всѣ балы и билеты отъ авторовъ на всѣ первыя представленія. Со всѣмъ этимъ онъ весьма аккуратно посѣщаетъ всякія похороны извѣстныхъ лицъ, весьма силенъ въ правѣ и важенъ въ судѣ, какъ десять старыхъ бонзъ вмѣстѣ.

— Что же, Фабіанъ, отвѣтишь ли ты, наконецъ, на что ты смотришь?

И онъ повернулъ голову:

— А, я вижу маленькую Шарно!

— Ты знакомъ съ нею?

— Еще бы! и съ ея папашей также. Очень мила!

Я почувствовалъ, что краснѣю отъ удовольствія.

— Ты находишь?

— Очень мила, продолжаю утверждать это; но никакой привычки къ свѣту: она танцуетъ плохо.

— Вотъ такъ несчастье!

— Немножко также слишкомъ высока для своихъ глазъ.

— Что ты хочешь сказать?

— Глазки у нея немножко маловаты, понимаешь?

— Что тебѣ до того, если въ нихъ выраженіе умное и пріятное?

— Мнѣ? мнѣ до этого ровно никакаго дѣла нѣтъ. Вотъ, что до тебя, такъ тебя это кажется нѣсколько затрогиваетъ. Можетъ-быть вы находитесь въ родствѣ?

— Нѣтъ.

— Ну, въ свойствѣ?

— Также нѣтъ.

— Тѣмъ лучше. Ахъ ты, старина, Мульяръ! А дядюшка Мульяръ все такъ же безстрашенъ?

— Да, и стремится вырвать меня изъ этого Вавилона.

— Ты ему наслѣдуешь?

— Какъ можно позднѣе.

— Мнѣ положительно говорили, что ты не отличаешься восторженностью въ этомъ отношеніи. Дѣло гроша не стóитъ, не правда ли?

— Да нѣтъ же, двадцать пять тысячъ годоваго дохода.

— Чистыхъ?

— Да.

— Это весьма недурно. Но провинція, мой бѣдный другъ, провинція!

— Ты бы тамъ умеръ, не такъ ли?

— Въ сорокъ восемь часовъ, навѣрное.

— И какъ только могъ ты родиться въ провинціи, Ларивѣ? Это меня удивляетъ съ твоей стороны.

— А меня-то развѣ не удивляетъ? Это составляетъ одинъ изъ предметовъ моихъ размышленій. Однако, до свиданія!

Я удержалъ его за руки, которыя онъ мнѣ протягивалъ.

— Ларивѣ, скажи мнѣ, гдѣ ты встрѣчался съ мадемуазель Шарно?

— Ахъ, что̀ за шутникъ этотъ Фабіанъ, ухватился за что̀! Другъ мой, я въ отчаяніи, что сразу не заявилъ тебѣ, что она ангелъ. Еслибъ я только зналъ...

— Я не о томъ тебя спрашиваю. Гдѣ ты видалъ ее?

— Въ свѣтѣ, чортъ возьми! Гдѣ же, по твоему, можно видать молодыхъ дѣвушекъ, какъ не въ свѣтѣ? Ахъ, что̀ это за Фабіанъ!

И онъ ушелъ смѣясь. Отойдя шаговъ на двадцать онъ остановился, обернулся и, приставивъ обѣ руки ко рту, крикнулъ:

— Она ангелъ!

Ларивѣ этотъ—положительный вертопрахъ, остроты его на какую-нибудь одну минуту могутъ ввести въ заблужденіе относительно того, будто онъ уменъ, но въ общемъ онъ ограниченъ, просто пустой болтунъ, глубокій эгоистъ подъ видомъ человѣка легкомысленнаго. А между тѣмъ, онъ мой товарищъ по гимназіи, единственный изъ двадцати восьми товарищей, съ которымъ у меня сохранились какія-нибудь отношенія. Четверо изъ моихъ товарищей умерли, двадцать три человѣка разбрелись по темной

провинціи и могутъ считаться погибшими за отсутствіемъ какихъ-либо извѣстій о нихъ, мой двадцать восьмой товарищъ, это— Ларивѣ. Въ восьмомъ классѣ я восторгался имъ по причинѣ его длинныхъ брюкъ, его отважности и отсутствію въ немъ всякой дисциплины, по причинѣ его частаго знакомства съ паппроской. Я предпочиталъ его скромнымъ хорошимъ дѣтямъ. Во дни отпуска я покупалъ у торговца лѣкарственными травами гуммарабику, въ уединеніи моей комнаты, вдали отъ любопытныхъ, разбивалъ его маленькимъ молоточкомъ и затѣмъ раскладывалъ его по тремъ мѣшечкамъ съ тремя этикетками: крупные куски, средніе и мелкіе кусочки.

Вернувшись въ лицей со своими тремя мѣшечками въ карманѣ, я предъявлялъ тотъ или другой, смотря по важности случая и по степени симпатіи. Ларивѣ свободно и вдоволь черпалъ въ мѣшечкѣ съ крупными кусками. Благодарности ко мнѣ онъ никакой не чувствовалъ и не стѣснялся вышучивать меня по поводу такой внимательности, которою онъ пользовался. Онъ насмѣхался надо всѣмъ, и я уважалъ его. Онъ все еще продолжаетъ насмѣхаться, но онъ уже вышелъ для меня изъ временъ гуммарабика и я уже болѣе не вѣрю въ Ларивѣ.

Если онъ воображаетъ, что лишить въ моихъ глазахъ эту очарованную дѣвушку поэзіи, сообщивъ мнѣ, что она плохо танцуетъ, то онъ очень ошибается. Что̀ за выгода имѣть жену, которая хорошо вальспруетъ! Она не вальспруетъ у себя, не вальспруетъ со своимъ мужемъ, между шкафомъ съ бѣльемъ и люлькой. И потомъ, молодая дѣвушка, которая хорошо танцуетъ, склонна любить пошлость. Ей можетъ нравиться нелѣпая болтовня какого-нибудь Ларивѣ, можетъ нравиться фатовская наружность, злоязычіе. А въ такомъ случаѣ какъ могла бы она отнестись къ простотѣ и застѣнчивому чувству любви? Она бы только посмѣялась надъ нимъ. Но вы, Жанна, не стали бы смѣяться, еслибъ я вамъ сказалъ, что я васъ люблю. Нѣтъ, я твердо увѣренъ въ томъ, что вы бы не стали смѣяться... И еслибы вы полюбили меня, Жанна, то мы не стали бы выѣзжать въ свѣтъ. Я былъ бы отъ этого въ восторгѣ. Я охранялъ бы васъ, не пряча васъ. У насъ было бы счастье дома, намъ незачѣмъ было бы отправляться искать его въ гостиныхъ и на балахъ. Вамъ было бы невозможно не сознавать вашего обаянія, но вы не стали бы его тратить на эту толпу вальсеровъ, чтобы возвращаться домой только съ жалкими остатками вашего хорошаго

настроенія и клочками отъ трена вашихъ платьевъ. Жанна, я очень счастливъ тѣмъ, что вы плохо танцуете!

Куда ты заносишься, мой другъ Фабіанъ, куда ты заносишься! Вотъ ты опять даешь волю своему воображенію. А между тѣмъ, поразмысли немножко. Ты снова увидалъ эту дѣвушку, это правда; она тебѣ понравилась, и это уже во второй разъ. Но она, которую ты себѣ позволяешь называть Жанной, какъ будто она близка тебѣ, въ дѣйствительности даже и не замѣтила тебя. Ты лично о ней не знаешь ничего кромѣ ея дѣвственной граціи и какихъ-нибудь двадцати сказанныхъ ею словъ. Ты не знаешь ни о томъ, свободна ли она, ни о томъ, какъ бы она отнеслась къ бродящимъ у тебя въ головѣ мыслямъ, еслибы ты рѣшился ихъ высказать. А ты ужь говоришь: мы не ѣздили бы, мы имѣли бы!.. Говори въ единственномъ числѣ, мой другъ. Это множественное число далеко, очень далеко, если даже не вовсе недостижимо.

27 апрѣля.

Конецъ апрѣля: разлетайтесь студенты. Послѣ первыхъ теплыхъ дней почки развертываются, Медонъ смѣется, Кламаръ щебечетъ, въ Шеврёзской долинѣ благоухаютъ цѣлыя поля фіалокъ, съ нвъ дождемъ сыплятся сережки по обопмъ берегамъ Иветта, а далѣе, тамъ, подъ зеленѣющими сводами Фонтенебловскаго лѣса, козули настороживаютъ уши, прислушиваясь къ топоту первыхъ кавалькадъ. Разлетайтесь же, студенты! Тропинки украшаются цвѣтами, луга пестрѣютъ, на опушкѣ лѣса порхаютъ птички. Весь Парижъ переселяется въ торжествующую деревню. У самыхъ бѣдныхъ людей есть свои излюбленныя мѣстечки, воспоминаніе прошлаго года, которое хочется отыскать и возобновить, какой-нибудь уголокъ, гдѣ удалось уснуть, какая-нибудь аллейка, гдѣ тѣнь была особенно отрадна, мѣстечко на берегу рѣки, гдѣ хорошо клевала рыба. Каждый говоритъ: „Вы помните?“ Каждый отыскиваетъ свое гнѣздышко, какъ возвращающаяся ласточка. Уцѣлѣло ли оно? не разорили ли его зимніе вѣтры, и дожди, и морозы? Можно ли будетъ снова отдохнуть въ немъ?

Я также сказалъ Ламирону: „Помнишь ли ты?“ потому что и у насъ есть свое гнѣздышко, и у насъ есть свои свѣтлыя воспоминанія. Онъ увлекся работой, онъ колебался. Я шепнулъ ему: „Прудокъ Чернаго Дрозда“, и онъ улыбнулся, и вотъ и мы двинулись въ путь.

На сей разъ, какъ и обыкновенно, нашимъ мѣстомъ свиданія служитъ Сенъ-Жерменъ, не городъ, не итальянскій замокъ, не терраса, съ которой открывается такой обширный видъ на Сену, на множество расбросанныхъ по долинѣ виллъ и на синѣющій вдали Монмартръ, а лѣсъ... онъ нашъ скорѣе, чѣмъ чей бы то ни было; мы знаемъ всѣ его тропинки, всѣ его полянки, всѣ его мѣстечки въ чащѣ, куда любятъ забираться браконьеры и влюбленные. Я съ закрытыми глазами съумѣю найти „прудокъ Чернаго Дрозда“, который намъ однажды показала козуля.

Вообразивъ себѣ въ тридцати шагахъ отъ тѣнистой аллейки не маленькій прудокъ, слово это вовсе сюда не идетъ, не озерцо также, а фонтанъ, который пробился наружу вслѣдствіе исчезновенія гигантскаго дуба. Со времени паденія великана, растущія кругомъ березы, которыя его вѣтви держали на почтительномъ отдаленіи, такъ и остались раздвинутыми, и такимъ образомъ фонтанъ этотъ бьетъ среди маленькой полянки, которую постоянно покрываетъ густой зеленый мохъ, а въ августѣ онъ еще бываетъ усѣянъ цвѣтами дикой гвоздики. Вода здѣсь очень глубока, но совершенно прозрачна. На глубинѣ шести футовъ вполнѣ ясно видны потонувшіе листья, травки, вѣтки, нѣсколько разнообразной формы камней. Все это, остатки давнихъ дней, дремлетъ въ ожиданіи все новыхъ дней. Порой изъ водной глубины выглянетъ саламандра. Она поднимется кверху спиралеобразною линіей, блестя своимъ желтымъ хвостомъ, потомъ глотнетъ воздуха и какъ камень снова тонетъ въ воду. За исключеніемъ ея появленій, ничто не нарушаетъ спокойствія прудка. Отъ вѣтра онъ защищенъ можжевельникомъ и кустами шиповника, ежегодно покрывающагося точно розовою шапкой. Каждый годъ въ немъ вьетъ себѣ гнѣздышко черный дроздъ. Мы соблюдаемъ его тайну. Онъ знаетъ, что мы къ его гнѣздышку не притронемся. А когда я вижу этотъ уголокъ лѣса, сдѣлавшійся намъ дорогимъ вслѣдствіе привычки, то уже только глядя на воду, я испытываю какое-то освѣжающее впечатлѣніе, проникающее мнѣ въ самое сердце.

— Славное мѣстечко, чтобы соснуть! воскликнулъ Ламиронъ.— Ты дѣлай какъ знаешь, Фабіанъ, а я ложусь отдыхать.

Мы шли быстро. Жара была сильная. Онъ сбросилъ съ себя жакетку, свернулъ ее себѣ подъ голову и легъ на траву. Что до меня, то я также разлегся на мягкомъ мху и предался глубо-

кому изученію клочка земли въ квадратный футъ величиной, который находился у меня предъ глазами.

Количество стебельковъ травъ здѣсь было огромно. Нѣкоторые стебельки, уже свернувшись въ колосъ, поднимались высоко надъ прочими и покачивались точно стройныя пальмы; тутъ была и заноза луговая, и тимофеева трава, и Богородицыны слезки, всѣ на тоненькихъ стебляхъ и съ мохнатыми головками. Другія травки еще не успѣли развернуться и едва выглядывали изъ глубокаго болѣе темнаго моха, который по всей вѣроятности и питалъ ихъ, и доставлялъ имъ влагу. И между всѣми этими поднимавшими къ небу головки травами извивались и пересѣкались какія-то тропинки, полныя всякихъ препятствій, состоящихъ изъ кусочковъ коры, межжевеловыхъ ягодъ, жолудей, мелкихъ древесныхъ корней, крохотныхъ вскопанныхъ насѣкомыми бугорковъ, выкопанныхъ дождями канавокъ. Различные жучки и муравьи спускались и поднимались по этимъ тропкамъ и съ какими-то таинственными цѣлями. Надъ ними маленькій красненькій паучекъ прялъ основу для своей паутины между стебелькомъ какой-то травки и листочкомъ орхидеи, а когда солнечный лучъ, пробиваясь сквозь густую листву, скользилъ по его работѣ, то я могъ видѣть, что она уже значительно подвинулась впередъ.

Не знаю долго-ли занимался я этимъ созерцаніемъ. Въ лѣсу все было тихо. За исключеніемъ роя мошекъ, носившихся и пищавшихъ въ минорномъ тонѣ надъ спавшимъ Лампрономъ, вокругъ насъ все было неподвижно и безмолвно. Вся природа упивалась въ молчаніи пріятною теплотой солнечныхъ лучей.

Весьма издалека и очень смутно до меня доносились какіе-то голоса. Я поднялся на ноги и, крадучись среди березъ и орѣшника, пробрался къ самой аллейкѣ.

По тѣнистому склону осѣненной деревьями аллейки подвигались двое гуляющихъ. На томъ разстояніи, на которомъ они отъ меня находились, я могъ разглядѣть только то, что мужчина былъ въ длинномъ сюртукѣ, а женщина въ сѣромъ платьѣ; кромѣ того, судя по ея стройному стану и легкости ея походки, можно было предположить, что она была молода. Лица ея я разсмотрѣть не могъ, но тотчасъ же почувствовалъ, что это она.

Я спрятался. Они все приближались и, наконецъ, я дѣйствительно убѣдился, что то была Жанна. Она шла подъ руку съ отцомъ и тихо разговаривала съ нимъ, счастливая тѣмъ, что ей удалось покинуть Университетскую улицу. Она глядѣла передъ

собою широко раскрытыми глазами. Онъ же не спускалъ съ дочери глазъ, очевидно занятый ею несравненно болѣе, чѣмъ находившеюся въ полномъ цвѣтѣ весной; онъ искусно заставлялъ ее уклоняться отъ солнечныхъ лучей и время отъ времени спрашивалъ ее:

— Ты не устала?

— О, нѣтъ!

— Какъ только ты устанешь, мы сядемъ отдохнуть. Не слишкомъ ли скоро иду я для тебя?

Она опять отвѣчала отрицательно, смѣялась, и они продолжали подвигаться впередъ.

Вскорѣ они свернули съ аллейки, пошли по другой дорожкѣ, и я потерялъ ихъ изъ вида. Все вокругъ меня внезапно потемнѣло, мнѣ стало нестерпимо грустно, я закрылъ глаза и заплакалъ.

— Скажи пожалуста, какую это роль ты заставляешь меня разыгрывать? услыхалъ я позади себя голосъ Лампрона.

— Какъ, какую роль?

— Да, я нахожу страннымъ, что ты тащишь меня за собою на свои свиданія.

— Свиданія? да никакого свиданія нѣтъ!

— Ты, можетъ-быть, станешь увѣрять меня, что ты случайно забрелъ сюда?

— Разумѣется.

— Какъ разъ туда и въ ту минуту, какъ она должна была здѣсь проходить?

— Я могу тебѣ доказать это, если желаешь. Эта молодая дѣвушка мадемуазель Шарно.

— Ну, такъ что же?

— Какъ что же! да я ни слова не говорилъ съ нею послѣ моего единственнаго посѣщенія ихъ дома и съ тѣхъ поръ только однажды мелькомъ видѣлъ ее на улицѣ. Ты видишь, слѣдовательно, что здѣсь и рѣчи не можетъ быть о назначенномъ свиданіи. Я и самъ былъ пораженъ ея появленіемъ. Ее привелъ сюда счастливый случай, воспользовавшись прелестью погоды, ясностью апрѣльскаго неба, мягкостью апрѣльскаго воздуха...

— И это заставило тебя плакать?

— Нѣтъ, не это.

— Такъ что же?

— Я не знаю.

— Ахъ, взрослый ребенокъ, я объясню тебѣ это: ты ее любишь!

— Да, Сильвестръ, мнѣ кажется, что ты говоришь правду. Я признаюсь тебѣ въ этомъ, какъ моему лучшему другу. И это началось уже давно, можетъ-быть съ самаго того дня, какъ я ее увидѣлъ. Сначала образъ ея рисовался моему воображенію и это мнѣ было пріятно. Но вскорѣ мнѣ стало мало видѣть ея образъ только въ воображеніи. Мнѣ хотѣлось видѣть ее въ дѣйствительности и я искалъ ее на улицѣ, по магазинамъ, въ театрѣ. Я самъ обманывалъ себя, воображая, что мнѣ хочется повидаться съ нею лишь для того только, чтобы испросить у нея прощеніе, дабы у нея не оставалось послѣ моего отъѣзда изъ Парижа дурнаго впечатлѣнія о нашей первой встрѣчѣ... Но теперь, Сильвестръ, всѣ эти воображаемыя основанія улетучиваются и истинная причина ясно возстаетъ передо мною: я ее люблю!

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, другъ мой, я самъ это пережилъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Онъ умолкъ. Глаза его бродили по далекимъ окраинамъ лѣса, а можетъ-быть внутренно онъ былъ углубленъ въ отдаленныя воспоминанія. На его мужественное лицо легла какая-то тѣнь. Но это продолжалось недолго. Онъ стряхнулъ съ себя грусть и обратился ко мнѣ со своею обычною доброю улыбкой:

— Итакъ, это серьезно?

— Весьма серьезно.

— Нисколько не удивляюсь: она очень мила, эта молодая дѣвушка.

— Не правда ли, она хороша?

— Лучше того, мой другъ, у нея ясный, искренній видъ. Какія ты имѣешь о ней свѣдѣнія?

— Что она плохо танцуетъ.

— Это уже что-нибудь да составляетъ!

— Но, вѣдь это далеко не все.

— Такъ разузнай же обо всемъ остальномъ, поговори съ нею, объяснись въ любви, сдѣлай ей предложеніе и женись себѣ съ Богомъ.

— Ахъ, Боже мой, Сильвестръ, какъ ты скоро!

— Другъ мой, это самая лучшая и самая нравственная система: недобно живо разыгрывать эти неопредѣленныя идиллiи, или, ради того, чтобы порвать идиллію не было бы слишкомъ

больно, или же для того, чтобы закончить ее честнымъ обрученіемъ. На твоемъ мѣстѣ я съ завтрашняго же дня приступилъ бы къ дѣлу.

— Почему же не съ сегодняшняго?

— Какимъ же образомъ?

— Догонимъ ихъ, чтобы по крайней мѣрѣ еще разъ взглянуть на нее.

Онъ засмѣялся.

— Въ мои годы бѣгать за молодыми дѣвушками! Но, такъ какъ я самъ подалъ совѣтъ, то дѣлать нечего: впередъ!

Мы пересѣкаемъ аллейку и устремляемся прямикомъ черезъ лѣсъ.

Нѣкогда Ламиронъ пользовался славой неутомимой быстроты среди охотниковъ за лисами въ окрестностяхъ Рима. Онъ и теперь еще заслуживаетъ той же славы. Въ двадцать прыжковъ онъ уже успѣлъ обогнать меня. Я видѣлъ издали, какъ онъ перескакивалъ черезъ вересковъ, отстраняя палкой со своего пути молоденькіе дубки, или же оборачиваясь назадъ, чтобы посмотрѣть на меня, который подвигался далеко не съ такою же ловкостью, цѣпляясь за всякія колючія растенія. Изъ-подъ самыхъ ногъ у него выпорхнулъ и взвился кверху красивый фазанъ. Онъ остановился.

— Ахъ, какъ красиво! воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, надобно идти осторожнѣе, а то мы пугаемъ дичь. Еще какихъ-нибудь двѣсти шаговъ и мы будемъ на той дорожкѣ, по которой они прошли.

Дѣйствительно, пять минутъ спустя, скрываясь за стволомъ стараго бука, онъ подалъ мнѣ телеграфическій знакъ, означавшій: Вотъ они!

Жанна и г. Шарно сидѣли на повалившемся деревѣ, которое упало вдоль дорожки, едва замѣтно извивавшейся въ тѣнистой чащѣ. Они сидѣли къ намъ спиной. Отецъ, наклонившись впередъ и воткнувъ свою съ золотымъ набалдашникомъ трость въ землю, читалъ книгу, которой намъ не было видно, а Жанна, въ полуоборотъ къ нему, неподвижно и внимательно слушала его чтеніе. Профиль ея лица вырисовывался на свѣтлой полоскѣ неба. Въ лѣсу царила полная тишина, такъ что голосъ стараго ученаго явственно доносился до насъ.

„— И Улиссъ, обращаясь къ прекрасной Навзикаѣ, повелъ слѣдующую искусную рѣчь:—Богиня ты или смертная, о царица, я преклоняю предъ тобой колѣна. Если ты принадлежишь къ

числу божествъ, обитающихъ среди необъятнаго неба, то по твоей красотѣ, по твоей граціи, по благородству твоей осанки, я узнаю въ тебѣ Діану, дщерь великаго Юпитера. Если же ты принадлежишь къ числу смертныхъ, населяющихъ землю, то трижды счастливы твой отецъ, твоя мать и твои возлюбленные братья. Безъ сомнѣнія духъ ихъ всегда веселится, когда они видятъ, какъ въ хоры плясокъ вступаетъ столь прекрасная дѣвица. Но во сколько кратъ еще счастливѣе будетъ тотъ, кто, осыпавъ тебя подарками, поведетъ тебя въ свое богатое жилище!“

Я обернулся къ Лампрону, находившемуся отъ меня шагахъ въ десяти нѣсколько впереди и правѣе. Онъ вытащилъ свой альбомъ и наскоро набрасывалъ что-то карандашомъ. Скоро онъ позабылъ всякую осторожность и вышелъ изъ-за ствола бука, чтобы подойти поближе къ своей модели. Я пытался подавать ему всякіе знаки, чтобы напомнить ему, что мы находимся здѣсь не ради рисованія, все было напрасно. Въ немъ наружу прорвался художникъ. Усѣвшись на древесномъ корнѣ, на желаемомъ разстояніи, на совершенно открытомъ мѣстѣ, онъ принялся работать, думая единственно только о своемъ искусствѣ.

Случилось то, что̀ должно было случиться: недовольный какимъ-то штрихомъ, Лампронъ разомъ пошевелилъ обѣими ногами, упала вѣтка, листья зашуршали... Жанна повернула въ нашу сторону голову и увидала насъ обоихъ, меня, который созерцалъ ее, и Лампрона, который ее срисовывалъ.

Каковы могутъ быть впечатлѣнія молодой дѣвушки, которая внезапно видитъ въ самой глуши лѣса двѣ пары устремленныхъ на нее глазъ? Сперва она испытываетъ нѣкоторый испугъ, затѣмъ когда ей приходится убѣдиться, что это не разбойники и не грабители, въ ней возникаетъ чувство польщеннаго самолюбія, къ которому примѣшивается и нѣкоторая доля смущенія.

Такъ по крайней мѣрѣ истолковали мы себѣ чувства Жанны. Въ первую минуту она отклонилась нѣсколько назадъ и нахмурила свои брови, готовясь вскрикнуть; но вслѣдъ затѣмъ чело ея разгладилось, щечки вспыхнули румянцемъ, на губахъ ея заиграла неопредѣленная улыбка; все это свидѣтельствовало о томъ, что ей пріятно, что ею любуются, что она смущена неожиданностью, что ей не хочется обнаружить какой-нибудь неловкости.

Я поклонился, Сильвестръ также снялъ шапку.

Г. Шарко не шевельнуся.

— Что̀ это? опять бѣлка? проговорилъ онъ.

— Кажется, цѣлая пара, отецъ, тихо отвѣтила она.

И онъ продолжалъ чтеніе:

„— О мой гость, отвѣтила ему прекрасная Навзикая,—я называю тебя такъ, ибо ты представляешься мнѣ ни человѣкомъ низкаго рода, ни человѣкомъ, лишеннымъ ума, Юпитеръ самъ распредѣляетъ смертнымъ счастіе“...

Жанна уже не слушала. Она думала. О чемъ? Можетъ-быть о многихъ вещахъ, но безъ сомнѣнія объ отступленіи. Я догадывался объ этомъ по движенію ея зонтика, которымъ она лихорадочно чертила по моху.

Я сдѣлалъ знакъ Лампрону. Мы стали удаляться, осторожно пятясь назадъ.

Но это было безполезно: очарованіе было нарушено, тишина была возмущена.

Она раза два притворно кашлянула.

Г. Шарно, встревоженный, прервалъ свое чтеніе.

— Тебѣ холодно, ты озябла, Жанна?

— Да нѣтъ же, отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вижу, что ты озябла. И почему ты раньше мнѣ объ этомъ не сказала? Ахъ эти дѣти, Боже мой, Боже мой! Всегда все тѣ же! Вѣчно неосторожны!

Не медля долѣе онъ поднялся съ мѣста, сунулъ книгу себѣ въ карманъ, застегнулъ свой сюртукъ и, опершись на свою трость, посмотрѣлъ на вершины буковъ.

Затѣмъ они снова двинулись въ путь, все по той же дорожкѣ.

Жанна шла тихо и свободно и скоро ея стройная фигура скрылась за свѣжею листвой молодой зелени.

Лампронъ между тѣмъ продолжалъ смотрѣть на поворотъ дорожки, за которымъ исчезли отецъ и дочь.

— О чемъ ты задумался? спросилъ я его.

Онъ провелъ рукой по своей бородѣ, въ которой кое-гдѣ серебрились уже бѣлыя нити.

— Я думаю о томъ, мой милый другъ, что юность покидаетъ насъ точно такъ-же, въ то самое время, когда она намъ всего пріятнѣе, съ легкою улыбкой на устахъ и не говоря намъ о томъ, куда она направляется. Моя юность сыграла со мной такую штуку.

— Какая прекрасная мысль тебѣ пришла въ голову нарисовать ихъ обоихъ! Покажи-ка мнѣ рисунокъ!

— Нѣтъ, не покажу.

— Почему это?

— Это даже не эскизъ: нѣсколько штриховъ и больше ничего.

— Все-таки покажи!

— Мой юный другъ Фабіанъ, тебѣ слѣдовало бы знать, что если я заупрямлюсь, то стало, быть имѣю что-нибудь въ мысляхъ, какъ Валаамова ослица. Ты не увидишь моего альбома ни сегодня, ни завтра, ни послѣ завтра.

Я нелѣпо отвѣтилъ:

— Ну, и не надо, мнѣ все равно!

Въ сущности же я былъ очень раздосадованъ и на вокзалѣ разстался съ Лампрономъ нѣсколько холодно.

Ну, что̀ за капризъ такой? Не показать мнѣ рисунка, который онъ дѣлалъ въ моемъ присутствіи, и еще рисунка, на которомъ изображена Жанна!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАРАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ ВЪ МОСКВѢ.[1]

II.

Въ предыдущей моей статьѣ были приведены нѣкоторыя цифровыя данныя о заразныхъ заболѣваніяхъ въ Москвѣ за 5 лѣтъ, начиная съ 1886 года. Съ этого именно года принятіе мѣръ противъ распространенія заразныхъ болѣзней перешло въ вѣдѣніе городскаго управленія и ведется черезъ посредство восемнадцати городскихъ санитарныхъ врачей, между которыми городъ раздѣленъ на участки. Въ ежегодно издаваемыхъ отчетахъ городской управы по санитарной части и въ отчетахъ санитарныхъ врачей [2] имѣется обширный матеріалъ, накопившійся за указанное время. Систематическое изложеніе этого матеріала, хотя бы и весьма краткое, не могло войти въ предѣлы моей задачи. Здѣсь я постараюсь познакомить читателей лишь съ нѣкоторыми наиболѣе интересными примѣрами изъ области дѣятельности городскаго санитарнаго надзора, съ тѣми бытовыми условіями, среди которыхъ приходится дѣйствовать санитарнымъ врачамъ, а также съ тѣми фактами, которые могутъ уяснить многое относительно путей распространенія заразныхъ болѣзней въ средѣ городскаго населенія.

Мѣста наибольшаго скопленія бѣднѣйшихъ жителей города представляютъ, какъ извѣстно, всѣ условія для развитія зараз-

[1] См. № 3 *Русскаго Обозрѣнія*.

[2] Отчеты санитарныхъ врачей печатаются въ *Извѣст. Моск. Гор. Думы*.

ныхъ болѣзней при заносѣ этихъ послѣднихъ тѣмъ или другимъ путемъ. Я упоминалъ уже раньше, что сыпной тифъ находитъ для себя весьма благопріятную почву въ населеніи ночлежныхъ домовъ; и дѣйствительно, съ первыхъ шаговъ дѣятельности санитарнаго надзора ему пришлось вести энергическую борьбу съ тифозными заболѣваніями въ ночлежныхъ домахъ. Разсмотрѣніемъ интересныхъ подробностей этой борьбы я и займусь теперь, постаравшись предварительно дать, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, понятіе о томъ, что̀ представляютъ изъ себя московскіе ночлежные дома.

Всѣ ночлежные дома были осмотрѣны и описаны городскими санитарными врачами еще въ 1884 году.[1] Хотя это описаніе теперь уже устарѣло и, какъ мы увидимъ ниже, въ состояніи ночлежныхъ домовъ произошли значительныя улучшенія, но я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторые матеріалы изъ этого описанія, которое даетъ общую характеристику ночлежныхъ домовъ и указываетъ то состояніе, въ которомъ нашли ихъ санитарные врачи при началѣ своей дѣятельности. При этомъ я коснусь здѣсь лишь ночлежныхъ домовъ Хитрова рынка (3-го участка Мясницкой части), такъ какъ эта мѣстность представляетъ собой главное средоточіе московскихъ ночлежниковъ. Всѣ вообще квартиры на Хитровомъ рынкѣ,—говорится въ докладѣ врача Д. Д. Дувакина, составленномъ на основаніи описаній ночлежныхъ домовъ санитарными врачами,—устроены по одному типу. Большинство изъ нихъ занимаетъ одну комнату, меньшинство—двѣ, три и, какъ исключеніе, пять комнатъ. Стѣны оштукатурены, полы деревянные. Комнаты въ нѣкоторыхъ квартирахъ раздѣлены перегородками на отдѣльныя каморки. Во всѣхъ безъ исключенія квартирахъ есть нары, въ большинствѣ въ одинъ ярусъ, въ меньшинствѣ—въ два. Расположены онѣ безо всякаго порядка, а устроены вездѣ, гдѣ представляется только къ тому возможность: нигдѣ не окрашены, не раздѣлены перегородками на отдѣльныя мѣста. Средняя ширина ихъ, соотвѣтствующая длинѣ кровати,—$2^1/_2$ аршина (minimum $1^3/_4$ арш., maximum $2^3/_4$ аршина). При сравненіи общей длины наръ съ числомъ ночлежниковъ оказывается, что послѣдніе должны ложиться на

[1] См. Отчетъ Московской Городской Управы по принятію мѣръ противъ появленія и развитія холерной эпидеміи въ Москвѣ и о дѣятельности санитарной коммиссіи въ 1884 и 1885 годахъ, стр. 69.

нарахъ очень тѣсно другъ къ другу, ибо только въ трехъ квартирахъ приходится на человѣка 1 и болѣе аршинъ, въ остальныхъ же значительно меньше; но и при этомъ условіи въ очень многихъ квартирахъ, въ силу физической невозможности помѣститься на нарахъ, часть ночлежниковъ должна спать на полу, что̀ и бываетъ въ дѣйствительности. По словамъ врачей, производившихъ ночные осмотры, ночлежники спятъ на полу, подъ нарами и вообще вездѣ, гдѣ только представляется возможность лечь, а въ нѣкоторыхъ квартирахъ буквально не было свободнаго пространства на полу, которое не было бы занято ночлежникомъ. Относительно пьяныхъ ночлежниковъ существуетъ даже правило класть ихъ не на нары, а подъ нары. Подстилками служатъ грязныя рогожи и дерюги. Отдѣльныя помѣщенія для мужчинъ и женщинъ изъ 148 квартиръ отмѣчены только въ пяти, въ остальныхъ же спятъ всѣ вмѣстѣ. Воздуха на человѣка приходится въ 91 квартирѣ менѣе ½ кубич. сажени, въ 35—менѣе 1 куб. сажени и только въ 4—болѣе 1 куб. сажени (принимая во вниманіе, что при вычисленіи количества воздуха не вычитались предметы, находящіеся въ квартирахъ, и что число ночлежниковъ не вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности, ибо во время обхода нѣкоторые изъ ночлежниковъ скрывались,—нужно заключить, что количество воздуха было еще меньше). Въ большинствѣ квартиръ есть форточки въ окнахъ, но сомнительно, чтобъ онѣ открывались когда-либо; болѣе вѣроятно, что онѣ тщательно закрываются для сохраненія тепла, ибо квартиросодержатели крайне экономны на дрова (одинъ изъ нихъ, напримѣръ заявилъ, что онъ топитъ только желѣзную печь и ему достаточно бываетъ одной сажени дровъ въ зиму. Днемъ, когда воздухъ могъ бы очиститься въ силу естественной вентиляціи чрезъ стѣны и различнаго рода отверстія при отсутствіи ночлежниковъ, какъ это предполагается при открытіи такого рода квартиръ,—этого въ дѣйствительности не происходитъ; при осмотрѣ днемъ въ ноябрѣ, когда уже наступили морозы, квартиры были найдены переполненными народомъ. Содержатся квартиры крайне грязно. Здѣсь же сушится бѣлье и платье ночлежниковъ и здѣсь же стоятъ ушаты, надъ которыми умываются ночлежники, и въ которые выбрасывается соръ и выливаются помои.

Вотъ какими чертами рисуетъ вышеупомянутый докладъ обстановку ночлежныхъ домовъ Хитрова рынка, содержимыхъ частными лицами, въ 1884 году. Ошибочно было бы думать, что частные

ночлежные дома оправдываютъ свое названіе и служатъ только для ночлега. Населеніе этихъ домовъ, состоящее изъ чернорабочихъ, нищихъ (добывающихъ постоянно довольно много денегъ своею профессіей), мелкихъ ремесленниковъ и т. п., зачастую не только ночуетъ, но живетъ въ ночлежномъ домѣ. Поэтому, какъ было упомянуто, эти дома и днемъ далеко не бываютъ пусты.

Иной характеръ имѣютъ безплатные ночлежные пріюты: городской (въ 3-мъ участкѣ Рогожской части) и братьевъ Ляпинныхъ (въ 3-мъ участкѣ Мясницкой части). Эти дома, служащіе только для ночлега и потому освобождающіеся отъ посѣтителей на цѣлый день, находятся въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, какъ по самому своему устройству, такъ и по содержанію.

Въ 1886 году, когда въ Москвѣ были особенно сильно распространены заболѣванія возвратнымъ и сыпнымъ тифами, наибольшія числа заболѣвшихъ оказались именно въ районѣ ночлежныхъ домовъ Хитрова рынка. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ дѣятельности санитарныхъ врачей въ смыслѣ борьбы съ заразными заболѣваніями пришлось обратить особенное вниманіе на ночлежные дома и принять въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ мѣръ, къ краткому разсмотрѣнію которыхъ я теперь и перейду.

Въ концѣ февраля 1886 года, когда заболѣванія возвратнымъ и сыпнымъ тифами стали возрастать, была произведена постепенная дезинфекція окуриваніемъ сѣрой всѣхъ ночлежныхъ квартиръ Хитрова рынка, причемъ различныя негодныя къ употребленію вещи, находящіяся въ квартирахъ (старые матрацы, подстилки, одѣяла и всевозможное тряпье), сжигались. Послѣ окуриванія сѣрой нары и полы мылись горячею водой, стѣны бѣлились известкой, помѣщеніе провѣтривалось въ теченіе сутокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ съемщиковъ квартиръ полиціей были взяты слѣдующія обязательства: 1) не имѣть ночлежниковъ болѣе того количества, которое обозначено въ свидѣтельствѣ, выдаваемомъ оберъ-полиціймейстеромъ; 2) не пускать ночевать видимо больныхъ, а въ случаѣ заболѣванія кого-либо изъ ночлежниковъ, немедленно отправлять заболѣвшаго въ пріемный покой участка или въ больницу; 3) не имѣть наръ въ два этажа, если помѣщеніе менѣе 2 аршинъ высоты; 4) не дозволять мусорщикамъ вносить въ квартиры собираемое ими тряпье; 5) не имѣть грязныхъ мочальныхъ тюфяковъ; 6) не имѣть въ квартирѣ каморокъ болѣе одной—для самого съемщика; 7) мыть нары и полы горячею водой непремѣнно одинъ разъ въ недѣлю.

Всѣ эти мѣры, принимавшіяся въ мартѣ 1886 года, не дали видимыхъ результатовъ, и заболѣванія тифозными формами въ ночлежныхъ домахъ Хитрова рынка продолжались съ прежнею силой въ апрѣлѣ и началѣ мая. Мѣстный санитарный врачъ, въ своемъ отчетѣ, неуспѣхъ принятыхъ мѣръ ставитъ въ зависимость отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) дезинфекція и очистка ночлежныхъ квартиръ была растянута на довольно долгій срокъ,—она продолжалась слишкомъ мѣсяцъ; 2) не было обращено достаточнаго вниманія на возможно быструю изоляцію заболѣвшихъ изъ ночлежныхъ домовъ.

При новомъ усиленіи заболѣваемости сыпнымъ тифомъ въ ночлежныхъ домахъ Хитрова рынка въ октябрѣ былъ предпринятъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ уже нѣсколько иной характеръ и давшихъ чрезвычайно благопріятные результаты. Въ октябрѣ главное вниманіе было обращено уже не столько на дезинфекцію ночлежныхъ квартиръ, сколько на возможно быструю изоляцію больныхъ изъ ночлежныхъ домовъ. Съ этою цѣлью были предприняты врачебные осмотры ночлежниковъ для чего Городскою Управой были приглашены особые врачи.[1] Вмѣстѣ съ этимъ, во 2-й Городской больницѣ было открыто 50 кроватей для больныхъ изъ ночлежныхъ домовъ. Въ виду того, что многіе изъ ночлежниковъ обыкновенно не имѣютъ никакого письменнаго вида и зачастую укрываются отъ полиціи, Городская Управа вошла въ соглашеніе съ оберъ-полиціймейстеромъ, и врачамъ дана была возможность посылать больныхъ во 2-ю Городскую больницу безо всякаго вида; больному выдавалась осматривавшимъ его врачемъ записка, по которой онъ и принимался въ больницу. Полиція какъ бы игнорировала безпаспортность такихъ больныхъ, не безпокоила ихъ въ больницѣ и позволяла безпрепятственно выписываться оттуда. Это обстоятельство было весьма важно для привлеченія больныхъ въ больницы, куда обыкновенно заболѣвшій безпаспортный самъ не обращался. Гражданскія больницы къ тому же принимали такихъ больныхъ лишь въ томъ случаѣ, когда имъ требовалась безотлагательная помощь; вообще же для безпаспортныхъ предназначена

[1] Кромѣ ночлежныхъ домовъ Хитрова рынка подобные же осмотры производились еще въ Городскомъ ночлежномъ домѣ (3-го уч. Рогожской части), въ домѣ имени В. И. Бѣлова и въ домахъ Мина (2-го уч. Хамовнической части).

только тюремная больница, и такимъ образомъ подобный больной долженъ былъ добровольно отдаться въ руки полиціи, чтобы попасть въ больницу. Такъ какъ по выпискѣ изъ тюремной больницы выздоровѣвшаго безпаспортнаго ночлежника ожидала или отправка на родину по этапу, или, если за нимъ оказывались какія-либо преступленія, передача въ руки судебной власти,—то само собою понятно, что изъ лицъ, не имѣющихъ письменныхъ видовъ, мало находилось охотниковъ отправляться въ участокъ и объявлять себя больными. И вотъ такой больной оставался въ квартирѣ до тѣхъ поръ, пока уже самъ съемщикъ не замѣчалъ, что больной не можетъ ходить, и не отправлялъ его съ дворникомъ въ участокъ. Бывало, съемщики выносили больныхъ на улицу, а дворники и городовые подбирали ихъ и отправляли въ участокъ. При такихъ условіяхъ, конечно, больные до отправленія въ больницу успѣвали заразить многихъ изъ своихъ сожителей. Когда же была дана возможность ночлежникамъ поступать въ больницу безъ паспортовъ, скрывъ даже свое имя и званіе, этимъ устранено было главное препятствіе, мѣшавшее имъ ложиться въ больницы.

Я позволю себѣ здѣсь нѣсколько подробнѣе остановиться на осмотрахъ ночлежниковъ, какъ они описаны въ отчетѣ мѣстнаго санитарнаго врача. Мѣропріятія въ ночлежныхъ домахъ, какъ это мы увидимъ еще ниже, имѣютъ весьма большое значеніе, такъ какъ дома эти часто становятся, такъ-сказать, гнѣздами тифозныхъ заболѣваній и являются поэтому источниками дальнѣйшаго распространенія заразы.

Первый пробный осмотръ ночлежниковъ былъ произведенъ утромъ 4 ноября въ ночлежномъ домѣ братьевъ Ляпиныхъ. Осмотръ былъ начатъ въ 6 часовъ утра и продолжался два часа. Предварительно было объявлено ночлежникамъ, что пришли врачи; что больные изъ ночлежниковъ могутъ получить совѣты, а если пожелаютъ, то будутъ отправлены въ больницы; что врачи эти будутъ отправлять ихъ въ больницы безо всякихъ документовъ. Изъ 1.159 человѣкъ, ночевавшихъ въ домѣ братьевъ Ляпиныхъ въ день осмотра, къ врачамъ явились 71 человѣкъ, и всѣ явившіеся желали лечь въ больницу. Послѣ осмотра ихъ оказалось, что большинство больныхъ страдало хроническими болѣзнями. Эти больные хотя и нуждались въ больничномъ лѣченіи, но не могли быть положены въ больницы, такъ какъ цѣлью осмотра была изоляція больныхъ тифомъ и имѣлось въ

распоряженіи только 50 кроватей. Для отправленія въ больницу было выбрано 19 человѣкъ, у 18 изъ которыхъ были опредѣлены сыпной и возвратный тифы. Удаленіе такого количества тифозныхъ больныхъ изъ ночлежнаго дома имѣло, конечно, большое значеніе для предупрежденія распространенія заразы. Въ тотъ же день вечеромъ изъ дома братьевъ Ляпинныхъ отправлено было въ больницу еще 8 человѣкъ. Дальнѣйшіе осмотры производились настолько успѣшно, что уже къ 10 ноября были заняты всѣ 50 кроватей во 2-й Городской больницѣ и потребовалось открыть еще 50 въ Голицынской больницѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе недѣли уже выяснилось, между прочимъ, что въ домѣ братьевъ Ляпинныхъ ежедневно приходитъ ночевать по нѣскольку тифозныхъ больныхъ и что на врачебный осмотръ больные идутъ охотно.

Осмотры въ другихъ ночлежныхъ домахъ Хитрова рынка, предпринятые въ слѣдующую затѣмъ недѣлю, рядомъ съ осмотрами въ домѣ братьевъ Ляпинныхъ, не дали столь ощутительныхъ результатовъ. Хотя и находились желающіе лечь въ больницу, но это были по большей части хроническіе больные. Тифозныхъ больныхъ при этомъ обыкновенно не находили, ибо квартирохозяева раньше отправляли ихъ въ домъ братьевъ Ляпинныхъ на осмотръ врачей, а показывать ихъ у себя на квартирахъ боялись, такъ какъ это могло повести за собою стѣснительныя мѣры.

Вмѣстѣ съ врачебными осмотрами былъ усиленъ надзоръ за выполненіемъ вышеупомянутыхъ обязательствъ, данныхъ съемщиками, и у тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ квартиры при осмотрахъ оказывались слишкомъ переполненными, полиціей отнимались права на содержаніе ночлежныхъ квартиръ. Квартиры особенно неблагопріятныя въ санитарномъ отношеніи были закрыты. [1] Домъ братьевъ Ляпинныхъ, въ которомъ, судя по получаемымъ карточкамъ, было болѣе всего тифозныхъ заболѣваній, былъ дезинфекцированъ растворами сулемы и карболовой кислоты.

Въ результатѣ принятыхъ мѣръ оказалось, что число больныхъ сыпнымъ и возвратнымъ тифами стало быстро уменьшаться, и въ декабрѣ уже ихъ было вдвое меньше, чѣмъ въ ноябрѣ.

---

[1] Такихъ квартиръ было закрыто: въ домѣ Ромейко—32, а въ домѣ Бурнной—19.

Хотя условія возникновенія и прекращенія эпидемій весьма сложны и недостаточно еще изучены, но совпаденіе въ настоящемъ случаѣ этого уменьшенія съ принятыми мѣрами и самая раціональность послѣднихъ несомнѣнно указываютъ на то, что декабрьское паденіе заболѣваемости нужно поставить въ зависимость именно отъ предпринятыхъ мѣръ. Иначе трудно было бы объяснить указанное явленіе, ибо декабрь 1886 года былъ очень холоденъ, холодъ же загоняетъ непмущій людъ въ жилыя помѣщенія въ особенно большомъ количествѣ, вслѣдствіе чего происходитъ крайнее переполненіе жилищъ,—обстоятельство, въ высшей степени благопріятствующее усиленію эпидеміи, но никакъ не прекращенію ея. [1]

Въ 1887 году съ уменьшеніемъ заболѣваній сыпнымъ и возвратнымъ тифами въ Москвѣ вообще и число заболѣвшихъ въ ночлежныхъ домахъ Хитрова рынка стало значительно меньше, а въ слѣдующіе за тѣмъ два года еще гораздо болѣе уменьшилось. Новая вспышка сыпнаго тифа въ ночлежныхъ домахъ была въ 1890 году, но, какъ мы увидимъ ниже, рядъ принятыхъ мѣръ, выработанныхъ уже на основаніи опыта, не далъ развиться ей въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ.

Въ отчетѣ за 1888 годъ санитарный врачъ 3-го участка Мясницкой части отмѣчаетъ тѣ улучшенія, которыя произошли въ состояніи ночлежныхъ домовъ съ 1886 года. „Единственный упрекъ, говоритъ онъ,—который можно сдѣлать теперь ночлежнымъ домамъ Хитрова рынка,—это то, что они бываютъ по временамъ переполнены. Что же касается другихъ условій—чистоты содержанія и качества самаго помѣщенія, то, по моему мнѣнію, ночлежные дома Хитрова рынка лучше многихъ ремесленныхъ заведеній, гдѣ зачастую помѣщеніе моется

[1] Отчеты объ осмотрахъ ночлежниковъ были прочитаны и обсуждались въ коммиссіи санитарныхъ врачей, причемъ коммиссія, между прочимъ, признала необходимымъ оказывать пособія больнымъ ночлежникамъ, не подлежащимъ отправкѣ въ больницы, и раздавать имъ безплатно лѣкарства, а также—организовать въ Москвѣ врачебную помощь бѣднымъ жителямъ, для чего учредить городскія амбулаторіи. Взамѣнъ обхода частныхъ ночлежныхъ домовъ и коечныхъ квартиръ, что было признано неудобнымъ и безполезнымъ, коммиссія нашла необходимымъ открыть пріемъ больныхъ въ одномъ какомъ-либо домѣ въ мѣстности, изобилующей ночлежными домами и коечными квартирами, и съ этою цѣлью были открыты двѣ пріемныя для больныхъ—одна въ домѣ братьевъ Лапиныхъ, а другая въ домѣ Зимина, въ Проточномъ переулкѣ, 2-го участка Хамовнической части.

только два раза въ годъ—къ Пасхѣ и Рождеству; гдѣ все населеніе спитъ на полу, такъ какъ наръ во многихъ мастерскихъ не имѣется; гдѣ всѣ постельныя принадлежности и одежда сваливаются въ одинъ уголъ, часто вмѣстѣ съ отбросами производства. Въ ночлежныхъ домахъ есть нары, каждый имѣетъ свое мѣсто, гдѣ и хранятся его одежда и постель; помѣщеніе моется каждую недѣлю и стѣны бѣлятся известью не менѣе двухъ разъ въ годъ." Къ этому нужно прибавить еще и то важное обстоятельство, что въ домѣ братьевъ Ляпиныхъ съ 1887 года существуетъ постоянная городская амбулаторія, съ ежедневнымъ пріемомъ больныхъ, которые безплатно получаютъ и совѣты, и лѣкарства. Населеніе всего района Хитрова рынка чрезвычайно охотно идетъ за помощью въ эту амбулаторію, и цифры посѣщающихъ ее больныхъ замѣтно растутъ съ каждымъ годомъ.[1] Съ учрежденіемъ такой амбулаторіи стало гораздо легче слѣдить за ходомъ заболѣваемости въ ночлежныхъ домахъ. При всякомъ усиленіи заразныхъ заболѣваній въ нихъ увеличивается и число обращающихся въ амбулаторію заразныхъ больныхъ, что, конечно, немедленно дѣлается извѣстнымъ мѣстному санитарному врачу.

Разсмотримъ теперь тѣ мѣры, которыя были приняты при послѣдней вспышкѣ сыпнаго тифа въ ночлежныхъ домахъ въ 1890 году.

Еще весной 1890 года, а именно въ маѣ мѣсяцѣ, въ ночлежныхъ домахъ чаще, чѣмъ прежде, стали появляться случаи заболѣваній сыпнымъ тифомъ. „Эти случаи по большей части относились къ рабочимъ, пришедшимъ послѣ Пасхи въ Москву для пріисканія работы; но особенно обращали на себя вниманіе случаи сыпнаго тифа между странниками и богомольцами, которые весной часто останавливаются въ ночлежныхъ квартирахъ и живутъ здѣсь по нѣсколько дней. Прекрасная сухая и теплая погода въ концѣ апрѣля и маѣ мѣсяцевъ много благопріятствовала развитію путешествій по богомольямъ. Случаи заболѣванія сыпнымъ тифомъ тотчасъ по возвращеніи съ богомолья или даже

[1] За 1887 годъ число посѣщеній больными этой амбулаторіи было 5.707, за 1888 г.—12.053, за 1889 г.—20.178, за 1890 г.—27.353 и наконецъ за 1891 г.—34.815. Эти цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ о значеніи этой амбулаторіи для мѣстнаго населенія. Какъ мы увидимъ ниже, городомъ учрежденъ былъ цѣлый рядъ безплатныхъ амбулаторій, пользующихся не меньшимъ сочувствіемъ бѣднѣйшихъ жителей Москвы.

въ дорогѣ указывали, между прочимъ, что въ окрестностяхъ Москвы почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ богомолья, были больные сыпнымъ тифомъ,—больными приходили и изъ Воскресенска, и изъ Клина, и Сергіевскаго посада. Какъ на примѣръ заноса сыпнаго тифа изъ Сергіевскаго посада на Хитровъ рынокъ, можно указать на слѣдующій случай. Въ началѣ мая съемщица изъ четырнадцатаго нумера ночлежныхъ квартиръ въ домѣ Ярошенко пошла на богомолье къ Троицѣ, встрѣтилась тамъ съ какою-то знакомою монашенкой-странницей и проходила около недѣли, причемъ пришлось ночевать въ какихъ-то нумерахъ, гдѣ, по слухамъ, какъ она говорила, были больные; черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Москву заболѣла сыпнымъ тифомъ и отправлены въ больницу и съемщица, и ея знакомая странница. Затѣмъ поступили въ больницу съемщикъ и его жена изъ дома Кулакова, которые навѣщали съемщицу изъ четырнадцатаго нумера дома Ярошенко, во время ея болѣзни.“

Вообще нѣкоторые факты въ то время указывали, что въ сосѣдствѣ съ Москвой есть сыпной тифъ, и можно было ожидать распространенія заболѣваній имъ и въ ночлежныхъ домахъ, куда онъ такъ легко можетъ быть занесенъ, и гдѣ постоянно существуютъ благопріятныя условія для его развитія. Хотя лѣтомъ эти условія существуютъ въ значительно меньшей степени, благодаря усиленному провѣтриванію помѣщеній и тому обстоятельству, что населеніе ночлежныхъ домовъ проводитъ бо́льшую часть времени внѣ ихъ,—но все-таки въ 1890 году лѣтомъ въ районѣ Хитрова рынка было болѣе заболѣваній, чѣмъ въ предшествующіе зимніе мѣсяцы. Начавшіяся такимъ образомъ съ мая заболѣванія сыпнымъ тифомъ въ ночлежныхъ домахъ сильнѣе всего выразились въ октябрѣ, когда вслѣдствіе сырой и холодной погоды плохо одѣтое и обутое населеніе Хитрова рынка начинаетъ уже прятаться въ ночлежныя квартиры и проводитъ тамъ свободное время. Съ этого мѣсяца населеніе Хитрова рынка ежегодно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и переполненіе ночлежныхъ квартиръ, что̀ почти всегда отражается на усиленіи заразныхъ заболѣваній. Уже въ началѣ октября стали особенно часто обнаруживаться заболѣванія сыпнымъ тифомъ въ ночлежномъ домѣ братьевъ Ляпиныхъ, который, какъ безплатный, зачастую переполняется ночлежниками въ осеннее и зимнее время. „Изъ свѣдѣній, полученныхъ въ больницахъ и отъ врачей городской амбулаторіи въ домѣ братьевъ Ляпиныхъ, пишетъ мѣстный

санитарный врачъ въ своемъ отчетѣ,—я узналъ, что многіе больные являлись въ амбулаторію за совѣтами въ первый разъ уже съ ясно развитою сыпью; очевидно было, что въ средѣ ночлежниковъ есть больные, которые перемогаются и не показываются врачу, не желая быть отправленными въ больницу. Въ одномъ изъ засѣданій санитарныхъ врачей рѣшено было производить врачебные осмотры ночлежниковъ въ домѣ Ляпиныхъ; въ этихъ осмотрахъ выразили желаніе принять участіе всѣ санитарные врачи и врачи городскихъ амбулаторій. Осмотры, начиная съ 17 октября, въ домѣ Ляпиныхъ производились ежедневно и начинались обыкновенно съ четырехъ часовъ вечера; осмотры производились въ конторѣ дома Ляпиныхъ и въ помѣщеніи амбулаторіи. Самый осмотръ производился слѣдующимъ образомъ. Къ четыремъ часамъ вечера въ контору ночлежнаго дома Ляпиныхъ ежедневно являлись трое изъ врачей, по очереди, которые дѣлили между собой работу при осмотрѣ такимъ образомъ: двое производили осмотръ ночлежниковъ и отдѣляли изъ среды тѣхъ, которые при поверхностномъ осмотрѣ казались почему-нибудь подозрительными въ смыслѣ состоянія ихъ здоровья; а третій врачъ въ амбулаторіи изслѣдовалъ болѣе точно этихъ отдѣленныхъ изъ общей среды ночлежниковъ. Такъ какъ изслѣдованіе производилось вечеромъ, при свѣтѣ, то само собой понятно, что для распознаванія сыпнаго тифа въ рѣдкихъ случаяхъ можно было руководствоваться сыпью, тѣмъ болѣе, что желательно было удалять изъ ночлежнаго дома больныхъ сыпнымъ тифомъ возможно ранѣе, то-есть въ первые дни болѣзни, до появленія сыпи. Въ виду этого рѣшено было отправлять въ больницу всѣхъ ночлежниковъ, у коихъ температура при изслѣдованіи оказывалась выше 38, и не могла быть объяснена какимъ-либо мѣстнымъ заболѣваніемъ, а представлялась лихорадкой эссенціальнаго характера. Больные были отправляемы во 2-ю Городскую и въ Старо-Екатерининскую больницы.[1] Осмотры ночлежниковъ съ 5 ноября производились и въ городскомъ ночлежномъ домѣ. При помощи этихъ осмотровъ удавалось довольно часто удалять изъ среды ночлежниковъ больныхъ сыпнымъ тифомъ даже на 1-й и 2-й дни заболѣванія; больныхъ отправлено въ больницы при помощи этихъ осмотровъ болѣе всего въ октябрѣ мѣсяцѣ. Для того, чтобы

[1] Въ этихъ больницахъ число мѣстъ для тифозныхъ больныхъ было значительно увеличено.

дать нѣкоторое представленіе объ успѣшности такого рода осмотровъ, объ ихъ цѣлесообразности, я привожу короткій отчетъ о тѣхъ больныхъ, которые удалены были во 2-ю Городскую больницу изъ дома Ляпинныхъ въ періодъ времени съ 17 октября по 1 ноября, то-есть въ тотъ періодъ времени, когда была наибольшая заболѣваемость сыпнымъ тифомъ между ночлежниками дома Ляпинныхъ. Всего отправлено было 126 человѣкъ, причемъ 25 октября было отправлено 16 человѣкъ, а 27 октября 20 человѣкъ; изъ всего числа отправленныхъ оказалось больныхъ сыпнымъ тифомъ 50 человѣкъ, 17 случаевъ больныхъ брюшнымъ тифомъ и 34 больныхъ тифомъ неопредѣленной формы; остальные больные по справкамъ въ больницѣ оказались больными крупозною пневмоніей, гриппомъ и другими болѣзнями. Такимъ образомъ, изо всѣхъ отправленныхъ больныхъ $^4/_5$ оказались больными тою или другою формой тифа, и только $^1/_5$ изъ нихъ найдены больными другими формами болѣзней. Такой результатъ самъ собой говоритъ за то, что врачебными осмотрами возможно удалять изъ среды ночлежниковъ людей больныхъ заразительными формами болѣзней; несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, которыя окружаютъ обыкновенно врача въ ночлежномъ домѣ, при извѣстной внимательности можно всегда отличить больныхъ тифомъ среди массы другихъ больныхъ съ разными лихорадочными формами.“ Эти осмотры имѣли рѣшительное вліяніе на прекращеніе тифозныхъ заболѣваній въ домѣ братьевъ Ляпинныхъ, и число больныхъ стало быстро уменьшаться. 5 декабря осмотры ночлежниковъ были прекращены, такъ какъ при послѣднихъ осмотрахъ не удавалось уже находить больныхъ сыпнымъ тифомъ. Нужно при этомъ упомянуть, что рядомъ съ вышеизложенными мѣрами съ 17 октября былъ ограниченъ пріемъ ночлежниковъ въ домъ братьевъ Ляпинныхъ до нормальнаго количества, то-есть 718 человѣкъ (очень часто осенью и зимой число ночующихъ въ немъ достигаетъ 1.000 человѣкъ). Это ограниченіе, вѣроятно, также не осталось безъ вліянія на прекращеніе заболѣваемости, ибо оно устраняло скученность—одну изъ главныхъ причинъ распространенія заразы.

Остальные ночлежные дома Хитрова рынка постоянно посѣщались санитарнымъ врачомъ, и заболѣвшіе въ нихъ немедленно отправлялись въ больницу. Большинство больныхъ, впрочемъ, самостоятельно являлись въ городскую амбулаторію, откуда больные и направлялись уже въ больницы.

Изъ разсмотрѣнія изложеннаго матеріала относительно ночлежныхъ домовъ видно, что они представляютъ весьма удобныя мѣста для развитія сыпнаго и возвратнаго тифовъ; къ тому же и заносы этихъ болѣзней въ нихъ всегда возможны и будутъ происходить до тѣхъ поръ, пока у насъ эти болѣзни не сдѣлаются столь же рѣдкимъ явленіемъ, какъ въ Западной Европѣ. Въ виду этого ночлежные дома требуютъ серьезнаго вниманія въ смыслѣ санитарнаго надзора. Развившись среди населенія ночлежныхъ домовъ, тифъ всегда можетъ легко проникнуть въ среду остальныхъ жителей города и образовать гнѣзда въ удобныхъ для него мѣстахъ, ибо пути соприкосновенія даже весьма разнородныхъ классовъ населенія между собою чрезвычайно многообразны. Относительно же мѣропріятій противъ распространенія заразныхъ заболѣваній въ ночлежныхъ домахъ мы должны отмѣтить то утѣшительное явленіе, что, на основаніи опыта, эти мѣропріятія со стороны города сложились уже въ опредѣленную форму, столь цѣлесообразную, что они постоянно сопровождаются очевиднымъ успѣхомъ.

Упомянемъ въ заключеніе, что остальныя заразныя болѣзни, кромѣ сыпнаго и возвратнаго тифовъ, наблюдались въ ночлежныхъ домахъ сравнительно въ весьма небольшомъ числѣ случаевъ. Особенно интересно, что это относится также и къ брюшному тифу. „На Хитровомъ рынкѣ, читаемъ въ отчетѣ мѣстнаго санитарнаго врача за 1887 годъ,—не чаще заболѣваютъ брюшнымъ тифомъ, чѣмъ во всякой другой мѣстности Москвы. Это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что обитатели Хитрова рынка не имѣютъ ни свѣжей пищи, ни хорошей воды. Они по большей части пользуются съѣстными припасами, которые продаются на той же Хитровской площади. На этой площади постоянно находится масса торговцевъ, которые съ лотковъ продаютъ всевозможные съѣстные припасы. Въ виду того, что потребители не отличаются большою требовательностью, торговцы сбываютъ имъ по большей части испорченные съѣстные продукты,—все то, что въ другомъ мѣстѣ не можетъ сойти съ рукъ. Ночлежники не брезгаютъ и испорченною пищей, только бы она была недорога. Большая часть воды получается ночлежниками кипяченою въ водогрѣйняхъ; сырая вода, которая выставляется въ кадкахъ въ каждой квартирѣ, привозится или изъ артезіанскаго колодца (въ Серебреническомъ переулкѣ), или изъ Москвы-рѣки, въ которой берется близъ Воспитательнаго Дома.

Несмотря на эту, подозрительной чистоты, воду (изъ Москвы-рѣки) и часто испорченную, загнившую пищу, брюшной тифъ рѣдко встрѣчается на Хитровомъ рынкѣ."

Довольно близко къ ночлежнымъ домамъ, по условіямъ жизни населенія, стоятъ такъ-называемыя коечно-каморочныя квартиры. Для того, чтобы дать понятіе о томъ, что̀ представляютъ собою эти квартиры, приведемъ нѣкоторыя данныя о нихъ изъ отчетовъ санитарныхъ врачей. Общую характеристику ихъ находимъ въ отчетѣ санитарнаго врача 1-го и 2-го участковъ Мясницкой части за 1886 годъ. Такая квартира обыкновенно нанимается у домовладѣльца однимъ какимъ-либо лицомъ, которое въ качествѣ квартирохозяина сдаетъ отъ себя тѣмъ или другимъ ремесленникамъ отдѣльныя комнатки; поэтому всѣ тѣ уголки, въ которыхъ можно отгородить перегородкой какую-либо каморку, снимаются у квартиро-хозяина подъ громкимъ названіемъ отдѣльнаго помѣщенія, между тѣмъ какъ эти перегородки, состоящія изъ кое-какъ прилаженныхъ досокъ, вовсе не изолируютъ жильцовъ другъ отъ друга. Такихъ комнатъ въ нѣкоторыхъ квартирахъ бываетъ болѣе 20, причѣмъ каждая изъ нихъ часто служитъ и прачешной, и кухней. При такихъ условіяхъ понятно, что едва ли возможно соблюдать въ помѣщеніяхъ какую-либо чистоту; скученность же жильцовъ и обыкновенно дурно устроенная вентиляція (очень часто въ комнатахъ нѣтъ даже и форточекъ) дѣлаютъ воздухъ этихъ квартиръ крайне спертымъ и зловоннымъ. Если же и есть форточки въ нѣкоторыхъ комнатахъ, то жильцы пользуются ими рѣдко, боясь расходовать даромъ тепло. Итакъ, постоянная грязь, тѣснота и спертый воздухъ — вотъ тѣ главныя причины, обусловливающія высокія цифры заболѣваемости заразными болѣзнями въ такихъ домахъ. Устройство же отдѣльныхъ комнатъ въ квартирахъ (перегородки не доходятъ до потолковъ) даетъ полную возможность заразнымъ болѣзнямъ распространяться по всей квартирѣ, такъ какъ рѣдко кто изъ жильцовъ, почувствовавъ себя больнымъ, тотчасъ же обратится къ врачу; обыкновенно это дѣлаютъ уже тогда, когда болѣзнь разовьется во всей силѣ и лишаетъ больнаго возможности работать.

Въ 1887 году, по ходатайству города, было издано постановленіе приравнивавшее коечныя квартиры къ ночлежнымъ. Это постановленіе опредѣляло число коекъ въ данномъ помѣщеніи, соразмѣрно съ кубическимъ содержаніемъ воздуха, и объявляло

коечную квартиру доступною для осмотра во всякое время дня и ночи. Съемщикамъ выдавались разрѣшенія на содержаніе такой квартиры, съ обозначеніемъ числа коекъ или числа людей для даннаго помѣщенія.

Однако, попытка ограничить населенность коечныхъ квартиръ, говоритъ санитарный врачъ 2-го участка Хамовнической части въ отчетѣ за 1887 годъ,—если не совсѣмъ разбивалась о всевозможныя ухищренія съемщиковъ, то въ значительной мѣрѣ умалялась различными обходами вновь изданнаго постановленія. Безъ сомнѣнія, многіе обитатели коечныхъ квартиръ были вынуждены искать себѣ другихъ помѣщеній и разселились главнымъ образомъ по окраинамъ города и въ сосѣдствѣ со старымъ жильемъ; но гораздо бо́льшая часть населенія осталась на своихъ мѣстахъ, удерживаемая, вопервыхъ, привычкой и полезнымъ знакомствомъ и, вовторыхъ, самими съемщиками, не имѣвшими никакого желанія разоряться, такъ какъ съ уменьшеніемъ жильцовъ становилось тяжелѣе, и сравнительно высокая квартирная плата съ великимъ трудомъ пополнялась бѣдными и неаккуратными жильцами.

Сообразно съ условіями обстановки и быта населенія коечныхъ квартиръ въ нихъ находятъ удобную почву для своего развитія всевозможныя заразныя болѣзни. Въ виду того, что въ этихъ квартирахъ часто живутъ семьи съ большимъ количествомъ дѣтей, тамъ часто возникаютъ и различныя заразныя болѣзни, свойственныя попреимуществу дѣтскому возрасту. Тѣснота помѣщеній и вслѣдствіе этого близкое общеніе дѣтей между собою даютъ легкую возможность передачѣ заразы другъ другу. Эти условія для передачи заразы не перестаютъ существовать даже и съ наступленіемъ теплаго времени года, когда дѣтское населеніе коечныхъ квартиръ проводитъ бо́льшую часть дня на дворѣ.

Санитарный врачъ 3-го участка Мясницкой части въ отчетѣ за 1888 годъ приводитъ слѣдующія соображенія относительно трудности принятія санитарныхъ мѣръ въ коечныхъ и каморочныхъ квартирахъ сравнительно съ ночлежными домами: „По моему мнѣнію, говоритъ онъ,—правильно устроенная ночлежная квартира, находящаяся подъ надзоромъ, который предъявляетъ содержателю извѣстныя опредѣленныя требованія въ санитарномъ отношеніи, значительно лучше, чѣмъ такъ-называемыя каморочныя или коечно-каморочныя квартиры. Послѣдняго типа

квартиры разсѣяны по всей Москвѣ въ большомъ количествѣ; особенно ихъ много на окраинахъ Москвы. Обыкновенно хозяинъ квартиры—съемщикъ дѣлитъ нанятое имъ помѣщеніе досчатыми перегородками на возможно большее число каморокъ и затѣмъ каждую каморку сдаетъ отдѣльно. Тамъ, гдѣ нельзя поставить перегородку, ставитъ койку и эту койку также сдаетъ. Населеніе этихъ квартиръ самое разнообразное; большею частью это мелкіе мастеровые: сапожники, подбойщики, портные; въ этихъ же квартирахъ живутъ торговцы съ лотковъ, конфетчицы, проститутки. Нерѣдко также проходится встрѣчать здѣсь поденщиковъ, нищихъ и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій—тотъ самый народъ, который обыкновенно составляетъ главный контингентъ населенія ночлежныхъ домовъ. Коечно-каморочныя квартиры неудобны въ санитарномъ отношеніи по самому характеру своего устройства: перегородки и каморки затрудняютъ вентиляцію помѣщенія и служатъ почти непреодолимымъ препятствіемъ при механической очисткѣ помѣщенія. Всѣ наши санитарныя мѣропріятія гораздо удобнѣе приводить въ исполненіе въ ночлежныхъ домахъ, чѣмъ въ такихъ коечно-каморочныхъ квартирахъ. Если и появляется въ какой-либо ночлежной квартирѣ заразительная болѣзнь, напримѣръ, сыпной тифъ, то ограничить ея распространеніе въ правильно организованной ночлежной квартирѣ гораздо легче, чѣмъ въ каморочно-коечной квартирѣ или даже въ мелкомъ ремесленномъ заведеніи. Вся трудность заключается только въ самомъ констатированіи факта, то-есть въ томъ, что часто трудно бываетъ точно узнать, въ какой именно ночлежной квартирѣ произошло заболѣваніе. Самый характеръ промысла—квартира для ночлега рабочаго люда—даетъ возможность, не дѣлая большаго стѣсненія населенію квартиры, примѣнять всѣ практикуемые нами способы дезинфекціи: окуриваніе, провѣтриваніе, обмываніе дезинфекціонными растворами. Для населенія ночлежной квартиры не представляетъ никакого лишенія на время дезинфекціи перейти въ другую квартиру или въ даровой ночлежный домъ; вмѣсто оставляемыхъ для дезинфекціи постелей, ночлежникамъ выдаются свѣжія рогожи для подстилки. Совершенно инымъ представляется дѣло при дезинфекціи каморочно-коечныхъ квартиръ и мелкихъ мастерскихъ. Масса домашняго скарба, боязнь, чтобы не попортилось что-либо изъ одежды или не пропало, невозможность подчасъ освободить квартиру отъ населенія ея за неимѣніемъ въ домѣ свободнаго

помѣщенія, желаніе со стороны хозяевъ квартиры поскорѣе избавиться отъ всей процедуры дезинфекціи, утайваніе вещей, завѣдомо инфецированныхъ,—все это обстоятельства, весьма затрудняющія дезинфекцію мелкихъ ремесленныхъ заведеній и каморочно-коечныхъ квартиръ."

Изъ отчетовъ санитарныхъ врачей можно было бы привести много примѣровъ относительно распространенія заразныхъ заболѣваній въ коечныхъ и каморочныхъ квартирахъ; но даже изъ самаго краткаго очерка обстановки этихъ квартиръ ясно, что заразныя заболѣванія въ нихъ должны возникать и поражать многихъ живущихъ. Изъ отчетовъ же санитарныхъ врачей можно вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть, что если какой-либо случай заразнаго заболѣванія въ коечной квартирѣ скоро дѣлался извѣстнымъ санитарному врачу, то мѣры, принимаемыя имъ противъ дальнѣйшаго распространенія заболѣваній, почти всегда сопровождались полнымъ успѣхомъ. Одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать возможно скорое удаленіе больнаго въ больницу. При этомъ условіи и дезинфекція, предпринимаемая еще въ то время, когда больной не успѣлъ передать заразу другимъ, живущимъ въ квартирѣ, вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Отсюда видно, насколько важно по возможности быстро узнавать о заразныхъ больныхъ въ описываемыхъ квартирахъ. Населеніе этихъ квартиръ, по бѣдности своей, можетъ обращаться только къ безплатной врачебной помощи. И вотъ организація-то такой помощи для бѣднѣйшаго городскаго населенія и составляетъ главное средство въ борьбѣ съ распространеніемъ заразныхъ болѣзней въ коечныхъ квартирахъ и вообще среди наиболѣе бѣдныхъ жителей. Съ этою именно цѣлью и были учреждены городомъ безплатныя амбулаторіи съ выдачей лѣкарствъ всѣмъ приходящимъ больнымъ. Эти амбулаторіи, о которыхъ было уже упомянуто выше, имѣютъ огромное значеніе какъ въ смыслѣ медицинской помощи населенію, такъ и въ отношеніи собиранія свѣдѣній о заразныхъ больныхъ, причемъ свѣдѣнія эти, конечно, немедленно дѣлаются извѣстными санитарному надзору. [1]

---

[1] Насколько увеличилась безплатная медицинская помощь въ городскихъ амбулаторіяхъ съ 1887 по 1891 годъ, видно изъ того, что въ 1887 году существовали только двѣ амбулаторіи, которыя были посѣщены 14.407 больными, а въ 1891 году существовало уже семь городскихъ амбулаторій, число посѣщеній которыхъ больными достигло цифры 174.753.

Такимъ образомъ, если мы видѣли, насколько важна безплатная амбулаторная помощь бѣдному населенію въ борьбѣ съ эпидеміями въ ночлежныхъ домахъ, то еще больше мы должны оцѣнить эту мѣру въ борьбѣ съ заразными заболѣваніями въ коечныхъ и каморочныхъ квартирахъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ послѣднихъ принятіе санитарныхъ мѣръ вообще представляется гораздо болѣе труднымъ.

Дѣятельность санитарнаго надзора относительно заразныхъ заболѣваній въ коечныхъ квартирахъ не могла имѣть столь систематическаго характера, какъ это мы видѣли по отношенію къ ночлежнымъ домамъ. Коечныя и каморочныя квартиры разсѣяны почти по всему городу и населеніе ихъ болѣе разнообразно. Въ виду этого санитарныя мѣропріятія въ нихъ требуютъ и бо́льшаго количества силъ, а часто и бо́льшаго сообразованія съ различными мѣстными условіями. Здѣсь особенно важною является дѣятельность санитарныхъ врачей въ томъ смыслѣ, что они могутъ постепенно пріучить населеніе этихъ квартиръ сознавать всю важность санитарныхъ мѣръ и помогать санитарному надзору въ его, зачастую тяжелой, работѣ. Нѣкоторые факты изъ отчетовъ санитарныхъ врачей позволяютъ сдѣлать заключеніе, что дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи не остается безплодною, и иногда бѣдное и невѣжественное населеніе коечныхъ квартиръ оказываетъ санитарнымъ врачамъ большее сочувствіе и содѣйствіе по сравненію съ тѣмъ, что̀ имъ приходится встрѣчать въ обстановкѣ, казалось бы, гораздо болѣе благопріятной.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Петровскій.

НАШИ ИЛЛЮСТРАТОРЫ.

I.

Литература наша очень бѣдна иллюстрированными изданіями классическихъ русскихъ писателей. Лишь за послѣднее время начали появляться отдѣльныя попытки въ этомъ направленіи. Между ними обращаетъ на себя особое вниманіе иллюстрированное изданіе сочиненій Лермонтова, сдѣланное въ Москвѣ товариществомъ И. Н. Кушнерева и книжнымъ магазиномъ П. К. Прянишникова. Изданіе это замѣчательно тѣмъ, что соединяетъ на своихъ страницахъ рисунки цѣлаго ряда выдающихся нашихъ художниковъ, каковы: гг. Айвазовскій, В. Васнецовъ, В. Маковскій, Полѣновъ, Рѣпинъ, Шишкинъ, и т. д. Къ нимъ примыкаютъ художники молодые, но уже начавшіе обращать на себя серьезное вниманіе: гг. Волковъ, Дубовскій, Коровинъ, Сѣровъ. Такимъ образомъ, получается цѣлая энциклопедія современной русской иллюстраціи, дающая возможность говорить не только объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, но также о задачахъ художественной иллюстраціи вообще.

II.

Постараемся, прежде всего, установить эти задачи. Въ самомъ дѣлѣ: каковы требованія, какія мы предъявляемъ къ художественной иллюстраціи художественнаго произведенія?

Очевидно, что иллюстрація художника, навѣянная произведеніемъ поэта, вдохновленная имъ и являющаяся результатомъ

проникновенія одного художника поэтическими образами другаго, очевидно, что иллюстрація должна *усилить* впечатлѣніе художественнаго слова. Хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой усвояется извѣстная нота, когда къ ней присоединяется другая, звучащая съ нею въ унисонъ.

Но если этотъ унисонъ между иллюстраціей и поэтическимъ произведеніемъ, то-есть полное совпаденіе между твореніемъ поэта и его иллюстратора, составляетъ основное предположеніе, то этимъ еще далеко не исчерпывается сущность дѣла. Само собою разумѣется, что не каждый художникъ возьмется иллюстрировать каждаго поэта, что художникъ будетъ иллюстрировать лишь поэта особенно ему симпатичнаго и близкаго, того, чье міросозерцаніе наиболѣе сходится съ его собственнымъ. Между поэтомъ и его иллюстраторомъ должно существовать духовное сродство, то, что̀ называется конгеніальностью.

Вмѣстѣ съ этимъ унисонъ разрастается въ аккордъ. Это основное свойство каждой сильно звучащей ноты. Она немедленно вызываетъ гармоническій отзвукъ въ другихъ струнахъ. Чѣмъ болѣе сочувствія питаетъ иллюстраторъ къ извѣстному поэту, чѣмъ болѣе проникнутъ онъ имъ, тѣмъ неизбѣжнѣе явится онъ его *истолкователемъ*.

Усиленіе впечатлѣнія отъ поэтическаго произведенія, приносимое иллюстраціей, зависитъ прежде всего отъ художественной интерпретаціи, отъ того, что конгеніальный художникъ раскрываетъ намъ замыслъ поэта, совершенно такъ же, какъ дѣлаетъ это на театрѣ художникъ сценическій, виртуозъ — на концертной эстрадѣ. Росси и Сальвини, Поссартъ и Кокленъ точно такъ же иллюстрируютъ конгеніальныя имъ поэтическія произведенія, какъ совершаетъ это А. Г. Рубинштейнъ съ произведеніями Шумана и Шопена, какъ дѣлаетъ это П. И. Чайковскій съ тѣми лирическими стихотвореніями, на которыя онъ пишетъ музыку своихъ удивительныхъ романсовъ. Ближайшее сходство съ художникомъ-иллюстраторомъ представляетъ художникъ сценическій: тотъ и другой создаютъ образы для *зрителя*. Но между тѣмъ какъ сценическій художникъ можетъ видоизмѣнять и совершенствовать свое созданіе, художникъ-иллюстраторъ лишенъ этой возможности. Разъ закрѣпленное типографскимъ станкомъ, произведеніе его навсегда остается неизмѣннымъ. Въ этомъ заключается преимущество и опасность. Преимущество, ибо закрѣпленію подвергается высшій порывъ, высшее проявленіе вдохновенія, которые, быть-

можетъ, уже не повторятся въ такой непосредственности, искренности, свѣжести и силѣ. Опасность, ибо на ряду съ удачнымъ одинаково закрѣпляется неудачное и слабое.

До настоящаго времени произведенія великихъ русскихъ писателей и поэтовъ находили себѣ наиболѣе удачное художественное истолкованіе въ русской музыкѣ. Почти вся русская лирическая поэзія имѣетъ музыкальную иллюстрацію въ романсахъ Глинки, Даргомыжскаго, Рубинштейна, Чайковскаго, чтобы назвать лишь нѣсколько именъ. Захватъ идетъ все далѣе и перешелъ уже теперь въ область поэзіи драматической и эпической. *Борисъ Годуновъ*, *Евгеній Онѣгинъ*, *Русалка*, *Русланъ и Людмила*, *Пиковая Дама*, *Кавказскій Плѣнникъ*, *Полтава*, *Снѣгурочка*, *Майская ночь*, *Ночь подъ Рождество*, *Воевода*, *Демонъ*, *Купецъ Калашниковъ* нашли себѣ музыкальную интерпретацію въ операхъ Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Кюи, Аренскаго, Рубинштейна. И, наоборотъ, напменьшій откликъ находили русскіе поэты и писатели въ средѣ русскихъ художниковъ. Причина этому заключается въ томъ, что начинавшіяся во время „академическаго“ направленія попытки иллюстраціи внезапно оборвались реакціей, вызвавшею раздѣленіе русскаго искусства на два лагеря: академиковъ и передвижниковъ. Только теперь, когда страсти улеглись и противники, повидимому, заключили перемиріе предъ тѣмъ, чтобы протянуть другъ другу руку, только теперь можно надѣяться, что русское искусство серьезно займется наконецъ иллюстраціей русскихъ поэтовъ и писателей.

III.

Основаніе для такой надежды заключается въ томъ, что художественная иллюстрація возможна лишь при соединеніи въ художникѣ цѣлаго ряда качествъ, которыя, до послѣдняго времени, были, если можно такъ выразиться, подѣлены между двумя направленіями русскаго искусства: академическимъ и противоакадемическимъ.

Здѣсь опять невольно напрашивается параллель съ судьбами нашего сценическаго искусства. Оно кончило тѣмъ, что опять пошло въ школу, убѣдившись въ невозможности играть однимъ „нутромъ“. Нельзя быть актеромъ, не владѣя въ совершенствѣ искусствомъ чтеца.

Точно такъ же нельзя быть иллюстраторомъ, не владѣя въ совершенствѣ искусствомъ *рисовальщика*.

Но одного этого искусства недостаточно. Иллюстраторъ долженъ обладать *художественною фантазіей* и *вкусомъ*. Онъ долженъ умѣть выбрать въ художественномъ произведеніи тѣ моменты, которые сами напрашиваются на иллюстрацію, наиболѣе поддаются ей. Художники наши грѣшатъ главнымъ образомъ въ дѣлѣ такого выбора, а происходитъ это отъ увлеченія совершенно ложнымъ принципомъ, будто бы зритель интересуется видѣть графическое закрѣпленіе наиболѣе реальныхъ и рѣзкихъ, хотя бы совсѣмъ не существенныхъ, моментовъ поэтическаго описанія. Ошибка состоитъ здѣсь въ томъ, что именно эти моменты наименѣе нуждаются въ интерпретаціи ихъ рисунками, такъ какъ они и безъ того совершенно ясно, точно и опредѣленно представляются воображенію читателя. Напротивъ. Содѣйствія иллюстраціи, какъ художественнаго комментарія, требуетъ все недоговоренное поэтомъ, все что̀ только угадывается, тѣ тонкости и красоты, мимо которыхъ можетъ равнодушно скользнуть вниманіе массы читателей. Нѣтъ надобности усиливать иллюстраціей впечатлѣніе мѣстъ и безъ того достаточно сильныхъ. И, наоборотъ, иллюстрація должна служить какъ бы въ качествѣ микрофона для усиленія нѣжныхъ и слабыхъ звуковъ, относительно которыхъ можно опасаться, что они, именно въ силу своей деликатности и тонкости, недостаточно, а можетъ-быть и совсѣмъ, не слышны большинству. Иллюстратору необходимо знаніе стилей и *чувство стилистичности*. Стиль рисунковъ долженъ вполнѣ совпадать со стилемъ поэтическаго произведенія. Наконецъ, иллюстратору необходимо *знаніе* для того, чтобъ оказаться на высотѣ своей задачи и воспроизводить, слѣдя за поэтомъ, сцены и типы, пейзажи и обстановку, костюмы и образы различныхъ вѣковъ, народовъ и странъ.

И вотъ почему дѣйствительная художественная иллюстрація можетъ явиться лишь когда искусство не рядится, съ одной стороны, въ академическій вицъ-мундиръ и чепецъ, и не выбрасываетъ, съ другой стороны, вмѣстѣ съ этимъ чепцомъ и вицъ-мундиромъ, множества того необходимаго, полезнаго и хорошаго, что̀ можно найти только въ строгой и систематической школѣ, чему, помимо этой школы, нельзя научиться и что̀ необходимо знать для того, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ художникомъ.

IV.

Иллюстрированное изданіе сочиненій Лермонтова появляется въ первый разъ.

Отсюда необходимость снисходительности къ попыткѣ, заслуживающей полнаго сочувствія и уваженія. Отсюда же и другая необходимость. Нужно отмѣтить всѣ ошибки этого перваго опыта для того, чтобы расчистить путь къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ въ этомъ направленіи.

„Мы задались цѣлью", говоритъ предисловіе,—„сдѣлать это изданіе по возможности характернымъ и самостоятельнымъ въ художественномъ отношеніи. Мы искали въ рисункахъ не шаблонныхъ иллюстрацій по заказу, по большей части сухихъ, однообразныхъ и скучныхъ, а искали въ нихъ характера, жизни, словомъ, *сколько-нибудь* (?) художественнаго произведенія. Поставя себѣ такую задачу, мы считали невозможнымъ поручить иллюстрацію сочиненій Лермонтова *одному* художнику, полагая, что *разнообразіе мотивовъ* Лермонтовской поэзіи быть-можетъ даетъ *слишкомъ обильный* и *разнообразный матеріалъ* для живописи. Поэтому мы обратились къ нашимъ лучшимъ художественнымъ силамъ, прося ихъ принять участіе въ этомъ изданіи."

Остается неразъясненною та система, въ какой „разнообразные мотивы" Лермонтовской поэзіи были распредѣлены для иллюстраціи между различными художниками. Сами ли издатели, сообразуясь съ болѣе или менѣе извѣстною спеціальностью отдѣльныхъ художниковъ, просили каждаго изъ нихъ заняться иллюстраціей тѣхъ, а не другихъ произведеній Лермонтова, или же художникамъ предоставлено было право иллюстрировать, что они хотятъ, по своему выбору? Вопросъ этотъ, повидимому, долженъ быть рѣшенъ въ послѣднемъ смыслѣ. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить себѣ участіе различныхъ художниковъ въ иллюстраціи одного и того же произведенія. Изъ этого происходятъ такія странности, какъ, напримѣръ, изображеніе двухъ совершенно различныхъ эшафотовъ и двухъ совершенно различныхъ палачей въ иллюстраціяхъ къ стихотворенію *Купецъ Калашниковъ*.

Во всякомъ случаѣ интересенъ принципъ. Иллюстрація Лермонтова поручается не одному какому-либо художнику, изучившему этого поэта, увлеченному имъ и жаждущему передать въ

графическихъ образахъ содержаніе его произведеній. Къ участію въ этой иллюстраціи привлекаются самыя разнообразныя, хотя бы и лучшія художественныя силы. Основаніемъ для этого служитъ „слишкомъ обильный и разнообразный матеріалъ“, какой представляютъ „мотивы Лермонтовской поэзіи“. На первый взглядъ можетъ показаться, что принципъ этотъ совершенно вѣренъ. Это принципъ раздѣленія труда и предоставленія каждому художнику тѣхъ Лермонтовскихъ „мотивовъ“, которые прямо входятъ въ кругъ его художественной спеціальности. Но стóитъ внимательнѣе вдуматься въ существо дѣла и мы должны будемъ сознаться, что принципъ этотъ не выдерживаетъ критики. Ибо дѣло тутъ совсѣмъ не въ спеціальностяхъ, не въ томъ, что одинъ художникъ можетъ лучше нарисовать пейзажъ, другой—фигуры, а третій—*nature morte*. Никому не придетъ на мысль поручить въ сочиненіи одной и той же оперы лирическіе моменты—одному композитору, драматическіе — другому, танцы—третьему, и все потóму, что это „разнообразные мотивы“. Въ томъ художественномъ истолкованіи, какое представляетъ собою иллюстрація каждаго поэта и каждаго поэтическаго произведенія, нѣтъ мѣста для труда собирательнаго. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь цѣльное отношеніе цѣльнаго человѣка къ цѣльному произведенію. Только при этомъ условіи возможно цѣльное впечатлѣніе, возможно достиженіе художественнаго охвата, единства направленія и стиля.

Не представляя собою такого единства и не производя поэтому художественнаго охвата, первое иллюстрированное изданіе сочиненій Лермонтова представляетъ обильный матеріалъ для изученія того, какъ понимаетъ задачи иллюстраціи цѣлый рядъ современныхъ русскихъ художниковъ. Этюдъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ именами уже пользующимися громкою извѣстностію, или же начинающими ее пріобрѣтать. Такимъ образомъ, становятся поучительными самыя ошибки.

V.

Г. Айвазовскій даетъ иллюстраціи къ стихотвореніямъ: *Парусъ*, *Дары Терека*, *Воздушный корабль*, *Тамара*.

Изображеніе природы играетъ очень большую и очень важную роль въ иллюстраціи вообще, въ иллюстраціи лирическихъ стихотвореній—въ особенности. Ничто не можетъ съ такою интен-

сивностью передать и сообщить *настроеніе*, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ его оттѣнкахъ. Времена года и времена дня, яркій солнечный свѣтъ и всѣ чары луннаго освѣщенія, земля и вода, лѣсъ и пустыня, горы и равнины, буря и затишье, вся безконечная гамма явленій и состояній природы, вся безконечная ея поэзія готовы къ содѣйствію иллюстратору и его цѣлямъ. Но только тамъ, гдѣ такого рода изображенія дѣйствительно передаютъ настроеніе поэтическаго произведенія, способствуютъ ему, поясняютъ его. Можно сомнѣваться, чтобы стихотвореніе *Парусъ* вообще подлавалось иллюстраціи, или нуждалось бы въ немъ:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
. . . . . .
Струя подъ нимъ свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, *проситъ бури*...

Какъ вопросы, такъ и отвѣты въ этомъ стихотвореніи не поддаются интерпретаціи ихъ посредствомъ рисунка, если только не прибѣгнуть къ помощи сложной арабески, гдѣ были бы изображены два контраста: тишина и буря. Г. Айвазовскій изображаетъ намъ большую лодку, спокойно плывущую подъ большимъ парусомъ по совершенно спокойному морю. Иллюстраціи нѣтъ. Есть простое изображеніе совершенно обыденнаго и безразличнаго факта. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что по морю плыветъ лодка подъ парусомъ. Дѣло въ тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, какія видъ этой лодки вызвалъ у поэта. Ихъ долженъ выразить художникъ въ наглядныхъ образахъ. Для выраженія отвлеченныхъ понятій въ распоряженіи его находится аллегорія. Если даже она оказывается непримѣнимою и безсильною, то это знакъ, что извѣстное лирическое созданіе поэта вообще не поддается иллюстраціи.

Такъ же безразлична по своему впечатлѣнію иллюстрація г. Айвазовскаго къ стихотворенію *Тамара*. Художникъ взялъ сюжетомъ четыре первыя строки:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Онъ изображаетъ тѣснину между двухъ скалъ, внизу — рѣку, освѣщенную луною, на одной изъ скалъ — башню, а въ этой башнѣ — огонекъ въ одномъ изъ оконъ. Но дѣло совсѣмъ не въ башнѣ, а въ той демонической женщинѣ, которая здѣсь жила. Вся сила въ ней, въ этой Тамарѣ, прекрасной, какъ ангелъ, и злой, какъ демонъ. Художнику предстояло, разъ уже онъ брался за иллюстрацію этого стихотворенія, дать намъ образъ Тамары, объяснить намъ черезъ созерцаніе этого образа то неотвратимое притяженіе, какое чаровница оказывала одинаково на воиновъ, купцовъ и пастуховъ. Картина г. Айвазовскаго очень прилична. Но это, подобно изображенію лодки на морѣ, общее мѣсто живописи, а не иллюстрація въ ея дѣйствительномъ значеніи.

Въ своихъ рисункахъ къ стихотвореніямъ *Воздушный корабль* и *Дары Терека* г. Айвазовскій вступаетъ въ область художественной фантазіи. Художника, повидимому, навело на ложный путь названіе *воздушный*, приложенное къ слову „корабль“. У Лермонтова прямо говорится:

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Корабль *плыветъ по волнамъ*, совершенно такъ же, какъ *плаваетъ* по нимъ корабль Моряка-Скитальца, какъ дѣлаютъ это всѣ остальные заколдованные корабли. Онъ совсѣмъ не носится ни на облакахъ, ни по облакамъ, а остается на родной ему стихіи, на морѣ, подобно тому, какъ призраки людей остаются на землѣ и бродятъ по ней. Въ этомъ присутствіи холодныхъ фантомовъ среди теплаго біенія текущей жизни и заключается тотъ леденящій ужасъ, какой наводятъ на человѣка призраки, появляющіеся въ совершенно реальной обстановкѣ. Г. Айвазовскій изображаетъ корабль, помѣщенный на облакахъ высоко надъ уровнемъ моря. Получается впечатлѣніе какой-то фата-моргана. Это не фантастично, не таинственно и не поэтично. Это только неестественно и, прежде всего, некрасиво. Невольно спрашиваешь себя, что могло побудить художника вступать въ явное *противорѣчіе* съ описаніемъ поэта. Лермонтовъ говоритъ про воздушный корабль:

Но скалы и *тайныя мели*,
И бури ему нипочемъ.

Корабль—призракъ проходитъ черезъ мели и подводные камни такъ же, какъ привидѣнія проходятъ сквозь стѣны и запертыя двери. Откуда взялъ художникъ, что корабль этотъ несется—по облакамъ?

Не удалась г. Айвазовскому также иллюстрація къ стихотворенію *Дары Терека*. Художникъ взялъ темой заключительныя строфы:

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

Аллегорическое изображеніе впаденія рѣки Терека въ Каспійское море дано уже въ образахъ самого поэта, который прямо рисуетъ олицетвореніе Каспія. Это старикъ, могучій какъ гроза, съ бѣлоснѣжною, косматою головой, воздымающеюся надъ волнами. Терекъ—буенъ; Каспій—могучъ. Соотвѣтственно этому, прежде всего, напрашивалась на изображеніе *могучая* фигура морскаго бога, величественно воздымающаяся надъ волнующеюся и кипящею морскою поверхностью, ибо Каспій „взыгралъ“, услышавъ о дарѣ, какой несетъ ему Терекъ. Разъ аллегорически олицетворенъ Каспій, то представлялось полное основаніе изобразить аллегорически также и Терекъ. Что же дѣлаетъ художникъ? Онъ рисуетъ среди водной равнины, спиной къ намъ, неопредѣленныя очертанія какой-то небольшой фигуры, въ которыхъ, при нѣкоторомъ усиліи воображенія и доброй воли, можно различить „косматую“ голову и протянутую впередъ руку, между тѣмъ какъ, лицомъ къ зрителю, плыветъ навстрѣчу этимъ очертаніямъ совершенно отчетливо нарисованная нагая женщина съ распущенными волосами. Она, очевидно, должна изображать

„трупъ казачки молодой“. Но то, что̀ мы видимъ предъ собою, совсѣмъ не трупъ, а живая женщина, руки которой изображены въ моментъ плавательнаго движенія. Получается неопредѣленное, смутное впечатлѣніе, происходящее отъ того, что иллюстрація расходится съ содержаніемъ поэтическаго произведенія и противорѣчитъ прямымъ его указаніямъ.

До какой степени можетъ доходить такое противорѣчіе иллюстратора поэту, лучшій примѣръ этому представляетъ рисунокъ г. Врубеля къ стихотворенію: *Журналистъ, читатель и писатель*.

Въ началѣ этого стихотворенія Лермонтовъ самымъ точнымъ образомъ описываетъ обстановку:

„Комната писателя; опущенныя сторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.“

Можно вообще сомнѣваться, чтобы стихотвореніе это давало достаточные мотивы для иллюстраціи, кромѣ изображенія обстановки, при какой происходила бесѣда, и лицъ, принимающихъ въ ней участіе. Г. Врубель, какъ и нужно было ожидать, взялъ для своего рисунка именно этотъ мотивъ. Но тогда ему слѣдовало въ точности держаться указаній поэта и представить дѣйствующихъ лицъ въ тѣхъ положеніяхъ, какія имъ приписаны. Это до такой степени понятно и ясно, что даже какъ-то странно было бы предполагать противное.

Однако г. Врубель совершилъ эту странность. Онъ изображаетъ комнату съ совершенно пустыми стѣнами и однимъ окномъ. Вмѣсто *опущенныхъ сторъ* въ окнѣ этомъ, имѣющемъ чрезвычайно широкій откосъ, виднѣется сквозь стекла помѣщенная снаружи *желѣзная рѣшетка*. У стѣны стоитъ огромный кожаный диванъ той казенной формы, въ какой диваны эти до настоящаго времени встрѣчаются на почтовыхъ станціяхъ. Предъ диваномъ овальный столъ, подъ нижнюю доску котораго, вмѣсто отломившейся ножки, подложено полѣно. На диванѣ, въ углу ближайшемъ къ зрителямъ, сидитъ молодой гусаръ, поджавъ подъ себя одну ногу. Въ другомъ углу дивана, поддерживая голову рукой, облокоченною на столъ, помѣщается мужчина, повернувшійся туловищемъ къ гусару. Послѣдній, однако, смотритъ не на него, а на третьяго мужчину, сидящаго въ креслѣ по другую сторону стола; фигура и лицо этого мужчины также обращены къ гусару.

Что̀ это за комната? Откуда рѣшетка въ окнѣ „комнаты

писателя?" Кто изъ этихъ лицъ писатель, кто читатель и кто журналистъ? Единственная разгадка этой удивительной иллюстраціи можетъ быть найдена въ помѣтѣ, сдѣланной въ концѣ стихотворенія: „подъ арестомъ на арсенальной гауптвахтѣ". Нужно предполагать, что предъ нами обстановка комнаты, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ подъ арестомъ, и что въ образѣ гусара съ поджатою ногой художникъ изобразилъ самого поэта.

Имѣлъ ли художникъ право на такой подмѣнъ?

Нѣтъ, онъ не имѣлъ этого права, ибо прежде всего долженъ былъ уважать указанія самого поэта, точно обозначившаго, гдѣ и при какихъ условіяхъ происходитъ сцена. Совершенно случайный и внѣшній моментъ нахожденія подъ арестомъ на гауптвахтѣ ровно ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ даннаго стихотворенія и къ уясненію его содержанія. Напротивъ, обстановка, рисуемая г. Врубелемъ, только расхолаживаетъ читателя своею странностію, привнося къ превосходному стихотворенію совершенно чуждый ему, случайный и преходящій элементъ.

И, наоборотъ, г. Пастернакъ имѣлъ полное право изобразить, какъ онъ это сдѣлалъ, въ иллюстраціи къ стихотворенію *Дума*, самого Лермонтова, задумчиво и грустно облокотившагося на письменный столъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье...

Стихотвореніе это до такой степени субъективно, что единственною и вполнѣ соотвѣтствующею ему иллюстраціей могло быть лишь изображеніе самого поэта. Необыкновенно странное впечатлѣніе производитъ рисунокъ г. Менка къ стихотворенію *Въ Палестины*. Художникъ изображаетъ „снимокъ съ кіота, предъ которымъ Лермонтовъ писалъ это стихотвореніе". Это не иллюстрація въ смыслѣ свободнаго художественнаго творчества, въ смыслѣ воспроизведенія художникомъ образовъ и картинъ, вызванныхъ въ его душѣ и воображеніи произведеніями поэта. Это простая археологическая справка, такъ-называемый „реальный комментарій", который, въ данномъ случаѣ, ничего не прибавляетъ къ нашимъ впечатлѣніямъ отъ самого стихотворенія.

VI.

Г. Рѣпинъ иллюстрируетъ стихотвореніе *Пророкъ*. Онъ избираетъ три момента, выраженные слѣдующими стихами:

Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами.

—

Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

—

И звѣзды слушаютъ меня
Лучами радостно играя.

Разсматривая иллюстраціи г. Рѣпина, невольно приходишь къ мысли, что художникъ недостаточно ознакомился съ произведеніемъ, которое взялся иллюстрировать. У Лермонтова говорится:

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То *старцы дѣтямъ говорятъ*
Съ улыбкою самолюбивой:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
„Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
„Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ
„Что Богъ гласитъ его устами!“

Торопливо пробираясь черезъ городъ, пророкъ слышитъ какъ старики выставляютъ его для дѣтей примѣромъ гордаго, неуживчиваго и глупаго человѣка. Не будемъ возбуждать вопроса о томъ, насколько этотъ моментъ стихотворенія удобенъ для иллюстраціи, или нуждается въ ней. Несомнѣнно одно: если онъ избранъ художникомъ, то пророкъ, согласно описанію поэта, долженъ быть изображенъ быстро идущимъ по многолюдной улицѣ или площади. Г. Рѣпинъ рисуетъ пророка задумчиво стоящимъ близъ входа въ какое-то зданіе украшенное колоннами. Неподалеку отъ него видна женщина съ двумя дѣтями; она прижалась къ стѣнѣ и со страхомъ смотритъ на пророка. Какой-то нищій

глядитъ на него съ улыбкой, а съ правой стороны, пополамъ разрѣзанная съ головы до ногъ краемъ рисунка, виднѣется мужская фигура съ жестикуляціей обращенная въ сторону пророка. Тутъ представлено какъ разъ противоположное тому, что̀ изображается поэтомъ. Пророкъ не *пробирается торопливо* между толпой, но *спокойно стоитъ*.

За то онъ очень торопливо идетъ на рисункѣ изображающемъ, какъ въ него кидаютъ каменьями какіе-то полуобнаженные, коротко-остриженные люди съ непокрытыми головами. Трудно представить себѣ, къ какой націи они принадлежатъ. Но еще труднѣе понять, зачѣмъ г. Рѣпинъ рѣшился до конца противорѣчить намѣреніямъ поэта. Ибо если *торопливость* была отмѣчена самимъ поэтомъ, когда онъ описывалъ какъ пророкъ пробирается чрезъ шумный городъ, то, напротивъ, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобъ онъ торопливо бѣжалъ, какъ скоро въ него начали бросать каменья:

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Очевидно, что человѣкъ отмѣченный высшимъ призваніемъ, вдохновенный, весь отдавшійся высшему руководительству, пренебрегшій всѣмъ житейскимъ и, вслѣдствіе этого, незаботящійся о своей жизни и не дорожащій ею, очевидно, что такой человѣкъ не станетъ, не можетъ торопливо прервать начатое имъ увѣщаніе или поученіе и торопливо бѣжать, какъ скоро въ него начали бросать камни. Толпа можетъ своими криками заглушить его голосъ, можетъ своими каменьями заставить его удалиться. Но она никогда не заставитъ его бѣжать передъ собою. Мы говоримъ о пророкѣ, какимъ предносился онъ нашимъ великимъ поэтамъ, Пушкину и Лермонтову, какимъ они изображали его. Г. Рѣпинъ, взявшись въ наглядныхъ чертахъ представить намъ Лермонтовскаго пророка, рисуетъ фигуру неимѣющую ничего общаго съ замысломъ поэта. Трудно опредѣлить какимъ-либо однимъ словомъ впечатлѣніе производимое этою фигурой. По внѣшнему виду это—нищій въ разтерзанной одеждѣ, висящей лохмотьями, босой на одну ногу, между тѣмъ какъ другая обута въ какой-то „опорокъ“. По выраженію лица это—человѣкъ прежде всего „озадаченный“. Нельзя инымъ словомъ передать то тупое

удивленіе, какое разлито на этомъ лицѣ по основному фону тупаго упрямства соединеннаго съ тупою ограниченностью. Мы ждемъ увидать въ иллюстраціи одухотворенное лицо пророка и фигуру исполненную величаваго достоинства. Къ этому ожиданію ведетъ насъ все содержаніе стихотворенія Лермонтова. Никакимъ другимъ способомъ не можетъ передать иллюстрація это внутреннее содержаніе, какъ изобразивъ пророка лучшимъ, нежели окружающіе его люди, болѣе одухотвореннымъ, строгимъ, величавымъ. Пусть онъ будетъ бѣдно одѣтъ. Это не помѣшаетъ впечатлѣнію. Пусть даже онъ будетъ до извѣстной степени „нагъ“. Это не умалитъ величаваго достоинства его фигуры. Но изображать пророка неопрятно разтерзаннымъ, съ фигурою и лицомъ лишенными всякаго признака одухотворенности, это значитъ противорѣчить поэту и не вдуматься въ его произведеніе.

VII.

Г. Полѣнову принадлежатъ иллюстраціи къ стихотвореніямъ *Три пальмы* и *Споръ*. Тамъ и здѣсь сюжетъ касается востока, который художникъ знаетъ изъ личныхъ впечатлѣній и наблюденій, съ которымъ онъ познакомилъ насъ на различныхъ выставкахъ посредствомъ цѣлаго рода мастерскихъ этюдовъ и эскизовъ. Г. Полѣновъ воспользовался этимъ знаніемъ, и въ иллюстраціи къ стихотворенію *Споръ* далъ намъ какъ бы панораму тѣхъ мѣстностей, на которыя указываетъ Казбекъ въ своемъ спорѣ съ сѣдовласымъ Шатомъ:

Вотъ у насъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждой тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
И склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.

Каждая изъ этихъ картинъ, рисуемыхъ поэтомъ, послужила художнику темой для особаго рисунка, къ которымъ присоединилась еще иллюстрація къ строфѣ:

Ужь проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да царп—орлы.

Прибавьте сюда два рисунка, одинъ въ началѣ стихотворенія, изображающій Шатъ—гору, другой — въ концѣ, изображающій Казбекъ, и вы получите полную иллюстрацію знаменитаго Лермонтовскаго стихотворенія. Иллюстрація эта прекрасно задумана. Но, вопервыхъ, рисунки чрезвычайно много теряютъ отъ плохаго цинкографическаго воспроизведенія, дѣлающаго ихъ мутными и неяснымп. Обстоятельства этого, разумѣется, нельзя ставить въ вину художнику. Можно только сожалѣть, что онъ не принялъ во вниманіе способа воспроизведенія и, соображаясь съ нимъ, не придалъ своимъ оригиналамъ большей отчетливости. Вовторыхъ, позволительно спорить противъ изображенія Бедуина. Г. Полѣновъ рисуетъ этого Бедуина ѣдущимъ верхомъ на лошади подъ ночнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, къ которымъ устремлены его глаза *(считая звѣзды)*. Это не выражаетъ мысли поэта, заключающейся въ томъ, что *даже* Бедуины утратили свою энергію и воинственность. Нужно было изобразить Бедуина *сидящимъ* у входа въ шатеръ. Только это положеніе его съ достаточною наглядностію иллюстрировало бы то обстоятельство, что онъ „забылъ наѣзды для цвѣтныхъ шатровъ“, изображало бы разслабленіе домашнею жизнью. Бедуинъ не перестаетъ быть самимъ собою, разъ онъ сидитъ на конѣ. Именно потому, что мы привыкли представлять себѣ его не иначе, какъ вмѣстѣ съ конемъ, именно поэтому слѣдовало изобразить его безъ коня, чтобъ олицетворить коренное измѣненіе, свершившееся въ его характерѣ.

Но главное наше возраженіе состоитъ въ томъ, что художникъ, нарисовавъ цѣлыхъ семь рисунковъ къ одному стихотворенію, все-таки не выразилъ въ нихъ главнаго содержанія этого стихотворенія, не передалъ разрѣшенія спора о томъ будетъ ли Казбекъ покоренъ. Это разрѣшеніе съ удивительною торжественностію, картинностью и силой передано у Лермонтова. Казбекъ внезапно видитъ на сѣверѣ „страшное движеніе“, слышитъ „звонъ

и шумъ". Мало-по-малу картина все болѣе выясняется и развертывается во всей своей грандіозности. Безчисленные полки движутся, „колыхаясь и сверкая":

Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ.
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно—медленны, какъ тучи
Прямо на востокъ.

Здѣсь, что ни строка, то картина. Получается удивительный антитезъ предыдущему описанію одряхлѣнія, бездѣйствія, сна. Послѣ цѣлаго ряда мольныхъ аккордовъ, стихотвореніе переходитъ въ торжественную, ликующую, побѣдную гармонію. Этого удивительнаго антитеза и не достаетъ въ иллюстраціи г. Полѣнова, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльные рисунки этой иллюстраціи, не объединенные одною главною мыслью, распадаются, какъ зерна несвязаннаго ожерелья.

То же впечатлѣніе производитъ иллюстрація г. Полѣнова къ стихотворенію *Три Пальмы*. На этотъ разъ рисунки сдѣланы и воспроизведены вполнѣ отчетливо. На одномъ изображены три пальмы, на другомъ— караванъ, направляющійся къ оазису. Все это нарисовано прекрасно и со вкусомъ. Но циклъ иллюстраціи остался незаконченнымъ и вслѣдствіе этого получаются лишь

случайные рисунки вмѣсто художественной композиціи поэтическаго произведенія. Въ иллюстраціи г. Полѣнова не достаетъ послѣдняго звѣна:

Но только, что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ...

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Иллюстрація должна была закончиться изображеніемъ того же самаго маленькаго оазиса, какой мы видимъ на первомъ рисункѣ, но только *безъ* пальмъ, отъ которыхъ остались бы лишь остатки обрубленныхъ стволовъ, между тѣмъ какъ вдали виднѣлся бы удаляющійся караванъ. Въ композиціи художественно-живописнаго произведенія, какое представляетъ собою иллюстрація, получилась бы тогда та же цѣльность общаго впечатлѣнія и та же симметрія отдѣльныхъ частей, какія отличаютъ превосходное стихотвореніе Лермонтова. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ уяснить себѣ почему наши художники, принимаясь за воспроизведеніе въ рисункахъ извѣстнаго поэтическаго произведенія, не заботятся объ организмѣ своей композиціи, а рисуютъ лишь отдѣльные моменты не приведенные въ связь между собою. Остается лишь отмѣтить этотъ фактъ, характерный для періода первыхъ серьезныхъ попытокъ нашего современнаго искусства въ области иллюстраціи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

С. Васильевъ.

КЪ ИСТОРІИ ОКРАИННО-РУССКАГО БЫТА И КОЛОНИЗАЦІИ XVII—XVIII ВѢКА.[1]

Между русскими серединными губерніями, составляющими главную основу Всероссійскаго царства, есть области старыя и молодыя, — прославленныя отечественными историческими событіями и малоизвѣстныя въ этомъ отношеніи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Тамбовская губернія. Но я, пишущій эти строки, вполнѣ увѣренъ, на основаніи историческихъ документовъ, которые внимательно читаю уже 18 лѣтъ, что и Тамбовская историческая роль весьма почетна; только про нее мало знаютъ и говорятъ. Никогда Тамбовская земля не бросалась въ глаза военно-политическою представительностію совершившихся въ ней событій. Тамбовская жизнь текла сравнительно незамѣтно, но вся она упорно направлена была къ созиданію Русскаго царства и государственно-политическому развитію Русскаго народа; и историко-бытовыя ея черты исполнены и трагизма и доблести въ тѣ историческіе ея періоды, когда мѣстная будничная обстановка нарушалась и всѣ Тамбовцы національно-государственнымъ долгомъ призывались къ охранѣ и укрѣпленію своей излюбленной украйны... Въ эти историческіе *моменты* мѣстные русскіе люди оказывались глубоко вѣрными своему русскому долгу и, *будничнo* слабые, были *богатырями*, когда наставалъ часъ испытанія...

[1] Этотъ очеркъ служитъ дополненіемъ къ статьямъ, прежде напечатаннымъ въ „*Русскомъ Обозрѣніи*“: въ іюнѣ 1890 г. („Изъ окраинно-русской бытовой исторіи“), и въ сентябрѣ 1891 года („Черты изъ окраинно-русскаго быта XVII—XVIII в.“).

Къ концу XVI вѣка весь Тамбовскій край былъ еще *дикою*, но въ то же время *благодатною*, всякими угодьями обильною, стороной. Украинная земля наша къ этому времени уже достаточно наполнилась *бродниками*, *сходцами* и *утеклецами*... Всѣ они шли въ наши дебри и степи въ чаяніи украинной свободы и приволья и почти не ошибались въ своихъ чаяніяхъ. Ошибались одни слабые люди, неумѣвшіе приноровиться къ условіямъ мѣстной дѣвственной природы и къ условіямъ мѣстнаго общественно-политическаго быта...

Эти слабые люди большею частію погибли: и отъ нищеты, и отъ дикаго звѣря, и отъ набѣглаго Татарина, и отъ лихаго человѣка—своего же русскаго брата... Миръ костямъ всѣхъ этихъ людей, посильно послужившихъ русской колонизаціи Тамбовскаго края! Слава тѣмъ былымъ сильнымъ людямъ нашимъ, которые на *могутныхъ* плечахъ своихъ вынесли бремя русской мѣстной ассимиляціи! Не легка была доля ихъ и безвѣстны они. Но ими совершено великое народно-государственное дѣло... Ихъ кровью и потомъ устроилась Тамбовская земля, одна изъ самыхъ коренныхъ современныхъ русскихъ областей...

Настоящая Тамбовская исторія, безпрерывная, документально ясная и точная, начинается съ самаго начала XVII вѣка, со временъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Въ это время, а также въ междуцарствіе и въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, весь Тамбовскій край несъ обычную свою украинную тяготу; его жителей убивали и въ плѣнъ *имали*, его поля *толочили*, лѣса и всякіе запасы жгли... Лютыми нашими *врогами* въ тѣ печальные и безпривѣтные дни были не одни Татары и и Ногайцы, но, вмѣстѣ съ ними, и Литовцы, и Поляки, и Черкасы, и мѣстные русскіе *воры*. Рѣже другихъ насѣдали на насъ Черкасы, но и отъ нихъ много было Тамбовцамъ лютаго горя и бѣды неисходной. Наши украинные города были ими *позжены и разорены и стали пусты* [1]... Глубоко тронутъ былъ нашею украинною бѣдою новоизбранный царь Михаилъ Романовъ и въ 1614 году *указалъ для защищенія святыхъ Божіихъ церквей и цѣлости и покою христіанскаго строить черту*... Первый царь изъ дома Романовыхъ представляется намъ особенно дорогимъ для всего Тамбовскаго края. Онъ оживилъ, укрѣпилъ и сило-

[1] Рукопись А. А. Голомбіевскаго, принадлежащая Тамбовской Архивной Коммиссіи.

тилъ этотъ край. Слѣдующая царская грамота отъ 1637 года служитъ яснымъ доказательствомъ царственной любви Михаила Ѳеодоровича къ нашему краю:

„Въ прошлыхъ годѣхъ, писалъ царь, въ Шацкія и иныя Мещерскія мѣста Татарскіе и Ногайскіе воровскіе люди прохаживали изгономъ и тѣ всѣ мѣста воевали, людей побивали и въ полонъ имали, и села и деревни многія пожгли и до конца разорили и отъ тое великія войны многія села и деревни запустѣли, а служилые люди оскудѣли и учинилися безлюдны и безлошадны и безоружейны. И мы, то слыша, указали поставить городъ Тамбовъ.“

Осторожливо, *опасливо* и умѣло царь строилъ у насъ и другіе города, крѣпости и засѣки, *оберегаючи* тамбовскихъ украинно-русскихъ людей,—проводилъ оборонно-сторожевые валы на сотни верстъ, отъ Козлова до Воронежа и отъ Тамбова до Симбирска, жаловалъ мѣстныхъ служивыхъ людей денежными и земельными *дачами* и ласкалъ тамбовскихъ воеводъ... Да и было за что̀... Наши воеводы XVII вѣка большею частію истово *прямили* царю, работали *не покладаючи рукъ*, въ бояхъ не жалѣли головъ своихъ и все свое сердце и весь свой *разумъ* отдавали на службу нашему краю.

Таковъ былъ строитель гор. Тамбова, стольникъ Р. Ѳ. Бобарыкинъ, многіе годы воеводствовавшій въ Тамбовѣ, Козловѣ и Шацкѣ. Таковы были мѣстные воеводы Петръ Пушкинъ, Иванъ Ляпуновъ, Иванъ Вельяминовъ, Иванъ Олферьевъ и др., самодѣльные, но весьма искусные по своему времени, строители-инженеры. Благодаря ихъ умѣнью и энергіи Тамбовскій край въ XVII вѣкѣ обладалъ такою *валовою чертой*, которая невольно поражаетъ насъ своею грандіозностію. На пространствѣ 205 вертъ къ Воронежу и почти 400 верстъ къ Симбирску былъ имъ устроенъ или исправленъ *земляной валъ* вышиной и шириной до 2-хъ саженъ и *больше*. Передъ валомъ по всему его протяженію выкопанъ былъ *оконенный* ровъ ширины и глубины такой же. По всей *черти* въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ другъ отъ друга выстроены были городки, острожки, сторожевыя и проѣзжія башни. Въ нихъ поселены были служилые люди, въ количествѣ отъ 100 до 10 человѣкъ, *и тѣ люди стояли на стойкѣ перемѣняючись, съ вѣстями и безъ вѣстей, и тѣмъ людямъ отъ приходу воинскихъ людей стоять было страшно...* А передъ башнями на татарскихъ *сакмахъ и перелазахъ учинены*

были въ два и три ряда *дубовыя надолбы*, съ глубокими ямами, набитыми острыми кольями... *А въ рѣкахъ, на бродахъ, биты частики и сваи и рогатки и всякія крѣпости. И стояли на тѣхъ сторожахъ днемъ и ночми всякихъ чиновъ служилые люди, для оберегания отъ приходу воинскихъ людей, безпрестанно. И тѣмъ учинилось въ Тамбовскомъ краѣ, передъ прежними годами, хлѣба и всякихъ съѣстныхъ запасовъ множество и цѣна всему была дешевая, и были торговымъ людямъ промыслы и пожитки великіе и въ пошлинахъ сборы большіе, и всѣмъ жителямъ учинилось въ рыбныхъ лоеляхъ и въ звѣриныхъ довольство большое и пространство.*

Черты проектированы были, какъ сказано выше, на громадномъ пространствѣ. Строились онѣ, конечно, не вдругъ, а постепенно. Начатыя въ 1615 году, онѣ окончены были уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1646 году, подъ руководствомъ князя Ромодановскаго. Строенье черты производилось усиленно и почти безпрерывно съ самаго 1615 года мѣстными и пришлыми воинскими людьми, а также однодворцами и крестьянами: тяглыми и вотчинными...

Тяжкая земская служба Тамбовцевъ XVII вѣка, нарушаемая къ тому же безпрерывными вражескими нападеніями, отчасти скрашивалась обиліемъ мѣстныхъ *угодій* и хозяйственнымъ *раздольемъ*... Это видно изъ писцовыхъ книгъ Тамбовскихъ вотчинъ великой инокп Маѳы Ивановны. [1]

Составленныя въ 1623 году, онѣ дошли до насъ не въ подлинникѣ, а въ спискѣ 1691 года, когда бывшія царицыны вотчины переходили во владѣніе боярина Л. К. Нарышкина—дяди Петра Великаго.

Содержаніе этихъ писцовыхъ книгъ, повидимому, представляетъ скучный приказный матеріалъ. Въ нихъ есть краткія, канцелярски-однообразныя, указанія на многочисленныя бортныя ухожья, на пахотныя и *дико порожжія поля животинными и конскими выпусками*, на лѣсныя пустоши и *звѣриные гоны*, на рыбныя ловли, на домовое строеніе и на весь хозяйственный обиходъ былой тамбовской жизни... Но, мнѣ кажется, этотъ историческій матеріалъ весьма разнообразенъ, богатъ и можетъ послужить достовѣрнѣйшимъ источникомъ для характеристики быта мѣстнаго края въ началѣ XVII вѣка и даже XVI.

---

[1] Писцовыя книги великой инокп Маѳы Ивановны напечатаны въ „*Извѣстіяхъ Тамбовской Архивной Коммиссіи*“ № 33.

Живо и вѣрно можно представить себѣ былыя тамбовскія села, деревни, починки, зимницы и становища. То не были кучи мазанокъ, которыхъ теперь развелось такъ много, въ силу лѣсной скудости, то были просторныя, хоть и грубо сколоченныя изъ вольнаго хоромнаго лѣсу, избы. Окна въ избахъ были или волоковыя или слюдяныя; усадьбы были большія и сейчасъ же за околицами начинались *вытныя и оброчныя* крестьянскія поля и пастбища. Не знали наши былые крестьяне, тяглые и оброчные, городскихъ прихотей. Поѣздка на какой-нибудь сельскій или монастырскій торгъ была для нихъ событіемъ. Но за то своего добра было у нихъ вдоволь; и хлѣба и меду, и *животиннаго* корму и живности всякой. Тогдашній богачъ хвалился не деньгами, которыхъ въ обращеніи было очень мало, а обиліемъ домашнихъ запасовъ. Тогда копили про черный день не копѣйку, а *загодя* наполняли скирды снопами, сусѣки зерномъ, сѣновалы сѣномъ и сарай—скотиной. Разумѣется, и тогда были у насъ свои бытовыя тѣни и онѣ слишкомъ извѣстны; не было въ нашихъ мѣстахъ настоящаго порядка, вполнѣ обезпеченнаго законною властію; не было и настоящей личной и имущественной, какъ теперь, безопасности. Поэтому села наши укрѣплялись на всякій случай *надолобами*, и наши крестьяне обзаводились обыкновенно не одними земледѣльческими, рыболовными и другими орудіями, а и—военнымъ оружіемъ, смотря по достатку. У кого была пищаль, у кого—колчанъ со стрѣлами, у кого копье, сабля или кистень. А бѣдняки выходили на бой противъ своихъ сопостатовъ, *чужаковъ и свояковъ*, съ простымъ дрекольемъ; и нерѣдко это послѣднее оружіе было не менѣе грозно, чѣмъ первыя...

Сельско-хозяйственный бытъ Тамбовскаго населенія въ былые годы былъ не теперешній. Теперь Тамбовская земля называется русскою житницей, и это вѣрно, потому что хлѣбное наше производство, дѣйствительно, выдающееся. Затѣмъ остальные наши промыслы сравнительно слабы: фабрикъ и заводовъ у насъ мало, кустарнаго и отхожаго промысла еще меньше. Не то, хотя и въ иномъ направленіи, было въ старину. Тамбовскій край наполненъ былъ многими сотнями *бортныхъ ухожьевъ* (до 800), и въ эти ухожья ходили не одни крестьяне, но и разные служилые и жилецкіе люди, священно-служители и даже монахи. Въ глухихъ лѣсныхъ захолустьяхъ, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья, строили они себѣ прочныя и теплыя *зимницы* и запасали про свой обиходъ, а также на продажу, на церковныя

нужды и въ государственную казну сотни и тысячи пудовъ *меду сладкаго и воску яраго*.. Тогда и въ селахъ нашихъ варились такіе меды, о которыхъ теперь осталось одно смутное воспоминаніе; фальсификацій не умѣли дѣлать, все было на чистоту... *Медвяный* нашъ промыселъ сохранился еще и въ XVIII вѣкѣ. Вотъ почему, когда въ 1779 году устроивалась Тамбовская губернія, ей присвоенъ былъ существующій гербъ... Наши бортники были люди весьма простые и наивные. Наивность нашихъ бортниковъ выражалась въ слишкомъ откровенныхъ наименованіяхъ и прозвищахъ ихъ зимницъ, такъ что и сама Москва со своими *швивыми горками и живодерками* позавидовала бы выразительности тамбовскихъ описовыхъ книгъ...

Весьма важною статьей мѣстныхъ промысловъ были у насъ также и *звѣриные ловы* и ловля птицъ. Въ былые годы въ нашихъ лѣсахъ и степяхъ всякаго звѣря и птицы было вволю. Вслѣдствіе этого иные лѣсные и степные участки получали своеобразныя названія, напр. такія: *бобровы гоны*, *лосиныя стойла*, *медвѣжьи улы*, *козиные липяги*, *орловскія поляны*, *ястребовы гнѣзда*, *куликовы болота*, *гоголевы боры*, *раковы усады*, *зайцевы бояраки и лисьи норы*... Если ко всему этому мы прибавимъ многочисленныя и обильныя тамбовскія *хмѣлевыя угодья и рыбныя ловли*, а также всякіе плоды лѣсные, то получится картина такого непокупнаго *житейскаго приволья*, о которомъ современные тамбовскіе обыватели и мечтать не могутъ.

Правда, этому приволью, какъ я замѣтилъ выше, недоставало спокойствія и обезпеченности. Злой воръ-Татаринъ не давалъ Тамбовцамъ ни отдыху, ни сроку. И въ зиму и въ лѣто ногайскіе и крымскіе *загоны* врывались въ наши селитьбы и разбойничали неустанно. Въ такія тяжкія времена наши обыватели, если успѣвали, конечно, отправляли свои семьи и имущество въ лѣсныя дебри или же въ степныя балки, а сами шли на бой... и нерѣдко *ложились костьми* за Тамбовскую землю. Кровью этихъ безвѣстныхъ борцовъ за русскую государственную идею, оплаканныхъ только ихъ оспротѣвшими семействами, орошены всѣ степи, поляны и усадища Тамбовскаго края... Эта священной памяти кровь навсегда закрѣпила нашъ бывшій татарско-мордовско-мещерскій край за свято-русскою землей...

Наши архивные документы, предлагаемые вниманію читателей, не лишены и этнографическаго интереса. Они ясно и пунктуально указываютъ намъ на этнографическій составъ тамбовскаго насе-

ленія въ началѣ XVII вѣка и именно на то, гдѣ были русскія села, гдѣ мордовскія и татарскія. О мѣстной Мещерѣ документы молчатъ. Значитъ, русская ассимиляція тамбовской Мещеры къ началу XVII вѣка уже совершилась... Значитъ, русская колонизаторская сила уже обнаружилась вполнѣ, и это наша областная заслуга великой землѣ Русской... Вотъ почему наша излюбленная тамбовская земля, хоть и юная, въ составѣ нашихъ областей имѣетъ полное и историческое право занять почетное мѣсто въ обще-русской семьѣ...

Писцовыя книги великой инокн Маѳы Ивановны замѣчательны еще и тѣмъ, что онѣ указываютъ на одну весьма трогательную черту мѣстной церковно-исторической жизни: почти при всѣхъ нашихъ церквахъ, на церковныхъ усадьбахъ, были и *нищихъ кельи*... Значитъ, наша тамбовская церковь изстари принимала на себя особую, спеціально ей присвоенную, заботу о неимущихъ...

Въ концѣ XVII вѣка, когда почти весь Тамбовскій край уже укрѣпленъ былъ отъ своихъ неизмѣнныхъ степныхъ *вороговъ* городами, острогами, засѣками, надолобами и *чертами*, одинъ нынѣшній Борисоглѣбскій уѣздъ все еще представлялся дикимъ полемъ и вольною ковыльною степью. Кое-гдѣ въ этой степи, особенно по Хопру и Воронѣ, росли рощи и довольно значительные лѣса, напримѣръ, знаменитый *Теллерманскій* лѣсъ, не мало послужившій царю Петру въ дѣлѣ его воронежскаго флотскаго строенія. Русскіе *починки* были тогда большою рѣдкостью въ нынѣшнемъ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ. Русскіе люди-*сходцы* жили тамъ малолюдными общинами и жили на свой страхъ, и было имъ *великое горе-гореваньице* отъ татарскихъ, ногайскихъ и калмыцкихъ разбойниковъ... У первыхъ Борисоглѣбскихъ *насельниковъ* не было даже и утѣхи на случай *горя злосчастья:* церквей Божіихъ у нихъ не было. Впослѣдствіи Борисоглѣбцы по этому поводу такъ жаловались царю Петру: „церквей Божіихъ и поповъ у насъ нѣтъ, и помираютъ наши братья безъ покаянія и безъ причастія св. таинъ и родильницы лежатъ безъ молитвъ многое время... Царь Государь, смилуйся—пожалуй!“...

Въ самомъ концѣ XVII вѣка судьба Борисоглѣбцевъ измѣняется. Въ 1698 году выстроенъ былъ, по царскому указу, гор. Борисоглѣбскъ съ двумя слободами: станичной и солдатской. Количество борисоглѣбскихъ жителей, ободренныхъ сравнительною безопасностію подъ защитой деревянныхъ городскихъ стѣнъ и царскихъ служилыхъ людей, стало быстро увеличиваться. Одно

пензенское село—Колояръ переселилось въ Борисоглѣбскъ въ полномъ своемъ составѣ. Въ 1704 году въ гор. Борисоглѣбскѣ появились, наконецъ, и церкви: соборная Борисоглѣбская, станичная—Казанская и солдатская—Николая чудотворца. Всѣ эти церкви были деревянныя, небогатыя, но онѣ снабжены были полнымъ кругомъ церковныхъ книгъ; духовенство при нихъ было налицо; служба въ нихъ правилась *повсядневная*... И радовались Борисоглѣбцы своею церковною радостію, только порядка церковнаго у нихъ не было. Приписанные въ церковномъ отношеніи къ гор. Нижнему Ломову, они, на самомъ дѣлѣ, никакого вниманія къ себѣ со стороны Нижнеломовскаго протопопа не видѣли и жили *безвѣстно*... Священниковъ и весь причтъ Борисоглѣбскіе прихожане разыскивали сами и привлекали ихъ къ себѣ съ разныхъ сторонъ. Вотъ почему *ставленныя и перехожія грамоты и явленныя памяти* городскаго борисоглѣбскаго духовенства были даны или Воронежскимъ митрополитомъ Пахоміемъ, или Рязанскимъ митрополитомъ Стефаномъ или Іоанникіемъ—митрополитомъ Ставропольскимъ, Никитой—архіепископомъ Коломенскимъ, Леонидомъ Сарскимъ и Игнатіемъ—епископомъ Суздальскимъ... Борисоглѣбская церковная безурядица, кромѣ того, выражалась въ томъ, что Борисоглѣбскіе причты не платили въ патріаршій приказъ никакихъ пошлинъ, а уѣздные причты почти не имѣли церквей, довольствуясь часовнями, и служили въ тѣхъ часовняхъ *временно*, когда вздумается... Такой безпорядокъ, безъ всякаго сомнѣнія, зависѣлъ и отъ того, что иные уѣздные борисоглѣбскіе священнослужители являлись въ свои приходы самочинно, безъ *перехожихъ грамотъ*. Всѣ эти приходы были малые, дворовъ въ 60, 40 и 20. Поэтому причты кормились не столько доходами отъ приходовъ, сколько своею надѣльною землей и разными промыслами... И жили они совершенно просто: ходили въ лаптяхъ, помѣщались въ курныхъ избахъ и выходили на полевыя и иныя работы по крестьянскому положенію. Не блистали они и книжностію, читали *не въ твердость*, а въ письмѣ не уходили обыкновенно дальше умѣнья подписывать съ трудомъ, каракулями, свои имена...

Не безопасна была, какъ я говорилъ уже, тогдашняя борисоглѣбская жизнь... Только что Борисоглѣбцы отстроили свои церкви, какъ пришла на нихъ бѣда великая—немирная. Въ 1708 году *набѣжали* на Борисоглѣбскій уѣздъ дикіе Калмыки съ казаками и многую *шкоду всему народу учинили: людей побили*

и въ полонъ поимали и села и деревни пожгли. Въ эту смуту сгорѣла и борисоглѣбская соборная церковь...

При такихъ условіяхъ Борисоглѣбцевъ не радовали и ихъ приволья: ни рѣки рыбныя, ни лѣса вѣковые, ни пажити тучныя... И они нерѣдко бѣжали въ новыя, болѣе безопасныя мѣста, цѣлыми семьями. Въ 1717 году составлялись борисоглѣбскія *переписныя книги.* Изъ нихъ-то видно, что во всѣхъ борисоглѣбскихъ селахъ, вообще малолюдныхъ, оказывалось по переписи покинутыхъ дворовъ гдѣ 20, гдѣ 30, *гдѣ и того болѣе...* Куда дѣвались наши отжившіе Борисоглѣбцы съ ихъ *старыми и малыми* и какъ они горе свое мыкали, великую тугу свою изживаючи,—мы не знаемъ... Но мы догадываемся, что это горе изведано было ими вволю: и лютый морозъ донималъ ихъ въ холодныхъ стѣняхъ, по времени и жаръ степной палилъ ихъ, и безкормица изнуряла ихъ, и злой человѣкъ, не жалѣючи, корыстовался ими...

Въ распоряженіе тамбовской архивной коммиссіи въ послѣднее время поступили довольно интересные документы, относящіеся къ XVII и XVIII вѣкамъ: *писцовыя выписи, челобитныя, отписи* — выражающія мѣстное обычное право, *рядныя записи* съ тѣмъ же юридическимъ характеромъ и многіе другіе документы, освѣщающіе отжившій тамбовскій бытъ.

Судя по этимъ документамъ, наши былые служилые Тамбовцы, даже подьячіе, были большею частію люди достаточные, хозяйственные, во всѣхъ дѣлахъ разсчетливые, любившіе всему счетъ и мѣру... Въ 1689 году козловскій подьячій Андрей Алтуфьевъ выдавалъ свою дочь Марью за мелкаго помѣщика Силу Карпова. По этому поводу составлена была, по обыкновенію, формальная *рядная запись* приданому, изъ которой видно, что и *малые* тамбовскіе люди конца XVII вѣка могли похвалиться нажитымъ достаткомъ. Однихъ *образовъ — Божія милосердія* дано было Алтуфьевымъ пять, и всѣ они обложены были позолоченнымъ серебромъ, *съ вѣнцами, убрусами* и *гривнами*, причемъ одинъ убрусъ *низанъ былъ жемчугомъ и каменьями...* Не дешевы были и другіе предметы приданаго: *чепи серебряныя позолоченныя, кресты такіе же, шапки-вершень низанъ жемчугомъ съ лалы и изумруды, ожерелья жемчужныя, соболя, пуговицы золотыя съ зерны бурмицкими, золотыя серьги и кольца съ яхонтами и зерны кафимскими, зарукавья жемчужныя, тѣлогреи объяринныя на пупкахъ собольихъ и на лапахъ лисьихъ, кружева нѣмецкія съ*

золотомъ и серебромъ, богатая постель *съ песцовымъ одѣяломъ*, зеркало, ларецъ кованный съ драгоцѣнностями, *бѣлильница, румянница и суремница серебряныя, кокошники съ каменьи, башмаки бархатные съ галуномъ серебрянымъ, бѣлье шитое золотомъ и серебромъ, да три дѣвки къ ларцу*... Кромѣ этой движимости Силѣ Карпову дано было помѣстье въ 50 четвертей въ полѣ и 25 душъ крестьянъ...

Сила Карповъ весь брачный *обрядъ* свой исполнилъ, по обычаю своего вѣка, осторожливо, предусмотрительно и пунктуально. Передъ вѣнцомъ онъ тщательно осмотрѣлъ всѣ вещи приданаго, кое-что похвалилъ, кое-къ чему слегка, для порядка, придрался, и только по совершенномъ исполненіи всей этой хозяйственной операціи рѣшился ѣхать въ церковь *подъ вѣнецъ*... И вошелъ онъ послѣ брака въ домъ свой съ молодою женой не столько какъ любящій мужъ, сколько какъ хозяинъ, удачно совершившій выгодное хозяйственное дѣло... *Стерпится-слюбится*—говоритъ русская пословица. Можетъ-быть, и Марья Алтуфьева впослѣдствіи, въ силу привычки и общности домостроительныхъ интересовъ, полюбилась Силѣ Карпову, хотя и была приданымъ къ приданому...

Тамбовскіе служилые люди, умѣвшіе въ былые годы и капиталы наживать и при случаѣ силу свою властную показать, сами лично все-таки плохо были гарантированы. И если случалась за ними какая-либо служебная оплошность, начальники съ ними не церемонились... Въ началѣ XVIII вѣка былъ такой случай.

Темниковскій воевода Кабановъ почему-то долго не высылалъ въ Шацкую провинцію отчетныхъ вѣдомостей. Тогда шацкій провиціальный воевода Любовниковъ послалъ въ Темниковъ солдата Лунева съ грознымъ наказомъ... Кажется, не важный человѣкъ былъ Луневъ, а бѣды натворилъ онъ не мало. *Обязанный подпиской*, онъ объявилъ Кабанову, что *пока тѣ вѣдомости сочинены будутъ*, онъ, солдатъ Луневъ, будетъ содержать воеводу подъ карауломъ въ канцеляріи безвыходно, а всѣхъ подъячихъ—*скованныхъ*... И пока этотъ арестъ не кончится, быть ему, солдату Луневу, на *коштѣ* Темниковской воеводской канцеляріи... И засѣли всѣ темниковскія власти въ своей канцеляріи надолго, подъ суровымъ надзоромъ неумолимаго и уполномоченнаго солдата. Такая же участь и въ то же время постигла темниковскаго бургомистра Андрея Коробкова, который *подати*

взыскивалъ слабо, и отъ того разные купецкіе люди не платили оурствомъ своимъ...

За то и приказные чины при случаѣ давали себя знать. Разсчитывая на весьма вѣроятную безнаказанность, они *брали великіе поборы, тирански и превеликими палками* били подчиненныхъ, морили ихъ *гладомъ* и держали безъ суда въ кандалахъ... Этихъ-то подъячихъ преимущественно и имѣлъ въ виду Царь Петръ 1-й въ своемъ указѣ 1716 года, посланномъ въ Тамбовъ отъ 23 февраля. Содержаніе указа, приводимое мною въ самыхъ существенныхъ его выдержкахъ, таково:

„Мы, Петръ 1-й, Царь и Самодержецъ Всероссійскій... понеже многія лихоимства умножились... которыя уже наружу вышли... того-ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены... дабы не дерзали брать никакихъ посуловъ... кромѣ жалованья... опредѣленнаго за нашею рукою или всего сената подпискою. И кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ будетъ, всего имѣнія будетъ лишенъ, шельмованъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ или—и смертію казненъ будетъ. Тожь слѣдовать будетъ и тѣмъ, которые ему въ томъ служили... и кто вѣдали, а не доносили, хотя подвластные или собственные ихъ люди“...

Но какъ ни строгъ былъ царь Петръ и какъ ни грозно было имя его по всей Русской землѣ, все же приказное зло не унималось. Хищеніе казны и народной сумы все расло и расло, и государственная казна далеко не получала у насъ всѣхъ своихъ доходовъ. Такъ, съ 1711 по 1718 г. вся тамбовская провинція ежегодно доставляла въ государственное казначейство окладныхъ и неокладныхъ сборовъ приблизительно только по 67 тысячъ рублей. Остальные десятки тысячъ быстро и ловко распредѣлялись по карманамъ лукавыхъ царскихъ слугъ... Вслѣдствіе этого канцелярскіе бѣдняки, получавшіе самое скудное жалованье или и вовсе не получавшіе, неожиданно богатѣли, становились крупными душевладѣльцами и такъ-сказать сплой вторгались въ ряды мѣстной родовитой аристократіи...

Къ сожалѣнію, такое безотрадное положеніе совершенно соотвѣтствовало иногда нравственному характеру и мѣстныхъ высшихъ властей. Непосредственнымъ начальникомъ шацкихъ и тамбовскихъ воеводъ съ 1711 по 1722 годъ былъ воронежскій вице-губернаторъ Степанъ Андреевичъ Колычевъ. Это былъ, повидимому, настоящій вельможа. Съ нимъ велъ дѣловую пере-

писку самъ Петръ, а свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ считался его другомъ и охотно пользовался его подарками. Между тѣмъ, въ 1722 году Колычевъ отданъ былъ за *лихоимство, за кражу и похищеніе казны* подъ судъ и вмѣстѣ съ колодниками привезенъ былъ, по царскому указу, въ сенатъ. Царь Петръ, какъ извѣстно, не любилъ шутить съ расхитителями государственнаго и народнаго добра. Такимъ образомъ Колычеву нечего было ждать себѣ пощады. Его начали водить на конюшенный дворъ въ застѣнокъ и подвергать пыткамъ и допросамъ. Пыткой распоряжался гвардіи маіоръ Салтыковъ. Петръ далъ ему такую собственноручную инструкцію: „дьякъ Ключаревъ явно говоритъ на Степана Колычева, того ради завтре обоихъ пытайте". Это было въ апрѣлѣ 1722 года. Допросы производились нерѣдко въ присутствіи самого царскаго величества... Прикосновенныхъ къ дѣлу оказалось множество. И была работа заплечнымъ мастерамъ великая... Подъ пыткой одинъ изъ сообщниковъ Колычева говорилъ:

— Колычевъ съ *посуловъ* богачъ, Колычевъ компанію водилъ съ свѣтлѣйшимъ Меншиковымъ, съ графомъ Апраксинымъ и съ князьями Долгорукими.

Послѣ цѣлаго ряда пытокъ, сознался въ винахъ своихъ и самъ Колычевъ.

— Виноватъ передъ Богомъ и царемъ, говорилъ онъ,—я передѣлывалъ казенныя расходныя книги для своего воровства и потѣмъ книгамъ укралъ съ 10.000 рублей, о чемъ и цѣловальники вѣдаютъ.

Степанъ Андреевичъ смягчилъ свое преступленіе. На самомъ дѣлѣ онъ похитилъ не 10.000, а гораздо больше. Вообще онъ распоряжался всѣми казенными вещами, какъ своими собственными, для себя и для друзей своихъ. Однажды, напримѣръ, онъ велѣлъ на казенный счетъ сдѣлать себѣ 10 каретъ и двое саней и въ то же время отправилъ въ свои деревни транспорты съ казеннымъ провіантомъ. О поступкѣ Колычева донесли въ Правительствующій Сенатъ дьякъ Чашниковъ и ландрихтеръ Григорьевъ.

„Изъ казенныхъ магазейновъ, писали они,—вице-губернаторъ бралъ на свои дѣла всякіе матеріалы, золото, серебро, краски, юфти, гвоздіи, мѣдную и оловянную посуду, стекло и желѣзо; и все то записывалъ въ государевы расходы и шесть лѣтъ государевыхъ казенныхъ мастеровъ держалъ при своихъ дѣлахъ на государевомъ жалованьѣ."

Особенно удачно Колычевъ наживался во время собиранія разныхъ государственныхъ сборовъ. Въ 1715—16 годахъ онъ собралъ лишнихъ денегъ, *противъ окладовъ*, 270.000 рублей. Такъ какъ населеніе нашихъ провинцій въ началѣ прошлаго столѣтія не отличалось многолюдствомъ, то Колычевъ ухитрился обложить *данью поголовно всѣхъ мѣстныхъ женщинъ*. Дѣятельнѣйшимъ пособникомъ его въ этомъ случаѣ былъ тамбовскій дьякъ Ключаревъ, котораго довольный вице-губернаторъ благодарилъ однажды за усердіе слѣдующимъ письмомъ.

„Благодарю твою любовь, что пріемлешь труды и тщаніе въ приказныхъ нуждахъ, за что̀ желаю тебѣ паки получить государеву милость, а отъ великаго адмирала (Апраксина) похваленіе.“

Не ограничиваясь обычными *лихоимственными поступками*, Колычевъ иногда прибѣгалъ къ открытому грабежу. При этомъ большинство его жертвъ молча сносили бѣду свою, не смѣя и помыслить о какой-нибудь борьбѣ съ сильнымъ вице-губернаторомъ, имѣвшимъ *знатныя связи* въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этой безнаказанности высокопоставленный и грубый провинціальный самодуръ дошелъ до совершенной беззастѣнчивости въ пріемахъ своего систематическаго обирательства края. Однажды онъ прибылъ съ многочисленною свитой къ нелюбимому имъ полковнику Лерекрестову и за угощеніе отблагодарилъ его самымъ наглымъ разбоемъ. У Лерекрестова согнали со двора всю скотину, впослѣдствіи очутившуюся въ Колычевскихъ вотчинахъ, и отняли все столовое серебро.

Сенатскій судъ нашелъ Колычева виновнымъ по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ. На его имѣнія наложенъ былъ секвестръ и казенные убытки немедленно были восполнены. Допрашивая государственнаго похитителя, самъ царь Петръ, тщетно боровшійся съ ненасытнымъ бюрократическимъ хищеніемъ, ясно видѣлъ, что въ данномъ случаѣ сильно замѣшаны были свѣтлѣйшій Меншиковъ и великій адмиралъ-графъ Апраксинъ.

Дѣло Колычевское тянулось два года. Въ 1724 году царь короновалъ свою вторую супругу Екатерину Алексѣевну. На радостяхъ суровый царь смиловался и надъ нашимъ воронежскимъ преступникомъ. Колычевъ отданъ былъ *на поруки для многолѣтняго государева здравія*...

Хорошъ былъ Колычевъ. Не хуже его, по своему, были и иные мелкіе чины, напримѣръ подъячіе... Много ихъ было у насъ такихъ, но особенно *прославились* трое темниковскихъ подъячихъ, братьевъ

Корольковыхъ. Дѣятельность ихъ безнаказанно производилась нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду. У братьевъ появились пространныя пашни и красивыя усадьбы, а въ *скрыняхъ* лежали у нихъ про запасъ *многія тысячи*...

Не разъ обиженные Корольковыми обыватели грозили имъ жалобами воеводѣ. На это *братья-разбойники* отвѣчали такъ: „воевода человѣкъ временной, а мы—вѣчные“, и снова налегали на крестьянъ и брали съ нихъ деньгами, харчевыми припасами, легтемъ, мѣхами, пчелами и всѣмъ...

Корольковыхъ потянули къ суду уже въ 1762 г., когда въ нашей провинціи дѣйствовала, по высочайшему повелѣнію, слѣдственная коммиссія капитана гвардіи Бахметева. Ихъ всѣхъ отрѣшили *отъ дѣлъ* и, кромѣ того, постановлено было описать и взять въ казну все ихъ имущество. Но имущества у нихъ *не оказалось*. Все было мастерски припрятано, а земля продана...

Очевидно это были *артисты* своего дѣла, отлично умѣвшіе *хоронить концы въ воду и изъ той воды выходить сухими*...

Не легко было отяжелѣвшимъ Тамбовцамъ *отъ приказныхъ людей*. Но еще тяжелѣе было имъ отъ разныхъ натуральныхъ земскихъ повинностей, причемъ многіе наши обыватели надолго отрывались отъ хозяйствъ и семействъ и своимъ *коштомъ* шли въ чужедальныя стороны на разныя изнурительныя работы. Такая земская *страда* была у насъ, между прочимъ, весной 1736 года. Въ это время требовались погонщики и работники *на украинную линію*. Быстро собрали ихъ со всѣхъ тамбовскихъ уѣздовъ съ лошадьми и съ инструментами къ работѣ: сошниками, косами, серпами, топорами. Всѣ эти *тяглецы*, вызванные на успленную и даровую работу, должны были запастись собственнымъ провіантомъ *на 6 мѣсяцевъ*. Въ назначенный срокъ тронулись въ путь-дорогу 2.300 телѣгъ съ провожатыми при каждой. Далеко-далеко провожали ихъ къ сборнымъ пунктамъ ближніе и дальніе родичи и горькаго плачу было не мало... Голосили тѣмъ болѣе, что работники—Тамбовцы *шли на войну въ Турецкую сторону*... Подобныя натуральныя земскія повинности бывали у насъ чуть не ежегодно. Въ нашихъ документахъ говорится о нихъ кратко и канцелярски просто, примѣрно такъ: „быть тебѣ (такому-то чиновнику или провинціальному солдату) при сборѣ рабочихъ людей съ селеній... стана и... уѣзда, и тѣ рабочіе люди должны быть съ своими топорами и желѣзными лопатами, съ непзно-

шенною одеждой и обувью и съ подможными на каждаго рабочаго 7-ю рублями"...

Нѣтъ худа безъ добра — говоритъ русская пословица. Такъ нужно сказать и про описываемое время. Въ старину семейные нравы были у насъ вообще чище и строже, и за нарушеніе ихъ святости карали не только законъ, но и само общество.

Въ половинѣ прошлаго вѣка въ гор. Темниковѣ былъ такой случай. Купецъ Иванъ Первовъ, неожиданно вернувшись изъ дальней поѣздки домой позднею ночью, поймалъ у себя въ горницѣ *невѣдомаго молодаго человѣка*. То былъ гость жены Первова, Марьи. Смущенный хозяйскимъ пріѣздомъ, темниковскій *птиметръ* бросился въ сѣни, но здѣсь былъ схваченъ сосѣдями Первова, которые связали ему назадъ руки и бросили его въ изъяное подполье. Узникъ оказался темниковскимъ купцомъ Любимовымъ. Стали судить это дѣло всѣмъ темниковскимъ міромъ и *на міру* приговорили: „оному Любимову, за показанное его дѣло, при собраніи всего темниковскаго купечества, учинить наказаніе плетьми, дабы другимъ такъ дѣлать было неповадно, и по учиненіи онаго наказанія отдать его на поруки... А показанную Марью *сыскивать* и за то ея дѣло учинить наказаніе—въ присутствіи купеческихъ женъ бить плетьми и по учиненіи онаго наказанія отдать ее показанному мужу съ росписью".

Несмотря на разныя суровыя мѣропріятія правительства въ половинѣ прошлаго вѣка, вызванныя самымъ бытомъ населенія, понятія о законности были у насъ въ массѣ населенія самыя шаткія. Это видно изъ указа воронежскаго губернатора Лачинова Шацкой провинціальной канцеляріи. Дѣло въ томъ. Въ 1765 году подпоручикъ Богдановъ *измѣрялъ Шацкія земли и дикія лѣса*. Уѣзднымъ обывателямъ это не понравилось и вотъ многіе шацкіе владѣльцы, вмѣсто разрѣшенія своихъ недоумѣній законнымъ порядкомъ, *учинили съ Богдановымъ споръ и во измѣреніи остановку*. Служитель помѣщика Можарова, *ухватя Богданова за груди, съ смежи спихнулъ, а оный Можаровъ вырвалъ у солдата мѣрительную цѣпь и бросилъ ее назадъ*... Остальные солдаты и крестьянскіе *отводчики* были сбиты съ ногъ, схвачены и отправлены въ село Путятино, гдѣ ихъ били *смертными побоями* и содержали *въ заклепанныхъ кандалахъ*. Такимъ образомъ подпоручикъ Богдановъ своего служебнаго долга исполнить не могъ. *Дикихъ лѣсовъ и земель* онъ не измѣрилъ. *Измѣрили* за него крестьяне разныхъ вотчинъ Шацкаго уѣзда. *Собравшись во множественномъ*

числѣ съ дубьемъ и кольями, они сами себѣ *отводъ учинили*. Впослѣдствіи главные виновники указаннаго инцидента были, конечно, наказаны. Ихъ посадили въ Шацкую острожную избу, гдѣ и промаялись они, по собственной винѣ, нѣсколько лѣтъ. А житье ихъ въ этой избѣ было не легкое: потолки и крыши въ острогѣ были крайне ветхи, въ двухъ флигеляхъ и вовсе не было крышъ, и отъ того *бывала весьма превеликая моча и течь и отъ той мокроты и течи колодники претерпѣвали крайнюю нужду*...

Шаткость сознанія законности выражалась у насъ, между прочимъ, въ грубомъ произволѣ мелкихъ сельскихъ властей... Въ началѣ Екатерининскаго царствованія въ Шацкой татарской деревнѣ Теняшевкѣ проживалъ *сотникъ Смаилъ Милушевъ*. Ему захотѣлось прихватить къ своей землѣ половину пашни крестьянки Гуль-Салтанъ Девлеткильдѣевой и онъ, *ничтоже сумняся*, привелъ мужа ея на съѣзжій дворъ, *превеликою палкою тирански билъ его изъ своихъ рукъ*, заковалъ его въ кандалы и *морилъ гладомъ*... Не довольствуясь этимъ, онъ и крестьянку Гуль-Салтанъ на 10 недѣль посадилъ въ кандалы и *билъ смертно*...

Странны были также и чуждые законности *порядки* былаго мѣстнаго общежитія, которые наблюдались нами по документамъ не рѣдко. Вотъ для примѣра фактъ. Однажды князь Девлеткильдѣевъ созвалъ къ себѣ гостей. На пирушку приглашены были, между прочими гостями, маіоръ Борисовъ и подпоручикъ Макуловъ. Къ концу пира они поссорились. Тогда Макуловъ *вшедъ въ пьяномъ своемъ обычаѣ въ великій озартъ*, отправился домой, собралъ 20 человѣкъ дворни и *нарядными дѣломъ* сталъ громить усадьбу Борисова. Въ это время Борисовъ былъ уже дома и только потому не былъ убитъ, что его спасли крестьяне *укрывательствомъ*...

Въ то же время (это было въ 1772 году) изъ деревни Резповки однажды отправился свадебный поѣздъ въ сельскую церковь, но подъ деревней Ивановкой *на поѣзжанъ напали невѣдомые люди, и, связавъ, увезли невѣдомо куда*...

Мѣстные отжившіе буяны въ описываемое время доходили до того, что грозили *разбросать по бревну Саровскую пустынь*. Бывало и такъ: однажды крестьянинъ Бошаевъ былъ съ семействомъ на покосѣ. Вернувшись вечеромъ домой, онъ увидѣлъ, что *все хоромное строеніе его разбросано до основанія, бревна и крыша*

разметаны врозь, двери переколоты и весь скарбъ ограбленъ... Такъ *пошутили* какіе-то *невѣдомые люди...*

Мѣстному начальству иногда удавалось захватывать преступниковъ на мѣстѣ преступленія. Такой случай былъ въ гор. Темниковѣ, въ базарный день. На этотъ разъ буяномъ оказался дьяконъ Семенъ Большой и его братъ церковникъ Семенъ. Поссорившись съ крестьяниномъ села Кондоровки Петровымъ, они немедленно, на виду у всего базара, отняли у него *рыжаго мерина*, цѣною въ 9 р., а самого били *дубьемъ*, проломили ему голову и, *поваля на землю, таскали за волосы и топтунами топтали немилостиво.* Къ счастью, дневныхъ разбойниковъ арестовали и препроводили, куда слѣдуетъ...

Хорошъ былъ въ описываемое время и шацкій повѣренный питейныхъ сборовъ Елистратовъ. Вотъ что онъ однажды совершилъ. Въ глубокую зимнюю ночь, когда въ домѣ помѣщика Лопатина всѣ спали, старые и малые, онъ съ 15-ю цѣловальниками подкатилъ къ Лопатинской усадьбѣ для ревизіи. Вся эта *орава* перелѣзла черезъ заборъ на дворъ, опустошила домашнюю винокурню, избила дворовую прислугу и ринулась въ самый домъ. Тутъ-то и началось побоище. Въ дверяхъ дома ораву встрѣтилъ самъ хозяинъ, котораго сейчасъ же сбили съ ногъ, проломили ему голову *до мозга и немалое число волосъ выдрали.* 7-лѣтнюю дочь Лопатина, съ крикомъ бросившуюся къ отцу, Елистратовъ, *схвативъ*, ударилъ объ полъ, *отчего она только часа черезъ два въ памятство пришла...* Затѣмъ началось разграбленіе имущества. Въ это время вся семья Лопатина отъ страха была *едва жива...*

Вскорѣ послѣ этого началась пугачевщина. Подонки тогдашняго мѣстнаго люда нашли временной пріютъ свой въ разныхъ атаманскихъ шайкахъ и *намотовались вволю.* Но пришелъ часъ воли Божіей, пощадившій Русскую землю. Уняли разбойниковъ и началась правительственная расправа *коемуждо по дѣломъ его...* Въ эту *бѣду* попали не одни крестьяне и дворовые, а также и купцы и даже священники, или уходившіе въ шайки, или встрѣчавшіе атамановъ мнимаго царя съ крестомъ и колокольнымъ звономъ. Долго потомъ по нашимъ городамъ и селамъ разъѣзжали *заплечные мастера* для вырыванія ноздрей, рѣзанія ушей и нещаднаго сѣченія. А по большимъ дорогамъ стояли *глаголи, колеса* и висѣлицы съ повѣшенными трупами бунтовщиковъ...

Мѣстные нравы и послѣ пугачевщины, въ которой выразилась вся былая разнузданность и дикость Тамбовскаго населенія, не

вдругъ приняли должное направленіе. Въ 1778 году былъ, между прочимъ, такой случай. Секундъ-маіоръ Глотовъ, имѣвшій неудачное тяжебное дѣло въ Шацкой провинціальной канцеляріи, безъ доклада ворвался въ провинціальную судейскую камору съ палкой, *на подобіе превеликой клюки*, и будучи *въ немаломъ шумствѣ* началъ кричать:

— Долго ли мнѣ ждать по моему дѣлу опредѣленія и читать беззаконныя резолюціи?

Члены провинціальной каморы начали его успокоивать и урезонивать. Но Глотовъ не унимался и продолжалъ бушевать, грозно постукивая своею *превеликою палкой*.

— Протоколистъ! шумѣлъ онъ на всю камору, — запиши въ журналъ, что я здѣшнею канцеляріею недоволенъ.

Тогда воевода Лопатинъ приказалъ сторожу отворить двери и попросилъ Глотова выдти вонъ.

Съ немалымъ упорствомъ и огурствомъ Глотовъ вышелъ въ подъяческую и началъ *умножать тамъ свой озартный крикъ съ превеликимъ поношеніемъ воеводѣ*...

Лопатинъ приказалъ *сержанту* вывесть его на улицу. И какъ *означенный сержантъ хотѣлъ за него приняться*, то онъ, Глотовъ, ударилъ его палкой и сказалъ: „пусть самъ воевода выведетъ меня, а другихъ всѣхъ перебью“.

Произошло смятеніе. Судьи разошлись по домамъ. Глотова кое-какъ успѣли арестовать въ каморѣ...

О происшествіи дано было знать воронежскому губернатору Потапову, который и прислалъ въ Шацкъ слѣдующую резолюцію: „Шацкой канцеляріи предписать, дабы она съ маіоромъ Глотовымъ за *неучтивый* поступокъ поступила по содержанію 1724 г. генваря 21 дня указу, а при томъ подтвердить и впредь въ таковыхъ дѣлахъ, не представляя о семъ, такожъ чинить“...

Въ описываемое время очень часто совершались у насъ убійства. Но и кара за нихъ была изысканная. Убійцъ привязывали или приковывали къ ногамъ труповъ ихъ жертвъ и такъ держали во все время продолжительныхъ слѣдствій... Многія убійства поражаютъ отсутствіемъ какихъ-либо серьезныхъ мотивовъ. Иные наши отжившіе обыватели собирались, напримѣръ, на пирушки, особенно во время праздниковъ, перепивались въ *дрызгъ*, ссорились и съ ножами лѣзли другъ на друга... А послѣ оправдывались: „умыслу къ убійству никакого не бывало у насъ, и какъ то случилось—не вѣдаемъ“. Но ихъ по обычаямъ былыхъ

временъ, все-таки, приводили *въ застѣнокъ*, поднимали *на стряску* и пытали, пытали *вдрупорядь и многажды*...

Несмотря на мѣстныя бытовыя несовершенства, колонизаторская работа шла у насъ безпрерывно. Возникали села и деревни. Шли къ намъ, въ наши пустыри, разные сходцы... Такъ образовалось и извѣстное село Разсказово, представляющее въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ Тамбовской губерніи.

Основателемъ *новоселидебной дворцовой деревни—Лѣснаго Тамбова, Разсказова тожь*, былъ моршанскій крестьянинъ *Степанъ Разсказъ съ товарищи*. Это былъ человѣкъ въ высшей степени практичный, умный и ловкій. Не довольствуясь своимъ крестьянскимъ тягломъ, онъ сумѣлъ обзавестись, за тамбовскими валовыми крѣпостями, въ дикой Тамбовской степи и въ Кирдянскомъ лѣсномъ ухожьѣ, близь гор. Тамбова, бортными ухожьями, урочищами и *порожжими* землями. Со времени этой земли и разныхъ угодій стало такъ много, что Степанъ Разсказъ кликнулъ кличъ на своей родинѣ и позвалъ на новыя мѣста, съ которыми одинъ не могъ справиться, охочихъ переселенцевъ: *отъ отцовъ дѣтей, и отъ братьевъ и дядьевъ племянниковъ*... Дѣти и племянники изъ селъ Моршп и Куликова живо собрались въ путь дорогу и пришли къ Степану. И начали дворами селиться, дворъ ко двору и гумно къ гумну, и пашню пахать и сѣно косить въ тѣхъ Разсказовскихъ урочищахъ *вопче*. На 5 лѣтъ имъ дана была податная льгота и они живо и порядливо устроились. Это было въ 1698 году. Степанъ Разсказъ скоро умеръ, но его товарищи были хорошо *налажены* и умнаго и прибыльнаго дѣла не бросали. Въ 1704 году село Разсказово было уже зажиточное, достаточно населенное, исправно платившее въ казну всякіе денежные доходы и *посопной* стрѣлецкій хлѣбъ, и всякія *задѣлья* дѣлавшее *сполна*. Вскорѣ и церковь въ этомъ селѣ явилась—строенье приходскихъ людей, *древяная—клецки*...

Постепенно возрастая, Разсказово еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка сдѣлалось выдающимся пунктомъ мѣстной сельскохозяйственной промышленности. Въ немъ появились винокурни и мельницы. Въ окрестныхъ Разсказовскихъ лѣсахъ *валили* хоромное, издѣльное и дровяное дерево. На Разсказовскихъ поляхъ начали обрабатывать, кромѣ обычныхъ *хлѣбовъ*, ленъ и коноплю. Скоро начали строить въ Разсказовѣ и суконныя фабрики, которыми это богатое село славится и теперь.

Въ XVII вѣкѣ нашъ край, вообще, оживленъ былъ успленною колонизаціей. Нашихъ переселенцевъ, приходившихъ къ намъ *нарядным дѣломъ* или *вольною-волей*, манили къ себѣ мѣстныя угодья, щедро раздаваемыя царями. Такъ, около половины XVII вѣка окончательно заселилось село Бойкино, близъ Тамбова. Въ этомъ селѣ поселилось сразу 60 человѣкъ полковыхъ казаковъ съ семействами и 73 семейныхъ солдатъ. Къ хозяевамъ немедленно же присоединились *половинщики*, *захребетники*, *бобыли и недоросли съ дѣтьми и братьями*, *племянниками*, *зятьями и шурьями и пр.*

Всѣмъ *хозяевамъ*, по царскому указу, дано было или по 25 четвертей въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по 50 копенъ (казакамъ), или по 12 четвертей и по 25 копенъ сѣна (солдатамъ). Если присоединить къ этимъ угодьямъ право Бойкинскихъ обывателей на въѣздъ въ Ценскій лѣсъ для рубки *хоромнаго и дровянаго лѣсу*, то получится картина совершенно удовлетворительнаго сельскаго быта Бойкинскихъ обывателей XVII вѣка. Бойкинская зажиточность выражалась, между прочимъ, въ томъ, что уже въ 1678 году село имѣло свою старую церковь, о которой въ писцовыхъ книгахъ князя В. В. Крапоткина написано такъ:

„Село Бойкино на рѣкѣ Цнѣ. А въ немъ церковь великаго Чудотворца Николая сдѣлана Клецки, на взмостѣ... А въ церкви всякое строенье... иконы... Дейсусъ... сѣни и столбцы... Предъ мѣстными иконами двѣ свѣчи писаны красками древняя... Сосуды древяные... Покровы полотняные... Ризы, стихари и патрахили выбойчатые... Да книгъ полный кругъ... Два колокола разбитыхъ...“

Послѣднее указаніе ясно характеризуетъ нашъ безпокойный бытъ XVII вѣка, когда безпрерывныя татарскія тревоги, иногда *до 200 разъ въ годъ*, заставляли обывателей успленно *бить въ сполохъ*...

Бросали тогда наши земско-воинскіе поселенцы свои хозяйственныя хлопоты, свои сельско-хозяйственныя орудія, вооружались *на-спѣхъ*, чѣмъ Богъ послалъ: и пищалями, и рогатинами, и шли въ поле на волю Божію... Унималась татарская или иная тревога. Собирались семьи и хозяйства. Проходило нѣсколько мирныхъ дней и наши поселенцы, мирнымъ обычаемъ, уходили *по тамбовскимъ крѣпостямъ по валу*, на очередную сторожевую службу. *А между дѣлъ* занимались *медвянымъ*, *торговымъ*, *вино-*

куреннымъ и хлѣбнымъ дѣломъ... И былъ бы имъ великій прибытокъ отъ этого дѣла, еслибы не постоянная украинская смута, и не произволъ ларешныхъ головъ, цѣловальниковъ и иныхъ приставовъ...

Несмотря на мѣстное усиленное колонизаторское движеніе, весь Тамбовскій край въ XVII вѣкѣ все-таки сравнительно *пустовалъ* и былъ населенъ очень слабо. Наши города и села, устроенные большею частію по рѣкамъ, стояли другъ отъ друга на дальнихъ разстояніяхъ, раздѣляемые дикими лѣсами и *порозжими* степями. Тѣ лѣса и степи были не нынѣшіе: степямъ конца и мѣры не было, а лѣса были такіе, что въ нихъ, какъ сказано выше, удобно и обильно водились соболи, бобры, лоси, лисицы и всякій иной звѣрь... А въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ захолустьяхъ у насъ водились еще дикіе туры-зубры, и нѣкоторыя лѣсныя урочища такъ и назывались: *туровскіе лѣса*... Глушь въ этихъ урочищахъ была такая, что невольно наводила оторопь и суевѣрный страхъ на нашихъ бортниковъ и звѣролововъ. Вотъ почему мѣстныя урочища назывались у насъ иногда *лѣшими липягами*. Но иные наши колонизаторы были выше суевѣрнаго страха и храбро селились въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, особенно монахи. Наскоро сколотивъ собственными руками изъ вольнаго хоромнаго лѣсу церковь и кельи, монахи немедленно все это обводили высокими бревенчатыми стѣнами и принимались хозяйничать и *укрѣплять* за собою *новоселитьбенныя земли*. И надобно сказать, дѣла ихъ шли у насъ большею частію удачно. Быстро возникали мѣстныя монастырскія пашни и сѣнокосы, мельницы, лѣсопильни и скотные дворы. Образцовые хозяева-монахи старцы сразу привлекали къ себѣ общее вниманіе и дѣлали свои пустыни центромъ окрестной жизни въ религіозномъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи. Такъ въ 1668 году возникъ у насъ Темниковскій Санаксарскій монастырь, основанный по благословенію и по грамотѣ патріарха Всероссійскаго Іосафа, *за приписью дьяка Перфилья Синельникова*. Монастырь *(во имя Пресвятыя Богородицы Владимірскія)* построенъ былъ въ глухомъ лѣсу, *на Санаксарскомъ перевозѣ, подлѣ Санаксарской заводи и Палкинскаго истоку*, и его старцы и трудники сразу же принялись расчищать лѣсныя заросли на пашню и сѣнные покосы. Скоро у монастыря явился усердный и зажиточный вкладчикъ—*Темниковскіе приказные избы подячей Лука Евсюковъ*, почитатель перваго

санаксарскаго игумена Ѳеодосія, и монастырское хозяйство пошло бойче и шире. Образовалось лѣсное хозяйство. Обмежеваны были рыбныя ловли и всякія угодья. Санаксарскій монастырь зажилъ на славу. Но тутъ явились у него завистники недоброжелатели, и въ 1688 году *учали владѣть монастырскими сѣнными покосы и расчитями*. Особено донимали Санаксарцевъ темниковскіе посадскіе люди: *Игнатей съ братомъ, да Зотъ Елфимовъ, да Иванъ Стрегулинъ, да пушкарь Семенъ Зотовъ съ товарищи*... Все монастырское сѣно они съ похвальбою покосили и перевезли къ себѣ *безъ остатку, хотя монастырю разореніе и разгонъ и пустоту учинить, и всякую монастырскую скотину поморить*... „И намъ, старцамъ, жаловались санаксарскіе монахи,— отъ тѣхъ посадскихъ людей жить въ монастырѣ стало опасно, ночною порой и въ дневное время и гдѣ приключится бьютъ насъ и увѣчатъ и дѣлаютъ всякое дурно, а старца Гурья срубили и не розыскано про то старцево убойство и по се число“... Для Санаксари наступило такое тяжелое время, что строитель Трифонъ и попъ Исакій *сошли во иные монастыри*. Монастырское хозяйство разстроилось. *Многая скотина померла*... Тутъ-то и вступился за монастырь вкладчикъ Лука Евсюковъ и сумѣлъ отстоять правое монастырское дѣло, несмотря на разныя *прицыпки* темниковскихъ приказныхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые были таковы (напримѣръ, стрѣлецкій сотникъ Иванъ Тимоѳеевъ), что̀ изъ служебныхъ выгодъ, примаравливаясь къ вѣяніямъ конца XVII вѣка, думали представить изъ себя образованныхъ иностранцевъ и лѣзли въ Нѣмцы и сочиняли себѣ ложныя иностранныя родословія...

Къ началу XVIII вѣка Санаксарскій монастырь въ своихъ имущественныхъ правахъ утвердился. *Церкви Божіи были въ немъ со всякимъ церковнымъ строеньемъ. На торговыхъ площадяхъ*, вокругъ монастыря, въ торговые дни устраивались *лавки и полки и кузницы и шалаши и кружечные и гостиные дворы и амбары*. Монастырь настолько оправился, что въ немъ появились житные и скотные дворы и воловни, и *иные всякіе заводы*. Особенно много было у Санаксарскаго монастыря лѣсу. Санаксарскій лѣсъ былъ еще дѣвственный: онъ былъ и съ *бобровыми гоны, съ лисицею и куницею, и съ стоячимъ деревомъ и съ лежачею колодою и съ сычемъ и ястребцовымъ гнѣздомъ, и съ рябчиковыми полянами и журавлевыми болотами и съ бортями*, собственными и суде-

ревными... Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось и колонизаторское значеніе Санаксарской обители. Многіе Татары и Мордва стали *креститься* и дѣлать въ Санаксарь вклады. Недалеко отъ монастыря появились христіанскія деревни-починки... Такъ постепенно подготовлялась церковная реформа въ нашемъ разноплеменномъ краѣ, выразившаяся въ присоединеніи къ православію Татаръ и Мордвы, совершившемся при Петрѣ I и, окончательно, при его дочери императрицѣ Елисаветѣ...

И. Дубасовъ.

Тамбовъ,
31 марта 1892.

РОЗА ЦЕТИНЬИ.

Романъ Е. Вальдъ-Зедвица.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

IV.

Былъ жаркій полдень, солнце пекло невыносимо, мулы Аѳины и старухи шли рядомъ по каменистой дорогѣ. Радостное выраженіе давно сбѣжало съ лица дѣвушки; ея ясные глаза словно заволокло какое-то облако; время отъ времени она бросала недовольные взгляды на Наталью, которая сидѣла въ своемъ сѣдлѣ, безучастная ко всему окружавшему ее. Онѣ ѣхали молча, хотя каждую минуту съ устъ Аѳины готовъ былъ сорваться горячій вопросъ; но она сдерживала себя, хорошо зная, что отъ Натальи трудно чего-либо добиться, если она заупрямится.

Онѣ поднимались все выше и выше; напрасно прислушивались онѣ къ звукамъ колокольчиковъ коровъ. Вотъ и мѣсто, гдѣ онѣ должны были пастись; здѣсь была самая густая трава, правда, еще очень невысокая, но роскошная въ сравненіи съ другими пастбищами, гдѣ почва суха и камениста.

Старуха тяжело поднялась въ сѣдлѣ, пристально вглядываясь вдаль, Аѳина сдѣлала то же, но какъ онѣ ни смотрѣли, коровъ нигдѣ не было видно.

— Не взобрались ли онѣ еще выше? сказала Наталья; это было первое слово, сказанное ею послѣ встрѣчи съ Михапломъ.

— Что имъ тамъ дѣлать? отвѣчала Аѳина,—тамъ ничего не-найдетъ для себя не только скотъ, но даже волкъ или шакалъ.

Онѣ поѣхали дальше отыскивать стадо, но нигдѣ не было слышно ни мычанія коровъ, ни звука колокольчиковъ.

Вдругъ откуда-то выскочилъ подпасокъ и съ громкимъ плачемъ сообщилъ имъ, что сегодня еще до восхода солнца сюда нагрянула цѣлая ватага черныхъ мужчинъ и женщинъ и угнала стада. Наталья разразилась страшными проклятіями, призывая самыя ужасныя бѣды на головы воровъ, и стала торопить Аѳину вернуться назадъ, чтобы поднять всю родню на преслѣдованіе бездѣльниковъ. Она сама слѣзла съ сѣдла, ползая по землѣ, разсматривала каждый слѣдъ, и вскорѣ указала направленіе, въ которомъ скрылись грабители.

Невыразимою гордостью освѣтилось ея лицо. Не даромъ участвовала она въ качествѣ искательницы слѣдовъ во многихъ сраженіяхъ ея роднаго народа съ Турками. Напослѣдокъ она немилосердно отколотила мальчика кулаками и кнутомъ за то, что онъ тотчасъ не прибѣжалъ домой сказать о случившемся; не вмѣшайся Аѳина, она избила бы мальчика до смерти, такъ какъ допросы судьи ее мало заботили, а собственная совѣсть не упрекала ее никогда.

Онѣ поѣхали обратно, мальчикъ нѣкоторое время слѣдовалъ за ними. Но понемногу отставая отъ нихъ, онъ наконецъ совсѣмъ исчезъ въ разщелинѣ скалы, и одинъ только Богъ знаетъ, не былъ ли онъ самъ сообщникомъ разбойниковъ и бандитовъ.

Въ Черногоріи не требуютъ ни паспорта, ни аттестата при наймѣ въ услуженіе.

Вершина была достигнута; горные хребты, громоздившіеся по обѣ стороны дороги, остались позади; внизу на каменистой площадкѣ возвышалась Цетинья, скромная столица Черногоріи. Направо поднимается Ловчинъ,—высочайшая изъ Черныхъ Горъ; на одномъ изъ ея уступовъ находится небольшая часовня, воздвигнутая на могилѣ предшественника князя Данилы, владыки, извѣстнаго подъ именемъ Петра II, изъ рода Маккабаеровъ и Петровичей; эта часовня стала со временемъ мѣстомъ молитвы, куда въ извѣстные знаменательные дни ходили черногорскія красавицы молиться предъ образомъ Богоматери объ исполненіи своихъ сокровеннѣйшихъ желаній; Аѳина, по просьбѣ своего возлюбленнаго, должна была какъ разъ сегодня вечеромъ отнести Пресвятой Дѣвѣ вѣнокъ и свѣчку: но она еще колебалась.

Дорога шла мимо дурно обработаннаго каменистаго поля, или скорѣе мимо пустыря; плугъ едва прошелъ по немъ, зерна были брошены кой-какъ, а остальное предоставлялось матери-природѣ. У колодца стояли женщины и черпали воду, и Наталья поспѣшила имъ разсказать о случившемся грабежѣ. Страшныя проклятія съ призываніемъ именъ всѣхъ святыхъ посылались на главы разбойниковъ. Вдали виднѣлись крѣпостныя постройки: арсеналъ, пороховая фабрика и пулелитейный заводъ, а позади длинный освѣщенный солнцемъ рядъ домовъ, составляющихъ центръ города. Среди нихъ выдавался дворецъ князя, со множествомъ угловыхъ башенъ, окруженный стѣной; выше на скалѣ былъ виденъ столь извѣстный монастырь Цетинье, а выше извилистая тропинка вела къ мрачной башнѣ — Кула, рухнувшія стѣны которой еще такъ недавно живописно висѣли надъ бездной. Ни одна башня въ мірѣ не могла бы болѣе гордиться своею красотой: она помогла ей обрушиться на головы дерзкихъ враговъ.

Все, что̀ создалъ здѣсь человѣкъ, ничтожно по своимъ размѣрамъ; даже дворецъ князя не заявляетъ о своемъ назначеніи. Но природа имѣетъ здѣсь то преимущество, что она прекрасна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Скалы подобны мощнымъ пирамидамъ и люди въ сравненіи съ ними кажутся пигмеями.

Всадницы остановились передъ двухъэтажнымъ домомъ, окруженнымъ заборомъ; дворъ былъ вымощенъ, налѣво была дверь въ стойла, направо въ просторную комнату, служившую въ то же время и кухней. Эта была очень низкая комната, большую часть которой занималъ открытый очагъ; на очагѣ былъ разведенъ огонь, надъ которымъ висѣлъ котелъ, распространявшій пріятный запахъ кушанья. По стѣнамъ шли лавки, покрытыя овчинами и турецкими коврами; стѣны были увѣшаны богатымъ оружіемъ, добытымъ въ честномъ бою предками, которыхъ окружаютъ здѣсь большимъ почетомъ, почти ореоломъ святости; здѣсь же висѣло оружіе теперешняго владѣльца дома.

Среди комнаты, прислонясь къ большому дубовому столу, стоитъ хозяинъ дома воевода Аязитаосъ Пресаевичъ. Онъ самъ похожъ на крѣпкій дубъ и носитъ національное платье Черногорца, такое же, какъ и Михаилъ, но болѣе темныхъ цвѣтовъ, предпочитая темно-синій или коричневый. За то оно богаче украшено галунами и пуговицами, соотвѣтственно высокому званію воеводы; такъ почти вся капа зашита золотомъ. Женщины входятъ и

отвѣшиваютъ ему глубокіе поклоны. Аонна цѣлуетъ его правую руку, Наталья лѣвую. Онъ милостиво допускаетъ ихъ къ рукѣ, послѣ чего легкимъ наклоненіемъ головы даетъ имъ знать, что онѣ могутъ удалиться. На минуту его взоръ съ гордостью останавливается на Аоннѣ, но, какъ бы устыдясь этой отцовской слабости, онъ тотчасъ же отвертывается отъ нея, и снова глаза его принимаютъ безстрастное холодное выраженіе. Наталья опускается предъ нимъ на колѣни и, въ отчаяніи ломая руки, разсказываетъ ему о случившемся. Кровавыя жилы вздуваются на вискахъ воеводы, глаза его мечутъ искры, и онъ въ дикомъ гнѣвѣ кусаетъ свои длинные сѣдые усы.

— Господинъ, твоя раба не виновата, не гнѣвайся на нее, Аязитаосъ Пресаевичъ... Голубка, свѣтъ очей моихъ, разскажи твоему отцу и повелителю, какъ это произошло... По слѣдамъ, оставленнымъ разбойниками и скотомъ, это бандиты изъ Доброты угнали стада.

Наталья громко выкрикиваетъ свою рѣчь, между тѣмъ какъ слезы катятся по ея намалеваннымъ щекамъ, смывая румяна, бѣлила и краску съ бровей, и тѣмъ увеличивая ея и безъ того безобразный видъ.

— Не вой, мѣдянка, или я разможжу тебѣ твою безмозглую башку. Я сумѣю добраться до господъ изъ Доброты. Терпѣніе, Аязитаосъ Пресаевичъ, дадимъ имъ успокоиться, а тамъ я какъ снѣгъ упаду имъ на голову.

Эти послѣднія слова воевода произнесъ какъ бы въ забытьи, задумчиво шагая взадъ и впередъ по комнатѣ и совершенно забывъ о присутствіи обѣихъ женщинъ. Только натолкнувшись на Наталью, онъ вспомнилъ о ней и сильнымъ толчкомъ, какъ паршивую собаку, вышвырнулъ ее за дверь.

Заграничная почта привезла воеводѣ письмо изъ Парижа, адресъ на которомъ былъ написанъ рукой сына его Іесто. Воевода былъ не грамотенъ и потому отправился къ священнику Скатиміру, прося его прочесть письмо.

Твой сынъ скоро пріѣдетъ, сказалъ священникъ,—онъ выѣзжаетъ изъ Парижа, на пути посѣтитъ друзей и знакомыхъ и черезъ нѣсколько недѣль будетъ здѣсь. Постой Аязитаосъ Пресаевичъ, мы вмѣстѣ пойдемъ въ судъ.

Они вышли на улицу и направились къ ближайшей площади. Чѣмъ ближе подходили они, тѣмъ больше становилась толпа, собравшаяся здѣсь. Она образовала кругъ, внутри котораго

стояли два молодые Черногорца; одинъ изъ нихъ по закону кровавой мести убилъ брата другаго, но оба семейства пришли къ соглашенію положить конецъ враждѣ, продолжавшейся уже пятьдесятъ лѣтъ. Убійца сталъ на колѣна передъ братомъ убитаго, а этотъ послѣдній поднялъ его со словами:

— Богъ проститъ тебя!

Церемонія кончилась, народъ ликовалъ и пѣлъ, стрѣляли изъ пистолетовъ и ружій, а знатные жители Цетинье собрались на пиршество, устроенное на счетъ убійцы.

Наталья и Аѳина также вмѣшались въ толпу любопытныхъ.

— Не есть ли это хорошее предзнаменованіе? спросила съ радостнымъ трепетомъ молодая дѣвушка старуху,—нынче, въ день монхъ именинъ, два знатные рода заключили между собою миръ. Говоря это, она бросила нѣжный взглядъ на Михаила, стоявшаго среди свидѣтелей.

Наталья въ это время издали метала на кого-то молніеносные взгляды и казалось вовсе не замѣчала его присутствія. Михаилъ невольно послѣдовалъ по направленію ея взора и увидѣлъ своего отца Данилу-Михаила Старовочевича, который, угрюмо сдвинувъ брови, упрямо выдерживалъ грозные взгляды старухи.

Но вотъ онъ какъ будто смутился; его взглядъ сдѣлался неувѣреннымъ, губы, казалось, произнесли неслышныя проклятія, наконецъ онъ отвернулся и исчезъ въ толпѣ. Михаилу пришли на память слова, сказанныя сегодня утромъ старухой, и онъ конечно спросилъ бы отца, что́ все это значитъ, еслибы заранѣе не былъ увѣренъ, что отвѣта на свой вопросъ все равно не получитъ. Обѣдъ былъ въ разгарѣ, женщины покорно прислуживали мужчинамъ, крѣпкое себеникское вино лилось потоками.

Михаилу не сидѣлось на мѣстѣ; надѣясь, что Аѳина пойдетъ въ часовню помолиться Богоматери и снести ей цвѣты, онъ незамѣтно ускользнулъ съ пира. Аѳина гуляла по саду, скорѣе по небольшому пустырю, гдѣ она старательно насадила разные цвѣты. Она сплела вѣнокъ изъ золотистыхъ анемоновъ, красныхъ тюльпановъ и бѣлыхъ цвѣтовъ черешни, потомъ отворила калитку и пошла по дорогѣ, ведущей въ часовню.

Тихо вставалъ мѣсяцъ изъ-за Черныхъ Горъ, обливая ихъ своимъ серебрянымъ свѣтомъ. Вдругъ она услышала за собою мужскіе шаги и невольно схватилась за кинжалъ; это вѣрно кто-нибудь ушелъ съ пиршки и при свѣтѣ мѣсяца карауллилъ ее. Она была дѣвушкой не прощающею даже малѣйшей обиды. Гордо выпря-

мившись, она остановилась, длинная тѣнь ея легла на свѣтлыя скалы, но желая показать, что страхъ чуждъ ея сердцу, она полнымъ голосомъ громко запѣла:—„Когда зацвѣтутъ розы, когда зацвѣтутъ розы!“

— Когда зацвѣтутъ розы! неожиданно прозвучалъ отвѣтъ, и Михаплъ выскочилъ изъ-за оливъ и, подавая ей букетъ дикихъ розъ, нарванныхъ имъ дорогой, горячо обнялъ ее. Не раннимъ утромъ и не въ полдень получила она этотъ букетъ, а только теперь при свѣтѣ мѣсяца. Рука объ руку пошли они дальше. Въ часовнѣ Богоматери теплилась неугасимая лампада; они вошли, украсили Дѣву и Младенца-Іисуса свѣжими цвѣтами, и вмѣстѣ горячо помолились. Цетинья покоилась въ ночной тишинѣ, мѣсяцъ заливалъ землю своимъ блѣднымъ сіяніемъ; можно было различить каждую кровлю, каждое дерево, и Аѳина боялась, какъ бы чей-нибудь непрошенный взоръ не увидѣлъ ее здѣсь наединѣ съ Михаиломъ.

— Ступай, Михаплъ! настаивала она,—если насъ здѣсь увидятъ...

Михаплъ нѣжно взглянулъ на нее.

— Какъ могу я оставить тебя одну пройти мимо мрачной Кулы; ты знаешь, тамъ нечисто.

Онъ подразумѣвалъ башню, рѣзко выдѣлявшуюся на небѣ и при свѣтѣ мѣсяца имѣвшую необыкновенно мрачный видъ. Аѳина разсмѣялась.

Черногорская дѣвушка не боялась ни живыхъ, ни мертвыхъ. Въ этомъ заключалась огромная разница между нею и ея возлюбленнымъ, который не сробѣлъ бы предъ цѣлымъ отрядомъ вооруженныхъ враговъ, но котораго охватывалъ неодолимый ужасъ отъ всего сверхестественнаго.

Наталья зло обрадовалась, увидѣвъ отца Михаила и замѣтивъ, что онъ, не будучи въ состояніи выдержать ея взглядовъ, обратился въ бѣгство.

Пользуясь отсутствіемъ воеводы, ушедшаго на пирушку, она рѣшилась заняться своимъ дѣломъ, то-есть отправиться на поиски цѣлебныхъ травъ и кореньевъ, изъ которыхъ она приготовляла всевозможныя мази и питья, служившія ей для лѣченія людей и скота.

Наталья пришла къ Кулѣ; тамъ росли лучшія травы. Народная молва говорила, что взглядъ стеклянныхъ глазъ казненныхъ здѣсь преступниковъ придаетъ особенную силу травамъ.

Михаилъ и Аѳина подходили въ это время къ башнѣ; онъ невольно замедлилъ шагъ: старинное зданіе внушало ему страхъ, но Аѳина смѣялась надъ его трусостью и, несмотря на то, что онъ торопилъ ее уходить, сѣла на утесъ, у самой башни.

— Скажи мнѣ, Михаилъ, начала она,—что разумѣла Наталья, упоминая сегодня утромъ о твоемъ отцѣ.

— Почемъ мнѣ знать! отвѣтилъ онъ.—Старуха говорила изъ злости, у нея разлилась желчь; какъ большинство старыхъ дѣвъ, она ненавидитъ всѣхъ, кто любитъ другъ друга.

Аѳина покачала головой.

— Не думай такъ, Михаилъ: у нея доброе сердце; навѣрно твой отецъ жестоко обидѣлъ ее.

— Эту нищенку! воскликнулъ Михаилъ, презрительно пожимая плечами.

Въ эту минуту изъ-за башни раздался хриплый хохотъ, и длинная тѣнь легла между Михаиломъ и Аѳиной, какъ бы желая ихъ разлучить.

Михаилъ поблѣднѣлъ, даже мужественное сердце Аѳины сжалось отъ страха, но она быстро вскочила, чтобъ узнать причину этого явленія.

Михаилъ хотѣлъ удержать ее, но она, схвативъ его за руку, принудила его идти съ собой. Они никого не увидѣли: Наталья скрылась подъ защитой фиговыхъ деревьевъ, въ ей одной извѣстной расщелинѣ скалы.

Теперь и Аѳина раздѣляла ужасъ своего возлюбленнаго; поспѣшно пошли они домой. Именины, которыя прежде они проводили такъ радостно, сегодня доставили имъ мало пріятнаго.

V.

Принципесса перебралась изъ своего городскаго дворца въ великолѣпное помѣстье въ Кампаніи, въ очень недалекомъ разстояніи отъ Тріеста.

Деревенскій домъ легкой и изящной итальянской архитектуры возвышался на склонѣ горы подъ темною сѣнью вѣчнозеленыхъ деревьевъ. Мирты и олеандры стояли въ полномъ цвѣту; садъ, казалось, былъ усыпанъ бѣлыми хлопьями; кое-гдѣ алѣли яркокрасные гранаты; на большихъ высокихъ клумбахъ съ южною пышностью разрослись розы, гвоздика, геліотропы, герань и

резеда. Звонкій водометъ распространялъ живительную прохладу, а густыя аллеи цвѣтущаго лавра давали пріятную тѣнь.—Это былъ чудный уголокъ!

На верандѣ, развалившись въ качалкѣ, сидѣла принцпесса; предъ нею стоялъ Гиги. На немъ былъ тотъ же короткій бархатный пиджакъ, но выраженіе его лица на этотъ разъ было чрезвычайно серьезное.

— Такъ ты не помнишь, матушка, чтобы Габріелла кому-либо заказывала свой портретъ?

Принцпесса отрицательно покачала головой.

— Повторяю тебѣ, другъ мой, что я въ первый разъ слышу объ этомъ. Твой вопросъ, признаюсь, удивляетъ меня.

Гиги, понимавшій, что для его друга было бы очень непріятно, еслибы принцпесса узнала о портретахъ Габріеллы, видѣнныхъ имъ въ его мастерской, невольно смѣшался; нужно было найти какой-нибудь исходъ.

— На картинной выставкѣ въ Парижѣ я видѣлъ картину, удивительно похожую на нее.

— Это конечно простая случайность, не болѣе.

Гиги закурилъ новую сигару и задумчиво зашагалъ по саду. Не сомнѣваясь въ томъ, что Шарренштейнъ писалъ портретъ Габріеллы на память, онъ тѣмъ не менѣе догадывался, что художникъ питаетъ къ ней чувство болѣе сильное, чѣмъ простая дружба.

Онъ зналъ, что въ прошломъ году, когда онъ былъ въ Вѣнѣ, а кузина его гостила у нихъ, Іоганнъ особенно часто посѣщалъ домъ принцпессы. Разумѣется, онъ былъ оченъ внимателенъ къ Габріеллѣ, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Было вполнѣ естественно, чтобъ его другъ, самъ прекрасно принятый въ ихъ домѣ, относился съ любезною предупредительностью къ молодой дѣвушкѣ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Всѣ молодые люди ухаживали за Габріеллой, да и самъ Гиги поступалъ бы точно такъ же, еслибъ его мать не навязывала ее ему въ невѣсты.

Онъ не чувствовалъ къ этому ни малѣйшей склонности; у него было такъ много прекрасныхъ плановъ относительно будущаго, плановъ, которые было гораздо удобнѣе осуществить, оставаясь холостымъ. Его тянуло въ кругосвѣтное путешествіе, онъ хотѣлъ видѣть новыхъ людей, новыя страны; онъ страстно любилъ лошадей, собакъ, охоту, море, и ни за что на свѣтѣ не женился бы на той, которую прочили ему въ жены чуть ли не съ самой колыбели.

Внезапно его осѣнила счастливая мысль, какъ разстроить излюбленные планы матери. Ему казалось честнѣе и лучше откровенно признаться принцессѣ, что въ настоящее время онъ вовсе не расположенъ надѣвать на себя брачное ярмо, нежели способствовать тайному сближенію Шарренштейна съ Габріеллой.

Въ эту минуту снаружи донесся стукъ медленно подымающагося въ гору экипажа; скоро онъ замеръ, и въ то же время внизу раздался оглушительный непрерывный звонъ. Флагіолетто бросился, сломя голову, къ воротамъ, какъ будто бы случилось какое несчастіе; за нимъ послѣдовали принцесса и Гиги, заинтересованные этимъ необыкновеннымъ шумомъ.

Сквозь распахнутыя настежь ворота виднѣлась дорожная карета, загроможденная сундуками, слышался громкій женскій смѣхъ и можно было различить молодого человѣка, стоявшаго у раскрытой дверцы, откуда чья-то маленькая ручка выбрасывала ему платки, картонки и зонты.

— Такъ помогите же мнѣ выдти, Шарренштейнъ, крикнулъ звонкій, какъ колокольчикъ, голосъ изъ кареты, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ тщетно старался освободить свои переполненныя руки.

— Постойте, постойте, вотъ вамъ еще!

Съ этими словами она сунула ему подъ мышки двухъ маленькихъ мопсовъ и посадила на его плечо бьющагося и пронзительно кричавшаго попугая.

— Габріелла, Габріелла! воскликнула принцесса.

Гиги готовъ былъ лопнуть отъ смѣха, видя передъ собой своего друга, нагруженнаго всевозможными тряпками и животными. Въ свою очередь Флагіолетто, казалось, превратился въ истукана; его глаза, поднятые къ небу какъ будто говорили: Пресвятая Дѣва, вотъ не было печали...

— Тетя, тетя, вотъ и я. Ты знаешь, я люблю являться неожиданно, и думаю, что этимъ дѣлаю тебѣ сюрпризъ. Только-что я подъѣзжаю къ воротамъ, а ужь мой вѣрный рыцарь Шарренштейнъ тутъ какъ тутъ. Уже по одному поднятому имъ трезвону ты можешь судить, въ какое волненіе онъ пришелъ, увидя меня.

Очаровательная, граціозная блондинка съ рыжевато-золотистыми волосами выпорхнула изъ экипажа. Тутъ только она замѣтила своего двоюроднаго брата.

— Какъ, Гиги, и ты здѣсь? Какая пріятная неожиданность!

Теперь, тетя, ты не скоро отдѣлаешься отъ меня: два пламенныхъ поклонника сразу—чего мнѣ еще желать!

— О Габріелла... воскликнула принцпесса, освобождаясь отъ порывистыхъ объятій племянницы.

Эта послѣдняя, отдавъ тетушкѣ надлежащую дань нѣжности, протянула каждому изъ молодыхъ людей по рукѣ; Гиги приложился къ правой, Шарренштейнъ въ свою очередь собирался приложиться къ лѣвой, но его предупредилъ мопсъ, лизнувъ языкомъ лайковую перчатку Габріеллы.

— Дуракъ! Дуракъ! закричалъ вдругъ попугай, слетѣлъ съ плеча Шарренштейна на землю, и съ помощью клюва сталъ карабкаться на платье своей госпожи.

Общество направилось въ домъ. Шарренштейнъ хотѣлъ наконецъ освободиться отъ своего груза, но Габріелла подвела его къ зеркалу и, снова посадивъ ему на плечо попугая, смѣясь воскликнула:

— Подождите, Шарренштейнъ, — прежде посмотрите на эту восхитительную картину; по правдѣ она достойна вашей кисти; вглядитесь въ нее хорошенько. Вы, безъ сомнѣнія, сумѣете написать на память то, что̀ произвело на васъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе.

Взоры Іоганна и Гиги встрѣтились; первый покраснѣлъ, на губахъ другаго мелькнула едва замѣтная усмѣшка. Іоганнъ поспѣшно побросалъ вещи на стулъ и не особенно нѣжно столкнулъ мопсовъ на полъ. Габріелла взяла собачекъ и стала порывисто ласкать ихъ.

— Какъ можно такъ грубо обходиться съ этими восхитительными твореніями! Укусите злаго Шарренштейна... такъ ведутъ себя только люди по уши... ха-ха-ха-ха.

Шарренштейнъ, чтобы загладить ошибку, сталъ ласково гладить мопсовъ, но они, казалось, совсѣмъ не были довольны этими ласками; сердито ворчали, таращили свои огромные круглые глаза и скалили зубы.

— Вы не любите животныхъ, Шарренштейнъ, воскликнула Габріелла, а этотъ послѣдній отвѣчалъ:

— Извините, графиня, я люблю ихъ, но ужь такова моя судьба, что я кажусь не то, что̀ я есть.

Какой-бы смыслъ ни заключался въ этихъ словахъ, въ нихъ нельзя было не слышать извѣстной горечи.

Флагіолетто бросалъ отчаянные взгляды на царившій здѣсь

безпорядокъ и упорно преслѣдовалъ обоихъ моисовъ, которые занялись дорогою подушкой для ногъ и ворча таскали ее по комнатѣ. Принчипесса пошла проводить свою племянницу въ назначенныя ей комнаты; Флагіолетто, взявъ вещи, понесъ ихъ за дамами, дорогой давъ знать моисамъ не совсѣмъ нѣжнымъ толчкомъ ноги, что имъ пора убираться отсюда; попугай, одѣтый въ красные шелковые чулки, прыгая вокругъ него, сталъ кричать своимъ сиповатымъ голосомъ: Дуракъ, дуракъ, дуракъ.

Оба друга остались одни.

Принчипесса обернулась къ Флагіолетто, который съ вещами въ рукахъ слѣдовалъ за ними, отбрыкиваясь отъ щипавшаго и бранившаго его попугая.

Она должна была возвысить голосъ, такъ какъ моисы, воображая, что Флагіолетто изъ желанія поиграть съ нимъ брыкаетъ ногами, заливались визгливымъ лаемъ, между тѣмъ какъ попугай не переставалъ кричать, а Габріелла помирала со смѣху.

До того тихій деревенскій домъ совершенно преобразился: принчипесса зажала себѣ уши, а Флагіолетто поднялъ глаза къ небу.

— Какая комната приготовлена для графини?

— Ихъ сіятельство любятъ зеленую комнату, въ ней прохладнѣе, чѣмъ въ комнатѣ съ балкономъ.

Съ этими словами онъ распахнулъ двери въ обѣ, другъ противъ друга лежащія комнаты, такъ что можно было окинуть взоромъ и ту и другую.

— У тебя свободный выборъ, Габріелла, рѣшай, которая тебѣ больше нравится.

— Вы знаете, тетя, я непостоянна; прошлый годъ я занимала зеленую, теперь возьму вотъ эту.

Она разумѣла комнату съ балкономъ, куда Флагіолетто и внесъ вещи.

— Будь у насъ какъ дома, Габріелла, ты знаешь, какое удовольствіе ты мнѣ доставишь этимъ, умилилась принчипесса: она крѣпко обняла племянницу, поцѣловала ее сперва въ правую, потомъ въ лѣвую щеку и поспѣшно вышла изъ комнаты, какъ бы желая скрыть охватившее ее волненіе. Габріелла съ облегченіемъ вздохнула, потомъ по ея лицу мелькнула улыбка, но она была холодна, какъ лучъ декабрьскаго солнца, скользнувшій по снѣжной равнинѣ.

Она долго колебалась, какое ей надѣть платье, и въ концѣ-

концовъ положилась на вкусъ Маудъ, своей горничной. Эта послѣдняя выбрала шелковое платье, цвѣта бордо, отдѣланное кремовыми кружевами. Кончивъ свой туалетъ, Габріэлла вышла на балконъ; взоръ ея скользнулъ по саду, мгновалъ тѣсно скученныя крыши и кунолы Трієста и остановился на сверкающемъ заливѣ.

Этотъ видъ привелъ графиню въ восхищеніе: она такъ давно не видѣла моря. Живя въ своемъ замкѣ В-Піетро вблизи Бенцони и Демоны, тамъ, гдѣ Тагліаменто несетъ свои шумныя воды въ Удинскую долину и громовымъ привѣтомъ оглашаетъ снѣговыя вершины итальянскихъ Альпъ, она видѣла вверху только величественныя горы, внизу—только безконечныя плодоносныя долины. Но здѣсь, гдѣ ландшафтъ такъ чудно оживлялся близостью моря, картина была совершенно иная. Балконъ утопалъ въ зелени миртовъ и цвѣтущихъ олеандровъ. Габріелла опустилась въ стоявшее здѣсь кресло.

По уходѣ принчипессы и Габріеллы, Гиги и Іоганнъ нѣкоторое время молча стояли другъ противъ друга. На лицѣ перваго играла насмѣшливая улыбка, между тѣмъ какъ второй, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ дурнаго обращенія Габріеллы, былъ похожъ на пуделя, котораго только-что окатили водой.

Какъ будто желая избавиться отъ насмѣшекъ своего друга, онъ взялъ изъ стоявшаго здѣсь горшка горсть маисовыхъ зеренъ и, выйдя на середину сада, сталъ сзывать голубей, которые слетѣлись къ нему со всѣхъ сторонъ.

Это невинное зрѣлище на время помѣшало Гиги посмѣяться надъ нимъ, но наконецъ онъ взялъ его подъ руку, отвелъ подъ веранду и здѣсь расхохотался во все горло.

— Кузина права, сегодня ты, правда, какъ будто изучаешь жанровыя картины, главную роль въ которыхъ играешь ты самъ. Сейчасъ ты былъ художникомъ, занятымъ кормленіемъ голубей, минуту назадъ странствующимъ жидомъ-торговцемъ, увѣшаннымъ и нагруженнымъ всевозможными тряпками, коробками, парой мопсовъ и попугаемъ. Прости маленькую откровенность, дружище, я нахожу, что она дурно обращается съ тобой; должно-быть и въ прошломъ году ты не пользовался ея особеннымъ расположеніемъ.

Кровь бросилась въ лицо Шарренштейну, молча онъ что-то чертилъ по песку прутикомъ, потомъ пожалъ плечами.

— Это не болѣе, какъ женскій капризъ; я предсказываю тебѣ, Гиги, что такая же участь не разъ постигнетъ и тебя.

Гиги засмѣялся; Шарренштейнъ внезапно смутился, многозна-

чительно взглянулъ наверхъ, какъ будто желая этимъ дать другу понять, что можетъ-быть Габріелла заняла комнату какъ разъ здѣсь надъ ихъ головами и теперь слышитъ ихъ разговоръ. Принципе понялъ его.

— Успокойся, комната моей кузины находится по ту сторону дома, а еслибы даже Габріелла и расположилась здѣсь, то повѣрь, что въ настоящую минуту она черезчуръ занята своею собственною персоной, чтобы подслушивать нашу болтовню. Я готовъ побиться объ закладъ, что черезъ какія-нибудь десять минутъ она выйдетъ къ намъ въ блестящемъ туалетѣ, потому что главная забота женщинъ направлена на то, какъ бы произвести большее впечатлѣніе на насъ, мужчинъ.

Іоганнъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ и уставился въ землю; въ мысляхъ онъ видѣлъ предъ собою чудный образъ Габріеллы; Гиги продолжалъ:

— Мы не должны становиться рабами женщинъ и потворствовать ихъ капризамъ: онѣ переходятъ всякія границы, имъ доставляетъ какое-то дьявольское удовольствіе давать намъ чувствовать свою власть надъ нами и дѣлать изъ насъ какое-то посмѣшище.

Шарренштейнъ провелъ рукой по лбу.

— Ты говоришь, какъ профессоръ, вяло протянулъ онъ,—но мужчина, который...

Онъ проглотилъ послѣднія слова, краснѣя при одной мысли, что чуть-чуть не выдалъ себя. Гиги договорилъ за него.

— Мужчина, который влюбленъ, еще хуже капризной женщины. Это ты хотѣлъ сказать?

Шарренштейнъ снова сталъ сзывать голубей и опять сталъ кормить ихъ, но на этотъ разъ на нихъ съ громкимъ лаемъ бросились мопсы, и миловидныя птички разлетѣлись во всѣ стороны.

Графиня не проронила ни единаго слова изъ бесѣды друзей; ея большіе черные глаза приняли какое-то особенное загадочное выраженіе, бѣлые зубы слегка вдавились въ свѣжія алыя губки, на которыхъ заиграла чуть замѣтная лукавая усмѣшка. Безшумно она поднялась съ мѣста и вошла въ компату, опасаясь, какъ бы Маудъ не стала звать ее и тѣмъ не выдала ея присутствія.

— Я не буду переодѣваться, спокойно сказала она и, только мимоходомъ оправивъ платье и волосы, сошла внизъ и какъ ни въ чемъ не бывало привѣтствовала молодыхъ людей.

Гиги глядѣлъ на нее, не вѣря своимъ глазамъ; его предсказаніе,

что она появится въ блестящемъ туалетѣ не сбылось. Онъ хорошо понялъ выразительный взглядъ своего друга, не сводившаго съ нея глазъ. Простое сѣрое дорожное платье придало ея появленію, можетъ-быть, еще болѣе блеска, чѣмъ богатый шелковый нарядъ.

Лицомъ Габріелла отчасти походила на мать, дочь одного знатнаго англійскаго семейства, отчасти на отца, графа ди Ангело, отпрыскъ одного изъ древнѣйшихъ итальянскихъ родовъ.

Отъ матери она унаслѣдовала золотистые волосы, бѣлую, прозрачную кожу, нѣсколько удлиненный овалъ лица и высокую, стройную, но съ нѣсколько короткою таліей, фигуру, отъ отца глубокіе темные глаза, рѣзко очерченныя почти черныя брови и горячую южную кровь, заливавшую ея нѣжное лицо яркимъ румянцемъ при малѣйшемъ волненіи.

Глаза ея постоянно мѣняли свое выраженіе, то они выражали холодную разсудительность, то горѣли необузданнымъ пламенемъ. Она удивительно владѣла своимъ лицомъ; мягкая улыбка придавала ему дѣтски-ясную прелесть; стоило ей нахмуриться, сдвинуть брови, и оно становилось похоже на лицо медузы. Иногда она имѣла вялый, истомленный видъ, точно провела нѣсколько дней безъ сна.

Въ настоящую минуту на лицѣ ея играла дѣтская улыбка, такъ удивительно красившая ее; она хорошо замѣтила по изумленнымъ взглядамъ обоихъ друзей, какое впечатлѣніе она производитъ на нихъ.

— Ну, Гиги, теперь еще разъ привѣтствую тебя отъ всего сердца. Доволенъ ли ты, что я здѣсь, не мѣшаю ли я тебѣ? Прежде всего обѣщай, что ради меня ты не будешь стѣсняться въ своихъ привычкахъ. Такъ, напримѣръ, сегодня гонка, я слышала это отъ ѣхавшихъ вмѣстѣ со мною, я знаю твою страсть къ водѣ, сдѣлай мнѣ одолженіе, не лишай себя этого удовольствія ради меня.

Она протянула ему правую руку, и Гиги почувствовалъ всю нѣжность и теплоту ея. Онъ долженъ былъ сознаться, что первый разъ въ жизни видѣть такую классически прекрасную руку, такіе прелестные розовые ногти, и не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать ее.

Габріелла засмѣялась, причемъ очаровательныя ямочки образовались на ея щекахъ и подбородкѣ.

— О, мой кузенъ становится любезнымъ.

— Развѣ я не былъ такимъ всегда? Какъ могла ты подумать, Габріелла, что сегодня, въ первый день твоего пріѣзда, я отправлюсь на гонку.

Графиня отняла свою руку у Гиги и осчастливила ею художника.

— Мой дорогой, мой лучшій другъ, какъ дурно я поступаю съ вами! Навѣрно я внушаю вамъ страхъ своимъ присутствіемъ здѣсь? Вы боитесь, что теперь, какъ и въ прошломъ году, у васъ не будетъ не минуты покою. Но я хочу исправиться и даю вамъ въ этомъ торжественную клятву, только бы вы простили мнѣ прежнее; о, прощать такъ сладко!

Яркая краска залила лицо Шарренштейна, онъ дрожалъ, его взглядъ безпокойно скользилъ по ея лицу, и въ свою очередь онъ прижалъ свои пылающія губы къ кончикамъ ея пальцевъ. Улыбаясь она отняла и у него руку.

— Довольно, довольно, господа, эти руки не привыкли къ такимъ пламеннымъ поцѣлуямъ; въ моемъ уединенномъ замкѣ ихъ некому цѣловать.

Оба мопса увивались около своей госпожи, заглядывали ей въ глаза и помахивали кончиками своихъ хвостовъ.

Габріелла наклонилась къ нимъ, взяла ихъ на руки и весело воскликнула:

— Посмотрите, синьоры, какое я неблагодарное созданіе; вотъ эти два мои обожателя цѣлуютъ меня довольно часто.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, оба мопса лизнули своими ярко-красными языками ручки графини. Спустивъ ихъ на землю, она воскликнула:

— Ну, вы получили свое; а теперь, господа, покажите мнѣ свою прекрасную родину; несмотря на то, что я часто бываю здѣсь, каждый разъ я выношу отсюда новое и свѣжее впечатлѣніе.

Она торопливо пошла въ садъ, оба друга послѣдовали за ней.

— Восхитительно, очаровательно! восклицала она, поднимая при этомъ руки и проводя пальцами по распущеннымъ волосамъ, ниспадавшимъ почти до колѣнъ и только на затылкѣ кокетливо придерживаемымъ чернымъ шелковымъ бантомъ. Подобно золотымъ нитямъ скользили пряди волосъ по ея пальцамъ, и оба друга въ нѣмомъ восхищеніи любовались ею. — О, этотъ воздухъ, это солнце! О, небо! Мое лицо, Гиги, милый кузенъ... впрочемъ нѣтъ, я сама сумѣю помочь себѣ въ этомъ.

Она опустила руку въ карманъ и вынула тонкій бѣлый платокъ, чтобы повязать голову отъ солнца. Какъ бы случайно она уронила его прямо къ ногамъ принчипе. Гиги наклонился поднять его и легкій кивокъ головы былъ ему благодарностью за это.

Они пошли дальше.

Немного спустя они взошли на пригорокъ, откуда открывался восхитительный видъ на заливъ и на городъ. Взоръ свободно скользилъ по зеркальной поверхности водъ, окаймленныхъ рѣзко очерченными уступами горъ. Вдали въ голубоватой дымкѣ чуть виднѣлись берега Истріи; послѣдній видный для глаза предметъ— вызолоченый ангелъ на соборѣ въ Пирано, сіялъ подобно яркой звѣздѣ; далѣе земля и вода сливались въ бѣлесоватомъ туманѣ. На другой сторонѣ возвышались башни Аквилеи; словно въ тѣни виднѣлись развалины извѣстнаго Дуинскаго замка, о гранитныя стѣны котораго съ шумомъ разбиваются пѣнистыя волны Адріатики.

Габріелла стояла словно во снѣ, похожая въ эту минуту скорѣе на статую, чѣмъ на живое существо. Можетъ-быть и не безъ умысла стояла она такъ неподвижно, давая молодымъ людямъ возможность безъ помѣхи любоваться правильными чертами ея лица.

Гиги точно такъ же, какъ и Іоганнъ всецѣло отдались этому созерцанію; чудный видъ моря, казалось, потерялъ для нихъ всякую прелесть. Графиня вдругъ закрыла глаза рукой.

— Какая досада! Солнце свѣтитъ такъ невыносимо ярко, а я, какъ нарочно, забыла свой зонтикъ. Дорогой Гиги—онъ остался тамъ, въ бесѣдкѣ.

Іоганнъ уже готовъ былъ летѣть по одному мановенію Габріеллы, но ея выразительный взглядъ какъ будто приказывалъ ему остаться.

За зонтикомъ отправился принчипе, а Шарренштейнъ вопросительно уставился ей въ лицо; онъ впился глазами въ ея ротъ, готовясь услышать что-то необыкновенно важное. Но Габріелла словно совсѣмъ забыла о немъ; теперь ужь и солнце не ослѣпляло ея: она преспокойно любовалась видомъ залива.

Такъ стояла она до прихода Гиги, который вернулся съ раскрытымъ зонтикомъ и въ видѣ благодарности удостоился за это милостиваго кивка Габріеллы.

— Ну, что же, господа, не взобраться ли намъ вонъ на ту башню. Вы видите, какая я ненасытная; мои виды на вашу рыцарскую любезность чуть ли не выходятъ изъ границъ приличія.

И не дождавшись отвѣта своихъ спутниковъ, она повернула въ тѣнистую лавровую аллею, отворила дверь, ведущую въ башню, и легко взбѣжала по безчисленнымъ ступенямъ на верхнюю площадку.

— О, какой восторгъ! Но здѣсь немного сквозитъ... Гиги, если ты дорожишь драгоцѣннымъ здоровьемъ своей кузины—платокъ, полцарства за платокъ!

Словно просящій ребенокъ она подняла руки и смотрѣла на него съ мольбой и съ улыбкой. Іоганнъ впился въ нее глазами; это лицо было такъ хорошо, что онъ не могъ свести съ него взора.

Онъ обладалъ достаточно острою памятью; и на яву, и во снѣ стоялъ предъ нимъ ея образъ, а теперь онъ такъ ясно запечатлѣлся у него въ душѣ, что онъ надѣялся хорошо запомнить его именно такимъ, чтобы придя домой воспроизвести на полотнѣ.

Губы Гиги уже подергивались отъ легкаго неудовольствія, которое не оставляло его до самаго ухода изъ башни.

— Прекрасный человѣкъ, мой кузенъ, любезенъ и услужливъ, какъ никто.

Іоганнъ что-то несвязно пробормоталъ въ отвѣтъ; Габріелла быстро протянула ему руку.

— Вы, конечно, исключеніе, Шарренштейнъ.

Художника всего передернуло, точно электрическая искра пробѣжала по его тѣлу; онъ наклонился поцѣловать ея ручку, но это ему не удалось.

По уходѣ Гиги томительное молчаніе воцарилось на площадкѣ. И Шарренштейнъ, и Габріелла, казалось, углубились въ созерцаніе окрестностей и утратили способность говорить. Голова Габріеллы, обрамленная волнами длинныхъ распущенныхъ волосъ, колеблемыхъ легкимъ вѣтеркомъ и залитыхъ яркимъ солнцемъ, казалось, была облита расплавленнымъ золотомъ.

Шаги Гиги послышались на лѣстницѣ; скоро появился и самъ онъ и накинулъ платокъ на плечи Габріеллы.

— Какъ я благодарна вамъ, милый кузенъ!

И она протянула ему руку съ тайнымъ желаніемъ, чтобъ онъ поцѣловалъ ее.

Но Гиги не сдѣлалъ этого. Габріелла притворилась, что не замѣчаетъ его невѣжливости и съ очаровательною улыбкой на розовыхъ губкахъ обратилась къ нему:

— Какъ досадно, что природа надѣлила насъ такою слабою

памятью относительно названій различныхъ мѣстечекъ. Какъ часто ты уже называлъ мнѣ селенія, которыя такъ живописно тянутся по берегу Истріи. Если я не ошибаюсь, вотъ тамъ прячется въ зелени—Муггія, а вотъ тутъ, ближе?

— За Муггіей слѣдуетъ Изола, потомъ Пирано, а тамъ, вдали, виднѣются зданія Сепнвора.

Габріелла кивнула головой, громко повторила всѣ названія и воскликнула:

— Посмотрите, господа, вонъ идетъ большой пароходъ.

— По всей вѣроятности это корабль съ переселенцами, отвѣчалъ Гиги.

— Бѣдные люди! Какая участь ждетъ ихъ вдали отъ родины! вздохнула графиня.

— Можетъ-быть она лучше той, которую они испытали здѣсь, возразилъ Іоганнъ, пристально смотря вдаль.

— Неужели васъ не тяготила бы разлука съ родиной? спросила молодая дѣвушка.

Художникъ поднялъ на нее свои мечтательные глаза.

— При извѣстныхъ обстоятельствахъ нѣтъ, отвѣтилъ онъ, и снова сталъ тоскливо слѣдить за пароходомъ.

— Сейчасъ можно узнать безразсуднаго художника! воскликнулъ Гиги.—На короткое время и я, пожалуй, не прочь бы уѣхать отсюда, но покинуть отечество навсегда въ моихъ глазахъ очень и очень незаманчиво.

Черные глаза Габріеллы скользнули по его лицу.

— Ты, кажется, не отказался отъ мысли совершить кругосвѣтное путешествіе, кузенъ?

Онъ съ минуту помедлилъ, потомъ почти рѣшительно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, напротивъ, теперь эта мысль занимаетъ меня больше, чѣмъ когда-либо.

Габріелла прикусила языкъ и умолкла. Казалось, что блескъ моря перешелъ теперь въ голубые глаза Шарренштейна.

— Мнѣ бы очень хотѣлось узнать, что̀ это за корабль плыветъ тамъ. Еслибы со мной былъ мой лорнетъ... Милый, дорогой Гиги, онъ тамъ въ моей комнатѣ.

Она не успѣла кончить, какъ Гиги, красный отъ бѣшенства, повернулся на каблукахъ и быстро ушелъ. Нѣсколько времени можно было слышать его громкіе, взволнованные шаги по лѣстницѣ, потомъ все смолкло.

Насмѣшливая улыбка исказила восхитительное лицо графини.

Іоганнъ почти разочарованно посмотрѣлъ на нее; въ его сердцѣ съ чувствомъ блаженства боролись страхъ и негодованіе. Габріелла обернулась къ нему, выраженіе насмѣшки сбѣжало съ ея лица; оно снова было дѣтски-невинно.

— Цѣлый годъ мы не видѣлись съ вами, мой другъ, цѣлый долгій годъ. Что дѣлали вы? Были ли прилежны? Много ли писали? Путешествовали ли? Думали ли обо мнѣ, вашемъ другѣ? Была ли счастлива ваша кисть?

Каждый вопросъ сопровождался задушевнымъ взглядомъ, неподдѣльное участіе слышалось въ тонѣ ея словъ. Іоганнъ совсѣмъ смѣшался. Сердце его такъ сильно билось, что онъ не могъ говорить; онъ боялся, какъ бы Габріелла не замѣтила этого. Вдругъ кровь хлынула ему въ голову: онъ увидѣлъ, что графиня замѣтила дыру на его красномъ шелковомъ чулкѣ. Словно пойманный школьникъ, онъ положилъ одну ногу на другую.

Габріелла сдѣлала надъ собою усиліе, чтобы не разразиться смѣхомъ, и отвернувшись, стала пристально смотрѣть куда-то вдаль. Наконецъ, овладѣвъ собою, она снова обратилась къ нему:

— Ну что же вы не отвѣчаете, Шарренштейнъ.

Онъ пожалъ плечами и угрюмо отвѣтилъ:

— Я ничего не дѣлалъ.

— Ничего? Ваша кисть лежала безъ дѣла? Нѣтъ, я не вѣрю этому, Шарренштейнъ; у васъ навѣрно есть какой-нибудь ше-д'ёвръ на мольбертѣ; но вы не хотите признаться мнѣ въ этомъ, пока картина не кончена.

Ея взглядъ опять невольно упалъ на прорѣху въ его чулкѣ. Іоганнъ не зналъ, куда ему дѣвать свои ноги; онъ поднималъ то одну, то другую, закидывалъ то лѣвую за правую, то правую за лѣвую, вообще чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ. Габріелла уже не могла владѣть собою; она разразилась такимъ громкимъ, необузданнымъ смѣхомъ, что Шарренштейнъ готовъ былъ оставить ее здѣсь одну и сломя голову кинуться внизъ по лѣстницѣ. Но въ эту минуту на верхней ступенькѣ появился Флагіолетто, который подалъ графинѣ лорнетъ.

— Ихъ сіятельство, господинъ принципе, просятъ извиненія: они сію минуту ѣдутъ на гонку.

Словно голова Медузы очутилась на плечахъ Габріеллы; гнѣвно сдвинулись ея черныя брови, губы сжались, глаза засвѣтились недобрымъ огнемъ; она вся поблѣднѣла; руки ея задрожали.

Но это продолжалось одно мгновеніе. Не успѣлъ Флагіолетто,

склонившійся предъ нею въ почтительномъ поклонѣ, выпрямиться, лицо ея было снова ясно, снова свѣтилось привѣтливостью.

— И для меня, мой добрый, старый Флагіолетто, вамъ пришлось отмѣрить своими слабыми ногами девяносто семь ступеней!

Габріелла и Шарренштейнъ спустились съ башни и направились къ дому. Корабль переселенцевъ потерялъ для графини всякій интересъ. На дворѣ они увидѣли экипажъ Гиги и рядомъ съ нимъ мощную фигуру Цисцелака. Онъ держалъ лошадь.

Показался и самъ Гиги. На головѣ у него была голубая съ желтыми полосами шапочка; подъ сѣрою военною шинелью виднѣлся такой же полосатый костюмъ, обыкновенно надѣваемый имъ для гребныхъ гонокъ. Тонкая ткань плотно охватывала его стройную фигуру и позволяла видѣть каждый мускулъ. Вотъ онъ сѣлъ въ экипажъ, взялъ вожжи, Цисцелакъ помѣстился на задней скамеечкѣ, и принчипе уѣхалъ, даже не взглянувъ на двоюродную сестру и Шарренштейна.

Коротко и сухо простилась графиня съ Шарренштейномъ, но когда художникъ былъ уже у воротъ, она привѣтливо крикнула ему въ слѣдъ:

— До свиданья! Помните, что здѣсь у васъ есть вѣрные друзья!

Ея стройный образъ скрылся въ домѣ. Іоганнъ быстро снялъ съ головы шляпу, но она уже не могла слышать его словъ.

Часъ спустя Шарренштейнъ сидѣлъ у себя въ мастерской предъ большимъ холстомъ, стараясь изо всѣхъ силъ смыть недавно проведенныя имъ черныя полосы; послѣ долгихъ усилій это наконецъ ему удалось, и вотъ его волшебная кисть передаетъ полотну, изображающему Габріеллу, то дѣтски-милое, просящее выраженіе, съ которымъ она глядѣла на своего двоюроднаго брата.

VI.

Принчипесса провела безсонную ночь. Она была до глубины души возмущена легкомысленнымъ поведеніемъ своего сына, который въ первый же день пріѣзда Габріеллы уѣхалъ на гонку и вернулся домой только на разсвѣтѣ. Около двухъ часовъ полуночи услышала она тяжелые шаги Цисцелака въ комнатѣ Гиги.

Габріелла, не намекнувшая вчера ни однимъ словомъ на нелюбезное поведеніе двоюроднаго брата, и сегодня дѣлала видъ, что его отсутствіе ничуть не огорчило ее; это обстоятельство еще болѣе встревожило принчипессу, видѣвшую въ этомъ равнодушіе своей племянницы къ Гиги и начавшую опасаться за свои материнскіе планы.

Флагіолетто накрылъ столъ къ завтраку точно такъ же, какъ онъ дѣлалъ это въ городѣ, съ тою только разницей, что теперь столъ стоялъ не въ комнатѣ, а подъ верандой. Принчипесса до сихъ поръ не говорила ни слова ни Гиги, ни Габріеллѣ, которая въ настоящую минуту была занята туалетомъ. Служанка чесала ей длинные, золотые волосы; графинѣ было невыразимо пріятно, когда легкая рука Зофы проводила гребнемъ по ея головѣ; она любила въ это время отдаться своимъ мечтамъ. И сегодня она также замечталась, и въ ея воображеніи ярко вставали образы двухъ молодыхъ людей.

Она такъ же хорошо, какъ и всѣ другіе члены обѣихъ линій фамиліи Ангело, знала семейное преданіе, и теперь легко догадывалась, съ какою цѣлью пригласила ее сюда тетка.

Двоюродный братъ Гиги былъ ей далеко не противенъ, и она не могла бы привести ни одной причины, достаточной для того, чтобъ отказать ему. Напротивъ, онъ даже нравился ей; обстоятельства сложились удивительно удачно, отчего жь ей и не выйти за него замужъ. Положимъ, она не влюблена въ него страстно, но что жь изъ этого? Какъ дѣвушка, знающая свѣтъ, она не разъ была свидѣтельницей, что браки по любви не всегда ведутъ къ обоюдному счастію.

Иногда въ ней являлось странное желаніе противорѣчить и досаждать своему двоюродному брату. Пусть онъ не думаетъ, что она легко покоряется фамильному желанію; нѣтъ, она хочетъ, чтобы на нее молились, чтобъ ее боготворили. Такое обращеніе съ Гиги усилилось за послѣдній годъ, и, припоминая время, когда оно началось, она пришла къ заключенію, что оно совпадало со временемъ знакомства съ Шарренштейномъ.

Ни разу въ жизни не встрѣчала она человѣка, дающаго болѣе пищи ея насмѣшливости, чѣмъ художникъ. Постоянно находила она поводъ посмѣяться надъ нимъ и при всемъ томъ этотъ непостоянный, то вдругъ угрюмо-сдержанный, то снова безпечно-веселый человѣкъ привлекалъ ее чѣмъ-то къ себѣ. Каждый разъ,

когда ей случалось видѣть его, она находила въ немъ новыя, по ея мнѣнію, достойныя вниманія стороны.

Онъ любитъ ее; нужно быть слѣпою и не дѣвушкой, чтобы не замѣчать этого. Гиги—тотъ ея не любитъ, она знала и это. Она видѣла въ немъ ловкаго молодаго человѣка съ прекрасною внѣшностью, не очень умнаго, но и не глупаго, словомъ, такого, какого можно встрѣтить чуть не каждый день.

Вглядываясь въ глубину своей души, она пришла къ заключенію, что еслибъ ей непремѣнно пришлось выбирать между обоими молодыми людьми, она пожалуй отдала бы предпочтеніе художнику. Чувство неудовлетворенности, внутренняго разлада овладѣло ей; прежнее хорошее настроеніе испортилось.

— Ахъ, какъ ты неловка сегодня! ты чешешь меня, какъ мужичка, будь осторожнѣе! крикнула она съ досадой своей служанкѣ.

На постели лежало шелковое бѣлое платье съ свѣтло-голубыми лентами. Она знала, что оно очень идетъ къ ней; еслибы зеркало не говорило ей этого, она прочла бы это во взглядѣ Шарренштейна: увидѣвъ ее первый разъ въ этомъ платьѣ, онъ не сводилъ съ нее глазъ.

— Дай мнѣ темное платье! приказала она служанкѣ. На зло своему двоюродному брату она хотѣла сегодня казаться возможно менѣе красивою; онъ не заслуживалъ наслаждаться ея красотой. Скоро она была готова; она не распустила своихъ великолѣпныхъ золотистыхъ волосъ, но небрежнымъ узломъ заложила ихъ назадъ.

Завтракъ былъ поданъ; принципесса готовила чай; Гиги поцѣловалъ ей руку. Онъ имѣлъ усталый видъ: ночь проведенная безъ сна оказала на него свое дѣйствіе. Въ глазахъ матери онъ прочелъ упрекъ, но принципесса молчала, не желая портить завтракъ себѣ и своему дорогому сыну. У сосѣдняго стола съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства стоялъ Флагіолетто, ожидая приказаній госпожи, чтобъ однимъ взглядомъ управлять слугами.

Появилась Габріелла; она нарочно сдѣлала видъ, что не замѣтила невѣжливости Гиги, а онъ вовсе не былъ расположенъ освѣдомляться о настроеніи своей кузины. Всѣ трое чувствовали себя неловко; Габріелла объясняла молчаніе кузена сознаніемъ своей вины.

Наконецъ Енрихетта встала изъ-за стола и, ссылаясь на дѣла, ушла въ домъ, чтобы дать молодымъ людямъ возможность

объясниться наединѣ. Гиги ничего не оставалось, какъ заговорить съ Габріеллой: онъ сталъ разсказывать о гонкѣ, на которой выигралъ первый призъ, и при этомъ такъ воодушевился, что совершенно забылъ свое недовольство ею. Она, повидимому, внимательно слушала его; ему даже показалось, что ея лицо выражало сочувствіе его побѣдѣ.

Гиги говорилъ съ воодушевленіемъ, его щеки разгорѣлись, глаза блестѣли, онъ казался теперь еще красивѣе. Габріелла не осталась безчувственна къ этому; досада ея разсѣялась, другое чувство смѣнило ее въ ея сердцѣ, и кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы судьбѣ не было угодно, чтобъ именно въ ту минуту, когда Гиги съ полнымъ раскаяніемъ признавался кузинѣ въ своей невѣжливости, въ комнату съ громкимъ лаемъ влетѣли оба мопса. Графиня замѣтила, какъ непріятно было Гиги, что ему помѣшали; ей захотѣлось позлить его, она взяла мопсовъ на колѣни и, не обращая больше вниманія на слова Гиги, принялась гладить и ласкать ихъ.

— Я вижу, дорогая кузина, что ты нашла себѣ развлеченіе и не нуждаешься больше въ моемъ обществѣ, сказалъ Гиги, поднимаясь съ мѣста, и съ легкимъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

* * *

Шарренштейнъ на нѣсколько шаговъ отступилъ отъ мольберта, за которымъ работалъ, не зная усталости. Вотъ здѣсь еще немного свѣта, тамъ погуще тѣнь—и картину можно считать оконченною. Блаженная улыбка, отблескъ тихаго внутренняго счастья, согнала съ его лица выраженіе глубокой печали. Сжавъ ручку кисти въ зубахъ, художникъ подошелъ къ окну; онъ не могъ вынести взгляда этихъ глазъ: слишкомъ горячо, слишкомъ умоляюще смотрѣли они на него, ему такъ вотъ и хотѣлось снова испачкать картину.

Заливъ утопалъ въ сіяніи южнаго солнца; волны сверкали и переливались, какъ брилліанты; паруса казались золотыми; тамъ, выше, поднимались, залитыя солнцемъ, безплодныя горы, очертанія которыхъ словно вырѣзаны ножницами ребенка; вдали онѣ терялись въ голубоватомъ туманѣ. За ними сверкаетъ металлическою синевой открытое море; во всемъ ящикѣ художника нѣтъ подобной краски! И надо всѣмъ этимъ радостно сіяетъ небо, какъ одна безконечная надежда!

А въ его сердцѣ нѣтъ никакой надежды! Онъ закрываетъ глаза рукой; сегодня ему больно смотрѣть на эту прекрасную, жизнерадостную картину: ему было бы отраднѣе, еслибы вдругъ буря налетѣла на сіяющую Адріатику, подняла бы грозныя волны и понесла другъ на друга плавающія тамъ суда, поднявъ въ городѣ непроглядную тучу пыли. Ахъ, еслибы разразилась такая буря, какой еще никогда не было, еслибъ она разбила въ дребезги его домъ и похоронила подъ его развалинами и его самого, и эту волшебную картину!

Но буря бушевала только въ его сердцѣ, въ природѣ же все оставалось попрежнему: солнце, море, небо, словомъ, весь міръ былъ преисполненъ покоя и радости.

Вотъ изъ подплывшей гондолы выходитъ Гиги; Іоганнъ поспѣшно вышелъ изъ мастерской, заперъ ее и сунулъ ключъ въ карманъ. Какъ ни любилъ онъ прачечие, сегодня онъ всего менѣе желалъ видѣть его.

Тотъ вошелъ.

— Тебѣ непріятно мое посѣщеніе, я вижу это по твоему носу, но могу тебя увѣрить, что для меня совершенно безразлично, какъ бы ты ни принялъ меня. Мнѣ самому пріятно далеко не все, съ чѣмъ приходится имѣть дѣло.

Онъ бросилъ шляпу на столъ, одну перчатку на стулъ, другая должна была попасть на подоконникъ, но вылетѣла на улицу. Гиги не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія, снялъ съ себя саблю и съ шумомъ поставилъ ее въ уголъ; она поскользнулась и со звономъ упала на полъ.

Іоганнъ все еще стоялъ у двери мастерской, засунувъ руки въ карманы своихъ клѣтчатыхъ запачканныхъ красками панталонъ. Гиги насмѣшливо смотрѣлъ на него.

— Ты вѣчно стоишь передъ дверью въ свою мастерскую и сторожишь ее, какъ Церберъ стережъ входъ въ преисподнюю. Не бойся, другъ: на этотъ разъ я не стану врываться туда: я знаю, что тамъ, и увѣряю тебя, что съ меня довольно и того, что я имѣю удовольствіе видѣть у себя дома. Что скажешь ты о томъ, пріятель, какъ Габріелла вчера обращалась со мною. И сегодня утромъ она поступила со мной какъ со школьникомъ: поддавшись непростительной слабости, я сталъ извиняться передъ нею въ своей вчерашней поѣздкѣ на гонку, а она, поднявъ меня на смѣхъ, стала играть со своими моисами. Іоганнъ Шарренштейнъ, скажи мнѣ, ради Бога, чѣмъ все это кончится?

Художникъ, оставаясь все въ томъ же положеніи, вытянулъ шею впередъ, словно черепаха, уставился на принципе и лаконически отвѣчалъ:

— Свадьбой!

Гиги такъ тяжело опустился въ кресло, что пружины затрещали и грозили сломиться. Теперь Шарренштейнъ выступилъ впередъ и, ставъ предъ нимъ, старался со всѣмъ краснорѣчіемъ, на какое онъ только былъ способенъ, уговорить его, если возможно, сегодня же обручиться съ Габріеллой.

— Подумай только, какъ сладко послѣ ссоры примиреніе въ безконечномъ поцѣлуѣ брака. Ха, ха, ха, ха! захохоталъ онъ во все горло и такъ же тяжело, какъ Гиги, бросился въ стоявшее напротивъ кресло.

Принципе уставился на него; ему казалось, что его другъ сошелъ съ ума. Онъ серьезно думалъ, что съ Шарренштейномъ случился одинъ изъ его желчныхъ припадковъ; собственное его настроеніе вовсе не было таково, чтобы развлекать другихъ, однако онъ попытался сдѣлать это.

— Не покататься ли намъ по заливу? Погода такъ прекрасна и заманчива; я велю оснастить яликъ, и мы проѣдемъ до берега Истріи.

Іоганнъ пожалъ плечами, желая показать, какимъ страннымъ кажется ему такое предложеніе.

— Ты говоришь, прекрасная погода. Адское пекло, на которомъ можно получить солнечный ударъ. Проклятая страна! Я переселюсь на сѣверъ!

— Но вѣдь на водѣ прохладнѣе, попытался возразить Гиги.

Іоганнъ, не слушая его, положилъ ему обѣ руки на плечо, и, пристально смотря ему въ лицо, сказалъ:

— Должно-быть необыкновенно пріятно неожиданно получить солнечный ударъ; тогда взглянешь на все другими глазами, и я увѣренъ, что тогда все кажется въ гораздо лучшемъ свѣтѣ.

— На водѣ прохладнѣе, повторилъ еще разъ принципе.

— Прохладнѣе? можетъ-быть! А морская болѣзнь? положимъ, что и на землѣ иногда случается нѣчто подобное, и человѣкъ шатается, словно пьяный. Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня одного, ступай къ Габріеллѣ и послѣдуй моему совѣту. Дѣло не терпитъ, клянусь тебѣ.

Гиги недовольно пожалъ плечами.

— Такъ возьмемъ экипажъ и поѣдемъ въ Мирамаръ.

— Въ Мирамаръ? О нѣтъ! Почему именно туда? Тамъ такъ печально, такъ невыразимо печально! Развѣ въ жизни у насъ недостаточно печали. Повторяю тебѣ: иди къ графинѣ и пади съ раскаяніемъ къ ея ногамъ. А на улицѣ такая пыль, такая страшная пыль!

— Ну, съ тобой ничего не подѣлаешь, я ухожу, Іоганнъ; все на свѣтѣ не по тебѣ.

— Не по мнѣ? Ха, ха! Нѣтъ, по мнѣ. Только я не такой, какимъ люди желаютъ чтобъ я былъ.

Медленно и задумчиво онъ снова опустился въ кресло и, устремивъ взоръ на коверъ, продолжалъ, какъ бы говоря съ самимъ собою:

— Свѣтъ меня не любитъ, но за что ему и любить меня? Онъ не обязанъ дѣлать это, а принудить его къ этому я не могу и не хочу. Еслибъ я только зналъ клочокъ земли, гдѣ нѣтъ людей, я тотчасъ переселился бы туда. Но такого мѣста нѣтъ, и одна мысль объ этомъ—безуміе. Ха, ха! Однако сколько безумія въ этомъ мірѣ. Но я все-таки найду себѣ мѣстечко, гдѣ я буду жить, какъ прародители, одною жизнью съ природой. Я куплю себѣ клочекъ земли гдѣ-нибудь въ горахъ, заведу козу, корову, буду ѣсть черный хлѣбъ, молоко и дикіе плоды, буду вставать съ солнцемъ и съ солнцемъ ложиться, и ни о чемъ, ровно ни о чемъ не буду думать, Гиги; я самъ буду доить корову, и если когда-нибудь тебѣ предпишутъ лѣченіе молокомъ, пріѣзжай ко мнѣ. Нѣтъ, впрочемъ, лучше не пріѣзжай: тогда снова завяжется связь между мною и отвратительнымъ свѣтомъ; я не хочу ничего слышать о немъ. Не божественна ли такая жизнь, безмятежная, невинная, жизнь, вся посвященная благочестивымъ размышленіямъ! Вотъ тебѣ программа моей будущей жизни, а теперь ступай, пожалуста, къ графинѣ, было бы невѣжество заставить ее дольше ждать тебя.

Но Гиги уже не слышалъ его, онъ давно вышелъ изъ комнаты.

* * *

Былъ чудный вечеръ; только благословенные берега Адріатики знаютъ такіе вечера: море уснуло и не дышетъ, какъ будто въ немъ совсѣмъ нѣтъ жизни; ни малѣйшаго вѣтерка; ярко сіяютъ звѣзды въ синевѣ небесъ и освѣщаютъ мракъ. Сильнѣе благоухаютъ цвѣты въ саду принчипессы; ароматъ розы какъ

будто борется съ запахомъ апельсина. Въ чащѣ вѣчно зеленыхъ вѣтвей ночные пѣвцы заводятъ свои чудныя пѣсни, а внизу, утопая въ морѣ свѣта, широко раскинулся Тріестъ. Его отраженіе съ тысячью и тысячью огоньковъ купается въ водахъ залива, по которому здѣсь и тамъ несутся украшенныя разноцвѣтными фонарями гондолы. Вмѣстѣ съ отраженіемъ города въ темной глубинѣ моря купается звѣздное небо Италіи. Далеко, далеко на морской зыби лежитъ словно серебряная полоса; это первый привѣтъ мѣсяца, возвѣщающій его скорое появленіе. И вокругъ всего этого словно желѣзная стѣна поднимаются темныя горы, только высочайшія вершины которыхъ едва озарены свѣтомъ яркихъ созвѣздій.

Въ этотъ чудный вечеръ Іоганнъ былъ вмѣстѣ съ Габріеллой. Молча стояли они, любуясь лежащею предъ ними дивною картиной. Какое-то странное чувство волновало грудь дѣвушки; взоръ ея быстро пробѣгалъ по лицу ея друга. Оно казалось ей необыкновенно оживленнымъ, она замѣчала на немъ отраженіе внутренней жизни, чего часто не находила у другихъ мужчинъ. Іоганнъ не смѣлъ повернуться къ ней лицомъ; она видѣла только его рѣзко очерченный профиль и высокій лобъ, на которомъ, казалось, почилъ геній.

Вся ея насмѣшливость пропала при этой мысли.

Іоганнъ продолжалъ упорно смотрѣть на заливъ, хотя его такъ и тянуло взглянуть въ глаза своей сосѣдки; но онъ боролся съ этимъ желаніемъ, зная, что тогда ничто уже не удержитъ его отъ безумныхъ поцѣлуевъ. Онъ не вынесъ бы взгляда ея черныхъ сверкающихъ глазъ, онъ потерялъ бы всякое самообладаніе при видѣ ея золотистыхъ, освѣщенныхъ мѣсяцемъ волосъ.

Здѣсь у Адріатики по вечерамъ часто при безоблачномъ небѣ сверкаютъ яркія зарницы; онѣ очищаютъ воздухъ и благодаря имъ, слѣдующій день бываетъ уже не такъ невыносимо жарокъ. И въ этотъ вечеръ сверкали такія зарницы; задумчиво любовался ими Шарренштейнъ; ему казалось, что само небо даетъ ему совѣтъ охладить пылъ своего сердца.

Онъ прервалъ молчаніе; Габріелла, слухъ которой уже привыкъ къ ночной тишинѣ, испуганно вздрогнула.

— Какъ много сердецъ тамъ внизу бьется у кого отъ радости, у кого отъ печали, и изъ тѣхъ, кого удручаетъ горе, сколь многіе могли бы смѣнить горе на радость! Въ большинствѣ случаевъ

люди сами выдумываютъ себѣ горе. Что скажете вы на это, графиня?

— Я не понимаю васъ, господинъ Шарренштейнъ?

— Въ такомъ случаѣ, графиня, я буду говорить яснѣе. Не случалось ли вамъ когда-либо въ жизни наблюдать, что люди, предназначенные самою природой принадлежать другъ другу, люди, сердца которыхъ бьются одно для другаго, стараются скрыть это и отъ себя и отъ другихъ, единственно потому, что мучаютъ себя какими-то внѣшними мелочами, и только изъ-за этихъ мелочей не могутъ рѣшиться сказать другъ другу слово, которое сдѣлало бы ихъ счастливыми?

Габріелла дрожала и, быть-можетъ, желая скрыть краску, заливщую ея лицо, глубже закуталась въ черную кружевную мантилью; кровь то бросалась ей въ голову, то упадала къ сердцу; вотъ-вотъ изъ его устъ она услышитъ это слово, слово, которое сдѣлаетъ счастливыми и ее, и его. Что-то похожее на любовь шевельнулось въ ея груди.

— Можетъ-быть вы и правы, Шарренштейнъ, тихо прошептала она, и въ голосѣ ея послышалась легкая дрожь. Морозъ пробѣжалъ по жиламъ Шарренштейна, руки его словно впились въ гранитныя перила, къ которымъ онъ прислонился. Онъ тяжело дышалъ всею грудью.

— Вы, графиня, заговорилъ онъ наконецъ,—сами въ такомъ положеніи.

Она прислонилась къ гладкому стволу ближайшаго кипариса. Шарренштейнъ смотрѣлъ на нее, мысленно уподобляя ее памятнику, поставленному на могилѣ его собственнаго счастья. Темнымъ сводомъ нависли вѣтви кипариса, а подъ нимъ въ блѣдныхъ лучахъ мѣсяца стоялъ свѣтлый образъ Габріеллы.

Она утратила способность говорить; Іоганнъ продолжалъ:

— Да, это вы, синьора графиня. Съ дѣтства вы дѣлили свое время съ вашимъ двоюроднымъ братомъ Гиги; вы любите другъ друга, но ни одинъ изъ васъ не хочетъ признаться въ этомъ; вы рѣзко прерываете его, когда онъ уже готовъ сказать вамъ слово признанія; оскорбленное самолюбіе и досада—вотъ послѣдствія такого обращенія. Будьте съ нимъ мягче и ласковѣе, одинъ вашъ ободряющій взглядъ развяжетъ ему языкъ.

Онъ говорилъ все быстрѣе и быстрѣе; удивительно какъ гранитъ выдержалъ дикое пожатіе его оледенѣвшихъ рукъ. Теперь онъ наклонился впередъ, глаза его, всегда такіе кроткіе и ясные,

налились кровью; безпокойное, безумное желаніе поскорѣе узнать ея отвѣтъ заставили его пригнуться къ самому лицу Габріеллы.

Она словно вся замерла, только грудь ея порывисто поднималась.

— Я послѣдую вашему совѣту; покойной ночи, господинъ Шарренштейнъ.

Ей стоило большихъ усилій двинуться съ мѣста; теперь въ свою очередь Іоганнъ стоялъ словно окаменѣлый. Еще онъ слышалъ ея легкіе шаги по песку дорожки, еще онъ видѣлъ ея платье, мелькающее среди темныхъ кустовъ, можетъ-быть еще не поздно—за ней, скорѣе за ней... и тогда... что̀ тогда?... Какая-то невидимая сила приковала его къ мѣсту, онъ остался.

— Габріелла! вырвалось у него, и онъ упалъ къ подножію кипариса.

VII.

Ярко сіяло утреннее солнце.

Маудъ была недовольна: ея госпожа разбудила ее ранѣе обыкновеннаго; второй и третій звонокъ предупреждалъ ее, что сегодня ей нечего разсчитывать на любезное обращеніе.

Къ ея величайшему удивленію Габріелла была уже на ногахъ; на щекахъ у нея игралъ румянецъ, признакъ лихорадочнаго возбужденія; между бровями легли маленькія складки, говорившія служанкѣ, что она должна обращаться съ нею возможно осторожнѣе. Графиня умывалась усерднѣе, чѣмъ когда-либо; она распустила свои волнистые волосы по плечамъ; Маудъ должна была принести изъ сада свѣжихъ розъ; одну изъ нихъ она старательно вколола въ голову, провѣряя въ зеркалѣ оставить ли цвѣтокъ на этомъ мѣстѣ или лучше переколоть въ другое. Маудъ подала ей темный утренній капотъ; она швырнула его въ сторону и приказала подать себѣ шитое батистовое платье; надѣвъ его, она укрѣпила на груди цѣлый букетъ свѣженарванныхъ розъ. Кружевной воротникъ не могъ скрыть красоты ея шеи, а прозрачная ткань платья въ одно и то же время и скрывала и выставляла на видъ ея удивительное сложеніе.

Она подошла къ зеркалу и осталась собою довольна; она улыбнулась своему собственному отраженію, внутренній голосъ говорилъ ей, что эта улыбка очаруетъ какого угодно мужчину.

Неужели одинъ Гиги будетъ исключеніемъ!

Она услышала легкій шорохъ въ карманѣ своего платья; невольно сунула она туда руку и вынула листъ розовой бумаги; одно мгновеніе она была готова бросить эту бумажку на полъ, какъ будто прикосновеніе къ ней причиняло ей боль, но потомъ рѣшительно развернула ее.

Одну минуту она казалась растроганною, читая миленькіе стишки, присланные ей Шарренштейномъ въ то время, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ее въ этомъ платьѣ; но вдругъ это нѣжное выраженіе исчезло, между бровей легли складки, уста, казалось, были готовы осыпать художника самыми ядовитыми насмѣшками.

— Глупость... безвкусица!

Съ этими словами она зажгла свѣчу, чтобы на ея пламени сжечь эту бумажку.

— Съ этимъ аутодафе еще обожжешь себѣ пальцы!

И она бросила послѣдній догорающій клочокъ бумаги на балконъ; вѣтеръ унесъ его. На кончикахъ ея пальцевъ осталась небольшая краснота.

Она сошла внизъ. Флагіолетто былъ изумленъ, видя ее въ такое раннее время; она слегка кивнула ему головой, прошла въ садъ, отломила большую покрытую цвѣтами вѣтку апельсина и улеглась въ гамакъ, привязанный къ стволамъ двухъ стройныхъ пальмъ въ тѣни миртовыхъ кустовъ.

Отсюда можно было видѣть весь домъ принчипессы. Окна Гиги выходили какъ разъ въ эту сторону. Черные глаза Габріеллы непріязненно остановились на нихъ. Ея двоюродный братъ уже всталъ, ставни были открыты настежь, онъ разсуждалъ съ Цисцелакомъ. Вотъ онъ подошелъ къ окну; графиня хорошо видѣла его, но притворилась погруженною въ чтеніе книги, которую держала въ рукахъ.

Его взоръ словно приросъ къ тому мѣсту, онъ пожралъ глазами эту чудную, небрежно раскинувшуюся фигуру; ея бѣлыя, какъ алебастръ, руки удивительно выдѣлялись на красномъ переплетѣ книги. Лица ея онъ не могъ видѣть, за то видѣлъ пышныя волны ея золотыхъ волосъ. Ножки были обуты въ голубыя атласныя туфли; одна свалилась на земь и Гиги увидѣлъ ея блѣднорозовый чулокъ. Но графиня тотчасъ же спрятала ее въ складкахъ своего платья.

У Гиги застучало въ вискахъ. Да, она прекрасна, безконечно прекрасна! Никогда въ жизни не сознавалъ онъ этого такъ ясно, какъ именно теперь. Какое наслажденіе безпрепятственно любоваться ею отсюда сверху!

Вотъ руки ея опустились; книга упала на колѣни, и какъ бы въ подтвержденіе того, что руки ея своею бѣлизной ничуть не уступаютъ бѣлизнѣ платья, онѣ такъ и остались лежать на немъ. Теперь можно было видѣть лицо графини. Гиги видѣлъ съ боку его строгій профиль и могъ вдоволь налюбоваться классическою формой ея носа, прекраснымъ выпуклымъ лбомъ, яркою краской губъ, словно нарисованными темными бровями. Самихъ глазъ онъ не видѣлъ: вѣки были опущены, и длинныя черныя рѣсницы бросали легкую тѣнь на ея нѣжнорозовыя щеки. Золотистые волосы разсыпались у нея по шеѣ и по плечамъ и выбивались сквозь сѣтку гамака. Она казалась спящею.

— Есть нѣмецкая пѣсня, пѣсня о Лорелей; именно такою я представляю себѣ эту рейнскую русалку, думалъ Гиги, припоминая мотивъ пѣсни.

Онъ поспѣшилъ внизъ. Габріелла услышала его шаги; краска на ея щекахъ стала гуще, грудь ея то порывисто поднималась, то опускалась, кончикъ необутой ноги чуть-чуть высунулся изъ-подъ широкихъ складокъ платья.

На пескѣ послышались легкіе шаги Гиги; звукъ этотъ заставилъ Габріеллу вздрогнуть, но даже самый внимательный взоръ едва замѣтилъ бы это.

Вотъ онъ стоитъ около нея; хотя вѣки ея опущены, она чувствуетъ на себѣ его пылающій взглядъ. Благоуханіе розъ и запахъ цвѣтущаго апельсина слились около нея въ такой ароматъ, что Гиги просто липнулся разсудка. Тихо протянувъ руку сквозь чащу миртовыхъ вѣтвей, онъ сорвалъ темно-красный цвѣтокъ граната, потомъ нарвалъ олеандровъ, поднялся на цыпочки, обобралъ розовый кустъ и осыпалъ цвѣточнымъ дождемъ свою прекрасную кузину. Габріелла улыбнулась, вѣки ея поднялись; она обожгла его сверкающимъ взглядомъ.

— Гиги, нѣжно прошептала она,—ты усыпалъ цвѣтами мое ложе. Какъ это мило съ твоей стороны!

Она протянула ему руку; онъ поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Такъ ты теперь на меня не сердишься?

— Видя тебя, кто можетъ сердиться, Габріелла!

— Какія мы съ тобою большія дѣти! Зачѣмъ мы дѣлаемъ свою жизнь такою тяжелою, когда можемъ быть безконечно счастливыми. Зачѣмъ мы постоянно ссоримся съ тобою.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ И УПРАВЛЯЕМЫЕ АЭРОСТАТЫ.

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Монгольфье въ первый разъ удалось осуществить мечту человѣчества, и сила тяжести, приковавшая людей къ земной поверхности, потеряла свое, повидимому, непреодолимое значеніе. Людямъ, несмотря на нее, удалось, наконецъ, отдѣлиться отъ земли. Этотъ первый успѣхъ былъ достигнутъ, однако, не на томъ пути, гдѣ давно искало его человѣчество.

На мысль о возможности передвиженія по воздуху—о летаніи—естественно съ незапамятныхъ временъ должны были наводить птицы, и крылья стали для человѣка воплощеніемъ и символомъ этой мечты. Казалось, надо было только искусственно создать или замѣнить тотъ органъ, котораго не дала человѣку природа. Многочисленныя попытки въ этомъ направленіи не имѣли, однако, почти никакихъ результатовъ; механизмъ, которому хотѣли подражать, несмотря на свою кажущуюся простоту, былъ слишкомъ сложенъ, и тѣ силы, которыми располагали для приведенія его въ движеніе, слишкомъ незначительны. Людямъ не только не удалось летать съ помощью искусственныхъ крыльевъ, но даже и подняться надъ землей, и всѣ разсказы о такомъ летаніи имѣютъ болѣе или менѣе легендарный характеръ.

Первые положительные результаты получены были Монгольфье въ совершенно другомъ направленіи. Не птицы, а тучи навели его на мысль о возможности для тяжелыхъ тѣлъ и для человѣка преодолѣвать силу тяжести и подниматься на воздухъ. Тогда какъ всѣ прежнія попытки, основанныя на стремленіи посред-

ствомъ движущихся плоскостей найти въ воздухѣ точку опоры, позволяющую преодолѣвать силу тяжести, можно назвать аэродинамическими, тотъ способъ, который найденъ былъ Монгольфье и усовершенствованъ Шарлемъ, есть способъ аэростатическій; способъ этотъ такъ простъ, что когда опыты Монгольфье стали совершившимся фактомъ, одинъ ученый невольно выразилъ свое удивленіе не этимъ опытамъ, а тому, что мысль о нихъ раньше никому не пришла въ голову; въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы тѣло поднималось въ воздухѣ, нужно только, чтобъ удѣльный вѣсъ его былъ меньше удѣльнаго вѣса воздуха...

Въ природѣ нѣтъ, однако, ни твердыхъ, ни жидкихъ тѣлъ, удѣльный вѣсъ которыхъ былъ бы меньше удѣльнаго вѣса воздуха;такимъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ подъемъ твердыхъ тѣлъ на воздухъ, необходимо соединить ихъ съ разряженнымъ воздухомъ или съ другимъ газомъ болѣе легкимъ, чѣмъ воздухъ. Воздухъ, разряженный посредствомъ нагрѣванія, составляетъ способъ подъема Монгольфьеровъ, водородъ, употребленіе котораго введено Шарлемъ, и до сихъ поръ остался лучшимъ средствомъ для подъема аэростатовъ. Хотя водородъ въ шестнадцать разъ легче воздуха, для подъема оболочки шара, воздухоплавательной корзинки, балласта и самого воздухоплавателя нужно весьма значительное количество его, такъ какъ, согласно закону Архимеда, необходимо, чтобы вѣсъ вытѣсненнаго воздуха равнялся вѣсу тѣла плавающаго въ немъ. Поэтому аэростаты даже самыхъ незначительныхъ размѣровъ должны кубировать не менѣе двухъ или трехъ сотъ метровъ водорода, отсюда ясно, что они должны представлять весьма значительную поверхность сопротивленія движенію воздуха, и обстоятельство это, не составляя препятствія для подъема аэростатовъ, дѣлаетъ управленіе ими настолько затруднительнымъ, что долгое время оно считалось совсѣмъ невозможнымъ.

Опыты Ренара и Кребса, казалось, должны были не только окончательно разсѣять это заблужденіе, но и дать вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе задачи воздухоплаванія; въ самомъ дѣлѣ, воздухоплавателямъ не только удалось отклониться отъ линіи вѣтра, но и достигнуть движенія противъ него, такъ что они могли, поднявшись въ Шале и описавъ въ воздухѣ нѣкоторую замкнутую кривую, снова спуститься на мѣстѣ подъема.

Преувеличенныя надежды не оправдались однако, и скоро за ними послѣдовало совершенно несправедливое разочарованіе.

Большинство совсѣмъ не понимало, что въ подобныхъ случаяхъ то, что̀ доказывается однимъ удавшимся опытомъ, не можетъ быть опровергнуто десятками другихъ неудавшихся: требовать, чтобъ аэростатъ оставался управляемымъ при какихъ угодно, даже самыхъ неблагопріятныхъ, условіяхъ, значитъ требовать невозможнаго; даже въ море суда не выходятъ во время бури, и если случайно застигнуты ею, только отстаиваются отъ нея и не стараются бороться съ нею. Понятно, что для аэростата, который долженъ въ самой движущейся средѣ находить точку опоры, чтобы сопротивляться этому движенію, причемъ движущая сила, которою обладаетъ воздухоплаватель, сравнительно весьма незначительна, движеніе противъ вѣтра представляетъ еще бо́льшія трудности. Если признавать управляемыми только такіе аэростаты, которые могли бы двигаться по какому угодно направленію и въ какую угодно погоду, то пришлось бы, конечно, согласиться, что до сихъ поръ управляемыхъ аэростатовъ никогда не существовало, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы признать и то, что не существуетъ управляемыхъ лодокъ, такъ какъ нѣтъ такой лодки, которая могла бы идти противъ очень сильнаго теченія. Въ виду этого управляемыми аэростатами слѣдуетъ признать не тѣ, которые могутъ удовлетворить всѣмъ мечтамъ и желаніямъ, а тѣ, которые подчиняются волѣ воздухоплавателя *при благопріятныхъ условіяхъ*. Въ этомъ смыслѣ не только *Франція* Ренара и Кребса, но и аэростаты Жифара, Дюпюи-де-Лома и братьевъ Тиссандье должны быть признаны управляемыми; всѣ они достигли отклоненія отъ линіи вѣтра и, слѣдовательно, при отсутствіи вѣтра могли бы двигаться въ какомъ угодно направленіи. Для того, чтобъ аэростатъ былъ управляемымъ, достаточно, чтобъ онъ имѣлъ нѣкоторое, хотя бы и незначительное, но независимое отъ вѣтра движеніе, въ такомъ случаѣ онъ всегда можетъ двигаться по направленію, составляющему нѣкоторый уголъ съ направленіемъ вѣтра, а если вѣтра совсѣмъ нѣтъ или скорость его весьма незначительна и меньше самостоятельной скорости аэростата, то онъ можетъ двигаться и противъ вѣтра, причемъ скорость его движенія относительно неподвижной точки на землѣ равна будетъ самостоятельной скорости аэростата, минусъ скорость вѣтра.

Вообще говоря, при управленіи аэростатами, имѣющими нѣкоторую самостоятельную, независимую отъ вѣтра силу, возможны три случая: или эта самостоятельная сила значительнѣе силы

вѣтра и тогда аэростатъ безусловно направляемъ и только скорость его будетъ измѣняться, смотря по тому направленію, по какому долженъ онъ двигаться, или скорость его менѣе значительна и тогда онъ можетъ двигаться только по направленію вѣтра, но отклоняясь отъ его линіи и также съ большею или меньшею скоростью.

1) Если самостоятельная сила аэростата дѣйствуетъ по тому же направленію, какъ вѣтеръ, въ результатѣ получается движеніе его по направленію вѣтра, но съ большею скоростью, равною скорости вѣтра, плюсъ самостоятельная скорость аэростата: 2) если самостоятельная сила аэростата дѣйствуетъ въ направленіи противоположномъ вѣтру, дѣйствіе ея должно вычитаться изъ скорости вѣтра, хотя направленіе остается то же самое; 3) если, наконецъ, самостоятельная сила аэростата дѣйствуетъ подъ нѣкоторымъ угломъ съ направленіемъ вѣтра, направленіе и скорость движенія его опредѣляются равнодѣйствующею этихъ силъ.

Изъ опытовъ Ренара и Кребса выяснилась не только возможность направленія аэростатовъ, но и нѣкоторыя изъ условій, которыя должны быть выполнены для достиженія этой цѣли. Условія эти, впрочемъ, ясны сами собой и ихъ имѣли уже въ виду предшественники Ренара; дѣйствительно, само собой ясно, что для того, чтобы достигать значительныхъ скоростей при безвѣтріи или, что то же самое, чтобъ имѣть возможность бороться съ болѣе или менѣе сильнымъ вѣтромъ, надо имѣть какъ можно болѣе сильный и легкій двигатель и надо чтобы поверхность представляемая аэростатомъ сопротивленію воздуха при поступательномъ движеніи была какъ можно меньше, то-есть чтобы поперечный разрѣзъ шара былъ какъ можно меньше, отсюда вытекаетъ необходимость удлиненной формы аэростата, чтобъ уменьшить сопротивленіе горизонтальному поступательному движенію, не уменьшая подъемной силы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что результаты, полученные Ренаромъ и Кребсомъ, далеко не составляютъ послѣдняго слова науки. Двигатель избранный ими по примѣру Тиссандье хотя и представляетъ большія выгоды въ отношеніи удобства управленія, даже при теперешнемъ состояніи техники, едва-ли можетъ считаться самымъ сильнымъ относительно собственнаго вѣса. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни усовершенствовались двигатели и форма аэростатовъ, соединеніе аэростатовъ съ механическими пропеллерами

всегда будетъ представлять то неудобство, что для подъема будетъ требовать довольно большаго количества водорода и, слѣдовательно, поверхность, представляемая ими воздуху, всегда будетъ очень значительна, поэтому мечтой воздухоплавателей всегда останется летаніе посредствомъ снарядовъ тяжелѣйшихъ чѣмъ воздухъ и нельзя утверждать, чтобы мечта эта не могла сдѣлаться дѣйствительностію.

Главныя препятствія къ механическому полету—исключительно техническаго характера, въ этомъ убѣждаютъ не только наблюденіе надъ полетомъ птицъ, но и самыя простыя размышленія. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы создать въ воздухѣ точку опоры, подобную той, которую птицы находятъ въ своихъ крыльяхъ, а не въ томъ, чтобы найти силу, которая, будучи примѣнена къ этой точкѣ опоры, могла бы заставить тѣло отдѣлиться отъ земли или висѣть въ воздухѣ. Носильщики, каждый день поднимающіеся по лѣстницамъ со значительными грузами, показываютъ намъ, что для преодолѣнія силы тяжести въ размѣрахъ, превышающихъ вѣсъ собственнаго тѣла, достаточно даже мускульной силы человѣка; весь вопросъ здѣсь очевидно не въ преодолѣніи силы тяжести, а въ отысканіи точки опоры для ея преодолѣнія; птицы и насѣкомыя доказываютъ намъ, что и это возможно, но анатомическое строеніе ихъ организма и безсознательная инстинктивная дѣятельность сразу даютъ имъ то, для достиженія чего можетъ-быть еще не мало придется потрудиться человѣчеству.

Почти всѣ попытки механическаго летанія до сихъ поръ кончались не только неудачами, но и несчастіями. Аэропланы, которые въ послѣднее время привлекли вниманіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, также не могутъ быть экспериментированы въ большемъ видѣ, безъ крайней опасности для изслѣдователя: если спуски съ парашютами нерѣдко кончаются катастрофами, то нельзя не ожидать того же отъ аэроплановъ, для управленія которыми потребовались бы не только значительныя смѣлость и ловкость, но и опытность, которую пріобрѣсти негдѣ.

Только соединеніе аэростатовъ съ аэропланами даетъ возможность дѣлать опыты въ этомъ направленіи съ относительною безопасностію для экспериментатора.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря соединенію съ аэростатами опыты надъ аэропланами въ большомъ видѣ становятся не только практически осуществимыми, но и относительно безопасными,

такъ какъ не только аэропланъ и воздухоплаватель получаютъ возможность отдѣлиться отъ земли, что̀ до сихъ поръ ни разу не было достигнуто, но и при спускѣ движеніе можетъ быть замедлено по желанію.

Кромѣ этого, такъ-сказать, подготовительнаго значенія, соединеніе аэростатовъ съ аэропланами имѣетъ еще весьма серьезное практическое значеніе, такъ какъ посредствомъ него простѣйшимъ способомъ разрѣшается вопросъ объ управляемости аэростатовъ безо всякихъ механическихъ приспособленій, безо всякихъ пропеллеровъ. Именно на этой сторонѣ вопроса мы и остановимся.

На возможность управленія аэростатами посредствомъ наклонныхъ плоскостей указывалъ уже Монгольфье, но мысль эта до нашего времени не нашла себѣ примѣненія. Большинство лицъ спеціально занимающихся воздухоплаваніемъ въ наши дни относятся къ этой идеѣ отрицательно.

Гастонъ Тиссандье въ своемъ трудѣ *Histoire des ballons* отводитъ парящимъ аэростатамъ, какъ онъ называетъ ихъ, особую главу, въ которой онъ утверждаетъ, что такого рода аэростаты, если они и могутъ дать какіе-нибудь результаты при тихой погодѣ, окажутся совершенно безсильны бороться съ вѣтромъ и будутъ увлечены массой движущагося воздуха. Другой спеціалистъ Генрихъ Медебекъ находитъ, что если поступательное движеніе можетъ быть получено при безвѣтріи, то нѣтъ никакого основанія утверждать, чтобы нельзя было получить и движенія противъ вѣтра, придавъ только аэростату болѣе значительныя скорости при подъемахъ и при спускахъ, но это представитъ, по его мнѣнію, практическія неудобства для воздухоплавателей и тѣ же результаты могутъ быть достигнуты болѣе простыми средствами. Оба мнѣнія сходятся такимъ образомъ относительно вывода, но находятся въ прямомъ противорѣчіи относительно основаній его.

Въ вопросахъ воздухоплаванія болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, необходимо вполнѣ усвоить себѣ понятіе объ относительности движенія. Необходимо помнить, что движеніе каждаго тѣла можетъ быть опредѣлено лишь относительно другаго тѣла, которое само или остается неподвижно, или, по крайней мѣрѣ, предполагается неподвижнымъ.

Большею частью, когда мы разсматриваемъ движеніе, мы предполагаемъ неподвижность всей окружающей среды, но это

совершенно невозможно относительно аэростатовъ, потому что воздухъ, въ который они погружены, всегда находится въ нѣкоторомъ, хотя бы и очень слабомъ, движеніи. Такимъ образомъ, движеніе аэростата относительно неподвижной точки на земной поверхности, если аэростатъ имѣетъ самостоятельное движеніе, слагается изъ двухъ движеній: этого самостоятельнаго движенія аэростата и изъ движенія воздуха, въ которомъ онъ движется.

Пароходъ, медленно скользящій по рѣкѣ, на палубѣ котораго въ это время гуляютъ пассажиры, можетъ дать самое наглядное представленіе объ относительности движенія. Относительно неподвижной точки на берегу нѣкоторые изъ пассажировъ имѣютъ ускоренное движеніе, слагающееся изъ движенія парохода и ихъ собственнаго; у другихъ, идущихъ отъ носа къ кормѣ, одно изъ движеній вычитается изъ другаго движенія, у третьихъ, идущихъ поперекъ палубы, оно составляетъ діагональ между путемъ парохода и пройденнымъ имъ пространствомъ на палубѣ.

Совсѣмъ другое дѣло движеніе аэростата въ воздухѣ; благодаря прозрачности окружающей его среды, здѣсь не можетъ быть непосредственнаго впечатлѣнія относительности движенія и о ней можно только заключать.

Если аэростатъ погруженъ въ равномѣрно движущуюся атмосферу и пріобрѣлъ уже скорость окружающей его среды, движеніе это для него не существуетъ, такъ какъ самъ онъ движется вмѣстѣ съ этою средой. Не только теоретическія разсужденія, но и опытъ воздухоплавателей вполнѣ подтверждаютъ это. На аэростатѣ, какъ бы ни было быстро его горизонтальное движеніе, если онъ не имѣетъ самостоятельной скорости, не ощущается ни малѣйшаго вѣтра.

Отсюда ясно, что къ движенію аэростатовъ въ движущемся воздухѣ вполнѣ примѣнимы законы относительнаго движенія.

Слѣдовательно, движеніе противъ вѣтра возможно, когда самостоятельная скорость аэростата превосходитъ скорость вѣтра, въ противномъ случаѣ, она вычитается изъ скорости вѣтра, или суммируется съ нею, или сообщаетъ аэростату болѣе или менѣе значительное отклоненіе отъ направленія вѣтра.

Все это вполнѣ признаетъ и Тиссандье относительно аэростатовъ снабженныхъ пропеллерами и отрицаетъ возможность бороться съ вѣтромъ только для парящихъ аэростатовъ, хотя совершенно не видно какая можетъ быть разница въ этомъ отношеніи между парящими аэростатами и тѣми, которые

дѣйствуютъ посредствомъ пропеллеровъ, если только первые не уступаютъ послѣднимъ относительно количества движущей силы.

Но прежде чѣмъ идти дальше, остановимся на принципѣ той категоріи аэростатовъ, которую Тиссандье называетъ парящими; принципъ этотъ весьма простъ и, какъ мы уже говорили, указанъ былъ Монгольфье.

Какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ аэростатъ испытываетъ сопротивленіе воздуха сверху внизъ или снизу вверхъ; сила эта, дѣйствующая перпендикулярно къ земной поверхности, посредствомъ наклонныхъ плоскостей можетъ быть разложена подобно тому, какъ на парусныхъ судахъ разлагается сила вѣтра, съ тою только разницей, что здѣсь движущею силой является тяжесть, а вмѣсто воды для разложенія силы служитъ сопротивленіе воздуха.

Наклонная плоскость, расположенная подъ аэростатомъ или вдоль его, или просто самая форма аэростата могутъ обусловить неравномѣрное сопротивленіе воздуха по различнымъ направленіямъ во время подъемовъ и спусковъ, благодаря чему аэростатъ начинаетъ двигаться по тому направленію, въ которомъ онъ встрѣчаетъ наименьшее сопротивленіе.

Только въ безвоздушномъ пространствѣ всѣ тѣла падаютъ перпендикулярно и съ одинаковою скоростью, въ воздухѣ скорость и направленіе паденія зависятъ отъ многихъ условій: отъ массы тѣла, отъ его удѣльнаго вѣса и формы. Вообще говоря, чѣмъ больше поверхность падающаго тѣла относительно его вѣса, тѣмъ больше сопротивленіе воздуха, тѣмъ медленнѣе движеніе и тѣмъ больше направленіе его можетъ отклоняться отъ перпендикуляра. Измѣненіе размѣровъ и формы можетъ, однако, совершенно измѣнить эти условія, и свинцовый шаръ очень малаго діаметра можетъ падать въ воздухѣ медленнѣе, чѣмъ деревянный большихъ размѣровъ, точно также тѣла одинаковаго вѣса и одинаковаго объема могутъ падать съ весьма различною скоростью: человѣкъ, бросающійся съ высоты, падаетъ съ громадною скоростью вмѣстѣ съ парашютомъ, если парашютъ не успѣлъ развернуться, но если онъ развернулся — спускается съ нимъ плавно и медленно, хотя вѣсъ и объемъ вытѣсняемаго воздуха нисколько не измѣнились. Измѣняя такимъ образомъ форму падающихъ тѣлъ, мы можемъ не только замедлять ихъ паденіе, но также измѣнять его направленіе. Представимъ себѣ тѣло, ограниченное двумя близкими другъ къ

другу плоскостями, имѣющими значительную поверхность и очень незначительную толщину, такое тѣло всегда будетъ падать подъ угломъ составляемымъ этою поверхностью съ горизонтомъ, и движеніе будетъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ острѣе этотъ уголъ, максимумъ скорости получается при прямомъ углѣ, а минимумъ— когда уголъ этотъ равенъ нулю, то-есть когда поверхность падающей плоскости параллельна поверхности земли.

Предполагая площадь такого тѣла очень значительною, а вѣсъ его произвольно малымъ, мы можемъ допустить, что при горизонтальномъ ея положеніи, скорость ея паденія безконечно мала, меньше какой угодно данной величины. Тогда мы получимъ математическую схему паденія подобныхъ тѣлъ въ воздухѣ. Если мы придадимъ такому тѣлу вѣсъ, схема паденія будетъ та же самая, которая существуетъ для паденія тѣлъ по наклонной плоскости, и потому намъ нѣтъ надобности останавливаться на ней; въ самомъ дѣлѣ, положеніе здѣсь совершенно то же, только дѣйствіе силы тяжести разлагается не наклонною плоскостью, находящеюся подъ тѣломъ и мѣшающею ему двигаться перпендикулярно, а наклономъ плоскости, который заставляетъ его скользить по воздуху въ сторону угла составляемаго имъ съ горизонтомъ, совершенно такъ же, какъ оно катилось бы съ ледяной горы.

Такъ какъ въ дѣйствительности намъ приходится имѣть дѣло не съ математическими фигурами, а съ тѣлами, форма которыхъ можетъ измѣняться лишь въ нѣкоторыхъ, довольно ограниченныхъ предѣлахъ, то мы въ дѣйствительности не въ правѣ основывать наши разсчеты на предположеніи невѣсомыхъ плоскостей. Поэтому мы не можемъ совершенно пренебречь дѣйствіемъ силы тяжести по направленію перпендикулярному къ поверхности падающаго тѣла, какъ вполнѣ уничтожаемомъ сопротивленіемъ воздуха; намъ не трудно ввести соотвѣтствующую поправку, предположивъ, что самый путь, по которому падаетъ тѣло, въ свою очередь опускается съ тою скоростью, какую имѣло бы падающее тѣло, еслибъ оно должно было падать въ воздухѣ не свободно, а по перпендикуляру. Кромѣ того, для полученія пути и скорости физическаго тѣла при его паденіи въ воздухѣ, необходимо принять въ разсчетъ сопротивленіе воздуха не только по направленію ихъ большей поверхности, но и по направленію угла, составляемаго ими съ горизонтомъ.

Итакъ, общая схема паденія тѣлъ, имѣющихъ значительную поверхность, остается приблизительно та же, что̀ и для паденія

тѣлъ по наклонной плоскости, и въ ней необходимо только дѣлать соотвѣтствующія поправки для каждаго физическаго тѣла согласно объему, массѣ, удѣльному вѣсу и формѣ тѣлъ. [1]

При подъемѣ тѣлъ на воздухъ остаются въ силѣ тѣ же самыя условія, съ тою только разницей, что въ этомъ случаѣ движущею силой является не вѣсъ поднимающагося тѣла, а вѣсъ вытѣсняемаго воздуха или точнѣе разница между вѣсомъ вытѣсняемаго воздуха и вѣсомъ тѣла.

Теперь представимъ себѣ аэростатъ находящійся въ связи съ аэропланомъ, уголъ котораго съ горизонтомъ можетъ по желанію быть установленъ воздухоплавателемъ и снабженъ болѣе или менѣе значительнымъ запасомъ балласта.

Положимъ затѣмъ, что предъ началомъ подъема аэропланъ наклоняется въ сторону противоположную той, куда желаютъ перенестись. Когда аэростатъ начинаетъ подниматься, давленіе оказываемое воздухомъ на поверхность его заставляетъ весь снарядъ отклониться въ сторону противоположную углу, составляемому аэропланомъ съ горизонтомъ, то-есть по направленію къ цѣли; если, достигнувъ нѣкоторой высоты, мы выпустимъ часть газа такъ, чтобъ аэростатъ началъ опускаться и не измѣнимъ положенія аэроплана, спускъ произойдетъ по направленію противоположному тому, по которому происходилъ подъемъ, такъ какъ воздухъ будетъ производить давленіе уже не на верхнюю, а на нижнюю поверхность аэроплана и заставитъ его при спускѣ отклоняться также отъ перпендикуляра, только въ противоположную сторону, такъ что аэростатъ долженъ будетъ въ случаѣ безвѣтрія спуститься на томъ же мѣстѣ, съ котораго поднялся; но если, прежде чѣмъ начать спускъ, мы измѣнимъ положеніе аэроплана такъ, чтобъ онъ наклонился въ сторону противоположную точкѣ отправленія, тогда и при спускѣ аэростатъ сохранитъ то же поступательное движеніе, какъ и при подъемѣ; если мы нѣсколько разъ не касаясь земли, насколько это позволяетъ запасъ балласта, повторимъ тотъ же самый маневръ, то получимъ поступательное волнообразное движеніе. [2]

---

[1] Конечно, если уголъ составляемый имъ съ горизонтомъ остается неизмѣннымъ.

[2] Все сказанное здѣсь легко провѣрить на опытѣ, для этого достаточно взять два небольшіе резиновые шара наполненные водородомъ и прикрѣпить къ нимъ очень легкій аэропланъ съ протянутою подъ нимъ шелковою нитью, вдоль которой можно было бы передвигать легкій привѣсокъ, перемѣщая такимъ образомъ центръ тяжести модели.

Если мы предположимъ теперь, что, поднявшись на высоту тысячи метровъ, мы три раза совершимъ тотъ же маневръ, причемъ, какъ во время подъема, такъ и во время спуска уголъ, составляемый путемъ аэростата съ горизонтальною линіей, будетъ равняться 45 градусамъ, то въ случаѣ безвѣтрія окажется, что путь пройденный аэростатомъ по горизонтальному направленію равенъ приблизительно шести километрамъ.

Измѣненіе угла составляемаго аэропланомъ съ горизонтомъ достигается слѣдующимъ образомъ: для этого нужно или аэропланъ сдѣлать подвижнымъ относительно остальныхъ частей снаряда или сдѣлать подвижною воздухоплавательную корзину, чтобы съ перемѣщеніемъ ея измѣнялся центръ тяжести всего снаряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уголъ составляемый аэропланомъ съ горизонтомъ. Послѣдній способъ, повидимому, проще. Если къ аэроплану присоединить еще руль, то до тѣхъ поръ пока самостоятельная скорость, которую можетъ развить аэростатъ во время подъемовъ и спусковъ, превышаетъ скорость вѣтра, до тѣхъ поръ аэростатъ остается безусловно управляемымъ, и весь вопросъ состоитъ въ томъ, насколько велика можетъ быть самостоятельная скорость во время подъемовъ и спусковъ и часто ли она будетъ превышать скорость вѣтра?

Такъ какъ скорость подъема и спуска зависитъ отъ величины угла составляемаго съ горизонтомъ и отъ того насколько велика разница между удѣльнымъ вѣсомъ снаряда и вытѣсняемаго имъ воздуха, и максимумъ этой разницы во время подъема представляетъ вѣсъ всего могущаго быть выброшеннымъ балласта, а при спускѣ вѣсъ всего снаряда, то отсюда не трудно опредѣлить тотъ запасъ силы, который представляетъ собою аэростатъ опредѣленнаго вѣса, находящійся на извѣстной высотѣ.

Запасъ этотъ равенъ той силѣ, которая потребовалась бы, чтобы поднять на эту высоту соотвѣтствующій грузъ съ такою скоростью, съ какою грузъ этотъ можетъ упасть съ той же высоты, иными словами, онъ равенъ массѣ аэростата, помноженной на скорость паденія тѣлъ, а такъ какъ при разложеніи силы тяжести посредствомъ аэроплана половина ея можетъ быть обращена на сообщеніе аэроплану поступательнаго движенія, то отсюда уже видно какихъ значительныхъ скоростей въ горизонтальныхъ направленіяхъ могутъ достигать такіе снаряды, по крайней мѣрѣ во время спуска.

Мы однако не имѣемъ въ виду давать здѣсь точныя вычисленія возможной скорости парящихъ аэростатовъ, такія вычисленія были бы не только преждевременны по недостатку опытныхъ данныхъ, но и совершенно безполезны, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны измѣняться сообразно подъемной силѣ аэростата, его формѣ, величинѣ аэроплана и т. п. Для того же, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о тѣхъ скоростяхъ, которыя можно получать утилизируя энергію положенія аэростата, представимъ себѣ аэростатъ кубирующій 2.000 метровъ водорода и, слѣдовательно, имѣющій подъемную силу болѣе 2.000 килограммовъ и такой же формы какъ у Ренара и Кребса, только снабженный аэропланомъ вмѣсто пропеллера.

Очевидно, что сопротивленіе оказываемое воздухомъ поступательному движенію такого аэростата будетъ равно тому, которое испытывалъ аэростатъ Ренара и Кребса, и самостоятельная скорость его будетъ больше или меньше, смотря потому больше или меньше движущая сила; но такъ какъ ускореніе сообщаемое силой тяжести падающему тѣлу равняется приблизительно десяти метрамъ въ секунду и половина его можетъ быть употреблена на сообщеніе аэростату поступательнаго движенія, то каждый килограммъ представляетъ собою движущую силу въ пять килограммометровъ, и, слѣдовательно, выпуская количество газа соотвѣтствующее 150 килограммамъ подъемной силы, мы располагаемъ силой въ десять паровыхъ лошадей. Конечно, при шарахъ наполненныхъ водородомъ или свѣтильнымъ газомъ, гдѣ подъемная сила будучи израсходована не можетъ быть пополнена во время пути, подобный маневръ можетъ быть повторенъ не болѣе раза или двухъ, но возможность пройти даже при сильномъ вѣтрѣ хотя бы только одинъ или два километра заслуживаетъ вниманія воздухоплавателей. Для направляемости аэростатовъ имѣетъ больше значенія самый краткій полетъ противъ вѣтра, чѣмъ пребываніе на высотѣ нѣсколькихъ километровъ въ теченіе многихъ часовъ, во время которыхъ вѣтеръ увлекаетъ аэростатъ на громадное разстояніе отъ мѣста подъема безо всякой возможности выбрать мѣсто спуска, а только время его.

Весь вопросъ здѣсь чисто-техническаго характера; все дѣло въ томъ, чтобъ устроить легкіе и прочные аэропланы и быстрое перемѣщеніе центра тяжести снаряда. Едва ли при современныхъ

успѣхахъ техники есть основаніе сомнѣваться въ разрѣшимости этой задачи. Если же управляемость аэростатовъ этимъ способомъ будетъ достигнута, то мало-по-малу, увеличивая при спускѣ вѣсъ аэростатовъ и такимъ образомъ усиливая значеніе аэроплановъ, можно будетъ значительно приблизиться къ окончательному рѣшенію задачи посредствомъ снарядовъ болѣе тяжелыхъ чѣмъ воздухъ, непосредственное рѣшеніе которой едва ли возможно въ виду той опасности для воздухоплавателя, съ которою сопряженъ каждый опытъ въ большомъ видѣ, дѣлаемый въ этомъ направленіи.

Кн. Д. Цертелевъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо V.

Въ Парижѣ 1 мая, такъ же какъ и въ провинціяхъ, прошло безо всякихъ серьезныхъ инцидентовъ. Это самое важное. Совпаденіе муниципальныхъ выборовъ съ днемъ праздника рабочихъ, взрывы, которыми напугали столицу анархисты, и всюду распространяемыя анонимныя угрозы,—все это могло служить основаніемъ къ самымъ серьезнымъ опасеніямъ. Но, благодаря благоразумію и рѣшительности правительства, сосредоточившаго въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ значительныя силы и отдавшаго префектамъ точныя и строгія приказанія, всюду была полная тишина, не произошло ни одной стычки, ни одной свалки. Въ Парижѣ не было даже произведено ни одного ареста. Всѣ (я разумѣю здравомыслящихъ людей, а ихъ, слава Богу, еще много), всѣ вполнѣ ясно сознавали положеніе. Никто не желалъ дать предлога къ безпорядкамъ. Зѣваки, обыкновенно прибавляющіе собою и усиливающіе безпорядки, остались дома. Анархисты молчали. Полиція была готова приступить къ дѣйствію и къ немедленному подавленію всякихъ безпорядковъ, если въ этомъ оказалась бы надобность; но въ то же время полиція тщательно заботилась о томъ, чтобы съ ея стороны не было ничего вызывающаго. Казармы и общественныя зданія были заняты прекрасно настроенными войсками, но было сочтено излишнимъ разставлять ихъ на перекресткахъ большихъ улицъ, гдѣ ихъ присутствіе могло бы возбуждать любопытство и безпокойство, подавать поводъ къ скопленію народа и вызывающимъ дѣйствіямъ съ его стороны. Всѣмъ было извѣстно,

что войска тутъ и никто не рѣшался вызвать ихъ появленіе и дѣйствіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ и префектъ полиціи съ большою ловкостью взялись за это дѣло и можно только порадоваться обнаруженному ими искусству.

Но какъ было любопытно наблюдать наружный видъ Парижа! Можно было подумать, что находишься въ Лондонѣ въ воскресный день. Виднѣлись рѣдкіе экипажи и очень рѣдкіе прохожіе. Полное уныніе!.

Будемъ надѣяться на продолженіе энергическихъ мѣръ къ сохраненію общественной безопасности. Самыя безотлагательныя мѣры въ данную минуту заключаются въ вознагражденіи пострадавшихъ отъ взрывовъ и въ подчиненіи парижской полиціи непосредственному дѣйствію государства. Прибавимъ къ этому еще необходимость несокрушимой энергіи со стороны судей и присяжныхъ въ случаяхъ, гдѣ исполненные такою рѣшимостью преступники, какъ виновники послѣднихъ взрывовъ, будутъ подвергаться ихъ суду. Важно также, чтобы различныя правительства позаботились о томъ, чтобъ обуздать интернаціоналку, которая повидимому снова возраждается изъ пепла и которая, если за нею не будетъ надлежащаго надзора, способна дойти до того, чтобы современемъ предписывать имъ законы. День 1 мая, впрочемъ, показалъ что во Франціи, точно такъ же какъ и въ другихъ странахъ, понимаютъ эту обязанность. Это нисколько не означаетъ, чтобы правительства не заботились объ улучшеніи участи рабочихъ, но оно должно совершиться миролюбивымъ образомъ.

У анархистовъ слишкомъ запискивали. Имъ предлагали различные вопросы, спрашивали ихъ мнѣнія о послѣднемъ кризисѣ, восторгались ихъ отвѣтами въ родѣ слѣдующаго: „Безполезно составлять своды законовъ, потому что можно жить по естественнымъ законамъ, которые каждый изъ насъ носитъ въ своемъ сердцѣ. Писанный законъ и образуетъ преступленіе. Собственникъ и образуетъ вора. Оба зла исчезнутъ вмѣстѣ. Когда общественныя неравенства перестанутъ порождать ненависть, люди станутъ любить другъ друга.“ Подобную нелѣпую болтовню принимали въ серьезъ, и это было ошибкой.

Какъ правъ генеральный прокуроръ Кене-де-Бореперъ, называвшій Равашоля и его соучастниковъ преступниками и порицавшій тщеславное фанфаронство, съ которымъ они разыгрывали свою роль. „Они пытаются выдавать себя за мятежниковъ-фана-

тиковъ, говорилъ онъ, но ихъ хладнокровная жестокость, преступленія противъ общественнаго права, которыми они себя запятнали, найденныя у нихъ орудія злоумышленниковъ, не позволяютъ имъ выдерживать роли придуманныхъ ими лицъ для введенія въ заблужденіе или общества, или ихъ судей." Довольно съ насъ этихъ романтическихъ изображеній, въ которыхъ нѣкоторые стремились изобразить въ нихъ любовь къ благу и справедливости, могущественную ненависть ко злу и ко всякимъ несправедливостямъ.

Что вполнѣ доказываетъ, что это закоренѣлые въ преступленіяхъ злодѣи, это взрывъ ресторана Вери. Они погубили ни въ чемъ неповинныхъ людей. Они одержали одну изъ тѣхъ правовыхъ побѣдъ, при посредствѣ которыхъ они льстятъ себя надеждой уничтожить существующее общество. Наканунѣ слушанія процесса они совершили поступокъ неслыханной дерзости, чтобы запугать присяжныхъ и, какъ ни печально въ этомъ сознаться, замыслъ ихъ имъ удался. За день предъ взрывомъ было арестовано много анархистовъ, и чувствительные люди, охваченные внезапною страстью къ личной свободѣ, вдругъ начали походъ противъ правительства. Они кричали о нарушеніи законовъ и уже толковали о шумныхъ запросахъ по возобновленіи парламентскихъ сессій. Новое покушеніе было быстрымъ и ужаснымъ отвѣтомъ на ихъ сѣтованія. Какъ уже неоднократно было говорено, существуетъ зло выше всего этого, зло это—подвижность общественнаго мнѣнія, злонамѣренность извѣстныхъ партій, разсчеты нѣкоторыхъ обманувшихся и желающихъ мстить за это честолюбцевъ. Приходится еще бороться противъ необъяснимаго охватившаго общество страха, стараться о томъ, чтобы возвратить ему хладнокровіе. Что же было бы, еслибы мы стояли лицомъ къ лицу съ большими опасностями, а кто знаетъ не могутъ ли эти опасности появиться со дня на день?

Задача присяжныхъ Сенскаго департамента была трудная. Слѣдовало дать имъ возможность сосредоточиться и предоставить имъ необходимую независимость для того, чтобъ они могли хорошо выполнить свой долгъ. Печать, между тѣмъ, можетъ упрекнуть себя въ томъ, что она до нѣкоторой степени вліяла на нихъ. Кромѣ того, присяжные получали письма со всевозможными упреками и даже угрозами. Свобода ихъ приговора была нарушена. А между тѣмъ учрежденіе суда присяжныхъ только и можетъ существовать, при условіи сохраненія за присяжными

свободы совѣсти и полной независимости. Это необходимо въ демократіи, которая желаетъ мирно развиваться и ограждать себя отъ предпріятій людей честолюбивыхъ и порочныхъ.

Въ процессѣ Равашоля, гдѣ къ несчастью обнаружилась слабость присяжныхъ, запуганныхъ угрозами анархистовъ и сбитыхъ съ толку разглагольствованіями газетъ, есть однако и нѣчто утѣшительное: а именно энергическое и отважное поведеніе генеральнаго прокурора Кене-де-Борепера. Онъ говорилъ съ убѣжденіемъ солдата, исполняющаго свой долгъ, и среди напуганныхъ людей являлъ собою мужество и твердость... Теперь несомнѣнно, что исключительныя преступленія анархистовъ вызываютъ и исключительное законодательство и что необходимо вмѣшательство закона, чтобы предавать этихъ новаго рода убійцъ военному суду. Если, не дай Богъ, будутъ произведены новыя покушенія, законъ этотъ не замедлитъ своимъ появленіемъ. Виновникъ взрывовъ на Севъ-Жерменскомъ бульварѣ и въ улицѣ Клиши будетъ судиться въ Монбризонскомъ судѣ за два убійства и нѣтъ сомнѣнія относительно того, что тамъ онъ будетъ приговоренъ къ смертной казни. Эта увѣренность должна была также до нѣкоторой степени повліять на настроеніе присяжныхъ Сенскаго департамента, рѣшившихъ, что политическія преступленія (какъ будто это политическія преступленія!) заслуживаютъ лишь пожизненной каторги, а что прочія преступленія въ иномъ мѣстѣ будутъ наказаны смертною казнью.

Президентъ совѣта министровъ на вопросъ одного журналиста о положеніи отвѣчалъ очень откровенно: „Мы пожинаемъ къ несчастію плоды тѣхъ гибельныхъ сѣменъ, которыя ненамѣренно посѣяны были другими, намъ приходится нести послѣдствіе старыхъ ошибокъ, которыя сдѣланы были не нами. Въ теченіе многихъ лѣтъ уже позволяли все дѣлать, все говорить. Надѣялись, что эта крайняя распущенность слова и печати когда-нибудь послужитъ дѣлу свободы. Составлялись собранія, на которыхъ безпрепятственно возбуждалась ненависть гражданъ другъ противъ друга, проповѣдывалось презрѣніе къ суду и къ войску. Что же,—вотъ результаты! Они могутъ повергнуть въ уныніе самыхъ смѣлыхъ.“

Г. Лубе прибавилъ, что правительство готово всецѣло совершить свой долгъ, и оно это показало 1 мая, что̀ весьма успокоительно. Но не слѣдуетъ думать, и самъ онъ не думаетъ этого,

что анархисты сложили оружіе. Они разразились угрозами, а извѣстно, что у нихъ отъ слова до дѣла недалеко. Такимъ образомъ, за ними слѣдуетъ зорко наблюдать и препятствовать выполненію ими ихъ замысловъ. Твердый образъ дѣйствій правительства возвратилъ ему вліяніе, которымъ оно должно пользоваться. Здѣсь надѣятся, что партіи будутъ достаточно благоразумными, чтобъ избѣжать министерскаго кризиса, что нанесло бы въ настоящее время весьма значительный вредъ парламентскому образу правленія. По поводу процесса Равашоля одинъ изъ нашихъ наиболѣе тонкихъ политиковъ замѣтилъ, что „еслибы наканунѣ суда было взорвано два дома вмѣсто одного, то Равашоля приговорили бы къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія. Если же было бы взорвано три дома, то онъ отдѣлался бы 16 франками штрафа".

Въ этой шуткѣ въ сущности много правды. Необходимо, чтобы правительство правило и тѣмъ самымъ вернуло бы хладнокровіе управляемымъ. Надобно прибавить, что сила и энергія не составляютъ еще всего. Какъ справиться съ наспліями, какъ успокоить и примирить ихъ, если говорятъ, что человѣкъ, пройдя изъ небытія, долженъ вернуться къ небытію, что ему не на что надѣяться, кромѣ какъ на самого себя, что радости ему суждены только въ этой жизни, что матерія все, что матерія Богъ? Пора отвергнуть эти несчастныя ученія, которыя уже одни могутъ погубить міръ, и не лишать себя содѣйствія со стороны людей съ доброю волей, пытающихся укрѣпить старыя вѣрованія, единственныя истинныя вѣрованія, могущія утѣшать въ бѣдствіяхъ и давать страждущимъ надежду и терпѣніе.

Слѣдуетъ замѣтить—и это также весьма важный пунктъ—что обновленіе муниципальныхъ совѣтовъ совершилось во всей Франціи въ полномъ спокойствіи вопреки предсказаніямъ анархистскимъ. Это успѣхъ для дѣла порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхъ для правительства.

Дагомейскія событія привели нынѣшній кабинетъ къ рѣшенію поручить флоту главныя операціи противъ мятежниковъ. Такимъ образомъ, конечно, будетъ наверстано потерянное время, исправлены сдѣланныя ошибки. Завѣдываніе новою экспедиціей поручено энергичному и искусному человѣку, полковнику Доддсу. Это превосходный выборъ. Креолъ изъ Сенегала, находящійся въ родственныхъ связяхъ съ лучшими семействами страны, до тонкости знающій туземцевъ, на языкѣ которыхъ онъ говоритъ, еще

недавно онъ оказалъ весьма цѣнныя услуги въ качествѣ главнокомандующаго войсками въ Сенъ-Луи. Обожаемый солдатами, онъ умѣетъ великолѣпно управлять ими и добивается отъ нихъ всего, чего хочетъ. Экспедицію въ Дагомею онъ подготовляетъ съ 1889 г., и безъ сомнѣнія сумѣетъ извлечь изъ нея все, что̀ можно.

Пора было дѣйствовать, потому что не въ количествѣ какой-нибудь тысячи человѣкъ могутъ Французы оказывать сопротивленіе десяти тысячамъ чернокожихъ, вооруженныхъ скорострѣльными ружьями, которыя имъ доставили англійскіе или нѣмецкіе торговцы. Здѣсь надо дѣйствовать быстро и ударить сильно, какъ поступилъ Уольслей при второй экспедиціи противъ Ашантіевъ. Съ самаго XIV столѣтія у насъ существуетъ укрѣпленное мѣстечко въ Видахѣ, а въ 1851 г. лейтенантъ Буйе заключилъ въ Абоме торговый договоръ съ королемъ Гуэзо. Такимъ образомъ, для насъ чрезвычайно важно поддерживать наши права въ этой части Африки и защищать владѣнія и торговлю нашихъ храбрыхъ соплеменниковъ.

Финансовая коммиссія палаты депутатовъ трудится съ большихъ рвеніемъ. У насъ очень желали бы начать обсужденіе бюджета до іюля, но это было бы крайне безполезно, принимая во вниманіе крупные поднятые этимъ бюджетомъ вопросы, о которыхъ я недавно писалъ вамъ. По поводу уплаты по обязательствамъ вопросъ повидимому уже рѣшенъ. Относительно преобразованія налога на напитки коммиссія желала бы пойти дальше министра и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать привилегію варщиковъ сырья. Главнымъ докладчикомъ назначенъ г. Буидо. Онъ превосходно справился со своими обязанностями въ 1891 г. Нынѣшній годъ ему будетъ несравненно труднѣе.

Требуемые Суданомъ и Дагомеей кредиты были вотированы лишь послѣ нѣсколькихъ весьма шумныхъ засѣданій. Постановленіе, положившее конецъ этимъ преніямъ, было вотировано лишь большинствомъ 32 голосовъ, оставивъ за собою весьма плохо опредѣленную колоніальную политику и крайне рѣзкія личныя неудовольствія. Г. Фрейсине заявилъ, что его нельзя упрекать за запрещеніе морякамъ высаживать на берегъ хотя бы одного человѣка для защиты Котону, такъ какъ инцидентъ этотъ относится къ 4 марта 1890 г., а онъ лишь 18 марта составилъ свой кабинетъ. Палата депутатовъ, которой надоѣли всякія жалобы и требованія, отклонила предложеніе о назначеніи слѣдствія по дагомейскимъ дѣламъ и вотировала простой пере-

ходъ къ очереднымъ дѣламъ. Это не было побѣдой правительства, но если оно съ пользой употребитъ время возобновленія сессій, если оно отправитъ въ Котону необходимыя подкрѣпленія, то оно возстановитъ свое положеніе передъ парламентомъ. Впрочемъ, 1 мая и успѣхъ муниципальныхъ выборовъ доставили ему силу, въ которой оно нуждалось.

Епископы за послѣднее время заставили много говорить о себѣ. Одинъ изъ нихъ обратился къ священникамъ своей епархіи съ письмомъ, въ которомъ онъ предписывалъ имъ прочесть съ проповѣдничѐской каѳедры циркуляръ, гдѣ муниципальные совѣты, говоритъ епископъ, завѣдуютъ многими дѣлами касающимися религіи, потому важно, чтобы въ составъ ихъ входили только добрые христіане.

Вы должны требовать отъ каждаго кандидата, чтобъ онъ обязался въ совѣтѣ во всемъ поддерживать интересы религіи, если кандидатъ ясно не выразитъ на это своего согласія, вы по совѣсти обязаны отказать ему въ своемъ голосѣ.

На этотъ циркуляръ въ палатѣ депутатовъ рѣзко напалъ депутатъ Лозерскаго департамента г. Журденъ, обратившійся къ правительству съ вопросомъ, что̀ оно намѣрено дѣлать. Правительство отвѣчало, что объ этомъ циркулярѣ будетъ донесено въ государственный совѣтъ, а епископъ будетъ лишенъ жалованья. Это заявленіе вызвало цѣлую парламентскую бурю и правая взяла на себя инціативу подписки въ пользу епископа. Но вслѣдствіе этого циркуляра возникло еще и другое дѣло. Архіепископъ Авиньонскій и епископы Монпелье, Нима и Вивье обратились къ своему духовенству и своей паствѣ съ пастырскимъ посланіемъ, слѣдующая выдержка изъ котораго представляетъ большой интересъ, такъ какъ она послужила предметомъ сильныхъ нападковъ со стороны республиканскихъ газетъ и по всей вѣроятности возбудитъ рѣзкіе же противъ себя нападки въ палатѣ депутатовъ:

Вѣрующимъ нашей епархіи мы скажемъ, что они не обязаны въ глубинѣ сердца порвать тѣсныя привязанности, связующія многихъ изъ нихъ съ воспоминаніями прошлаго.

Посланіе это, подобно епископскому циркуляру, подверглось порицанію со стороны государственнаго совѣта, объявившаго его противозаконнымъ. Всѣ пять прелатовъ будутъ также лишены жалованья подобно епископу Мѣдскому и епископу Нансійскому,

сдѣлавшимъ такія же деклараціи. Все это предвѣщаетъ новые религіозные споры, которые снова затянутъ умиротвореніе. Волненія, предлогомъ для которыхъ послужили нѣкоторыя религіозныя собесѣдованія, повсюду прекратились, и въ церквахъ снова наступила тишина. Пасхальныя торжества были великолѣпны и количество вѣрующихъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, было весьма значительно.

Новаго Финистерскаго депутата монсеньёра Гюльста обвиняли въ томъ, что онъ хочетъ заставить правительство столкнуться съ религіозными вопросами, и этимъ исторгнуть у него заявленія, которыми монархическая партія могла бы похвалиться передъ тѣми изъ духовенства, кто расположенъ повиноваться послѣдней экцикликѣ папы. Монсеньёръ Гюльстъ энергически и всенародно защищался противъ этого обвиненія.

Запросы, которые можно предвидѣть въ скоромъ времени по поводу распоряженій государственнаго совѣта, по всей вѣроятности снова приведутъ монсеньёра Гюльста на ораторскую трибуну и дадутъ ему возможность съ большею ясностью выразить свои намѣренія.

* * *

Появился послѣдній томъ мемуаровъ Таллейрана. Онъ содержитъ конецъ миссіи въ Лондонѣ и весьма любопытныя страницы касательно герцога Шаузёля, министра Людовика XV. При книгѣ находится также предисловіе герцога де-Брольи, старающагося доказать подлинность мемуаровъ уже не только на основаніи честнаго слова г. де-Бакура, но и на основаніи свидѣтельства извѣстныхъ исторіковъ, каковъ, напримѣръ, г. Альберъ Сорель.

А между тѣмъ, г. Альберъ Сорель не вполнѣ доказалъ подлинность мемуаровъ, потому что не видалъ самой рукописи и потому что предисловіе къ первому тому не давало никакого разъясненія касательно вопроса о томъ, существовала ли рукопись или портфель съ оригинальными мемуарами. Не будемъ оспаривать что то, что̀ напечатано герцогомъ де-Брольи, принадлежитъ перу Таллейрана, но въ этомъ напечатанномъ существуютъ пробѣлы. Душеприкащики и члены семейства, повинуясь впрочемъ распоряженіямъ принца, по всей вѣроятности и сдѣлали эти урѣзки. Такимъ образомъ, вопреки обѣщанію, содержащемуся въ письмѣ

отъ 17 мая 1838 г. къ Григорію XVI, мы почти ничего не имѣемъ ни о революціи, ни о директоріи. Точно также мы ничего нэ имѣемъ о періодѣ между 1816 и 1830 гг., о періодѣ, который, по моему мнѣнію, является самымъ интереснымъ въ жизни Таллейрана, о періодѣ изгнанія и интригъ, гнѣва и злобы, въ теченіе котораго онъ изливалъ свою желчь на цѣлую массу политическихъ личностей, каковы Ришельё, Деказъ, Моле, Паскье, Вилльель, Полиньякъ и т. д. И эти урѣзки положительно не позволяютъ намъ „подготовить данныя для процесса, который долженъ быть преданъ суду исторіи".

Въ хорошенькомъ томикѣ одного изъ нашихъ хорошихъ поэтовъ г. Лакоссада, озаглавленномъ *Poèmes et Paysages*, я нашелъ множество стихотвореній, свидѣтельствующихъ объ искреннемъ чувствѣ и чистотѣ вдохновенія.

Изъ числа новопоявившихся романовъ можно рекомендовать романъ г-жи Каро *Fruits amers (Горькіе Плоды)*, краснорѣчивый протестъ противъ развода, въ которомъ на каждомъ шагу встрѣчаются самыя благородныя и самыя возвышенныя мысли. Этотъ романъ, подобно *Péché de Madelaine*, *Amour de jeune fille*, *Fausse route*, увеличиваетъ литературную извѣстность г-жи Каро. *L'Américaine (Американка)* Жюля Кларети представляетъ собою довольно любопытный очеркъ американской колоніи въ Трувиллѣ и опять-таки сущность романа составляетъ разводъ. *Письма Женщинъ* г. Марселя Прево надѣлали много шума. Я признаю за книгой талантливость, но непріятно и опасно читать эту переписку, которая единственно наполнена обнаруживаніемъ и извиненіемъ обмановъ въ бракѣ. „Это, какъ кто-то остроумно замѣтилъ, руководство для виновной жены."

Замѣчательно остроумная книга, это *Кари Кари* г. Людовика Галеви. Въ этомъ сборникѣ маленькихъ новеллъ есть одна, озаглавленная *Гиньоль*, представляющая собою верхъ совершенства по сюжету и проніи; при весьма простой формѣ и при чрезвычайно простомъ сюжетѣ это превосходная сатира на современный театръ. *Le Pavé d'amour (Мостовая Любви)* г. Жана Рикара написана поэтомъ. Это трогательная исторія морскаго офицера, обольстившаго невинную молоденькую дѣвушку; вслѣдствіе этого преступленія и послѣ жестокихъ испытаній онъ доведенъ до того, что губитъ свою собственную карьеру. *La Débacle (Разгромъ)* г. Зола продолжается своимъ чередомъ. Я прочелъ во

второй части этого произведенія разсказъ объ атакѣ кавалеріи на холмѣ Илли въ день Седанской битвы. Это точно громадная фреска, написанная пламенно и сильно.

Одинъ голландскій писатель г. Бифанкъ подъ заглавіемъ *Голландецъ въ Парижѣ* только что издалъ чрезвычайно любопытную книгу, въ которой водитъ насъ по современнымъ кафе, ресторанамъ и литературнымъ кабинетамъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь всѣхъ и сочинителя пѣсенъ *Chat noir* и *Mirliton*, и символиковъ, и декадентовъ, и реалистовъ, и натуралистовъ. Въ сущности, здѣсь только замѣтна теоретическая суетность этихъ такъ именующихъ себя новаторовъ.

Въ настоящее время мы присутствуемъ при двухъ литературныхъ несостоятельностяхъ: при несостоятельности натурализма и при несостоятельности парнассизма. Романтики породили парнассистовъ и натуралистовъ. Одни впали въ холодность и ничтожество, другіе въ пошлость и мерзость. Кажется будто должна бы процвѣтать новая литературная школа, болѣе человѣчная, болѣе правдивая, болѣе благородная. Но у нея одинъ недостатокъ: она мягка, она не умѣетъ сильно ненавидѣть. Она извиняетъ порокъ, преступленіе, она имѣетъ нравственность, которая не есть нравственность, настолько она неразборчива. А все-таки у нея есть склонность вѣрить во что-то и въ кого-то. Она обнаруживаетъ явное сочувствіе къ христіанству и въ то же время она хвастается невѣріемъ и равнодушіемъ. Странная смѣсь! Было бы неудивительно, еслибъ эти нео-христіане возвратили намъ реалистовъ. Кто дастъ намъ школу мощную, нравственную и здоровую? Какой умъ окажется достаточно сильнымъ, чтобы разсѣять весь этотъ хаосъ, чтобы говорить кротко о нашихъ бѣдствіяхъ и смѣло о нашихъ порокахъ, чтобъ отвергнуть заблужденія, нелѣпицы, безсмыслицы, ошибки вкуса, чтобы снова наконецъ вернуть насъ къ старымъ благороднымъ традиціямъ французскаго генія? Я жажду появленія такого ума, я его призываю изо всѣхъ силъ, потому что давно пора ему появиться.

* * *

Театръ не далъ намъ особенныхъ новинокъ за послѣдній мѣсяцъ. *Хорошій Докторъ* въ театрѣ *Gymnase* былъ піесой, созданною съ единственною цѣлью показать красивые туалеты. Піеса

эта понравилась только портнихамъ и модисткамъ. Хотя ихъ и очень много въ Парижѣ, тѣмъ не менѣе онѣ оказались въ состояніи наполнить залу лишь въ теченіе какого-нибудь десятка дней. Піеса эта была замѣнена старинною комедіей г. Альбера Дельпи *Сынъ Кораліи*, возобновленіе ея произвело достаточный эффектъ, но несравненно меньшій, чѣмъ въ первый разъ. Третій актъ былъ хорошо принятъ.

Театръ *Palais Royal* имѣлъ большой успѣхъ комедіей-буффъ г. Фейдъ *Господинъ Шассъ*. Пересказать эту піесу невозможно, но въ ней столько остроумія, добродушнаго юмора, столько живости въ дѣйствіи и въ разговорахъ, что публика хохочетъ до слезъ. Давно уже не приходилось хохотать такъ отъ души. Театръ *Variétés* далъ новую піесу г. Мейлана *Breuvet supérieur*, это не болѣе какъ пира остроумія. Если піеса эта и продержится нѣкоторое время, то развѣ только благодаря таланту главной актрисы г-жи Репонъ, потому что въ сущности никакой піесы нѣтъ.

17 мая въ Оперномъ Театрѣ будетъ устроенъ франко-русскій праздникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Программа его повидимому будетъ чрезвычайно блестяща.

Салонъ въ Елисейскихъ Поляхъ открылся 30 апрѣля. Наиболѣе замѣчательными картинами являются: портретъ *папы Льва XIII* г. Шартрана, *Выступленіе гарнизона изъ Гюнинга въ 1816 г.* г. Детайля, пейзажи гг. Жюля Бретона, Франсе и Эмиля Аданъ, портреты гг. Бонна, Мюнкакчи и Руабе, *Этюдъ женщины и амуровъ* г. Бугро, *Въѣздъ Людовика XI въ Парижъ* г. Таттейрена, *Возвращеніе изъ полка* г. Блана, *Дѣти въ лѣсу* г. Брозпка. Гг. Бакшаевъ, Гриценко, Кивченко, Горожанскій, Маковскіе (Александръ и Константинъ) и г-жа Филизъ выставили превосходныя картины. По части скульптуры г. Антонинъ Мерсье выставилъ статую, предназначенную для памятника на могилу Кабанеля, это истинный шедёвръ. Г. Кенъ выставилъ *Битву тигровъ*, г. Менгъ *Прелестный источникъ*, г. Фремье прекрасное изображеніе Оливье де-Клиссона. Гг. Бернштейнъ-Синаевъ, Богданскій, Шадъ и Фейнберп точно также выставили превосходныя вещи. Г. Бернштаммъ выставилъ два великолѣпные бюста: бюстъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича и бюстъ г. Лабуле, нашего бывшаго посла въ С.-Петербургѣ.

Салонъ на Марсовомъ Полѣ, который открывается завтра, также будетъ весьма интересенъ. Мнѣ удалось посѣтить его до открытія; я видѣлъ тамъ картины гг. Пюви де Шаванна, Лермитта, Каролуса Дюрана и Жале-Беро; картины эти произведутъ впечатлѣніе. Изо всѣхъ скульптурныхъ произведеній лучшимъ является фигура женщины, работы г. де Сенъ-Марсо. Прекрасныя вещи прислали гг. Бертовъ, Кравченко, Рохманинъ, Станиславскій.

Г. Вельшингеръ.

5 мая 1892.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Большой Театръ постепенно какъ будто слабѣлъ... слабѣлъ — разсыпался въ своихъ послѣднихъ спектакляхъ на отдѣльные акты изъ оперъ, и наконецъ закрылъ свои двери для публики вплоть до 30 августа. Прежде, нежели говорить о чемъ-либо другомъ, напомнимъ Большому Театру, что въ нынѣшнемъ году минетъ 50 лѣтъ со дня первой постановки *Руслана и Людмилы*, величайшаго созданія русской музыки, до сихъ поръ не поставленнаго въ Москвѣ въ его истинномъ видѣ, неискалѣченномъ безобразящими цѣлое купюрами. Если Большой Театръ будетъ упорствовать въ своемъ... скажемъ, смѣломъ, отношеніи къ геніальному созданію Глинки, то его уваженіе къ авторитету основателя русской музыкальной школы можетъ быть сильно заподозрѣно: вѣдь не позволяетъ же себѣ Большой Театръ ничего похожаго на подобныя купюры въ операхъ другихъ композиторовъ безъ различія ихъ относительнаго значенія въ области музыкальной литературы; примѣръ прошлаго не можетъ служить оправданіемъ. Въ этомъ, недавнемъ, сравнительно, прошломъ русскую оперу вообще третировали, какъ низменный, незаслуживающій особаго вниманія жанръ и сообразно съ этимъ поступали. *Руслань и Людмила* написана Глинкой въ періодъ величайшей зрѣлости его таланта и нельзя ни за кѣмъ признать права поправлять геніальнаго творца, — пусть дадутъ оперу въ томъ видѣ, какъ она была написана и пусть вина, если она окажется, падетъ на автора, но нужно дать услышать хотя бы однажды геніальное произведеніе во всей его цѣлости и неприкосновенности; 50-лѣтній юбилей даетъ къ этому прекрасный поводъ.

Упомянувъ объ юбилеѣ, нельзя не вспомнить, что нынѣшнее управленіе Большаго Театра относится къ юбилеямъ весьма своеобразно. Въ прошломъ сезонѣ приходились столѣтніе юбилеи трехъ великихъ оперныхъ композиторовъ: Моцарта, Мейербера и Россини. Юбилей послѣднихъ двухъ Большой Театръ просто игнорировалъ, но относительно перваго, т.-е. Моцарта, произошло нѣчто, вполнѣ заслуживающее эпитета курьезнаго. Въ репертуарѣ Большаго Театра нѣсколько лѣтъ держалась единственная изъ оперъ Моцарта *Волшебная Флейта*, дававшаяся еще, если не ошибаемся, весной 1891 г. Въ сентябрѣ того же года исполнилось сто лѣтъ со времени первой постановки этой оперы, а черезъ три мѣсяца наступила столѣтняя годовщина кончины Моцарта, Большой Театръ по этому случаю *снялъ съ репертуара „Волшебную Флейту“*. Въ оригинальности такому пріему отказать нельзя, но одобрить его еще менѣе возможно.

Только что окончившійся сезонъ Большаго Театра имѣлъ ту особенность, что въ его репертуарѣ безусловно первое мѣсто занималъ П. И. Чайковскій со своими операми. Такое предпочтеніе мы считаемъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ: г. Чайковскій занимаетъ такое мѣсто въ средѣ русскихъ композиторовъ, что первенствующая роль на русской оперной сценѣ принадлежитъ ему по праву. Главнымъ образомъ шла *Пиковая Дама*, которую, начиная съ конца ноября, успѣли дать 22 раза. Такого прочнаго успѣха на нашей сценѣ мы не запомнимъ. Можно пожалѣть, что исчезла изъ репертуара опера А. С. Аренскаго *Сонъ на Волгѣ*; въ этомъ произведеніи,—при всѣхъ его недостаткахъ, обусловливаемыхъ неопытностію композитора, впервые писавшаго для сцены,—столько таланта и поэзіи, что ее необходимо было бы удержать въ репертуарѣ, тѣмъ болѣе, что и сборы она давала. Нужно еще выразить сожалѣніе, что не возобновятъ *Черевичекъ* П. И. Чайковскаго, одну изъ лучшихъ его оперъ, полную прекрасной музыки.

Въ двухъ послѣднихъ оперныхъ спектакляхъ Большаго Театра, 28 и 30 апрѣля, шла новая одноактная опера начинающаго композитора А. Н. Корещенко, только что окончившаго въ маѣ прошлаго года курсъ въ Консерваторіи съ дипломомъ и большою золотою медалью: наградой, впервые присужденною съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Петербургская и Московская Консерваторіи. Самая награда эта отчасти находится въ связи со вновь поставленною оперой *Послѣдній день Бельсаруссура*, ибо она была

задачей, назначенною для выпускнаго экзамена г. Корещенко. Для выпускныхъ учениковъ класса композиціи во всѣхъ европейскихъ консерваторіяхъ обыкновенно назначается такая работа, гдѣ могутъ быть примѣнены формы вокальныя и инструментальныя. Всего чаще задаются кантаты для вокальныхъ соло, хора и оркестра. *Послѣдній день Бельсаруссура* есть тоже драматическая кантата, но по складу своего либретто она могла быть поставлена и на сценѣ, что̀ и было сдѣлано по иниціативѣ И. К. Альтани, бывшаго въ Консерваторіи въ составѣ членовъ экзаменной коммиссіи, разсматривавшей сочиненіе г. Корещенко. Взявъ подъ свое покровительство сочиненіе молодаго композитора, г. Альтани выполнилъ свою задачу до конца: *Послѣдній день Бельсаруссура* былъ отлично выученъ, срепетованъ, хорошо поставленъ и прошелъ съ большимъ успѣхомъ, насколько можно судить по двумъ представленіямъ; автора вызывали много разъ и принимали вообще весьма дружно.

Обращаясь къ музыкѣ *Послѣдняго дня Бельсаруссура*, нужно сказать, что она по своимъ формамъ носитъ прежде всего ораторный характеръ. Нумеровъ соло—за исключеніемъ одной аріи Бельсаруссура, двухъ небольшихъ аріозныхъ монологовъ невольницы и мага, и появленія вѣстника въ концѣ—совсѣмъ нѣтъ, все музыкальное содержаніе заключается въ хорахъ, а также инструментальныхъ нумерахъ танцевъ. Такое распредѣленіе находится въ зависимости отъ самаго сюжета. Въ качествѣ консерваторской экзаменной работы сочиненіе г. Корещенко носило названіе *Пира Вальтасара* и только для постановки на сценѣ оно получило свое теперешнее названіе. Кромѣ этого измѣненія названія для сцены прибавленъ еще большой нумеръ хора съ танцами, въ остальномъ осталась экзаменная работа безъ измѣненія.

Въ *Послѣднемъ днѣ Бельсаруссура* прежде всего обращаетъ на себя вниманіе блескъ и роскошь красокъ оркестра, можно даже сказать, что юный авторъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ почти виртуозность техники. Особенно хороши мягкіе тоны женскихъ хоровъ и танцевъ, эти нумера всѣ проникнуты характеромъ восточной нѣги и лѣнивой истомы. Замѣчательно удачно вышло то мѣсто оперы, когда въ отвѣтъ на богохульство Бельсаруссура наступаетъ тьма и на стѣнѣ дворца появляются горящія письмена. Наступленіе тьмы и томительный страхъ, обуявшій всѣхъ при этомъ непонятномъ явленіи, вызвали чрезвычайно умѣстное

и удачное примѣненіе контрапунктической формы такъ называемаго канона, превосходно сдѣланнаго; это лучшее мѣсто во всей оперѣ и дѣйствительно заслуживаетъ величайшихъ похвалъ. Чрезвычайно ловко и эффектно комбинированы также сладострастный хоръ женщинъ въ унисонъ и музыка слѣдующей за тѣмъ бѣшеной пляски, то и другое подъ конецъ соединяется весьма искусно. Этотъ хоръ и пляска есть вставленный для сцены нумеръ; онъ помѣщенъ послѣ сцены наступленія тьмы и появленія письменъ, когда страшное видѣніе уже исчезло. Бельсаруссуръ, выйдя изъ оцѣпенѣнія, приказываетъ возобновить пиръ и пѣсни; невольницы начинаютъ красивую, страстную мелодію, мужчины, упоенные виномъ и танцами женщинъ, приходятъ все въ большее и большее возбужденіе, переходящее въ оргію. Это мѣсто и подало поводъ къ той комбинаціи, о которой я упоминалъ, и которая принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ оперы. Очень хорошо также инструментальное введеніе и слѣдующая затѣмъ большая интродукція. Конецъ оперы хотя и сдѣланъ красиво, но менѣе удовлетворяетъ, потому что лишенъ характернаго колорита и скорѣе былъ бы пригоденъ для оперы съ общеевропейскимъ сюжетомъ изъ неособенно стараго времени. Драматическій элементъ въ *Послѣднемъ днѣ Бельсаруссура* почти отсутствуетъ, а то немногое, что̀ есть, нашло въ музыкѣ менѣе удачное выраженіе, нежели все остальное. Неопытность молодаго композитора сказалась только въ партіяхъ соло, написанныхъ для голосовъ довольно неудобно и непрактично. Солисты, исполнители этихъ партій, сдѣлали все, что̀ могли, но для г. Власова (Бельсаруссура) его партія безмѣрно высока, лучше бы отдать ее баритону, а партія г-жи Звягиной (невольница) и г. Украинцева (Халдейскій магъ) малозначительны сами по себѣ.

На будущій годъ въ Большомъ Театрѣ, какъ сообщаютъ, намѣчены къ постановкѣ *Снѣгурочка* Н. А. Римскаго-Корсакова, *Лакмэ* Делиба и *Зигфридъ* Вагнера. Относительно первой изъ названныхъ оперъ можно только привѣтствовать управленіе нашей большой оперной сцены съ благимъ намѣреніемъ. Менѣе радуетъ насъ предстоящая постановка остальныхъ двухъ новостей, но по различнымъ причинамъ. *Лакмэ* талантливое сочиненіе, но оно слишкомъ спеціально французское и едва ли придется ко двору на нашей сценѣ, да и для исполненія подобныхъ сочиненій нужно Французовъ, наши артисты и артистки едва ли будутъ себя чувствовать свободно въ партіяхъ и роляхъ оперы Делиба. Что касается *Зигфрида*, то, вопервыхъ, это лишь одна часть

тетралогіи, лишенная начала и конца, а, вовторыхъ, стиль этой музыки такъ сложенъ и непривыченъ намъ, что можно еще считать вопросомъ, насколько онъ будетъ доступенъ публикѣ, а также исполнителямъ. Лучше бы подготовить почву прежними операми Вагнера и потомъ уже браться за такую задачу, разрѣшеніе которой, какъ показалъ опытъ прошлаго года, когда *Зигфрида* прилежно учили, но не выучили,—представляетъ трудности очень большія и едва ли масса работы, потраченной на изученіе *Зигфрида*, получитъ достаточное вознагражденіе въ успѣхѣ.

Спектакли Русскаго Опернаго Товарищества на сценѣ театра Шелапутина закончились въ одинъ день съ Большимъ Театромъ, то-есть 30 апрѣля. Товарищество въ послѣднемъ спектаклѣ поставило *Князя Игоря*, доставившаго ему наибольшую цифру сборовъ и привлекшаго много публики и въ послѣдній разъ. Спектакли въ театрѣ Шелапутина возбудили большой интересъ въ публикѣ и посѣщались усердно, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда шли оперы итальянскаго репертуара—*Аида* и *Cavalleria rusticana*—и театръ представлялъ почти совершенную пустыню. Изъ этого можно вывести заключеніе, что Товарищество имѣло свою публику, совсѣмъ не ту, которая такъ усердно посѣщаетъ у насъ итальянскую оперу, когда она бываетъ. Публика театра Шелапутина очевидно интересовалась репертуаромъ, тѣмъ, что̀ исполнялось, въ болѣе сильной степени, нежели исполнителями, хотя нѣкоторые изъ нихъ и даже весьма многіе пользовались ея постояннымъ благоволеніемъ. Впрочемъ, одно имя привлекало публику несомнѣнно,—это имя П. И. Чайковскаго, дирижировавшаго тремя спектаклями: *Демономъ*, *Фаустомъ* и *Онѣгинымъ*, каждою оперой по одному разу. Во всѣхъ этихъ спектакляхъ нашъ знаменитый композиторъ былъ предметомъ восторженныхъ овацій какъ со стороны публики, такъ и со стороны членовъ труппы. Успѣху спектаклей Товарищества нѣсколько помѣшали тѣ случаи, когда по внезапной болѣзни артистовъ приходилось откладывать представленія и возвращать полный сборъ. Отъ такихъ случаевъ, конечно, никогда нельзя быть вполнѣ гарантированнымъ, но, вѣроятно, въ будущемъ сезонѣ при успленномъ составѣ труппы и налаженности репертуара такіе случаи станутъ почти невозможными. Необходимо лучше и полнѣе сформировать оркестръ, а также и хоръ, а руководителей—какъ сцена, такъ и оркестръ—имѣютъ надежныхъ. И. П. Прянишниковъ драгоцѣнный

режиссеръ, а г. Прибихъ — прекрасный, знающій свое дѣло капельмейстеръ. Успѣхъ русскихъ оперныхъ спектаклей въ будущемъ сезонѣ въ значительной степени зависитъ отъ репертуара, котораго намѣрено держаться Товарищество. Мы бы посовѣтовали ему совсѣмъ не трогать оперъ Верди и Мейербера, и тѣ, и другія въ достаточномъ количествѣ идутъ на сценѣ Большаго Театра. Мы вполнѣ одобряемъ намѣреніе поставить такія произведенія, до сихъ поръ непзвѣстныя московской публикѣ, какъ *Майская ночь* Н. А. Римскаго-Корсакова и *Орлеанская дѣва* П. И. Чайковскаго. Относительно *Хованщины* покойнаго Мусоргскаго мы заранѣе не рѣшимся сказать ничего, но во всякомъ случаѣ опытъ постановки такой оперы также представляетъ интересъ. Мы бы очень совѣтовали поставить *Корабль-Призракъ* Вагнера; для г. Тартакова здѣсь будетъ задача прекрасная, но нуженъ хорошій оркестръ. *Тангейзеръ*, если не ошибаемся, былъ уже въ Кіевѣ въ репертуарѣ Товарищества, слѣдовательно, вполнѣ возможно поставить его и здѣсь, а эта опера несомнѣнно привлечетъ большое вниманіе публики во всѣхъ отношеніяхъ: и въ музыкальномъ, и въ сценическомъ. Вообще Вагнеръ средняго періода его творчества вполнѣ доступенъ русской публикѣ, а также не представляетъ и для исполнителей такой исключительной трудности, какъ его позднѣйшія сочиненія. Найдутся и оперы французскаго репертуара, непзвѣстныя у насъ и представляющія большой интересъ, хотя бы такія, какъ *Лагорскій король* и *Вертеръ* Массенэ или *Самсонъ и Далила* Сенъ-Санса и т. п. Оперная литература такъ богата и обширна, что изъ прежнихъ, старыхъ оперъ можно составить превосходный репертуаръ; можно бы дать оперы не только Глюка, Моцарта, Вебера, но и непзвѣстнаго у насъ Маршнера и др. Остается только пожелать возможно полнаго успѣха смѣлому предпріятію, которое можетъ сослужить большую службу и Москвѣ, и русскому искусству.

Н. Кашкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Золотая свадьба короля Христіана и королевы Луизы. — Анархисты и отношеніе къ нимъ печати.—Прусскіе аэростаты.—По поводу отчета гр. Бобринскаго.—Генералъ Грессеръ.—Толки о виталинѣ.

День золотой свадьбы короля Христіана и королевы Луизы соединилъ на семейномъ празднествѣ монарховъ и представителей царствующихъ домовъ всей Европы. Только-что происходившее въ Копенгагенѣ торжество имѣетъ поэтому значеніе не для одной Даніи и семейный характеръ его не исключаетъ его международной важности. Родственныя связи, соединяющія монарховъ, нерѣдко лучше обезпечиваютъ общіе интересы управляемыхъ ими странъ, чѣмъ самые искусные дипломатическіе переговоры. Конечно, верховные вожди европейскихъ народовъ не менѣе дипломатовъ заботятся объ интересахъ государствъ, участь которыхъ зависитъ отъ нихъ, но они могутъ смотрѣть на эти интересы болѣе широкимъ взглядомъ, и слово ихъ служитъ поэтому болѣе прочною гарантіей мира, чѣмъ трактаты, которые пишутся съ намѣреніемъ обойти или нарушить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

* * *

Рядъ дерзкихъ преступленій, совершенныхъ въ послѣднее время во имя антигосударственныхъ теорій, не могъ не обратить вниманія общества на анархическія стремленія. Невозможно отдѣлять теорію отъ практики въ такихъ случаяхъ, когда онѣ

между собою связаны, какъ причина со слѣдствіемъ; это поняли, повидимому, во Франціи; но у насъ сторонники свободы мысли и свободы печати quand même не останавливаются предъ самыми краснорѣчивыми фактами и хотятъ во что бы то ни стало провести рѣзкую границу между теоріей и практикой, границу, которую напрасно искалъ не только г. Лубе, но и громадное большинство французской палаты, хотя ее трудно, конечно, обвинить въ недостаточно либеральномъ образѣ мыслей. *Вѣстникъ Европы*, обсуждая послѣднія событія, полагаетъ, однако, что хотя преступленія посредствомъ взрывчатыхъ веществъ настолько опасны, что требуютъ для борьбы съ ними спеціальныхъ болѣе строгихъ законовъ, но нѣтъ связи между анархическими теоріями и этими преступленіями.

„Нечего и говорить, замѣчаетъ *Вѣстникъ Европы*, что между покушеніемъ на убійство отдѣльнаго человѣка и попыткой взорвать на воздухъ цѣлый домъ, наполненный людьми, громадная разница. Нападеніе на отдѣльное лицо совершенно сгушевывается предъ страшною опасностью для цѣлой массы людей при производствѣ динамитнаго взрыва; отдѣльный человѣкъ, имѣющій какіе-либо личные счеты съ обидчикомъ, можетъ предвидѣть нападеніе, можетъ принять свои мѣры и защищаться; но что могутъ сдѣлать случайные обитатели одного съ нимъ дома, не имѣющіе никакого понятія объ этихъ счетахъ и подвергаемые риску внезапной гибели ради удара, предназначеннаго неизвѣстному, имъ постороннему лицу? Отсутствіе спеціальнаго закона о динамитныхъ взрывахъ побудило обвинителей Равашоля примѣнить къ дѣлу простыя правила о покушеніи на убійство, оставивъ безъ вниманія важнѣйшіе характерныя черты совершеннаго преступленія.“

Итакъ, противъ анархистовъ-динамитчиковъ общество должно принимать самыя рѣшительныя и строгія мѣры. но *Вѣстникъ Европы* находитъ, что „человѣкъ пускающій бомбы на удачу въ случайныя толпы своихъ же соотечественниковъ безо всякаго къ тому повода, подъ очевидно нелѣпымъ предлогомъ вражды къ отвлеченному понятію—капитализму или общественному строю,—такой человѣкъ есть только *опасный безумецъ* и прилагать къ нему тѣ или другія политическія клички совершенно безполезно. Устроивая взрывъ на бульварѣ С.-Жерменъ или въ улицѣ Клиши, Равашоль наносилъ удары не буржуазіи, а отдѣльнымъ, случайно подвернувшимся лицамъ, женщинамъ и дѣтямъ, въ томъ числѣ

и лицамъ изъ рабочаго класса. Представители государственной или общественной власти всего меньше подвергаются покушеніямъ со стороны такъ-называемыхъ анархистовъ: послѣдніе хорошо понимаютъ, что дѣйствія противъ однихъ оффиціальныхъ лицъ не могли бы вызвать панику въ цѣломъ населеніи, а возбудить панику есть именно ближайшая задача этихъ дѣятелей. Притомъ и въ Англіи, и во Франціи, министры зависятъ непосредственно отъ парламента и общественнаго мнѣнія, и сами по себѣ не играютъ такой роли, чтобы возбудить въ комъ-либо желаніе насильственно устранить ихъ; они и безъ того могутъ быть смѣнены простымъ рѣшеніемъ палатъ и часто подвергаются кризисамъ въ связи съ общими или мѣстными перемѣнами политической атмосферы. Возбужденіе общей тревоги достигается въ наибольшей мѣрѣ, когда динамитные взрывы грозятъ частнымъ лицамъ въ любомъ пунктѣ города; но паника въ подобныхъ случаяхъ должна прежде всего отзываться крайне тягостно на положеніи рабочаго класса, такъ какъ она неизбѣжно приводитъ къ сокращенію или даже къ остановкѣ занятій въ разныхъ отрасляхъ производительной дѣятельности, безо всякихъ шансовъ на улучшеніе быта рабочихъ въ будущемъ. Въ то же время капиталистамъ несравненно легче избѣгнуть послѣдствій этихъ покушеній и вызванной ими паники, чѣмъ неимущимъ и трудящимся людямъ, ибо первые имѣютъ возможность тотчасъ же выѣхать изъ предѣловъ опаснаго района, тогда какъ вторые не обладаютъ нужными для этого средствами и поневолѣ несутъ на себѣ всѣ невыгоды динамитныхъ посягательствъ, предпринимаемыхъ будто бы противъ буржуазіи.“

На чемъ основываетъ *Вѣстникъ Европы* свое предположеніе, что Равашоль пускалъ бомбы на удачу? Но допустивъ даже, что это дѣйствительно такъ и что представители государственной и общественной власти всего меньше подвергаются покушеніямъ со стороны анархистовъ, а капиталисты легче всего могутъ избѣгнуть послѣдствій этихъ покушеній, какъ согласить это съ утвержденіемъ, что цѣль этихъ безумцевъ состоитъ въ томъ, чтобы возбудить общую тревогу, которая достигается въ наибольшей мѣрѣ, когда динамитные взрывы грозятъ частнымъ лицамъ въ любомъ пунктѣ города. Оказывается, что опасные *безумцы* выбираютъ самое цѣлесообразное средство для достиженія своей цѣли, совпадающей съ задачами анархизма.

Вѣстникъ Европы находитъ, несмотря на это, произвольнымъ

и неосновательнымъ смѣшеніе динамитчиковъ съ анархистами. Приводимъ подробно его аргументацію, чтобы показать насколько слабы тѣ доводы, посредствомъ которыхъ пытаются провести рѣзкую границу между преступными дѣяніями и словомъ, когда слово это превращается въ проповѣдь, которую съ большею точностью можно назвать подстрекательствомъ.

„Произвольно и неосновательно, говоритъ *Вѣстникъ Европы*, смѣшеніе динамитчиковъ съ анархистами, какъ съ проповѣдниками особой общественной „утопіи“. Въ чемъ заключается въ сущности идея соціальной анархіи или безвластія? Въ отсутствіи какой бы то ни было организаціи общественной и политической, въ полномъ равенствѣ и независимости отдѣльныхъ лицъ, въ исчезновеніи поводовъ къ какимъ бы то ни было легальнымъ насиліямъ однихъ людей противъ другихъ. Очевидно, эта „утопія“, предполагающая измѣненіе человѣческихъ инстинктовъ и наклонностей въ духѣ нравственнаго совершенства, содержитъ уже въ своей основѣ самый рѣшительный приговоръ надъ динамитною пропагандой, дѣйствующею путемъ убійствъ и разрушенія. Опасные взрывы, совершаемые среди мирныхъ жителей, вызываютъ именно усиленіе власти, призванной охранять безопасность всѣхъ и каждаго; они служатъ законными и вполнѣ естественными мотивами къ расширенію полномочій полицейскихъ агентовъ, къ назначенію новыхъ карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ, то-есть къ еще большему укрѣпленію и усложненію той организаціи, которая въ принципѣ отвергается теоретиками анархизма. Динамитчики стараются какъ будто представить своими взрывами наглядное практическое опроверженіе анархистскихъ идей, и если они сами говорятъ объ анархіи, какъ о своемъ собственномъ идеалѣ, то это только грубое и явное недоразумѣніе, которое не должно было бы повторяться серьезными органами печати. Теоріи анархизма, какъ бы ошибочны онѣ ни были, имѣютъ однако такихъ сторонниковъ, какъ извѣстный географъ Элизе Реклю, и уже одно это обстоятельство устраняетъ всякую мысль о солидарности анархистскихъ воззрѣній съ звѣрскими и нелѣпыми понятіями какого-нибудь Равашоля.“

Итакъ, насъ увѣряютъ, что если сами динамитчики говорятъ объ анархіи, какъ о собственномъ идеалѣ, „то это только грубое и явное недоразумѣніе, которое не должно бы повторяться серьезными органами печати“. Но *Вѣстникъ Европы* при этомъ самъ

впадаетъ въ весьма странное недоразумѣніе; авторъ очевидно незнакомъ съ книгой Кропоткина, о которой мы говорили подробно въ прошломъ нумерѣ, иначе никакъ не сослался бы на Элизе Реклю, написавшаго къ ней предисловіе.

Нѣтъ впрочемъ надобности и въ этой книгѣ для того, чтобы знать, что первую стадію соціальной революціи должно составлять, по мнѣнію анархистовъ, насильственное ниспроверженіе всего существующаго порядка, хотя бы для этого потребовалось цѣлое море крови. Свой земной, хотя и не особенно привлекательный, рай анархисты обѣщаютъ человѣству только послѣ того, какъ оно пройдетъ черезъ это чистилище.

Можетъ-быть, „Равашоль самый обыкновенный, грубый и закоренѣлый преступникъ, только прикрывающійся мантіей соціальныхъ идей", но между его сотоварищами есть несомнѣнно убѣжденные фанатики. Справедливо ли и цѣлесообразно ли посылать ихъ на эшафотъ и на висилицу за то, что они выполняютъ программу гг. Кропоткина и Элизе Реклю въ то время, какъ этимъ послѣднимъ дается полный просторъ продолжать свою пропаганду и готовить имъ замѣстителей?

Во Франціи и правительство и палата поняли теперь, что дѣло не въ случайныхъ, болѣе или менѣе чудовищныхъ явленіяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя содѣйствуютъ ихъ усиленію, тамъ поняли также, что анархизмъ имѣетъ космополитическій характеръ, что онъ направляется не противъ того или другаго государства, а противъ государства вообще и что онъ не удовлетворится ни одною формой общественнаго устройства, такъ какъ отрицаетъ основанія всякаго общества и цивилизаціи.

Вотъ что замѣчаетъ по поводу благополучно миновавшаго перваго мая сотрудникъ *Revue des deux Mondes:* „Могли не выйти на улицу потому, что считали условія неблагопріятными, но ни на сборищахъ, ни въ рѣчахъ не скрывалось, что цѣль, которую преслѣдовали, которую будутъ преслѣдовать завтра, такъ же какъ и вчера, это война, безпощадная война, со всѣмъ общественнымъ порядкомъ, со всѣми либеральными учрежденіями, съ тѣмъ, что называютъ патрональнымъ и буржуазнымъ обществомъ. какъ будто тѣ, которые эксплуатируютъ эти страсти, сами не принадлежатъ къ буржуазіи, какъ будто во Франціи есть еще привилегированные классы? Послѣднее слово этихъ печальныхъ предпріятій есть разрушеніе посредствомъ силы скрывающейся какъ подъ анархизмомъ, такъ и подъ революціоннымъ соціализмомъ.

„Это внутренняя опасность, но есть другая, которая не менѣе серьезна, она состоитъ въ томъ, что въ признанномъ организованномъ заговорѣ противъ французскаго общества оказывается такое же полное отсутствіе чувства патріотизма, какъ и чувства нравственности и свободы. Двадцать лѣтъ тому назадъ, подъ впечатлѣніемъ страшныхъ несчастій, опасность была сознана, былъ изданъ законъ противъ интернаціональнаго общества. Съ тѣхъ поръ его позабыли и дали развиться этому созданію анархическаго и соціалистическаго космополитизма. Теперь зло проявилось во всей его силѣ: заставляютъ несчастныхъ сбившихся съ толку кричать: долой отечество, заставляютъ французскихъ рабочихъ протягивать руку Нѣмцамъ, Итальянцамъ, Англичанамъ, Бельгійцамъ и Русскимъ нигилистамъ.“

Еще опредѣленнѣе высказывается *Nouvelle Revue*:

Вопросы, возбуждающіе общественный интересъ, слѣдуютъ другъ за другомъ и исчезаютъ, какъ китайскія тѣни, но настоящій предметъ заслуживаетъ болѣе продолжительнаго вниманія. По мнѣнію автора, у многихъ есть нѣкоторый разсчетъ поскорѣе измѣнить общественное настроеніе и заставить позабыть первое впечатлѣніе. „Что особенно характерно въ анархической доктринѣ — это ея универсализмъ. Незримыя и замѣчательно ловкія руки сплели крѣпкую сѣть, которая раскинута по всему обитаемому міру и захватываетъ всѣхъ рабочихъ, привлекая ихъ къ одному ужасному замыслу, а въ довершеніе картины, анархизмъ, какъ ученіе, часто находитъ снисхожденіе у защитниковъ общества. Общественное мнѣніе, смущенное и отравленное, такъ мало устойчиво, что оно во всемъ сомнѣвается, даже въ правѣ на самозащиту. Нельзя прибѣгать къ государственной силѣ, чтобы защищаться противъ послѣдствій анархизма, когда недалеко отъ мысли, что анархисты, можетъ-быть, правы относительно цѣли, а не правы только въ выборѣ средствъ. Что думаютъ анархисты, это извѣстно, они говорятъ это достаточно громко. Но что же думаютъ люди, которые, не признавая себя анархистами, держатся образа мыслей, выводы изъ котораго приводятъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ. Надо знать это, потому что защищаться послѣдовательно и съ успѣхомъ можно только тогда, когда убѣжденъ въ собственномъ правѣ.

„Во всѣ времена человѣчество возмущается противъ неизбѣжныхъ золъ, когда они становятся слишкомъ жестоки и когда оно не можетъ терпѣливо нести ихъ, но то, что характеризуетъ

современное революціонное движеніе, это какой-то суровый духъ отрицанія, примѣненный къ общественному строю, къ самой природѣ и выражающійся формулой ni Dieu ni maître, это смѣлое и абсолютное отрицаніе—отрицаніе простирающееся повсюду на всѣ части общества, на семью, на политическія учрежденія, на соціанальную организацію, какъ она вытекаетъ изъ законовъ природы, изъ историческихъ фактовъ и національныхъ традицій, это идея интернаціонализма, доведенная до отрицанія отечества, наконецъ, съ точки зрѣнія научной, это замѣщеніе однимъ классомъ всѣхъ остальныхъ. На этотъ разъ революціонное ученіе усовершенствовано. Теперь имъ нужно не только хлѣба или свинца, а всего. Для нѣкоторыхъ такая будущность является болѣе или менѣе отдаленною, для другихъ она представляется окончательнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ науки, для меня, замѣчаетъ авторъ, въ виду Равашоля и его товарищей, это варварство нападающее на дѣло цивилизаціи.

„Среди общества являются люди, которые утверждаютъ, что оно дурно организовано и одни изъ нихъ намѣрены законнымъ образомъ, другіе—насильственнымъ разрушить его. Имъ надо помѣшать, но какъ, посредствомъ законовъ, какихъ законовъ? Они отвѣчаютъ, эти законы вы сами ихъ сдѣлали. Законность ихъ основана только на вашей волѣ и на вашихъ интересахъ. Наши интересы и наша воля противоположны имъ. Общественная нравственность—вы ее выдумали; у насъ она другая, хотя того же происхожденія, кто же разсудитъ насъ? Сила? Но сила сегодня въ вашихъ рукахъ, а завтра она будетъ въ нашихъ. Во всякомъ случаѣ, это безпощадная и безпрерывная война между гражданами. Разсудить ихъ на основаніи права невозможно, потому что поводъ нападенія и поводъ защиты основанъ на томъ же самомъ принципѣ, то-есть на интересѣ.“

Что же, спрашиваетъ де-Марсеръ, очень ли преступны анархисты съ этой точки зрѣнія?

„Говорятъ, они поэты, они проповѣдуютъ благую вѣсть, у нихъ преждевременное, но не безразсудное понятіе о возможномъ будущемъ. Зачѣмъ же ихъ заставлять дожидаться. Если земной рай входитъ въ ихъ программу, зачѣмъ же медлить и запирать его дверь? Правда, что скорое исполненіе ихъ замысловъ стѣснило бы даже нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто предвидитъ такую будущность, ожидающую человѣчество, и радуются ей, хотя съ тѣмъ условіемъ, чтобы во время собственной жизни избавиться отъ

этого обѣтованнаго счастія и мирно пользоваться тѣми благами, которыми располагаютъ въ настоящее время."

„Мы пожинаемъ то, что посѣяли, сказалъ г. Лубе. Возбуждали ненависть гражданъ, проповѣдывали презрѣніе къ суду и къ арміи. И результаты вотъ они."

Прежде всего необходимо было принять мѣры противъ этихъ результатовъ, и это было сдѣлано. Но этого недостаточно. Анархисты ссылаются на силу законовъ. „Не далеко то время, если оно уже не наступило, когда снова появится на сценѣ тема любезная всѣмъ, кто подъ предлогомъ соціальнаго прогресса отдаютъ общественный порядокъ на произволъ злоумышленниковъ", говоритъ *Nouvelle Revue*. „Это такого рода эволюція, скажутъ они, которую надо беречь и поощрять, а не прекращать—есть хорошее въ анархіи, не всѣ мечтатели бываютъ разбойниками—не слѣдуетъ смѣшивать репрессію съ реакціей. Все это рѣчи, обезсиливающія правительство и отдающія беззащитное общество во власть демагогамъ. Въ виду этого изнеможенія духа и недостатка гражданскаго мужества рѣшатся ли просить у палаты законовъ, которые дали бы въ руки правительства недостающія ему средства борьбы или дозволятъ возбуждать ненависть гражданъ, проповѣдывать презрѣніе къ законамъ и магистратурѣ? Допустятъ ли публичныя воззванія къ разрушенію зданій и къ убійствамъ?"

Законодательныя мѣры, позволяющія правительству дѣйствовать съ большею энергіей противъ нарушителей общественнаго порядка, еще не все. „Государство, справедливо замѣчаетъ тотъ же авторъ, не есть ни Сорбонна ни Церковь, но оно все-таки должно знать чего оно хочетъ, оно можетъ относиться одинаково къ элементамъ укрѣпляющимъ общественный порядокъ и къ элементамъ его разрушающимъ; если, напримѣръ, между нравственными элементами, укрѣпляющими общество, признается и религіозное чувство, то возможно ли пренебрегать имъ и погашать его въ душахъ подростающаго поколѣнія? Дѣло не въ вѣроисповѣданіи. Когда Гизо, который былъ кальвинистомъ, и столько другихъ людей, прославившихъ парламентскій режимъ, свободомыслящіе философы были призываемы ко власти, они не становились ни апостолами ни инквизиторами, но у нихъ было высокое сознаніе правительственныхъ обязанностей.

„Они знали условія жизни обществъ, они знали, что значитъ религіозное чувство для внутренняго порядка и міра, они знали,

какая соціальная сила вытекаетъ изъ взаимной поддержки власти духовной и свѣтской. Развѣ этого не знаютъ уже въ наше время? Можно было бы это подумать, глядя на усиленную энергію, съ которою министръ исповѣданій постоянно и несвоевременно бьетъ по епископскимъ митрамъ. Теперь ли время раздувать огонь распри, когда министру внутреннихъ дѣлъ столько хлопотъ для возстановленія порядка и общественной безопасности?“

Насколько сознана французскимъ правительствомъ опасность грозящая общественному порядку со стороны анархической пропаганды ясно изъ того, что министръ юстиціи рѣшился внести въ палату проектъ новаго закона о печати, съ пояснительною запиской, гдѣ указываетъ на недостаточность закона 29 іюля 1881, такъ какъ онъ далеко не предусматриваетъ всѣхъ случаевъ, когда печатныя воззванія могутъ быть опасными. Особенно опасны воззванія обращенныя къ военно-служащимъ, почему необходимо сдѣлать особыя добавленія въ этомъ смыслѣ.

Кромѣ того, существующіе законы не дозволяютъ предварительнаго ареста авторовъ мятежныхъ сочиненій и конфискаціи самыхъ сочиненій, такъ что вредное вліяніе авторовъ и ихъ сочиненій продолжается еще до постановленія приговора. Новымъ законопроектомъ предполагается виновныхъ въ призывѣ къ кражѣ, къ убійству, грабежу, поджогу, или одному изъ преступленій перечисленныхъ въ 435 ст. Уголовнаго Кодекса, или къ одному изъ преступленій противъ государственной безопасности, предусмотрѣнныхъ статей 75 и слѣдующими того же Кодекса, въ случаѣ если призывъ остался безъ послѣдствій, подвергать тюремному заключенію на время отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и денежному взысканію отъ 100 до 3.000 франковъ. За всякое, произведенное однимъ изъ способовъ указанныхъ въ 23 статьѣ, воззваніе къ военнымъ, служащимъ въ арміи и флотѣ, съ цѣлію склонить ихъ къ нарушенію своихъ военныхъ обязанностей и дисциплины, къ неисполненію законныхъ приказаній начальства и нарушенію воинскаго устава, — наказуется тюремнымъ заключеніемъ на время отъ 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и денежнымъ взысканіемъ отъ 100 до 3.000 франковъ.

Законопроектъ этотъ, несмотря на то, что неотложность мѣръ противъ анархической пропаганды ясна для каждаго, вѣроятно вызоветъ въ палатѣ ожесточенныя пренія не потому чтобы въ ней была достаточно сильная партія, готовая поддерживать анар-

хистовъ, и не потому чтобы законопроектъ грозилъ серьезною опасностью свободѣ мысли вообще, а потому что тамъ, гдѣ правленіе основано на временномъ господствѣ или преобладаніи той или другой партіи, каждая изъ нихъ боится, чтобъ усиленіе правительственной власти не обратилось противъ нея самой.

* * *

Мѣсяца два тому назадъ въ обществѣ вызвали нѣкоторую тревогу слухи о нѣмецкихъ аэростатахъ, будто бы неоднократно перелетавшихъ нашу границу и затѣмъ обратно возвращавшихся въ Германію. Въ этихъ слухахъ важенъ былъ не столько фактъ нарушенія нашей границы, если признать, что такой перелетъ дѣйствительно существовалъ и что его можно разсматривать какъ нарушеніе границы, сколько-то, что имъ доказывалась бы полная возможность гораздо болѣе совершеннаго управленія аэростатами, нежели то, которое была достигнута гг. Ренаромъ и Кребсомъ, и способъ такого управленія уже извѣстенъ нашимъ сосѣдямъ, а это давало бы имъ значительное преимущество надъ нами въ случаѣ вооруженнаго столкновенія. Такимъ образомъ, вопросъ сразу получилъ не столько научное, сколько военное и политическое значеніе.

Благодаря этому, споры сразу приняли такой характеръ, который дѣлалъ ихъ безплодными, безпристрастное обсужденіе факта или, точнѣе говоря, свидѣтельскихъ показаній объ этомъ фактѣ являлось крайне затруднительнымъ, потому что нежелательно было признать ихъ дѣйствительность. Конечно, наиболѣе компетентнымъ судьей въ настоящемъ вопросѣ могъ быть воздухоплавательный отдѣлъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, самые доклады, читавшіеся въ немъ, къ сожалѣнію, еще не напечатаны, и мы должны ограничиться краткими сообщеніями *Правительственнаго Вѣстника*.

Судя по этому изложенію можно полагать, что Общество, на основаніи современнаго положенія воздухоплаванія, пришло къ безусловно отрицательному заключенію относительно тѣхъ полетовъ, о которыхъ передавалось въ газетахъ.

„Кромѣ аэростата Ренара и Кребса, говорится въ статьѣ *Правительственнаго Вѣстника* отъ 1 мая, ни одинъ изъ нихъ не могъ вернуться къ мѣсту, откуда вылетѣлъ. Ренару удалось, выбирая

дни полнаго штиля, изъ семи разъ пять—вернуться на мѣсто подъема, но и то только послѣ пребыванія въ воздухѣ не долѣе 1½ часа.

„Послѣдній опытъ доказалъ, что управленіе аэростатомъ возможно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснилъ и всѣ слабыя стороны подобныхъ приборовъ: двигатель, съ одной стороны, и слабость оболочки, съ другой.“

Отсюда, повидимому, дѣлается выводъ, что такъ какъ лучшій изъ извѣстныхъ до сихъ поръ аэростатовъ далъ только весьма незначительныя скорости, и то лишь на весьма незначительныхъ разстояніяхъ, такъ какъ двигатель его можетъ работать лишь очень короткое время, то невозможно допустить, чтобы въ Германіи были получены такіе результаты, которые во много разъ превосходятъ полученные Ренаромъ.

Намъ кажется однако, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдовало бы твердо держаться правила, что нѣтъ невозможнаго внѣ математики. Въ самомъ дѣлѣ, самый шаръ Ренара служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, такъ какъ опытъ его „доказалъ, что управленіе аэростатомъ возможно“, послѣ того какъ Парижская Академія Наукъ объявила вопросъ объ управляемости аэростатовъ праздднымъ и относящимся „къ разряду равнозначущему съ вопросами о квадратурѣ круга и вѣчномъ движеніи“. Конечно, къ такому заключенію академія пришла за нѣсколько десятковъ лѣтъ до опытовъ Ренара и Кребса, но еслибы не Гамбетта, настаивавшій на опытахъ, то можетъ-быть и теперь еще многіе изъ ея членовъ остались бы при прежнемъ своемъ убѣжденіи.

Для полученія результатовъ, значительно превосходящихъ тѣ, которые были получены Ренаромъ и Кребсомъ, нѣтъ надобности ни въ какихъ новыхъ двигателяхъ или иныхъ усовершенствованіяхъ аэростата, для этого достаточно только увеличить его размѣры, такъ какъ тогда возможно пользоваться значительно болѣе сильнымъ двигателемъ. Съ увеличеніемъ размѣровъ увеличиваются, конечно, и издержки, но это возраженіе не принципіальное, оно имѣетъ большой вѣсъ лишь для частныхъ коммерческихъ предпріятій, а никакъ не въ военномъ дѣлѣ, гдѣ на незначительное усовершенствованіе оружія легко тратятъ милліоны.

„Затрудненіе при постройкѣ большаго управляемаго аэростата заключается въ томъ, говоритъ *Правительственный Вѣстникъ*,

что является большой рискъ затратить огромную сумму денегъ, при сравнительно малой надеждѣ на успѣхъ. Двигатель долженъ быть силою около ста паровыхъ лошадей для того, чтобы на нѣкоторой высотѣ съ успѣхомъ бороться противъ вѣтра (принимая въ соображеніе имѣющіяся данныя о скорости воздушныхъ теченій на безопасной отъ выстрѣловъ высотѣ) въ теченіе большинства дней въ году. Скорость эта, въ среднихъ случаяхъ, на высотѣ отъ полутора до двухъ верстъ достигаетъ 50—60 верстъ въ часъ, а слѣдовательно аэростатъ долженъ двигаться съ гораздо большею скоростью, въ противномъ же случаѣ онъ или останется на мѣстѣ или будетъ унесенъ вѣтромъ. Шаръ Ренара двигался всего со скоростью 23 верстъ въ часъ, и, слѣдовательно, нужно сдѣлать огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ усовершенствованіи аэростатовъ, чтобъ идти со скоростью 80 — 100 верстъ въ часъ.“

Совершенно справедливо, но гдѣ доказательство, что шагъ этотъ не могъ быть сдѣланъ?

Вотъ что̀ мы читаемъ по этому поводу: „Изо всего сказаннаго очевидно, что при желаніи пользоваться для развѣдочной службы тѣмъ или другимъ приборомъ, впервые примѣняющимся на практикѣ, должны быть произведены обширные опыты на собственной территоріи, прежде чѣмъ пускаться въ дальнія странствованія надъ чужою страной. Летательные снаряды, назначаемые для дальнихъ путешествій, должны быть значительныхъ размѣровъ, и *нельзя предполагать, чтобъ ихъ никто до настоящаго времени не видалъ* или чтобы такой фактъ замалчивала иностранная печать, а чужестранцы изумлялись бы, глядя на новое чудесное изобрѣтеніе, ожидая, чтобы какая-либо случайность отдала въ ихъ руки плодъ громадныхъ усилій и затратъ.“ Всѣ эти соображенія относятся скорѣе къ сферѣ психологіи, чѣмъ воздухоплаванія, а въ этой наукѣ еще менѣе, чѣмъ въ области физики, примѣнимо понятіе невозможности.

Конечно, невѣроятно, чтобъ опыты съ новымъ прибором̀ производились впервые надъ чужою территоріей, но гораздо менѣе невѣроятно, чтобъ они могли быть произведены въ тайнѣ: сохранить тайну въ такихъ случаяхъ трудно, но не невозможно, конечно, не тогда только, когда опыты производятся днемъ, и въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Парижа.

Въ виду этого, какъ ни мало вѣроятны сообщаемые факты, едва ли правильно отвергать ихъ, если они подтверждаются

заслуживающими довѣрія очевидцами; вопросъ тогда сводится къ тому, гдѣ вѣроятнѣе ошибка, въ показаніяхъ ли этихъ очевидцевъ, или въ тѣхъ научныхъ положеніяхъ, которыя признаются нами за истину, на основаніи современнаго положенія науки? Вотъ почему совершенно не точно выраженіе, „безусловная невозможность“ въ примѣненіи къ данному случаю, на томъ основаніи, что тѣ или другіе полеты не могутъ быть объяснены гипотезой благопріятныхъ воздушныхъ теченій. Не подлежитъ сомнѣнію, что для громаднаго большинства, и притомъ вполнѣ основательно, показанія заслуживающихъ довѣрія очевидцевъ могутъ опровергнуть гипотезу, какъ бы она ни была вѣроятна, но самые остроумные выводы изъ этой гипотезы не опровергнутъ ни одного наблюденія достаточно хорошо засвидѣтельствованнаго.

Между тѣмъ, мы читаемъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*: „Разборъ метеорологическихъ условій, вредящихъ или способствующихъ полету черезъ наши владѣнія, сдѣланный однимъ извѣстнымъ метеорологомъ, на основаніи научныхъ результатовъ, полученныхъ при изученіи 40 воздушныхъ полетовъ, показалъ, что только въ одномъ изъ множества случаевъ существовали безусловно способствующія полету и вполнѣ благопріятныя условія; въ двухъ другихъ возможность была, но не безусловная, за то во всѣхъ остальныхъ *блистательно доказана полная невозможность полетовъ*. Къ сожалѣнію, нельзя судить о томъ—произведенъ ли дѣйствительно хотя одинъ полетъ въ дни, когда его возможно было произвести, въ виду поразительной массы аналогическихъ показаній, относящихся до случаевъ безусловно невозможныхъ. *Единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ въ настоящее время можно бы было считать только утвердительныя показанія германскихъ воздухоплавателей, еслибъ они сообщили ихъ печатно.*“

Никто не мѣшаетъ, конечно, и управляемымъ аэростатамъ пользоваться воздушными теченіями, но едва ли возможно разсчитывать въ подобныхъ случаяхъ на правильность показаній германскихъ воздухоплавателей, особенно, если они сообщатъ ихъ печатно.

Какъ нельзя болѣе кстати въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья г. Quidam, посвященная вопросу объ управляемыхъ аэростатахъ. Въ отвѣтъ на толки о невозможности управленія аэростатами, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, авторъ знакомитъ публику съ опытами Ренара и Кребса. Несмотря на

то, что опыты эти въ свое время привлекли всеобщее вниманіе, впечатлѣніе произведенное ими успѣло настолько изгладиться, что возобновленіе ихъ въ памяти публики является далеко не лишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, опыты эти доказываютъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, что управляемые аэростаты не только могутъ существовать, но и дѣйствительно существуютъ; то обстоятельство, что самостоятельная скорость, которую могъ дать аэростатъ *Франція*, равнялась 23, а не 60 километрамъ, и что двигатель его могъ работать полтора часа, а не пятнадцать, имѣетъ тѣмъ менѣе принципіальнаго значенія, что стóитъ только увеличить размѣры аэростата для того, чтобы можно было воспользоваться болѣе сильнымъ двигателемъ въ теченіе болѣе продолжительнаго промежутка времени.

„Такимъ образомъ, не въ теоріи, а на практикѣ гг. Ренаръ и Кребсъ разрѣшили вопросъ объ управляемомъ аэростатѣ не потому, чтобы Меденскій шаръ составлялъ типъ управляемаго шара, который будетъ употребляться тогда, когда воздухоплаваніе займетъ серьезное и быть-можетъ первенствующее мѣсто въ ряду способовъ передвиженія—вѣдь и локомобиль временъ Стефенсона, таскавшій поѣзда на проволочныхъ накатахъ отъ станціи до станціи, весьма далекъ отъ современнаго локомотива, но тѣмъ не менѣе начало желѣзнодорожнаго движенія отмѣчено именно опытами Стефенсона. Во всякомъ случаѣ уже и теперь возможно построеніе управляемаго аэростата, который будетъ со значительною быстротой двигаться въ желаемомъ направленіи независимо отъ направленія вѣтра.“

Это настолько справедливо, что Французская Академія Наукъ, признавшая прежде вопросъ объ управляемости аэростатовъ столь же неразрѣшимымъ, какъ квадратуру круга, въ засѣданіи 1 іюня 1887 года пришла къ противоположному заключенію, короновала трудъ Ренара и Кребса и утвердила докладъ гг. Пастёра, Ермита, Филипса, Фреми и Бертрана, который позволимъ себѣ привести здѣсь не только потому, что онъ согласованъ Академіей, но и потому что въ нѣсколькихъ строкахъ онъ содержитъ вполнѣ ясную и опредѣленную постановку вопроса современнаго воздухоплаванія. Коммиссія единогласно присуждаетъ премію Понти за 1886 годъ гг. Ренару и Кребсу за успѣхи, совершенные ими въ дѣлѣ воздухоплаванія.

Академія не забыла заявленія, сдѣланнаго нашимъ сочленамъ о первыхъ успѣхахъ, достигнутыхъ этими учеными.

„Она продолжала слѣдить съ живымъ интересомъ за постояннымъ изученіемъ и счастливыми усовершенствованіями ихъ остроумныхъ снарядовъ.

„Въ теоріи нѣтъ ничего проще чѣмъ воздухоплаваніе, но практическія трудности его доказываются цѣлымъ вѣкомъ, въ теченіе котораго почти каждый годъ могъ бы напомнить о безплодныхъ попыткахъ. Еслибы прекратилось дѣйствіе вѣтровъ, достаточно было бы самой незначительной силы, самый слабый вѣтеръ можетъ, наоборотъ, оказывать до сихъ поръ почти непреодолимое дѣйствіе на громадную поверхность нашихъ аэростатовъ.

„Дѣло не въ томъ, чтобы воздушныя теченія могли вредить аэростату или подвергать его серьезнымъ опасностямъ, какъ мореплавателя. Воздухоплаватель, отдаваясь теченію, которое его уноситъ, можетъ считать себя неподвижнымъ, движеніе его равномѣрно, ничто, повидимому, не мѣшаетъ ему средп его ладьи, но путь вынужденъ и старанія направить аэростатъ до сихъ поръ оставались безсильны.

„Замѣчательная попытка, предшествуемая серьезными и учеными изысканіями, сдѣлана была Дюпюи де-Ломомъ; не доставало только сильнаго и легкаго двигателя.

„Меденское учрежденіе, которому военнымъ министромъ поручено было изучить аэростаты, должно было изучить весь вопросъ, сызнова воспользовавшись всѣми уже совершенными изслѣдованіями и успѣхами.

„Профессіональный долгъ предписывалъ гг. Ренару и Кребсу величайшую скромность. Объясненія ихъ, всегда краткія, во многихъ случаяхъ должны были быть неполными. Но результатъ говоритъ самъ за себя. Впервые и неоднократно наблюдалось, что аэростатъ, удалившись на нѣсколько километровъ отъ мѣста наполненія, спускался въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ наполненъ.“

Увлеченіе публики, вызванное опытами Ренара, было кратковременно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нихъ редакція *Аэронавта* жалуется уже, что впечатлѣніе, произведенное ими, было не продолжительно и разочарованіе послѣдовало за энтузіазмомъ, какъ только увидѣли, что управляемые аэростаты не являются описать кругъ около обелиска на Площади Согласія. Публика не умѣетъ дожидаться, она понимаетъ только непосредственные результаты, она хочетъ сейчасъ же воспользоваться достигнутымъ успѣхомъ, въ противномъ случаѣ онъ для нея не существуетъ.“

Но если таково отношеніе публики, то несомнѣнно, что на ученыхъ интересующихся воздухоплаваніемъ опыты устранившіе разъ на всегда сомнѣніе въ возможности управленія аэростатомъ должны были произвести болѣе глубокое впечатлѣніе; весьма вѣроятно, что многіе изъ нихъ съ большимъ вниманіемъ приняlись за изученіе вопроса считавшагося неразрѣшимымъ, но дѣло воздухоплаванія, къ сожалѣнію, такъ тѣсно связано съ военнымъ дѣломъ, что чрезвычайная скромность можетъ являться профессіональнымъ долгомъ не для однихъ меденскихъ воздухоплавателей. Съ этой точки зрѣнія не было бы ничего удивительнаго еслибъ успѣхи, достигнутые въ одной странѣ, оказались сюрпризомъ для всѣхъ ея сосѣдей.

Въ виду этого нѣтъ ничего невозможнаго, что тѣ аэростаты, о которыхъ писалось, были дѣйствительно управляемыми.

„Имѣя въ своемъ распоряженіи самостоятельную быстроту въ 30 километровъ, замѣчаетъ г. Quidam, и возможность пользоваться попутными вѣтрами (для этого нѣтъ надобности идти непремѣнно по вѣтру: можно, какъ показали меденскіе опыты, пользоваться вѣтромъ идя и въ *полвѣтра*, какъ дѣлаютъ парусныя суда), можно безъ особеннаго риска пускаться даже „въ глубь чужой страны“.

„Гораздо труднѣе говорить о томъ *чьи* шары видѣли наши очевидцы (я не могу себѣ позволить сомнѣваться въ правдивости сообщенія, напримѣръ, того артиллерійскаго офицера, который прислалъ въ *Московскія Вѣдомости* описаніе видѣннаго имъ шара, ни въ добросовѣстности редакціи *Кіевскаго Слова*, которая не отличается ни „польскими“, ни „еврейскими“ тенденціями): прусскіе ли это шары, австрійскіе ли, или какіе иные. Несомнѣнно лишь, что Нѣмцы весьма энергично стараются усвоить себѣ и усовершенствовать всѣ французскія изобрѣтенія въ сферѣ воздухоплаванія, и ничего нѣтъ мудренаго, если они и „устроили большія машины“, то-есть сдѣлали то, что̀ находятъ нужнымъ Жаменъ для достиженія значительной скорости движенія. Австрійцы работаютъ неустанно въ этомъ направленіи, и еще въ 1889 году въ Вѣнѣ капитанъ австрійской артиллеріи, Шпиндлеръ, изучающій воздухоплаваніе въ примѣненіи къ военнымъ цѣлямъ по порученію военно-ученаго комитета, говорилъ мнѣ, что у нихъ рѣшено строить большой воздушный корабль по образцу меденскаго ballon dirigeable. Кто изъ нихъ достигъ бо́льшихъ результатовъ, Нѣмцы или Австрійцы, объ этомъ не мѣсто здѣсь гово-

рить: цѣлію этого очерка было доказать, что управляемые шары не только возможны „нынѣ“, но даже *уже существуютъ*. Слишкомъ наивно было бы полагать, что управляемый аэростатъ, *прежде* чѣмъ быть употребленнымъ для военныхъ цѣлей, сдѣлается орудіемъ „промышленности“. Всеобщимъ достояніемъ ballon dirigeable сдѣлается *гораздо позднѣе*, когда усовершенствованія уменьшатъ рискъ и стоимость эксплуатаціи; но ни рискъ, ни дороговизна не мѣшаютъ пользоваться имъ уже теперь для военныхъ цѣлей.“

Такое положеніе современнаго воздухоплаванія, какъ мы уже замѣтили, отодвигаетъ на второй планъ чисто-научный интересъ; но и съ военной точки зрѣнія нѣтъ надобности убаюкивать общество увѣреніями, что управляемость аэростатовъ не только не достигнута, но и не можетъ быть достигнута, по крайней-мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, тогда какъ вопросъ стоитъ, очевидно, на очереди. Если допустить даже, что всѣ слухи, сообщавшіеся газетами о нѣмецкихъ аэростатахъ, не болѣе какъ журнальныя утки, то современное положеніе вопроса само по себѣ невольно приводитъ къ заключенію, что онъ можетъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и что такое рѣшеніе его дастъ значительное преимущество тому, кто первый сумѣетъ воспользоваться имъ. Не слѣдуетъ забывать, что управляемые аэростаты могутъ служить не для однѣхъ развѣдокъ.

Мы конечно далеки еще отъ того времени, когда будутъ происходить воздушныя сраженія, но какъ только управляемость аэростатовъ будетъ вполнѣ достигнута, ею конечно сейчасъ же воспользуются для передвиженія небольшихъ отрядовъ, которымъ будетъ совершенно невозможно помѣшать каждую минуту очутиться тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидаютъ. Никакія укрѣпленія и никакая артиллерія не остановятъ передвиженія такихъ отрядовъ, а если принять въ соображеніе, что съ аэростатовъ могутъ еще быть брошены взрывчатые снаряды, то ясно, что способъ веденія войны долженъ будетъ совершено измѣниться.

Какъ бы ни было важно однако въ настоящій моментъ рѣшеніе вопроса объ управляемости аэростатовъ въ военномъ отношеніи, еще важнѣе тотъ переворотъ, который должно произвести со временемъ воздухоплаваніе во всей общественной и экономической жизни. Электротехника успѣла дать уже громадные практическіе результаты не только прежде, чѣмъ изслѣдованія объ электричествѣ успѣли окончательно сложиться въ отдѣльную науку, но

прежде даже чѣмъ человѣчество успѣло предъявить ему свои мечты и желанія. Совсѣмъ иное дѣло вышло съ воздухоплаваніемъ. Стремленіе овладѣть воздухомъ составляетъ древнѣйшую мечту человѣчества, но до сихъ поръ, несмотря на громадные успѣхи техники, мечта эта осталась не осуществленною, хотя препятствія казалось бы не велики. Чѣмъ же объясняются сравнительно медленные успѣхи воздухоплаванія?

Дѣло въ томъ, что трудности здѣсь не исключительно научнаго и не исключительно техническаго свойства. Каждый болѣе или менѣе значительный опытъ требуетъ не только знаній и матеріальныхъ затратъ, но и риска, а для того, чтобы рискъ это не былъ безполезнымъ, и физической ловкости; всѣ эти требованія лишь въ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть выполнены однимъ человѣкомъ, и въ воздухоплаваніи является, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимость въ согласномъ дѣйствіи цѣлыхъ обществъ. Со времени Монгольфье образовывалось уже множество такихъ обществъ, но имъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не доставало для достиженія болѣе или менѣе значительныхъ результатовъ возможности провѣрять свои предположенія и теоріи на практикѣ; для того, чтобъ имѣть эту возможность, кромѣ значительныхъ матеріальныхъ средствъ и людей готовыхъ рисковать жизнью, оно должно бы располагать услугами профессіональныхъ воздухоплавателей.

Сколько силъ и сколько жизней тратится совершенно безплодно для науки, какъ простое и едва ли особенно назидательное зрѣлище для толпы! Какіе значительные и серьезные результаты могли бы, напримѣръ, быть достигнуты, еслибы Леру занимался систематическими опытами съ аэропланами вмѣсто безполезныхъ однообразныхъ и рискованныхъ спусковъ со своимъ парашютомъ, стоившими ему жизни.

Между тѣмъ, для того, чтобъ это было возможно, достаточно было бы, чтобы средства къ жизни давали ему не случайные антрепренеры увеселительныхъ садовъ, а серьезное ученое общество. Воздухоплаваніе не есть отвлеченная наука, интересъ котораго доступенъ весьма не многимъ. Если не способы достиженія, то самая цѣль привлекательна и понятна почти каждому; въ виду этого, для того, чтобы привлечь къ болѣе дѣятельному участію въ опытахъ множество лицъ, которыя не интересуются ими только потому, что продолжаютъ считать ихъ невозможными, достаточно было бы сдѣлать доступными публикѣ уже

полученные результаты. Теоретическія построенія и вычисленія, которыми занято большинство ученыхъ воздухоплавателей, конечно полезны, но безъ опытной провѣрки они не только не имѣютъ интереса для публики, но и рѣшающаго научнаго значенія.

* * *

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатанъ недавно отчетъ уполномоченнаго особаго комитета по Тамбовской губерніи. Замѣчательно то отношеніе народа къ постигшему его бѣдствію, на которое мы уже неоднократно указывали и которое вполнѣ подтверждается отчетомъ.

„Какъ ни сильны претерпѣваемыя населеніемъ лишенія и какъ ни тяжело его нынѣшнее положеніе, нигдѣ, однако, не приходится слышать ропота или неудовольствія; повсюду, со слезами на глазахъ, крестьяне произносятъ благодарственныя молитвы за Царя, который кормитъ ихъ хлѣбомъ и даетъ имъ изъ казенныхъ лѣсовъ даровое топливо, и за Августѣйшаго Предсѣдателя Особаго Комитета, который не оставляетъ ихъ въ трудную годину и освѣдомляется объ ихъ положеніи и нуждахъ. Замѣчается также значительное уменьшеніе пьянства вездѣ, гдѣ населеніе сильно пострадало отъ неурожая.“

Возможно ли въ такомъ отношеніи видѣть признакъ апатіи, какъ это дѣлали нѣкоторые? Не есть ли, наоборотъ, способность безропотно переносить неизбѣжное бѣдствіе доказательство внутренней энергіи? Не странно ли было бы обвинять народъ въ недостаткѣ дѣятельности и предпріимчивости, когда ему негдѣ научиться имъ и некуда приложить ихъ?

„Въ прежніе годы недостатокъ собираемаго съ полей хлѣба восполнялся крестьянами заработками мѣстными и отхожими, говорится въ томъ же отчетѣ. Въ настоящемъ же году во многихъ уѣздахъ ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ. Кустарныхъ промысловъ вообще мало“. Отсутствіе всякихъ кустарныхъ промысловъ и всякаго заработка, конечно, сильнѣе всего заставляетъ себя чувствовать въ годы подобные настоящему. Именно въ нынѣшнемъ году, однако, населеніе Тамбовской губерніи могло имѣть довольно значительный заработокъ, еслибы существовала нѣсколько болѣе тѣсная связь между лицами и учрежденіями, призванными заботиться о народномъ благосостояніи.

Въ теченіе нынѣшняго года предпринята постройка желѣзно-дорожныхъ путей, проходящихъ по мѣстностямъ наиболѣе потерпѣвшимъ отъ неурожая, сооруженіе это могло бы, конечно, дать значительный заработокъ голодающимъ и облегчить ихъ положеніе, это имѣлось въ виду и Комитетомъ Министровъ, и Министерствомъ Путей Сообщенія, и земствами, просившими о скорѣйшемъ сооруженіи дорогъ, къ этому дѣлу отнеслись вполнѣ сочувственно и нѣкоторые изъ строителей. Что же получилось однако? Можно сказать съ увѣренностію, что до голодающихъ дошелъ лишь незначительный процентъ изъ тѣхъ милліоновъ, которые были или будутъ израсходованы на проведеніе желѣзныхъ дорогъ по потерпѣвшимъ губерніямъ.

Чтобы не быть голословными, приводимъ факты ближе всего намъ извѣстные: въ ноябрѣ уполномоченный Спасскаго уѣзднаго земства обратился къ строителю Рязанско-Казанской желѣзной дороги съ предложеніемъ отъ имени земства устроить рабочія артели для доставленія заработковъ нуждающемуся мѣстному населенію при сооруженіи дороги, проходящей по Спасскому уѣзду на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ и съ просьбой сообщить ему, если такое привлеченіе мѣстнаго населенія къ желѣзно-дорожнымъ работамъ будетъ признано возможнымъ, то когда именно могутъ начаться работы и на какую приблизительно сумму заработка можетъ разсчитывать мѣстное населеніе?

Предложеніе это было принято сочувственно и главный инженеръ по сооруженію Рязанско-Казанской желѣзной дороги, въ отвѣтъ на него, сообщилъ, что расходъ на рабочую силу при производствѣ подготовительныхъ работъ составитъ на версту дороги въ общемъ около 5.000 рублей и что всѣ поименованныя работы, по существу своему, таковы, что могутъ быть выполнены безъ какихъ-либо затрудненій мѣстными жителями.

Вслѣдствіе предложенія главнаго инженера, завѣдующій четвертымъ участкомъ дѣйствительно обратился къ земскимъ начальникамъ съ предложеніемъ составить рабочія артели, объяснивъ при этомъ, что ему на его участкѣ „потребуется до 5.000 землекоповъ, вполнѣ благонадежныхъ, плата рабочимъ предполагалась въ зимнее время отъ 25 до 30 копѣекъ пѣшему и отъ 40 до 50 конному, а лѣтомъ отъ 35 до 50 пѣшему и отъ 50 до 70 конному“, а такъ какъ желѣзная дорога пролегаетъ по Спасскому уѣзду на протяженіи 70 верстъ, то, принимая, даже для всѣхъ рабочихъ, максимумъ зароботанной платы предположенной для

конныхъ, и продолженіе ея въ теченіе круглаго года, общая сумма ея на версту окажется менѣе полуторы тысячи рублей, то-есть менѣе третьей доли того, что̀ предположено израсходовать на подготовительныя работы въ теченіе зимы по разсчету главнаго инженера; полагаемъ что цифры эти не нуждаются въ комментаріяхъ.

* * *

Скончался генералъ Грессеръ, это чувствительная потеря не только для Петербурга, но и для Россіи. Человѣкъ энергическій и преданный своему дѣлу, сознающій важность лежащей на немъ отвѣтственности, онъ умѣлъ быстро, твердо и безъ суетливости исполнить все то, чего требовали отъ него его многочисленныя и сложныя обязанности.

* * *

Болѣзнь и кончина генерала Грессера вызвали множество толковъ о г. Гачковскомъ и о виталинѣ. Основано ли было лѣченіе у г. Гачковскаго на убѣжденіи въ легковѣріи публики или же самъ онъ былъ убѣжденъ въ его дѣйствительности, это такой вопросъ, который можетъ имѣть значеніе только для суда; еще менѣе тѣсная связь между кончиной генерала Грессера и тѣмъ средствомъ, которое было употреблено имъ. Если смерть дѣйствительно послѣдовала отъ вспрыскиванія виталина, то очевидно, что для этого нужны были какія-нибудь особыя условія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, вредное вліяніе вспрыскиванія должно было бы обнаружиться гораздо раньше, во множествѣ другихъ случаевъ. Отъ виталина, или нѣтъ, выздоравливали кліенты г. Гачковскаго, это другой вопросъ, но еслибъ они отъ него умирали или даже заболѣвали, едва ли бы онъ получилъ то широкое распространеніе, которое заставило прибѣгнуть къ нему и генерала Грессера.

Сколько бы ни старались сторонники раціональной или, точнѣе говоря, оффиціальной медицины отстранить всякую возможность лѣченія другими средствами, кромѣ тѣхъ, которые оффиціально одобрены или признаны, старанія эти едва ли когда-либо увѣнчаются успѣхомъ. Жизнь и здоровье настолько дороги каждому, что когда раціональныхъ средствъ нѣтъ, или они

немогаютъ, онъ предпочтетъ всегда испробовать самыя нерацiональныя, прежде чѣмъ умереть по всѣмъ правиламъ медицинскаго искусства.

Въ такой наукѣ, какъ терапiя, гдѣ вѣра сама нерѣдко является однимъ изъ факторовъ лѣченiя, труднѣе чѣмъ гдѣ-либо провести границу между вѣрой и суевѣрiемъ. По поводу этого вопроса г. Михневичъ написалъ въ *Новостяхъ* весьма интересную, хотя и не вполнѣ ясную, статью, гдѣ онъ доказываетъ, что невѣжество имѣетъ право на снисхожденiе, и даже на уваженiе. „Такiе афоризмы, какъ ученье свѣтъ, а не ученье тьма, говоритъ онъ, принимаемые, обыкновенно, съизмала интеллигентными людьми на вѣру, безъ разсужденiя и провѣрки, въ видѣ готовыхъ, неопровержимыхъ, якобы, аксiомъ, весьма напоминаютъ, въ сущности, тѣхъ самыхъ нелѣпыхъ трехъ китовъ первобытной и наивной пошехонской космографiи, надъ которыми любители просвѣщенiя съ такимъ высокомѣрiемъ и остроумiемъ посмѣиваются.“

Г. Михневичъ негодуетъ на ученыхъ, которые „съ величайшимъ, изощреннымъ сомнѣнiемъ относятся къ каждому „новому слову“ науки, къ каждому научному открытiю и суевѣрно исповѣдуютъ какую-нибудь сверхъестественную, непостижимую для здраваго смысла, *тайну*, въ родѣ, напримѣръ, пресловутаго „четвертаго измѣренiя, столоверченiя и т. п.“ и полагаетъ, что пошехонецъ, котораго окутало „инфернальное рабство“ и который вѣритъ поэтому, что земля стоитъ на трехъ китахъ, гораздо извинительнѣе. „Непросвѣщенный, младенчествующiй умъ бьется, какъ птица, въ этой тѣсной клѣткѣ, не зная и не желая выхода изъ нея, потому что не допускаетъ самой его возможности, потому что поработившiя его темныя, дикiя понятiя нечѣмъ замѣнить—болѣе свѣтлымъ и разумнымъ. Потому-то и говорится, что онъ „коснѣетъ въ невѣжествѣ“, въ чемъ упрекъ падаетъ ужь никакъ не на пошехонскую „простоту“, которой въ этомъ случаѣ рѣшительно не изъ чего выбирать свое умственное продовольствiе. *Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается полное ея оправданiе, а также и неоспоримое право на снисхожденiе къ ней и даже, если хотите, уваженiе.*“

Несовсѣмъ ясно быть-можетъ, кто и въ чемъ обвиняетъ пошехонскую простоту и почему имѣя полное оправданiе она имѣетъ еще неоспоримое право на снисхожденiе „и даже, если хотите, на уваженiе“.

Нѣсколько странный способъ аргументаціи г. Михневича объясняется повидимому тѣмъ, что онъ находитъ забавными „тѣхъ господъ, которые усиливаются *доводами логики и знанія* оказать противодѣйствіе этому суевѣрному увлеченію знахарствомъ.

Впрочемъ, хотя г. Михневичъ не приводитъ никакихъ доводовъ логики и знанія, статья его въ концѣ концовъ вполнѣ убѣдительна, такъ какъ прочитавъ ее дѣйствительно „можетъ почудиться, что вся хваленая культура и ученость интеллигентовъ есть не что̀ иное, какъ своего рода маскарадный нарядъ, которымъ прикрывается постыдное умственное и нравственное убожество“.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Виды на урожай и состояніе хлѣбовъ.—Слухи о сенаторской ревизіи.

Благодаря обширной помощи правительства, бѣдствіе неурожая минувшаго года не вызвало особенныхъ затрудненій въ общемъ ходѣ народнаго хозяйства. Выдача продовольственныхъ ссудъ доставила нуждающемуся населенію возможность перебиться до новаго урожая; раздача сѣменныхъ запасовъ помогла обсѣмененію полей. Теперь всѣ надежды приходится возлагать на результатъ предстоящаго урожая, который можетъ пополнить оскудѣвшіе хлѣбные запасы, повысивъ экономическое состояніе бѣдствовавшаго населенія.

Хотя и встрѣчаются неудовлетворительные районы, гдѣ уже теперь не предвидится обильнаго урожая, какъ, напримѣръ, губерніи юго-западнаго края, однако изъ большинства земледѣльческихъ мѣстностей получаются благопріятныя вѣсти о состояніи посѣвовъ. Правда, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, остающихся до уборки новаго хлѣба, могутъ послѣдовать значительныя перемѣны: плохіе всходы могутъ значительно поправиться,—блестящіе виды на урожай могутъ не оправдать возлагающихся на нихъ ожиданій. Результатъ жатвы находится въ зависимости отъ дальнѣйшихъ атмосферическихъ условій, оказывающихъ громадное вліяніе на успѣхи сельскохозяйственной производительности. Тѣмъ не менѣе, едва ли будетъ ошибочнымъ ожиданіе въ нынѣшнемъ году средняго урожая, который не дастъ большихъ избытковъ надъ потребленіемъ, но въ то же время вполнѣ удов-

летворитъ спросъ на продовольственные припасы, доставивъ нѣкоторый остатокъ для вывоза на иностранные рынки.

Быть-можетъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, урожай нынѣшняго года окажется очень обильнымъ, пожалуй, даже превосходящемъ сборъ хлѣбовъ въ наиболѣе благопріятные годы, какими были 1887 и 1888. Но если въ предыдущіе годы цифры оффиціальной статистики объ урожаяхъ отличались нѣкоторою приниженностью, то въ нынѣшнемъ году онѣ скорѣе будутъ страдать противоположнымъ недостаткомъ—преувеличенностью, представляя урожай въ лучшемъ видѣ сравнительно съ дѣйствительностью. Оффиціальныя свѣдѣнія составляются на основаніи полученныхъ изъ волостныхъ правленій (Центральный Статистическій Комитетъ) и отъ частныхъ корреспондентовъ (Департаментъ Земледѣлія Министерства Государственныхъ Имуществъ) данныхъ о сборѣ различныхъ хлѣбовъ съ десятины, причемъ эти цифры примѣняются къ площади посѣва, опредѣленной въ 1881 году и вновь провѣренной въ 1886 году. До нынѣшняго года наблюдалось постоянное каждый годъ увеличеніе площади посѣва, и вслѣдствіе этого оффиціальныя свѣдѣнія, вычисленныя по меньшей площади, оказывались приниженными. Между тѣмъ осенью минувшаго года и весной нынѣшняго крестьянскіе, а мѣстами и владѣльческіе, посѣвы пропзведены, подъ вліяніемъ сокращенія скота, дороговизны сѣмянъ, трудности доставки ихъ и т. п., въ меньшихъ противъ предыдущихъ лѣтъ размѣрахъ. Кромѣ того, уменьшеніе посѣвовъ обусловливается въ южныхъ губерніяхъ засухой, затруднившею сѣвъ озимей, а въ неурожайныхъ мѣстностяхъ невыдачей сѣменныхъ ссудъ для арендной земли, имѣющей важное значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ земледѣльческихъ губерній. По изслѣдованію г. Карышева [1] арендная земля составляетъ въ среднемъ около 20% собственной крестьянской, причемъ мѣстами процентъ арендной земли повышается до весьма крупнаго размѣра. Такъ, напримѣръ, въ Саратовскомъ уѣздѣ онъ достигаетъ 70,8% и въ Самарскомъ 76,6%. Со всѣхъ сторонъ получаются свѣдѣнія о болѣе или менѣе значительномъ уменьшеніи площади посѣва, которое, несомнѣнно, отразится на результатахъ урожая пониженіемъ сбора противъ исчисленнаго

[1] *Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики.* Т. II. Николай Карышевъ. *Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды.* Дерптъ 1892 г. Стр. 12—13.

по прежней площади. Возможно однако и то, что сокращеніе запашекъ не превыситъ увеличенія ихъ съ 1886 года, и вслѣдствіе этого оффиціальныя свѣдѣнія окажутся весьма близко подходящими къ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, если въ предыдущіе годы свѣдѣнія объ урожаѣ Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ считались принижеными, то въ нынѣшнемъ году ихъ придется признать или преувеличенными, или же довольно точно характеризующими положеніе дѣла.

Нѣтъ, конечно, основаній сѣтовать на точность данныхъ, хотя бы случайную, когда она составляетъ pium desiderium нашей сельскохозяйственной статистики. Неудобство лишь въ томъ, что, при неудовлетворительности нашихъ статистическихъ свѣдѣній, въ большинствѣ случаевъ имъ придается лишь относительное значеніе. Цифры сбора хлѣбовъ принимаются преимущественно въ качествѣ процентныхъ показателей ухудшенія или улучшенія урожая по отдѣльнымъ годамъ, причемъ предполагается одинаковый коэффиціентъ погрѣшности. Въ послѣднемъ году приходится ожидать или совершеннаго устраненія этого коэффиціента или измѣненія его въ другомъ направленіи. Ясно, что сопоставленіе данныхъ нынѣшняго года со свѣдѣніями предыдущихъ лѣтъ приведетъ къ весьма шаткимъ выводамъ. Не имѣя свѣдѣній о размѣрахъ сокращенія площади посѣвовъ, нельзя придавать даннымъ нынѣшняго года значенія дѣйствительныхъ показателей урожая и въ то же время невозможно и сравнительное примѣненіе ихъ. Нынѣшній годъ наша плохо поставленная сельскохозяйственная статистика окажется въ еще худшемъ положеніи сравнительно съ предыдущими годами, выводы ея приведутъ къ еще менѣе удовлетворительнымъ результатамъ.

Кромѣ того, несомнѣнно, что ежегодно происходитъ болѣе или менѣе значительное измѣненіе въ соотношеніи площадей посѣва различныхъ хлѣбовъ, которое не принимается въ разсчетъ при исчисленіи урожая по вычисленной шесть лѣтъ тому назадъ площади. Въ нынѣшнемъ году можно ожидать еще бо́льшаго отклоненія площадей посѣва хлѣбовъ отъ нормальнаго соотношенія ихъ, особенно въ губерніяхъ потерпѣвшихъ отъ неурожая, гдѣ обсѣмененіе производилось на выданную правительствомъ ссуду. Довольно часто встрѣчались случаи выдачи не тѣхъ сѣмянъ, какія требовались, и вслѣдствіе этого измѣнился порядокъ обсѣ-

мененія сравнительно съ обычными условіями посѣва на крестьянскихъ земляхъ. Наконецъ, испытавъ тяжкое бѣдствіе неурожая послѣ предшествовавшаго ему плохаго сбора хлѣбовъ, нѣкоторые землевладѣльцы начали замѣнять культуру болѣе поддающихся атмосферическимъ условіямъ хлѣбовъ такими, которые устойчивѣе выдерживаютъ засуху и вообще невзгоды, какъ это выяснилъ опытъ послѣднихъ лѣтъ.

Правда, что высказанное предположеніе о сокращеніи въ нынѣшнемъ году площади посѣва какъ бы находится въ противорѣчіи съ опубликованнымъ на дняхъ сообщеніемъ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности о состояніи хлѣбовъ въ первой трети мая, гдѣ указывается, что „площадь подъ озимыми хлѣбами въ общемъ не сократилась“. Но, вопервыхъ, свѣдѣнія Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, полученныя отъ сельскихъ хозяевъ, касаются, главнымъ образомъ, владѣльческихъ имѣній, а не крестьянскаго хозяйства. Вовторыхъ, извѣстно, что эти свѣдѣнія отличаются нѣкоторымъ оптимизмомъ, представляя положеніе дѣла въ болѣе благопріятномъ видѣ. Наконецъ, втретьихъ, вышесказанное замѣчаніе Департамента Земледѣлія касается только озимыхъ хлѣбовъ, тогда какъ наибольшаго сокращенія площади посѣва слѣдуетъ ожидать для яровыхъ, ибо здѣсь встрѣтилось наиболѣе затрудненій въ доставкѣ сѣмянъ, пришлось считаться съ уменьшеніемъ, вслѣдствіе безкормицы, количества скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ и т. п. затрудненіями, которыя не были особенно чувствительны осенью и проявлялись съ особенною силой лишь только весной. Такимъ образомъ, сообщеніе Департамента Земледѣлія не отрицаетъ возможности уменьшенія въ нынѣшнемъ году посѣва, а слѣдовательно, и соотвѣтственнаго этому пониженія результатовъ жатвы. Да, наконецъ, если просмотрѣть сообщенія по губерніямъ, то окажется, что почти въ каждой послѣдовало болѣе или менѣе значительное уменьшеніе площади посѣва озимыхъ хлѣбовъ. Слѣдовательно, и въ общемъ итогѣ должно оказаться уменьшеніе...

Несмотря на всю ихъ шаткость и неопредѣленность, свѣдѣнія Департамента Земледѣлія представляютъ единственный источникъ, дающій болѣе подробныя справки о состояніи хлѣбовъ. Въ виду этого едва ли будетъ излишнимъ привести выдержки, характеризующія состояніе посѣвовъ и виды на урожай въ губерніяхъ черноземной полосы, составляющихъ житницу Россіи.

I. Центральныя земледѣльческія губерніи.

1. Курская губернія. *Озимые хлѣба*, за исключеніемъ сѣверной окраины губерніи, въ большинствѣ мѣстностей находились въ неудовлетворительномъ или плохомъ состояніи, пшеница повсемѣстно оказалась хуже ржи и частью совершенно пропала. Посѣянныя въ недостаточно влажную, а мѣстами и въ совсѣмъ сухую землю, озими не успѣли раскуститься съ осени и въ зиму пошли слабыми, а, слѣдовательно, и чувствительными ко всякимъ невзгодамъ. Мѣстами сѣмена вовсе не взошли. Часть озимей пострадала еще зимой какъ отъ сильныхъ морозовъ (пшеница—на буграхъ), такъ и, въ особенности, отъ гололедицы и ледяной коры, образовавшейся послѣ оттепелей и наводковъ и обусловившей выпрѣваніе и порчу посѣвовъ. Но наиболѣе существенный вредъ былъ, повидимому, нанесенъ озимямъ продолжительною и упорною весеннею засухой, которая къ тому же сопровождалась сильными восточными сухими вѣтрами, выдувавшими корни растенія и вызывавшими засыханіе и желтѣніе послѣднихъ. По сообщеніямъ изъ многихъ мѣстностей, съ самаго открытія весны почти до конца первой трети мая не было ни одного сколько-нибудь значительнаго дождя. Пшеница, какъ болѣе нѣжный хлѣбъ, пострадала отъ изложенныхъ причинъ наиболѣе значительно; состояніе ея было повсемѣстно плохо, причемъ часть посѣвовъ ея погибла совершенно и была пересѣяна яровыми. По нѣкоторымъ сообщеніямъ, мѣстами уцѣлѣло не болѣе 20—25 проц. пшеницы, остальное все перепахано. Рожь пострадала нѣсколько менѣе пшеницы, но и она въ большинствѣ случаевъ сильно порѣдѣла, была крайне неразвитою, а мѣстами погибла и также пересѣяна яровыми. Въ удовлетворительномъ, а кое-гдѣ и въ хорошемъ состояніи она находилась только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣздовъ: Дмитріевскаго, Фатежскаго, Щигровскаго и Льговскаго. *Яровые хлѣба*, а въ особенности ранніе, посѣвъ которыхъ былъ произведенъ до Пасхи, взошли вполнѣ удовлетворительно; но дальнѣйшій ростъ и развитіе ихъ были задержаны весеннею засухой. Яровые, посѣянные послѣ Пасхи, въ большинствѣ случаевъ едва только всходили и также сильно страдали отъ засухи и восточныхъ вѣтровъ. Свекловичные посѣвы, по сообщеніямъ

изъ Суджанскаго и Грайворонскаго уѣздовъ, были сильно повреждены засухой, вѣтрами и свекловичнымъ жучкомъ; мѣстами ихъ пересѣвали по два раза. Травы, вслѣдствіе засухи, росли очень плохо. *Площадь* озимыхъ посѣвовъ въ южной половинѣ губерніи почти повсемѣстно сократилась вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій (засухи) для посѣва осенью, а также вслѣдствіе недостатка сѣмянъ и въ особенности вслѣдствіе пересѣва погибшихъ озимей (преимущественно пшеницы) яровыми — просомъ, яровою пшеницей, подсолнухомъ и гречихой. Размѣры сокращенія площади озимыхъ посѣвовъ опредѣлить крайне трудно, но, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они были весьма значительны (кое-гдѣ на двѣ трети). По отдѣльнымъ сообщеніямъ, пересѣвы пропавшихъ озимей были задержаны недостаткомъ яровыхъ сѣмянъ (Новооскольскій уѣздъ), а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и засухой.

2. **Орловская губернія.** Изъ *озимыхъ* всходовъ—пшеница почти повсемѣстно находилась въ плохомъ состояніи; частью она пропала уже зимой отъ сильныхъ морозовъ при отсутствіи снѣга, частью же отъ весенней засухи и жары; кое-гдѣ пропало до 80 проц. всей озимой пшеницы. Ржаные всходы, за немногими исключеніями, находились въ довольно удовлетворительномъ состояніи, хотя страдали въ началѣ мая отъ бездождія. *Яровые хлѣба*, въ общемъ, взошли хорошо, но отсутствіе дождей съ середины апрѣля задержало ихъ развитіе. Пропавшую пшеницу мѣстами пересѣвали яровыми хлѣбами.

3. **Тульская губернія.** *Озими* въ началѣ мая, въ общемъ, находились въ посредственномъ состояніи. Онѣ сильно пострадали отъ ледяной коры, вслѣдствіе морозовъ послѣ сильныхъ оттепелей. Больше всего пострадала пшеница, половина которой мѣстами пропала совершенно (въ уѣздахъ Епифанскомъ, Новосильскомъ, Крапивенскомъ и Бѣлевскомъ). На ржи также по большей части наблюдалось довольно много плѣшинъ, хотя мѣстами она была хороша, и даже очень хороша. Къ концу первой трети мая озими, кромѣ того, начали портиться вслѣдствіе продолжительной засухи. Всходы *яровыхъ* посѣвовъ по большей части были удовлетворительны, однако полное отсутствіе влаги задерживало ихъ въ ростѣ до средины мая. Значительныхъ перемѣнъ въ *площади* посѣвовъ подъ озимыми не произошло; лишь кое-гдѣ пропавшую пшеницу пересѣвали яровыми.

4. **Рязанская губернія.** *Озимые хлѣба*, въ общемъ, были удов-

летворительны. Осенью они были прекрасны, но затѣмъ въ ноябрѣ и мартѣ пострадали мѣстами отъ ледяной коры, образовавшейся на низкихъ мѣстахъ, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ послѣ дождя. Бо́льшая часть корреспондентовъ указываютъ на поврежденія, происшедшія между 15 и 20 марта, когда послѣ теплой погоды и грозы термометръ опустился до — 10°. Ледяная кора погубила озими лишь на низкихъ мѣстахъ, гдѣ вслѣдствіе того оказались плѣшины. Наибольшее количество такихъ поврежденій наблюдалось въ уѣздахъ: Скопинскомъ, Ряжскомъ, Пронскомъ и Михайловскомъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропало отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ и болѣе всѣхъ озимей; сохранившіяся озими повсюду были очень хороши, а кое-гдѣ и прекрасны. Вообще, состояніе озимыхъ въ названныхъ четырехъ уѣздахъ можетъ считаться посредственнымъ, а въ остальныхъ—даже хорошимъ, хотя, вслѣдствіе отсутствія дождей съ 17 апрѣля, состояніе ихъ въ началѣ мая начинало нѣсколько ухудшаться. Къ посѣву *яровыхъ хлѣбовъ* приступили повсемѣстно на Ѳоминой недѣлѣ. Ранніе яровые хлѣба взошли очень хорошо, но пріостановились въ ростѣ по случаю засухи, поздніе—взошли хуже раннихъ. Несмотря на полный неурожай озимыхъ въ минувшемъ году, *площадь*, засѣянная этими хлѣбами, за рѣдкими исключеніями, почти нигдѣ не сократилась благодаря своевременной выдачѣ сѣмянъ. Неурожай минувшаго года повліялъ лишь на уменьшеніе количества нанимаемыхъ крестьянами у землевладѣльцевъ земель, вслѣдствіе чего во многихъ имѣніяхъ расширились экономическіе посѣвы. О пересѣвѣ яровыми пропавшихъ мѣстъ въ озимомъ полѣ получено лишь нѣсколько сообщеній изъ уѣздовъ: Скопинскаго, Ряжскаго, Пронскаго, Михайловскаго и Сапожковскаго; впрочемъ, размѣры и количество такихъ пересѣвовъ, по большей части, весьма незначительны.

5. **Тамбовская губернія.** *Озимые хлѣба* вышли изъ-подъ снѣга въ прекрасномъ состояніи и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ на нихъ были замѣтны небольшія поврежденія отъ выпрѣванія зимой и вымочекъ весной; въ теченіе всего апрѣля, несмотря на засуху, они находились въ хорошемъ положеніи и только въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ мая мѣстами стали страдать отъ недостатка влаги, пріостановились въ ростѣ и заострились. По единичнымъ сообщеніямъ изъ уѣздовъ Липецкаго и Усманскаго, заморозки, наблюдавшіеся въ первыхъ числахъ мая, нанесли озимымъ мѣстами довольно значительныя поврежденія,

причемъ пшеница пострадала сильнѣе ржи. Въ общемъ, въ началѣ мая положеніе озимыхъ хлѣбовъ можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ.

Яровые хлѣба ранняго сѣва взошли хорошо и были вполнѣ удовлетворительны, но вслѣдствіе засухи плохо росли, стали рѣдѣть и желтѣть, а мѣстами сохнуть. Яровые поздняго сѣва взошли неровно и были рѣдки, кое-гдѣ въ началѣ мая они еще не показались изъ земли. Наконецъ, заморозки въ первыхъ числахъ мая нѣсколько повредили имъ.

Площадь озимыхъ посѣвовъ немного уменьшилась еще съ осени, преимущественно у крестьянъ, по недостатку и дороговизнѣ сѣмянъ; весной же измѣненія были невелики, такъ какъ до начала мая значительныхъ пересѣвовъ не взошедшихъ или погибшихъ озимыхъ не наблюдалось.

6. Воронежская губернія. *Озимые хлѣба* находились, по большей части, въ весьма неудовлетворительномъ или плохомъ положеніи. Съ одной стороны, осенняя засуха задержала ихъ ростъ и не дала возможности хорошо укорениться, а мѣстами сѣмена такъ и не всходили въ теченіе всей осени (поздніе посѣвы), и только весной появились зелени, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказались вполнѣ удовлетворительными и даже хорошими; съ другой стороны, весенніе заморозки въ концѣ марта и половинѣ апрѣля нанесли существенный вредъ, какъ вышедшимъ изъподъ снѣга озимымъ, такъ и давшимъ всходы весной. Наиболѣе пострадала, повидимому, пшеница, которая мѣстами окончательно погибла. Наконецъ, продолжительная весенняя засуха и иссушающіе вѣтры сильно задержали ростъ уцѣлѣвшихъ хлѣбовъ, которые по этой причинѣ перестали расти, рѣдѣли, желтѣли и мѣстами пропадали окончательно. Судя по имѣющимся сообщеніямъ, въ сѣверо-восточной (меньшей) части губерніи рожь была въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ на юго-западѣ; кое-гдѣ даже корреспонденты находили ея состояніе хорошимъ (мѣстами въ Бобровскомъ, Новохоперскомъ, Воронежскомъ и, главнымъ образомъ, въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ). Что-же касается пшеницы, то состояніе ея признавалось всѣми корреспондентами крайне плохимъ и безнадежнымъ. *Яровые хлѣба*, главнымъ образомъ овесъ, посѣянный до Пасхи, взошли повсемѣстно удовлетворительно или хорошо, поздніе же посѣвы (около половины апрѣля) дали плохіе, слабые и рѣдкіе всходы, а мѣстами и въ первыхъ числахъ мая они еще не показались, вслѣдствіе стоявшей

все время засухи, отъ которой начали сильно страдать двинувшіеся было въ ростъ ранніе посѣвы; кое-гдѣ они уже стали желтѣть, рѣдѣть и „тянулись въ ниточку", возбуждая опасенія хозяевъ. *Площадь* озимыхъ посѣвовъ значительно сократилась: вопервыхъ, осенью 1891 г. многіе хозяева уменьшили площадь подъ озимыми по недостатку сѣмянъ (преимущественно въ крестьянскихъ хозяйствахъ), вслѣдствіе плохаго урожая, а иные не произвели совсѣмъ посѣва по причинѣ стоявшей осенью засухи; вовторыхъ, весной многія озимыя поля настолько пострадали, что ихъ пришлось пересѣять яровыми. По сообщеніямъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, сокращеніе площади озимыхъ въ зависимости отъ указанныхъ причинъ доходило мѣстами до 20—30 и даже 50 проц. Выпавшіе въ серединѣ мая обильные дожди оживили надежды на удовлетворительный урожай яровыхъ; что же касается озимыхъ, то они, по большей части, едва ли могутъ поправиться.

II. Средневолжскія губерніи.

1. **Симбирская губернія.** *Озимые хлѣба* повсемѣстно хороши или очень хороши, хотя кое-гдѣ немного пострадали отъ заморозковъ въ первыхъ числахъ мая. *Яровые хлѣба* ранняго сѣва дали, въ общемъ, хорошіе всходы; поздняго же сѣва, вслѣдствіе отсутствія дождей, замедлились въ ростѣ, а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были попорчены морозомъ, бывшимъ въ ночь со 2 на 3 мая. Относительно *площади* посѣва озимыхъ хлѣбовъ можно сказать, что она вообще не измѣнилась, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно сокращеніе ея, главнымъ образомъ, у крестьянъ, которые не имѣли возможности купить сѣмянъ осенью.

2. **Саратовская губернія.** *Озимые хлѣба*, по большей части, находились въ началѣ мая въ хорошемъ, а кое-гдѣ, особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ они были удовлетворительны еще съ осени, даже въ очень хорошемъ состояніи. Въ среднихъ уѣздахъ озими хотя съ осени и не обѣщали ничего хорошаго, но сильно поправились весной; даже вовсе невсходившіе осенью поздніе посѣвы взошли весной и въ началѣ мая имѣли удовлетворительный видъ. Исключеніе представляетъ Царицынскій уѣздъ и нѣкоторыя мѣстности уѣздовъ Камышинскаго и Балашевскаго, гдѣ

бо́льшая часть озимей осенью была совершенно плоха, а весной онѣ хотя нѣсколько и оправились, но все-таки были не вполнѣ удовлетворительны. Значительное улучшеніе озимыхъ весной нѣкоторые корреспонденты приписываютъ большому количеству снѣговой воды, пропитавшей землю, по словамъ одного изъ нихъ, болѣе чѣмъ на два аршина. Кое-гдѣ озими были нѣсколько попорчены заморозками въ первыхъ числахъ мая. *Яровые хлѣба*, посѣвъ которыхъ въ настоящемъ году запоздалъ, такъ же какъ и наступленіе весны, повсемѣстно взошли очень хорошо, хотя кое-гдѣ, особенно въ Сердобскомъ уѣздѣ, пострадали отъ заморозка въ ночь со 2-го на 3-е мая. Заморозокъ этотъ побилъ посѣвы льна и мѣстами повредилъ немного и всходамъ овса. *Площадь* подъ озимыли хлѣбами въ сѣверныхъ уѣздахъ не сократилась вовсе, благодаря щедрой раздачѣ сѣмянъ. Одинъ корреспондентъ Саратовскаго уѣзда даже сообщаетъ объ увеличеніи площади подъ озимыми посѣвами у крестьянъ. Въ южныхъ уѣздахъ, вслѣдствіе весьма неблагопріятной, сухой осени, напротивъ того, часть озимыхъ полей осталась незасѣянною и, кромѣ того, часть ихъ весной была пересѣяна яровыми.

3. **Пензенская губернія.** Въ общемъ, *озимые хлѣба* въ началѣ весны были очень хороши и лишь въ немногихъ мѣстахъ удовлетворительны, но по случаю бездождія, по нѣкоторымъ сообщеніямъ, начинали портиться; кромѣ того, кое-гдѣ они были немного повреждены заморозками въ первыхъ числахъ мая. *Яровые хлѣба* взошли, по большей части, хорошо, но бездождіе въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая задерживало ростъ ихъ; мѣстами они были повреждены заморозкомъ въ ночь со 2 на 3 мая. *Площадь* посѣва озимыхъ хлѣбовъ, благодаря своевременно выданнымъ сѣменамъ, почти повсюду не измѣнилась; о сокращеніи ея сообщаютъ лишь очень немногіе корреспонденты; кромѣ того, кое-гдѣ небольшая часть озимей была пересѣяна весной яровыми.

4. **Казанская губернія.** *Озими* въ началѣ мая повсюду находились въ очень хорошемъ, а мѣстами даже въ „прекрасномъ“ и „великолѣпномъ“ положеніи. „Озими весьма хороши“, пишетъ одинъ хозяинъ Козьмодемьянскаго уѣзда, „и мѣстами не оставляютъ желать ничего лучшаго.“ По словамъ другаго корреспондента изъ Чебоксарскаго уѣзда, „за послѣдніе три года такихъ всходовъ еще не было“. Особенно удачными были озими въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ концѣ апрѣля перепадали дожди, тамъ же,

гдѣ дождей было мало (мѣстами за всю весну не болѣе 2—3 дождей), озими, по словамъ хозяевъ, стали портиться — рѣдѣть, желтѣть и заостряться, но тѣмъ не менѣе еще подавали надежду на исправленіе, въ случаѣ выпаденія дождей. *Яровые хлѣба* въ южной половинѣ губерніи были высѣяны въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, ранніе взошли хорошо, но затѣмъ нѣсколько задержались въ ростѣ холодною погодой въ началѣ мая и бездождіемъ. *Площадь* озимыхъ посѣвовъ сократилась, но незначительно.

5. **Уфимская губернія.** *Озими*, въ общемъ, находились въ хорошемъ и даже въ очень хорошемъ положеніи. Поврежденій никакихъ не было замѣчено. Изъ Стерлитамакскаго уѣзда сообщаютъ: „озими очень хороши, лучшихъ желать невозможно“.

Яровые хлѣба взошли хорошо и, подъ вліяніемъ дождей, развивались довольно удачно. *Площадь* посѣвовъ, въ общемъ, не измѣнилась. Правда, „при нѣкоторыхъ бѣдныхъ деревушкахъ“, пишетъ корреспондентъ Златоустовскаго уѣзда, „видны недосѣянныя полоски“, въ общемъ же, однако, сокращеніе было незначительное. По словамъ другаго корреспондента того же уѣзда, „посѣвы яровыхъ должны сократиться; по случаю безкормицы лошадей осталось очень мало, на 100 — всего 30; но изъ нихъ многими работать невозможно, такъ какъ онѣ совершенно истощены“.

6. **Нижегородская губернія.** Въ общемъ, *озимые хлѣба* находились въ очень хорошемъ положеніи, мѣстами были даже прекрасны. Хотя въ апрѣлѣ погода стояла сухая, но растительности помогала хорошо развиться влага, обильно содержавшаяся въ почвѣ отъ зимнихъ осадковъ. Съ 1 мая погода смѣнилась холодною, вѣтряною, 2 мая шелъ снѣгъ, также смочившій землю. Майскіе холода остановили нѣсколько ростъ, но значительныхъ поврежденій не произвели. Вообще, по большинству отзывовъ, озими повсемѣстно были очень хороши. Такъ изъ Ардатовскаго уѣзда пишутъ: „озими по всему уѣзду превосходны“, а изъ Княгининскаго уѣзда—„озими по всему уѣзду очень хороши—и лишь на немногихъ пространствахъ среднія“. По словамъ корреспондента Лукояновскаго уѣзда, онъ „такихъ чудныхъ озимей никогда не видѣлъ“. Ранніе *яровые* взошли хорошо, но вслѣдствіе майскихъ холодовъ нѣсколько задержались въ ростѣ. Поздніе еще не всходили. *Площадь* посѣва не измѣнилась.

III. Нижневолжскія губерніи.

1. **Самарская губернія.** *Озимые хлѣба* повсемѣстно находились въ очень хорошемъ, а по нѣкоторымъ сообщеніямъ даже въ „прекрасномъ“ положеніи. Особенно удачными признавались хлѣба хозяевами въ уѣздахъ: Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ, Бузулукскомъ, и нѣсколько менѣе удачными въ остальныхъ уѣздахъ, гдѣ погода была болѣе сухая и озими начали нѣсколько страдать отъ недостатка влаги. Впрочемъ, въ случаѣ выпаденія дождей, хозяева и здѣсь не теряли надежды на удовлетворительные сборы. Лишь кое-гдѣ въ Ставропольскомъ уѣздѣ рожь, плохо укоренившаяся еще съ осени, весной была очень слаба и пострадала такъ сильно отъ бездождія весной, что ее перепахивали и пересѣвали яровыми. „Дожди шли полосами“, пишетъ корреспондентъ, „такъ что видны ихъ границы; гдѣ были дожди, озими очень хороши, рядомъ же съ ними есть полосы, которыя перепахивали.“ *Яровые*, особенно ранняго сѣва, взошли хорошо, но сильные жары въ концѣ апрѣля и холода въ началѣ мая, въ связи съ бездождіемъ, нѣсколько имъ повредили (особенно яровой пшеницѣ). Поздніе еще не всходили. *Площадь* посѣва нѣсколько сократилась.

2. **Оренбургская губернія.** *Озими* находились въ хорошемъ положеніи. Поврежденій никакихъ не было замѣчено. Сѣвъ *яровыхъ* едва законченъ, и всходы еще едва показывались изъ земли. *Площадь* посѣвовъ уменьшилась по случаю неурожая 1891 года и значительной убыли въ рабочихъ лошадяхъ.

IV. Новороссійскія губерніи.

1. **Бессарабская губернія.** *Озимые хлѣба* значительно пострадали отъ продолжительной осенней засухи, затѣмъ мѣстами зимой отъ заморозовъ и кое-гдѣ взошли только весной. Весна была также неблагопріятна для ихъ развитія; по причинѣ стоявшей все время засухи и вѣтровъ, они чрезвычайно медленно подвигались въ ростѣ, были низки, рѣдки, а кое-гдѣ пропали и ихъ пришлось пересѣять. Наиболѣе пострадалъ, повидимому, озимый рапсъ, который во многихъ мѣстностяхъ окончательно погибъ. Въ

общемъ, состояніе озимыхъ хлѣбовъ можетъ быть признано лишь очень посредственнымъ, причемъ, судя по имѣющимся даннымъ, въ Аккерманскомъ уѣздѣ они были совсѣмъ плохи. По мнѣнію хозяевъ, при благопріятныхъ условіяхъ они могли еще поправиться. *Яровые хлѣба* взошли по большей части хорошо, особенно ранняго сѣва, но вслѣдствіе засухи начали рѣдѣть. Хуже другихъ была кукуруза. Въ общемъ, они были удовлетворительны, и все зависѣло отъ дождей. *Площадь* озимыхъ посѣвовъ нѣсколько уменьшилась, отчасти осенью вслѣдствіе недостатка и дороговизны сѣмянъ, а также по причинѣ засухи, такъ какъ въ ожиданіи дождей многіе хозяева не производили посѣва. Весной наблюдались пересѣвы не взошедшихъ или сильно пострадавшихъ мѣстами озимыхъ яровыми, но, повидимому, пересѣвы не достигали большихъ размѣровъ.

2. **Херсонская губернія.** *Озимые* посѣвы на всемъ почти пространствѣ губерніи были неудовлетворительны или плохи и только въ единичныхъ случаяхъ посредственны. Произведенные осенью въ совершенно сухую землю, они во многихъ мѣстностяхъ до декабря не давали всходовъ, а кое-гдѣ взошли только весной, но въ послѣднемъ случаѣ они оказались слабы, рѣдки, низкорослы и не кустисты. Всходы, появившіеся осенью, пострадали отъ осенней засухи и плохо развились. Неблагопріятная весенняя погода (холода, вѣтры, засуха) сильно задерживали ростъ озимыхъ и, по мнѣнію корреспондента, нельзя было надѣяться на средній урожай. Особенно сильно пострадала пшеница, которая мѣстами совершенно погибла; рожь находилась въ нѣсколько лучшемъ положеніи. Всходы *яровыхъ* были по большей части вполнѣ удовлетворительны или хороши, но засуха задерживала ростъ ихъ, и на дальнѣйшее развитіе ихъ, вѣроятно, окажутъ благотворное вліяніе дожди, выпавшіе между 10 и 17 мая. *Площадь* озимыхъ хлѣбовъ сократилась довольно значительно, главнымъ образомъ осенью, отчасти вслѣдствіе засухи, по причинѣ которой иные хозяева не произвели посѣвовъ, отчасти по недостатку сѣмянъ (послѣднее большею частью въ крестьянскихъ хозяйствахъ). Весной мѣстами были произведены пересѣвы не взошедшихъ и сильно пострадавшихъ озимыхъ яровыми, не достигавшіе, впрочемъ, очень значительныхъ размѣровъ.

3. **Таврическая губернія.** *Озимые* всходы, въ общемъ, вышли изъ зимы въ удовлетворительномъ состояніи. Въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, по отзывамъ большинства корреспондентовъ, они подавали

надежды на хорошій урожай; лишь мѣстами замѣчены незначительныя поврежденія отъ вымочекъ и гессенской мухи. Въ довольно плохомъ состояніи находились Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды, гдѣ озимые всходы сильно пострадали отъ осенней засухи прошлаго года, отчего они пошли въ зиму малорослыми; весной они были задержаны въ ростѣ продолжительными холодами, бездождіемъ и, въ довершеніе всего, почти на половину были истреблены свирѣпствовавшими во второй половинѣ апрѣля бурями. Хотя *яровые хлѣба* по большей части и взошли довольно хорошо, однако продолжительная засуха и знойные вѣтры въ апрѣлѣ до того повредили имъ, что въ началѣ мая они находились лишь въ посредственномъ состояніи. Изъ Гнаденфельдской волости, Бердянскаго уѣзда, сообщаютъ о сильномъ ураганѣ около 20 апрѣля, которымъ уничтожена бо́льшая часть яровыхъ. По случаю трехлѣтняго неурожая и недостатка сѣмянъ у крестьянъ, *площадь* посѣва озимыхъ хлѣбовъ немного уменьшилась, хотя въ незначительномъ размѣрѣ, такъ какъ земство по большей части позаботилось о выдачѣ сѣмянъ.

4. **Екатеринославская губернія.** *Озимые хлѣба* находились, въ общемъ, въ посредственномъ состояніи; въ частности, на сѣверо-западѣ (Новомосковскій и Верхнеднѣпровскій уѣзды) и на сѣверо-востокѣ (Бахмутскій и Луганскій уѣзды), озими въ большинствѣ мѣстностей были почти удовлетворительны, на всемъ же остальномъ пространствѣ губерніи—посредственны, неудовлетворительны или даже плохи. Пшеница почти повсемѣстно оказалась хуже ржи и мѣстами пропала наполовину и даже болѣе (Павлоградскій уѣздъ). Въ значительной степени озими пострадали еще осенью, когда, вслѣдствіе сильной засухи и неблагопріятныхъ условій посѣва, имъ пришлось идти подъ снѣгъ, тотчасъ послѣ всхода, слабыми и нераскрутившимися; часть озимей не взошла осенью вовсе и дала хилые ростки лишь зимой и весной. Въ зимнее время, при небольшемъ количествѣ снѣга, озими мѣстами значительно пострадали отъ голоморозовъ, а раннею весной отъ заморозковъ, слѣдовавшихъ за оттепелями, и вообще отъ холодной погоды. Наконецъ, около 20 чиселъ апрѣля повсемѣстно свирѣпствовали вѣтры и бури, которые выдували корни хлѣбовъ и заносили посѣвы пескомъ и пылью. Количество влаги также не вездѣ было достаточно. *Яровые* посѣвы въ большинствѣ мѣстностей были удо́влетворительны или даже хороши, хотя мѣстами требовали дождя и порѣдѣли отъ сильныхъ вѣт-

ровъ и бурь. Въ Маріупольскомъ уѣздѣ яровые хлѣба пострадали отъ недостатка дождей болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, и находились въ неудовлетворительномъ состояніи. Почти повсемѣстно значительныя поврежденія яровымъ посѣвамъ причинили упомянутыя бури, которыя свирѣпствовали около 20 чиселъ апрѣля, выдували всходы и засыпали поля и пашни землей. *Площадь* посѣва озимыхъ хлѣбовъ нѣсколько сократилась, какъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій посѣва осенью, пересѣвовъ погибшей озимой пшеницы яровыми, такъ и частью отъ недостатка сѣмянъ (ржи и озимой пшеницы). По нѣкоторымъ сообщеніямъ, вообще посѣвы озимой пшеницы въ послѣднее время сильно сократились; „хлѣбъ этотъ родится плохо и сѣмена почти что вывелись“ (Бахмутскій уѣздъ).

5. **Донская область.** *Озимые хлѣба* осенью долго не всходили вслѣдствіе засухи, затѣмъ во многихъ мѣстахъ пострадали отъ безснѣжной зимы и голоморозовъ, и наконецъ весной часть озимыхъ вымерзла отъ заморозковъ въ мартѣ и сильно пострадала отъ засухи и восточныхъ вѣтровъ. Въ общемъ, положеніе этихъ хлѣбовъ было едва посредственное или плохое и лишь кое-гдѣ удовлетворительное. Повидимому, въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ озимые были лучше, чѣмъ въ другихъ округахъ, и состояніе ихъ признавалось корреспондентомъ даже хорошимъ. *Яровые* вездѣ взошли хорошо, особенно ранняго сѣва, но засуха задерживала ихъ ростъ и мѣстами вѣтры выдули много десятинъ. *Площадь* озимыхъ посѣвовъ сократилась мѣстами довольно значительно еще съ осени, вслѣдствіе неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій и по недостатку сѣмянъ, а весной вслѣдствіе пересѣвовъ.

V. Юго-западныя губерніи.

1. **Кіевская губернія.** *Озимые хлѣба* въ большинствѣ случаевъ находились въ удовлетворительномъ, а мѣстами и въ хорошемъ состояніи. Лишь въ Черкасскомъ уѣздѣ озими были посредственны. Ранніе посѣвы оказались почти повсемѣстно лучше позднихъ, которые пострадали отъ осенней засухи и мѣстами не взошли вовсе или дали ростки лишь весной. Небольшія поврежденія озимыхъ посѣвовъ были обусловлены, съ одной стороны, озимымъ червемъ (Черкасскій и Чигиринскій уѣзды) еще съ осени, съ другой — заморозками при недостаточномъ количествѣ снѣга (Чер-

каскій уѣздъ) и кое-гдѣ вымочками (Бердичевскій уѣздъ). Засушливая и вѣтреная погода, установившаяся въ апрѣлѣ, мѣстами нѣсколько повредила хлѣбамъ; по многимъ сообщеніямъ, дождь былъ имъ необходимъ. По нѣкоторымъ заявленіямъ, рожь начала колоситься въ концѣ апрѣля. Озимый рапсъ пострадалъ отъ заморозковъ и частью былъ перепаханъ. *Яровые* посѣвы находились почти повсемѣстно въ удовлетворительномъ, а кое-гдѣ и въ хорошемъ состояніи; ростъ ихъ сильно задерживала весенняя засуха, и они повсемѣстно нуждались въ началѣ мая въ дождѣ. Свекловичныя плантаціи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Каневскій, Черкасскій, Липовецкій и Чигиринскій) были значительно повреждены жучкомъ Cleonus punctiventris (мѣстами на 25—50%), а также пострадали отъ засухи. Значительная часть ихъ была пересѣяна. *Площадь* посѣва озимыхъ хлѣбовъ нѣсколько сократилась. Сокращенія произошли отъ неблагопріятныхъ условій посѣва осенью (засуха), а также отъ незначительныхъ пересѣвовъ озимей яровыми (Звенигородскій, Черкасскій и Бердичевскій уѣзды).

2. **Подольская губернія.** *Озимые хлѣба* въ общемъ находились въ посредственномъ состояніи, причемъ ранніе посѣвы были почти повсемѣстно удовлетворительны или хороши, а поздніе, вслѣдствіе сильной осенней засухи, затруднившей ихъ прорастаніе и кущеніе, неудовлетворительны. Мѣстами озими взошли только въ мартѣ и пострадали въ этомъ мѣсяцѣ отъ заморозковъ (Проскуровскій, Летичевскій уѣзды). По сообщенію изъ Ушицкаго уѣзда, шампанская рожь почти на половину вымерзла. Рапсъ кое-гдѣ былъ поврежденъ блестянкой, а по показанію изъ Могилевскаго уѣзда, пропалъ вслѣдствіе гніенія корней. *Яровые* посѣвы въ большинствѣ случаевъ находились въ удовлетворительномъ состояніи, но были задержаны въ ростѣ сильною апрѣльскою засухой. Засуха была особенно сильною, повидимому, въ Ямпольскомъ, Ушицкомъ и Балтскомъ уѣздахъ, гдѣ мѣстами яровые посѣвы были лишь посредственны, а кое-гдѣ и неудовлетворительны. Ранніе посѣвы оказались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Винницкій уѣздъ) лучше позднихъ. Свекла въ Литинскомъ уѣздѣ мѣстами была повреждена жучкомъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ около половины ея пересѣяли. *Площадь* посѣва озимыхъ нѣсколько уменьшилась, и то главнымъ образомъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій посѣва осенью. Въ Балтскомъ уѣздѣ осенью, вслѣд-

ствіе засухи, не было засѣяно 11.000 десятинъ. Весной пересѣвы были незначительны.

3. **Волынская губернія.** *Озимые хлѣба* въ большинствѣ мѣстностей находились въ удовлетворительномъ состояніи, причемъ ранніе посѣвы оказались почти повсемѣстно лучше позднихъ и коегдѣ были даже хороши, поздніе же мѣстами были неудовлетворительны. Поврежденія озимей были обусловлены главнымъ образомъ осенней засухой, а мѣстами зимними морозами и весеннимъ ненастьемъ. Часть озимей была весной перепахана и пересѣяна яровыми. *Яровые хлѣба* почти повсемѣстно были удовлетворительны или хороши. *Площадь* посѣва озимыхъ хлѣбовъ нѣсколько уменьшилась, какъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій для посѣва осенью (засуха), такъ и въ виду пересѣвовъ озимей весной яровыми (Заславскій, Старо-Константиновскій и Овручскій уѣзды).

VI. Малороссійскія губерніи.

1. **Полтавская губернія.** *Озимые хлѣба* къ началу мая находились въ плохомъ состояніи. Вслѣдствіе упорной осенней засухи, озими пошли въ зиму малорослыми, слабо укоренившимися и плохо раскустившимися, а поздніе посѣвы даже не дали всходовъ. Малоснѣжная зима съ сильными морозами и оттепелями неблагопріятно отразилась на озимыхъ хлѣбахъ, мѣстами вымерзшихъ, а мѣстами подопрѣвшихъ подъ ледяною корой. Уцѣлѣвшія озими, и преимущественно ранняго сѣва, вышли изъ зимы въ хорошемъ видѣ и подавали надежды на удовлетворительный урожай, но такихъ посѣвовъ немного, по словамъ корреспондентовъ—не болѣе $^1/_3$. Поздніе посѣвы, не давшіе всходовъ осенью, взошли весной, но вслѣдствіе бездождія и сухихъ восточныхъ вѣтровъ, переходившихъ иногда въ бури, не раскустились, были рѣдки, частью погибли и были пересѣяны яровыми. Изъ отдѣльныхъ хлѣбовъ наименѣе пострадала простая рожь, иностранные же сорта ея, равно какъ и пшеница, за весьма рѣдкими исключеніями, вымерзли зимой и были пересѣяны яровыми. Всходы *яровыхъ хлѣбовъ* ранняго сѣва (до Пасхи) появились дружно и были хороши, и даже очень хороши, но весенняя засуха и сухіе вѣтры остановили ростъ ихъ, такъ что они начинали мѣстами подсыхать и желтѣть. По этой же причинѣ поздніе яровые были неровны, рѣдки, а мѣстами вовсе не всходили. *Площадь* посѣва

озимыхъ хлѣбовъ сократилась довольно значительно, главнымъ образомъ вслѣдствіе пересѣвовъ погибшихъ озимей (преимущественно озимой пшеницы) яровыми, а также частью вслѣдствіе продолжительной засухи осенью прошлаго года, частью же по недостатку сѣмянъ. По сообщеніямъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, мѣстами ½, ¾ и даже 9/10 всей площади озимой пшеницы пересѣяны яровыми хлѣбами.

2. **Харьковская губернія.** *Озимые хлѣба* ранняго сѣва находились въ хорошемъ, а мѣстами въ прекрасномъ состояніи, но такихъ посѣвовъ сравнительно немного. Озими поздняго сѣва,—а ихъ большинство,—были неудовлетворительны или плохи, такъ какъ осенью 1891 года стояла продолжительная засуха, не давшая появившимся всходамъ возможности окрѣпнуть и развиться. Вслѣдствіе засухи часть зерна вовсе не взошла осенью, а дала ростки весной, которые были побиты морозами въ концѣ марта. Состояніе озимой пшеницы было значительно хуже ржи: мѣстами до 50 проц., а мѣстами вся пшеница пересѣяна яровыми. Благодаря тому, что земля хорошо напиталась влагой весной, всходы *яровыхъ* ранняго сѣва были очень хороши. Но постоянные вѣтры, иссушающіе землю, и бездождіе начинали вредно вліять на развитіе ихъ, такъ что всходы были остановлены въ ростѣ, начинали подсыхать и желтѣть, въ особенности поздняго сѣва, взошедшіе вслѣдствіе засухи неровно и рѣдко. *Площадь* посѣва озимыхъ хлѣбовъ значительно уменьшилась въ крестьянскихъ хозяйствахъ, главнымъ образомъ, по недостатку сѣмянъ; въ хозяйствахъ же владѣльческихъ — вслѣдствіе пересѣва погибшихъ озимей яровыми хлѣбами. Кромѣ того, значительная часть полей, приготовленныхъ къ посѣву озимей, не могла быть засѣяна осенью и по случаю засухи пошла подъ яровое.

3. **Черниговская губернія.** Въ общемъ, по губерніи *озимые хлѣба* находились въ неудовлетворительномъ положеніи. Озими ранняго сѣва, до 1 августа, были хороши, позднія же, вслѣдствіе осенней засухи, слабы и рѣдки или взошли только весной и были побиты морозами въ концѣ марта. Въ сѣверной части губерніи (уѣзды Мглинскій, Стародубскій, Кролевецкій и Сосницкій) озимые, по имѣющимся сообщеніяхъ, находились въ удовлетворительномъ, а мѣстами въ хорошемъ и отличномъ состояніи. Часть озимей еще осенью была уничтожена совиноголовкой и пересѣяна весной яровыми. Озимая пшеница значительно пострадала отъ осенней засухи, зимнихъ и весеннихъ морозовъ и въ большомъ

количествѣ была перепахана и засѣяна яровымъ хлѣбомъ. Всходы *яровыхъ хлѣбовъ*, посѣянныхъ до Пасхи, взошли дружно и были густы и ровны; яровые, сѣянные послѣ Пасхи, были рѣдки и слабы; какъ тѣ, такъ и другіе были задержаны въ ростѣ засухой и сильными вѣтрами. Измѣненія въ *площади* посѣва озимыхъ хлѣбовъ незначительны. Часть озимей, погибшихъ отъ морозовъ (преимущественно пшеница) и уничтоженныхъ червемъ, была пересѣяна яровыми.

Судя по приведеннымъ выше свѣдѣніямъ состояніе хлѣбовъ въ перечисленныхъ 25 губерніяхъ не только нельзя признать блестящимъ, но даже вполнѣ благополучнымъ. Гибель значительной части озимей и уменьшеніе площади посѣвовъ составляютъ несомнѣнный фактъ для указанныхъ губерній, которыя являются главными производителями хлѣбныхъ товаровъ, доставляя около трехъ четвертей всего собираемаго въ Европейской Россіи хлѣба. По свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, эти губерніи, въ среднемъ за пятилѣтіе съ 1883 по 1887 годъ, доставили: ячменя 58% (13.122.500 четвертей изъ общаго количества 22.547.500 четв.), овса 60% (53.043.400 четв. изъ 89.014.100 четв.), ржи 66% (74.487.800 четв. изъ 112.349.900 четв.), гречихи 85% (9.500.000 четв. изъ 11.215.600 четв.), яровой пшеницы 92% (23.644.200 четв. изъ 25 636.200 четв.), озимой пшеницы 95% (11.195.800 четв. изъ 11.787.300 четв.) и все просо и кукурузу. Указанныя выше губерніи даютъ три четверти всего производимаго хлѣба въ Россіи, и на остальныя 25 губерній приходится только одна четверть. Такимъ образомъ, въ земледѣльческомъ отношеніи эти губерніи имѣютъ втрое большее значеніе сравнительно съ другими, гдѣ хлѣбъ воздѣлывается лишь въ размѣрахъ удовлетворенія внутренняго потребленія, да и то въ количествахъ не вполнѣ достаточныхъ. Кромѣ того, отмѣченный земледѣльческій районъ даетъ почти всю пшеницу, составляющую главный предметъ нашего отпуска на иностранные рынки. Въ виду этого неудовлетворительное во многихъ мѣстахъ этого района состояніе озимыхъ хлѣбовъ и болѣе или менѣе значительное, почти повсемѣстное, сокращеніе площади посѣва едва ли можно признать благопріятнымъ явленіемъ способствующимъ упроченію экономическаго состоянія сельскаго населенія. По крайней мѣрѣ Вольно-Экономическое Общество довольно скептически относится къ

этому первостепенной важности вопросу, не ожидая отъ жатвы нынѣшняго года особенно благопріятныхъ результатовъ.

Неурожай минувшаго года потребовавшій отъ правительства громадныхъ расходовъ побудилъ обратить особенное вниманіе на причины такого бѣдствія. Агрономы объясняютъ неурожай сочетаніемъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ условій. Нельзя однако упускать изъ виду, что неурожаи не составляютъ исключительнаго явленія, свойственнаго одной только Россіи. Болѣе или менѣе крупные недороды хлѣба встрѣчаются и въ другихъ странахъ и даже въ Англіи, гдѣ земледѣліе доведено до высшей степени совершенства, гдѣ культура хлѣбныхъ растеній принимаетъ форму огородничества. Напримѣръ, въ 1878—79 году сборъ пшеницы въ Великобританіи составлялъ 30 бушелей съ акра, доставивъ 12.647.213 квартеровъ, а въ слѣдующемъ 1879 — 80 году далъ только $15^1/_2$ бушелей доставивъ лишь 5.905.020 квартеровъ. Обращаясь къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, которые по хозяйственнымъ условіямъ наиболѣе близко подходятъ къ Россіи, также наблюдаемъ сильное колебаніе урожайности. Въ 1881 году сборъ главнѣйшихъ хлѣбовъ (кукурузы, пшеницы, ржи, ячменя, овса и гречехи) уменьшился въ Соединенныхъ Штатахъ противъ средняго сбора двухъ предыдущихъ лѣтъ на 20%, спустившись съ 2.567.722.388 бушелей до 2.063.029.570 бушелей. Такой крупный недоборъ не сопровождался однако никакими осложненіями въ экономической дѣятельности страны, кромѣ уменьшенія вывоза хлѣбныхъ товаровъ, отпускъ которыхъ съ 270.332.519 долларовъ понизился до 182.670.528 долларовъ. Между тѣмъ, неурожай минувшаго года въ Россіи выражался уменьшеніемъ только въ 16% противъ средняго сбора двухъ предыдущихъ лѣтъ и однако потребовалось примѣненіе экстренныхъ мѣръ, какъ запрещеніе вывоза хлѣба и выдача обширныхъ продовольственныхъ ссудъ. Сопоставленіе такихъ фактовъ наглядно свидѣтельствуетъ о громадной разницѣ между экономическимъ положеніемъ земледѣлія въ Америкѣ и въ Россіи, указываетъ на слабость нашего продовольственнаго обезпеченія, на скудость средствъ нашего населенія.

Экономическая слабость сельскаго населенія, его безсиліе въ борьбѣ съ невзгодой, какъ слышно, возбудили въ правительственныхъ сферахъ мысль о сенаторской ревизіи пострадавшихъ отъ

неурожая губерній для болѣе точнаго и подробнаго разслѣдованія причинъ бѣдствія. Эта мысль, какъ и слѣдовало ожидать, была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ громаднымъ большинствомъ нашей печати, за исключеніемъ *Гражданина*, утверждающаго будто сенаторамъ нечего будетъ дѣлать въ губерніяхъ. Повидимому, *Гражданинъ* смотритъ на сенаторскую ревизію исключительно съ административной точки зрѣнія, совершенно упуская изъ виду ея экономическое значеніе. Правда, что ревизія была бы весьма желательна и въ административномъ отношеніи, провѣривъ образъ дѣйствій мѣстныхъ властей, ихъ отношеніе къ народному бѣдствію. Приходилось слышать о взыскиваніи податей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почти поголовно выдавались продовольственныя ссуды и гдѣ нуждающееся населеніе было еще болѣе обезсилено неумѣстнымъ требованіемъ податей въ голодный годъ. Но главное значеніе сенаторской ревизіи заключается не въ провѣркѣ дѣйствій администраціи, а въ изслѣдованіи экономическихъ условій сельскаго быта, въ опредѣленіи причинъ крестьянскаго безсилія. Въ теченіе года немало было высказано въ печати различныхъ предположеній по этому вопросу, а между тѣмъ сущность дѣла все еще оказывается невыясненною. Многіе видятъ, напримѣръ, причину зла въ крестьянскомъ малоземельѣ, въ недостаточномъ обезпеченіи крестьянскаго хозяйства землей. Между тѣмъ извѣстно, что крестьяне Самарской губерніи получили максимальные надѣлы; кромѣ того, держатъ большія аренды владѣльческой земли и однако находятся въ наиболѣе плачевномъ экономическомъ положеніи. Очевидно, что количество земли не составляетъ еще главной причины хозяйственной слабости крестьянина. Слышатся замѣчанія относительно плохой обработки, причемъ указывается, что на владѣльческихъ лучше воздѣлываемыхъ земляхъ получаются болѣе обильные урожаи. Нѣтъ спора, что крестьянское хозяйство ведется весьма плохо и вслѣдствіе этого даетъ неудовлетворительные результаты. Но для перехода къ лучшему требуются денежныя средства, а откуда взять ихъ едва избѣжавшему голодной смерти крестьянину. Вообще, возникаетъ множество первостепенной важности вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ обусловливается благосостояніе громаднаго большинства сельскаго населенія. Мѣстные дѣятели такъ свыклись съ окружающею ихъ обстановкой, что иногда даже не замѣчаютъ аномалій, признавая ихъ за нормаль-

ныя условія. Бываютъ и такіе случаи, что иногда умышленно принимаются даже неблаговидныя мѣры для того чтобы скрыть печальную дѣйствительность. Такъ, напримѣръ, *Новое Время* сообщало на дняхъ объ уничтоженіи Самарскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ той части доклада управы, гдѣ выяснялось неприглядное состояніе сельскаго хозяйства въ губерніи и угрожающія населенію затрудненія. Несомнѣнно, что сенаторская ревизія освѣтила бы многія темныя стороны деревенской жизни и выяснила бы способы къ улучшенію сельско-хозяйственной производительности Россіи, составляющей основу ея экономической дѣятельности.

Л. Вороновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскій Художественный Архивъ. 1892, годъ первый, выпуски 1 и 2.

Съ января настоящаго года въ Москвѣ выходитъ новый художественный журналъ подъ названіемъ *Русскій Художественный Архивъ*. Издателемъ его состоитъ В. А. Головинъ, редакторомъ—А. П. Новицкій. За прекращеніемъ издававшагося въ Петербургѣ *Вѣстника Изящныхъ Искусствъ*, новый московскій журналъ представляетъ въ настоящее время *единственный* русскій періодическій органъ, спеціально посвященный вопросамъ и интересамъ искусства. Если уже одно это обстоятельство придаетъ серьезное значеніе новому предпріятію, то особеннаго вниманія заслуживаютъ цѣли, какими оно задалось. Трагическая судьба цѣлаго ряда русскихъ художественныхъ журналовъ, быстро гибнувшихъ „въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики“, привела предпринимателей *Русскаго Художественнаго Архива* къ убѣжденію, что *русскій* художественный журналъ долженъ имѣть свою особенную задачу. Общество наше совсѣмъ не равнодушно къ искусству. Количество посѣтителей художественныхъ выставокъ увеличивается годъ отъ году, начинаютъ возникать провинціальные художественные музеи, количество собирателей постоянно растетъ. Только интересъ нашего общества сосредоточивается преимущественно на *русскомъ* искусствѣ. И вотъ почему *Русскій Художественный Архивъ* задался цѣлью посвятить свою дѣятельность исключительно *русскому искусству*, касаясь искусства иностраннаго лишь поскольку оно оказывало и оказываетъ воздѣйствіе на наше искусство.

Соотвѣтственно этому въ программу новаго журнала входятъ: 1) статьи по исторіи русской архитектуры, скульптуры, живописи и гравюры; 2) матеріалы къ исторіи русскаго искусства: письма художниковъ, ихъ мемуары, записки, дневники, воспоминанія о нихъ или объ ихъ произведеніяхъ; 3) описаніе русскихъ художественныхъ галлерей и другихъ собраній; 4) обозрѣніе книгъ по исторіи искусства, выходящихъ въ Россіи, и по исторіи русскаго искусства, выходящихъ за границей; 5) снимки съ произведеній русскихъ художниковъ. Программа эта дополняется современною лѣтописью, которая посвящена краткимъ сообщеніямъ о событіяхъ художественной жизни въ Россіи. Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ, тетрадями въ 10 листовъ текста, съ приложеніемъ къ каждой тетради 10 листовъ рисунковъ. Независимо отъ послѣднихъ, рисунки и иллюстраціи помѣщаются въ самомъ текстѣ. Въ журналѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ выдающихся нашихъ ученыхъ и писателей, каковы: Н. С. Тихонравовъ, И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій, И. В. Цвѣтаевъ, Д. В. Григоровичъ и т. д. Къ нимъ примыкаютъ художники: Ѳ. А. Бронниковъ, К. М. Быковскій, К. А. Трутовскій, К. Д. Чичаговъ, собиратели (С. С. Шайкевичъ) и цѣлый рядъ лицъ завѣдомо интересующихся русскимъ искусствомъ, какъ и искусствомъ вообще.

Нельзя не сознаться, что новый русскій художественный журналъ необыкновенно вѣрно опредѣляетъ и ставитъ предстоящія ему задачи. Если гдѣ-либо, то преимущественно въ отношеніяхъ публики къ искусству вступаетъ въ полную силу старинное наблюденіе: *ignoti nulla cupido*. Публику интересуютъ и затрогиваютъ лишь непосредственно проходящія предъ нею явленія искусства, то что она видитъ воочію, что оказываетъ на нее прямое воздѣйствіе личной встрѣчи. Отсюда увеличивающаяся съ каждымъ годомъ масса посѣтителей нашихъ художественныхъ выставокъ, отсюда, съ другой стороны, все болѣе разростающееся количество этихъ выставокъ и постоянно усиливающійся интересъ къ нимъ, то-есть къ *русскому искусству*. Совершенно понятно и послѣдовательно, если новый художественный журналъ сосредоточивается на томъ, что особенно доступно, понятно, а слѣдовательно и интересно для публики: на описаніи *русскихъ* картинныхъ галлерей, на біографіяхъ *русскихъ* художниковъ, на ихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, мемуарахъ и дневникахъ, гдѣ находится ключъ къ пониманію тѣхъ или другихъ произведеній, того или другаго направленія, взаим-

ныхъ отношеній, воздѣйствій и т. д. Не слѣдуетъ забывать при этомъ про безчисленныя связи, которыя соединяютъ искусство каждой данной эпохи со всею окружающею его историческою и бытовою жизнію. Искусство совсѣмъ не есть нѣчто обособленное, стоящее внѣ теченій и направленій времени. Напротивъ. Оно представляетъ каждый разъ зеркало этого времени, точное отраженіе эпохи. Такимъ образомъ, журналъ посвященный исторіи русскаго искусства представляетъ двойной интересъ. Съ одной стороны онъ разъясняетъ это искусство, жизнь и произведенія его представителей, ихъ идеалы стремленія, и взгляды. Съ другой стороны онъ представляетъ собою *журналъ историческій* въ полномъ смыслѣ этого слова, ибо невольно затрогиваетъ *всю* жизнь цѣлыхъ эпохъ. Анализъ лежащаго предъ нами втораго выпуска *Русскаго Художественнаго Архива* всего лучше подтвердитъ нашу мысль.

Вотъ, напримѣръ, воспоминанія академика К. А. Трутовскаго о Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ Аксаковѣ.

Поводомъ для знакомства К. А. Трутовскаго съ семьей Аксаковыхъ было обстоятельство довольно романтическаго свойства, а именно желаніе нашего художника вступить въ бракъ съ молодою дѣвушкой, которую отецъ никакъ не хотѣлъ выдавать за него. Эта молодая дѣвушка, любимица жены Сергѣя Тимоѳеевича, Ольги Семеновны, приходившейся дальнею родственницей К. А. Трутовскому, гостила въ то время у Аксаковыхъ въ извѣстномъ ихъ имѣніи Абрамцовѣ, находящемся близь Хотькова монастыря и принадлежащемъ теперь С. И. Мамонтову. Наконецъ, 23 мая 1852 года свадьба состоялась. Немедленно послѣ нея молодые уѣхали къ себѣ въ деревню и съ той поры начинается переписка между С. Т. Аксаковымъ и К. А. Трутовскимъ, причемъ послѣдній постоянно иллюстрировалъ свои письма рисунками и набросками изъ малороссійскаго быта. Вотъ нѣсколько характерныхъ отрывковъ изъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича.

„Бижу я, какъ душа ваша полна Гоголемъ! Я понимаю васъ. Хотя я не былъ уже молодымъ человѣкомъ, когда явился Гоголь, но я помню въ какой восторгъ привела меня *Диканька*. Даже гораздо позднѣе мнѣ случалось читать самое смѣшное изъ Гоголя и заливаться слезами; впрочемъ, на чтеніяхъ сколько-нибудь публичныхъ этого со мной не бывало. *Диканька* безъ сомнѣнія уступающая во многомъ другимъ творческимъ произведеніямъ Гоголя, за то рѣшительно превосходитъ ихъ свѣжестью, арома-

томъ юности, такъ-сказать, которымъ дышетъ въ ней каждая картина, каждое слово. Мнѣ очень хочется самому вновь, Богъ знаетъ въ какой разъ, прочесть или прослушать *Диканьку*, но померъ Гоголь, имя друга нашего такъ болѣзненно, что никто не рѣшается испытать это впечатлѣніе и еще болѣе боятся за меня."

„Я ненавижу холодъ и потому не люблю осенніе морозы. Всѣ красивыя выраженія насчетъ полей *посеребреныхъ морозною пылью* для меня не имѣютъ смысла. Я вижу здѣсь смерть, бѣлый саванъ и больше ничего. Но теплая осень, особенно тихая и слегка дождливая, производитъ на меня глубокое впечатлѣніе, конечно грустное, но сладкое въ то же время; именно сегодня такой день! все пожелтѣло, тихо падаютъ листья, вода измѣнила свой цвѣтъ, осенняя птичка подлетѣла къ дому и сѣла... бѣгу сейчасъ на рѣку, разложу свои удочки, закурю сигару, сяду и гдѣ я сяду, и что̀ я стану думать, чувствовать, не знаю, но чувствую жажду къ этому нравственному состоянію."

„Наконецъ я опять дожилъ до настоящей весны. День чудный, возмутительно прекрасный, котораго не вмѣщаетъ душа! все горитъ и блеститъ! разрушительные солнечные лучи пожираютъ снѣгъ и возбуждаютъ природу къ жизни! Ей хорошо, вѣчной и безсмертной, но человѣческому устарѣлому организму тяжело такое возбужденіе. Голова болитъ, мысли смущены, не могу обратить ни на что̀ полнаго вниманія, чего-то хочется, а чего не знаю."

Сергѣй Тимоѳеевичъ подаетъ совѣты относительно обращенія съ дѣтьми:

„Обращаюсь къ тебѣ, милая моя Софи: ты можешь повѣрить моему авторитету не потому что я старъ, что я такъ тебя люблю, но потому что у меня было четырнадцать человѣкъ дѣтей, потому что мы десять лѣтъ жили въ деревнѣ, потому что я раздѣлялъ хлопоты жены моей около дѣтей, а перваго ребенка нянчилъ на рукахъ своихъ до пятаго года. Не надобно обращать безпрестанно вниманія на ребенка, не надобно смотрѣть на него и день и ночь, особенно на спящаго, это дѣйствуетъ вредно. Не надобно обращать особеннаго вниманія на всякое безпокойство дитяти и даже на его плачъ. Не надобно давать лѣкарства безъ настоящей надобности, не надобно пріучать дитя къ холоду, это совершенный вздоръ и только замедляетъ развитіе дѣтскаго организма, а всего болѣе тебѣ самой не надобно суетиться, торопливо хлопотать и уставать."

Интересна картина семейнаго быта Аксаковыхъ, рисуемая К. А. Трутовскимъ. Это происходило въ 1852 году. Сергѣю Тимоѳеевичу былъ шестьдесятъ одинъ годъ или нѣсколько болѣе. Онъ былъ бодръ, всегда веселъ, всѣ его движенія были живы, какъ у молодаго человѣка и во всемъ проглядывала мягкость его характера. Сергѣй Тимоѳеевичъ составлялъ въ то время *Записки объ уженіи* и *Семейную Хронику*. Дочери по очереди писали подъ его диктовку. „За обѣдъ садилось множество лицъ, и обѣдъ проходилъ всегда очень шумно, почти всегда затѣвался какой-нибудь споръ, большею частью литературный или историческій и при этомъ всѣ говорили очень громко. Сергѣй Тимоѳеевичъ, сидя въ концѣ стола, конечно, тоже принималъ участіе въ спорѣ, но хотя онъ всегда говорилъ съ увлеченіемъ, горячо, однако голоса не возвышалъ. И когда поднимался за столомъ невообразимый гвалтъ, то онъ съ добродушною улыбкой говорилъ: да не кричите же такъ громко, чечотки! Вечеромъ почти всѣ занимались чтеніемъ. Въ то время только что вышла *Одиссея* Жуковскаго и Константинъ Сергѣевичъ читалъ вслухъ, послѣ чего происходили разговоры, споры о прочитанномъ. А отъ времени до времени кто-нибудь изъ дочерей прочитывалъ написанное изъ *Семейной Хроники* или изъ *Записокъ объ уженіи*. По поводу этого также происходили дебаты, и всякій не стѣсняясь дѣлалъ замѣчанія, которыя Сергѣй Тимоѳеевичъ выслушивалъ всегда съ удовольствіемъ. Иногда наѣзжали изъ Москвы Хомяковы, Погодинъ и много другихъ интересныхъ личностей.“

Константину Сергѣевичу Аксакову г. Трутовскій посвящаетъ особую характеристику.

„Константину Сергѣевичу было тогда лѣтъ 35—38. Онъ былъ смуглый брюнетъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія. Черные глаза его горѣли, какъ уголья. Онъ весь погруженъ былъ въ свои историческія занятія и кромѣ своей семьи для него не существовало другаго общества. Да его и нельзя было пускать въ общество. Это былъ человѣкъ безусловной правды и никому никогда не боялся ее высказывать. Раза два ему случилось высказать правду прямо въ лицо какому-то высокочиновному лицу, который не отличался особенными нравственными качествами, и съ тѣхъ поръ семья старалась не пускать его въ какія-либо большія собранія. О деньгахъ онъ не имѣлъ понятія и ихъ у него никогда и не было, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ ѣздилъ въ Москву. И тогда ему давали только на необходимые

расходы, онъ совершенно не нуждался въ деньгахъ, вообще въ обыкновенной жизни онъ былъ совершеннымъ ребенкомъ. Братъ его Иванъ Сергѣевичъ говорилъ: я могу смотрѣть на Константина только съ исторической точки зрѣнія. Какая это была замѣчательная личность! И конечно высоконравственная. Когда онъ говорилъ, въ глазахъ его, такъ-сказать, горѣлъ огонь вдохновенія. И вмѣстѣ съ тѣмъ у него было много веселости и остроумія. Шутки его были всегда очень милы и изящны. Любилъ онъ свою семью безпредѣльно и особенно страстно, до обожанія, любилъ своего отца. Мнѣ говорили, что и смерть его была слѣдствіемъ сильнаго огорченія, когда онъ потерялъ отца. Константинъ Сергѣевичъ не перенесъ этой потери."

Въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ и юности графа Ѳ. П. Толстаго, г-жа Юнгъ описываетъ тотъ рѣшительный періодъ въ жизни художника, когда онъ, окончивъ курсъ въ морскомъ корпусѣ, совершивъ нѣсколько плаваній и сдѣлавшись морскимъ офицеромъ, началъ посѣщать медальерный классъ академіи.

„Спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ графъ началъ посѣщать академію, въ классъ вошелъ профессоръ скульптуры Прокофьевъ. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на работавшаго вмѣстѣ съ учениками флотскаго офицера, осмотрѣлъ его работу, нашелъ въ ней много таланта, задумался и потомъ рѣзко обратился къ молодому человѣку съ вопросомъ:

„— Вы какъ хотите учиться художеству: основательно, какъ художникъ, или, какъ вся ваша братья дворянчики, только для забавы?

„Тутъ, говоритъ графъ Толстой въ своихъ запискахъ, я почувствовалъ свое настоящее призваніе... Съ этой минуты я рѣшилъ посвятить себя въ художники. И онъ просто и твердо отвѣчалъ профессору:

„— Хочу знать и научиться художеству основательно и сдѣлаться, если буду въ силахъ, настоящимъ художникомъ.

„— Когда такъ, сказалъ Прокофьевъ,—то оставьте всѣ прочія занятія, попросите билетъ на право посѣщенія академическихъ классовъ и начните учиться съ самаго начала." Молодому офицеру не легко было учиться въ Академіи.

„Профессора и академики, преподававшіе въ классахъ, считали приходящихъ учениковъ чѣмъ-то чужимъ, ничтожнымъ, считали себя въ правѣ не обращать на нихъ никакого вниманія и никогда не подходили къ нимъ поправлять ихъ работы, такъ что

приходилось поневолѣ просить содѣйствія старшихъ товарищей. Орестъ Адамовичъ Кипренскій, лучшій рисовальщикъ натурнаго класса, получившій тогда уже двѣ серебряныя медали, познакомившись съ Толстымъ и замѣтя его способности, самъ вызвался быть руководителемъ графа, въ трудномъ для начинающаго дѣлѣ рисованія съ гипса. Видя непреоборимое желаніе юноши учиться и невниманіе къ нему наставниковъ, Кипренскій каждый день приходилъ къ нему въ классъ и дѣятельно толковалъ о лучшихъ пріемахъ рисованія съ натуры. При его помощи графъ могъ черезъ три мѣсяца быть переведеннымъ въ фигурный и еще черезъ два въ натурный классъ."

Недоброжелательное и несправедливое отношеніе профессоровъ къ приходящимъ ученикамъ сильно поколебало въ Ѳеодорѣ Петровичѣ уваженіе къ этимъ людямъ, если не какъ къ художникамъ, то какъ къ педагогамъ. Исключеніе между профессорами составлялъ Прокофьевъ, который со всѣми обращался равно и справедливо. Была еще причина, которая усиливала недоброжелательство профессоровъ къ графу Толстому. „Между учениками явился вдругъ человѣкъ другаго круга, въ военномъ мундирѣ, и этотъ *дворянчикъ* занимался искусствомъ не шутя, на что они смотрѣли бы хладнокровно, но имѣлъ претензію войти въ ихъ среду, какъ спеціалистъ - художникъ. Это возбуждало въ нихъ чувство, похожее на негодованіе и оскорбленіе. Къ своему брату они не чувствовали бы этого, но тутъ былъ чужой. Его дѣло полы натирать на балахъ, а онъ въ художники затесался, у другихъ хлѣбъ отбивать!"

Приближалась война. Умы были возбуждены; патріотическое чувство сильнѣе, чѣмъ когда-либо, охватывало молодежь. Графу Ѳеодору Петровичу трудно было служить во флотѣ вслѣдствіе подверженности морской болѣзни, а страсть къ лошадямъ заставляла его и раньше желать поступить въ конную гвардію. Командиръ кавалергардскаго полка Ѳ. П. Уваровъ обѣщалъ опредѣлить его въ этотъ полкъ и доложить государю объ его желаніи участвовать въ походѣ.

Случилось иначе. „Въ тысяча восемьсотъ пятомъ году государь обѣдалъ однажды у графа Петра Александровича Толстаго, дальняго родственника нашего художника, женатаго на княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Голициной." Послѣ обѣда Марья Алексѣевна заняла императора разсматриваніемъ художественныхъ произве-

деній племянника. Александръ Павловичъ велѣлъ позвать ихъ автора и сказалъ ему:

„— Я обѣщалъ назначить васъ въ кавалергардскій полкъ, но такъ какъ у меня много кавалергардскихъ офицеровъ и я могу пожаловать ихъ сколько я хочу, а художниковъ нѣтъ, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы, при вашемъ талантѣ къ художествамъ, пошли по этой дорогѣ.

„Въ словахъ этихъ заключался приказъ. Несмотря однако на то, что самъ государь поощрилъ и одобрилъ призваніе молодаго графа, родные его иначе взглянули на дѣло. Они находили для молодаго офицера похвальное *развлеченіе* искусствомъ, но избраніе карьеры художника нашли *не благороднымъ* и утверждали, что Толстой такимъ поступкомъ *безчеститъ* не только свою фамилію, но и все дворянское сословіе. Его признали опаснымъ сумасбродомъ и наперерывъ спѣшили запирать предъ нимъ двери своихъ домовъ.“ Ни это отношеніе родственниковъ, ни матеріальная нужда не могли однако сломить энергіи графа Ѳеодора Петровича. Онъ удалился на время отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, заперся въ убогой квартирѣ и два года жилъ почти единственно трудами рукъ своихъ, дѣлая изъ воску на грифельныхъ дощечкахъ гребни и брошки, подражаніе камеямъ, которые были тогда въ большой модѣ; часто питался онъ только чернымъ хлѣбомъ и квасомъ. Лишь одинъ преданный другъ не покинулъ графа въ этотъ трудный періодъ его жизни, это была его старая нянька Ефремовна.

„— Ничего, батюшка, работай, это хорошо, говорила она,—не бойся, родной, старая нянька найдетъ изъ чего щецъ сварить, не даромъ всю жизнь въ барскомъ домѣ жила. Ты объ этомъ не заботься, знай себѣ учись.

„Ефремовна рылась въ своемъ сундукѣ, вытаскивала оттуда свои сбереженія, куски полотна или миткаля, своими руками связанные чулки и потихоньку продавала ихъ...“

Между тѣмъ, въ стѣнахъ Академіи извѣстность молодаго художника росла вмѣстѣ съ каждымъ новымъ его произведеніемъ. А по мѣрѣ того, какъ она росла, стали вспоминать о немъ и примиряться съ нимъ родные и знакомые. Молодому художнику было предложено мѣсто при Эрмитажѣ съ жалованіемъ въ полторы тысячи рублей, а черезъ два года двадцатипятилѣтній графъ Толстой былъ избранъ почетнымъ членомъ той самой

Академіи Художествъ, которая встрѣтила его такъ недружелюбно и съ которою отнынѣ непрерывно стала связана его судьба.

Необыкновенно интересны отрывки изъ дневника и записокъ И. А. Рамазанова. Молодая жизнь кипитъ въ нихъ ключемъ, колеблясь между приливами и отливами вдохновеній и восторговъ. Бурные, совершенно титаническіе порывы смѣняются меланхоліей, мечтательностью, слезами. Въ цѣломъ получается нѣчто необыкновенно колоритное, яркое и оригинальное. Приведемъ нѣсколько отрывковъ.

„Великолѣпныя залы Академіи открыты; два ряда статуй Грековъ и Римлянъ, передъ которыми художникъ останавливается съ благоговѣніемъ и какою-нибудь высокою мыслію, представляются глазамъ по сторонамъ галлереи; хоръ музыки расположился въ одномъ концѣ, въ другомъ юные питомцы Академіи въ нѣмомъ ожиданіи встрѣчи генія. Двери распахнулись, вошелъ *Брюлловъ*. Трепетъ пробѣжалъ по моимъ членамъ. За нимъ слѣдовали группами маститые и полумаститые художники. Кудиновъ, будущій гость Италіи, началъ привѣтствіе своимъ пріятнымъ голосомъ, оркестръ аккомпанировалъ. Я, какъ участникъ хора, началъ пѣть съ энтузіазмомъ мою партитуру; но весь этотъ кантъ какъ-то казался принужденнымъ, вѣдь онъ былъ заученъ! По окончаніи же его восторгъ расширилъ наши молодыя груди и громкое ура огласило залу, воздухъ застоналъ отъ криковъ: да здравствуетъ Брюлловъ! Вся группа профессоровъ съ новоприѣзжимъ гостемъ отправилась къ обѣденному столу, мы же бросились по корридорамъ. Торжественный маршъ поразилъ насъ, и вторичное *ура* заглушило его. Съ этой минуты жажда славы пустила корень въ мое сердце. Начался обѣдъ, хоръ музыки игралъ отличнѣйшія музыкальныя піесы, какое-то опьяненіе проникло въ мою голову, желаніе разсмотрѣть Брюллова заставило меня вскарабкаться на табуретъ.

„Начались тосты, шумъ и опять ура. Инспекторъ, рекомендуя моихъ товарищей Брюллову, рекомендовалъ также и меня. Послѣдній пожалъ мнѣ руку и въ эту минуту я не помнилъ себя. Я только видѣлъ то пространство, которое отдѣляетъ меня отъ него; онъ уже обремененъ славой, а я еще такъ далеко отъ нея, и онъ, которому покланялась Европа, такъ ласковъ, такъ обходителенъ съ нами, молодежью. Послѣ этого бурная радость и пламенный восторгъ требовали соковъ винограда; распаленіе мозга было близко къ состоянію безумія, и серебристая пыль

донскаго помутила глаза. Кеннгъ разинулъ ротъ, увидѣвъ залпомъ осушенную мною бутылку. На другой день я не могъ говорить, спнота была слѣдствіемъ восторженныхъ возгласовъ."

„Какое умилительное зрѣлище представляетъ прогулка по городу наканунѣ праздника. Въ квартирѣ каждаго жильца водворяется спокойствіе и лампада теплится тихимъ огнемъ предъ ликомъ Спасителя. Тысяча такихъ лампадъ зажигается признательностью христіанъ къ Искупителю."

„Ломоносовъ! я по тебѣ плакалъ какъ по родномъ, жизнь твоя вдохновила меня! Чтеніе твоей удивительной біографіи оставило глубокій слѣдъ въ душѣ моей."

„Съ каждымъ мгновеніемъ я усматриваю слѣды высшей премудрости."

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ развертывающаяся предъ нами въ письмахъ А. И. Иванова къ сыну картина внутренней жизни Академіи Художествъ въ эпоху тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія. Картина эта объясняетъ многое въ исторіи нашего искусства и даетъ ключъ къ уясненію отношеній, какія существовали между начальствующими и подчиненными. Это драгоцѣнный матеріалъ. Вотъ, напримѣръ, куріозный случай съ академикомъ Сазоновымъ.

„Требовалось отъ кабинета двора Его Величества написать иконостасъ въ новоустроенную церковь въ Ахалцихѣ, что въ новоприобрѣтенныхъ Россіей губерніяхъ въ Персіи. Поручено написать оный гг. академику Васильеву и академику Сазонову; наступило время, когда ихъ сдавать надлежало, образа г. Васильева оказались хорошими и конченными, образа же г. Сазонова и неконченными и нехороши показались министру двора князю Волхонскому, почему онъ и потребовалъ г. Сазонова, спрашивалъ и объ его поведеніи, и гдѣ онъ учился, на что тотъ отвѣчалъ: въ Академіи Художествъ учился и былъ въ чужихъ краяхъ. Въ скоромъ послѣ того времени поступила въ Академію

бумага: по Высочайшему повелѣнію разсмотрѣть сію его работу и сказать—достоинъ ли г. Сазоновъ носить званіе академика. Академія, разсмотрѣвъ работу, нашла ее неоконченною и замѣтила необходимыя поправки въ рисункѣ, предоставя ему срокъ два мѣсяца на оныя исправленія, принявъ отъ него представленіе за докторскимъ свидѣтельствомъ, что онъ въ продолженіе сей работы былъ подверженъ болѣзни холерѣ, почему и не успѣлъ какъ должно. Отзывъ Академіи къ министру былъ всевозможно сдѣланъ въ пользу г. Сазонова, представляя, что подобный случай можетъ случиться со всякимъ художникомъ, когда не будутъ давать надлежащаго времени для производства подобныхъ работъ заблаговременно и что онъ имѣетъ сіе званіе академика по трудамъ того достойнымъ."

Про себя А. И. Ивановъ пишетъ сыну отъ 6 декабря 1832 года: „Теперь начинаются времена для занятій художниковъ какъ по живописи, такъ и по скульптурѣ, и работы розданы по рукамъ для вновь передѣланныхъ сенатскаго и синодскаго зданій; сіи два зданія составляютъ одно посредствомъ арки, въ Галерную улицу ведущей. Я имѣю для сенатской церкви запрестольный образъ, изображающій *Воскресеніе Христово*, мѣрою четыре аршина въ вышину и два аршина въ ширину; по сему размѣру я рѣшился изобразить фигуру Христа въ ростъ человѣческій, что̀ сдѣлаетъ его виднѣе, а по бокамъ представилъ двухъ ангеловъ нѣсколько поменьше человѣка; внизу гробъ, помѣщенный въ цѣлости одною изъ узкихъ сторонъ его, то-есть стороной, гдѣ должны быть ноги, когда бы положить человѣка; на семъ гробѣ сдѣлать надпись, вырубленную въ камнѣ: *Іосиѳа отъ Аримаѳеи.* Фигуру же Христа беру за образецъ тобою нѣкогда написанную въ овальной формѣ; немного покажу фигуру сотника, видѣвшаго сіе происшествіе. Вотъ и все сочиненіе онаго тѣмъ ограничится, ибо и цѣна его довольно ограничена."

Рядомъ съ сообщеніемъ различныхъ петербургскихъ новостей, касающихся главнымъ образомъ Академіи, А. И. Ивановъ постоянно разбираетъ доходившія до него работы сына и преподаетъ ему множество совѣтовъ. Такъ, напримѣръ, онъ совѣтуетъ взять образцомъ для фигуры Іоанна Крестителя изображеніе его на картинѣ Рафаэля Madonna di Foligno. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить въ картинѣ „Явленіе Христа народу" довольно значительнаго сходства между двумя этими фигурами, особенно въ движеніи указующей руки Іоанна.

Закончимъ наши выдержки необыкновенно интереснымъ отрывкомъ изъ письма, которое И. Н. Крамской писалъ художнику Васильеву по поводу своей картины „Христосъ въ пустынѣ“. Вопросъ идетъ здѣсь о фигурѣ Христа.

„Вотъ уже пять лѣтъ неотступно онъ стоялъ передо мной; я долженъ былъ написать его, чтобъ отдѣлаться, и я не разу не колебался въ томъ, что онъ дѣйствительно не имѣлъ въ себѣ ничего земнаго, и это слово взято вами вѣрно, то-есть у него только и было земнаго, что форма. Но развѣ-жь форма не есть доказательство августѣйшей мысли? Во время работы за нимъ много я думалъ, молился и страдалъ. Бывало вечеромъ уйдешь гулять и долго по полямъ бродишь, до ужаса дойдешь и видишь фигуру - статую. На-утрѣ усталый, измученный, изстрадавшійся сидитъ одинъ между камнями, печальными, холодными камнями; руки судорожно и крѣпко, крѣпко сжаты, пальцы впились, ноги поранены, голова опущена. Крѣпко задумался, давно молчитъ, такъ давно, что губы даже какъ будто запеклись, глаза не замѣчаютъ предметовъ и только время отъ времени брови шевелятся, повинуясь законамъ мускульныхъ движеній. Ничего онъ не чувствуетъ, не чувствуетъ, что холодно немножко, не чувствуетъ, что у него всѣ члены уже какъ будто окоченѣли отъ продолжительнаго и неподвижнаго сидѣнія. Нигдѣ и ничего не шевельнется, только у горизонта черныя облака плывутъ отъ востока, да нѣсколько волосковъ по воздуху стоятъ горизонтально отъ вѣтра. И онъ все думаетъ, все думаетъ. Страшно станетъ. Сколько разъ плакалъ я предъ этою фигурой! Ну что же послѣ этого? развѣ можно не писать? и вы спрашиваете себя, и справедливо спрашиваете, могу ли я написать Христа? Нѣтъ, дорогой мой, не могу и не могъ написать, а все-таки писалъ и все писалъ до той поры, пока не вставилъ въ раму, до тѣхъ поръ писалъ, пока его другіе не увидѣли. Словомъ, совершилъ быть-можетъ профанацію, но не могъ не писать. Долженъ былъ написать. Ужь какъ хотите, а не могъ я обойтись безъ этого. Я могу сказать, что писалъ его слезами и кровью.“

Въ другомъ письмѣ, къ В. М. Гаршину, художникъ возвращается къ той же темѣ. Онъ описываетъ какъ цѣлую лѣтнюю ночь осторожно наблюдалъ за какимъ-то человѣкомъ, неподвижно сидѣвшимъ на одномъ мѣстѣ отъ заката до восхода солнца.

„Кто это былъ? я не знаю, по всей вѣроятности, это была галлюцинація, я въ дѣйствительности, надо думать, не видалъ его.

Мнѣ показалось, что это всего ближе подходитъ къ тому, что̀ мнѣ хотѣлось разсказать. Тутъ мнѣ даже ничего не нужно было придумывать; я только старался скопировать и когда кончилъ, то далъ ему дерзкое названіе. Итакъ, это не Христосъ. То-есть я не знаю кто это; это есть выраженіе моихъ личныхъ мыслей."

Приведенныхъ нами выдержекъ достаточно, чтобы показать читателямъ, сколько живаго и многосторонняго интереса представляетъ этотъ новый русскій художественный журналъ. Намъ остается лишь отмѣтить особенному вниманію прекрасныя фототипіи, прилагаемыя въ количествѣ десяти отдѣльныхъ таблицъ къ каждому выпуску и представляющія, въ большинствѣ, оригинальные рисунки и картины, впервые воспроизводимыя. Нужно искренно пожелать, чтобъ это прекрасное предпріятіе снискало себѣ въ средѣ русской публики тѣ симпатіи, которыхъ оно вполнѣ заслуживаетъ по своимъ цѣлямъ и способу ихъ осуществленія.

Голодному на хлѣбъ. Альбомъ автографовъ писателей, художниковъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей. Изданіе газеты *Русская Жизнь* въ пользу голодающихъ. С.-Петербургъ, 1892.

На 34 страницахъ этого прекрасно изданнаго альбома собрано громадное количество автографовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ дѣятелей въ области литературы, искусства, науки. Автографы эти самого разнообразнаго содержанія. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ представляютъ простыя подписи, большинство заключаетъ краткія изрѣченія, мысли, стихотворенія. Композиторы даютъ нѣсколько строкъ нотъ, художники—рисунки. Въ общемъ получается очень интересная коллекція, заслуживающая, помимо своей благотворительной цѣли, полнаго вниманія по содержанію и отличающаяся необычайною дешевизной: альбомъ сто́итъ лишь *двадцать пять копѣекъ*. Приводимъ изъ него содержаніе интересныхъ автографовъ графа Л. Толстаго и покойнаго Тургенева.

Графъ Л. Н. Толстой пишетъ издателю:

„Я не знаю какъ исполнить ваше желаніе. Французы имѣютъ передъ нами въ этомъ отношеніи то преимущество, что они знаютъ какъ это дѣлать и имъ не совѣстно. Мнѣ же, признаюсь, такъ

совѣстно, что я не могу преодолѣть себя. Вамъ можетъ быть какая нужда въ моемъ писаніи. Ради Бога не думайте, что я говорю, что̀ не думаю и не чувствую.

„Не могу и не могъ никогда ни публично читать, ни писать въ альбомы. Пожалуйста простите меня и не сердитесь и вѣрьте искреннему уваженію Льва Толстаго.“

Автографъ И. С. Тургенева представляетъ особый интересъ по той формѣ, въ какой онъ изложенъ. Это рядъ отвѣтовъ, которые нашъ писатель писалъ на французскомъ языкѣ въ 1869 и въ 1880 годахъ на извѣстные печатные вопросы: какая ваша любимая добродѣтель? Какія ваши любимыя качества у мущины? У женщины? Какое ваше любимое занятіе и т. д. Какъ ни трудно опредѣлить, что̀ правда и что̀ вымыселъ въ такого рода исповѣди, но отвѣты Тургенева такъ характерны, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ, въ русскомъ переводѣ.

	1869.	*1880.*
1) Ваша любимая добродѣтель?	Правдивость.	Юность.
2) Любимыя ваши качества у мужчины?	Доброта.	Имѣть 25 лѣтъ.
3) Любимыя ваши качества у женщины?		Имѣть 18 лѣтъ.
4) Ваше любимое занятіе?	Охота.	Нюхать табакъ.
5) Отличительная черта вашего характера?	Лѣность.	Лѣность.
6) Какъ вы представляете себѣ счастье?	Полное здоровье.	Ничего не дѣлать.
7) Какъ вы представляете себѣ несчастье?	Слѣпота.	Быть обязаннымъ что-либо дѣлать.
8) Ваши любимые цвѣта и цвѣты?	Голубой цвѣтъ. Нарцисъ.	Сѣрый цвѣтъ. Цвѣтная капуста.
9) Еслибы вы не были вы, чѣмъ бы желали вы быть?	Моею собакой Пегасомъ.	Ничѣмъ.
10) Гдѣ бы вы предпочли жить?	Гдѣ я свободенъ уйти, когда хочу.	Гдѣ бы никогда не было холодно.
11) Кто ваши любимые прозаики?	Сервантесъ.	Я болѣе не читаю.
12) Кто ваши любимые поэты?	Гомеръ, Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ.	Тоже.
13) Кто ваши любимые художники и композиторы?	Рембрандтъ, Моцартъ, Шубертъ.	Я болѣе не смотрю и не слушаю.
14) Вашъ любимый герой въ исторіи?	Вашингтонъ, Периклъ.	Тотъ, кто открылъ устрицы. [1]
15) Ваша любимая героиня въ исторіи?	Г-жа Роланъ.	Всѣ хорошія кухарки.
16) Ваши любимые герои въ романѣ?	Король Лиръ, Прометей.	Фальстафъ, Гаргантюа.

[1] Автографъ не совсѣмъ разборчивъ въ этомъ мѣстѣ.

	1869.	*1880.*
17) Ваши любимыя героини въ романѣ?	Джульетта.	Г-жа Коробочка.
18) Ваше любимое кушанье?	Говядина и шампанское.	Все, что я хорошо перевариваю.
19) Ваши любимыя имена?	Борисъ, Марія.	Спиглазовъ.
20) Къ чему вы больше всего питаете отвращенія?	Къ тараканамъ.	Къ визитамъ.
21) Кого вы больше всего презираете изъ историческихъ личностей?	Наполеона, Торквемаду.	Тѣхъ, кто мѣшаетъ мнѣ спать.
22) Каково ваше настоящее душевное состояніе?	Спокойствіе души.	*(Отвѣта нѣтъ.)*
23) Къ какому пороку вы имѣете больше всего снисхожденія?	Къ пьянству.	Ко всѣмъ.
24) Какой вашъ любимый девизъ?	Laissez faire, laissez passer.	Покойной ночи.

Въ отвѣтахъ 1869 года, писанныхъ при „спокойствіи души", разлита какая-то удивительная откровенность и правдивость. Трудно сказать то же про отвѣты 1880 года, по крайней мѣрѣ, про большинство изъ нихъ. Въ этихъ послѣднихъ отвѣтахъ звучитъ какой-то напускной цинизмъ, сквозь который прорывается, по временамъ, безысходная тоска. Какою глубокою грустью звучитъ, напримѣръ, эта замѣна голубаго цвѣта—сѣрымъ, или это признаніе: я болѣе не читаю, не слушаю музыки, не смотрю на картины. Во всякомъ случаѣ это необыкновенно характерныя строки.

С. Васильевъ.

Учебники зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній, изданные въ Россіи.

Со введеніемъ университетскаго устава 1884 года, съ распространеніемъ на университетское преподаваніе бо́льшаго однообразія и съ выработкой болѣе или менѣе постоянныхъ и опредѣленныхъ программъ для государственнаго экзамена, измѣнилось и преподаваніе науки въ университетѣ. Прежніе отрывочные, нерѣдко неполные курсы, посвящаемые разработкѣ какой-нибудь одной, болѣе или менѣе интересной, въ данное время, главѣ науки, дали мѣсто курсамъ менѣе подробнымъ, но болѣе полнымъ, общимъ, и если преподавателей университетовъ періода 1863—1884 годовъ можно и даже должно было зачастую упрекнуть въ неоконченности курса, въ его отрывочности и въ его излишней спеціальности, то многихъ нашихъ современныхъ университетскихъ лекторовъ надо упрекать за нѣчто совсѣмъ противоположное, за курсы слишкомъ общіе, за сведеніе университетскаго преподаванія на выучку, подготовку къ государственному экзамену, за отсутствіе заботы о возбужденіи своимъ курсомъ интереса въ слушателяхъ и о стараніи сообщать ему, по силѣ возможности, новѣйшія открытія въ области преподаваемой науки.

Намъ, естественникамъ, впрочемъ, не оставалось дѣлать ничего иного. Студенты должны были вынести изъ университета свѣдѣнія, отвѣчавшія на требованія программы, и эти свѣдѣнія они могли пріобрѣтать во всѣхъ деталяхъ и подробностяхъ программы только на лекціяхъ. Поэтому, университетскій преподаватель долженъ былъ, поневолѣ, посвящать все предоставленное ему ограниченное учебнымъ планомъ время на сообщеніе свѣдѣній, необходимыхъ студенту для экзамена и посвящать на это

даже тѣ часы, которые могли бы быть опредѣлены на ознакомленіе студентовъ съ какимъ-либо обще-интереснымъ спеціальнымъ вопросомъ, при изложеніи котораго могли бы быть обнаружены методы изслѣдованія, способы полученія логическихъ выводовъ изъ ряда добытыхъ наблюденіемъ фактовъ, наконецъ, развиты самостоятельные взгляды лектора на вопросъ и критическая оцѣнка взглядовъ другихъ ученыхъ на тотъ же вопросъ. Такія чтенія, несомнѣнно, весьма важныя въ университетскомъ преподаваніи, придающія оригинальную физіономію и университету и его преподавателю, были весьма затруднены вышеприведенными обстоятельствами, которыя, въ свою очередь, вызывались тѣмъ, что добросовѣстный лекторъ долженъ былъ всю работу студента ограничить аудиторіей, такъ какъ работы внѣ стѣнъ университета были для однихъ студентовъ затруднительны, для другихъ невозможны. У насъ, въ Россіи, по большей части предметовъ, преподаваемыхъ на естественно-историческихъ отдѣленіяхъ физико-математическаго факультета, учебниковъ до самаго послѣдняго времени почти не имѣлось, а такъ какъ студенты только въ рѣдкихъ случаяхъ владѣли иностранными языками настолько серьезно, чтобы пользоваться иностранными учебниками и руководствами, то вся работа и ложилась цѣликомъ на время, въ которое студенты посѣщали аудиторію или практическія работы, тѣмъ болѣе, что семинаріи могли развиться въ ограниченныхъ размѣрахъ въ виду обильнаго числа часовъ, слушаемыхъ студентами.

Эта невозможность предложить студентамъ самостоятельное ознакомленіе съ тою или иною частностью, иногда просто требующею только памяти, какъ то случается въ описательныхъ наукахъ нерѣдко при преподаваніи классификаціи той или иной группы, давно обратила на себя вниманіе преподавателей, и съ самаго начала дѣйствія новаго устава явились первыя попытки устранить этотъ недостатокъ изданіемъ учебниковъ.

Не зная въ точности, какъ пошло это дѣло въ другихъ областяхъ естествовѣдѣнія, я предложу здѣсь краткій обзоръ того, что было сдѣлано по этому вопросу нашими отечественными зоологами.

Какъ ни странно, но до восьмидесятыхъ годовъ у насъ не было учебниковъ по зоологіи, предназначенныхъ для университетскаго преподаванія. Всѣ наши учебники, вышедшіе до этого времени, имѣли или иное назначеніе или являлись компендіумами

для самообученія. Только Двигубскій, профессоръ Московскаго университета въ 20-хъ годахъ истекающаго столѣтія, издалъ *Руководство къ естественной или натуральной исторіи животныхъ*, которое, повидимому, было предназначено для руководства студентамъ, хотя въ заглавіи это назначеніе не ясно выражено, но которое, даже по тому времени, не удовлетворяло потребностямъ университетскаго преподаванія, такъ какъ являлось сухимъ систематическимъ перечнемъ животныхъ и признаковъ, ихъ отличающихъ.

Прежнія руководства зоологіи и физіологіи покойнаго Мильнъ Эдвардса, переведенныя и изданныя въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ, тоже не удовлетворяли университетскому преподаванію, такъ какъ являлись лишь введеніемъ въ курсы зоологіи и притомъ введеніемъ, разсчитаннымъ на юношескій и дѣтскій возрастъ, слѣдовательно, не затрогивающимъ многіе весьма важные вопросы.

Учебникъ зоологіи Симашко, изданный въ 50-хъ годахъ и славившійся очень долгое время, былъ опять-таки предназначенъ для среднихъ учебныхъ заведеній—кадетскихъ корпусовъ, и хотя и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя, до сихъ поръ еще незамѣнимыя данныя, напримѣръ, народныя названія для разныхъ представителей животнаго царства, но, тѣмъ не менѣе, не представляетъ значенія для университетскаго преподаванія.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (1862—65) вышла большая, превосходная книга профессора А. П. Богданова *Зоологія и зоологическая хрестоматія*. По тому искусству, съ которымъ выбранъ и расположенъ матеріалъ, по той законченности, которою отличается каждая статья, по изяществу отдѣлки статей, эта книга не имѣетъ себѣ равной во всей зоологической литературѣ, но профессоръ А. П. Богдановъ самъ назвалъ книгу свою *Зоологическою хрестоматіей* и составилъ ее, дѣйствительно, такъ, что она является не учебникомъ, а пособіемъ при болѣе краткомъ и цѣльномъ учебникѣ, что она можетъ служить превосходнымъ чтеніемъ въ дополненіе къ прослушанной лекціи, но далека отъ строгаго, выдержаннаго, дидактическаго тона учебника. Кромѣ того, книга А. П. Богданова составлена, опять-таки, съ разсчетомъ на употребленіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о чемъ онъ писалъ самъ на обложкѣ, что значительно суживаетъ затрогиваемые вопросы и, наконецъ, она ограничивается лишь безпозвоночными животными, оставляя въ сторонѣ позвоночныхъ.

Съ шестидесятыхъ же годовъ начинаетъ мало-по-малу появляться въ русскомъ переводѣ и сравнительно-анатомическая литература, появляется первый выпускъ перевода чтеній по сравнительной анатоміи Гёксли, но изданіе не оправдываетъ ожиданія издателей и прекращается. Также мало успѣха имѣетъ и изданіе перевода сравнительной анатоміи Гегенбаура, сдѣланное съ изданія 1857 года уже устарѣвшаго ко времени перевода. Въ то же время въ литературѣ начинаютъ появляться многочисленные учебники по зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній, и издательская дѣятельность преподавателей естественной исторіи идетъ еще болѣе быстрымъ темпомъ въ 70-хъ годахъ, но изъ всѣхъ такихъ изданій выдѣляются по самостоятельности и подробности лишь учебникъ зоологіи А. Ковалевскаго, впослѣдствіи профессора и академика, да еще учебникъ А. Я. Герда; остальные учебники не отступаютъ отъ опредѣленныхъ программъ, не выступаютъ за ихъ предѣлы, и приспособлены исключительно къ тому, что̀ задается учителемъ въ классѣ. Учебники Ковалевскаго и Герда, хотя и выдѣляются большею полнотой изъ среды другихъ школьныхъ учебниковъ, но, представляя все-таки характеръ учебниковъ для среднихъ учебныхъ заведеній, не могутъ быть эксплуатируемы для университетскихъ цѣлей.

Такова же судьба *Руководства по зоологіи*, изданнаго въ началѣ 70-хъ годовъ покойнымъ профессоромъ Э. К. Брандтомъ, которое явилось, подобно Гердовскому учебнику, межеумкомъ, слишкомъ полнымъ для средняго учебнаго заведенія и не удовлетворяющимъ университетскому курсу.

Несравненно удачнѣе были его *Очерки сравнительной анатоміи*, Спб. 1874, хотя и они представляли большіе недостатки. Это изданіе предназначалось для слушателей профессора Брандта, студентовъ Медико-Хирургической Академіи, для будущихъ врачей, которымъ сравнительная анатомія нужна, главнымъ образомъ, какъ основа для познанія организма человѣка. Вотъ этого-то характера и не имѣетъ книга покойнаго Брандта, отличающаяся, кромѣ того, большими подробностями въ однѣхъ системахъ органовъ (нервная система и органы чувствъ) и почти полнымъ игнорированіемъ другихъ. Такъ, напримѣръ, черепъ, знаніе котораго по отдѣльнымъ классамъ позвоночныхъ такъ важно для освѣщенія вопроса о морфологическомъ значеніи, какъ отдѣльныхъ костей, такъ и ихъ участковъ у человѣка,

описанъ такъ кратко, что, напримѣръ, о черепѣ ящерицъ и земноводныхъ сказано лишь слѣдующее (стр. 148): „Черепъ ящерицы отличается отъ всѣхъ прочихъ череповъ присутствіемъ особой косточки (columella) между темянною и крышовидною костями. Черепъ гадовъ (Amphibia) весьма сходенъ съ черепомъ пресмыкающихся. Только сочлененіе съ атлантомъ происходитъ посредствомъ двухъ мыщелковъ, что̀ также составляетъ сходство съ черепомъ рыбъ и это сходство становится тѣмъ болѣе близко еще потому, что у гадовъ, равно какъ и у рыбъ подъ костянымъ черепомъ заключаются остатки хрящеваго примордіальнаго черепа“ [1]

Въ это же время, въ Москвѣ, книжная торговля Н. И. Мамонтова приступаетъ къ изданію русскаго перевода большаго руководства (Handbuch) Карла Клауса, сдѣланнаго со втораго нѣмецкаго изданія подъ редакціей профессора С. А. Усова и А. Н. Петунникова. Книга Клауса была издана по-нѣмецки безъ рисунковъ и не какъ учебникъ, а скорѣе какъ настольная, справочная книга. Впослѣдствіи Клаусъ, параллельно этой книгѣ, издалъ книгу болѣе краткую, иллюстрированную рисунками и названную имъ *Учебникомъ*, *Lehrbuch*. Издатели русскаго перевода иллюстрировали изданные выпуски отлично выбранными и превосходно исполненными политипажами, переводъ, за исключеніемъ немногихъ шероховатостей, тоже не оставлялъ желать лучшаго, но изданіе не пошло. Для учебника оно было и подробно и дорого (полное изданіе, вѣроятно, стоило бы до 15 рублей), въ настольныхъ зоологическихъ книгахъ потребности не было, и изданіе остановилось, если не ошибаюсь, на третьемъ или четвертомъ выпускѣ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Москвѣ, у книгопродавца И. И. Смирнова выходитъ переводъ *Анатоміи позвоночныхъ животныхъ* Гёксли, сдѣланный М. А. Мензбиромъ. Переводъ этотъ, сдѣланный весьма тщательно, былъ изданъ, къ сожалѣнію, весьма дурно; рисунки, помѣщенные въ англійскомъ подлинникѣ въ текстѣ, въ русскомъ изданіи были вынесены въ особый литографированный атласъ; литографіи не удались, и иллюстраціи потеряли значеніе. Но если бъ онѣ и сохранили значеніе, книга Гёксли все-таки не восполнила бы недостатка въ учебникахъ, такъ какъ она является не учебникомъ съ изложеніемъ извѣст-

[1] Орфографія и знаки препинанія подлинника.

ныхъ выводовъ, законовъ, а чрезвычайно точно и безпримѣрно талантливо расположеннымъ собраніемъ фактическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ человѣкъ уже знакомый съ первыми основаніями зоологіи и сравнительной анатоміи можетъ лично прійти къ весьма важнымъ выводамъ и заключеніямъ.

Вотъ, приблизительно, съ какими учебниками засталъ русскихъ преподавателей зоологіи новый университетскій уставъ 1884 года.

Почти одновременно со введеніемъ устава, въ Россіи появляются и первые учебники зоологіи, приспособленные къ университетскому преподаванію. Впрочемъ, повидимому, еще нѣсколько ранѣе вышло первое изданіе перваго тома учебника профессора С.-Петербургскаго университета Н. П. Вагнера (второе изданіе, имѣющееся у меня подъ руками, обозначено 1887 годомъ), но первое изданіе этого учебника было мало распространено и составляло, по всей вѣроятности, печатное изложеніе курса, читаемаго профессоромъ Вагнеромъ въ Петербургскомъ университетѣ. Съ книги Н. П. Вагнера мы и начнемъ нашъ обзоръ.

Книга профессора Н. П. Вагнера озаглавлена: „*Исторія развитія царства животныхъ. Курсъ филогенетической зоологіи Николая Вагнера, заслуженнаго профессора и почетнаго члена Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.* Изданіе второе. Томъ первый съ 635 рисунками въ текстѣ. Спб. 1887.“

Эта книга весьма объемистая. Первый томъ, заключающій въ себѣ данныя лишь по четыремъ типамъ животнаго царства, и типамъ притомъ далеко не самымъ многочисленнымъ и высокоразвитымъ, заключаетъ въ себѣ болѣе 42 печатныхъ листовъ малаго in quarto. Описаніе всего животнаго царства при такомъ изложеніи заняло бы, по нашему разсчету, до 120—150 печатныхъ листовъ. Уже эти соображенія показываютъ, что книга профессора Н. П. Вагнера не учебникъ, а пособіе, руководство для лицъ, нѣсколько болѣе заинтересовавшихся зоологіей. Да и самъ профессоръ Н. П. Вагнеръ не смотритъ на свою большую книгу, какъ на учебникъ, называя ее курсомъ. Ея назначенію, какъ учебника, препятствуетъ и способъ изложенія, способъ, правда, весьма оригинальный, но для учебника не подходящій. По моему понятію, въ учебникъ должны быть внесены факты неоспоримые, выводы, основанные на непреложныхъ истинахъ. Все гипотетическое, предполагаемое можетъ имѣть мѣсто въ учебникѣ лишь тогда, когда оно вычленено, подчеркнуто, когда притомъ, указано ясно, какое значеніе для общаго зданія науки

имѣетъ внесеніе въ ряды тѣхъ истинъ, на которыхъ она основывается, той или другой гипотезы.

Между тѣмъ, въ книгѣ Н. П. Вагнера мы не видимъ такого вычлененія гипотетичнаго, предполагаемаго изъ среды неоспоримыхъ истинъ, и поэтому книга его на многихъ страницахъ представляетъ натяжки, обусловливаемыя стремленіемъ найти въ природѣ звѣнья, сцѣпляющія ея разбросанныхъ представителей въ общее зданіе, являющіяся вѣтвями генеологическаго дерева, корень котораго углубленъ въ гипотетическій міръ, составляющій переходъ между мірами органическимъ и неорганическимъ; между живою природой и мертвою матеріей.

Помимо этого стремленія, конечно, весьма симпатичнаго, но далеко не безвреднаго для университетскаго курса, книга профессора Вагнера на нѣкоторыхъ своихъ страницахъ дышетъ чѣмъ-то въ родѣ мистицизма. Таковы, напримѣръ, ея страницы 30 – 33 и нѣкоторыя мѣста въ спеціальномъ изложеніи. Симпатичный авторъ сказокъ, повѣстей съ мистическою подкладкой виденъ и въ этой книгѣ, и эта-то способность къ увлеченію, обусловливающая принятіе гипотетичнаго за доказанное, всего болѣе мѣшаетъ книгѣ Н. П. Вагнера, какъ книгѣ учебной. Н. П. Вагнеръ слишкомъ художникъ, слишкомъ субъективный человѣкъ для того, чтобы составлять учебникъ, уже по назначенію своему долженствующій быть строгимъ и объективнымъ.

Со стороны изданія книга Н. П. Вагнера не оставляетъ желать лучшаго. Шрифтъ, бумага превосходны; въ исполненіи многочисленныхъ ксилографій, которыхъ несравненно болѣе нежели 635, такъ какъ подъ однимъ и тѣмъ же нумеромъ нерѣдко встрѣчается нѣсколько фигуръ (отъ 2 до 17) видно руководство такого знатока художества, какимъ является Н. П. Вагнеръ. Можно смѣло сказать, что если книга Н. П. Вагнера устарѣетъ въ своемъ текстѣ, а это, вѣроятно, при ежегодныхъ перемѣнахъ во взглядахъ на генезисъ той или другой группы животныхъ произойдетъ скоро (такъ, изложеніе организаціи типа иглокожихъ—Echinodermata уже теперь, за пять лѣтъ, отстало значительно отъ современнаго состоянія ученія объ этихъ животныхъ), то рисунки ея очень долго будутъ привлекать къ ней читателей, и она сослужитъ еще не малую службу, какъ иллюстрація къ любому учебнику.

Во всякомъ случаѣ, продолженіе книги Н. П. Вагнера, заключающей пока лишь введеніе и описаніе типовъ простѣйшихъ

(Protozoa), губокъ (Porifera), кишечнополостныхъ (Coelenterata), иглокожихъ (Echinodermata) и червей (Vermes), весьма желательно для зоологовъ, но желательно не въ качествѣ учебника, а въ качествѣ попытки, пока почти единственной, [1] собрать въ одно разбросанныя частныя схемы происхожденія и генетическаго сродства отдѣльныхъ группъ животныхъ и составить на этомъ основаніи полное генеалогическое дерево животнаго царства.

Какъ разъ въ годъ введенія устава 1884 года появилось первое изданіе перваго выпуска большаго учебника профессора университета Св. Владиміра Н. В. Бобрецкаго. Н. В. Бобрецкій далъ своему учебнику заглавіе: „Основанія зоологіи“, не выясняя, для кого назначена эта книга и какія цѣли побуждали его къ печатанію этого труда, но, судя по надписи на задней сторонѣ шмуцтитула, что книга эта печатана по опредѣленію совѣта Университета Св. Владиміра, эта книга, вѣроятно, предназначалась какъ университетскій учебникъ.

За первымъ выпускомъ послѣдовалъ второй, наконецъ, въ 1891 году—третій, и книга закончилась. Въ прошломъ же году первый выпускъ (1 половина 1 тома) вышелъ вторымъ изданіемъ.

Книга профессора Бобрецкаго очень объемиста; въ ней до 79 печатныхъ листовъ большаго in octavo. Изложеніе ея ведется по схемѣ, принятой въ настоящее время большинствомъ составителей и лекторовъ, и именно, книга начата со введенія и изложенія общихъ данныхъ; затѣмъ излагается частная зоологія, начиная съ низшихъ, простѣйшихъ формъ, и кончая высшими, млекопитающими.

Общее введеніе составлено профессоромъ Бобрецкимъ чрезвычайно тщательно и тактично. Нигдѣ не видно увлеченій въ ту или другую сторону, всюду изложеніе строго, объективно, вполнѣ дидактично, и если за что можно упрекнуть автора, такъ это за малые размѣры, отведенные имъ для исторіи зоологическихъ ученій, но если принять во вниманіе, что и при этомъ учебникъ разросся до величины 79 листовъ, то такое опущеніе явится вполнѣ извинительнымъ.

Главнѣйшій центръ тяжести книги профессора Бобрецкаго, это его спеціальная зоологія, которая и составляетъ его главнѣйшую заслугу и которая такъ важна въ учебникѣ. И здѣсь можно замѣтить такую же объективность, какъ въ изложеніи общей части, объективность тѣмъ болѣе затруднительную для составителя, что

Н. П. Бобрецкій въ нѣкоторыхъ областяхъ зоологіи является авторомъ работъ весьма важныхъ и внесшихъ много новаго въ науку. Обыкновенно, составитель учебника, самъ того не замѣчая, выдѣляетъ эти главы изъ ряда другихъ отдѣловъ учебника и посвящаетъ имъ постоянно больше мѣсто; такія увлеченія мы видимъ всюду, отъ нихъ не избавился и извѣстный учебникъ Клауса, но профессоръ Н. П. Бобрецкій избѣгъ этого и отнесся къ разработаннымъ имъ вопросамъ такъ же объективно, какъ и къ другимъ отдѣламъ науки.

Что касается до полноты изложенія, то она не только вполнѣ достаточна, но, быть-можетъ, для учебника даже нѣсколько излишня, такъ что студенту при пользованіи учебникомъ при экзаменной подготовкѣ приходится конспектировать книгу профессора Бобрецкаго, но въ этомъ я не вижу большой бѣды; напротивъ того, это обстоятельство можетъ быть поставлено въ заслугу составителя: тѣмъ легче его учебникъ можетъ, вслѣдствіе своей полноты, служить и пособіемъ для повторенія дома того, что̀ прочитано на лекціи, а иногда даже для пріобрѣтенія свѣдѣній, на которыя лекторомъ было недостаточно полно указано.

Въ группировкѣ матеріала съ профессоромъ Бобрецкимъ можно согласиться почти во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей. Такою частностью является, напримѣръ, вычисленіе мечехвостыхъ раковъ Xyphosura въ отдѣльный классъ, эквивалентный классу паукообразныхъ насѣкомыхъ, ракообразныхъ и многоногихъ. Мнѣ кажется это вычлененіе Xyphosura, сдѣланное подъ впечатлѣніемъ превосходныхъ работъ Альфонса Мильнъ-Эдвардса, и особенно Рей-Ланкестера и его школы, нѣсколько спѣшнымъ, тѣмъ болѣе, что многія соображенія, напримѣръ, разсужденія дерптскаго профессора фонъ-Кеннеля [1] указываютъ на нѣкоторую преждевременность такого обобщенія

Внѣшняя сторона изданія очень скромна; рисунковъ, которые страшно увеличиваютъ цѣнность изданія, нѣтъ, почему и стоимость учебника, сравнительно, доступная. Отсутствіе рисунковъ вліяетъ неблагопріятно на пользованіе учебникомъ, который можетъ быть хорошо усвоенъ лишь при иллюстраціи текста рисунками, почему книга профессора Бобрецкаго можетъ изучаться съ полною пользой лишь при сопровожденіи атласа или иллюстри-

[1] См. его изслѣдованіе *Die Verwandtschaftsverhältnisse bei Arthropoden*, Dorpat, 1891.

рованнаго учебника. Такъ, напримѣръ, комбинированіе рисунковъ книги профессора Н. П. Вагнера съ текстомъ профессора Н. П. Бобрецкаго можетъ дать прекрасные учебные результаты. Еще два слова объ языкѣ, которымъ написана книга профессора Бобрецкаго. Съ этой стороны авторъ *Основъ зоологіи*, по справедливости заслуживающихъ названія лучшаго и единственнаго въ нашей зоологіи литературы вполнѣ удовлетворяющаго потребностямъ университетскаго преподаванія самостоятельнаго учебника, можетъ заслужить упрекъ лишь въ одномъ, въ нерѣдкомъ злоупотребленіи неблагозвучныхъ для русскаго уха составныхъ прилагательныхъ, заимствованныхъ съ нѣмецкаго: таковы, напримѣръ, рѣжущія ухо выраженія: хрящевоволокнистый, бугорконокрытый и другія; въ остальномъ же изложеніе идетъ весьма гладко и языкъ вполнѣ понятенъ.

Въ 1887 году появилась въ свѣтъ книжка московскаго профессора М. А. Мензбира, озаглавленная *Введеніе въ изученіе зоологіи* и изданная книгопродавцемъ А. Л. Васильевымъ.

Книга профессора Мензбира, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, заключаетъ въ себѣ „элементарныя свѣдѣнія по организаціи, географическому распространенію, палеонтологической исторіи и біологіи животныхъ, вмѣстѣ съ изложеніемъ общепринятыхъ въ настоящее время теорій по основнымъ вопросамъ біологіи". Книга, слѣдовательно, не учебникъ, а введеніе въ любой спеціальный учебникъ, хотя учебная сторона не оставлена безъ вниманія, такъ какъ самъ авторъ говоритъ, что въ „послѣднія главы онъ позволилъ себѣ внести критическій элементъ, желая способствовать самостоятельной работѣ учащихся."

Изложеніе весьма живо и написано хорошимъ литературнымъ языкомъ, но сравнительная полнота разныхъ отдѣловъ не вездѣ одинакова, и въ книгѣ не видно той объективности, которая такъ характерна для книги профессора Бобрецкаго. Такъ, напримѣръ, изложеніе теоріи онто— и филогенеза Геккеля, теоріи, которая до сихъ поръ имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей, теоріи, подъ вліяніемъ которой составляются цѣлые учебники, напримѣръ, книга профессора Вагнера, названная имъ *Курсъ филогенетической зоологіи*, отведено лишь шестнадцать строчекъ (стр. 117), тогда какъ другимъ ученіямъ отведено несравненно болѣе мѣста. Это тѣмъ болѣе печально, что теорія Геккеля во многихъ, даже въ большей части своихъ частностей, несостоятельная, имѣетъ въ основѣ своей не мало данныхъ, весьма осно-

вательныхъ, съ которыми приходится считаться и которыя еще до сихъ поръ не отвергнуты даже самыми ожесточенными противниками Геккеля.

Изъ остальныхъ общихъ вопросовъ особенно хорошо и интересно изложены главы VI, VII, VIII, IX и X, то-есть ученіе о видѣ, палеонтологическая исторія животныхъ, географическое распространеніе животныхъ, теорія половаго подбора и теорія маскировки.

Въ 1885 году въ Одессѣ вышелъ переводъ *Основаній сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ* Роберта Видерсгейма, сдѣланный профессоромъ В. В. Заленскимъ и изданный книгопродавцемъ Шлейхеромъ. Книгу эту профессоръ Заленскій назвалъ, согласно съ названіемъ, даннымъ ей Видерсгеймомъ, *Руководствомъ для студентовъ*, хотя это названіе, по моему мнѣнію, не совсѣмъ подходитъ къ книгѣ. Книга Видерсгейма, извѣстная у спеціалистовъ подъ именемъ *Маленькій Видерсгеймъ*, есть только сокращеніе его большаго компедіума по сравнительной анатоміи, вышедшаго на нѣмецкомъ языкѣ въ 1888 году вторымъ изданіемъ. Эта книга, *Большой Видерсгеймъ*, имѣетъ заслуженную и почетную извѣстность въ зоологической литературѣ. Это руководство — Handbuch является чрезвычайно тщательнымъ, хотя нѣсколько спѣшнымъ собраніемъ главнѣйшихъ фактовъ по сравнительной анатоміи, имѣющихся въ Европейской литературѣ вообще. Видерсгеймъ чрезвычайно ревниво слѣдитъ затѣмъ, чтобъ его книга составляла послѣднее слово науки, вноситъ въ нее самыя свѣжія новости, и съ этой стороны его книга незамѣнима, тѣмъ болѣе, что при ней имѣется точный указатель библіографіи. Но за то Видерсгеймъ опустилъ изъ вниманія другое обстоятельство; онъ не вычленилъ изъ ряда фактовъ имъ сообщаемыхъ тѣхъ, которые являются особенно важными, такъ-сказать, первостепенными; въ изложеніи своемъ онъ придаетъ этимъ фактамъ такое же значеніе, какъ фактамъ самымъ маловажнымъ. Если такое отношеніе къ научнымъ фактамъ еще терпимо въ настольныхъ книгахъ, компендіумахъ, предназначенныхъ для лицъ уже знакомыхъ съ наукой, то оно совсѣмъ недопустимо въ учебникахъ, назначенныхъ для лицъ еще незнакомыхъ съ наукой и ея основаніями. А между тѣмъ, совершенно такимъ же недостаткомъ страдаетъ переведенное на русскій языкъ *Руководство* Видерсгейма. Кромѣ того, Видерсгеймъ, желая на маломъ числѣ страницъ дать побольше фактическаго матеріала, такъ

сжалъ изложеніе и заполнилъ свою книгу фактами, что пользованіе его въ качествѣ учебника весьма затруднительно.

Переводъ профессора В. В. Заленскаго очень хорошъ; немного излишнимъ кажется намъ иногда ничѣмъ не объяснимое употребленіе латинскихъ или греческихъ терминовъ тамъ, гдѣ они могли бы быть съ успѣхомъ замѣнены русскими. Таковы, напримѣръ: „ульнарный“ (вмѣсто „локтевой“) палецъ (ulna— локтевая кость), амфіоксъ вмѣсто „ланцетника“ и другія подобныя выраженія. Издана книга тоже очень чисто, на хорошей бумагѣ, съ клише, снятыми гальванопластически съ оригиналовъ. Цѣна (3 р. 60 к.) за книгу въ 20 листовъ, хотя и съ 225 политипажами, кажется намъ нѣсколько высокою.

Немного позже вышло небольшое руководство къ сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ, изданное харьковскимъ профессоромъ зоологіи А. Ѳ. Брандтомъ. Профессоръ Брандтъ былъ одновременно и профессоромъ университета и профессоромъ Харьковскаго ветеринарнаго института, и, повидимому, въ своей книгѣ хотѣлъ удовлетворить потребностямъ обоихъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе чего и его книга получила какой-то странный характеръ, не подходящій подъ условія преподаванія ни университетскаго, ни инаго. Кромѣ того, языкъ проф. Брандта очень тяжелъ, что̀ неблагопріятно отзывается на его учебникѣ.

Въ 1888 году вышелъ переводъ учебника профессора Клауса, сдѣланный Dr. М. А. Шульгинымъ и М. В. Хавкинымъ и изданный графомъ М. М. Толстымъ и М. А. Шульгинымъ. Учебникъ Клауса, почему-то озаглавленный переводчиками нѣмецкими литерами „Prof. Dr. C. Claus“, хотя фамилія Клаусъ прекрасно пишется по-русски и даже на русской государственной службѣ не мало гг. Клаусовъ, заслужилъ большую извѣстность и переведенъ на французскій и англійскій языки. Схема его изложенія совершенно такая же, какъ схема *Основъ зоологіи* профессора Бобрецкаго, но онъ отличается отъ послѣдняго обиліемъ рисунковъ (792 политипажа), превосходно выбранныхъ и исполненныхъ и нѣсколько меньшею полнотой.

Учебникъ Клауса не имѣетъ драгоцѣннаго свойства *Основъ* Бобрецкаго, безпристрастности и объективности. Клаусъ все-таки является главой извѣстной школы, приверженцемъ извѣстныхъ взглядовъ и убѣжденій, и это весьма отзывается на его учебникѣ. Такъ, въ тѣхъ вопросахъ, по которымъ работалъ

онъ самъ или его ученики, послѣднее слово оставлено за школой Клауса, а противники ея иногда лишь вскользь упоминаемы, иногда же совсѣмъ игнорируемы. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о перемежающемся размноженіи оболочниковъ совсѣмъ оставлены безъ вниманія рѣшающія работы покойнаго варшавскаго профессора Ульянина и за основаніе взяты менѣе обработанные труды ученика Клауса Гроббена; всѣ вопросы по исторіи развитія животныхъ, затронутые другимъ ученикомъ Клауса, нынѣшнимъ пражскимъ профессоромъ Гатчекомъ, изложены съ точки зрѣнія послѣдняго ученаго, во многихъ вопросахъ весьма эксцентричнаго и отклоняющагося отъ господствующихъ воззрѣній.

Та же субъективность видна и въ общемъ ходѣ изложенія. Такъ, напримѣръ, главы, которыя особенно близки сердцу Клауса, которымъ онъ посвятилъ свои спеціальныя работы, главы, описывающія ракообразныхъ, гидроидныхъ полиповъ, изложены гораздо подробнѣе, нежели другіе отдѣлы науки.

Къ сожалѣнію, пользованіе русскимъ переводомъ книги чрезвычайно затруднено языкомъ, иногда совершенно невыносимымъ, а также чрезвычайною спѣшностью редакціи. Чтобы показать образецъ и того и другаго, я помѣщаю слѣдующую краткую выписку изъ текста на страницѣ 407 первой части:

„Дафниды живутъ преимущественно въ сладкой [1] водѣ (?!); отдѣльные роды встрѣчаются въ глубокихъ озерахъ, водосточныхъ (?!) лужахъ и въ морѣ. Онѣ плаваютъ довольно проворно, причемъ въ большинствѣ случаевъ передвигаются толчками (?!), производя прыгательныя движенія. Нѣкоторыя изъ нихъ ложатся спиной на какіе-нибудь твердые предметы и прикрѣпляются помощью своей затылочной железы; въ такомъ прикрѣпленномъ положеніи онѣ перебираютъ (?!) своими плавательными ногами и, производя вокругъ себя водоворотъ (?!), привлекаютъ къ себѣ маленькія пищевыя частицы.“

Правда, и у Клауса самого, какъ у добраго Нѣмца, языкъ весьма и весьма тяжелъ, но переводчики придали ему еще болѣе тяжести, почему учебникъ Клауса въ русскомъ переводѣ является чрезвычайно неудобнымъ для употребленія.

Повидимому, тяжелый языкъ обусловленъ переводомъ М. А. Шульгина, такъ какъ другой его переводъ, тоже изданный графомъ

[1] Въ подлинникѣ Süsswasser—прѣсная вода.

М. М. Толстымъ, а именно „*Учебникъ эмбріологіи животныхъ позвоночныхъ и человѣка.* Оскара Гертвига, Одесса 1889 г.“, такой же тяжелый и неудобочитаемый.

Въ самое послѣднее время вышли два весьма симпатичные учебника, а именно „*Курсъ зоологіи позвоночныхъ*, составленный преподавателями С.-Петербургскаго университета Н. Н. Полежаевымъ и В. М. Шимкевичемъ, Спб., 1891 и 1892 г.“, и „*Краткое руководство по зоологіи* преимущественно для студентовъ медицины. Профессора Императорскаго Томскаго университета Н. Ѳ. Кащенко. Томскъ, 1891 и 1892 г.“

Хотя профессора Н. Н. Полежаевъ и В. М. Шимкевичъ и назвали свою книгу „*Курсомъ*“, но эта книга является превосходнымъ учебникомъ.

Начинаясь общимъ введеніемъ и общимъ обзоромъ строенія позвоночныхъ животныхъ, книга гг. Полежаева и Шимкевича со втораго выпуска (всѣхъ выпусковъ три) переходитъ къ разсмотрѣнію частныхъ группъ этого тома.

Общее введеніе составлено чрезвычайно тщательно и настолько законченно, что оно могло-бы быть напечатано отдѣльно, какъ введеніе въ изученіе позвоночныхъ. Объективность и безпристрастность, съ которою составили этотъ очеркъ, подобна объективности профессора Бобрецкаго и, несмотря на то, что одинъ изъ составителей—В. М. Шимкевичъ является лицомъ, разработавшимъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ—о происхожденіи позвоночныхъ, и предложившимъ по этому вопросу чрезвычайно интересныя личныя изслѣдованія, всѣмъ теоріямъ, всѣмъ взглядамъ дается мѣсто, и даже взгляды В. М. Шимкевича на сродство позвоночныхъ съ Enteropneusta печатаются особою выноской болѣе тѣснымъ шрифтомъ.

Изложеніе написано чрезвычайно живымъ и понятнымъ слогомъ, и такъ какъ изданіе сопровождается весьма большимъ количествомъ политипажей (529), то пользоваться имъ для учебныхъ цѣлей весьма удобно.

Спеціальныя часть кажется мнѣ нѣсколько обыденнѣе, нѣсколько менѣе оригинальною, чѣмъ общая часть. Быть-можетъ, это зависитъ отъ того, что политипажи для этой части заимствованы, преимущественно, изъ руководства Видерсгейма, что̀ придаетъ наружному виду изданія впечатлѣніе чего-то давно извѣстнаго и знакомаго.

Можно также пожелать при слѣдующемъ изданіи, которое,

несомнѣнно, скоро явится потребностью, нѣсколько бо̀льшаго мѣста систематикѣ позвоночныхъ, нежели то, которое удѣлено этому отдѣлу въ первомъ изданіи учебника Н. Н. Полежаева и В. М. Шимкевича.

Вообще, появленіе книги петербургскихъ профессоровъ можно привѣтствовать столь же радостно, какъ и появленіе „*Основъ зоологіи*“ профессора Бобрецкаго, и на мой взглядъ эти два учебника лучшіе изъ учебниковъ зоологіи, изданныхъ на русскомъ языкѣ.

Задача, избранная профессоромъ Томскаго университета Н. Ѳ. Кащенко, очень скромная. Онъ составилъ краткій, такъ-сказать, повторительный учебникъ зоологіи, которымъ могли бы пользоваться преимущественно медики.

Такъ какъ медикамъ всего важнѣе знать организацію позвоночныхъ, познаніе которой выясняетъ много частностей анатоміи человѣческаго тѣла, то Н. Ѳ. Кащенко посвятилъ имъ всего болѣе мѣста, а именно 10 листовъ изъ 26 листовъ текста. Конечно, въ предѣлахъ 26 печатныхъ листовъ, изъ которыхъ листовъ 8 приходятся на общіе вопросы, весьма трудно изложить хотя бы основанія зоологіи, но профессоръ Кащенко справляется отлично со своею задачей, излагая только такія данныя, которыя имѣютъ наиболѣе важное значеніе для обрисованія, выясненія типа той группы животныхъ, которую онъ описываетъ. Этимъ, а также группировкой систематическихъ признаковъ описываемыхъ группъ въ таблицы, профессоръ Кащенко выигрываетъ много мѣста и устраняетъ подробности часто совсѣмъ излишнія.

Къ недостаткамъ книги Н. Ѳ. Кащенко можно отнести, во-первыхъ, нѣсколько малое выясненіе медицинскаго значенія тѣхъ животныхъ, которыя имѣютъ значеніе для медицинской науки, во-вторыхъ, нѣкоторые тяжелые обороты рѣчи, конечно, зависящіе отъ пользованія нѣмецкими источниками и написанные подъ ихъ вліяніемъ.

Приложенныя къ учебнику тридцать литографическихъ таблицъ рисунковъ сдѣланы очень тщательно, хотя и схематично, и значительно помогаютъ пользованію учебникомъ, который является отличною книгой какъ для студентовъ-медиковъ, такъ и повторительнымъ курсомъ для естественниковъ.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы мы не указали еще

на два руководства, посвященныя двумъ спеціальнымъ отдѣламъ зоологіи—шелководству и энтомологіи.

Первое составлено и издано въ Москвѣ, въ 1891 году, по порученію г. министра Государственныхъ Имуществъ, профессоромъ Московскаго университета А. А. Тихомировымъ, второе, изданное лѣснымъ департаментомъ, составлено профессоромъ Лѣснаго Института Н. А. Холодковскимъ.

Оба эти изданія, помимо тѣхъ практическихъ цѣлей, которыя преслѣдовали ихъ составители, т.-е. изложенія основъ раціональнаго шелководства и ознакомленія своихъ читателей съ вредными и полезными насѣкомыми, содержатъ чрезвычайно много научнаго матеріала. Такъ, профессоръ Тихомировъ сообщилъ въ своей книгѣ много лично добытыхъ наблюденій надъ строеніемъ, физіологіей и развитіемъ шелковичнаго червя, а профессоръ Холодковскій, дающій интересныя новости относительно жизни нѣкоторыхъ червецовъ, кромѣ того, сообщаетъ много интересныхъ наблюденій надъ образомъ жизни насѣкомыхъ и надъ вліяніемъ среды на ихъ развитіе и видоизмѣненія.

Оба руководства изданы съ отличными рисунками и напечатаны хорошимъ литературнымъ языкомъ. Они составляютъ цѣнный вкладъ въ науку, и одно изъ нихъ—руководство профессора Тихомирова уже переводится въ Ліонѣ на французскій языкъ извѣстнымъ французскимъ шелководомъ Дю-Сюзо.

Н. Зографъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 78—81. Спб. 1892.

Императорское Историческое Общество съ необыкновенною энергіей продолжаетъ свою плодотворную дѣятельность. Съ конца прошлаго года вышло уже четыре тома, а весь Сборникъ составляетъ теперь цѣлую библіотеку въ 81 томъ, проливающую новый свѣтъ на нашу исторію прошлаго вѣка.

Одинъ изъ новыхъ томовъ (78-й) заключаетъ въ себѣ переписку извѣстнаго московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, письма къ нему гр. Киселева, Булгакова, кн. Меншикова и другихъ, интересныя для характеристики николаевскихъ временъ.

Въ двухъ другихъ напечатаны донесенія иностранныхъ дипломатовъ: депеши англійскихъ пословъ съ 1736—1739 г. (томъ 80-й) и французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна съ 1730—1733 г. (томъ 81-й). Донесенія Маньяна особенно интересны потому, что относятся къ тому времени, когда онъ велъ неудачные переговоры о союзѣ съ фельдмаршаломъ Минихомъ, окончившіеся разрывомъ съ Франціей. Кромѣ того, французскій дипломатъ говоритъ и о многихъ другихъ политическихъ обстоятельствахъ. Между прочимъ, о примиреніи Англіи съ Россіей, послѣдовавшемъ въ 1731 г. послѣ многолѣтнихъ натянутыхъ отношеній.

Всего важнѣе для историка томъ 79-й, заключающій протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта (январь—іюнь 1728 г.), засѣдавшаго въ царствованіе несовершеннолѣтняго Петра II. Это уже пятый томъ, посвященный дѣламъ верховнаго совѣта, и когда это капитальное изданіе будетъ закончено, мы будемъ имѣть совершенно новыя свѣдѣнія о борьбѣ партій во время Петра II, о стремленіяхъ верховниковъ, желавшихъ ограничить самодержавіе, и объ ихъ отношеніяхъ къ дворянству и другимъ сословіямъ.

Журналы Комитета Министровъ. Т. I. и II. Спб. 1891.

Въ новомъ изданіи, выходящемъ подъ редакціей статсъ-секретаря А. Н. Куломзина, напечатаны историческіе документы первостепенной важности: Журналы Комитета Министровъ за первыя десять лѣтъ его существованія съ 18[illegible]2—1812 г. Пользованіе сырымъ матеріаломъ значительно облегчено прекрасно составленнымъ историческимъ очеркомъ учрежденія Комитета Министровъ и измѣненія въ его организаціи, въ особенности же обозрѣніемъ главнѣйшихъ предметовъ обсужденія Комитета и подробными указателями.

Александръ I, какъ извѣстно, учредилъ министерства на мѣсто прежнихъ коллегій; вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ и Комитетъ Министровъ, который первоначально не имѣлъ правильной организаціи и опредѣленной компетенціи. Комитетъ не былъ особымъ государственнымъ учрежденіемъ, а только собраніемъ министровъ, учрежденнымъ для совѣщанія и личныхъ сношеній министровъ и для совмѣстнаго разсмотрѣнія и одобренія докладовъ, подлежавшихъ поднесенію государю по дѣламъ, разрѣшеніе которыхъ превышало власть отдѣльныхъ министровъ. Комитетъ Министровъ, говоря словами издателя его журналовъ, долженъ былъ явиться такимъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ новыя распоряженія или предположенія отдѣльныхъ министровъ, до представленія ихъ на Высочайшее утвержденіе, подвергались бы совокупному со стороны всѣхъ министровъ обсужденію, для достиженія полнаго по отношенію къ нему соглашенія всѣхъ вѣдомствъ, и который вмѣстѣ съ сѣмъ служилъ бы какъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами, путемъ единоличныхъ докладовъ, необходимаго единства въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства. Въ этомъ стремленіи къ установленію солидарности въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ отдѣльныхъ органовъ правительственной власти и къ централизаціи власти заключается вся сущность совершившагося въ то время административнаго переустройства; эти два начала, централизація власти и единство ея дѣйствія, должны считаться главнѣйшими основами вновь введенной системы министерскаго управленія. О томъ, насколько настоятельна была потребность осуществленія означенныхъ началъ, даетъ понятіе положеніе государственнаго управленія, предшествовавшаго учрежденію министерствъ: неопредѣленность

организаціи всѣхъ частей этого управленія, разнообразіе и смѣшеніе вѣдомствъ и отсутствіе какой бы то ни было іерархіи въ устройствѣ и компетенціи отдѣльныхъ учрежденій и должностей, а, слѣдовательно, и надлежащей отвѣтственности, составляли отличительныя черты помянутаго управленія. При вступленіи на престолъ Александра I Сенатъ представлялъ собою высшую инстанцію не только судебной, но и исполнительной власти. Чрезъ посредство генералъ-прокурора Сенатъ завѣдывалъ всѣми частями управленія: въ немъ сосредоточивались и дѣла финансовыя и коммерческія, и дѣла собственно административныя или полицейскія, и дѣла судебныя. Сенату подчинены были различныя коллегіи центральныя и мѣстныя, но взаимныя отношенія между ними не были опредѣлены. Нѣкоторыя коллегіи имѣли характеръ высшихъ самостоятельныхъ правительственныхъ учрежденій. Нерѣдко предсѣдатели коллегій путемъ единоличныхъ докладовъ государю разрѣшали важнѣйшіе вопросы управленія, и подобныя рѣшенія объявлялись Сенату высочайшими указами для исполненія.

Высочайшими повелѣніями 1802 г. министры были подчинены Сенату, которому присвоено было особенное значеніе: „власть Сената ограничивается единою властью Императорскаго Величества, иной же вышней власти онъ надъ собою не имѣетъ“. Но на практикѣ случилось иное; министры и составленный изъ нихъ комитетъ въ силу обстоятельствъ и довѣрія государя заняли первенствующее мѣсто въ ряду органовъ верховной власти, отодвинувъ фактически на второй планъ Сенатъ. Такое значеніе комитетъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ потому, что въ его засѣданіяхъ постоянно присутствовалъ самъ государь Александръ Павловичъ.

До 1812 г. не были въ точности опредѣлены предметы и предѣлы вѣдомства Комитета Министровъ, поэтому въ Комитетъ вносились безо всякаго разбора на ряду съ наиболѣе важными вопросами законодательнаго свойства, а также вопросами, относящимися до высшей административной, финансовой и даже иностранной политики и самыя мелкія дѣла, напримѣръ о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, объ увольненіи въ отпускъ чиновниковъ. Только въ 1812 году объявлено учрежденіе Комитета Министровъ и опредѣлена его компетенція.

По этому учрежденію разсмотрѣнію Комитета подлежали слѣдующія дѣла: 1) Изъ текущихъ дѣлъ по министерствамъ Комитету

представляются тѣ, по которымъ нужно общее соображеніе или содѣйствіе министерствъ, а также тѣ, въ разрѣшеніи и исполненіи которыхъ министръ встрѣтитъ сомнѣніе. 2) Комитету представляются всѣ дѣла, разрѣшеніе которыхъ превышаетъ предѣлы власти, ввѣренной въ особенности каждому министру и вообще всѣ тѣ, по которымъ министры въ назначенные дни обыкновенно докладываютъ государю. 3) Въ Комитетъ вносятся всѣ дѣла высшей полиціи, то-есть относящіяся до общаго спокойствія и безопасности, до народнаго продовольствія и по всякому чрезвычайному происшествію. 4) На разсмотрѣніе Комитета вносятся представленія министровъ о награжденіи чиновниковъ.

Изъ этого перечня видно, какой выдающійся интересъ представляютъ журналы Комитета Министровъ: мы укажемъ здѣсь на самые важные вопросы, обсуждавшіеся министрами Александровскаго времени.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка у насъ было много частныхъ пансіоновъ, содержавшихся иностранцами и не подвергавшихся правительственному контролю. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, желая упорядочить это дѣло, въ февралѣ 1811 года вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ, въ которомъ, указывая на вредъ, причиняемый образованію и нравственному воспитанію русскаго юношества многочисленными, не подчиненными никакому контролю, преподавателями и воспитателями изъ иностранцевъ, предлагая установить особыя, болѣе строгія правила относительно порядка открытія частными лицами пансіоновъ. Комитетъ одобрилъ предположеніе министра. Не довольствуясь этимъ, Разумовскій просилъ министра полиціи обратить особое вниманіе на проживающихъ во многихъ частныхъ домахъ иностранцевъ, которые, не бывъ нигдѣ испытаны въ знаніяхъ своихъ и не имѣя никакого узаконеннаго свидѣтельства о способностяхъ своихъ, берутъ на себя воспитаніе дѣтей, ни мало не заботясь о томъ, могутъ ли они надлежащимъ образомъ удовлетворить принимаемой на себя обязанности. Министръ полиціи предложилъ Комитету Министровъ обязать частныхъ преподавателей и воспитателей представлять особыя письменныя отъ училищныхъ начальствъ свидѣтельства о способностяхъ своихъ и познаніяхъ. Но Комитетъ нашелъ, что требованіе подобныхъ свидѣтельствъ оказалось бы мѣрой весьма стѣснительною, какъ для самихъ домашнихъ учителей, находящихся въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ университетовъ и гимназій, такъ и для родителей,

которые, нанимая или выписывая изъ-за границы учителя, ввѣряютъ имъ для воспитанія дѣтей своихъ, предпочитая нравственное ихъ образованіе ученію языкамъ и наукамъ. Комитетъ находилъ достаточнымъ „внушить родителямъ, чрезъ дворянскихъ предводителей, чтобъ они, для собственной пользы дѣтей своихъ, старались избирать въ наставники людей, которые бы съ правилами строгой нравственности соединяли и познанія, званію ихъ свойственныя“. Министръ народнаго просвѣщенія, не соглашаясь съ заключеніемъ Комитета, подалъ особое мнѣніе, въ которомъ объяснялъ: 1) что предлагаемая имъ мѣра только исполненіе издавна существующаго узаконенія, то-есть указа 1757 года, по которому надлежитъ всѣхъ находящихся въ партикулярныхъ домахъ иностранныхъ учителей въ ихъ наукахъ свительствовать и экзаменовать, а безъ такого свидѣтельства и аттестатовъ никому въ домахъ своихъ учителей не держать подъ опасеніемъ штрафа; 2) что нужно положить различіе между иностранными учителями и воспитателями: одни изъ нихъ уже находятся въ отечествѣ нашемъ, другихъ предполагается выписать. Для испытанія тѣхъ и другихъ нѣтъ никакихъ неудобствъ. Живущимъ въ городахъ слѣдуетъ только явиться къ мѣстному начальству училищному: находящіеся же по деревнямъ живутъ или близъ уѣздныхъ, или близъ губернскихъ городовъ и съѣздить туда не составляетъ большаго препятствія. Мнѣніе свое министръ народнаго просвѣщенія заключилъ тѣмъ, что онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ Комитета, ибо отъ послабленія иностранцамъ въ нравственности и познаніяхъ неминуемо произойдутъ вредныя слѣдствія, и хотя бы всѣ вышеприведенныя мѣры были притѣснительны, то и тогда бы они долженствовали быть наблюдаемы, ибо лучше поставить преграду злу, чѣмъ равнодушно взирать на пагубное его вліяніе. Не взирая на мнѣніе большинства, Александръ Павловичъ согласился съ министромъ народнаго просвѣщенія и повелѣлъ, „дабы въ разсужденіи не аттестованныхъ учителей возобновлено было дѣйствіе указа 1757 года съ тѣмъ, чтобы ни въ какой губерніи по прошествіи шести мѣсяцевъ съ полученія сего повелѣнія не было учителей, не имѣющихъ о способностяхъ и знаніяхъ своихъ свидѣтельствъ отъ россійскихъ учебныхъ заведеній, по прошествіи же шестимѣсячнаго срока съ держащими у себя учителей, не имѣющихъ упомянутыхъ свидѣтельствъ, поступать на основаніи означеннаго указа“.

Особенно важны мѣропріятія, принимавшіяся Комитетомъ

Министровъ въ области государственнаго хозяйства и народной промышленности. Въ 1810 г. случился неурожай на сѣверѣ, въ губерніяхъ Архангельской и Вологодской. Вслѣдствіе донесенія Архангельскаго военнаго губернатора, что по неурожаю въ его губерніи жители угрожаются недостаткомъ въ продовольствіи, послѣдовало высочайшее повелѣніе остановить изъ назначеннаго къ заграничному отпуску хлѣба 100 тысячъ четвертей. Губернаторъ сообщилъ, что 100 тысячъ четвертей ржи и муки онъ остановилъ, что купцы не понесутъ отъ этого никакого убытка, что нѣкоторые изъ нихъ согласились даже обратить еще до 60.000 четвертей на внутреннее продовольствіе, и что жители, имѣющіе деньги на покупку хлѣба, не могутъ остаться безъ пропитанія. Комитетъ, признавая принятыя Архангельскимъ губернаторомъ мѣры къ продовольствію жителей достаточными, нашелъ, что за симъ не можно опасаться никакихъ отъ неурожая послѣдствій.

Но чрезъ мѣсяцъ послѣ этого 20 ноября министръ полиціи (съ учрежденія въ 1810 г. министерства полиціи, завѣдываніе дѣлами по народному продовольствію перешло изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство полиціи) доложилъ Комитету донесеніе архангельскаго губернскаго прокурора. Оказывалось, что продовольствіе жителей нисколько необезпечено, что въ Мезенскомъ уѣздѣ происходитъ грабительство хлѣба у проѣзжающихъ, а въ самомъ городѣ воровства и убійства, что Кемскаго уѣзда четыре волости и погосты, по неимѣнію вовсе хлѣба, питаются сосновою корой, смѣшанною съ соломой и рыбой, что жители Мезенскаго, Пинѣгскаго и Онегскаго уѣздовъ, также не имѣя ни хлѣба, ни денегъ, находятся въ совершенной крайности и просятъ пособія хлѣбомъ или деньгами и сѣмянъ для будущаго посѣва. По вычисленію прокурора, треть жителей, т.-е. 23.232 души, нуждались въ пособіи отъ правительства, на продовольствіе ихъ до будущаго урожая требовалось 185 856 пудовъ ржи или по тогдашней цѣнѣ (1 р. 10 коп. за пудъ) 204.441 руб. и на перевозку хлѣба по уѣздамъ 55.547 руб., а для засѣва полей необходимо закупить 15 тысячъ четвертей ячменныхъ сѣмянъ, такъ какъ на сѣверѣ издавна воздѣлывали преимущественно ячмень. Въ заключеніе своего донесенія прокуроръ, удостовѣряя совершенную необходимость ассигновать помянутую сумму, дабы избавить жителей отъ неминуемаго голода, испрашивалъ на то скорѣйшаго разрѣшенія. Комитетъ, усматривая

изъ донесенія Архангельскаго военнаго губернатора, что въ хлѣбѣ недостатка нѣтъ, а есть только недостатокъ въ деньгахъ, разсуждалъ, что можно было бы послать къ нему нѣкоторую сумму въ его распоряженіе. Но такъ какъ Комитетъ находилъ въ представленіяхъ его совершенныя противорѣчія, онъ командировалъ генерала Ильина и, давъ ему 50 тысячъ рублей, поручилъ, чтобъ онъ помимо военнаго губернатора вошелъ съ гражданскимъ губернаторомъ въ разсмотрѣніе истиннаго положенія дѣла и по соображеніи на мѣстѣ обстоятельствъ учинилъ общее съ нимъ надлежащее распоряженіе къ обезпеченію народнаго продовольствія, и ежели найдется, что гдѣ-либо поселяне дѣйствительно нуждаются и по крайней бѣдности помощи заслуживаютъ, то изъ упомянутой суммы сдѣлалъ бы благоразумное на то употребленіе съ должною осмотрительностію и бережливостью.

Когда Ильинъ пріѣхалъ на мѣсто, онъ сейчасъ же убѣдился, что выданныхъ ему денегъ недостаточно для продовольствія одного уѣзда. Въ Мезенскомъ уѣздѣ онъ нашелъ 7.089 душъ обоего пола, нуждавшихся въ пособіи; имъ требовалось на пропитаніе 27.309 пудовъ ржи (на сумму 30.040 руб.), да на засѣвъ полей 1.091 четверть ячменю (на сумму 32.730 руб.), не считая перевозки: кромѣ того, бѣднымъ мѣщанамъ города Мезени надо было выдать хлѣба на 2.700 рублей, что въ общемъ составляло болѣе 65 тысячъ рублей. Поэтому Ильинъ ходатайствовалъ объ отпускѣ ему еще 50 тысячъ рублей, и ходатайство его было уважено въ засѣданіи 15 февраля. Такимъ образомъ, пострадавшей отъ неурожая Архангельской губерніи была отпущена только треть нужной ей суммы.

Далѣе, Ильинъ не нашелъ того хлѣба, который долженъ былъ быть налицо въ Архангельской губерніи, 100 тысячъ четвертей не выпущенныхъ за границу и 60 тысячъ, которыя купцы обѣщали продать на мѣстѣ. Ильинъ потребовалъ у военнаго губернатора свѣдѣнія, у кого именно изъ купечества оставлено 160 тысячъ четвертей хлѣба и получилъ на это отвѣтъ, что не 160.000, а только 100.000 дѣйствительно оставлены, но у кого именно, того онъ не имѣлъ надобности различать: купечество же объявило, что оно о семъ остановленіи хлѣба не знаетъ, а налицо у себя имѣетъ только 19.885 четвертей, куда же прочій израсходованъ, неизвѣстно. Гражданскій губернаторъ на вопросъ о 60.000 четвертей, назначенныхъ купечествомъ для вольной продажи по 1 рублю 10 копѣекъ за пудъ, кому именно

онѣ проданы, отозвался, что сіе дѣлалось подъ распоряженіемъ военнаго губернатора, а сей отвѣчалъ, что представлено было волѣ купечества, купечество же хотя и представило свои записки, по которымъ выводитъ всю проданную пропорцію, то Ильинъ замѣтилъ во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ не что̀ иное, какъ перепродажу изъ рукъ въ руки, а на продажу для народнаго продовольствія обращена весьма малая часть, и то не по 1 рублю 10 копѣекъ, а дороже. Изъ донесенія Ильина и изъ всѣхъ прежде доходившихъ свѣдѣній о недостаткѣ въ продовольствіи жителей Архангельской губерніи Комитетъ Министровъ усмотрѣлъ, что всѣ безпорядки произошли отъ весьма слабаго управленія тамошняго военнаго губернатора фон-Дезина, вслѣдствіе чего онъ былъ смѣщенъ.

19 октября 1810 года въ Комитетѣ читали донесеніе Вологодскаго губернатора Воейкова о неурожаѣ въ той губерніи. Министры не приняли никакихъ мѣропріятій, такъ какъ Воейковъ оставилъ уже свою должность и рѣшено было, что необходимы соображенія новаго начальника губерніи. Въ засѣданіи 25 января было сообщено донесеніе Вологодскаго вице-губернатора, что крестьяне Яренскаго уѣзда въ количествѣ 11.899 душъ мужскаго пола терпятъ крайнюю нужду въ пропитаніи, что хотя самымъ бѣднымъ отпущено изъ сельскихъ магазиновъ 1.000 четвертей, но затѣмъ остается налицо только 450 четвертей, которыя вскорѣ будутъ розданы, такъ что не только на посѣвъ, но и на пропитаніе крестьянъ не предвидится средствъ къ снабженію ихъ хлѣбомъ, что 1.958 душъ крестьянъ Сольвычегодскаго уѣзда находятся по неурожаю хлѣба въ такомъ же положеніи. Поэтому новый губернаторъ Бартъ, не выѣхавшій еще въ свою губернію, просилъ, чтобы въ его распоряженіе выдано было 100 тысячъ рублей. Комитетъ однако не счелъ нужнымъ уважить его просьбу и ограничился тѣмъ, что отправилъ скорѣе вновь назначеннаго губернатора и препоручилъ ему, войдя на мѣстѣ въ ближайшее разсмотрѣніе помянутыхъ обстоятельствъ, представилъ бы, нужно ли дѣйствительно оказать крестьянамъ помощь и какая на то потребна сумма.

Слѣдовательно, помощь голодающимъ была отложена до весны, и была ли она оказана, изъ журналовъ Комитета не видно. За то изъ донесенія Вологодскаго губернатора узнаемъ отрадные факты, что на помощь народу пришло дворянство. Оно пожертвовало около 5 тысячъ четвертей ржи и 2.240 рублей; купечество

со своей стороны внесло въ пользу голодающихъ болѣе 8 тысячъ рублей.

На слѣдующій годъ былъ болѣе серьезный неурожай, поразившій Бѣлорусскій край, губерніи Полтавскую, Воронежскую, Пензенскую, Курскую, Орловскую, Саратовскую, Нижегородскую, Кавказъ и Сибирь. Въ іюлѣ Полтавскій губернаторъ донесъ Министерству Полиціи, что отъ продолжавшейся чрезъ цѣлое лѣто засухи нельзя ожидать обильной жатвы, что отъ сего чрезвычайно возвысились цѣны на рожь и ржаную муку и что онъ для благовременнаго обезпеченія продовольствія жителей вошелъ въ сношенія съ сосѣдними губернаторами, нельзя ли будетъ у нихъ купить нужное количество хлѣба; въ то же время онъ испрашивалъ позволенія выдать крестьянамъ весь хлѣбъ, имѣющійся въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ. Въ отвѣтъ на это Министерство Полиціи предписало губернатору, что ежели онъ предвидитъ совершенный неурожай, въ такомъ случаѣ раньше чѣмъ приступать къ выдачѣ хлѣба изъ магазиновъ, узналъ бы достовѣрнѣйшимъ образомъ, въ какихъ именно селеніяхъ неурожай и до какой степени оный будетъ простираться и потомъ обязать помѣщиковъ подписками, дабы они заблаговременно приняли мѣры къ доставленію крестьянамъ ихъ пропитанія. Губернаторъ донесъ вторично, что закупить хлѣбъ въ сосѣднихъ губерніяхъ нельзя, потому что тамъ тоже неурожай, что въ Лебедянскомъ уѣздѣ жители по совершенному недостатку въ хлѣбѣ употребляютъ для пропитанія своего мякину, лебеду, дубовый листъ и жолуди, Губернаторъ просилъ, чтобы для попиженія возвысившихся цѣнъ на хлѣбъ запрещенъ былъ выпускъ хлѣба изъ Тамбовской губерніи. Въ заключеніе онъ писалъ, что если въ Лебедянскомъ уѣздѣ окажется крайнее оскудѣніе или необходимость употребить въ пищу древесные листы и жолуди, то не позволено ли будетъ какъ сего уѣзда крестьянамъ, такъ и другимъ выдать изъ сельскихъ магазиновъ весь хлѣбъ безъ остатка. Въ засѣданіи 22 ноября Комитетъ Министровъ разрѣшилъ наконецъ Тамбовскому губернатору выдать крестьянамъ изъ запасныхъ магазиновъ весь хлѣбъ, если будетъ въ томъ крайняя нужда; запрещеніе же выпуска хлѣба изъ губерніи признанъ весьма стѣснительнымъ для внутренней торговли. Въ началѣ 1812 года губернаторъ донесъ, что имъ посланы въ Лебедянскій уѣздъ три чиновника, которые при первоначальномъ обслѣдованіи, открывъ нуждающихся 5.348 душъ, выдали имъ изъ

сельскихъ магазиновъ до 823 четвертей для продовольствія на мѣсяцъ, за каковою выдачей осталось еще въ магазинахъ хлѣба до 6.104 четвертей; что послѣ сего они входятъ въ подробное обозрѣніе положенія казенныхъ крестьянъ и нашли, что многія семейства могутъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ или покупаемымъ съ торговъ, а другіе имѣютъ онаго на мѣсяцъ, на два, на три и далѣе, но по прошествіи оныхъ и сіи будутъ имѣть необходимость въ пособіи, каковыхъ оказалось 14.449 душъ; по исчисленію означенныхъ чиновниковъ нужно имѣть для продовольствія до новой жатвы къ имѣющимся нынѣ въ магазинахъ 6.104 четвертямъ хлѣба, еще 14.354 четверти; къ сему отъ добровольныхъ пожертвованій получено 86 четвертей, да отъ избыточествующихъ поселянъ поступитъ забраннаго прежде изъ сельскихъ магазиновъ хлѣба до 1.500 четвертей. Такимъ образомъ, на продовольствіе наиболѣе пострадавшаго Лебедянскаго уѣзда не хватало приблизительно 13 тысячъ четвертей, и губернаторъ предлагалъ заимствовать хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ сосѣднихъ уѣздовъ. Комитетъ Министровъ однако не далъ на это разрѣшенія и возложилъ на губернатора неисполнимое порученіе— принять надлежащія мѣры къ обезпеченію Лебедянскихъ крестьянъ изъ собственныхъ магазиновъ.

Воронежскій губернаторъ доносилъ, что въ его губерніи недостаетъ для продовольствія жителей болѣе 432 тысячъ четвертей, что цѣна на хлѣбъ возвысилась съ 8 до 14 рублей; но Комитетъ не принялъ никакихъ мѣръ для обезпеченія Воронежской губерніи.

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая замедлялась, потому что на выдачу хлѣба изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ, заведенныхъ Екатериной II, требовалось разрѣшеніе изъ Петербурга. Въ царствованіе Павла I выдача изъ магазиновъ производилась съ дозволенія гражданскихъ губернаторовъ. Но въ царствованіе Александра по указу Сената губернаторы обязаны были испрашивать разрѣшеніе у министра полиціи въ случаѣ необыкновенныхъ и въ большомъ количествѣ требованій взаймы хлѣба отъ крестьянъ цѣлыхъ уѣздовъ или губерніи. Нѣкоторые губернаторы поняли указъ въ томъ смыслѣ, что всякая выдача, хотя бы и самая маленькая, должна быть разрѣшаема министерствомъ, входили о томъ съ представленіями, причемъ заявили, что если о каждой малозначущей выдачѣ испрашивать разрѣшенія, то крестьяне могутъ нуждаться въ пропитаніи и потерять удобное

время къ засѣву полей. Комитетъ вынужденъ былъ разъяснить, что разрѣшеніе министерства требуется только тогда, когда ссуда выдается цѣлой волости или уѣзду.

Комитетъ Министровъ очень неохотно прибѣгалъ къ стѣсненію хлѣбной торговли и даже въ неурожайные годы старался обойтись безъ этой стѣснительной мѣры. Въ началѣ 1810 г. по случаю войны Россіи съ Турціей послѣдовало запрещеніе вывоза нашего хлѣба изъ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ „въ намѣреніи увеличить дороговизну и недостатокъ онаго въ Царьградѣ". Эта мѣра однако не дала ожидаемаго результата, и въ октябрѣ того же года министръ финансовъ довелъ до свѣдѣнія Комитета, что по отзыву герцога Ришелье, херсонскаго военнаго губернатора, помянутое запрещеніе не имѣло ожидаемаго успѣха и что цѣны на хлѣбъ послѣ кратковременной дороговизны сдѣлались тамъ весьма умѣренными по причинѣ привоза хлѣба какъ изъ разныхъ турецкихъ провинцій, такъ и изъ Сициліи. Видя, что запрещеніе крайне вредно для Черноморскихъ губерній, гдѣ скопились значительные запасы пшеницы, Ришелье ходатайствовалъ о снятіи запрещенія. Министръ финансовъ со своей стороны замѣчалъ, что невозможно надѣяться произвести чувствительный недостатокъ хлѣба, или самаго голода въ такомъ городѣ, который, окруженъ будучи морями и находясь въ союзѣ съ державой, властвующею на оныхъ, можетъ удобно запасаться хлѣбомъ изъ ближнихъ и отдаленныхъ мѣстъ. Указывая на то, что изъ южныхъ портовъ вывозится хлѣба болѣе чѣмъ на милліонъ рублей въ годъ, министръ финансовъ пришелъ къ заключенію, что одно скорѣйшее разрѣшеніе на выпускъ хлѣба изъ Черноморскихъ портовъ можетъ отвратить ощутительный вредъ, запрещеніемъ наносимый. Мнѣніе министра финансовъ оспаривали государственный канцлеръ и военный министръ; они полагали, что выпуска хлѣба не слѣдуетъ разрѣшать по слѣдующимъ причинамъ: 1) хотя послѣ бывшаго въ Царьградѣ недостатка въ хлѣбѣ и снабдился онъ, но достовѣрныя свѣдѣнія доказываютъ, что турецкое правительство не совсѣмъ обезпечено, слѣдовательно, выпускъ нашего хлѣба послужилъ бы пособіемъ непріязненной намъ державѣ и даже на продовольствіе войскамъ оной противъ насъ дѣйствующимъ; 2) Англичане не могутъ снабдить Царьградъ хлѣбомъ; 3) хотя бы запрещеніе выпуска хлѣба и дѣйствительно сопряжено было съ нѣкоторымъ собственнымъ стѣсненіемъ, но общая государственная польза требуетъ сего пожерт-

вованія военнымъ обстоятельствамъ. На основаніи этихъ политическихъ соображеній государь не разрѣшилъ выпуска хлѣба, хотя мнѣнія министровъ раздѣлились поровну и на сторонѣ министра финансовъ были очень вѣскіе аргументы.

Запрещеніе вывоза хлѣба постановлялось обыкновенно по политическимъ соображеніямъ и часто только по отношенію къ враждебнымъ державамъ. Такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1812 г. министръ финансовъ представлялъ, что вышедшіе весной изъ Либавы два датскіе и одинъ любекскій корабли съ хлѣбомъ захвачены въ морѣ французскими каперами и отведены въ Данцигъ и что остающіеся въ Либавѣ въ значительномъ количествѣ купеческіе корабли, нагрузившіеся хлѣбомъ, опасаются выходить изъ порта, чтобы не подвергнуться той же участи. Въ виду этого состоялось временное пріостановленіе выпуска судовъ съ хлѣбомъ изъ портовъ Балтійскаго моря. Но въ то же время шведскому правительству оказано особенное снисхожденіе и разрѣшено закупать хлѣбъ въ Россіи и вывозить его изо всѣхъ портовъ.

Точно также Комитетъ Министровъ неохотно возвышалъ таможенныя пошлины на иностранные товары, о чемъ иногда хлопотали купцы. Въ засѣданіи 3 апрѣля 1812 г. управляющій дѣлами Комитета читалъ записку о нашей бумаго-прядильной промышленности. „Высокія цѣны, говорилъ онъ, по которымъ продавалась пряденая хлопчатая бумага при маломъ въ теченіе двухъ лѣтъ привозѣ иностранной, наклонили частныхъ людей завести механическія прядильныя фабрики, коихъ въ одной Москвѣ имѣется до 14. Оказывается, что почти половина всего годоваго расхода пряжи въ Россіи выдѣлывается уже внутри государства, и полагать должно, что еслибы цѣны остались въ нѣсколько выгодномъ для фабрикантовъ положеніи, сего рода заведенія до того бы умножились и распространились, что со временемъ бы вовсе безъ иностранной пряжи обойтись возможно было. Но знатное количество иностранной пряжи, привезенное въ теченіе прошлаго лѣта, и ожидаемый еще обильнѣйшій привозъ сего товара произвели уже пониженіе цѣны на 50 процентовъ, а дальнѣйшее пониженіе, удаляя всякую прибыль, какую бы фабриканты отъ сего производства по справедливости получить могли, должно отвратить ихъ отъ продолженія и вновь заведенія онаго и уничтожить сію едва возникающую вѣтвь народной промышленности, а тѣмъ частнымъ людямъ, которые употребили уже на то знатное иждивеніе, нанести чувствительный ударъ. Для

отвращенія сихъ пагубныхъ для прядильныхъ фабрикъ послѣдствій нѣтъ другаго способа, какъ удержавъ иностранную пряжу посредствомъ соразмѣрной пошлины въ такой цѣнѣ, чтобы выдѣлываемая въ Россіи могла продаваться съ выгодой. Нынѣшняя пошлина по 5 руб. 20 коп. съ пуда въ сравненіи съ цѣной пряжи столь маловажна, что почти никакого дѣйствія на оную произвести не можетъ. По всѣмъ соображеніямъ необходимо нужно, да и можно безъ вреда, возвысить пошлину до 20 руб. съ пуда пряденой хлопчатой бумаги. Если по всѣмъ симъ побужденіемъ правительство почитаетъ полезнымъ покровительствовать прядильнымъ фабрикамъ, существующія избавить отъ разоренія и тѣмъ поощрить къ распространенію сіи отрасли промышленности; если предвидятся обстоятельства, могущія служить къ усиленію привоза иностранной пряжи, и если заблагоразсуждено будетъ наложить на оную пошлину по 20 руб. за пудъ, то кажется необходимо принять сію мѣру заблаговременно прежде наступленія таковыхъ обстоятельствъ.“ Комитетъ Министровъ не согласился съ этими доводами и счелъ неудобнымъ возвышать пошлину на пряжу.

Комитету Министровъ приходилось разрѣшать разные финансовые вопросы, придумывать мѣры, какъ бы устранить замѣчавшійся всюду недостатокъ въ мѣдной монетѣ, выдавать привилегіи на изобрѣтенія, утверждать промышленныя компаніи. Въ 1811 и 1812 г. были учреждены у насъ два страховыя общества. Въ октябрѣ 1811 г. министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ Комитетъ выработанный Ѳеодосійскимъ градоначальникомъ проектъ учредившагося въ Ѳеодосіи страховаго общества по торговлѣ и мореплаванію на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Главнѣйшія начала, на которыхъ предполагалось образовать упомянутую компанію, изложены въ журналѣ Комитета такъ: 1) капиталъ компаніи составлять будутъ 100 акцій, каждая въ 1.000 рублей, каждый участникъ вноситъ начально только 10%, а остальные собираться будутъ по мѣрѣ потребности; 2) по подпискѣ на 50 акцій общество считаться будетъ полнымъ и воспріиметъ начало своихъ дѣйствій; 3) прибытки первыхъ двухъ или трехъ годовъ по усмотрѣнію присоединятся къ капиталу для удаленія новыхъ взносовъ отъ участниковъ; 4) полное управленіе всѣми дѣлами компаніи предоставится тремъ директорамъ, общимъ выборомъ назначеннымъ, перемѣняя ихъ или подтверждая вновь чрезъ каждые три года; 5) за управленіе сихъ директоровъ

назначается имъ въ награду 10% съ ежегодныхъ прибылей; 6) компанія не будетъ застраховывать ни одного судна болѣе 8.000 руб. и то только въ плаваніи по Черному и Азовскому морямъ; 7) споры компаніи съ застраховывающими разбираться должны третейскимъ судомъ; 8) компанія время продолженія своего назначаетъ 10 лѣтъ.

Въ 1812 г. было утверждено греко-россійское страховое общество въ Одессѣ съ капиталомъ въ 250.000 руб., раздѣленнымъ на 250 акцій. Въ уставѣ этого общества значилось между прочимъ: доколѣ общество сіе состоять будетъ изъ 250 участниковъ, застрахованіе опредѣляется не болѣе какъ 10.000 руб. до Константинополя, 6.000 руб. по Средиземному морю и 4.000 руб. до Лиссабона.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. Безобразовъ.

Неурожай и народное бѣдствіе. С.-Петербургъ, 1892. Стр. 270. Цѣна 2 рубля.

Въ теченіе минувшаго года появилось не мало изслѣдованій, занимающихся разработкой вопроса о причинахъ неурожая и предлагающихъ различныя мѣры для улучшенія экономическаго положенія сельскаго населенія. Ни одно изъ этихъ изслѣдованій не отличается такою полнотой и законченностью, такимъ всесторонним выясненіемъ вопроса какъ указанная выше книга компетентнаго автора, заслужившаго почетную извѣстность въ русской сельскохозяйственной литературѣ. Несмотря на спѣшность работы, здѣсь нѣтъ случайныхъ сужденій, предвзятыхъ выводовъ, нѣтъ нагроможденія матеріала. Предъ читателемъ постепенно развертывается картина постигшаго Россію бѣдствія и соотвѣтственно этому, въ стройной системѣ рекомендуется рядъ мѣръ для предотвращенія подобныхъ невзгодъ въ будущемъ. Авторъ съ большою ловкостью распоряжается собраннымъ имъ громаднымъ статистическимъ и экономическимъ матеріаломъ и предлагаетъ его въ формѣ легкаго общедоступнаго изложенія, что̀ придаетъ особенно важное значеніе его книгѣ, которая „продается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая“, слѣдовательно предназначается не для однихъ только спеціалистовъ, но для всей читающей публики.

Авторъ съ полною основательностью доказываетъ необходимость всесторонняго агрономическаго и экономическаго изслѣдованія условій русскаго земледѣлія. При этомъ онъ замѣчаетъ, что его трудъ представляетъ „только опытъ, или вѣрнѣе *программу* такого двойственнаго изслѣдованія, которое по обширности и многосложности своей, конечно, не подъ силу отдѣльному лицу“. Но, прочитавъ книгу *Неурожай и народное бѣдствіе*, приходится убѣдиться, что иногда отдѣльное лицо болѣе выясняетъ положеніе дѣла нежели засѣдавшія по нѣскольку лѣтъ

спеціальныя коммиссіи. Во всякомъ случаѣ въ каждомъ дѣлѣ всего важнѣе починъ, правильная постановка и освѣщеніе вопроса, что̀ вполнѣ достигнуто компетентнымъ авторомъ разсматриваемой нами книги.

Сообразно намѣченному авторомъ двойственному изслѣдованію, его книга дѣлится на двѣ части: въ первой разрабатывается вопросъ о мѣрахъ „къ улучшенію естественныхъ условій русскаго земледѣлія и устраненію самой возможности повторенія повальныхъ неурожаевъ“, во второй излагаются мѣры „къ улучшенію экономическаго положенія населенія, къ укрѣпленію его матеріальныхъ силъ для борьбы съ невзгодой“.

Изслѣдуя въ первой части физическія условія русскаго земледѣлія, авторъ приходитъ къ такимъ выводамъ, предлагая осуществленіе слѣдующихъ мѣръ:

1) Организовать и поставить на твердыхъ и широкихъ началахъ изслѣдованіе метеорологическихъ условій русскаго земледѣлія и, въ частности, выяснить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли и въ какой мѣрѣ климатъ Европейской Россіи въ послѣдніе годы измѣнился, въ какомъ направленіи и отчего это измѣненіе зависѣло, а также должно ли оно считаться постояннымъ или періодическимъ; составляетъ ли замѣчаемое измѣненіе климата въ Россіи результатъ явленій міровыхъ космическихъ, или же послѣдствіе причинъ чисто мѣстныхъ, зависящихъ отъ дѣятельности человѣка.

2) Выработать программу наблюденій для метеорологическихъ станцій въ Россіи, включивъ въ нее всѣ вопросы, имѣющіе значеніе для сельскаго хозяина; опредѣлить число и пункты метеорологическихъ станцій въ разныхъ частяхъ Имперіи; установить болѣе удобные для сельскихъ хозяевъ и другихъ заинтересованныхъ лицъ формы и сроки опубликованія регистрируемыхъ наблюденій, а также ихъ сопоставленіе изъ года въ годъ, для возможнаго установленія связи между урожаемъ и тѣми или другими метеорологическими явленіями въ различные годы и въ различные періоды жизни растеній.

3) Собрать матеріалы по вопросу о причинахъ и размѣрахъ неурожаевъ въ прежнее время, сопоставить ихъ съ данными за настоящее время и выяснить этимъ путемъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ метеорологическія условія 1891 года могутъ быть признаны исключительными и небывалыми, а также насколько возможно ожидать ихъ повторенія.

4) Изслѣдовать вопросъ объ обмелѣніи главнѣйшихъ судоходныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Выработать планы расчистки и охраненія этихъ источниковъ, а также изслѣдовать вопросъ о возможности увеличенія ихъ дебита и задержанія запаса весенней воды въ верховьяхъ рѣкъ, устройствомъ водохранилищъ, сооруженіемъ особыхъ шлюзовъ и т. п. Выяснить вопросъ о вліяніи осушенія болотъ на количество воды въ рѣкахъ Днѣпровскаго бассейна и о томъ, вообще, какое вліяніе можетъ производить осушеніе болотъ на измѣненіе климата окружающей ихъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Собрать подробныя свѣдѣнія о тѣхъ лѣсонасажденіяхъ по теченію и въ верховьяхъ рѣкъ, которыя должны быть признаны защитными и войти въ обсужденіе вопроса о наилучшихъ способахъ охраненія тѣхъ лѣсовъ, которые имѣютъ наиболѣе важное въ этомъ отношеніи значеніе. Собрать свѣдѣнія о томъ, не требуется ли распространеніе лѣсоохранительнаго закона на нѣкоторыя изъ тѣхъ губерній, гдѣ онъ нынѣ еще не имѣетъ въ полномъ своемъ объемѣ примѣненія. При этомъ необходимо обратить вниманіе не только на абсолютное богатство лѣсомъ данной губерніи, но и на то значеніе, которое она имѣетъ съ точки зрѣнія гидрографіи страны.

5) Привести въ извѣстность все сдѣланное въ Россіи, какъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, такъ равно и частными лицами, по части лѣсоразведенія. Проектировать мѣры для постановки этого дѣла въ будущемъ на самыхъ широкихъ началахъ. Выработать планъ наиболѣе неотложныхъ работъ по лѣсоразведенію или возобновленію лѣса на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отсутствіе или уничтоженіе лѣса дѣйствуетъ всего губительнѣе,— въ верховьяхъ или по теченію рѣкъ, въ мѣстахъ распространенія сыпучихъ песковъ и овраговъ, и т. п. Разработать вопросъ о тѣхъ формахъ лѣсонасажденій, которыя могутъ оказать полезное вліяніе съ точки зрѣнія удержанія снѣга на поляхъ и увеличенія влажности въ почвѣ. Войти въ обсужденіе, съ юридической и практической стороны, вопроса о томъ, въ какой степени лѣсоразведеніе можетъ быть сдѣлано въ извѣстныхъ предѣлахъ обязательнымъ для частныхъ землевладѣльцевъ. Выяснить въ какой мѣрѣ возможно было бы сдѣлать обязательною посадку деревьевъ въ предѣлахъ усадебной осѣдлости крестьянъ (что имѣло бы существенное значеніе и съ точки зрѣнія предупрежденія пожаровъ) по берегамъ рѣкъ и прудовъ и т. п., а

также какія правила должны быть установлены для охраненія посаженныхъ деревьевъ отъ злоумышленнаго истребленія.

6) Привести въ извѣстность тѣ мѣста въ предѣлахъ Россійской Имперіи, гдѣ по преимуществу замѣчаются заносы плодородной почвы сыпучими песками. Опредѣлить причины, направленіе и предѣлы распространенія этихъ песковъ; выработать планъ работъ для возможнаго укрѣпленія песковъ и защиты отъ нихъ окружающей мѣстности.

7) Выяснить условія образованія и распространенія степныхъ балокъ и овраговъ, съ цѣлью изысканія мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ, отъ котораго во многихъ мѣстахъ Россіи ежегодно уменьшается площадь производительныхъ земель и въ то же время размываемою въ весеннее половодье землей заносятся рѣки и озера, что̀ составляетъ одну изъ причинъ ихъ обмелѣнія.

8) Выяснить вопросъ о томъ, составляетъ ли пониженіе уровня грунтовыхъ водъ слѣдствіе или причину засухъ и какими мѣрами возможно было бы предупредить это крайне опасное для земледѣлія явленіе. Разработать вопросъ о наилучшихъ пріемахъ обработки земли, при которыхъ возможно сохранить въ почвѣ наибольшій запасъ влаги и тѣмъ предохранить почву отъ высыханія какъ съ поверхности, такъ и въ глубинѣ.

9) Собрать свѣдѣнія о томъ, что̀ было сдѣлано у насъ по части изысканія водныхъ источниковъ, устройства артезіанскихъ колодцевъ и т. п. Выработать планъ подобныхъ работъ въ будущемъ. Выяснить вопросъ о возможности устройства запрудъ для задержанія весенней снѣговой воды и образованія болѣе или менѣе обширныхъ водоемовъ въ степныхъ балкахъ и низинахъ, съ обсадкой ихъ береговъ деревьями и т. п.

10) Разработать вопросъ о возможно широкомъ у насъ производствѣ обводнительныхъ работъ, подвести итоги тому, что̀ уже было сдѣлано въ Россіи по этой части, выяснить причины оказавшихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ неудачъ, сравнить между собою различныя системы орошенія, примѣняемыя въ Россіи и за границей, выработать планъ ирригаціонныхъ работъ въ будущемъ на земляхъ какъ казенныхъ и удѣльныхъ, такъ и частновладѣльческихъ, при самомъ широкомъ въ послѣднемъ случаѣ участіи и содѣйствіи правительства, съ изданіемъ въ то же время закона о пользованіи водами, въ которомъ давно ощущается самая насущная потребность.

11) Выяснить географическіе предѣлы возможнаго распро-

страненія различныхъ культурныхъ растеній и ихъ сортовъ, въ связи съ почвенными и климатическими условіями.

12) Собрать свѣдѣнія о наиболѣе выносливыхъ къ засухѣ и морозамъ сортахъ и разновидностяхъ воздѣлываемыхъ въ Россіи растеній и о тѣхъ культурныхъ пріемахъ, при посредствѣ коихъ могутъ быть улучшены сорта туземныхъ растеній, а также увеличена и обезпечена ихъ урожайность; выработать планъ опытовъ по культурѣ и акклиматизаціи различныхъ растеній на фермахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и при другихъ подвѣдомственныхъ ему заведеніяхъ, а также на земляхъ Удѣльнаго вѣдомства и въ частныхъ хозяйствахъ.

13) Выяснить вопросъ о мѣрахъ къ распространенію у насъ, на ряду съ земледѣліемъ, другихъ отраслей сельскаго хозяйства, которыя могутъ доставить населенію потребный ему запасъ продовольственныхъ средствъ, въ особенности на случай неурожая полевыхъ растеній.

14) Разработать вопросъ о необходимости учрежденія въ Россіи сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій, о наилучшей системѣ организаціи этихъ станцій, взаимной ихъ между собою связи и т. п. Войти въ соображеніе вопроса о томъ, не настоитъ ли надобность въ учрежденіи цѣлой сѣти такихъ станцій, на подобіе существующихъ въ Америкѣ, съ центральнымъ органомъ во главѣ, направляющимъ и объединяющимъ ихъ дѣятельность.

15) Составить нынѣ же планъ обширныхъ государственныхъ работъ по лѣсоразведенію и орошенію, начиная съ мѣстностей, наиболѣе нуждающихся по своимъ климатическимъ условіямъ въ такого рода меліораціи; выяснить, не должно ли проектируемое нынѣ учрежденіе меліоративнаго кредита быть прежде всего направлено на содѣйствіе частнымъ лицамъ при производствѣ такихъ работъ, на ряду и въ связи съ государственными.

16) Обсудить вопросъ объ осуществимости нѣкоторыхъ болѣе грандіозныхъ предпріятій для улучшенія климатическихъ условій юга Россіи,—поднятіемъ уровня Каспійскаго моря, обводненіемъ и облѣсеніемъ каспійскихъ степей, образованіемъ обширныхъ водныхъ бассейновъ въ районѣ Кумо-Манычской низменности и т. п.

Намѣтивъ главные пункты въ разработкѣ вопроса о физическихъ условіяхъ русскаго земледѣлія, авторъ замѣчаетъ: „Само собою разумѣется, что этотъ длинный перечень вопросовъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ того дѣла, которое должно

будетъ охватить проектируемое изслѣдованіе. Весьма вѣроятно, что постепенно будутъ выдвигаться новые, не менѣе серьезные вопросы, такъ какъ предстоящее поле для изслѣдованія, можно сказать, безгранично широко. Точно также несомнѣнно и то, что осуществленіе хотя бы и малой доли того, что̀ здѣсь намѣчено, потребуетъ весьма продолжительнаго времени, вызоветъ необходимость весьма крупныхъ затратъ и что плоды этихъ трудовъ и этихъ пожертвованій будутъ собираться лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но, съ другой стороны, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и то, что только при признаніи настоятельной неотложности и важности этихъ задачъ, только при немедленномъ вступленіи на путь серьезнаго изученія и улучшенія естественныхъ условій русскаго земледѣлія, будущность нашего сельскаго хозяйства, а съ нимъ и благосостояніе Русскаго государства, могутъ считаться обезпеченными. Иначе насъ ожидаетъ участь самая печальная и безотрадная, такъ какъ никакое богатство, никакая мощь Русскаго народа не будутъ въ состояніи вынести тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя нынѣ переживаетъ Русская земля, если они будутъ періодически повторяться. Между тѣмъ, нельзя скрывать отъ себя, что отъ повторенія подобныхъ бѣдствій мы пока ничѣмъ не гарантированы и что оно даже болѣе чѣмъ вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока дѣятельность человѣка будетъ направлена не къ улучшенію естественныхъ условій нашей страны, а только къ ихъ ухудшенію, какъ въ настоящее время, путемъ самой неразумной эксплуатаціи и расхищенія природныхъ богатствъ Русской земли“ (стр. 78).

Нельзя отрицать производительнаго значенія намѣченныхъ мѣръ. Единственный упрекъ можетъ быть сдѣланъ автору лишь въ трудности осуществленія указанныхъ имъ работъ, въ томъ, что при нашей неподвижности онъ требуетъ живой энергической дѣятельности. Едва ли удастся осуществить въ скоромъ времени изложенную программу, когда у насъ, при первенствующемъ значеніи земледѣлія, не имѣется еще точныхъ свѣдѣній о площади посѣвовъ хлѣбовъ, когда не организовано надлежащимъ образомъ исчисленіе урожая, когда нѣтъ наконецъ органа непосредственно заинтересованнаго въ благосостояніи земледѣлія. Кто будетъ заботиться объ исполненіи указанныхъ работъ, пока не будетъ организовано спеціальное вѣдомство для завѣдыванія земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Самыя лучшія мѣры

не принесутъ никакой пользы за отсутствіемъ примѣненія ихъ. Можно ожидать, что самыя обширныя всестороннія изслѣдованія въ результатѣ дадутъ одни лишь благожеланія и не будетъ достигнуто практическое осуществленіе разработанныхъ положеній. Трудно ждать успѣха въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ хозяина, нѣтъ заинтересованнаго и отвѣтственнаго лица.

Намѣтивъ мѣры къ улучшенію физическихъ условій русскаго земледѣлія, авторъ переходитъ къ экономической части своего изслѣдованія, разбирая причины плохаго состоянія крестьянскаго хозяйства, отмѣчая темныя стороны сельскаго быта и указывая способы улучшенія экономическаго положенія сельскаго населенія. Вслѣдствіе краткости замѣтки невозможно передать постепеннаго развитія сжато изложенныхъ основныхъ положеній автора. Въ общемъ эта часть изслѣдованія, вслѣдствіе сложности разбираемыхъ вопросовъ, оказывается однако нѣсколько слабѣе первой и въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуются болѣе подробныя всестороннія разъясненія.

Такъ, напримѣръ, говоря о затруднительномъ положеніи Крестьянскаго Поземельнаго Банка, авторъ рекомендуетъ повышеніе доплатъ, чтобы Банкъ „всегда требовалъ отъ желающихъ пріобрѣтать землю при его содѣйствіи дополнительной приплаты къ выдаваемой имъ ссудѣ, въ размѣрѣ не менѣе 20—25% съ покупной цѣны“ (стр. 118). Но, вопервыхъ, высокія доплаты могутъ вносить лишь болѣе состоятельныя лица, мало нуждающіяся въ помощи Банка, и при такой постановкѣ дѣла Банкъ утратилъ бы основную цѣль своей дѣятельности — противодѣйствовать малоземелью. Вовторыхъ, просматривая списокъ участковъ, оставшихся за Банкомъ, видимъ, что сюда входятъ земли, купленныя какъ безо всякой доплаты, такъ и съ очень высокою доплатой. Такъ, напримѣръ, за Банкомъ остались участки при слѣдующемъ отношеніи доплаты къ покупной суммѣ:

	Покупная сумма.	Ссуда Банка.	Доплата.	% отнош. доплаты къ суммѣ.
Вознесенское с. о.....	122.000	100.000	22.000	18%
Николаевское с. о.....	42.165	31.850	10.315	24,5%
Германовское т. д.....	49.000	37.000	12.000	24,5%
Новосвѣтловское с. о. ...	194.570	145.530	49.040	25%
Старо-Айдарское т. д.....	78.538	57.000	21.538	27,4%
Дмитріевское с. о.....	19.500	13.000	6.500	33,3%
Ново-Парафіевское т. д....	158.925	97.000	61.925	38,9%
Елизаветинское с. о.....	40.720	25.000	15.720	39%

Приведенная справка показываетъ, что высокая доплата далеко не всегда гарантируетъ исправный взносъ платежей заемщиками Банка. *Отчетъ Банка за 1884 годъ* сообщаетъ, что „доплаты оказываются иногда даже вредными,—это въ тѣхъ случаяхъ, когда покупщики, не имѣющіе достаточныхъ наличныхъ средствъ, вынуждены бываютъ прибѣгать къ обременительнымъ займамъ у мѣстныхъ ростовщиковъ или къ продажѣ части скота". *Отчетъ Банка за 1885 годъ* говоритъ: „Часто значительность доплаты изъ собственныхъ средствъ крестьянъ-покупщиковъ сама ведетъ къ ихъ платежной несостоятельности и продажѣ земли, такъ какъ для взноса подобной оплаты совершаются разорительные займы, уплата высокихъ процентовъ по которымъ, вмѣстѣ съ платежами Крестьянскому Банку, не можетъ быть покрываема доходомъ отъ купленной земли и обычныхъ заработковъ." Нѣкоторые отчеты по командировкамъ членовъ совѣта Банка указываютъ, что крестьяне для доплаты занимаютъ деньги изъ 3—4% въ мѣсяцъ, то-есть изъ 36—48% въ годъ, а иногда на еще болѣе обременительныхъ условіяхъ. При наличности подобныхъ фактовъ трудно согласиться съ авторомъ, чтобы разорительныя для крестьянскаго хозяйства высокія доплаты могли способствовать упроченію дѣятельности Крестьянскаго Банка. Очевидно, что этотъ вопросъ требуетъ болѣе подробной разработки.

То же самое приходится замѣтить относительно формъ крестьянскаго землевладѣнія, а также и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Несомнѣнно однако, что нѣкоторые пробѣлы въ частностяхъ не могутъ подорвать производительнаго труда автора, предлагаемаго въ качествѣ программы для изслѣдованія физическихъ и экономическихъ условій русскаго земледѣлія. Въ виду важности возбужденныхъ вопросовъ, изъ которыхъ многіе впервые выдвинуты на очередь, и блестящей разработки ихъ, книга *Неурожай и народное бѣдствіе* заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ, кто интересуется успѣхами сельскохозяйственной производительности и благоустройствомъ сельскаго быта. Можно по нѣкоторымъ вопросамъ не соглашаться съ выводами автора, можно оспаривать нѣкоторые изъ его положеній; но возбуждаемый интересъ только усиливаетъ значеніе этого изслѣдованія, затрогивающаго всѣ стороны хозяйственной дѣятельности крестьянина. Въ виду тѣсной связи крестьянскаго хозяйства съ владѣльческимъ книга *Неурожай и народное бѣдствіе* даетъ не мало полезныхъ

указаній и для владѣльческаго землевладѣнія, особенно первая ея часть, гдѣ пзслѣдуется вліяніе почвенныхъ и атмосферическихъ условій. Правда, что выясненіе причинъ еще не устраняетъ бѣдствія. Но важно одно уже установленіе правильнаго взгляда на существующія аномаліи, привлеченіе къ нимъ вниманія русской публики. Когда общественное мнѣніе убѣдится въ необходимости сельскохозяйственныхъ реформъ, тогда осуществленіе ихъ уже не встрѣтитъ затрудненій, и русское земледѣліе получитъ наконецъ надлежащую постановку.

Рекомендуя книгу *Неурожай и народное бѣдствіе* вниманію читателей, искренно желаемъ ей возможно широкаго распространенія, особенно въ средѣ лицъ интересующихся экономическимъ преуспѣяніемъ отечества. Чѣмъ болѣе будетъ у нея читателей тѣмъ скорѣе будетъ достигнута намѣченная въ ней цѣль—улучшеніе экономическаго состоянія сельскаго хозяйства въ Россіи, составляющаго основу производительныхъ силъ государства.

Л. Вороновъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1892 ГОДЪ

НА

литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ выходитъ безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изящная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки:** философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика,** библіографія. 6) **Корреспонденціи.**

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: **А. Н. Апухтинъ, Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, В. П. Желиховская, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крес овская, Котъ-Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій)** и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: **П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко Ѳ. И. Буслаевъ, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ Л. Н. Вороновъ, С. М. Георгіевскій, К. Ѳ. Головинъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ. И. И. Дубасовъ, С. А. Ермоловъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Ю. Зографъ, гр. П. А. Капнистъ, Н. Д. Кашкинъ, А. И. Кирпичниковъ, А. А. Кирѣевъ, Д. А. Коропчевскій, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ** и др.

ИНОСТРАННЫЕ СОТРУДНИКИ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), П. Бурже (Paul Bourget), М. де-Вогюэ (Melchior de-Vogüé), Г. Вельшингеръ (Henri Welschinger), Г. Аликсъ (Gabriel Alix), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Г. Джемсъ (Henry James), Ж. Симонъ (Jules Simon), В. Стэдъ (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи	15 р. 50 к.	8 р. — к.
За границу.....	19 „ — „	10 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Тверской бульваръ, домъ Зыкова, № 46,** въ книжныхъ магазинахъ: *Новаго Времени*, Вольфа, Оглоблина (въ Кіевѣ), въ конторѣ Н. Печковской и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

При перемѣнѣ адреса городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.

Заявленія о неисправности доставки сообщаются въ редакцію журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1890 и 1891 гг. можно получать въ редакціи по 12 руб. съ пересылкой за годовой экземпляръ.

Издатель Н. Боборыкинъ. **Редакторъ князь Д. Цертелевъ.**

AP
50
R86
g.3
May

Russkoe obozrîènie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY